

ДК
56
В-42

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

32

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ДК
56
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
В-42
И Н С Т И Т У Т В С Е О Б Щ Е Й И С Т О Р И И

Византийский временник

Том 32

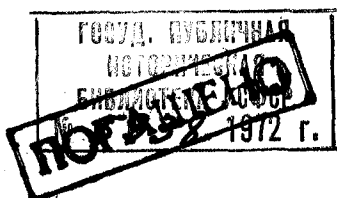

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1971

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Д. и. н. З. В. Удальцова (отв. редактор), действительный
член Академии художеств СССР М. В. Алпатов, д. и. н. А. П. Каждан,
член-корреспондент АН Грузинской ССР С. Г. Каухчишвили, д. и. н. Г. Л. Курба-
тов, член-корреспондент АН СССР В. Н. Лазарев,
д. и. н. Е. Э. Липшиц, к. и. н. Г. Г. Литаврин (зам. отв. редактора), к. и. н. Р. А. На-
следова (отв. секретарь), член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская,
д. и. н. Е. Ч. Скржинская, д. и. н. М. Я. Сюзюмов

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ХРОНИСТА
ИОАННА МАЛАЛЫ

Ни одно произведение византийской хронографии раннего периода не пользовалось в течение всего средневековья такой популярностью, как «Хронография» или «Всемирная хроника» Иоанна Малалы¹.

В научной литературе длительное время ведутся споры о личности автора этого знаменитого труда. Одни ученые отождествляют Иоанна Малалу с константинопольским патриархом Иоанном Схоластиком, уроженцем Антиохии, занимавшим патриарший престол в столице империи с 565 по 577 г.² Другие сближают Иоанна Малалу и Иоанна Антиохийского³. Третьи, наконец, без достаточных оснований переносят жизнь и деятельность хрониста даже в VIII в.⁴

Достоверно известно лишь то, что автор «Хронографии» Иоанн был сирийцем по происхождению и ритором по профессии. Сирийский термин «melel» — «ритор», аналог греческого ῥήτωρ, видимо, породил его прозвище — «Иоанн Ритор» (Ἰωάννης Μαλάλας)⁵. Время жизни Иоанна точно не установлено, но наиболее вероятным кажется, что жизнь хрониста протекала между 491—578 гг.⁶ Родился Иоанн Малала в Антиохии, где и получил классическое образование в школе ораторского искусства. Впоследствии Иоанн стал клириком и написал исторический труд в духе христианской идеологии.

Историческое произведение Иоанна Малалы дошло до потомков лишь в единственной рукописи XII в., хранящейся в Бодлеянской библиотеке. Хотя уникальный список «Хронографии» Малалы относительно позднего происхождения, анализ текста рукописи не обнаруживает в нем

¹ *Joannis Malalae Chronographia*, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831 (далее — *Malal.*).

² *J. Hanry*. Johannes Malalas identisch mit Patriarchen Johannes Scholasticos? — BZ, 9, 1900, S. 337—356.

³ *E. Patzig*. Johannes Antiochenus und Johannes Malalas. Progr. Leipzig, 1892; *E. W. Brooks*. The Date of the Historian John Malala. — EHR, 7, 1892, p. 291—301; *E. Patzig*. Die Abhängigkeit des Johannes Antiochenus von Johannes Malalas. — BZ, 10, 1901, S. 40—57.

⁴ *G. Sotiriadis*. Zur Kritik des Johannes von Antiochia. — «Jahrbücher für klassische Philologie». Suppl. 16, 1888, S. 1—25.

⁵ *V. Grumel*. Jean Malalas ou Malelas. — «Catholicisme», 6, 1964, p. 612.

⁶ *G. Moravcsik*. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 329—330. Литература о Малале — *ibid.*, S. 332—334. С. П. Шестаков показал, что славянский перевод «Хронографии» помогает разрешить спор о принадлежности части хроники Иоанну Антиохийскому или Иоанну Малале в пользу последнего. Этот же ученый выяснил, что упомянутый Евагрием в его «Церковной истории» антиохийский ритор Иоанн был не кем иным, как Иоанном Малалой (С. П. Шестаков. Иоанн Ритор (Ἰωάννης ὁ ῥήτωρ) в «Церковной истории» Евагрия. — «УЗ имп. Казанского ун-та», 1890, кн. 5, стр. 97—132).

каких-либо разновременных наслоений и его можно считать довольно близким по языку и стилю к оригиналу VI в.⁷

Труд Иоанна Малалы сохранился в далеко не полном виде. Начало и конец рукописи, кажется, безвозвратно утрачены. Последняя из сохранившихся книг «Хронографии» — 18-я книга, как видно, подверглась сильному сокращению и была отредактирована рукой какого-то неизвестного редактора. На это указывает неравномерность распределения материала в завершающей части сочинения. Действительно, если в первой половине 18-й книги «Хронографии» на 50 страницах текста освещается лишь 4 года правления Юстиниана, то в последней части этой же книги 30 годам царствования того же императора отводится всего 20 страниц. Повествование здесь делается суммарным, а изложение — крайне сухим⁸.

Однако благодаря тому, что отрывки из хроники Иоанна Малалы были вкраплены в сочинения других византийских писателей или переведены еще в средние века на различные языки с более пространным протографом, в настоящее время удается восстановить более полный по сравнению с Оксфордской рукописью текст этого выдающегося исторического произведения. Так, важные дополнения к Оксфордскому списку Малалы содержатся в знаменитых трудах Константина Порфирородного⁹. Особенно интересны отрывки из хроники Иоанна Малалы, сохранившиеся в рукописи Гроттаферратского монастыря и известные под названием *Fragmenta Tusculana*¹⁰⁻¹¹. Отдельные фрагменты хроники рассыпаны по другим многочисленным рукописям; нередко они соседствуют с отрывками из сочинения Иоанна Антиохийского.

Большую помощь в воссоздании полного текста сочинения Малалы оказывают переводы хроники на языки других народов. Наиболее ранним среди иноязычных версий сочинения Иоанна Малалы является перевод на латинский язык, входивший в состав Палатинской хроники VIII в.¹² Не менее ценны переводы «Хронографии» на грузинский¹³ и особенно на старославянский языки¹⁴, также восходящие к более раннему, чем дата Оксфордской рукописи, времени. Так, перевод труда Иоанна Малалы на старославянский язык некоторые исследователи относят к X—XI вв.¹⁵ Использование неизвестных нам более древних списков

⁷ *Catalogi codicum manuscriptorum Bibliothecae Bodleianae in Oxford*, 182; S. XI, f. 1—334; K. Krumbacher. *Geschichte der Byzantinischen Litteratur*. München, 1897, S. 329—330; G. Moravcsik. *Op. cit.*, S. 330—331.

⁸ Это породило даже гипотезу о существовании двух авторов хроники Иоанна Малалы, на чем мы остановимся ниже в другой связи.

⁹ *Constantini Porphyrogeneti Excerpta de insidiis*, ed. C. de Boor. Berolini, 1905, p. 151—176; *idem. Excerpta de virtutibus et vitiis*, ed. Th. Büttner-Webst, I. Berolini, 1906, p. 157—163.

¹⁰⁻¹¹ A. Mai. *Spicilegium Romanum*, II. Romae, 1839, Appendix, p. 1—28; PG, t. 85, col. 1807—1824; A. Rocchi. *Codices Cryptenses seu Abbatiae Cryptae Ferratae in Tusculo digesti et illustrati*. Romae, 1884, p. 401—402.

¹² A. Mai. *Spicilegium Romanum*, IX. Romae, 1843, p. 118—140; PL, t. 94, col. 1161—1174; L. Traube. *Chronicon Palatinum*. — BZ, 4, 1895, S. 489—492.

¹³ C. E. Gleye. *Die grusinische Malalasübersetzung*. — BZ, 22, 1913, S. 63—64.

¹⁴ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. — Записки АН, сер. VIII, т. 1, № 3. СПб., 1897; «Летопись историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете», т. X. Одесса, 1902; т. XIII, 1905; т. XV, 1909; т. XVII, 1913; «Сборник ОРЯС», т. 89, № 3. СПб., 1911; т. 89, № 7, 1912; т. 90, № 2, 1913; т. 91, № 2, 1914. См. также: *Chronicle of John Malalas. Books VIII—XVIII*, translated from the Church-Slavonic by M. Spinka — Gl. Downey. Chicago, 1940; Н. А. Мещерский. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. — ВВ, XI, 1956, стр. 279—284.

¹⁵ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, I. М., 1866, стр. 50—51. А. Шахматов. Древнеболгарская энциклопедия X в. — ВВ, VII, 1900, стр. 1—36; В. М. Истрин. Из области древнерусской литературы. Очерк III. — ЖМНП, ч. 350, 1903, ноябрь, стр. 167—186; З. В. Удальцова. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руск. — АЕ. М., 1966, стр. 47—58.

делало их немаловажным источником для восстановления текста хрониста¹⁶.

Всемирная хроника Иоанна Малалы охватывала период времени с древнейших времен до конца правления императора Юстиниана включительно. В Оксфордской рукописи хроника Малалы заканчивается 563 г., но есть предположение, что существовало ныне утерянное заключение (о чем говорят отдельные фрагменты), доведенное либо до 565 г., т. е. до конца царствования Юстиниана, а возможно даже и до 574 г.¹⁷

Хронологический охват исторического повествования Малалы поистине огромен: труд начинается с освещения библейской истории, затем в переработанном виде излагаются греческая мифология и история народов Востока. Перед читателем проходит вся древняя история Римского государства, предстает эллинистический мир в эпоху Диадочов, идут чередой римские и византийские императоры¹⁸. Хронику увенчивает поразительный по беспристрастности и разнообразию материала рассказ о царствовании Юстиниана.

Хроника Иоанна Малалы, как утверждает сам автор, основана на многих источниках, в том числе на трудах античных авторов, но хронист далеко не всеми ими пользуется непосредственно, а берет главным образом из вторых рук — из более поздних компиляций римского и византийского времени.

Так, например, для истории Троянской войны Малала использует компиляцию, известную под именами Диктиса Критского¹⁹ и Сислера Кеосского; при изложении античной истории Греции и Рима он руководствуется трудами Секста Юлия Африкана и хрониками Домника и Нестория²⁰. Сочинение Нестория дает возможность Малале довести изложение событий до 477 г. При описании фактов последующего времени, вплоть до 502 г., Малала следует за всемирной хроникой Евстафия Епифанийского²¹.

Сам Малала указывает при определении хронологии событий, что он пользовался хрониками Климента, Феофила, Тимофея и Евсевия, сына Памфила. При этом он отдает предпочтение хронологии Феофила и Тимофея²². Однако трудно сказать, что именно было заимствовано Малалой

¹⁶ С. П. Шестаков, сравнив греческий оригинал и различные фрагменты хроники Малалы со славянским переводом, убедительно доказал, что славянский переводчик использовал более полную, не дошедшую до нас рукопись Малалы и что славянский перевод имеет поэтому огромное значение для восстановления первоначального текста хроники. См.: С. П. Шестаков. О значении славянского перевода хроники Иоанна Малалы для восстановления и исправления ее греческого текста. — ВВ, I, 1894, стр. 503—552; С. П. Шестаков. Прибавление к статье «О значении славянского перевода Малалы». — ВВ, II, 1895, стр. 372—377. См. также: Э. М. Шусторович. Древнеславянский перевод хроники Иоанна Малалы (История изучения). — ВВ, 30, 1969, стр. 136—152.

¹⁷ G. Moravcsik. Op. cit., S. 330; E. W. Brooks. Op. cit.; E. A. Черноусов. Из этюдов по Малале. — «Сб. в честь С. А. Жебелева». JL, 1926.

¹⁸ A. Schenk von Stauffenberg. Die römische Kaisergeschichte bei Malalas. Stuttgart, 1931.

¹⁹ E. Patzig. Dictys Cretensis. — BZ, I, 1892, S. 131—152; F. Nogack. Der griechische Dictys. — «Philologus», Suppl. 6, 1891—1893, S. 403—500; M. E. Griffin. Dares a Diktys. Baltimore, 1907; E. Patzig. Das griechische Dictysfragment. — BZ, 17, 1908, S. 382—388; idem. Malalas und Dictys führen zur Lösung eines archeologischen Problems. — Byz., 4, 1927/28, S. 281—300.

²⁰ G. Moravcsik. Op. cit., S. 330; H. Gelzer. Sextus Julius Africanus und die byzantinische Chronographie, I. Leipzig, 1880, S. 57—74; II. 1885, S. 129—238; H. Haupt. Dares, Malalas und Sisippos. — «Philologus», 40, 1884, S. 107—121; H. Bourrier. Über die Quellen der ersten vierzehn Bücher des Johannes Malalas, I—II. Progr. Ansburg, 1899/1900; H. Gelzer. Zu Africanus und Johannes Malalas. — BZ, 3, 1894, S. 394—395.

²¹ P. Maas. Eine neue Handschrift der Weltgeschichte des Eustathios von Epiphaneia. — BZ, 38, 1938, S. 350.

²² Malal., p. 428.

из этих хроник, ибо они (за исключением хроники Евсевия) утеряны. Заимствования же из Евсевия сравнительно незначительны.

Некоторые ученые полагают, что Малала имел в руках городские анналы Антиохии. Это, на наш взгляд, сомнительно, ибо он довольно кратко говорит о событиях из жизни этого города, а одно ни к чему не обязывающее упоминание об анналах Антиохии не является еще доказательством того, что они были источником его 18-й книги ²³. Также нет вполне достоверных данных об использовании Малалой городской хроники Константинополя.

Недостаточная осведомленность Малалы в политических вопросах и незнакомство с тайными пружинами придворной и дипломатической игры своего времени не дают возможности предположить, что нашему хронисту были доступны государственные документы. Правда, в своей хронике Малала часто упоминает о различных законах и государственных предписаниях, в частности, о законах, изданных Юстинианом. Но при этом он неизменно прибавляет, что эти законы были посланы императорской канцелярией по городам и церквам империи и доводились властями до сведения народа. В частности, Малала рассказывает об одном эдикте, который был написан на греческом языке на деревянных таблицах и выставлен в Антиохии для всеобщего обозрения ²⁴. Иными словами, нашему хронисту были доступны лишь те государственные предписания, которые имели широкое распространение среди всего населения Византийской империи, а не хранились в государственных или городских архивах.

Интересен вопрос о связи хроники Малалы с сирийской литературной традицией. Н. В. Пигулевская показала, что сочинение Иоанна Малалы было тесными узами связано с историей Сирии, и особенно с историей родного города нашего хрониста Антиохией ²⁵. Кроме того, эта же исследовательница установила зависимость некоторых разделов труда Малалы от Нонна и сирийского писателя Иоанна Эфесского. В целом она считает хронику Малалы вульгаризованной версией труда Иоанна Антиохийского, который являлся общим источником для нескольких византийских авторов ²⁶.

Изучение источников Иоанна Малалы далеко еще не завершено. Очевидно, что Малала широко использовал устную традицию, о чем свидетельствует частое употребление им таких выражений, как *ὡς εἰδότες λέγουσι* «как говорят знающие люди» ²⁷ и т. п.

Для описания многих событий конца V—VI в. Иоанн Малала мог воспользоваться устными рассказами очевидцев старшего поколения. По его собственным словам, о времени Зиновия и правлении Юстиниана он писал самостоятельно. Значительную роль в создании исторического сочинения Малалы, естественно, сыграли личные наблюдения и жизненный опыт автора.

* * *

Наиболее сложным вопросом при изучении исторического сочинения Малалы является вопрос о мировоззрении нашего хрониста.

18-я книга «Хронографии» Малалы, посвященная описанию царствования Юстиниана, современником которого был автор, естественно, проливает наиболее яркий свет на социально-политические и религиозные взгляды этого писателя.

²³ *Malal.*, p. 431.

²⁴ *Ibid.*, p. 470.

²⁵ Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М., 1964, стр. 13.

²⁶ Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М., 1951, стр. 223—224.

²⁷ *Malal.*, p. 456, 457, 466 etc.

Важнейшим показателем при определении политической направленности произведения Иоанна Малалы (впрочем, как и других современных ему авторов) является его отношение к правлению императора Юстиниана. И здесь мы должны признать, что наш хронист вполне лоялен, а порою даже благожелателен к этому правителю. Образ Юстиниана рисуется автором с явной симпатией; Малала подчеркивает внешнюю привлекательность Юстиниана, его великодушие, преданность христианской вере.

«Был он низкого роста, — пишет Малала, — широкогрудый, с красивым носом, белым цветом лица, курчавыми волосами. Был круглолиц, красив, хотя и без волос на лбу, цветущий на вид, но борода и голова его поседели, великодушный, христианин. Любил партию венетов. Он был фракийцем, родом из Бедериян»²⁸.

В отличие от Прокопия, всячески порочащего императора и осуждающего его за жадность и грабежи подданных, Малала очень часто рассказывает о различных милостях Юстиниана в отношении населения империи. По его словам, этот правитель постоянно заботился о строительстве новых городов и реставрации старых. Особенно внимательно он следил за благоустройством столицы и других крупных центров империи: он украсил Константинополь красивыми зданиями, построил цистерны, обновил водопровод²⁹. По указанию Юстиниана был реставрирован водопровод и в Александрии³⁰. Большие суммы из императорской казны тратились на помощь городам Византийской империи. Так, император, по рассказу Малалы, пожертвовал городу Лаодикее, пострадавшему от землетрясения, два кентенария золота на восстановление стен и зданий³¹. По приказу Юстиниана на государственные средства было произведено обновление построек города Мартирополя в Армении, переименованного в Юстинианополь³². Тот же император помог деньгами из своей казны восстановлению городов Сики³³, Амасии Понтийской³⁴, Помпейополю в Мисии³⁵, столице Ликии городу Мире³⁶ и многим другим городам Византийского государства, пострадавшим от каких-либо стихийных бедствий. Малала красочно описывает землетрясения в Помпейополе и рассказывает о помощи правительства Юстиниана жителям этого города. Он пишет: «В то же самое время пострадал от божьего гнева Помпейополь в Мисии: ведь когда произошло землетрясение, неожиданно раскололась земля и поглотила половину города вместе с жителями, и они оказались под землей. Крики их доносились к спасшимся. Император считал делом своей чести производить траты для того, чтобы откопать и спасти находившихся под землей, а также для того, чтобы восстановить город в интересах живых»³⁷.

Щедрость императора, по данным хрониста, проявилась во всей полноте особенно тогда, когда землетрясение невиданной силы произошло почти во всех провинциях Востока, бедствие охватило всю Палестину, Аравию, Месопотамию, Антиохию, прибрежную Финикию и Ливанегию. «В этой

²⁸ *Malal.*, p. 425: ... ἦν δὲ τῇ ἰδέᾳ κονδοειδής, εὐστηθός, εὐρινός, λευκός, οὐλόθριξ, τρογγύλοφς, εὐμόρφος, ἀναράλας, ἀνθρωπορσίσιπος, μισοπόλιος τὴν κάραν καὶ τὸ γένειον, μεγαλόφυλος, Χριστιανός. ἔκαιρε δὲ τῷ Βενέτῳ μέρει, καὶ αὐτός δὲ ὢν Θράξ ἀπὸ Βεδεριάνας. Однако Малала не дает психологической характеристики Юстиниана, в отличие от портретов римских императоров: O. Schissel von Fleschenberg. Die psychoetische Charakteristik in den Portraits der Chronographie des Johannes Malalas. — «Studien zur vergleichenden Literaturgeschichte», 9, 1910.

²⁹ *Ibid.*, p. 435—436.

³⁰ *Ibid.*, p. 445.

³¹ *Ibid.*, p. 443.

³² *Ibid.*, p. 427.

³³ *Ibid.*, p. 430.

³⁴ *Ibid.*, p. 448.

³⁵ *Ibid.*, p. 436—437.

³⁶ *Ibidem.*

³⁷ *Ibidem.*

катастрофе, — пишет Малала, — пострадали города: Тир, Сидон, Бейрут, Триполи, Библ, Вотрис (Βότρως) и части других городов. Погибло в них множество людей. В городе Вотрисе откололась часть прилегающей к морю горы, называемой Литопросопос, она сползла в море и образовала гавань, так что туда могли входить довольно большие суда. Раньше же в этом городе гавани не было. Император послал деньги во все епархии и восстановил постройки этих городов»³⁸.

Для характеристики лояльного отношения Малалы к правительству Юстиниана очень показательно также, что хронист, в отличие от других источников VI в. (в первую очередь Прокопия и Иоанна Лиды), неустанно жалующихся на налоговые притеснения этого императора, или совсем хранит молчание о налоговых тяготах, или, наоборот, хвалит милостивую финансовую политику Юстиниана, освобождавшего своих подданных от налогов. Так, он рассказывает, что после переименования Антиохии в Теополис Юстиниан «... одарил божественной милостью антиохийцев, лаодикейцев и селевкийцев, облегчив им уплату налога на три года, пожаловав этим городам 200 либров золота, а их властителям достоинство иллистриев»³⁹. Малала упоминает и о других налоговых льготах, дарованных Юстинианом населению страны⁴⁰.

Малала прославляет благотворительность и щедрость Юстиниана. Так, хронист повествует о том, что Юстиниан оказал большую милость жителям столицы Сирии, подарив им в знак своего благоволения собственные одежды, украшенные драгоценностями, которые были как святыня повешены в церкви Кассиана в Антиохии⁴¹.

Широко известны многочисленные обвинения Прокопия, выдвинутые им против Юстиниана в «Тайной истории». Особое негодование Прокопия вызывает политика захвата имущества знати. Прокопий обвиняет Юстиниана в том, что он отнимал имущество богатых и знатных граждан, принуждая их завещать ему свои богатства в ущерб интересам их наследников. В противовес Прокопию Малала приводит случай, когда император принял по завещанию явно убыточное наследство комита domestikов Евлалия, заплатив из казны его долги и дав из своих собственных средств большое приданое трем дочерям умершего вельможи⁴².

Очень положительно характеризует Малала законодательную деятельность Юстиниана. Хронист при этом подчеркивает особое значение тех законов, которые были направлены в какой-то степени и на улучшение положения большинства граждан византийского государства.

Симптоматично, что Малала выделяет из общей массы законов, изданных Юстинианом, именно такие, которые ограничивали произвол архонтов и судей и давали какие-то гарантии гражданам. Так, он пишет, что Юстиниан издал новый закон, направленный против возможных злоупотреблений правителей провинций: на время их пребывания в должности им запрещалось приобретать в провинции земли, строить дома, ибо при этом они могли использовать свое служебное положение в ущерб местным землевладельцам⁴³.

³⁸ *Malal.*, p. 485.

³⁹ *Ibid.*, p. 444.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 437.

⁴¹ *Ibid.*, p. 450.

⁴² *Ibid.*, p. 439—440. Малала рассказывает при этом, что куратор императорского имущества Македонии, узнав о том, что наследство Евлалия обременено долгами, советовал Юстиниану от него отказаться. Император же якобы ответил ему: «Почему ты мешаешь мне принять наследство и сделать благочестивое дело? Иди и оплати его долги и исполни то, что он завещал. Трех дочерей его повелеваю отвести к августу Феодоре и охранять их при императорской спальне. Повелеваю дать им в приданое по 20 либров золота и все имущество, которое оставил их отец».

⁴³ *Ibid.*, p. 437: «Тот же самый император, — пишет Малала, — обновив законы, установленные ранее правившими императорами, и издав новые, разослал их по городам, чтобы архонт во время исполнения своей должности, пока он таковым является,

Малала упоминает также о нововведениях Юстиниана в сфере семейного права и права наследования: о наследовании имущества незаконными детьми, о праве наследников предъявлять иск о наследстве без ограничения срока и о других подобных постановлениях, защищавших интересы наследников ⁴⁴.

Особенно показательно для характеристики политических взглядов Иоанна Малалы прославление им тех эдиктов Юстиниана, которые были направлены на пресечение злоупотреблений судей и на упорядочение судопроизводства. По словам Малалы, Юстиниан издал свод древних законов и разослал его по городам с приказом, чтобы судебное разбирательство велось без волокиты и тяжущиеся не подвергались притеснениям и чтобы дела рассматривались как можно быстрее ⁴⁵. Кроме того, император обнародовал законы, составленные в интересах людей, призванных к суду, приказав, чтобы судьи и другие чиновники не брали спортул и подарков больше установленного размера ⁴⁶.

Все это показывает, что Малалу из огромной массы законов, изданных при Юстиниане, в первую очередь интересовали те, которые были непосредственно выгодны населению и связаны с облегчением его положения. Именно за издание подобных законов одобряет хронист законодателя.

Внимание нашего хрониста привлекает также административная деятельность Юстиниана. Правда, он осведомлен о ней значительно хуже, чем его современники Прокопий и Иоанн Лид, ближе стоявшие к правящим кругам империи. Более всего ему известно о переменах в административном устройстве восточных областей византийского государства. Так, Малала сообщает об административных реформах Юстиниана в Армении, об учреждении там должностей консулов Армении и о привлечении к управлению этой провинцией местной знати ⁴⁷. Насущный интерес для автора представляют изменения в административном устройстве Сирии, о чем он сообщает с большими подробностями ⁴⁸. При этом он не забывает сказать о том, какие изменения в церковном устройстве и распределении епархий влекли за собой административные преобразования Юстиниана.

Что касается всей совокупности административных реформ Юстиниана, так хорошо отраженных в новеллах этого императора и отчасти в трудах Прокопия и Иоанна Лиды, то о них хронист знает мало и сообщает лишь о самом главном. Он упоминает о том, что вскоре после восстания Ника Юстиниан уничтожил должность ночного эпарха столицы и вместо него назначил претора ⁴⁹. Однако Малала не вскрывает социальный смысл

не строил дом и не приобретал землю, кроме как от своего родственника, для того чтобы совладельцы не испытывали насилия или чтобы кто-либо не был вынужден, оказывая уважение должностному положению архонта, составить завещание в его пользу».

⁴⁴ *Malal.*, p. 437: «... равным образом и о незаконных детях, чтобы наследовали имущество в соответствии с законом Анастасия. И о наследнике, чтобы можно было ему требовать наследство, когда он захочет, и чтобы срок для этого не был ограничен».

⁴⁵ *Ibid.*, p. 448: «В то же время был составлен свод древних законов. Составив новые законы, он [император] разослал их по всем городам, чтобы тяжущиеся не подвергались волокиты и притеснениям, но чтобы дело производилось как можно быстрее. Объединив их [законы] в одну книгу, он послал ее в Афины и Бейрут».

⁴⁶ *Ibid.*, p. 470—471: «Император послал по всем городам законы, составленные в интересах людей, призываемых к суду, и касающиеся расходов, необходимых при рассмотрении дел, а также подарков, приказав, чтобы никто не смел брать подарки сверх установленного им размера» (... ὁμοίως δὲ καὶ περὶ τῶν παρεχομένων σπορτούλων, δεσπότης μὴδὲν τολμᾶν λαμβάνειν περαιτέρω τῆς παρ' αὐτοῦ τυπωθείσης ποσότητος).

⁴⁷ *Ibid.*, p. 429.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 448: «Этот же император, — пишет Малала, — отделил от Антиохии первой Сирии города: Лаодикею, Габалу и Палтон, а от Аламеи второй Сирии город Баланею и образовал епархию, назвав ее Феодориadou и дав ей право иметь митрополита. Епископа же Лаодикеи он освободил от подчинения патриарху Антиохии».

⁴⁹ *Ibid.*, p. 479: ... περιγρήθη δὲ τῷ αὐτῷ χρόνῳ ἢ τοῦ νυκτεπάρχου ἀρχῆς, καὶ ἐγένετο αὐτῷ αὐτοῦ πραιτωρ· καὶ τῷ αὐτῷ ἔτει προεβλήθη κοιναίσι τω... Упомянув об учре-

этого нововведения, направленного на усиление борьбы с народными восстаниями⁵⁰.

Итак, верноподданническое отношение Иоанна Малалы к правлению Юстиниана, отсутствие даже намек на критическую оценку внутренней или внешней политики самодержца ромеев убеждают нас в том, что по своим политическим воззрениям хронист принадлежал к лояльно настроенным кругам византийского общества.

Сложной проблемой, породившей горячие споры в византиноведческой литературе, является вопрос о религиозных взглядах Малалы. Дискуссия сводилась к тому, был ли Малала приверженцем ортодоксального никейского вероисповедания или монофиситом? Некоторые ученые обнаруживали в хронике следы монофиситских взглядов, что, однако, противоречило ортодоксальности заключительной части 18-й книги исторического труда Малалы⁵¹.

Это противоречие пытались разрешить, выдвинув две гипотезы. Согласно первой из них, существовало два хрониста — ортодокс и монофисит, которые и являются якобы соавторами произведения, известного под названием «Хронографии» Иоанна Малалы. Другие исследователи воздерживались от столь крайнего суждения и ограничивались гипотезой о том, что монофиситский труд Малалы был подвергнут в последней своей части обработке со стороны какого-то неизвестного ортодоксально настроенного редактора⁵².

Приглядимся ближе к религиозным воззрениям Малалы в том виде, как они проявляются в его историческом сочинении.

Прежде всего бросается в глаза, что при всей своей благочестивости хронист остается в стороне от современных ему жгучих догматических споров и не высказывает о них каких-либо суждений. Он вообще очень сдержан и немногословен при описании церковных дел.

В оценке религиозной политики Юстиниана у Малалы проскальзывает некоторая двойственность. Официозное восхваление его церковной деятельности сочетается с некоторыми критическими замечаниями или симптоматичными умолчаниями. Однако официозно-ортодоксальная точка зрения постоянно берет верх. Хронист подчеркивает благочестие василевса⁵³ и его заботу об интересах церкви. Так, например, он упоминает о знаменитом эдикте Юстиниана, запрещавшем отчуждать церковное имущество. «В то же время, — пишет он, — император издал указ о епископах, орфанотрофах, экономах и ксенодохах: каждый пусть составляет завещание, но только в отношении того имущества, которое он имел в собственности прежде, чем занял эту должность; пусть только это он и завещает. И немедленно, как только он назначался, указывалось его имущество»⁵⁴.

Особенно хвалит Малала императора за политику распространения христианства среди варварских народов. Малала прославляет такой акт церковной политики, как крещение гуннов⁵⁵, христианизацию аксумитов⁵⁶. Он неустанно подчеркивает, что Юстиниан, придавая столь боль-

жении должности претора, Малала имеет в виду претора плебса. Однако он допускает ошибку, говоря о создании должности квестора, когда в действительности была введена новая магистратура квеститора, а не квестора (Nov. Just., 13; *Procop.*, Н. а., XX, 12—14).

⁵⁰ «История Византии», т. 1. М., 1967, стр. 295.

⁵¹ E. Patzig. Der angebliche Monophysitismus des Malalas. — BZ, 7, 1898, S. 111—128; C. E. Gleye. Über monophysitische Spuren im Malalaswerke. — BZ, 8, 1899, S. 312—327.

⁵² K. Krumbacher. Op. cit., S. 331 f.

⁵³ Malal., p. 425.

⁵⁴ Ibid., p. 430; Nov. Just., VII.

⁵⁵ Malal., p. 431. Речь идет о крещении гуннов, живших близ Боспора, и о принятии христианства их королем Гродом.

⁵⁶ Ibid., p. 434.

шое значение миссионерской деятельности, постоянно был сам восприимчивым при крещении варварских правителей⁵⁷.

Для определения религиозных взглядов Малалы очень показательно его отношение к гонениям против еретиков и язычников, начатым в правление Юстиниана. В начале своего труда автор весьма сдержан в этом вопросе. Малала просто констатирует факт запрещения различных ересей и говорит, что у еретиков, кроме ариан-экзакционитов, были отобраны церкви⁵⁸.

Иное отношение встречаем мы у автора, когда он переходит к описанию гонений в Персии против манихейской ереси. Здесь уже сочувствие Малалы на стороне гонителей, и он оправдывает массовое истребление манихеев, тем более что их церкви передавались христианам. Хронист пишет: «В то же время в персидских областях обнаружилась манихейская ересь. Узнав об этом, царь персов (Кавад. — З. У.) разгневался, так же как и верховные маги персов. Ведь был у этих манихеев и епископ по имени Индарадзар. Персидский царь устроил совет и, собрав всех манихеев вместе с епископом, отдал приказание стоявшему вокруг вооруженному войску, и были зарублены мечами все манихеи и их епископ вместе со своим клиром. Все они были убиты на глазах самого царя и христианского епископа. Имущество их было конфисковано, а церкви переданы христианам. Он же (Юстиниан. — З. У.) разослал по своей стране божественный указ о том, чтобы сжигали уличенных в манихействе»⁵⁹.

Когда позднее новый шах Хосров I Аношарван при вступлении на престол принужден был разрешить манихеям безбоязненно следовать своей вере, подобная веротерпимость персидского правителя не вызвала сочувствия хрониста⁶⁰.

Особенно неупреклонен Малала в своем враждебном отношении к самаритянам и иудеям, гонения против которых он полностью оправдывает⁶¹.

Малала хорошо осведомлен о том, что гонения против еретиков вызвали огромное недовольство населения и народные волнения, особенно в восточных провинциях империи, в частности, в родном городе писателя — Антиохии. Хронист очень живо описывает столкновения в Антиохии, порожденные преследованиями еретиков. «По городам, — пишет он, — были посланы сакры, чтобы отправить в изгнание тех, кто не ходит в святые церкви, ссылаясь на постановление Халкидонского собора шестисот тридцати. В Антиохии произошло волнение, и димы устремились в резиденцию епископа, кидая камни и выкрикивая оскорбительные слова. Когда те, кто находился в патриархии, вышли вместе с комитом Востока, то, бросая камни и стрелы, они погубили многих восставших. О сделанном было доложено императору, который многих приказал казнить»⁶².

Эта картина религиозной борьбы, нарисованная, как кажется, очевидцем событий, свидетельствует о том, что Малала не оставался равнодушным к столкновениям еретиков (скорее всего монофиситов) и православных, но не решался открыто высказаться против правительственной политики, хотя, быть может, втайне и сочувствовал гонимым. Однако прямых доказательств приверженности писателя к монофиситской ереси, думается, здесь усмотреть нельзя.

Никакой симпатии не вызывают у нашего автора и гонимые эллины. «В то же самое время было великое гонение на эллинов и было подверг-

⁵⁷ *Malal.*, p. 438.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 428.

⁵⁹ *Ibid.*, p. 444.

⁶⁰ *Ibid.*, p. 472.

⁶¹ *Ibid.*, p. 445—447, 487. О восстаниях самаритян и об отношении к ним Малалы мы скажем ниже.

⁶² *Ibid.*, p. 468.

нуто конфискации имущество многих людей, среди которых умерли Македоний, Асклепидот, Фока, сын Кратера, и квестор Фома. Многие этим были сильно напуганы. Император издал указ, чтобы эллины не принимали участия в управлении государством»⁶³.

Как и Прокопий, Малала указывает, что среди эллинов-язычников были представители старой знати, занимающие высокие государственные посты. Позднее, как сообщает Малала, гонения на язычников еще более усилились: арестованные язычники были с позором провезены по столице империи, их книги были сожжены, а также уничтожены изображения и статуи их «нечестивых богов»⁶⁴.

Несколько мягче, чем к эллинам-язычникам, относится Малала к другим еретикам: он сочувствует тому, что по отношению к ним Юстиниан сначала проявил известную умеренность. Сторонники других ересей должны были по приказу императора удалиться из ромейской земли, «впрочем, им была дана отсрочка на 3 месяца для приобщения к истинной вере»⁶⁵. Малала в дальнейшем кратко и сухо сообщает об издании Юстинианом эдикта против ересей: «Был составлен эдикт об истинной вере и против нечестивых еретиков. Он был разослан по церквам каждого города»⁶⁶.

К судьбам сторонников арианской ереси наш хронист совершенно равнодушен. Он лишь мельком сообщает о том, что после побед Велисария в Африке «были отняты церкви от ариан»⁶⁷.

Таким образом, можно высказать предположение, что Иоанн Малала в коренном вопросе церковной политики той эпохи — вопросе взаимоотношения православной церкви и различных еретических течений — внешне придерживается официальной точки зрения. Он открыто враждебен к таким еретическим сектам, как манихеи, весьма неприязнен к самаритянам и иудеям, более равнодушен к гонениям против ариан, ибо западные дела его интересуют меньше и он о них хуже осведомлен. О жгучем же для Востока вопросе взаимоотношений ортодоксов и монофиситов он открыто не говорит, хотя находится в курсе этой борьбы, а порою, быть может, и сочувствует монофиситам, столь сильным и многочисленным в Антиохии. Но открыто выражать свои симпатии к ним он все же не решается.

Различное отношение к отдельным еретическим движениям, нашедшее отражение в хронике Малалы, было, как известно, характерным для всей церковной политики Юстиниана, который был более жесток с ересями радикально-демократического направления и более умерен в отношении ариан и монофиситов⁶⁸.

Надо вместе с тем подчеркнуть, что церковная политика Юстиниана не всегда заслуживает полного и безусловного одобрения хрониста. Так, он недоволен нарушением императором поста⁶⁹ и весьма холодно говорит об эдикте, касающемся расхождения в исповедании веры, по которому, после слияния (объединения) не следует говорить об одной природе Христа, а надо признавать две природы⁷⁰. В данном случае имеется в виду знаменитый эдикт Юстиниана, направленный непосредственно против монофиситов, но в котором сам Юстиниан впал в ересь инкорруптиколов (*incorrupticoles*), ярых противников Севера.

⁶³ *Malal.*, p. 449.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 491.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 449.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 478.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 479.

⁶⁸ «История Византии», т. 1, стр. 273 сл.

⁶⁹ *Malal.*, p. 482: «... В ноябре месяце случилось нарушение поста. Император приказал на второй неделе [поста] продавать мясо. Все мясоторговцы кололи [скот] и продавали его, но никто не ел».

⁷⁰ *Ibid.*, p. 495: «... Καὶ τῷ αὐτῷ μηνὶ προσέτεθ' ἡδίκτον περὶ τῶν διακρινόμενων ἐν διαφοροῖς ἐκκλησίαις ὑπο τοῦ αὐτοῦ βασιλέως, ὅτι οὐ Χρὴ μετὰ τὴν ἐνωσιν λεγεῖν μίαν φύσιν, ἀλλὰ δύο ὁμολογεῖν».

Еретические заблуждения императора вызвали большое недовольство в стране, а также протесты константинопольского патриарха Евтихия и антиохийского патриарха Анастасия. Разгневанный император жестоко подавил это сопротивление, сместив с патриарших престолов и сослав Евтихия и Анастасия и вновь начав гонения на Востоке против еретиков ⁷¹.

Описание этих событий у Малалы, скупое и холодное, дает иногда основание предполагать его приверженность к вере монофиситов. Однако еретический эдикт Юстиниана вызвал недовольство не только монофиситов, но и православных, и отношение к нему Малалы еще не может быть достаточно веским аргументом в пользу его монофиситства.

Как аргумент в пользу монофиситства Иоанна Малалы иногда выдвигают также и то обстоятельство, что хронист, в отличие от церковных писателей ортодоксального направления, очень глухо говорит о таких «деяниях» Юстиниана, которые особенно прославлялись православным духовенством. Поразительна и его беспристрастность в описании постройки св. Софии, обычно вызывающей огромное восхищение всех ортодоксальных авторов ⁷²⁻⁷³.

И все же, на наш взгляд, это лишь весьма косвенные указания на монофиситские взгляды Малалы.

Вряд ли может служить подтверждением монофиситства хрониста и то обстоятельство, что он особо выделяет щедрость императрицы Феодоры, сторонницы монофиситов, в отношении духовенства. Действительно, у Малалы приводится довольно подробный рассказ о благотворительности Феодоры в отношении церквей: «... После окончания этого индикта августа Феодора с патрикияями и кубикуляриями отправилась в так называемые Питии в сопровождении 4 тысяч человек. Оказав большие милости местным церквям, она возвратилась в Константинополь» ⁷⁴.

Однако остается неясным, какие церкви столь щедро одарила Феодора; скорее всего это были церкви ортодоксального духовенства, ибо при всей своей приверженности к монофиситам императрица вряд ли могла решиться на столь открытое покровительство еретикам, что шло вразрез с официальной церковной политикой ее мужа.

Как и другие его современники, Малала очень суверен и склонен к описанию различных чудес, творимых святыми и мучениками ⁷⁵. Он верит в божественный промысел и объясняет волей бога исторические события. Так, бог, по словам Малалы, передал вождя восставших самаритян Юлиана в руки императора ⁷⁶. Бог же пожелал, чтобы заговор аргиропратов против Юстиниана не удался ⁷⁷. Страшный мор, безжалостно косивший население империи, считает Малала, был послан богом в наказание за беззакония людей ⁷⁸. Подобные примеры можно было бы умножить.

Итак, по нашему мнению, в труде Малалы нельзя усмотреть открытых выступлений автора в пользу монофиситов; здесь имеются лишь косвенные свидетельства его тайных симпатий к монофиситскому учению. Внешне же Малала вполне ортодоксален, и нет оснований говорить ни об эволюции его религиозных взглядов, ни о наличии православного

⁷¹ The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia, ed. J. Bidez and L. Parmentier. London, 1898, 4, 39—40; Vita Eutychii. — PG, t. 86, col. 2318—2319.

⁷²⁻⁷³ *Malal.*, p. 479, 495. О постройке св. Софии Малала говорит дважды. Первый раз он просто упоминает об этом событии: «В то же самое консульство было обновление (ἐγχαίνια) великой церкви». Второе сообщение о вторичном обновлении великой церкви — более подробно, хотя и без выражений особого восторга.

⁷⁴ *Ibid.*, p. 440.

⁷⁵ *Ibid.*, p. 452, 453.

⁷⁶ *Ibid.*, p. 446.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 493.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 482.

редактора, который якобы изменял последнюю часть хроники в духе ортодоксии.

Следует также отметить, что, в отличие от историков VI в., Малала очень мало интересуется философскими и вообще теоретическими вопросами. Так, он совершенно равнодушно говорит о закрытии Юстинианом Афинской философской школы⁷⁹. Все это свидетельствует о значительной ограниченности кругозора Малалы по сравнению с Прокопием, Агафием, Теофилактом Симокаттой, которые в своих трудах отводили большое место философским проблемам. Это равнодушие к философским вопросам говорит и о значительно меньшей образованности Малалы.

Для выяснения социально-политической направленности исторического сочинения Иоанна Малалы первостепенную роль играет исследование отношения нашего хрониста к острой классовой борьбе своего времени.

Читателя «Хронографии» буквально поражает необычайно большое внимание, которое уделяет автор описанию народных восстаний, происходивших в правление Юстиниана. При этом обычно симпатии хрониста на стороне византийского правительства.

При всей своей политической лояльности Иоанн Малала в описании народных восстаний, пожалуй, все же более объективен, чем чиновник и аристократ Прокопий. Известный демократизм всего труда Малалы оставил и здесь свой след. Находившийся в гуще событий, происходящих на рынках и площадях Антиохии и Константинополя, автор насытил свой рассказ о народных волнениях такими жизненными подробностями, которые ускользали от вращавшегося в придворных кругах Прокопия. Поэтому повествование Малалы о таких народных движениях, как восстание Ника и волнения самаритян, богаче красками и полнокровнее, чем сообщения других современных ему авторов.

Это, конечно, не означает, что все в рассказе Малалы заслуживает полного доверия и что его повествование лишено ошибок и недостатков. Общие слабости, присущие всей хронике Малалы, проявились, естественно, и в сообщениях о народных восстаниях. Так, Малала отказывается от попыток какого-то реального объяснения причин народных восстаний и дает им чисто провиденциалистское толкование, приписывая их «козням дьявола». Он пишет о восстании Ника: «В то же время в десятый индикт злые демоны создали предлог для мятежа в Византии»⁸⁰. Тот же «дьявол внушил», по мнению Малалы, прасинам и венецам «дурную мысль объединиться»⁸¹.

Вместе с тем именно Малала сообщает наиболее конкретные данные о социальном характере восстания Ника и об участии в нем народных масс. Народ в его рассказе выдвинут на первый план, он — главное действующее лицо событий, в отличие от рассказа Прокопия, который много места в своем повествовании о восстании Ника отводит деятельности сенаторов и событиям во дворце. Так, народ не только присутствует при событиях, послуживших поводом к восстанию, — при казни семи прасинов и венецов, но и спасает сорвавшихся с виселицы⁸². Затем именно народ играет главную роль в столкновениях на ипподроме и в городе.

Малала пишет о центральных событиях восстания 532 г. в Константинополе следующее: «Когда 13 января на ипподроме проводились игры, обе партии призвали императора быть милостивым. Они кричали до 22 байи, но не удостоились ответа. Когда же дьявол внушил им дурную мысль, они стали кричать друг другу: «Многая лета человеколюбивым прасинам и венецам!» Окончив игры, толпа вышла в дружном единодушии,

⁷⁹ *Malal.*, p. 451: «В консульство того же самого Деуя император послал в Афины указ, приказав, чтобы никто не преподавал философию и не толковал законы».

⁸⁰ *Ibid.*, p. 473.

⁸¹ *Ibid.*, p. 474.

⁸² *Ibid.*, p. 478.

взяв себе в качестве пароля слово «Ника!» для того, чтобы не применялись к ним солдаты и экскубиторы. И таким образом она начала бушевать. Когда же наступил вечер, они пришли в преторий эпарха города, прося ответа относительно беглецов, находящихся в храме св. Лаврентия. Не получив ответа, они подожгли этот преторий»⁸³. Описав пожары в городе, хронист добавляет: «а народ продолжал беспорядочно бушевать»⁸⁴. Именно «восставшую толпу» затем тщетно пытаются разогнать солдаты Мунда, Константина и Василида. Народ и димоты составляют основную военную силу восстания, ведут бой с готами Велисария на улицах столицы. После того как в этой стычке многие димоты были убиты, «... раздраженная толпа бросала огонь и в другие места и кого-то в беспорядке убивала»⁸⁵.

Малала очень ярко показывает стихийность народного восстания, отсутствие единства среди восставших. «18 числа того же самого месяца, — пишет Малала, — император пришел на ипподром, держа святое евангелие. Узнав об этом, пришла и чернь (οἱ ὄχλοι), и император обратился к ним со словами клятвы. Многие из народа провозглашали его императором, другие же бунтовали, выкрикивая Ипатия»⁸⁶. Димы и толпа народа проводят коронацию Ипатия⁸⁷. И именно народ оказался главной жертвой во время трагедии на ипподроме, завершившей это восстание. «... Незаметно вышел кубикюлярий и спафарий Нарсес и привлек на свою сторону некоторых [людей] из партии венетов, подкупив их деньгами. И взбунтовавшись, кто-то из толпы стал выкрикивать Юстиниана императором города. Толпа, разделившись, устремила друг на друга. Когда же с обоих входов на ипподром вошли стратилаты, они начали уничтожать народ: одни бросали стрелы, а другие действовали мечами»⁸⁸.

В отличие от Прокопия, Малала хранит молчание о событиях в императорском дворце, о совете у Юстиниана, знаменитом выступлении на нем Феодоры, о поведении советников императора, сенаторов, гвардии. Скорее всего он просто не осведомлен обо всем этом, а знает лишь то, что происходило в самом городе. Но факты народного восстания он описывает правдивее и подробнее, чем его знатный собрат по перу.

О первом и втором восстаниях самаритян Малала сообщает многие интересные подробности, делающие его рассказ богаче и содержательнее по сравнению с рассказом Прокопия и других авторов.

О первом восстании самаритян 529 г. Малала рассказывает следующее: «... В июне месяце 7-го индикта, когда возник народный мятеж и произошло столкновение самаритян с христианами и иудеями, многие места в Скифополе были сожжены этими самаритянами. Услыхав об этом, император разгневался на архонта Бесса и, сместив его, обезглавил в той самой земле. Самаритяне, узнав о том, что на них разгневался император, захватили власть и венчали [на царство] разбойника Юлиана, самаритянина»⁸⁹.

В хронике Малалы есть очень важные указания не только на религиозный, но и социальный характер движения самаритян. Так, он рассказывает, что самаритяне «... жгли поместья (κτήματα) и церкви и убивали многих христиан»⁹⁰. Малала не только показывает, что в этом движении самаритяне преследовали христиан, но и сообщает важные данные о связи восстания с борьбой цирковых партий в городах Палестины. Интересен

⁸³ *Malal.*, p. 474.

⁸⁴ *Ibidem.* και ἐπέμεινεν ὁ δῆμος εἰσελαύνων ἀτάκτως.

⁸⁵ *Ibid.*, p. 475.

⁸⁶ *Ibidem.*

⁸⁷ *Ibidem.*

⁸⁸ *Ibid.*, p. 476.

⁸⁹ *Ibid.*, p. 445.

⁹⁰ *Ibid.*, p. 446.

его рассказ о том, как царь самаритян Юлиан, захватив власть, устроил на ипподроме в Неаполе ристания, во время которых победу одержал возница христианин Никий. Узнав о том, что победитель — христианин, Юлиан, по словам Малалы, приказал тут же отрубить ему голову⁹¹.

Малала — правоверный христианин, поэтому он значительно более категорически обнаруживает свою «авторскую позицию» при описании восстания самаритян, чем при описании других народных движений. Он глубоко возмущен жестокостями самаритян в отношении христиан и особенно христианского духовенства. Он осуждает Юлиана за казнь епископа города Скифополя, за убийства христиан. За эти злодеяния, по мнению Малалы, бог отвернулся от Юлиана и передал его в руки воинов императора⁹². О жестокой расправе Юстиниана с самаритянами Малала говорит как о деле вполне справедливом и полезном. После разгрома составших в сражении «многих самаритян дука зарубил и захватил силою самаритянина Юлиана, так как бог предал его. Отрубив ему голову, он (дука) послал ее вместе с диадемой императору Юстиниану»⁹³.

Малала считает совершенно естественным также и гнев Юстиниана на дуку Палестины, который не смог предотвратить восстание и допустил, чтобы самаритяне сожгли в этой провинции многие поместья и «устремились в деревни и город»⁹⁴. Сместив и арестовав дуку Феодора Курносого, Юстиниан назначил вместо него наместником Палестины антиохийца Иринея. «Тот, выступив против находящихся в городах самаритян, жестоко им отомстил, убив многих»⁹⁵.

По словам хрониста, после окончательного подавления движения из Палестины в Персию бежало 50 тысяч участников восстания, ища помощи у персидского шаха Кавада⁹⁶. Беглецы обещали передать шаху всю свою страну. Это указывает на огромный размах восстания. Интересны данные Малалы о пестром социальном составе движения самаритян. По его сведениям, из Персии в Палестину возвратились 5 богатых участников восстания, они были пойманы и уличены византийским правительством в предательстве — в тайных переговорах с персами⁹⁷.

Таковы интересные сведения Малалы о первом восстании самаритян.

Второе восстание самаритян и иудеев в Кесарии Палестинской, по словам Малалы, было характерно тем, что в нем объединились самаритяне и иудеи, «как будто образовав партию» (*ὥς ἐν τάξει μερικῶν*). Затем, объединившись, они «... напали на христиан этого города и многих из них убили, а церкви их разрушили. Когда архонт этого города выступил на помощь христианам, самаритяне пришли и убили его в претории, а все его имущество разграбили»⁹⁸. Жена архонта Стефания бежала в Константинополь и сообщила о восстании Юстиниану, который приказал правителю Востока Амантию подавить движение. «Получив царский указ, Амантий отправился в Кесарию. Разыскав совершивших убийство и проведя следствие, он одних распял, других обезглавил, у третьих отрезал правую руку, а у некоторых конфисковал имущество. И поднялась паника в городе Кесарии и в восточных областях»⁹⁹. Столь жестокое подавление восстания не вызывает у Малалы никакого сочувствия к жертвам правительственного террора, и все описание движения самаритян дается в совершенно лояльных к правительству тонах.

⁹¹ *Malal.*, p. 446.

⁹² *Ibidem.*

⁹³ *Ibid.*, p. 447.

⁹⁴ *Ibidem.*

⁹⁵ *Ibidem.*

⁹⁶ *Ibid.*, p. 455.

⁹⁷ *Ibid.*, p. 456.

⁹⁸ *Ibid.*, p. 487.

⁹⁹ *Ibid.*, p. 488.

Столь же лоялен Малала в описании других народных восстаний и столкновений цирковых партий, сообщениями о которых буквально пе- стрит его труд. При этом хронист всегда рассказывает о жертвах и жесто- ких расправах с восставшими. Эти ужасы должны, видимо, поразить воображение читателя, точно так же как сообщения о гибели тысяч жи- телей империи во время землетрясений и других стихийных бедствий.

Так, при эпархе Константинополя Фоме, во время праздника «рожде- ния города», в столице произошло столкновение между партиями цирка; император Юстиниан тотчас отдал приказание экскубиторам выступить против толпы. При атаке войск одни, убегая, были задушены, а другие зарублены солдатами ¹⁰⁰. Вскоре произошло новое столкновение партий; восставшие подожгли дом Парда, прекрасные здания сгорели, а многие граждане были убиты. Во время последующих столкновений партий на ипподроме неизменно гибло много народа ¹⁰¹.

Юстиниан иногда принужден был идти на уступки восставшему народу. Так, когда разразился мятель бедноты, вызванный порчей монеты, импе- ратор приказал прекратить чеканку неполюценных денег ¹⁰².

Отдельные сообщения Малалы о борьбе димов помогают выяснить со- циальный состав борющихся партий прасинов и венетов. У Малалы есть прямое указание на наличие знатных людей в партии венетов. Так, автор пишет: «В мае месяце того же самого индикта был недостаток хлеба в Кон- стантинополе. Испытывая в нем нужду, люди во время праздника «рожде- ния города» (γενέθλιον) в присутствии персидского посла с громким криком обратились к императору. Разгневавшись, император отдал приказ Мусо- нию, бывшему тогда эпархом города, и были захвачены люди из партии венетов. Некоторые знатные люди были подвергнуты наказанию (... ἐχολάσθησαν τινες τῶν ἐνδόξων ἀνδρῶν)» ¹⁰³.

Далее, рассказывая о больших беспорядках в Константинополе, вы- званных столкновением партий во время игр на празднике «рождения го- рода», Малала упоминает, что на партию прасинов напали «люди из дома Аппиона». Люди «дома Аппиона» — это челядь знатного вельможи, ви- димо поддерживавшего венетов. Во время нападения венетов на прасинов столкновения вспыхнули в различных местах города; переправившиеся из Сикк венеты стали жечь приморские склады и мешали тушить пожар, стреляя в тех, кто пытался его погасить. Естественно предположить, что эти приморские склады принадлежали торговцам и ремесленникам из партии прасинов. Это же подтверждает далее сам Малала, говоря, что «ведь и ре- месленники со своей стороны не бездействовали; охваченные враждой, они сожгли находящийся в гавани дом Андрея. Равным образом столкно- вения происходили и на Месе, и там они бросили огонь в дом Варсимия (Петра Варсима. — 3. У.), бывшего тогда эпархом. Сражение продолжа- лось два дня. Вышедшие с большим войском комит экскувитов Марин и славнейший куропатал Юстин с большим трудом могли успокоить обе партии» ¹⁰⁴.

Таким образом, из рассказа Малалы можно сделать вывод о том, что прасины, состоящие главным образом из ремесленников и торговцев, громили дома знати из партии венетов, а венеты жгли склады прасинов.

В правление эпарха Геронтия обе партии поджигали город, многие были наказаны и даже убиты. Аресты, по словам Малалы, продолжались 70 дней ¹⁰⁵.

¹⁰⁰ *Malal.*, p. 483.

¹⁰¹ *Ibid.*, p. 484.

¹⁰² *Ibid.*, p. 486.

¹⁰³ *Ibid.*, p. 488.

¹⁰⁴ *Ibid.*, p. 490.

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 491.

Восстания народа и столкновения партий цирка происходили не только в Константинополе, но и в других городах. Малала рассказывает, например, о народном восстании, связанном с борьбой партий в городе Кизике ¹⁰⁶.

Иногда причиной восстания димов являлись религиозные разногласия. Так, в Антиохии, как уже упоминалось, из-за преследования еретиков вспыхнули серьезные волнения народа, возглавляемые димами ¹⁰⁷. Случались раздоры и внутри самих партий. В Константинополе произошла схватка среди венетов в Питтаких, и были обнажены мечи. Во время сражения у Клирика, сына Иоанна Коментарисия, по прозвищу Гил, отрубили руку ¹⁰⁸.

Таким образом, Малала, как никто другой из византийских историков и хронистов VI в., сообщает ценнейшие сведения о народных восстаниях в Византийской империи в правление Юстиниана. При всей сдержанности и «добропорядочности» хрониста в описании народных восстаний, за исключением движений религиозного характера, Малала более объективен, чем другие авторы.

Интересны данные Малалы о борьбе внутри господствующего класса империи при Юстиниане. Однако при описании событий, связанных со столкновениями в верхах общества и при дворе, сказывается неизмеримо меньшая его осведомленность, чем Прокопия и других писателей — выходцев из кругов византийской знати. Это ярко проявляется в рассказе Малалы о восстании Ника. Следует подчеркнуть, что никаких признаков сочувствия хрониста династической оппозиции, сыгравшей немаловажную роль в этом восстании, нет. Более того, Малала, в противоположность Прокопию, всячески оправдывавшему действия оппозиции, подчеркивает справедливость и великодушие Юстиниана в отношении родственников императора Анастасия. Так, по словам Малалы, Юстиниан помиловал патрикия Проба, уличенного в том, что он поносил императора еще до восстания Ника. Когда сенат осудил за это Проба, император его простил ¹⁰⁹.

Патрикии Помпей и Ипатий занимали при Юстиниане высшие военные посты, и Ипатий, по данным Малалы, был отстранен от должности страдилата Востока за военные неудачи, а не из-за неблагоприятного отношения к нему императора ¹¹⁰.

Роль Ипатия в восстании Ника описана Малалой более объективно, чем Прокопием. Правда, Малала, так же как и Прокопий, признает, что Ипатий был «взят» димами и провозглашен императором. Но затем он узнал, что император бежал, и, «усевшись в царской кафисме, ничего не боясь, стал тиранически править» ¹¹¹. Иными словами, Малала считает, что Ипатий сам стремился к власти. Также не верит он и в оправдания Ипатия и Помпея перед императором после подавления восстания ¹¹². В отличие от Прокопия, симпатизировавшего прасинам и явно недолгобывавшего венетов, Малала не склоняется на сторону ни той, ни другой партии, хотя он подчеркивает, что сам император Юстиниан «любил партию венетов» ¹¹³.

Сравнительно подробнее, чем о других событиях, связанных с борьбой внутри господствующего класса, рассказывает Иоанн Малала о заговоре против Юстиниана, составленном константинопольскими богачами-менялами (аргиропратами), видными недовольными финансовой политикой этого императора. В заговоре участвовали Аблабий, сын Мильтиада, аргиропрат

¹⁰⁶ *Malal.*, p. 491—492.

¹⁰⁷ *Ibid.*, p. 468.

¹⁰⁸ *Ibid.*, p. 492. Остается спорным, является ли здесь слово «Клирик» именем собственным или духовным званием.

¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 438—439.

¹¹⁰ *Ibid.*, p. 445.

¹¹¹ *Ibid.*, p. 475.

¹¹² *Ibid.*, p. 476.

¹¹³ *Ibid.*, p. 425.

Маркелл и племянник куратора Эферия Сергей. Замысел заговорщиков состоял в том, чтобы убить императора во время вечерней трапезы в триклинии. Заговор имел довольно разветвленную сеть участников. «Были у них, — пишет Малала, — и преданные люди, поставленные в разных местах, чтобы, когда совершится задуманное, они вызвали бы смятение среди народа». Однако план заговорщиков был сорван предательством Аблабия. Маркелл был схвачен, когда он соспрятанным под одеждой кинжалом входил во дворец. Он тут же на месте закололся, другие участники заговора пытались скрыться. Когда заговор был раскрыт, обнаружилось участие в нем аргиропрата Исакия, близкого к патрикию Велисарию. Подозрение пало и на самого Велисария, который так и не смог оправдаться. Он попал в опалу, а участники заговора были сурово наказаны ¹¹⁴.

Рассказ Иоанна Малалы о заговоре аргиропратов столь подробен, насыщен такими реальными деталями, связанными с жизнью дворца и высших слоев общества, что даже выпадает из общего изложения хроники, заставляя предполагать наличие у автора какого-то особого источника, достаточно осведомленного об этих событиях. Но это место является скорее исключением, ибо обычно Малала знает и говорит больше и охотнее о жизни городских масс населения, чем о придворных интригах и заговорах.

До сего времени остается спорным, вопрос о причинах различия между двумя частями 18-й книги «Хронографии» Малалы. Было замечено, что в первой части 18-й книги центром повествования является Антиохия, и особое внимание автор уделяет событиям на Востоке, во второй же части место действия целиком переносится в Константинополь.

Это суждение, на наш взгляд, вполне справедливо. Действительно, в первой части 18-й книги хронист как очевидец рассказывает о делах, происходивших на Востоке, основное внимание здесь уделяется внешнеполитическим событиям, главным образом войнам с Ираном ¹¹⁵, причем они порою освещены даже с большими подробностями, чем у Прокопия или Захария Ритора. Очень много места отводится также взаимоотношениям Византии с аксумитами и химьяритами, с различными кочевыми арабскими племенами ¹¹⁶. О делах на Западе, войнах в Африке и Италии хронист плохо осведомлен и рассказывает о них крайне лапидарно. В этих разделах 18-й книги вопросы внутренней политики освещены применительно главным образом к истории Антиохии ¹¹⁷.

Рубежом между первой, «восточной», и второй, «константинопольской», частями 18-й книги хроники Малалы, на наш взгляд, может служить описание восстания Ника ¹¹⁸.

Внимательное изучение описания Малалой восстания Ника убеждает нас в том, что этот рассказ может принадлежать только перу очевидца, настолько он подкупающе правдив и прост. Предположение об использовании Малалой какого-то неизвестного источника, повествующего о восстании Ника, очень шатко и нуждается в подтверждении.

Думается, более правдоподобной выглядит гипотеза о том, что в 532 г. Малала уже покинул Антиохию и переехал в Константинополь. Правда, К. Крумбахер считает, что наш хронист оставил свой родной город и переселился в столицу после разгрома персами Антиохии в 540 г. ¹¹⁹ Но если бы это было так, то едва ли такое потрясающее событие, как страшное разрушение и разграбление великой столицы Сирии Хосроем, причи-

¹¹⁴ *Malal.*, p. 493—494.

¹¹⁵ *Ibid.*, p. 440—442, 444—456, 460—467, 470.

¹¹⁶ *Ibid.*, p. 434—435, 456—457.

¹¹⁷ *Ibid.*, p. 442—444, 448—450, 452, 467, 470.

¹¹⁸ *Ibid.*, p. 473—477.

¹¹⁹ *K. Krumbacher. Op. cit.*, S. 331.

нившее огромные бедствия ее населению, могло бы не оставить глубокого следа на страницах хроники, написанной антиохийцем, видевшим своими глазами персов в родном городе. Между тем при чтении «Хронографии» Малалы поражает, что взятию Антиохии персами в 540 г. посвящена лишь одна строка: «В июне месяце третьего индикта царь персов Хосрой захватил Антиохию» ¹²⁰.

Вызывает недоумение тот факт, что Малала, уроженец Антиохии, так любивший свой город, остается как бы совершенно равнодушным к этой страшной катастрофе. В то время как Прокопий подробно описывает осаду и гибель Антиохии, Малала лишь вскользь упоминает о событии, которое должно было трагически отразиться на его личной судьбе и судьбе его близких. Причем автора больше интересует не гибель города, а злоупотребления стратига Германа, посланного в Антиохию и занимавшегося там скупкой по дешевке серебра ¹²¹.

После описания восстания Ника (еще до сообщения о взятии Антиохии персами) заметно явное усиление интереса хрониста к жизни Константинополя. С этих пор хроника Малалы буквально пестрит рассказами о событиях, происшедших в столице. Тут и победный триумф Велисария на ипподроме после разгрома вандалов ¹²², и описание различных стихийных бедствий, обрушившихся на великий город: землетрясений, чумы, пожаров и т. п. ¹²³ Много говорится о восстаниях столичных димов и борьбе цирковых партий ¹²⁴. Особое внимание хронист уделяет сообщениям об украшении Константинополя Юстинианом, о восстановлении дворцов и храмов ¹²⁵. И все эти рассказы насыщены бытовыми деталями, говорят о знании автором топографии города, что также свидетельствует о создании этой части хроники на основании личных наблюдений хрониста.

Во второй части 18-й книги хроники интерес к восточным делам совершенно утрачивается, хотя в это время происходила вторая война с персами, окончившаяся захватом Антиохии. Упоминания о самой Антиохии хотя и не исчезают со страниц хроники, но очень редки и кратки. Более того, внешнеполитические события перестают увлекать автора, и он всецело переходит к описанию внутренней истории, главным образом связанной с народными движениями, борьбой партий, заговорами против императора, к описанию различных бедствий, постигавших в то время империю.

¹²⁰ *Malal.*, p. 479.

¹²¹ *Ibid.*, p. 480.

¹²² *Ibid.*, p. 479: «В двенадцатый индикт был захвачен Велисарием король афров вместе со своей женой, и их привезли в Константинополь. Во время игр на ипподроме пленники были проведены вместе с добычей». Нападение гуннов и славян на столицу — *ibid.*, p. 490.

¹²³ *Ibid.*, p. 478: «В то же время ночью в Византии произошло землетрясение, так что весь город собрался на так называемый форум Константины и провел бессонную ночь в молитвах и мольбах»; p. 479: «... в то же время упала стела Юлиана Отступника, стоявшая в середине гавани Юлиана. Вместо этой стелы был водружен крест». Мор в Византии — *ibid.*, p. 482; гроза и пожары в столице — *ibid.*, p. 484; новое страшное землетрясение в Византии — *ibid.*, p. 487; подробное описание разрушений, причиненных еще одним землетрясением — *ibid.*, p. 489; чума в столице — *ibid.*, p. 489; пожары — *ibid.*, p. 491; нехватка воды в столице — *ibid.*, p. 492.

¹²⁴ *Ibid.*, p. 483, 484, 486, 488, 490—492. О смерти возницы Юлиана на ипподроме, упавшего во время ристаний, — *ibid.*, p. 495.

¹²⁵ *Ibid.*, p. 479: «В то же время была восстановлена Халка Константинопольского дворца, украшенная различными сортами мрамора, а также мозаикой. Перенесены были и части, находящиеся вблизи Августейона и базилики»; обновление церкви св. Ирины — *ibid.*, p. 486; рассказ об этой церемонии явно принадлежит перу очевидца: «В сентябре месяце было обновление церкви св. Ирины, находящейся по ту сторону в Юстинианах. Святые мощи были вынесены в присутствии двух патриархов, я имею в виду Мину, патриарха Константинополя, и Аполлинария, папу Александрии. Оба они сели в царскую колесницу, держа на коленях мощи». Ср. описание восстановления купола св. Софии, разрушенного во время землетрясения, — *ibid.*, p. 489—490; обновление церкви св. Феодоры — *ibid.*, p. 492; о вторичном обновлении церкви св. Софии — *ibid.*, p. 495.

Итак, на наш взгляд, композиционные и тематические различия двух частей 18-й книги скорее всего можно объяснить изменениями в личной судьбе автора, переехавшего где-то около 532 г. в столицу и отныне стоявшего ближе к жизни Константинополя. И хотя изложение во второй части действительно стало более лапидарным, все же оно органически связано со всем предыдущим, и нет основания создавать версию о том, что 18-я книга хроники Малалы писалась двумя различными хронистами или обрабатывалась неизвестным редактором.

Язык во всех частях хроники Малалы довольно грубый, лишен ясности и точности классического греческого языка. Глагол у него часто заменяется причастием, допускаются нарушения грамматического строя и вольные переходы от прямой речи к косвенной, что иногда затемняет смысл повествования¹²⁶. Однако резких языковых различий в отдельных частях хроники не наблюдается.

Всемирная хроника Иоанна Малалы писалась уже не для узкого круга знати и образованных людей, а для широких масс, прежде всего для многочисленного в Византийской империи монашества. Автор хроники не ставил перед собой больших историко-философских или политических задач. Он отказался от мечты всех византийских авторов сравняться в красноречии с прославленными историками древности — Фукидидом, Полибием или Тацитом. Он задался целью дать правоучительное, в духе христианского благочестия, назидательное и в то же время занимательное чтение для широкой аудитории читателей и слушателей. И надо сказать, что эту задачу он выполнил успешно. Из-под его пера вышла настоящая книга для народа, написанная ярким и доходчивым языком и вместе с тем проникнутая христианско-апологетическим освещением событий. Сказочные эпизоды, чудесные происшествия расцвечивали яркими красками ткань повествования и составляли украшение хроники, столь притягательное для широких масс, дающее пищу народной фантазии и часто само порожденное ею. Но эти привлекательные черты хроники — ее популярность и занимательность — приводили зачастую к тому, что автор жертвовал в угоду занимательности логикой исторического повествования. Малала, в отличие от других византийских историков VI в., далек от какого-либо стремления критически проверить доступный ему исторический материал, взятый, как мы видели, из самых разнообразных источников различного качества. Перед нами причудливое переплетение важных исторических событий и анекдотов, ярких характеристик исторических деятелей и чудесных явлений природы, достоверных фактов и легенд. Все это смешано воедино, и средневековый читатель был лишен возможности отделить историческую правду от вымысла.

Неразборчивость автора в подборе источников в соединении с недостаточной его образованностью привели к тому, что «Хронография» Иоанна Малалы (особенно в первых 15 книгах) пестрит самыми примитивными и абсурдными ошибками и анахронизмами.

Так, в труде Малалы немало ошибок, говорящих о его слабой осведомленности в античной истории и мифологии. Исследователи уже отмечали, что лесбосская поэтесса Сафо превратилась у Малалы в современницу Кекропса и Краная, а философ Демокрит из Абдеры отодвинут в седую древность Пелопса. Геродот у Малалы — последователь Полибия, а Цицерон и Саллюстий — римские поэты¹²⁷.

Автора этой всемирной хроники нельзя поставить на высоту, достигнутую античной историографией. Труды представителей античной исторической мысли — Фукидида, Полибия, Аппиана, Тацита и других не только запечатлели сами события древности, но и донесли до нас элементы той

¹²⁶ K. Weikholt. Studien zum Sprachgebrauch des Malalas. Oslo, 1963.

¹²⁷ K. Krumbacher. Op. cit., S. 327.

философии истории, которая явилась прогрессивной ступенью в развитии наших познаний об историческом процессе. Иоанна Малалу нельзя также поставить в ряд и с его близкими современниками — Прокопием, Агафием, Феофилактом Симокаттой. Эти корифеи византийской исторической науки еще оставались последними и наиболее талантливыми представителями античной историографии на византийской почве, хотя у них иногда через густой покров риторики, насыщенной античными реминисценциями, уже начинает пробиваться христианская идеология.

В отличие от них, Иоанн Малала принадлежит отчасти уже средневековой эпохе, это — монах-компилятор: он дает сводку чужих произведений, считая это не только своим правом, но и своей обязанностью.

Вместе с тем, несмотря на свой христианский характер, исторические построения Иоанна Малалы несут на себе родимые пятна античности. Его христианско-библейская концепция мировой истории во многом оказалась зеркалом, хотя зачастую кривым, античной, в первую очередь греческой, истории и даже греческой мифологии.

Это было по существу христианское произведение с большой дозой античной приправы¹²⁸.

В основе всемирно-исторической концепции Малалы лежит библейская традиция. Главной движущей силой исторического процесса у него выступает промысел божий, а вся история человечества есть всего лишь неизбежное осуществление предначертаний господних. Но, казалось бы, неожиданно в хронике Малалы в христианскую космогонию врывается Олимп древнего грека со всеми его обитателями, хотя и лишенными божественного ореола. Греческая мифология, хотя и в переработанном виде, уживается с христианской догматикой. Вытравливая из греческой мифологии божественность языческую, сводя олимпийских богов с неба на землю, автор вносит одновременно в языческие мифы божественность христианскую. По библейской канве он расшивает богатый античный узор. Канва заметно уродует узор, но все же сквозь завесу христианского благочестия проступают благородные черты образов, созданных вдохновенной фантазией античных греков.

Борьба двух тенденций, античной, языческой, и средневековой, христианской, пронизывает хронику Малалы, хотя, естественно, сам автор этого и не подозревает, думая, что его произведение вполне соответствует христианским канонам.

И несмотря на все эти слабости, историческому сочинению Малалы суждено было занять выдающееся место не только в византийской, но и в мировой средневековой историографии.

Загадка необычайной известности хроники Малалы состоит в том, что ее автор сумел в простой, доходчивой форме соединить богатейшее наследие античной историографии с христианским мирозерцанием. Христианство, родившееся на развалинах античного мира и завладевшее, казалось, без остатка духовной жизнью средневековой Европы, не смогло все же уничтожить обаяния языческой культуры. Заслугой Иоанна Малалы для средневекового человека было то, что он богов и героев языческого мира, забытых, хотя и преследуемых, сумел облечь в одежды христианского смирения, а античную историю перекроить на библейский лад. Историческая инерция античной языческой цивилизации была столь могущественна, что смиренный христианин-летописец VI в., борясь против нее, сам был ею побежден. Когда читаешь благочестивый труд Иоанна Малалы, ясно видишь, что классическая древность еще не перестала быть живым, близким прошлым его страны, еще не утратила власть над его христианской душой.

¹²⁸ З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 49—51.

Хроника Малалы была переведена на славянский и восточные языки и в течение многих веков пользовалась огромной популярностью у славянских народов и в странах Ближнего Востока. Как это ни парадоксально, но, видимо, Малала меньше читался и ценился современниками, чем потомками. В эпоху, когда феодальная идеология в Византии еще не сформировалась и не победила, Малале трудно было конкурировать, особенно в кругах интеллигенции, с такими прославленными собратьями по перу, как Прокопий и Агафий. Но позднее, в период торжества феодально-христианской идеологии, христианско-апологетическая концепция истории в сочетании с талантливым изложением принесли хронике Малалы широкую известность.

Именно в странах, сопредельных с Византией, где складывались феодальные отношения и распространялось христианство, хроника Малалы стала особенно популярной. Недаром труд Малалы оказался в числе первых византийских исторических сочинений, переведенных в Киевской Руси¹²⁹.

Хроника Иоанна Малалы служила источником для многих византийских хронистов. Так, еще в VI—VII вв. ее уже переписывали Иоанн Эфесский, анонимный автор Пасхальной хроники, Иоанн Никиусский и Иоанн Антиохийский. Еще больше заимствовали из хроники Малалы более поздние хронисты. Простота изложения и безыскусственность описаний обусловили такую необычайную популярность этого памятника.

¹²⁹ З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 57—58.

А. А. ЧЕКАЛОВА

НАРОД И СЕНАТОРСКАЯ ОППОЗИЦИЯ
В ВОССТАНИИ НИКА

I. СЕНАТОРЫ В ВОССТАНИИ НИКА

Вопрос о позиции, которую заняла аристократия Константинополя по отношению к восстанию Ника, о роли и месте сенаторов в этом народном движении представляет одновременно и большой интерес, и большую сложность. Рассмотрение этой проблемы позволило бы глубже проникнуть в сущность взаимоотношений senatorской аристократии и императорской власти в первые годы правления Юстиниана. Трудность, однако, заключается в том, что сообщения источников об участии сенаторов в восстании отличаются необычайной краткостью. Поэтому для того, чтобы определить с возможной полнотой роль сенаторов в этом движении и причины, побудившие их пойти на союз с народными массами, следует обратиться не только к тем разделам источников, которые непосредственно касаются восстания Ника, но и к тем, где речь идет о правлении Анастасия, Юстина и Юстиниана в целом.

Об участии сенаторов в восстании свидетельствуют данные многих памятников. Прокопий, автор Пасхальной хроники, Феофан, Зонара, «Эксерпты» Константина Багрянородного — все они указывают, что ряд сенаторов оказался на стороне Ипатия и восставшего народа¹. Более того, по данным этих источников можно представить и количество аристократов-мятежников. Феофан говорит, что было конфисковано имущество у 18 патрикиев, содействовавших Ипатии². Та же цифра приводится в «Эксерптах» Константина Багрянородного³. В то же время автор Пасхальной хроники дает возможность предполагать, что в восстании участвовало значительно большее число патрикиев. Дело в том, что Феофан, говоря о 18 патрикиях, имеет в виду только тех из них, у которых было конфисковано имущество. Согласно же Пасхальной хронике, одни патрикии бежали в монастыри, другие в церкви, и их дома были опечатаны; явные же участники восстания были высланы за границу, а их имущество — конфисковано⁴. Следовательно, число сенаторов, принявших участие в восстании, в действительности было гораздо больше восемнадцати. Это же следует

¹ *Procopii Caesariensis Opera omnia*, rec. J. Haury, vol. I. De Bello Persico. Lipsiae, 1962 (далее — В. Р.), I, 24, 25 sq.; *Chronicon Paschale*, vol. I. Bonnae, 1832 (далее — Chron. Pasch.), p. 628; *Theophanis Chronographia*, vol. I, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883 (далее — *Theoph.*), p. 185—186; *Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XVIII*, vol. III. Bonnae, 1897 (далее — *Zonar.*), p. 156; *Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti*, vol. III. Excerpta de insidiis. Berolini, 1905 (далее — Ex. de ins.), p. 172.

² *Theoph.*, p. 185—186.

³ Ex. de ins., p. 172.

⁴ Chron. Pasch., p. 628.

и из рассказа комита Марцеллина, который пишет о большом количестве представителей знати, замешанном в мятеже ⁵.

Все это подтверждается еще одним свидетельством Пасхальной хроники и рассказом Прокопия. 18 января, пишет хронист, император собрал сенаторов и приказал им идти домой ⁶. Когда они ушли, их встретил народ и повел Ипатия на форум Константина ⁷. Конечно, Юстиниан изгнал не всех сенаторов, но, по-видимому, при нем остались лишь самые верные, такие, как Велисарий, Иоанн Каппадокийский, в то время как значительное число аристократов было удалено из дворца. По свидетельству Прокопия, 18 января на форуме Константина собрались сенаторы, которых не было во дворце. Он говорит так, словно речь идет обо всех сенаторах ⁸. Создается впечатление, что сенаторов, примкнувших к восстанию, было немало.

Нужно обратить внимание и на следующее обстоятельство. Пасхальная хроника, Феофан, «Эксерпты» Константина говорят в данном случае не просто о сенаторах, а о патрициях, которые, как известно, являлись высшим слоем константинопольской аристократии. До 537 г. титул патрикия могли получить лишь консулы и самые высшие должностные лица ⁹. Естественно, что количество их было сравнительно невелико: Р. Гийан для целого периода 491—565 гг. насчитывает около 70 патрикиев ¹⁰. Понятно, что даже 18 патрикиев представляли собой немалую часть верхушки константинопольской знати.

Итак, можно сделать вывод, что в восстании была замешана большая часть сенаторской аристократии и, что особенно примечательно, вместе с восставшими оказалось значительное число представителей ее высшего слоя.

Каковы причины участия сенаторов в восстании Ника? Прежде всего следует обратить внимание на неоднородность сенаторской аристократии в период правления Юстиниана. В ее состав входили и отпрыски старых аристократических фамилий ¹¹, и потомки вельмож, выдвинувшихся в ряды знати в IV—V вв. ¹², и, наконец, совсем новые, никому доселе не известные лица. Источники дают возможность проследить карьеру многих людей, которые из низов общества смогли подняться на самую верхнюю его ступень. Более того, именно эти выскочки играют большую роль во внутренней и внешней политике Юстиниана, составляя его ближайшее окружение. Иоанн Каппадокийский, Велисарий, Ситта, Нарсес, Гермоген

⁵ *Marcellini Comitis Chronicon*. — MGH, AA, t. XI, vol. 2, fasc. 1, p. 103: . . . *plerisque nobilium coniuratis* . . .

⁶ *Chron. Pasch.*, p. 624.

⁷ *Ibidem*.

⁸ *J. Bury*. *History of the Later Roman Empire*, vol. II. N. Y., 1958, p. 44, n. 4.

⁹ *Corpus iuris civilis*, vol. III. *Novellae*, rec. R. Schoell-G. Kroll. Berolini, 1954, nov. 62, cap. 1.

¹⁰ *R. Guillard*. *Recherches sur les institutions byzantines*, t. II. Berlin — Amsterdam, 1967, p. 132—161.

¹¹ Можно согласиться с Г. Г. Беком, который считает, что нельзя сказать ничего определенного о количественном составе этой знати и ее богатствах (*H.-G. Beck*. *Konstantinopel*. — *BZ*, 58, 1965, S. 19). В скудных на этот счет сведениях источников не приводится родословная упоминаемых сенаторов, и нам известен лишь один патрикий — Олибрий, консул 491 г., которого можно считать потомком старой аристократии, и то по линии матери — Юлианы Аниции (*Chron. Pasch.*, p. 594, 607; *Malal.*, p. 392, 398; *Procop.*, В. Р., I, 8, 1).

¹² Здесь можно назвать Зинова, внука императора Анфимия (467—472), род которого восходил к первой половине IV в. (*Procop.*, Н. а., XII, 1; Ю. Кулаковский. *История Византии*, т. I. Киев, 1913, стр. 226, 366; *A. H. M. Jones*. *The Later Roman Empire*, vol. II. London, 1964, p. 551); почетного консула Иоанна, сына Руфина и внука Иоанна Скифа (*Malal.*, p. 432; *Theoph.*, p. 175—176; *Georgius Cedrenus*. *Ioannis Scylitzae opus*, vol. I. Bonn, 1838, p. 645; *R. Guillard*. *Op. cit.*, II, p. 47. 62, n. 53); Диогениана, родственника Ариадны (*Malal.*, p. 411); Анпионов (наиболее полно о них см. в кн.: *E. Hardy*. *The Large Estates of Byzantine Egypt*. N. Y., 1931, p. 25); родственников Анастасия (*B. Rubin*. *Das Zeitalter Justinians*, I. Berlin, 1960, S. 485) и др.

и другие — все они были лицами скромного, а подчас и совсем низкого происхождения¹³. Вполне естественно, что, заняв ведущие посты в государственном управлении, они оттеснили аристократов, занимавших ранее эти должности, которые помимо почета и власти приносили своим обладателям немалый доход¹⁴. Кроме того, по свидетельству «Тайной истории», некоторые богатые сенаторы, занимавшие весьма высокое положение, потеряли значительную часть своих состояний, так как Юстиниан под разными предлогами присваивал себе их имущество¹⁵.

Эта группа сенаторов, которые вполне могли быть патрициями, вероятно, и составила ядро сенаторской оппозиции, выступившей против Юстиниана. Источники сохранили имена только двух патрикиев, но и этого может быть достаточно, чтобы подтвердить высказанную точку зрения. Речь идет о консуле 491 г. Олибрии¹⁶ и бывшем префекте претория Юлиане, которого сменил на его посту Иоани Каппадокийский¹⁷. Юлиана, как пишет автор Пасхальной хроники, восставшие повели на ипподром вместе с Ипатием и Помпеем.

Однако едва ли можно считать, что только эти аристократы были оппозиционно настроены по отношению к правящему императору. Следует вспомнить, что сенат в первые годы правления Юстиниана был лишен возможности проявлять какую-либо политическую активность, а это, бесспорно, расширяло круг недовольных Юстинианом сенаторов.

Насколько же серьезным было выступление константинопольской аристократии в восстании Ника?

Отдельные исследователи (А. П. Дьяконов, С. Винклер) склонны вообще отрицать добровольное участие сенаторов в этом восстании¹⁸. Совсем не упоминает о них В. Шубарт¹⁹. Некоторые исследователи (Ш. Лекривен, Ш. Диль) говорят об этом с большой осторожностью, отмечая лишь то, что сенаторы были замешаны в этом движении²⁰.

Вместе с тем Дж. Бьюри, много размышлявший над восстанием Ника, приписывал его размах агитации сенаторов. «... На заднем плане, — пишет исследователь, — были силы, которые стремились не просто к ад-

¹³ Кроме указанных здесь лиц можно вспомнить еще Петра Патрикия, Петра Барсиму, Трибоциана, префекта претория Ареобинда, родственника простого камеркиария (E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1959, p. 215), Бузу, Бессу и др.

¹⁴ Префект Африки, например, получал 100 либров золота в год (G. Ostrogorsky. *Löhne und Preise in Byzanz*. — *BZ*, 32, 1932, S. 301). Сама по себе эта сумма не могла, по словам А. Джонса, привлекать людей с доходом 1000 либров или больше, но занятие этой должности давало возможность получить много больше, чем официальное жалование (A. H. M. Jones. *Op. cit.*, vol. II, p. 557).

¹⁵ *Procop.*, H. a., XII, 1—11.

¹⁶ *Malal.*, p. 478.

¹⁷ *Chron. Pasch.*, p. 624. Ссылаясь на кодекс Юстиниана, Э. Штейн указывает, что Юлиан был префектом с 18 марта 530 г. до 20 февраля 531 г. Иоани стал префектом претории до 30 апреля 531 г. (E. Stein. *Op. cit.*, t. II, p. 784).

¹⁸ А. П. Дьяконов. Византийские думы и факции (Τὰ μέρη) в V—VII вв. — «Византийский сборник». М.—Л., 1945, стр. 211; S. Winkler. *Zur Problematik der Volksbewegungen unter Justinian*. — «*Studii clasice*», III, 1961, S. 432. В этой статье С. Винклер критикует взгляды Б. Рубина, считавшего, что Прокопий принадлежал к той группе, политической целью которой было выступление против Юстиниана или посредством тайной оппозиции, или — при возможности — путем открытой революции. С. Винклер правильно считает, что экономические интересы аристократии и крупных торговцев были больше связаны с высочайшей императором, чем с народными массами. Тем не менее едва ли следует при этом недооценивать сенаторскую оппозицию, которая могла быть одновременно враждебна и Юстиниану, и народным массам и которая при удачно сложившихся обстоятельствах могла использовать в своих собственных интересах выступление народа.

¹⁹ W. Schubart. *Justinian und Theodora*. München, 1943, S. 84—89.

²⁰ Ch. Lecrivain. *Le sénat romain depuis Dioclétien à Rome et à Constantinople*. Paris, 1888, p. 225; Ch. Diehl. *Le sénat et le peuple byzantin aux VIIe et VIIIe siècles*. — *Byz.*, I, 1924, p. 205.

министративной реформе, а к изменению династии»²¹. Этими силами он считает сенаторскую аристократию²². Сходной точки зрения придерживался Э. Штейн, который полагал, что высшая аристократия воспользовалась враждебностью народных масс к Иоанну Каппадокийскому и попыталась свергнуть не только префекта, но и самого Юстиниана²³. Взгляды Дж. Бьюри и Э. Штейна в значительной степени разделял М. В. Левченко²⁴.

Остановимся несколько подробнее на этом вопросе. К началу восстания и его подготовке сенаторы, бесспорно, не имели никакого отношения. Восстание возникло как стихийное движение народных масс и было направлено не только против императора и его правительства, но и против аристократии. Прокопий и Феофан рассказывают, что восставшие в первый же день сожгли дома многих богатых людей, часть которых в страхе бежала на противоположный берег Босфора²⁵. На следующий день, однако, сенаторы уже попытались использовать разгоревшееся с новой силой народное движение. Их влияние чувствуется уже в том, что на место Иоанна Каппадокийского, Трибониана и Эвдемона были назначены люди, принадлежавшие к высшим аристократическим кругам. Место Иоанна Каппадокийского занял Фока, сын Кратера, место Трибониана — Василид, вместо Эвдемона стал Трифон²⁶. Фока, сын Кратера, принадлежал к высшей служилой знати и был очень богат. В 529 г. его наряду с другими аристократами осудили по обвинению в язычестве²⁷. Патрикий Василид, по видимому, был в правление Юстина префектом претория Востока, в 529 г. он занимал должность префекта Иллирии, в 531—532 гг. замещал Гермогена на посту магистра официий²⁸. Что касается Трифона, то он был братом бывшего епарха города Феодора²⁹.

Прокопий высоко отзывается о Фоке и Василиде, подчеркивая, что Василид был человеком благородного происхождения и известным среди патрикийев³⁰.

Высокая характеристика Прокопия, а также факт несомненной связи этих трех лиц с верхушкой столичного общества позволяют предположить, что за их спиной стояла сенаторская аристократия, которая решила использовать восстание в своих целях.

Кроме того, Проб, а затем и Ипатий были явно кандидатурами не народных масс, а сенаторов. Здесь возникает вопрос: означает ли, как полагает большинство исследователей, выдвижение на престол племянников Анастасия, что сенаторская оппозиция была по существу оппозицией династической? На наш взгляд, выбор Проба и Ипатия вовсе не означал для аристократии возврата к старой династии, поскольку отношения между Анастасием и сенатом были весьма и весьма враждебны. Сенат, так же как и народные массы, не одобрял религиозную политику Анастасия³¹. Выступив против патриарха Македония, император привел этим «в большую печаль сенат и Августу»³². Когда же Анастасий нарушил клятву, данную Виталиану перед народом и сенатом, сенат и народ открыто

²¹ J. Bury. Op. cit., vol. II, p. 42; ср.: A. H. M. Jones. Op. cit., vol. I, p. 272.

²² J. Bury. Op. cit., vol. II, p. 42, 44.

²³ E. Stein. Op. cit., t. II, p. 449.

²⁴ М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 61.

²⁵ Theoph., p. 184; Procop., B. P., I, 24, 8.

²⁶ Procop., B. P., I, 24, 18; Chron. Pasch., p. 621.

²⁷ Ioannis Lydi De magistratibus populi Romani. Lipsiae, 1903 (далее — Ioann. Lyd.), III, 72—76; Procop., H. a., XXI, 6; Malal., p. 449; Theoph., p. 180; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 456.

²⁸ E. Stein. Op. cit., t. II, p. 433.

²⁹ Chron. Pasch., p. 621.

³⁰ Procop., B. P., I, 24, 18.

³¹ Об этом упоминал еще Ш. Лекривен: Ch. Lecrivain. Op. cit. p. 223.

³² Theoph., p. 155; ср.: Theodor Lector. — «Revue archéologique», nouvelle série, vol. XXVI. Paris, 1873, p. 398; H.-G. Beck. Senat und Volk von Konstantinopel. München, 1966, S. 53.

«срамили» императора ³³. Религиозную политику Анастасия не одобряли даже ближайшие его родственники: императрица Ариадна ³⁴, невестка Магна ³⁵, племянники Ипатий и Помпей. Ипатий, например, отказался от общения с Севером и пожаловал 100 либров золота ортодоксальным монахам ³⁶. Много претерпели от императора Помпей и его жена Анастасия, которые поддерживали отношения с изгнанным патриархом Македонием ³⁷. Открыто выступила против монофиситства известная патрикия Юлиана, принадлежавшая со стороны отца к старому аристократическому роду Анициев, а со стороны матери — к дому Феодосия ³⁸. Даже ближайший сподвижник императора его земляк Целер не был настроен в пользу Анастасия ³⁹.

Приведенные выше сведения исходят главным образом от ортодоксальных авторов, но они находят подтверждение и в других источниках. Так, значительный интерес представляет переписка папы Гормизды с патрикиями Юлианой Аницией, Анастасией, Палмацией, Помпеем, Целером. Все письма проникнуты стремлением установить прочный союз Рима с Константинополем в вопросах веры ⁴⁰, и это, бесспорно, лишний раз подчеркивает ортодоксальность аристократии столицы и ее несогласие с монофиситской политикой Анастасия.

Примечателен и тот факт, что сенат после вступления на престол Юстина сразу же принимает активное участие в религиозной политике ортодоксального императора. В марте 519 г. папских легатов отправились встречать Юстиниан, Виталиан, Целер, Помпей и другие сенаторы ⁴¹. Юстин принял послов папы в присутствии сената ⁴². Тогда же, в марте 519 г., аристократия была на заседании константинопольского духовенства во главе с патриархом, где обсуждались папские предложения ⁴³. Затем в присутствии императора, сената и духовенства патриарх Иоанн подписал грамоту папы ⁴⁴.

О том, что отношения Анастасия и сенаторов были мирными, нельзя заключить и на основании другого источника, в своем отношении к императору полярно противоположного ортодоксальным авторам, особенно Феофану. Речь идет о монофиситском хронисте Захарии Риторе, настолько пристрастном, что даже народное восстание 512 г. он изображает как мятеж, подготовленный кучкой монахов ⁴⁵. Тем не менее Захария ничего не говорит о добровольной поддержке сенатом императора Анастасия, который в надежде получить эту поддержку либо подкупает патрикиев подарками, либо стремится их разжалобить своими рассказами о несправедливости Македония ⁴⁶.

³³ *Theoph.*, p. 161.

³⁴ *Theodor Lect.*, p. 398; *Theoph.*, p. 155, 159; Житие св. Савы Освященного. СПб., 1890, стр. 284.

³⁵ *Theodor Lect.*, p. 397; *Theoph.*, p. 153.

³⁶ *Theoph.*, p. 159.

³⁷ *Ibid.*, p. 158. Ср.: Житие св. Савы, стр. 284.

³⁸ *Ibid.*, p. 157—158; Житие св. Савы, стр. 284.

³⁹ *J. D. Mansi. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Florentiae, 1762, VIII, col. 448, 495.* Возможно, что это и есть тот самый магистр, который разделял взгляды Македония, о чем сообщает Захария Ритор: *Zacharias Rhetor. Die sogenannte Kirchengeschichte*, ed. K. Ahrens, G. Krüger. Leipzig, 1899, VII, 7, 8.

⁴⁰ *Mansi*, VIII, col. 448, 449, 458, 459, 465, 466, 495.

⁴¹ *A. A. Vasiliev. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great.* Cambridge, Mass., 1950, p. 175.

⁴² *Ibidem.*

⁴³ *Ibid.*, p. 176.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 177.

⁴⁵ *Zach. Rhet.*, VII, 7.

⁴⁶ *Ibid.*, VII, 8. Захария рассказывает один раз о заседании сената (силенция и конвента), но он опять-таки приводит речь лишь Анастасия, хотя согласно 62-й новелле, синклитики сами должны были выносить предварительное решение, а император впоследствии или одобрял или отвергал его. Ср.: *Malal.*, p. 438—439. Но о реакции сената Захария ничего не говорит.

Таким образом, отношения Анастасия и константинопольской знати были далеко не блестящи, и старый император умер, по справедливому выражению Ш. Лекривена, в открытой враждебности с народом и сенатом⁴⁷. Именно поэтому после смерти Анастасия даже не возникло вопроса о продолжении династии, и аристократия встала на сторону ортодоксального Юстина⁴⁸. В период его правления деятельность сената несколько активизируется. Когда Юстину пришлось решать вопрос об усыновлении Хосрова, дело это рассматривалось в сенате⁴⁹. В присутствии сената Юстиниан был объявлен соправителем старого императора⁵⁰. Наконец, выше уже упоминалось об участии сенаторской аристократии в религиозных делах.

Положение меняется с приходом к власти Юстиниана. Этот император, по всей вероятности, решил продемонстрировать свою независимость не только от партий цирка, борьба которых еще недавно захватывала его самого⁵¹, но и от сената. В период с 527 по 532 г. известия о сенате исчезают со страниц источников. Над всем доминирует фигура императора, и лишь отдельные сенаторы принимают участие в управлении государством как исполнители воли автократора.

Поэтому вполне естественно, что лишенная возможности проявлять политическую активность и оттесненная от выгодных административных должностей часть сенаторской аристократии решила использовать стихийно возникшее народное движение, которое в значительной степени было направлено и против нее.

Но выступив против Юстиниана, знать вовсе не мечтала о возвращении к прежним временам Анастасия, когда ей так же, хотя и в несколько меньшей степени, отказывали в праве решать важные государственные дела. Просто племянники Анастасия были для нее удобными кандидатами на престол. Не отличаясь ни яркими талантами, ни силой характера, они вместе с тем были связаны со старой аристократией и принадлежали к императорской семье. К тому же двое из них, Ипатий и Помпей, не разделяли монофиситских взглядов своего покойного родственника.

Таким образом, сенаторская аристократия, примкнувшая к восставшим, отстаивала свои собственные интересы, которые едва ли можно отождествлять с интересами династической оппозиции.

Как было сказано, сенаторы уже на второй день восстания попытались использовать его в своих интересах, но открыто они примкнули к восставшим лишь 18 января⁵², т. е. после того, как Юстиниан изгнал их из дворца вместе с Ипатием и Помпеем⁵³. По-видимому, именно этот необдуманный поступок императора сделал их более решительными, и они появились на форуме Константина, где был коронован Ипатий⁵⁴. Здесь вместе с народом они начали обсуждать дальнейший план действий. Многим из восставших хотелось без промедления идти на штурм дворца, но в этот момент выступил сенатор Ориген, пытавшийся удержать народ от поспешных действий. В данный момент, говорил сенатор, выгоднее превратить в опорные пункты дворцы, находящиеся в западной части Константинополя, и оттуда уже начинать наступление⁵⁵. На первый взгляд это кажется отговоркой и даже предательством. Но то обстоятельство, что Ориген, по всей вероятности, входил в число сенаторов, удаленных

⁴⁷ Ch. Lecrivain. Op. cit., p. 223.

⁴⁸ *Constantini Porphyrogeniti De caerimoniis aulae byzantinae*, vol. I. Bonnae, 1829, p. 426—430 (далее — *De caerimoniis*); A. A. Vasiliev. Op. cit., p. 71, 75—76, 115—116.

⁴⁹ *Theoph.*, p. 168; ср.: H.-G. Beck. *Senat und Volk von Konstantinopel*, S. 53.

⁵⁰ Ch. Lecrivain. Op. cit., p. 222; A. A. Vasiliev. Op. cit., p. 414; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 240.

⁵¹ A. A. Vasiliev. Op. cit., p. 117; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 239.

⁵² *Procop.*, B. P., I, 24, 25.

⁵³ *Chron. Pasch.*, p. 624; *Procop.*, B. P., I, 24, 19.

⁵⁴ *Procop.*, B. P., I, 24, 25.

⁵⁵ *Ibid.*, I. 24, 30.

Юстинианом из дворца, и, следовательно, был враждебно настроен к императору, дает возможность предположить, что он призывал овладеть другими дворцами, считая подобные действия наиболее целесообразными. Так же, очевидно, воспринимал это и Прокопий, который сразу же после речи Оригена весьма пренебрежительно отзывается о толпе, как бы противопоставляя благоразумного сенатора «этой черни, любящей все делать поспешно»⁵⁶, а также Ипатию, которому не терпелось понасть в царскую кафисму.

Возможно, Ориген в своей речи отражал точку зрения всех или во всяком случае большинства сенаторов, причастных к восстанию. Прокопий не упоминает о выступлениях других сенаторов и приводит лишь одну эту речь, которая, вероятно, была характерна для настроений аристократов столицы. Вообще ни один источник, описывая ход восстания, ничего не говорит о сенаторах; лишь по свидетельству Пасхальной хроники, восставшие повели на ипподром Ипатия, Помпея и патрикия Юлиана⁵⁷, по-видимому, одобрявшего тактику восставших.

Итак, позиция сенаторов в восстании Ника отличалась двойственностью. С первых же дней восстания аристократические круги Константинополя попытались использовать народное движение в своих интересах и направить его по выгодному для себя руслу. Их влияние на восстание отрицать невозможно. Однако в силу своей классовой ограниченности сенаторы отказались от решительных действий, и их союз с народными массами был лишь временным.

II. ДИНАСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В ВОССТАНИИ НИКА

Роль династической оппозиции в восстании Ника давно привлекала внимание исследователей. В. А. Шмидт, например, выделяет ее как одну из основных причин восстания. Автор рисует яркие образы племянников Анастасия, прежде всего Ипатия, приписывая ему стремления, которых в действительности не было, и подвиги, которых он не совершал⁵⁸.

Придавая большое значение династической оппозиции, В. А. Шмидт, по-видимому, опирается на рассказ комита Марцеллина, который утверждает, что «Ипатий, Помпей и Проб, когда в январские иды большая часть знати была связана клятвой, с помощью даров и раздачи оружия побудили обманутую толпу выступить против власти, которую они каждый в отдельности желали себе захватить, и с помощью дурных граждан разрушили огнем, мечом и грабежом царственный город, в то же время во дворце избравшая себя преданными императору»⁵⁹. Сведения этого хрониста были, по всей вероятности, близки к официальной версии⁶⁰, представлявшей восстание как династический заговор, а не народный мятеж⁶¹.

⁵⁶ *Procop.*, B. P., I, 24, 31.

⁵⁷ *Chron. Pasch.*, p. 624.

⁵⁸ *W. A. Schmidt. Der Aufstand in Konstantinopel unter Kaiser Justinian.* Zürich, 1854, S. 26. Автор пишет, что Ипатий был храбр, отважен и испытан в военном деле. Сведения В. А. Шмидта, однако, основываются на источниках панегирического характера и не имеют под собой реальной почвы. Так, автор утверждает, что во время персидской войны Ипатий возвратил империи Амиду, но это не следует ни из какого источника (*Joshua the Stylite. The Chronicle composed in Syriac* A. D. 507. Cambridge, 1882, ch. 71 f.; *Zach. Rhet.*, VII, 5; *Theoph.*, p. 148—149; см. также: *J. Bury. Op. cit.*, vol. II, p. 14; *E. Stein. Op. cit.*, t. II, p. 97—98; *Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. М.—Л.*, 1940, стр. 121—126). Рисуя пленение Ипатия Виталианом, В. А. Шмидт пишет, что он попал в плен из-за своей чрезмерной храбрости и стойко переносил невзгоды плена. Но и это не соответствует действительности (см. ниже, стр. 32).

⁵⁹ *Marcell. Comit.*, p. 103.

⁶⁰ *J. Bury. The Nika Riot.* — *JHS*, XVII, 1897, p. 93; автор в то же время отстаивает самостоятельность суждений комита Марцеллина, полагая, что он не столько писал в угоду императору, сколько отражал настроения придворных кругов вообще.

⁶¹ *З. В. Удальцова. Народные движения в Византии при Юстиниане. Восстание Ника (532).* — В кн.: «История Византии», т. 1. М., 1967, стр. 285.

Вслед за В. А. Шмидтом, хотя и независимо от него, династическую оппозицию как одну из причин восстания выделял К. Папарригопуло⁶². Однако взгляды этих ученых без всякой критики были преданы забвению, а вопрос о династической оппозиции получил несколько иное освещение. С этой оппозицией отождествляются выступления самых различных слоев населения Константинополя против Юстиниана, поскольку исследователи видят в них стремление возвратиться к старым анastasиевым временам. При этом взоры народа и сената, естественно, обращаются к племянникам Анастасия, которым вместе с тем отводится очень скромная роль: они лишь уступили настойчивым просьбам толпы⁶³.

Какова же была роль династической оппозиции накануне восстания и в ходе его?

Прежде всего следует отметить, что при Юстине и в первые годы правления Юстиниана династическая оппозиция, если вообще можно говорить о ее существовании, не представляла собой существенной угрозы правящей династии. Во время выборов нового императора в июле 518 г. о племянниках Анастасия не было и речи. Ни димы, ни войско не вспомнили о них⁶⁴, хотя Ипатий и Помпей не разделяли монофиситских взглядов умершего императора⁶⁵. Сенат полностью встал на сторону Юстина⁶⁶. Даже ближайший сподвижник Анастасия — препозит Амантий добивался престола для Феокрита⁶⁷, несмотря на то, что третий племянник императора, патрикий Проб, был монофиситом⁶⁸. По всей вероятности, именно непопулярность Анастасия в столице сделала невозможным выдвижение на престол одного из его родственников. В течение последующих почти 14 лет ни Юстин, ни Юстиниан не рассматривали их как серьезных претендентов на престол. Византия VI в. еще не знала принципа легитимности в занятии трона; силы, которые могли бы поддержать родственников Анастасия, отсутствовали, а особыми талантами или достоинствами ни один из них не обладал. Ипатий, возглавляя вместе с другими стратигами ромейское войско во время персидской войны 502—506 гг., показал себя совершенно неспособным полководцем. Несмотря на некоторые противоречия источников в изображении хода событий этой войны⁶⁹, все они отмечают его бесталанность и неумение руководить войском. По свидетельству Иешу Стилита и Феофана, Ипатий и Патрикий отказались прийти на помощь Ареобинду, которому предстояло сражаться с Кавадом, и тем самым обрекли его на неудачу⁷⁰. Красочно описывает Захария Ритор поражение, нанесенное Кавадом ромейским стратигам, в том числе и Ипатию. «Они, — пишет хронист, — потеряли много лошадей и бывших на них всадников, которые упали со скал, разбились, умерли и покалечи-

⁶² К. Παπαρρηγόπουλος 'Ο μεσαιωνικός ἑλλητισμός καὶ ἡ στάσις τοῦ Νίκα. Ἀθήναι, 1868, σελ. 7—8.

⁶³ Ю. Кулаковский. Указ. соч., т. II, стр. 82—83; J. Bury. History of the Later Roman Empire, vol. II, p. 42, 44; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 452—453.

⁶⁴ De caerimoniis, p. 426—430; Ю. Кулаковский (указ. соч., т. II, стр. 497) высказывает предположение, что неизвестным патриkiem и магистром армии, которого выдвигали на трон схолярии, был Ипатий. Однако это соображение следует отбросить, так как Ипатий в момент смерти Анастасия находился на Востоке, в Антиохии или еще дальше (E. Stein. Op. cit., t. II, p. 220). Э. Штейн считает, что именно из-за отсутствия Ипатия дому Анастасия не удалось закрепить за собой трон. Но это представляется маловероятным.

⁶⁵ П. Харанис, ссылаясь на Прокопия (В. Р., I, 24, 19), говорит, что Ипатий был монофиситом: P. Charanis. Church and State in the Later Roman Empire. The Religious Policy of Anastasius the First, 491—518. Madison, 1939, p. 11. Но в соответствующем отрывке Прокопия Ипатий лишь назван племянником ранее правившего Анастасия.

⁶⁶ De caerimoniis, p. 426—430; A. A. Vasiliev. Op. cit., p. 71, 75—76, 115—116.

⁶⁷ Malal., p. 410; Chron. Pasch., p. 612.

⁶⁸ E. Stein. Op. cit., t. II, p. 216.

⁶⁹ Н. В. Пугачевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., стр. 108—110.

⁷⁰ Joshua the Stylite, ch. 55—56; Theoph., p. 146.

лись»⁷¹. Этому описанию соответствуют и факты, приведенные Прокопием⁷². Вследствие своих неудач Ипатий был отозван в Константинополь, однако через несколько лет он вновь становится во главе ромейского войска, на этот раз в борьбе с Виталианом, который без труда разгромил племянника императора, а самого его захватил в плен⁷³. И опять, как и в войне с персами, он оказался причиной гибели многих людей. По данным Иоанна Антиохийского, из 80 тыс. воинов в решающем сражении погибло 60 тыс.⁷⁴ Самому же Ипатию пришлось испытать много унижений, прежде чем его выкупил отец, патрикий Секундин⁷⁵.

Не отличался высокими талантами и патрикий Проб, которому лишь однажды было поручено важное задание, а именно миссия к гуннам, где его ожидала полная неудача⁷⁶. Описывая это путешествие, Захария Ритор говорит скорее о религиозности Проба, чем о его дипломатических талантах⁷⁷.

Совершенно бесцветной личностью был третий племянник Анастасия — Помпей. После неудачи в восстании Ника трусливый и безвольный Помпей, по свидетельству Прокопия, сидя в темнице, «рыдал и говорил жалобные речи»⁷⁸.

Вполне естественно, что ни Ипатий, ни Помпей, ни Проб сами по себе не могли внушить страх Юстину и Юстиниану, а общественное мнение столицы было не в пользу племянников Анастасия. Их не удалили от двора, и Помпей вместе с Виталианом и Юстинианом встречал послов папы в марте 519 г.⁷⁹ Его брат Ипатий вновь получил должность стратилата Востока⁸⁰. Среди именитейших ромеев он отправился на встречу с представителями Кавада для ведения переговоров об усыновлении Хосрова⁸¹. Когда же Руфин обвинил в провале миссии Ипатия, дело было расследовано со всей тщательностью, и племянник Анастасия оказался оправдан⁸². Более того, когда у Юстиниана появилась возможность избавиться от Проба, которого сенат признал виновным в оскорблении императора, он, напротив, простил его⁸³.

Можно было бы думать, что Юстиниан заигрывал со своими соперниками, однако эта мысль кажется маловероятной. Юстиниан без колебания устранил подлинного соперника, когда тот встал на его пути. Речь идет

⁷¹ *Zach. Rhet.*, VII, 5. Цит. по кн.: Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 156.

⁷² *Procop.*, B. P., I, 8, 13—19.

⁷³ *Ex. de ins.*, p. 145; *Malal.*, p. 402; *Theoph.*, p. 157; *Zach. Rhet.*, VII, 13.

⁷⁴ *Ex. de ins.*, p. 145. В этом сражении Ипатий решил использовать в качестве укрепления соединенные повозки, но это не принесло успеха. Воином Виталиана удалось прорвать укрепление и смять императорское войско. Люди и лошади падали в пропасть. Иоанн пишет, что погибших было так много, что дно пропасти сравнялось с вершинами вокруг нее. П. Харанис (*op. cit.*, p. 55) и Э. Штейн (*op. cit.*, p. 180—181) считают цифры, приведенные Иоанном, преувеличенными, но ни тот ни другой не отрицают гибели громадного числа людей.

⁷⁵ *Ex. de ins.*, p. 145; *Theoph.*, p. 160; Ю. Кулаковский. Указ. соч., т. I, стр. 512; *E. Stein. Op. cit.*, t. II, p. 181; *R. Guiland. Op. cit.*, II, p. 135.

⁷⁶ *Procop.*, I, 12, 6 sq.; *Zach. Rhet.*, XII.7; A. A. Vasiliev. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Mass., 1931, p. 70; B. Rubin. *Op. cit.*, S. 261 f.

⁷⁷ *Zach. Rhet.*, XII, 7.

⁷⁸ *Procop.*, B. P., I, 24, 55.

⁷⁹ *E. Stein. Op. cit.*, t. II, p. 227; A. A. Vasiliev. *Justin the First*, p. 175—176.

⁸⁰ *Malal.*, p. 423.

⁸¹ *Procop.*, B. P., I, 11, 24. Б. Рубин, впрочем, объясняет это политическими мотивами (*B. Rubin. Op. cit.*, S. 260—261).

⁸² *Procop.*, B. P., I, 11, 38—39.

⁸³ *Malal.*, p. 438—439. «В то же самое время, — пишет хронист, — родственник императора Анастасия, патрикий Проб, поносил императора Юстиниана, вызвав тем самым его гнев. После того как состоялся силенций и конвент для составления письменного заключения и когда в собрании сената это заключение, содержащее осуждение Проба, было прочитано императору Юстиниану, тот, взяв написанное, разорвал его и сказал Пробу: «Я прощаю тебе то, что ты сделал против меня. Молись, чтобы и бог простил тебя».

о прославленном полководце, мужественном и храбром Виталиане, популярность которого в столице была огромна⁸⁴. Именно в этом человеке, а не в бесталанных племянниках Анастасия видел будущий император угрозу своему стремлению к славе и трону.

Итак, все вышеизложенное позволяет предположить, что Ипатий, Помпей и Проб не имели никакого отношения к началу восстания. Династическая оппозиция не только не была причиной, но не явилась даже поводом к этому народному возмущению. Более того, по данным источников, лишь на шестой день Ипатий и Помпей оказываются вместе с восставшим народом⁸⁵.

Можно, конечно, думать, что какие-то связи между племянниками Анастасия и восставшим народом существовали и раньше. Так, несколько странным кажется поведение Ипатия и Помпея в то время, когда их отсылал из дворца Юстиниан. «На пятый день мятежа, — пишет Прокопий, — император Юстиниан приказал Ипатию и Помпею, племянникам ранее правившего Анастасия, как можно быстрее идти домой. То ли он подозревал их в посягательстве на свою жизнь, то ли сама судьба вела их к этому. Те же, когда это случилось, испугавшись, как бы народ не принудил их к царствованию, сказали, что поступят неблагоразумно, если оставят императора в минуту опасности. Услышав это, император Юстиниан еще больше стал их подозревать и еще настойчивее приказал им удалиться. Таким образом, оба они были в самом деле отведены домой и, пока была ночь, там пребывали в бездействии»⁸⁶. Странными кажутся их опасения относительно того, что народ заставит их принять титул и власть императора. Еще более удивляет другое обстоятельство. Когда Ипатий и Помпей были схвачены и приведены к императору, они упали ему в ноги, говоря: «Деспот, мы много потрудились, чтобы привести на ипподром врагов державы нашей»⁸⁷, на что Юстиниан ответил: «Хорошо поступили, но если они вас слушали, почему вы не сделали этого до того, как был сожжен весь город?»⁸⁸. Упрек императора, если не воспринимать его как злую иронию, кажется нелепым, так как город был сожжен до того, как Ипатия и Помпея изгнали из дворца и народ «принудил» их к царствованию. Возможно, Юстиниан как раз намекает на какие-то отношения племянников Анастасия с восставшими. Во всяком случае, мысль о возведении на престол одного из них родилась, по всей вероятности, 14 января, когда восстание уже достигло большого размаха. Либо потому, что Ипатий колебался, либо потому, что он вместе с Помпеем и другими сенаторами находился во дворце, восставшие решили провозгласить императором Проба, который и в этот благоприятный для него момент предпочел оказаться в тени.

Таким образом, даже если предположить существование какой-то связи между династической оппозицией и восставшими, то нельзя не отметить, что заметной роли в восстании племянники Анастасия не играли вплоть до 18 января, когда Ипатий был провозглашен императором. Именно это событие послужило переломным моментом в поведении Ипатия и Помпея. После того, как восставшие провозгласили Ипатия императором на форуме Константина, он, вопреки желанию сенаторов, решил вместе с бегущей толпой отправиться на ипподром, чтобы как можно быстрее попасть в Большой дворец⁸⁹. Титул императора стал для него притягательной силой и положил конец его колебаниям. Не отличаясь, однако,

⁸⁴ Подробно о причастности Юстиниана к убийству Виталиана см.: А. А. Vasiliev. Justin the First, p. 108—115; о его популярности см. там же, стр. 109 сл., 158.

⁸⁵ *Procop.*, В. Р., I, 24, 22.

⁸⁶ *Procop.*, В. Р., I, 24, 19—21.

⁸⁷ *Malal.*, p. 476; Chron. Pasch., p. 627.

⁸⁸ *Ibidem.*

⁸⁹ *Procop.*, В. Р., I, 24, 31.

твердостью характера, Ипатий, уже будучи на ипподроме, испугался, что победа окажется на стороне Юстиниана, и тайно послал во дворец некоего Ефрема, пользовавшегося его доверием. Получивший ложные сведения Ефрем, возвратившись, сказал Ипатии: «Деспот, богу угодно, чтобы ты стал царствовать, ведь Юстиниан бежал и никого нет во дворце»⁹⁰. После этого Ипатий, по свидетельству Малалы и Пасхальной хроники, почувствовал себя увереннее в царской кафисме и охотно слушал восхваления в свой адрес и оскорбления в адрес Юстиниана и Феодоры⁹¹. Нерепитительный и целиком полагавшийся на удачу, он мог быть подходящей кандидатурой для сената, но не для восставшего народа. По сути дела, Ипатий сам погубил дело восставших. Имея на своей стороне почти весь Константинополь, он не сумел воспользоваться этим преимуществом, совершив большую тактическую ошибку. Видя, что Юстиниан не может одолеть восставших в уличных боях, Ипатий двинулся с ними на ипподром, где легче всего можно было расправиться с восставшими. Бесспорно, Ипатий не собирался предать восставших, с которыми он уже связал свою судьбу. Просто это была очередная ошибка бездарного полководца.

Итак, династическая оппозиция, примкнувшая к восстанию, попыталась использовать народное движение в своих целях. Но она не смогла закрепить успехи восставшего народа. Напротив, династическая оппозиция лишь способствовала разгрому восстания.

III. ЦИРКОВЫЕ ПАРТИИ И НАРОД В ВОССТАНИИ НИКА

Несмотря на обилие литературы⁹², вопрос о цирковых партиях все еще ждет своего исследователя. Фундаментальная работа А. П. Дьяконова, получившая высокую оценку у ряда ученых⁹³, не разрешила многих вопросов, о чем справедливо писал М. Я. Сюзюмов⁹⁴. Отметим одно положение работы А. П. Дьяконова, которое, хотя и оспаривалось Н. В. Пигулевской⁹⁵, Г. Зайдлером⁹⁶ и С. Винклер⁹⁷, заслуживает самого пристального внимания. Речь идет о существовании в византийском обществе того периода некой «конституционной силы» народа. В последнее время к исследованию этой проблемы обратился Г. Г. Бек. Он утверждает, что важны не разногласия между партиями, важно то, какую роль играют народные массы в период существования цирковых партий⁹⁸. Конкретизируя свою мысль, Г. Г. Бек показал, что население Константинополя принимало участие в выборах императора, хотя первое место автор, как и Е. Христофилопуло⁹⁹, отводит сенату¹⁰⁰.

⁹⁰ Chron. Pasch., p. 625.

⁹¹ Malal., p. 475; Chron. Pasch., p. 625.

⁹² Из последних исследований по цирковым партиям, кроме работы Сп. Вриониса, которая была уже отмечена З. В. Удальцовой («Мировоззрение византийского историка VI в. Агафия Миринейского». — ВВ, XXIX, 1968, стр. 162, прим. 53), можно назвать статью Дж. Файна, справедливо, на наш взгляд, полагающего, что в V—VII вв. практически стерлись различия между понятиями димы и факции (J. V. A. Fine. Two Contributions on the Demes and Factions. — ЗРВИ, 10, 1967, p. 29 sq.).

⁹³ См., например: A. A. Vasiliev. Justin the First, p. 75—78, n. 57; H.-G. Beck. Konstantinopel, S. 35, Anm. 71.

⁹⁴ М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточноримской империи. — «УЗ Уральского гос. университета», вып. 11, 1952, ист., стр. 89 сл.

⁹⁵ Н. В. Пигулевская. К вопросу о борьбе демов в ранней Византии. — ВВ, V, 1952, стр. 221.

⁹⁶ G. L. Seidler. Soziale Ideen in Byzanz. Berlin, 1960, S. 34, Anm. 1.

⁹⁷ S. Winkler. Byzantinische Deme und Faktionen. — In: Sozialökonomische Verhältnisse im Alten Orient und im Klassische Altertum. Berlin, 1961, S. 321—322.

⁹⁸ H.-G. Beck. Konstantinopel, S. 36.

⁹⁹ A. Christophoropoulos. Ἐκλογὴ, ἀναγόρευσις καὶ στέφεις τοῦ Βυζαντινοῦ αὐτοκράτορος. — «Πραγματεῖαι τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν», Том. 22, ἀρ. 2. Ἀθήναι, 1956. См. возра-

Источники дают немало материала для подтверждения точки зрения А. П. Дьяконова — Г. Г. Бека. Так, заключая перемирие с Анастасием, Виталиан потребовал клятвы не только от императора и сената, но и от народа¹⁰¹. Когда же Анастасий нарушил эту клятву, народ открыто порицал императора¹⁰². Простой люд Константинополя часто вмешивался в религиозные дела, оказывая давление на императора или патриарха. В 507 г., когда Анастасий пригласил в столицу ярого монофисита Филоксена, волнения среди населения привели к тому, что император оказался вынужденным тайно вывезти его из города¹⁰³. В 511 г. восточные монахи начали распевать в церквях монофиситское «трисвятое», и Анастасий дал клятву никогда больше не видеть патриарха Македония. Тогда поднялся весь народ, и напуганный император сам пригласил патриарха во дворец, где тот был встречен с большим почетом¹⁰⁴. Вскоре, однако, Анастасию удалось одержать верх над Македонием¹⁰⁵, но тем не менее он удалил патриарха из Константинополя ночью, боясь выступления народных масс¹⁰⁶. В 512 г. народ ответил крупным восстанием на открытый переход императора к монофиситству¹⁰⁷, хотя причины волнения, по-видимому, были не только религиозные. После смерти Анастасия именно народ принуждает патриарха Иоанна признать Халкидонский собор¹⁰⁸. А в 533 г. после сильного землетрясения «весь народ» столицы собрался на форуме Константина, призывая императора сжечь акты Халкидонского собора¹⁰⁹.

Нередко народ высказывал свое недовольство и отдельными должностными лицами, тем самым побуждая императора к их смещению. В 491 г. префект города Юлиан издал указ, запрещавший народу собираться на ипподроме. Возмущение было настолько сильным, что Анастасий в конце концов сместил неугодного народу префекта и на его место поставил своего зятя патрикия Секундина¹¹⁰. В 498 г. после сильного волнения димов префектом города был назначен патрон партии прасинов Платон¹¹¹.

Согласно закону Константина, народ имел право открыто обращаться к императору с жалобами¹¹², и это, как выразительно показывают «Акты Калоподия», не было простой фикцией. Диалог начинается с жалоб и просьб, но вскоре тон его становится резче, зеленые все чаще переходят

жения Б. Рубина («Gnomon», 30, 1958, S. 471—473; «Das Zeitalter Justinians», S. 57) и И. Караяннопулоса (BZ, 50, 1957, S. 469 f.).

¹⁰⁰ H.-G. Beck. Senat und Volk von Konstantinopel, S. 10 f. (ср.: А. П. Дьяконов. Указ. соч., стр. 171 сл.). Но Г. Г. Бек не ограничивается только указанием на участие сената и народа в выборах императора. По его мнению, они затем осуществляли своеобразный контроль над деятельностью избранного ими императора (S. 47 f.).

¹⁰¹ Theoph., p. 160; P. Charanis. Op. cit., p. 56.

¹⁰² Theoph., p. 161.

¹⁰³ Ibid., p. 149—150; P. Charanis. Op. cit., p. 31.

¹⁰⁴ Theodor Lect.: PG, t. 86, col. 197; Theoph., p. 154.

¹⁰⁵ P. Charanis. Op. cit., p. 38—41; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 169—170.

¹⁰⁶ Theodor Lect., col. 200; Theoph., p. 155.

¹⁰⁷ Malal., p. 407—408; Evagrius. The Ecclesiastical History. London, 1898, III, 44.

¹⁰⁸ Mansi, VIII, col. 1057—1066; Ю. Кулаковский. Указ. соч., т. II, стр. 6—7;

А. А. Васильев. Justin the First, p. 137. sq.

¹⁰⁹ Chron. Pasch., p. 629. Это, пожалуй, единственный известный случай, когда за монофиситство выступили широкие массы населения столицы. Причины этого неясны, но, может быть, их следует искать в бедствиях, постигших Константинополь: недавно было разгромлено восстание Ника, в результате страшной резни погибло 35 тыс. человек; затем на город обрушилось сильное землетрясение. Народ в испуге. Эта растерянная толпа, возможно, представляла собой благодатную почву для проповедей монофиситов, которых тогда немало было в столице, так как именно в это время Юстиниан искал попытки примирения с ними.

¹¹⁰ Ex. de ins., p. 141.

¹¹¹ Malal., p. 394—395.

¹¹² Cod. Iust., I, 40. 3; W. A. Schmidt. Op. cit., p. 47.

к намекам и оскорблениям, и, наконец, заявляют: «Лучше бы не родился Савватий, он не имел бы сына-убийцу»¹¹³. Тем не менее разговор на этом не заканчивается, и император продолжает выслушивать резкие жалобы зеленых на отсутствие справедливости¹¹⁴. Диалог, приведенный Феодором, бесспорно, является необыкновенно интересным источником, но вместе с тем едва ли можно считать его уникальным. В актах собора 536 г. сохранились любопытные документы, которые зафиксировали события, происходившие в Константинополе 15—16 июля 518 г.¹¹⁵ Собранный в св. Софии народ обращается, правда, не к императору, а к патриарху, но тон и характер разговора очень напоминают диалог в ипподроме в январе 532 г., причем именно вторую, более откровенную по тону, его половину. «Кто не предаст анафеме Севера, — кричит толпа, — тот сам манихей. Анафема Северу манихею. Кто не говорит это, тот сам манихей»¹¹⁶ (ср.: «Кто не говорит, что правильно верит деспот, анафема тому, как Иуде»¹¹⁷). Выкрикивая так некоторое время и постоянно побуждая Иоанна признать Халкидонский собор, толпа, наконец, входит в самый алтарь и уже там кричит: «Многая лета императору! Многая лета Августе! Я свидетельствую: ты не уйдешь, если не предашь анафеме Севера. Скажи ясно: анафема Северу! . . . Ты не сойдешь [с кафедры], если не предашь анафеме. Многая лета патриарху, достойному Троицы! Многая лета императору! Многая лета Августе! Объяви о прославлении Халкидонского собора. Я не уйду, если не объявишь, мы будем здесь до вечера»¹¹⁸.

Таким образом, в VI в. народ был реальной политической силой и обладал необычайной политической активностью, причем его разделение на партии играло второстепенную роль. Столкновения между ними нередко носили спортивный характер и значительно уступали совместной борьбе обеих партий против правительства¹¹⁹.

В большой степени все это было характерно и для восстания Ника, где единство и сила народа проявились с необыкновенной полнотой, а деление его на партии отошло на второй план. За несколько дней до начала восстания синие и зеленые еще ссорились на ипподроме в присутствии императора¹²⁰, однако достаточно было одного события (нарушение обычая при совершении казни), как две враждующие группы объединились. О связи этих событий (казнь и объединение партий) свидетельствует то обстоятельство, что заключившие союз прасины и венеты требуют только помилования осужденных¹²¹. Очевидно, в этом факте они видели проявление политики Юстиниана, в известной степени направленной против обеих фракций. Это же обусловило их единство на ипподроме 13 января, где они провозгласили свой союз. Малала ярко рисует единство народа в этот момент. «. . . Когда же дьявол внушил им дурную мысль, — пишет хронист, — они стали кричать друг другу: «Многая лета человеколюбивым прасинам и венетам!» Окончив игры, толпа вышла в дружном единодушии (τὰ πλῆθη φιλόσυντα), взяв себе в качестве пароля слово «Ника», для того чтобы не примешались к ним солдаты или экскувиты. И таким образом она начала бушевать»¹²². Нигде уже

¹¹³ *Theoph.*, p. 183.

¹¹⁴ *Ibid.*, p. 183—184.

¹¹⁵ *Mansi*, VIII, col. 1057—1066. Английский перевод этих документов приведен А. А. Васильевым в кн.: «Justin the First», p. 137—144.

¹¹⁶ *Mansi*, VIII, col. 1058.

¹¹⁷ *Theoph.*, p. 182.

¹¹⁸ *Mansi*, VIII, col. 1059. Нечто подобное происходило в Тире 16 сентября 518 г.: *Mansi*, VIII, col. 1081—1092; А. А. Васильев. *Justin the First*, p. 151. По-видимому, такого рода проявление эмоций было вообще характерно для той эпохи.

¹¹⁹ А. П. Дьяконов. Указ. соч., стр. 204.

¹²⁰ *Theoph.*, p. 183—184.

¹²¹ *Malal.*, p. 473—474.

¹²² *Ibid.*, p. 474.

источники не пишут τὰ μέρη, но только οἱ δῆμοι, что равнозначно ὁ δῆμος и οἱ ὄχλοι¹²³.

Таким образом, восстание началось стихийно и родилось в недрах народных масс. В первый же день, 13 января, движение приняло широкий социальный характер. Восставшие громили дома богачей¹²⁴, многие из которых бежали на азиатский берег Босфора¹²⁵. Разгневанная толпа сожгла преторий префекта города и две тюрьмы, освободив политических заключенных¹²⁶. Во время пожара, который устроили восставшие, пострадали такие важные государственные постройки, как сенат, часть Большого дворца, бани Зевксихпа¹²⁷. Даже церковь св. Софии подожгли сами же восставшие. «Показывая, что не только против императора, но и против бога они в безумстве подняли руки, они осмелились сжечь и христианскую церковь (византийцы называют этот храм Софией, считая такое название наиболее подходящим для бога)», — пишет Прокопий¹²⁸. Примечателен и тот факт, что кроме домов аристократов и важных государственных построек, которые жгли восставшие, выражая свой протест против социального угнетения, были разрушены и крупные торговые помещения, такие, как дом ламп¹²⁹ и лавки аргиропратов¹³⁰. Аргиропраты принадлежали к торгово-ростовщической верхушке города, давали деньги в долг под большие проценты и были настолько богаты, что могли субсидировать заговор против Юстиниана¹³¹.

Итак, с первых дней восстания, с первых его часов главную роль в нем, бесспорно, играли народные массы. Именно благодаря их упорству был смещен и наиболее ненавистный всем слоям населения Иоанн Каппадокийский. Выразительно пишет об этом автор Пасхальной хроники: «... И сказал им император: «Идите и узнайте, из-за чего бунтуют». И вышли из дворца патрикий Василид... и Константиол. Остановив толпу, бушующую у дворца, и заставив ее замолчать, они обратились к ней с вопросом: «Из-за чего бунтуете?» Толпа же поносила префекта преториев Иоанна Каппадокийского, квестора Руфина и эпарха города Эвдемона. Услышав это, они передали императору. Тотчас же он сместил префекта преториев Иоанна...»¹³². Юстиниана испугал необычайный размах мятежа и участие в нем огромных масс народа. Одно лишь количество убитых на ипподроме 18 января (35 тыс.)¹³³ дает возможность

¹²³ *Malal.*, p. 474—476; *Chron. Pasch.*, p. 623—625; *Procop.*, B. P., 1, 24, 7 sq; *Theoph.*, p. 184.

¹²⁴ *Theoph.*, p. 184; *Procop.*, B. P., I, 24, 9.

¹²⁵ *Procop.*, B. P., I, 24, 8.

¹²⁶ *Ibid.*, I, 24, 7.

¹²⁷ *Malal.*, p. 474—475; *Procop.*, B. P., I, 24, 9; *Theoph.*, p. 184; *Chron. Pasch.*, p. 621—622; *Cedrenus*, p. 647—648.

¹²⁸ *Procopii Caesariensis Opera omnia*, vol. IV. Lipsiae, 1964, I, 1, 20. По свидетельству Захарии Ритора (IX, 14), св. Софию подожгли агенты императора, чтобы посеять страх и смуту среди восставших. См. возражения Дж. Бьюри («The Nika Riot», p. 117, n. 2).

¹²⁹ *Cedrenus*, p. 648.

¹³⁰ *Chron. Pasch.*, 623; *Theoph.*, p. 184.

¹³¹ Об аргиропратах см. Nov. 136, ed. VII, IX; М. Я. Сюзюмов. Византийская книга эпарха. М., 1962, стр. 127 сл.; Н.-Г. Бек. Konstantinopel, S. 22; о заговоре — *Malal.*, p. 493—495; *Theoph.*, p. 237—238; Ex. de ins., p. 173—175; А. П. Дьяконов. Указ. соч., стр. 194—195; Н. В. Пугачевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.—Л., 1946, стр. 150—151; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 779; L. Chassin. Bélisaire, généralissime byzantin (504—565). Paris, 1957, p. 208—209.

¹³² *Chron. Pasch.*, p. 620—621; *Malal.*, p. 475. Мнение А. Джонса о том, что Иоанн был ненавистен только аристократии (op. cit., p. 272), опровергается не только Малалой, Пасхальной хроникой, Прокопием, Иоанном Лидом, но и Захарией Ритором.

¹³³ *Malal.*, p. 476. Общая численность населения Константинополя, по мнению Д. Якоби, составляла 375 тыс. человек (D. Jacoby. La population de Constantinople à l'époque byzantine. — Byz., 31, 1961, p. 107—108). Еще меньшую цифру (максимум — 300 тыс.) предложил в своей рецензии на работу Д. Якоби А. П. Каждан: «Новое исследование о численности населения Константинополя в период раннего средневековья». — ВИ, 1962, № 5, стр. 192.

представить, насколько велико было число восставших. Вместе с мужчинами сражались и женщины. По свидетельству Зонары, они бросали с верхних этажей в солдат-варваров камни и все, что попадалось под руку ¹³⁴. Об участии женщин в борьбе упоминает и Пасхальная хроника ¹³⁵.

Но восстание охватило не только значительную часть константинопольского населения. В рядах повстанцев оказалось большое количество пришедших людей. Вымогательства Иоанна Кашпадокийского вызвали сильное недовольство в провинции и послужили причиной большого наплыва в столицу обездоленных, разоренных и озлобленных лиц. Об этом свидетельствуют данные Иоанна Лида ¹³⁶, Захарии Ритора ¹³⁷ и 80-й новеллы, выпущенной вскоре после восстания и направленной как раз против чрезмерного скопления в Константинополе жителей других городов и областей. Эти люди, само собой разумеется, не остались безучастными к происходящей на улицах столицы борьбе. По рассказу Захарии Ритора, именно они побуждали к действию население города. «В столице, — пишет хронист, — были люди из всех мест и в немалом числе. Они жаловались на него (Иоанна Кашпадокийского), склонялись к одной из партий и помогали ей. Поэтому и раздались возгласы против него и императора, партии объединились и пришли к согласию» ¹³⁸. Это свидетельство Захарии Ритора, по всей вероятности, несколько преувеличено, но не лишено оснований, и можно вполне предположить, что в эти дни, в январе 532 г., население Константинополя действительно олицетворяло собой население всей империи ¹³⁹.

Восставшие стали грозной силой и успешно вели бои с отборными дружинами Велисария и Мунда ¹⁴⁰. Пришедшие на помощь правительству отряды солдат из окрестных мест также не смогли одолеть восставших и в злобе подожгли одну из красивейших построек столицы — Октагон ¹⁴¹. В руках народа оказался почти весь Константинополь, за исключением Большого дворца. Успех восстания был настолько велик, что даже воины, охранявшие эту императорскую резиденцию, отказались выступить на стороне правительства и предпочли нейтралитет ¹⁴².

Но, несмотря на размах движения, народ, стихийно и неорганизованно поднявшийся на борьбу, не смог выдвинуть своего вождя, чему немало способствовали сенаторская и династическая оппозиции, стремившиеся использовать восстание в своих целях. Ипатий и Помпей не были избранниками народа. Правление Анастасия было для него так же тяжело, как и правление Юстиниана. Население Константинополя неоднократно поднимало против него мятежи ¹⁴³, в одном из которых восставшие подожгли дом Помпея ¹⁴⁴. Велики были радость и облегчение, испытанные народом после смерти Анастасия ¹⁴⁵. Поэтому лишь вме-

¹³⁴ Zonar., p. 154.

¹³⁵ Chron. Pasch., p. 622.

¹³⁶ Ioann. Lyd., III, 70.

¹³⁷ Zach. Rhét., IX, 14.

¹³⁸ Ibidem.

¹³⁹ По мнению Г. Г. Бека, население Константинополя вообще олицетворяло население всей империи, и в этом смысле, как и в других, он был подлинной столицей (H.-G. Beck. Konstantinopel, S. 12).

¹⁴⁰ Malal., p. 475—476; Chron. Pasch., 621—623; Theoph., p. 184—185.

¹⁴¹ Chron. Pasch., p. 622—623.

¹⁴² Procop., I, 24, 44—45.

¹⁴³ Malal., p. 394—395, 406—408; Theoph., p. 150, 154, 159; Ex. de ins., p. 141—143, 146, 167—170.

¹⁴⁴ Marcell. Comit., p. 98.

¹⁴⁵ Mansi, VIII, col. 1057 sq. Ср. также возгласы толпы в Тире 18 сентября 518 г., которая кричала: «Нет Анастасия, царствует Юстин, он православный; он не манихей, он православный. Юстин царствует, новый Константин. Он не манихей как Анастасий» (Mansi, VIII, col. 1090). Мнение Ю. Кулаковского, Ш. Дилия, Л. Шассена о том,

шательством сенаторской оппозиции можно объяснить то, что во главе восстания оказались Ипатий и Помпей. Тем не менее, испытывая некоторое влияние сенаторских кругов, народ постоянно выходит из-под их контроля. Так, направившись к Пробу и не найдя его там, толпа подожгла его дом ¹⁴⁶, хотя это, бесспорно, не входило в планы аристократии. Вопреки желаниям сенаторов, народ отправился на решительный штурм дворца ¹⁴⁷, который, возможно, ему и удалось бы взять, если бы во главе его стоял талантливый и решительный полководец. Ипатий же и Помпей, в руках которых оказались судьбы восставшего народа, лишь только ослабили его, лишили инициативы и в какой-то степени способствовали подавлению восстания. Уже самое провозглашение императором Ипатия по существу означало для народных масс поражение. Продержавшись с успехом столько дней, народ вместе с тем не представлял реально своих целей, и царистские иллюзии одержали верх ¹⁴⁸. В значительной степени это ускорило разгром столь сильного народного восстания.

Итак, несмотря на влияние сенаторской аристократии и династической оппозиции, восстание Ника было прежде всего народным движением и таким сохранилось в памяти современников. Таким изображали его и более поздние авторы, вопреки стремлению Юстиниана представить это восстание как династический заговор.

что народ хранил добрые воспоминания об Анастасии, основано на недоразумении (Ю. Кулаковский. Указ. соч., т. II, стр. 82—83; Ch. Diehl. Justinien et la civilisation byzantine au VIe siècle. Paris, 1901, p. 456; L. Chassin. Op. cit., p. 52).

¹⁴⁶ Chron. Pasch., p. 622.

¹⁴⁷ Procop., В. Р., I, 24, 31.

¹⁴⁸ З. В. Удальцова. Народные движения в Византии при Юстиниане. Восстание Ника (532), стр. 291, 295.

А. И. РОМАНЧУК

АНТИЧНЫЕ ТРАДИЦИИ В ГОНЧАРНОМ РЕМЕСЛЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В последние годы, в связи с обсуждением вопроса о времени и характере перехода от рабовладельческого общества к феодальному в восточной части Римской империи, усилился интерес к проблеме византийского города переходного периода, преемственности античных традиций в средневековом обществе и производстве. Если в понятие континуитета включать восприятие оптимальных условий производства, традиций в организации и технологии ремесла, через усвоение которых идет дальнейшее развитие, то наличие континуитета отрицать нельзя. Некоторые исследователи признают, что основы средневекового искусства были заложены еще в античный период¹; они указывают на развитие городской экономики до VII—VIII вв., когда на востоке империи продолжали существовать города, являвшиеся центрами ремесленной деятельности².

Важно проследить развитие производственных традиций и после VIII—IX вв. Это позволит глубже изучить проблему непрерывного существования города как центра административной, хозяйственной и производственной жизни.

Для исследования вопроса о передаче производственных традиций обратимся к данным керамического ремесла, которое было одним из наиболее распространенных³. Задача настоящей работы — проследить сохранение в средневековом ремесле общих черт с античностью в технике производства и организации ремесла (например, в вопросах владения мастерскими, их размеров и специализации, а также существования среди керамистов каких-либо объединений).

Прежде всего необходимо определить характер изменения форм керамических изделий от первых веков нашей эры до VII—VIII вв. и более позднего периода⁴. Многообразная керамическая продукция, употреблявшаяся в хозяйстве и быту, распадается на три большие группы:

¹ А. Л. Якобсон. Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Северного Причерноморья. — В сб.: «Античный город». М., 1963, стр. 182; В. И. Велков. Градът в Тракия и Дакия през късната античност (IV—VI вв.). София, 1959, стр. 250.

² А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. — СА, XXI, 1954, стр. 164 сл.; Д. Л. Талис. Вопросы периодизации истории Херсонеса в эпоху раннего средневековья. — ВВ, XVIII, 1961, стр. 60.

³ См. об этом: Марк Теренций Варрон. Сельское хозяйство. Перев. с латинск., комментарии и вступительн. статья М. Е. Сергеенко. М.—Л., 1963, I, 16, 4; «Геопономики. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в.». Введение, перев. с греч. и комментарии Е. Э. Липшиц. М.—Л., 1960, II, 49, 3.

⁴ При изучении эволюции форм керамических изделий использованы опубликованные материалы раскопок городов Северного Причерноморья, а также новые данные, полученные в последние годы в результате археологических работ объединенной экспедиции Уральского и Харьковского университетов и Херсонесского музея.

строительная керамика, тара, бытовая керамика. Для рассмотрения эволюции форм ограничимся некоторыми видами изделий этих групп.

В первые века в Херсонесе в строительстве употреблялись керамики двух типов. Один из них имел форму плоской плиты (размером $50 \times 46,5 \times 45-35$ см) со сравнительно высокими прямоугольными или чуть скошенными бортиками⁵. Керамиды второго типа отличались от первого сужением в нижней части и более низкими бортиками⁶. А. Л. Якобсон, изучавший керамические изделия средневекового Херсонеса, отмечает, что ранне-средневековая черепица (VII в.) в основном воспроизводит форму поздне-античной керамиды второго типа, но размер ее несколько уменьшается (32×38 см), более резко выраженным стало сужение в нижней части, появились водосливные валики⁷, правда, не на всех экземплярах. В IX—X вв. близость с античными образцами сохраняется, причем некоторые керамики близки по форме как к первому, так и ко второму типу⁸, многие из них не имеют сужения в нижней части и водосливных валиков. Уменьшение размеров черепицы — процесс, наметившийся еще в римское время⁹, — в средние века было вызвано, как полагают некоторые исследователи, уменьшением жилищ¹⁰.

Несколько подробнее следует остановиться на бытовой керамике, в частности на столовой посуде. В этой группе керамических изделий произошли большие изменения. Украшения в виде рельефа, характерные для эллинистического времени, в римский период сменяются штампом с некоторыми элементами орнамента в технике «графитти»¹¹. В ранний период средневековья широкое распространение в орнаментике получает штамп, позднее — «выемчатая техника» и «графитти»¹². Некоторые исследователи отмечают также, что поливное покрытие, характерное для изделий средневековых гончаров, хронологически примыкает к лаковому и является его дальнейшим развитием¹³. Определенная близость прослеживается в формах краснолаковых и поливных изделий¹⁴. Проследим ее эволюцию на причерноморских материалах.

Широко распространенными в середине I в. н. э. были миски на низком кольцевом поддоне с вертикальным, чуть отогнутым наружу венчиком, имеющие ребро у границы подъема венчика¹⁵ (табл. I, 1—2). Такое же оформление венчика встречается у белоглиняных мисок IX—X вв.¹⁶, но они стали немного мельче за счет изменения высоты поддона. Среди археологических материалов средневекового Херсонеса имеется большое количество мисок с вертикальным бортиком, генетически связанных по

⁵ В. В. Борисова. Херсонес. — В сб.: «Керамическое производство и античные керамические строительные материалы». М., 1967, стр. 135, табл. 35, 1—3.

⁶ Там же, табл. 35, 5.

⁷ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, 63. М.—Л., 1960, стр. 304, рис. 158, 1—3.

⁸ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. — МИА, 17. М.—Л., 1950, стр. 120, рис. 85.

⁹ В. В. Борисова. Указ. соч., стр. 129, табл. 32, 1—3.

¹⁰ А. Л. Якобсон. Античные традиции в культуре раннесредневековых городов, стр. 186. Такое суждение кажется спорным. Вполне вероятно, что были и другие причины технического или организационного порядка.

¹¹ См.: Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. — МИА, 25. М.—Л., 1952, стр. 320, рис. 14.

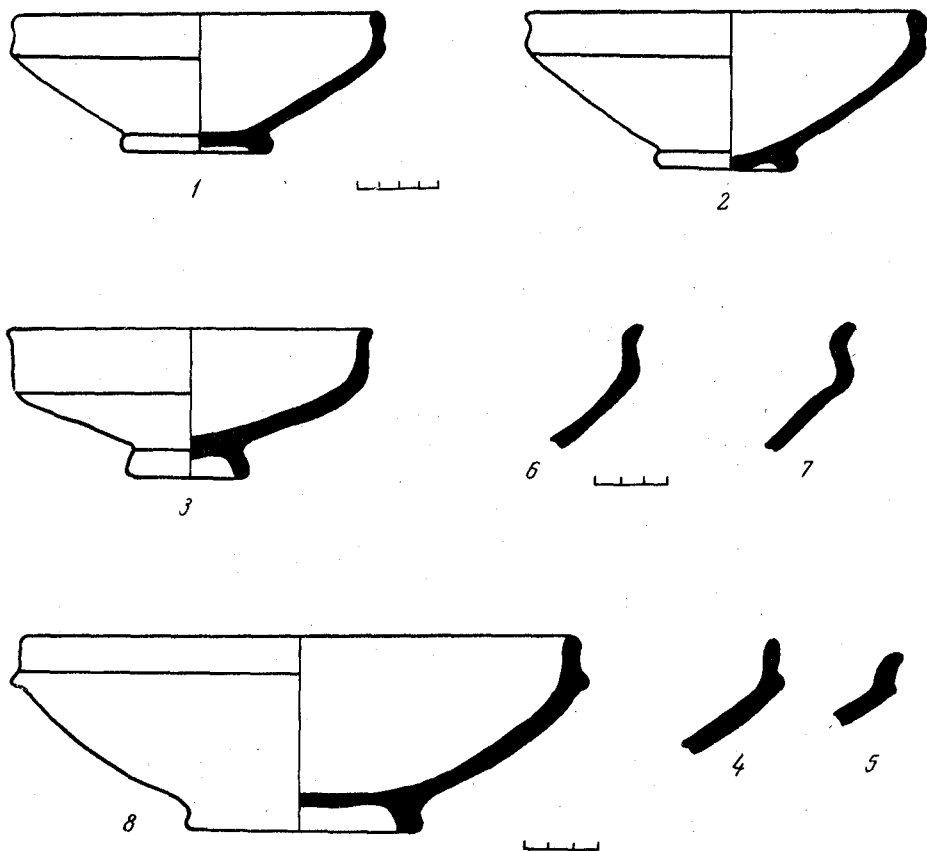
¹² А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 333 сл.; *его же*. Средневековый Херсонес, стр. 168 сл.

¹³ F. O. Waage. The Roman and Byzantine Pottery. — «Hesperia», II, 1933.

¹⁴ R. Stevenson. The Great Palace of the Byzantine Emperors. London, 1947, p. 33.

¹⁵ Подобные миски характерны для Херсонеса V—VI вв. См.: С. А. Беллев. Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв. — В сб.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 34.

¹⁶ Т. И. Макарова. Поливная керамика. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. — САИ, в. Е1-38, М., 1967, стр. 10.

Т а б л и ц а 1

1, 2 — краснолаковые миски, встречающиеся в Северном Причерноморье; 3 — херсонесская поливная миска XIII в.; 4, 5 — фрагменты белоглиняных сосудов IX—X вв.; 6—8 — фрагменты поливных изделий XII—XIV вв.

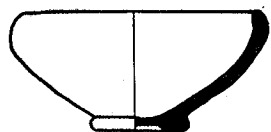
форме с мисками, бытовавшими в первые века н. э. (табл. I, 3, 6—8)¹⁷. Многие сосуды имеют сходство в оформлении венчика и пропорциях. Изменения коснулись в основном высоты кольцевого поддона: на средневековых изделиях он стал выше¹⁸.

Более детально прослеживается эволюция чаш, имеющих сферическую форму и отогнутый внутрь сосуда венчик с небольшим утолщением (табл. II, 1—2). Подобные чаши, судя по стратиграфии слоев на херсонесском городище, возможно, существуют уже с VIII в.¹⁹ Поливные чаши

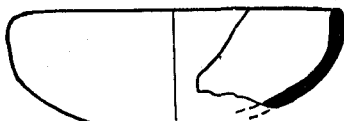
¹⁷ Приводимые на таблицах краснолаковые сосуды встречались также в Херсонесе при раскопках 1968—1970 гг. в слоях, которые по нумизматическим материалам могут быть датированы VII в. (монеты Ираклия — 610—641 гг.). Глина, из которой они сделаны, — херсонесская, качество лакового покрытия по сравнению с изделиями первых веков значительно хуже, это скорее лаковая обмазка, покрывавшая сосуд очень тонким слоем.

¹⁸ Правда, отдельные позднеантичные экземпляры из материалов раскопок Мирмекия имеют сравнительно высокий поддон (Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 300, рис. 14, 3; Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. — МИА, 85. М.—Л., 1958, стр. 286, рис. 3, 3, 5).

¹⁹ Ранее считалось, что производство поливных изделий в Херсонесе появляется только в XI—XII вв. При раскопках рыбозасолочной цистерны в 1966—1967 гг., которая на основании монет Маврикия датируется VII в., были найдены фрагменты кухонной посуды, несомненно херсонесского производства, с каплями поливы. Этот факт показывает, что, во-первых, обжиг поливных и кухонных сосудов был сделан в одной печи и, во-вторых, что в VII в. идет освоение поливного покрытия, и этот процесс имеет место не только в Византии, но и в Херсонесе.

1

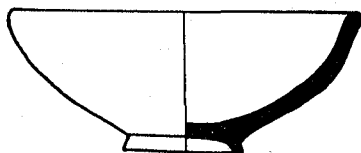
2

3-7

8

9

Т а б л и ц а 2

1, 2, 8 — краснолаковые чаши; 3—7 — фрагменты ранних поливных изделий, встреченные в Херсонесе при раскопках последних лет (VIII—IX вв.); 9 — херсонесская поливная чаша XII в.

этой формы наиболее ранние в Херсонесе. Они имеют плохое качество поливного покрытия, расписаны зеленой краской непосредственно по глине; чувствуется, что техника их изготовления еще не освоена, у них нет такого вида, как у более поздних изделий. Разновидностью подобных чаш являются менее глубокие сосуды с фигурным оформлением венчика, который принято называть «рельсовидным» или «прокатанным». Он характерен для II—V вв., часто встречается на поливных сосудах, которые считают прямыми восприимчивыми краснолаковой керамики²⁰.

Рассмотрение некоторых форм столовой керамики позволяет выявить прямую связь между сосудами, изготовленными средневековыми гончарами, и изделиями керамистов позднеантичного времени, а в отдельных случаях — проследить эволюцию формы того или иного вида изделий. Это дает возможность сделать предварительное заключение о том, что город, чтобы сохранить и продолжить развитие ремесленных традиций, должен был выстоять сам и перейти в «готовом виде» из позднеантичного времени в средневековье прежде всего как центр ремесленной деятельности. Безусловно, это не предполагает полного копирования всех изделий более раннего времени. Отдельные виды посуды, являющиеся массовыми находками в римских и позднеантичных слоях, совершенно не

²⁰ Т. И. Макарова. Указ. соч., стр. 8.

встречаются в средние века ²¹, и, наоборот, в средние века появляются новые формы, например, тарелки с явно выраженным горизонтальным венчиком ²².

При рассмотрении существовавшей в первые века нашей эры и в средневековые тары можно также отметить, что отдельные типы бытуют долгое время. Один из примеров — цилиндрические круглодонные амфоры с довольно широким по сравнению с диаметром корпуса горлом, венчик — валиком; короткие реберчатые ручки прикреплены ниже венчика и до перегиба идут почти горизонтально; тулово всегда бороздчатое. Такие амфоры встречены в Хараксе среди материалов IV в. н. э. ²³, в Херсонесе — в комплексе VII в., подобная выделка типична и для IX в. ²⁴ Другой пример — остродонные амфоры с перехватом посередине, сужающиеся к донной части; горло завершается венчиком в виде утолщенного валика; ручки плоские, короткие. Характер теста, оформление горла и ручек имеют сходство с кувшинами IX—XI вв. ²⁵ Необходимо отметить, что амфоры и кувшины такого вида в IX—XI вв. часто осмолены внутри в соответствии с советом автора «Геопоник» ²⁶. Любопытен его же совет о выделке пифосов: «Края пифосов делать с загибом наружу, чтобы при обмазывании золой внутрь пифоса ничего не попадало» ²⁷. Почти все средневековые пифосы имеют отогнутый наружу венчик, валик которого идет под углом к горизонтальному краю ²⁸.

Примеры сохранения определенных производственных традиций позднеантичного времени в средневековом ремесле — свидетельство его непрерывного развития. Это, однако, не исключает того, что гончарное ремесло, как и любой другой вид производственной деятельности, могло иметь период относительного подъема и упадка.

Много общего с более ранними периодами сохранилось в оснащении средневекового керамического производства: фигурные ножки-шаблоны ведут свое начало с античного времени ²⁹; сохранились общие черты в устройстве гончарных печей ³⁰.

Но средневековые ремесленники развивали накопленный опыт, выработывая в то же время и новое. Наибольшие изменения коснулись процесса развития производительных сил. В первые века н. э. рабский неквалифицированный труд стал невыгоден, что привело к широкому распространению в IV—V вв. ножного гончарного круга ³¹.

²¹ Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 300, рис. 14, 3; Л. Ф. Силантьева. Указ. соч., стр. 286, рис. 3, 3—5.

²² А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, табл. XXI, 80; XXXI, 126; XXXV, 10 и др.

²³ В. Д. Блаватский. Харакс. — МИА, 15. М.—Л., 1951, стр. 273, рис. 13, 2.

²⁴ И. А. Антонова, В. Н. Даниленко, Л. П. Ивашина, В. И. Кадеев, А. И. Романчук. Средневековые амфоры Херсонеса. — «Античная древность и средние века», вып. 7. Свердловск, 1971, стр. 81 сл.

²⁵ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья (Опыт хронологической классификации). — СА, XV, 1951, стр. 339, рис. 10, 29—32. В Тиритаке амфоры подобной формы существуют в IV—VII вв. В последние годы один из вариантов такого вида амфоры встретился в Херсонесе в закрытом комплексе VII в. и в городских слоях с монетами Константина V (741—775).

²⁶ «Геопоники», VI, 4, 1—3.

²⁷ Там же, VI, 3, 7—8.

²⁸ А. Л. Якобсон. Средневековые пифосы Северного Причерноморья. — СА, 1966, № 2.

²⁹ В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 13; В. В. Борисова. Указ. соч., стр. 119, табл. 27. Ср.: И. Т. Зарецкий. Гончарное ремесло Полтавской губернии. Полтава, 1894, стр. 28.

³⁰ В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929—1931 гг. — ИГАИМК, вып. 80; А. Л. Якобсон. Гончарные печи средневекового Херсонеса. — КСИИМК, X, 1941; Д. Митова-Джанова. Печи за керамика и керамики от Нове. — «Археология», 8, кн. 1, 1966.

³¹ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. — МИА, 83. М., 1960, табл. X, № 103; В. И. Кадеев. Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э. Автореф. канд. дисс. Харьков, 1963, стр. 12. Ранее труд рабов использовался для вра-

Выше был затронут вопрос об античных традициях в средневековом гончарном ремесле. Перейдем к рассмотрению таких моментов, как размеры мастерских, специализация мастеров, наследственность их занятий, и, насколько это представляется возможным в настоящее время, вопроса о коллегиях ремесленников-керамистов.

Многие исследователи отмечают небольшие размеры средневековых мастерских в различных районах Византии³². При раскопках 1940 г. в Херсонесе были открыты две расположенные по соседству мастерские XI—XII вв.; одна из них имела две печи, но небольшого размера³³. Строить в черте города обжигательные печи, как можно судить по византийским строительным трактатам, разрешалось лишь в тех случаях, если соблюдалось определенное расстояние между печами и предусматривалось направление ветра: расстояние между печами, расположенными по ветру, не должно было быть меньше 30 локтей³⁴, что как раз и наблюдается в данном случае³⁵.

В отношении размеров черепичных эргастериев античного времени в современной литературе распространена точка зрения, что иногда в одной мастерской работало свыше сотни рабов³⁶. Для ее аргументации привлекается соображение, что с крупного предприятия легче получить доход; приводят и такой факт — один из «фабрикантов» смог поставить для постройки храма сразу 5000 черепиц³⁷.

Говоря о количестве рабочей силы в производстве, необходимо иметь в виду два момента: с одной стороны, технически необходимое и достаточное количество привлекаемого труда (некоторые исследователи отмечают, что для керамических эргастериев достаточно труда 3—4 человек³⁸), с другой — количество рабочей силы, обусловленное общественно-экономическими условиями. В металлургическом производстве, например, социально-экономические причины требовали привлечения труда 6—8 человек в одной мастерской при достаточности с точки зрения организации производства 3—4 человек³⁹. До некоторой степени это приемлемо и по отношению к керамическим мастерским античного времени.

Вышеприведенный факт единовременной доставки большого количества черепицы отнюдь не является свидетельством размаха производства. Античные авторы советуют употреблять при строительстве общественных зданий только черепицу, выдержанную в течение двух лет⁴⁰. Наибольшую ясность в изучение вопроса о размахе керамического производства IV—I вв. до н. э. внес В. Д. Блаватский, определив (для Пантикапея) количество рабочих в одной мастерской, которое не превышало 10 человек⁴¹. Городской керамик античного Херсонеса состоял

печения рабочего диска ручного гончарного станка (см.: В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 14).

³² А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917, стр. 139; А. П. Каздан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1961, стр. 37.

³³ А. Л. Яковсон. Гончарные печи средневекового Херсонеса, стр. 54; его же. Средневековый Херсонес, стр. 153 сл.

³⁴ Из трактата Юлиана Асכולонита «О законах или обычаях Палестины», § 15, перевод и комментарии М. Я. Сюзюмова. — «Античная древность и средние века», вып. 1. Свердловск, 1960, стр. 19.

³⁵ А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес, стр. 154, чертеж 89.

³⁶ Б. Н. Граков. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. — ИГАИМК, вып. 104, стр. 210.

³⁷ Там же.

³⁸ Т. Иванов. Античная керамика от некрополя на Аполония. — В сб.: «Аполония. Раскопки в некрополе на Аполония през 1947—1949». София, 1963, стр. 78.

³⁹ Р. В. Шмидт. Очерки из истории горного и металлообрабатывающего производства в античной Греции. — ИГАИМК, вып. 108, стр. 307.

⁴⁰ Витрувий. Десять книг об архитектуре. Перевод Ф. А. Петровского. М., 1936. II, 5, 1.

⁴¹ В. Д. Блаватский. О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э. — СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 47—48.

тоже из ряда более мелких мастерских⁴². Эти данные свидетельствуют о том, что керамические эргастерии античного времени, как и средневековые мастерские, не были значительными по своим размерам. Требования рынка и условия производства диктовали необходимость сосредоточения в одной мастерской возможно более широкого ассортимента. Заниматься формовкой черепицы и кирпичей античные авторы советуют только в теплые месяцы, так как для равномерного просыхания керамики требуется большое количество тепла⁴³. О сезонном характере выделки амфор свидетельствуют клейма на родосской таре с наименованием месяца⁴⁴. Раскопки античных керамических комплексов свидетельствуют о смешанном характере производства, лишь специфика изготовления столовой посуды и короoplastов вызвала иногда более узкую специализацию⁴⁵. Положение не изменилось и в средние века. Раскопки средневековых мастерских Херсонеса показывают, что строгой специализации по-прежнему не существует⁴⁶.

Для античного и средневекового ремесла характерно наличие наследственности в овладении мастерством. В значительной мере это вызвано необходимостью сохранения в тайне производственных секретов, например, секрета приготовления поливы. Вероятно, поэтому Теофил, описывая чисто внешние приемы ее приготовления — размельчение металлических красок, смешивание их с водой, обмакивание в полученную смесь обожженного сосуда, — не приводит рецептов поливы⁴⁷. Его описание — свидетельство постороннего наблюдателя, который не мог быть посвященным в тайны производства, передававшиеся из поколения в поколение. Косвенным свидетельством существования наследственности в гончарном ремесле являются клейма на херсонесской черепице: многие из клейм VII в. близки к клеймам IX—X вв.⁴⁸

В то же время клейма говорят о существовании у гончаров товариществ, создававшихся, вероятно, для более продуктивного использования печей. Иногда на одной черепице стоят знаки двух мастеров⁴⁹. Других данных об организации ремесленников-керамистов пока нет. Но стандартность размеров и качество глины — показатель как устойчивости технологии, так и наличия какой-то организации, регулирующей выпуск. Быть может, в одну корпорацию включались представители различных профессий, имеющих дело с огнем⁵⁰. Этот вопрос остается открытым до находок новых письменных и археологических памятников. Но поскольку у представителей других профессий, подведомственных эпарху Константинополя, существовали корпорации, их могли иметь и керамисты хотя бы в наиболее крупных городах, тем более что в «Книге Эпарха» упоминается об ответственности, которую несут гончары

⁴² В. В. Борисова. Керамическое производство античного Херсонеса. Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 6—8.

⁴³ Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Перевод с греч. Ф. Г. Мищенко, т. III. М., 1899, XXXV, 13, 19; Витрувий, II, 3, 4. Ср.: И. Т. Зарецкий. Указ. соч., стр. 56.

⁴⁴ Ю. Крушкю. Легенды родосских амфор. — ВДИ, 1946, № 3, стр. 194.

⁴⁵ В. В. Борисова. Керамическое производство античного Херсонеса, стр. 4.

⁴⁶ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 162.

⁴⁷ Теофил Presbyter. Diversarum artium schedula, II, 16.

⁴⁸ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 124, табл. 1; стр. 125, табл. 2. В средневековом Херсонесе клеймилась в основном черепица, что было связано с тем, что данный вид продукции гончаров в большей степени, чем какой-либо другой, предназначался для продажи, и купивший должен знать мастера, который отвечал за доброкачественность своих изделий («Книга Эпарха», XXII, § 4). Тара чаще заказывалась, особенно крупные сосуды для масла и вина, служившие в хозяйстве длительное время («Геопоники», VII, 3, 1—3). Подробно об этом см.: А. Л. Якобсон. Средневековые пифосы Северного Причерноморья.

⁴⁹ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 293.

⁵⁰ Е. М. Пещерова. Керамическое производство Средней Азии. — «Труды Института этнографии», 1947, XII, стр. 354.

за доброкачественность своих изделий⁵¹. Корпорация керамистов должна была существовать еще и потому, что гончарное ремесло являлось одним из ведущих. В то же время его отдельные отрасли имели подчиненный характер, сопутствуя другим видам производственной деятельности человека, и получали толчок к развитию только в определенные периоды. Особенно это заметно на выпуске тары. Только с наступлением известного экономического благосостояния, делающего возможным вывоз сельскохозяйственных продуктов, развивается изготовление амфор. Так было в Херсонесе⁵² и Пантикапее⁵³ в античное время. Вероятно, эта же причина — сокращение импорта из городов Малой Азии и Византии (что сказалось на количестве привозной тары), отсутствие продуктов для вывоза, а подчас невозможность его осуществления⁵⁴ — обусловила малочисленность находок амфор VII—VIII вв. по отношению как к более раннему, так и к более позднему времени. Но керамическое производство сохраняет свое значение, продолжает развиваться в период «темных веков», совершенствуя технику и рецепты античности, вырабатывая новые приемы и методы производства, и это обусловило его значительный подъем во второй половине IX в. и развитие вплоть до XV в.⁵⁵

⁵¹ «Книга Эпарха», XXII, § 4.

⁵² В. В. Борисова. Керамическое производство античного Херсонеса, стр. 11.

⁵³ И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 17.

⁵⁴ В VIII в. Херсонес ведет борьбу за независимость («История Византии», т. 2. М., 1967, стр. 46).

⁵⁵ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 58.

А. П. КАЖДАН, М. А. ЗАБОРОВ

ГИЙОМ ТИРСКИЙ О СОСТАВЕ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО
КЛАССА В ВИЗАНТИИ (конец XI—XII в.)

Изучение состава господствующего класса в Византийской империи — одна из тех задач, которые, по сути дела, не поставлены исследователями, хотя, разумеется, и в общих трудах, и в специальных монографиях по этому вопросу не раз высказывались те или иные суждения. Отсутствие тех типов источников, которые позволяют медиевистам-западникам поднимать эту проблему (списки фьефов, детальные картулярии и т. п.), несомненно, препятствует возникновению византиноведческих работ на эту тему и заставляет искать какие-то другие пути анализа. Можно надеяться, что просопографические исследования, с одной стороны, и изучение греческой социальной терминологии — с другой, смогут со временем создать базу для решения этой задачи, сейчас же нам хотелось бы указать на иной материал, который проливает на нее известный свет, — на сообщения современников-иноземцев.

Сохранилось довольно много высказываний иностранных писателей о социальных группировках в Византии XI—XII вв.; впрочем, достоверность этих высказываний весьма проблематична. Дело не только в том, что мы можем всякий раз усомниться в осведомленности латинского, русского или восточного информатора о положении в империи, — гораздо большую опасность представляет естественная для средневекового автора тенденция изображать чужие порядки в привычных ему, «своих» категориях.

Когда русский писатель делит население Константинополя в 1204 г. на бояр и на «всех людей» (ПСРЛ, III, стр. 27), то он мыслит категориями киевского общества, и совершенно напрасно Н. А. Мещерский усматривает в этой стратификации отражение византийской действительности, считая бояр «придворно-военной аристократией, императорской гвардией»¹ (придворная знать, военная аристократия и императорская гвардия в византийской действительности составляли разные общественные группировки). Точно так же в представлении ибн-Биби константинопольская верхушка распадается на привычные для сельджукского писателя разряды — купцов и воинов². О «городской знати» Константинополя пишет Аристакэс Ластивертци — видимо, по образцу знакомого ему анийского патрициата³. Разумеется, те рыцари, одетые в горностаевый и куний мех, те «бароны», которыми населяет Константинополь старо-

¹ Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии. — ВВ, IX, 1956, стр. 177 и сл.

² Н. W. Duda. Die Seltshukengeschichte des Ibn-Bibi. Kopenhagen, 1959, S. 30.

³ Варданет Аристакэс Ластивертци. Повествование. М., 1968, стр. 74, 77, 109; ср. там же, стр. 85 и комментарий К. Н. Юзбашяна (стр. 157).

французский эпос ⁴, перемещены туда из западноевропейской реальности. И даже осторожный автор хроники псевдо-Бенедикта Питерборского обнаруживает на византийском Кипре графов, баронов и их *homines* ⁵ — типичные категории английского дворянства.

В других случаях термины, прилагаемые к византийской знати (*nobiles*, *proceres*, *principes*, *maiores* и пр.), настолько неопределенны, расплывчаты, что невозможно говорить об их конкретном значении. Так, Арнольд Любекский, описывая прием Мануилом I саксонского герцога Генриха Льва, сообщает, что император восседал со своими понтификами, *principes* и оптиматами (MGH, SS, XXI, p. 119). И все-таки есть несколько свидетельств, в какой-то мере передающих восприятие соседями специфики византийского общественного порядка.

В этой связи можно назвать такого осведомленного историка второго крестового похода, как Одо Дейльский ⁶, который усматривал в богатстве характерную черту византийской элиты. Людовика VII, по рассказу Одо, встречали в Константинополе знатные и богатые ⁷, а вслед за тем он сообщает, что в византийской столице царит беззаконие и что там столько господ, сколько богачей ⁸. Некоторые писатели подчеркивают наличие в составе господствующего класса Византийской империи служилой знати: по Ордерiku Виталию, Алексей I заседал с «мудрыми» (английские уитаны?) и сенаторами (PL, t. 188, col. 519 C); Роберт Монах видит в окружении Алексея I императорских *principes* и магистратов (RHCoc., III, p. 816).

Любопытная новелла, передаваемая английским писателем XIII в. Уолтером Мапом, рисует византийское общество социально подвижным. Мап повествует об одном константинопольском сапожнике, который влюбился в прекрасную заказчицу, но не мог добиться взаимности. Тогда, распродав имущество, он стал воином, «сменив свое низкое состояние на статус знатного человека». И все-таки отец красавицы воспротивился его притязаниям, что заставило бывшего башмачника вступить в пиратскую шайку ⁹. Впрочем, хотя пираты — характерное явление византийского мира конца XII в., мы не можем быть уверенными, что социальный порядок, обрисованный Мапом, в самом деле византийский, а не английский.

Среди наблюдателей, пишущих о византийском обществе, особое место принадлежит Гийому Тирскому (ок. 1130—1186) — видному церковно-политическому деятелю и историку франкского Востока, хорошо знакомому с государственным бытом Империи. Гийом Тирский дважды бывал в Константинополе. В 1168 г., тогда еще архидьякон, он вел по поручению короля Амори I Иерусалимские переговоры с императором Мануилом I о союзе против сельджукского Египта. В 1179—1180 гг., будучи уже в сане архиепископа и возвращаясь на родину из Рима, где он фактически возглавлял делегацию иерархов Иерусалимского королевства на Третьем Латеранском соборе, Гийом Тирский снова приехал в Константинополь — на этот раз по просьбе папы Александра III. Занимаясь здесь делами апостольского престола, Гийом прожил в византийской столице почти семь месяцев. Он снискал полное расположение Мануила I, который согласился расстаться с ним лишь потому, что рассчи-

⁴ Karls des Großen Reise. Leipzig, 1895, S. 17. 267—271, 19.309, 91.336.

⁵ *Benedictus Peterburgensis. Gesta Henrici II et Ricardi I.* — «*Rerum Britannicarum medii aevi scriptores*», N 38, vol. II, 1864, p. 164, 168. О некоем кипрском «бароне», обладателе замка и города, см.: K. Brunner. *Der mittelenglische Versroman über Richard Löwenherz*. Wien, Leipzig, 1913, S. 210. 2409—2410.

⁶ О нем см.: М. А. Заборов. *Современники — историки и хронисты крестовых походов.* — ВВ, XXVI, 1965, стр. 141.

⁷ *Odo of Deuil. De profectione Ludovici VII in Orientem.* N.-Y., 1948, p. 58.

⁸ *Ibid.*, p. 64.

⁹ *Walter Map. De nugis curialium.* Oxford, 1914, p. 183 sq.

тывал на его дальнейшие дипломатические услуги, необходимые для урегулирования отношений с Антиохией¹⁰.

Таким образом, в силу самого характера каждой из своих дипломатических миссий Гийом Тирский подолгу находился в прямых контактах с императорским двором, а следовательно, имел возможность близко узнать его порядки и непосредственно познакомиться с высшей столичной знатью, ее жизнью, традициями, нравами.

Уроженец Палестины, в молодости проведший несколько лет в Италии, Гийом Тирский умел наблюдать и сравнивать. К тому же он владел помимо латинского греческим, а также арабским и, в меньшей мере, еврейским языками¹¹, что не могло не содействовать развитию этих способностей.

Основательно ознакомившись с константинопольским двором, Гийом Тирский сумел увидеть многое, что отличало византийскую правящую элиту от франкской, а тем самым и от западноевропейской феодальной знати. Он усвоил даже (по крайней мере частично) своеобразную терминологию византийской «табели о рангах».

Когда в своей «Истории деяний в заморских землях»¹² Гийом говорит о западной аристократии, он подчеркивает, что знатных (*nobiles*) отличали их территории, образ жизни, родовитость и военные успехи (р. 416); он обращает внимание на их происхождение от знатных и благочестивых родителей (р. 370), на их благородство (р. 416) и могущество (р. 488, 787); сравнительно редко упоминается в его «Истории» челядь, *familiares*, западных государей (р. 453, 738, 788).

В характеристике византийской верхушки акценты расставлены иначе.

Император Алексей I выступает в изображении Гийома в окружении челядинцев, слуг или своих людей. Это — *familiares* (р. 127), *familiares* и *domestici* (р. 87), *imperatoris satellites* (р. 93), *imperatoris familia* (р. 128). Кроме того, вместе с Алексеем появляются его придворные, служилая знать: *palatii principes* (р. 57), *consistorium principum suorum* (р. 253), *illustres et inclyti, qui ei assistebant* (р. 100). Термин *nobilis* здесь не всплывает, за единственным, пожалуй, исключением: рассказывая о посольстве Алексея к Боэмунду Тарентскому, отряд которого находился на пути к Константинополю, Гийом Тирский пишет: *missis quibusdam nobilibus ex suis domesticis ad eundem virum egregium* (р. 91).

В царствование Иоанна II мы встречаем те же категории знати: *familiares* (р. 658), *familia* (р. 662), *illustres et inclyti imperialis palatii* (р. 652). Наряду с челядинцами и придворными перед нами предстают (по крайней мере один раз) и просто знатные — *viri magnae nobilitatis*, которых Иоанн послал к Фульку Иерусалимскому (р. 691). Кроме того, Гийом отмечает роль царской родни при дворе Иоанна: в Антиохию император прибывает с сыновьями и *familiares* (р. 658), а покидает этот город с сыновьями, родичами (*consanguinei*) и *familiares* (р. 663). Перед смертью Иоанн созывает *consanguinei* и близких (*affines*), «толпа которых следовала за ним постоянно», а также *primores sacri palatii* и командиров войска (р. 694).

В главах о Мануиле I автор применяет неопределенные термины: *principes* (р. 784, 828, 858, 862, 987), *illustres* (р. 861, 983); впрочем, иногда эти *principes* раскрываются как *imperatoris homines* (р. 785) или *imperatoris familia* (р. 828). В других случаях используются уже знако-

¹⁰ Подробнее об этих дипломатических вояжах Гийома Тирского в Византию см.: А. С. Крей. William of Tyre. The Making of an Historian in the Middle Ages. — «Speculum», vol. XVI, № 2, April, 1941, p. 152—153, 157.

¹¹ Ibid., p. 150.

¹² *Willermi Tyrensis. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. Recueil des Historiens des Croisades. Historiens occidentaux (RHCoc), t. I. Paris, 1844* (далее везде цитируется по этому изданию).

мые нам термины: челядинцы — *familiares* (р. 860, 945, 983) или «служилые»; блистательные мужи, славные в священном дворце (р. 873); *principes* священного дворца (р. 983); действующие вместе с *domestici*, челядью, *sacri palatii procuratores* (р. 984). О братьях — протосевасте Иоанне (Комнине) и протостраторе Алексее ¹³ Гийом говорит: «Среди *illustres sacri palatii* они занимали первое место» (р. 861; ср. р. 982).

Гийом употребляет и термин *archontes* (р. 974) — греческое слово, означавшее вельможу, чиновника, придворного, царского слугу, но отнюдь не феодального сеньора ¹⁴.

Говорит Гийом и о царских родичах; он называет *principes* и *consanguinei* (р. 864); пишет о том, что Мануил I примирился с братом при посредстве *consanguinei* и *principes sacri palatii* (р. 696); упомянув *vir illustis* (Иоанна) Кондостефана, участника посольства в Иерусалим около 1160 г., Гийом подчеркивает, что это — царский родич (р. 873); Марию, дочь протосеаста Иоанна, выданную в 1167 г. за Амори I Иерусалимского, сопровождают, по словам историка, *viri illustres et magnifici*, императорские *familiares* и в их числе севаст Мануил, *consanguineus* государя (р. 942—943). В битве при Мириокефале (1176 г.) пало много знати, в том числе родичи императора ¹⁵.

Термин *nobilis* и в этой части «Истории» прилагается к византийской знати крайне редко. Перечисляя послов Мануила I к Балдуину IV Иерусалимскому в 1177 г., Гийом называет их *viri incliti* и *eminentes*; среди них — Андроник Ангел, племянник государя, *vir magnificus* Иоанн (Дука), наделенный титулом *megaltriarcha* (великий этериарх), Георгий Синаит, *imperialis aulae familiaris*; и только Александр, граф Конверсано, назван *vir nobilis* (р. 1030—1031), но он-то как раз итальянец, выходец из Апулии ¹⁶. Кроме того, Гийом сообщает, что при дворе Мануила было много его родственниц, знатных девиц — *nobiles virgines* (р. 846). Наконец в повествовании о малолетстве Алексея II Гийом упоминает царских

¹³ Здесь речь несомненно идет о родном брате Иоанна (о нем см.: *K. Heilig. Ostrom und das Deutsche Reich um die Mitte des XII. Jhs.* — «Kaisertum und Herzogsgewalt im Zeitalter Friedrich I». Stuttgart, 1952, S. 266), который был протостратором уже во время собора 18 февраля 1170 г. (*L. Petit. Documents inédits sur le concile de 1166 et ses derniers adversaires.* — BB, IX, 1904, p. 490. 23—24). Р. Гийан полагал, что на соборе 1170 г. присутствовали два протостратора Алексея — Аксук и Комнин (*R. Guillard. Recherches sur les institutions byzantines*, t. I. Berlin—Amsterdam, 1967, p. 481), но Аксук уже в 1167 г. был пострижен в монахи. От Алексея Комнина следует отличать упомянутого Гийомом протостратора Алексея, сына Феодоры Калузины, племянники императора, замешанного в заговоре против Алексея II (р. 1070), в котором следует видеть побочного сына Мануила I от жены некоего Халуфы (А. И. Пападопуло-Керамевс. *Κερκυραϊκά.* — BB, XIII, 1906, стр. 347.7—9); Калузина Гийома, видимо, соответствует греческой Халуфине. Неясно, в каком отношении оба Алексея стоят к протостратору Алексею, основателю церкви св. Николая, дяде императора Алексея Комнина (Ф. Баршш. Два грчка чатписа из Манастира и Струге. — ЗРВИ, 8/2, 1964, стр. 20 и сл. Ср. заметку V. Laurent. — BZ, 58, 1965, S. 277). Если в надписи

вместо *SX η* читать *SX χ* , то ее надо будет датировать 1181/2 г., т. е. правлением Алексея II, но ни Алексей Комнин, ни сын Калузины не были дядями Алексея II.

¹⁴ См.: А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. — BS, 28, 1967, p. 16 sq. Уже после этой статьи вышли в свет «трактаты» Симеона, где архонты понимаются как слуги и «друзья» царя, получающие от него дары и чины (*Symeon le Nouveau Théologien. Traités théologiques et éthiques*, t. 2. Paris, 1967, p. 188. 460—466), как лица, сопровождающие царя, а не пребывающие в собственных проствиях (*ibid.*, p. 166. 133—136).

¹⁵ RHСoc., t. I, p. 1024. О гибели родичей царя при Мириокефале пишут и другие латинские хронисты: Ромуальд Салернский (MGH, SS, t. XIX, p. 442), псевдо-Бенедикт (*Benedicti Gesta*, t. I, p. 129).

¹⁶ Александра Конверсано обычно идентифицируют с Александром Гравиной, дипломатом на службе Мануила I (см.: *F. Chalandon. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile*, vol. II. Paris, 1907, p. 126, 216. С некоторой оговоркой признает это тождество и П. Ламма: *P. Lamma. Comneni e Staufer*, vol. I. Roma, 1955, p. 206), но эта идентификация не кажется нам убедительной. Гийом как будто четко различает Александра de Gravina и Александра de Conversana.

родичей (р. 1080, 1081) и *principes palatii* (р. 1081), а вместе с тем пользуется и термином *nobilis*. Протосеваста Алексея, по его словам, не навидели *virī magnifici*, люди равной ему знатности (*aeque nobiles*) (р. 1081). Еще интереснее упоминание знатных заговорщиков, умышлявших против Алексея II: они названы *nobiles virī magni et illustres* (р. 1070), а также *magnates eximii* (р. 1070). Это, если мы не ошибаемся, единственный случай характеристики у Гийома византийской знати как магнатов.

Таким образом, Гийом Тирский, как можно судить по его терминологии, выделяет в составе господствующего класса Византии три основных разряда: царских родичей, придворных-администраторов («первенствующих в священном дворце») и челядинцев. О земельных собственниках он почти ничего не говорит, и термин *nobiles* прилагает к византийской знати с крайней осторожностью.

Известно, однако, что если для передачи событий, происходивших после 1144 г., Гийом Тирский черпал материалы в личных впечатлениях, в рассказах близких ему очевидцев, а также в архивных документах, то о Первом крестовом походе он писал, опираясь главным образом на латинские хроники конца XI — начала XII в., прежде всего Альберта Аахенского, затем Раймунда Ажилльского, Фульхерия Шартрского и др. Естественно, возникает вопрос, в какой мере представления историка о византийской знати самостоятельны: не заимствована ли терминология, характеризующая эту знать, из хроник, послуживших источником его сведений? Для выяснения этого вопроса необходимо сопоставить соответствующие места «Истории деяний» в первую очередь с данными «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского¹⁷, с которой историческое произведение архиепископа Тирского, точнее, первые 15 книг его «Истории деяний», обнаруживают некоторую близость. Каково бы ни было происхождение последней¹⁸, конфронтация обеих хроник могла бы помочь выяснению занимающего нас вопроса.

Сравнительный анализ убеждает в том, что Альберт Аахенский, упоминая византийскую знать, обозначает ее представителями, как правило, общими, довольно неопределенными терминами, применявшимися в латинской хронографии. Византийская специфика в его передаче полностью отсутствует. В отличие от этого, параллельные Альбертовой хронике места «Истории деяний» нередко содержат терминологически развернутую, обстоятельную характеристику данной социально-политической группировки.

Если Альберт Аахенский без каких-либо уточнений, в расплывчатой форме пишет, что император Алексей держал совет — *accepto consilio* (р. 309 A), то Гийом Тирский говорит куда более конкретно: совет *cum suis familiaribus et domesticis*. Тогда как у Альберта Аахенского идет речь о том, что тот же император держал совет «со своими первенствующими» (*cum primatibus suis habito consilio*) (р. 418)¹⁹, Гийом Тирский раскрывает содержание этого понятия, столь туманно выраженного его предшественником, более четко: *convocato principum suorum consistorio*.

¹⁷ *Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana*. — RCHoc., t. IV, Paris, 1879. Далее цитируется по этому изданию.

¹⁸ В свое время Г. Зибель предполагал, что Гийом Тирский взял за основу своей «Истории деяний» и переработал в ее первых 15 книгах хронику Альберта Аахенского. Недавно П. Кнох выдвинул и тщательно аргументировал гипотезу, по которой оба хрониста использовали какой-то третий общий для них источник — утраченную лотарингскую хронику Первого крестового похода, написанную его участником. См.: *P. Knoch. Studien zu Albert von Aachen. Der erste Kreuzzug in der deutschen Chronistik*. Stuttgart, 1966, S. 29—63. Рец. на книгу Кноха см. ниже, стр. 263—265.

¹⁹ Кстати, те же *primates* фигурируют в «Иерусалимской истории» и там, где говорится о крестоносном рыцарстве. Принимая у себя Готфрида Бульонского и удастывая его поцелуй мира, император *universos primates et collaterales illius eodem pacis osculo honorare non distulit* (RCHoc., t. IV, p. 310E).

Подчас там, где терминология Гийома Тирского обладает известной спецификой, Альберт Аахенский вообще хранит полное молчание: мы не находим в его хронике никаких параллелей к таким употребляемым Гийомом Тирским терминам, как *imperatoris satellites, imperatoris familia, palatii principes, illustres et inclyti*.

Нам удалось обнаружить лишь единственный случай терминологического совпадения у этих хронистов, относящегося к характеристике византийской знати: греческого военачальника Татихия, отряд которого был прикомандирован к крестоносному войску, и Альберт Аахенский, и Гийом Тирский называют *familiaris imperatoris* (RHCoc., t. IV, p. 327; RHCoc., t. I, p. 107). Тем не менее отмеченный случай совпадения скорее всего является как раз исключением, подтверждающим правило. Дело в том, что фигура Татихия вообще хорошо известна многим латинским хронистам, упоминающим о нем как о военном командире, близко стоявшем к императору, в самых различных выражениях. Его именуют и «прокуратором», и «сенешалом», и человеком из императорской *familia* etc.²⁰ Следовательно, данное терминологическое совпадение у Альберта Аахенского и Гийома ни в коей мере не колеблет сделанных выше наблюдений относительно специфики терминологии тирского архиепископа: по всей видимости, термины, в которых историк определяет состав и положение византийской знати, восходят к его личному опыту.

Наблюдение о специфичности терминологии Гийома находит себе и другое подтверждение: его дает сравнение текста «Истории деяний в заморских землях» с текстом ее французского перевода, выполненного, по гипотезе К. Каэна, в начале XIII в., — так называемой «Истории императора Ираклия и завоевания заморской земли»²¹. Подобно Альберту Аахенскому, поступавшему таким образом за сто лет до этого, французский переводчик Гийома Тирского иной раз вовсе обходит всякие детали, касающиеся статуса византийских аристократов, детали, которыми в сочинении самого Гийома нередко сопровождаются упоминания о представителях константинопольской элиты. Переводчик как бы «не замечает» тонкостей в выборе выражений у своего оригинала. Чаще же всего он характеризует эту знать в традиционных для западного мышления формулах, перенося на нее черты западноевропейских сеньоров, так что византийская знать лишается своеобразия, которым она наделена в терминологии Гийома Тирского.

Создается впечатление, что в сознании переводчика-француза укладываются только привычные ему западные понятия; всякий незнакомый ему термин он старается уподобить известному по западной феодально-аристократической номенклатуре, подогнать под западный стандарт, перевести в систему понятий, доступных его читателям.

Если у Гийома Тирского император Алексей I направляет во главе войск *quosdam de familiaribus suis de quorum fide praesumebat et industria*, то в переводе этими пользующимися доверием и умелыми челядинцами оказываются *barons plus privez et assez genz à armes* (RHCoc., t. I, p. 127). Если, по рассказу архиепископа Тирского, император Алексей созывает «консистерий», то, по словам переводчика, он *apela ses barons* (ibid., p. 253).

²⁰ См., например: *Orderici Vitalis Historia Ecclesiastica* — PL, 188, col. 674A (*satellitum imperatoris princeps*); *Matthaei Paris. Historia Anglorum*. — «*Rerum Britannicarum medii aevi scriptores*», t. I. London, 1866, p. 91 (*Tatinus imperatoris procurator Alexii*); *Gisleberti Chronicon Hannoniense*. — MGH, SS, t. XXI, p. 504 (*Tatinus senescalus suum*); *Raimundi de Aguilers. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*. — RHCoc., t. III. Paris, 1866, p. 245 (*de familia imperatoris*) и др.

²¹ «*L'histoire d'Eracles empereurs et la conquête de La Terre d'Outremer*». Ее текст (в той части, которая соответствует хронике Гийома Тирского) опубликован параллельно последней в RHCoc., t. I, по которому ниже и цитируется. Подробнее о времени французского перевода «Истории деяний» см.: *C. Cahen. La Syrie du Nord à l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche*. Paris, 1940, p. 20 sq.

Императорские *familiares* в «Истории Ираклия» оборачиваются *plus privé conseiller* (ibid., p. 658) или *plus privez de son conseil* (ibid., p. 663); *illustres et inclyti* выступают как *barons del palez* (ibid., p. 100), *principes sacri palatii* — как *grant compaignie des barons del palais* (ibid., p. 983). Родичи, близкие, высшие чины священного дворца, командиры войска, которых Иоанн II созвал перед кончиной, под пером переводчика Гийома Тирского превращаются в обезличенных *tout les barons de son lignage et les autres granz homes de son ost* (ibid., p. 694) и т. д.

В результате перевод оказывается насыщенным курьезами, вроде того, что при константинопольском дворе появляются «сенешалы» и «камерарии» (эти титулы переводчик присваивает протосевасту Иоанну и протостратору Алексею) (ibid., p. 861—862; ср. p. 943); высокие чины императорского двора — *virī spectabiles et in sacro palatio praeclari* — становятся *mestres... des jugemenz del palez, sages et privez de son seignor* (ibid., p. 873); великий этериарх Иоанн делается просто одним из *granz hom del palès* (ibid., p. 1030).

Порой специфически византийские категории, столь метко зафиксированные Гийомом Тирским, в переводе искажены до неузнаваемости: *archontes* оригинала подменены *les gens de Grece* (ibid., p. 971), *principes sacri palatii*, мирящие Мануила I с братом, — *li ami l'empereor* (ibid., p. 696); даже *imperialis aulae familiaris* заменяется *mout privez de leur seigneur* (p. 1030—1031)!

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Гийом Тирский по своему пониманию специфики византийской знати стоит особняком среди латинских авторов XII—XIII вв.

Любопытно, что Никита Хониат в описании триумфального шествия 1167 г. выделяет примерно те же три группировки в составе имперской элиты, что и Гийом Тирский: сперва, повествует он, за иконой богородицы двигались родственники василевса, затем члены герусии (синклита), управлявшие делами государства, и, наконец, люди, наделенные блестящими чинами и славные царской благосклонностью²². Рассказывая о заговоре 1195 г. против Исаака II, Хониат помимо простонародья и войска опять-таки называет три разряда заговорщиков: родственники царя, домашние слуги и «вознесенные до чина советника», т. е. члены синклита (Nic. Chon., p. 593. 19—594.5).

Совпадение стратификации Хониата и Гийома заставляет с особым вниманием отнестись к свидетельствам тирского архиепископа о составе господствующего класса Византийской империи.

²² Nic. Chon., p. 206.2—5. Перевод этого места у Ф. Граблера («Die Krone der Komnenen», übersetzt von F. Grabler. Graz, Wien, Köln, 1958, S. 202) ошибочен. См. ниже, стр. 253.

В. А. СМЕТАНИН

НАЕМНЫЕ РАБОТНИКИ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

Вопрос о наемных работниках в поздней Византии и в настоящее время является сложным. Даже в теоретическом плане здесь немало дискуссионного, конкретного же материала, фактов явно недостаточно¹.

Специфические черты наемного труда докапиталистических общественно-экономических формаций вскрыли в своих трудах классики марксизма-ленинизма. Совершенно определенно Ф. Энгельс указывал, что «наемный труд, в котором уже содержится в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних пор; в единичной, случайной форме он существовал в течение столетий рядом с рабством»². Поэтому вряд ли имеются основания утверждать, что «сохранение в X в. определенного слоя свободного крестьянства, значительное еще в этот период использование в феодальном хозяйстве труда арендаторов и мистиев» свидетельствуют о незавершенности процесса феодализации³. Как мы увидим ниже, даже в поздней Византии, где этот процесс был уже давно пройденным этапом, целые имения были населены только наемными работниками.

Исходя из высказываний К. Маркса⁴, мы считаем необходимым подчеркнуть, что любой наемный работник, выступающий как юридически равное лицо и нанимающийся только на определенный срок, является лично независимым, юридически свободным человеком⁵ (но лишь на

¹ Д. Ангелов. Принос към поземлените отношения във Византия през XIII век. — «Годишник на Софийския университет, философ.-истор. факултет», т. XLVII, кн. II (история), 1952, стр. 103; М. Я. Сюзюмов. О наемном труде в Византии. — «УЗ Уральского гос. университета», вып. 25, 1958, стр. 147.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 282, прим.

³ К. А. Осипова. Положение крестьянства в Византии в X в. Автореф. канд. дисс. М., 1953, стр. 15; ср. стр. 13.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 178.

⁵ Напротив, в византиноведении является господствующим мнение о наемных работниках в Византии как зависимых людях. Еще В. Г. Васильевский приравнивал мистиев к «закупям». Г. А. Острогорский («Византийские писцовые книги». — ВВ, IX, 2, 1948, р. 272 = G. Ostrogorskiy. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, р. 332) полагает, что *προσκαθημένοι μισθάρχοι* уже считаются закрепленными за монастырем, если они записаны в практике (до записи в практике мистии выступают как «сельскохозяйственные рабочие»: G. Ostrogorskiy. Op. cit., р. 296). Б. Т. Горянов также разделял в статье 1950 г. данную точку зрения («Византийское крестьянство при Палеологах». — ВВ, III, 1950, стр. 37; ср.: его же. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, стр. 222). Д. Ангелов («Принос към поземлените отношения във Византия», стр. 29, 88, 90, 92, 93, 103) считает мистиев, дулевтов, элефтеров категориями зависимых крестьян (особенно характерно высказывание на стр. 92: «Множество мистиев, поступивших на работу к данному феодалу, были людьми крайне нищими, полностью обезземеленными жителями, которые не имели ни земли, ни денег, ни сельскохозяйственного инвентаря и которые вследствие своего положения были совершенно зависимы. Их юридическая «свобода» была только формальной»). По мнению А. П. Каж-

время найма и только по отношению к нанимателю). При докапиталистических общественно-экономических формациях «наемный труд существовал лишь в виде исключения, побочного занятия, подсобного промысла, переходного положения»⁶. Поэтому постоянного социального слоя немущих поденщиков мы не встретим в поздней Византии⁷. Но исследователей документов приводят в изумление многочисленные данные о временно поселяющихся на территории феодальных поместий людях, из которых большинство затем исчезает бесследно. Видимо, эти люди в период поздней Византии, когда уже преобладала денежная рента над другими видами феодальной ренты, представляли спорадически возникающий слой наемных работников.

Некоторые византинисты рассматривают термин *μισθοι* как единственный, который мог обозначать наемных работников. Ряд ученых, однако, с этим не согласны. П. В. Безобразов⁸, О. Тафрали⁹ и Г. А. Острогорский¹⁰ полагают, что наемные работники, «сельскохозяйственные рабочие» могли скрываться под термином *δουλευταί*. М. Я. Сюзюмов склонен думать, что слово *μισθοι*, почти исчезающее в поздней Византии, заменяется словом *ἐλεύθεροι*¹¹.

Почему бы не предположить, что наемные работники фигурировали и под другими терминами? *Ἀνακάρπτικοι, ἀνακαρπτικῶς ἔχοντες, ἀνεπίγνωστοι τῷ δημοσίῳ* и различные сочетания, связанные с этим термином, *ἄνθρωποι ἐλεύθεροι, ἀπὸ ξένης ἐλθόνται, δουλευταί, ἐλεύθεροι, ἐλεύθεροι προσκαθήμενοι, ἔποικοι μισθοιοι, ἐργάται, μὴ καταγεγραμμένοι ἐν τισι πρακτικοῖς, μισθαρνοὶ, μισθοιοι, μισθοιοι δουλευταί, μισθοιοι ξένοι, ξένοι, προσκαθήμενοι, προσκαθήμενοι μισθαρνοὶ, προσκαθήμενοι μισθαρνοῦντες, προσκαθήμενοι μισθοιοι, προσκαθήμενοι ξένοι, προσκαθήμενοι ξένοι ἐλεύθεροι, προσκαθήμενοι πτωχοί, πτωχοί, πτωχοί ἐλεύθεροι, τεχνίται*¹² — так именовали наемных работников в некоторых случаях византийские акты XIII—XV вв. Но это совсем не означает того, что подобная же терминология не могла применяться для обозначения других

дана, мистии и элефтеры представляли собой различные категории зависимого крестьянства (А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI вв. — «УЗ Тульского гос. педагогического института», вып. 2, 1951, стр. 84; *его же*. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 135, 136, 200; *его же*. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 102). Кстати, подобное мнение разделяет и Г. А. Острогорский (Г. Острогорский. Елефтери. Прилог истории сельштва у Византији. — «Зборник философског факултета», кн. 1. Университет у Београду. Београд, 1948, стр. 57; G. Ostrogorskiy. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 71). К. А. Осипова относит «мистиев, наемных работников» к числу «юридически свободных, но фактически зависимых от собственника земли» (К. А. Осипова. Положение крестьянства в Византии в X в., стр. 13). Совершенно иную позицию занимает М. Я. Сюзюмов, который решительно отстаивает мнение о наемных работниках как юридически свободных лицах (М. Я. Сюзюмов. Указ. соч.).

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 282.

⁷ М. Я. Сюзюмов. Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма. Автореф. докт. дисс. Свердловск, 1953, стр. 10; *его же*. О наемном труде в Византии, стр. 156, 166, 171; А. П. Каждан. Византийская община в IX—X вв. — «УЗ Великолукского гос. педагогического института», 1956, стр. 96, прим. 3; *его же*. Деревня и город в Византии, стр. 319.

⁸ См.: Иеромонах Мизаил. Рец. на кн. Б. А. Панченко. — ВВ, XI, 3—4, 1904, стр. 613.

⁹ О. Тафрали. Thessalonique au quatorzième siècle. Paris, 1913, p. 37.

¹⁰ G. Ostrogorskiy. Agrarian Conditions in the Byzantine Empire in the Middle Ages. — В кн.: The Cambridge Economic History of Europe from the Decline of the Roman Empire, vol. I. The Agrarian Life of the Middle Ages. Cambridge, 1942, p. 219—220. В исследовании 1956 г. Г. А. Острогорский предлагает отождествить дулевтов, дулопариков и элефтеров (G. Ostrogorskiy. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine, p. 69—71).

¹¹ М. Я. Сюзюмов. Рец. на кн.: Г. Г. Литаурин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960. — ВВ, XXII, 1963, стр. 301.

¹² Ср. болгарских «технитари» XIII—XIV вв.: А. Бурмов. Зависимото население в България през XIII и XIV в. — «Исторически преглед», год. III, кн. 3, 1946—1947, стр. 261—262.

категорий сельского населения. Вот почему целесообразно в каждом конкретном случае руководствоваться не одним только значением слова и связанным с ним и бытующим в науке понятием, но одновременно учитывать реальный статус скрывающегося под термином населения на основании сведений источника¹³.

Последние столетия византийской истории знают, по всей вероятности, не меньшее, если не большее число наемных работников, по сравнению с раннефеодальным периодом¹⁴. «Неизвестные казне» лица обозначались иногда термином *ἐλεύθεροι*. Поселившись же на территории феодального имения, они становились после внесения в практик известными казне, поэтому не было необходимости называть их теперь как *τῶ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοί*. На смену этому и иным ему сопутствующим терминам приходит ряд новых, среди которых превалирует *ἐλεύθεροι*. Но если признать, что наемные работники могли в некоторых случаях именоваться эфетерами, тогда не вызывает сомнения то, что наемный труд в поздней Византии применялся в довольно значительном масштабе. Имелись села, населенные одними эфетерами, и поместья, не имевшие, кроме них, никаких крестьян¹⁵. В метохе Стогий Ксенофонтского монастыря, по свидетельству практика от октября 1300 г., находятся 6 семей наемных работников, обозначенных как *προσκαθήμενοι μίσθарοι*¹⁶ и далее в том же практике как *μίσθарοι*¹⁷.

Ряды сельских наемных работников поздней Византии пополнялись из двух групп населения — деклассированной прослойки и крестьянства. О превращении византийских крестьян в наемных работников свидетельствует следующий материал.

¹³ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии, стр. 20; его же. Деревня и город в Византии, стр. 98, прим. 161.

¹⁴ Ср.: М. М. Фрейденберг. Экзуссия в Византии XI—XII вв. — «УЗ Великолукского гос. педагогического института», т. 3, 1958, стр. 363—364.

¹⁵ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 271=G. Ostrogorskiy. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 331. Видимо, следует отказаться от принятого в науке мнения об эфетерах как строго определенной категории крестьянского населения. Г. А. Острогорский, наиболее известный исследователь положения эфетеров, рассматривает последних как единую группу. Однако практики свидетельствуют о том, что эфетеры могли выступать, с одной стороны, как представители деклассированной прослойки (В. А. Сметанин. Деклассированная прослойка в поздневизантийской деревне. — «Античная древность и средние века», вып. 4. Свердловск, 1966, стр. 101 сл.) и, с другой стороны, как феодально зависимые крестьяне. Концепции Г. А. Острогорского об эфетерах как однородной группе населения противоречат некоторые его наблюдения. Ученый считает, что эфетеры были бедняками без имущества и постоянного пристанища, кочевавшими с одного места на другое, «как бродяги, не записанные ни в государственные, ни в частные податные практики, они не имели налоговых обязательств» (Г. Острогорски. Эфетери, стр. 46), но далее полагает: «Эфетерами, несомненно, были и два крестьянина, встречающиеся во фрагменте первого практика Эсфигменского монастыря после списка париков. . . Первый платил монастырю $\frac{1}{4}$ перпера (имел одного мула), другой, не имевший никакого имущества, даже $\frac{1}{2}$ перпера» (Г. Острогорски. Эфетери, стр. 61, нап. 2). Перед нами, бесспорно, две категории населения: разве можно отождествлять «вольницу» и обремененное рентой крестьянское население? А. П. Каждан (А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии, стр. 136) выдвинул тезис, что среди эфетеров могли быть и зажиточные крестьяне, а не только беднейшие, как доказывал Г. А. Острогорский.

¹⁶ L. Petit. Actes de l'Athos. I. Actes de Xenophon. — BV, X, 1903, приложение I, № 3. 11. Комментарий к акту: Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 272=G. Ostrogorskiy. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 332; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии, стр. 135; М. Я. Сюзюмов. О наемном труде в Византии, стр. 168.

¹⁷ L. Petit. Actes de l'Athos. I. Actes de Xenophon, N° 3.105. О количестве наемных работников (107) только у одних предпринимателей Аргиропулов в Фессалониках (город!) сообщает акт от 14 апреля 1421 г.: F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, Nr. 102. 41, 43, 46. Комментарий к акту: F. Dölger. Op. cit., S. 269—270; А. П. Каждан. Новые материалы по внутренней истории Византии X—XV вв. — BV, XIII, 1958, стр. 306—307.

В 1262 г. Патмосскому монастырю были переданы оливы и другие угодья в соответствии с императорской и патриаршей грамотами и одновременно две семьи *μίσθιοι* ¹⁸. Эти мистии имели наследственные наделы, должны были служить монастырю и платить подати в соответствии с обычаем (*ὡς ἔθος τῇ μοναστηρίῳ*). Перед нами, бесспорно, зависимые монастырские крестьяне. Но мы обращаем далее внимание на τέλος этих мистиев. Первая семья платит за все участки подать 3 аспра, вторая — 1,5 аспра, т. е. 0,2 и 0,1 перпера. Это чрезвычайно малые подати. Г. А. Острогорский и А. П. Каждан, много сделавшие в исследовании вопроса об имущественной дифференциации поздневизантийского крестьянства, предполагают, что беднейшими крестьянами следует назвать тех, которые платили 1 перпер ренты и меньше ¹⁹. Наиболее бедным (часто встречающимся в практиках) является парическое хозяйство, уплачивающее $\frac{1}{8}$ перпера подати ²⁰. Г. А. Острогорский фиксирует даже хозяйство, между прочим единственное в Хиландарском славянском практике, которое платило телос в $\frac{1}{8}$ перпера ²¹. Мистии о. Коса, о которых мы ведем речь, платят, оказывается, еще меньше: в 50 и 100 раз меньше, чем Феодор Семиак, и в 35 и 70 раз меньше, чем наиболее зажиточные зависимые крестьяне деревни Евнух ²². Вот почему, на наш взгляд, они не случайно названы мистиями. Не находя возможности прокормиться за счет своих крохотных наделов, за которые они к тому же вносили телос, эти мистии вынуждены были становиться временно наемными работниками, и причем так часто, из года в год, что акт прямо называет их мистиями. Так вынуждена была поступить, например, и Марула Дзилипинопула, которая записывает в акте: «снова служу наемным работником» ²³.

В документе от 1272 г. заявляется, что Константин Кадзидони и его супруга Ксения решили продать свой виноградник в округе Велестин и за его стоимость купить рабочего вола и обрабатывать целину, чтобы иметь средства к существованию ²⁴. Видимо, имелось известное число безземельных крестьян, имеющих скот и вынужденных работать по найму ²⁵.

Наемный труд использовался в поздневизантийской деревне при обработке виноградников ²⁶, целины ²⁷, для охраны садов ²⁸, для пастьбы деревенских стад крупного и мелкого скота ²⁹, при обработке сельскохозяйственных продуктов.

¹⁸ Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana. Ed. F. Miklosich et I. Müllер. Vol. 4. Vindobonae, 1871 (далее — MM), 209, 28. Комментарий к акту: Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. — ИРАИК, IX, 1—2, 1904, стр. 151; Д. Ангелов. Принос към поземлените отношения във Византия, стр. 90, 92; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии, стр. 136; М. Я. Сюзюмов. О наемном труде в Византии, стр. 169.

¹⁹ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 256 = G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 316—317; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии, стр. 174—175.

²⁰ Телос в $\frac{1}{8}$ перпера является самой низкой податью и в практиках Ивирского монастыря, изданных Ф. Дэльгером: F. Dölger. Op. cit., S. 190.

²¹ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 256 = G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 316.

²² Александр Лаврский. Ἀθωτικὴ Στόα. — ВВ, VI, 1899, стр. 449. 18—19; П. Безобразов. Афонские документы. — «Византийское обозрение», т. I. Юрьев, 1915, стр. 54.

²³ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV вв. JL., 1927 (далее — Ваз.), № 3. 2—3 (XV в.): πάλιν καὶ δουλεύω.

²⁴ MM, IV, 408. 23—25.

²⁵ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии, стр. 176, табл. 10.

²⁶ Constantini Armenopuli Manuale legum sive Hexabiblos cum appendicibus et legibus agrariis, ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1851. Νόμοι γεωργικοί κατ' ἐκλογὴν βιβλίων τοῦ τῆς θείας ἀρχῆς 'Ιουστινιανοῦ βασιλέως, tit. 1, § 11; MM, IV, 376.

²⁷ См. прим. 24.

²⁸ Constantini Armenopuli Manuale legum, Νόμοι γεωργικοί, tit. 2, § 3.

²⁹ Ibid., tit. 2, § 4; tit. 3, § 3.

Условия найма и форма оплаты труда ³⁰ были различными в зависимости от особенностей места и времени.

Можно полагать, что в деревне оплата наемного труда являлась натуральной. Марула Дзилипинопула, служа в Вазелоне наемным работником, получала ежедневно один псомиарий ячменя ³¹. Напротив, в городе была большая возможность оплачивать наемный труд в натурально-денежном и денежном выражении. Ежедневная заработная плата (*μισθός*) каждого из 100 работников Аргиропулов составляла вместе с питанием 4 аспра ³², т. е. в месяц около 8 перперов ³³. Если в данном случае мы встречаем натурально-денежную форму оплаты наемного труда, то по другим сведениям того же акта можно предполагать существование денежной формы оплаты. В самом деле, перечисляя расходы по оплате труда наемных работников, строители Андрей Кампанарис, Аргир Ксифилин и Георгий Мономах, выступавшие в роли подрядчиков от имени Аргиропулов, выражают эти расходы в аспрах (150 в первом и 20 во втором случае, всего 170 аспров) ³⁴. Можно предполагать в то же время, что труд работников, с одной стороны, и ремесленников — с другой, противопоставляющихся в акте ³⁵, оплачивался по-разному, так как был качественно различным ³⁶.

Заработная плата наемных работников была либо поденной ³⁷, либо выдавалась перед началом работы по вольному найму в качестве задатка (*ἡ ἀρραβών*) ³⁸.

Представители деклассированной прослойки, являющиеся юридически свободными, после заключения договора о найме ³⁹ ничуть не изменяли своего юридического статуса. Напротив, зависимые крестьяне, нанимающиеся от своего лица, выступая как юридически равные лица в своих взаимоотношениях с нанимателями, по существу являлись в новом качестве, потому что представляли собой уже свободных наемных работников, но только временно свободных и только по отношению к данному нанимателю, но не к феодалу, от которого они зависели.

На основании вышесказанного можно утверждать: 1) наемные работники поздневизантийской деревни представляли собой спорадически

³⁰ Применительно к дистрикту итальянских городов XIII—XIV вв. ср.: Л. А. Котельникова. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. М., 1967, стр. 296 сл., особенно 300 сл.

³¹ Ваз., № 3.3—4: καὶ ἑκάστον χρῶνον κριθᾶριον ἑνα ψομίᾳρι. См. также: MM, V, 413.20 (1210 г.).

³² F. Dölger. Op. cit., Nr. 102. 41—42.

³³ Ibid., S. 270 (замечания к стк. 42, ср. замечания к стк. 57). Для сравнения напомним, что наемные работники (*laboratores*) г. Дубровника по закону от 13 июня 1348 г. должны были получать за свой труд не более одного гроша и 6 фоллов в день (см.: А. П. Каждан. Наемный труд в Дубровнике в XIV в. — «Краткие сообщения Института славяноведения», 1955, № 17, стр. 43—44), т. е. 0,1 перпера в день или 3 перпера в месяц.

³⁴ F. Dölger. Op. cit., Nr. 102. 46, 49.

³⁵ Ibid., Nr. 102.46. Это противопоставление, наблюдающееся еще в папирусах (М. Я. Сюзюмов. О наемном труде в Византии, стр. 157; И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV—середине VII в. М., 1965, стр. 13), свойственно, таким образом, всему периоду существования Византии.

³⁶ F. Dölger. Op. cit., S. 270 (замечание к стк. 45 сл.).

³⁷ Ваз., № 3. 3—4.

³⁸ Constantini Harmenopuli Manuale legum, Νόμοι γερουσιαῶν, tit. 1, § 11.

³⁹ Думается, что договор носил устную форму ввиду малозначительности и слабо выраженной конкретности подсобной работы, неграмотности нанимающихся и отсутствия у них денег для оформления соответствующего письменного договора; к тому же фиксация договора часто была невыгодна нанимателю, так как он должен был платить за прием и использование наемной силы налоги в казну (ср., например: ἀνεπιγνώστῳ. — В. А. Сметанин. Деклассированная прослойка, стр. 102); в силу сказанного вряд ли следует считать условием для отнесения к вольнонаемным работникам тех или иных лиц обязательное упоминание «договора» между нанимателем и работником. Ср.: Д. Ангелов. Принос към поземлените отношения във Византия, стр. 92.

возникающий слой населения; 2) их ряды пополнялись из крестьянства и деклассированной прослойки; 3) на период найма и только по отношению к нанимателю они выступают как юридически свободные лица, хотя могут по отношению к другим лицам являться феодально зависимыми людьми; 4) для обозначения наемных работников могли применяться десятки терминов, но это не означает, что в других случаях эти термины не могли обозначать и совершенно иные группы населения; 5) следует отказаться от принятого в византиноведении мнения об элефтерах как строго определенной категории крестьянского населения, так как данный термин мог обозначать не только феодально зависимых крестьян (как беднейших, так и зажиточных), но и наемных работников, и представителей деклассированной прослойки.

А. А. ЗИМИН

МАКСИМ ГРЕК И ВАСИЛИЙ III В 1525 г.

Вопрос об обстоятельствах и причинах суда над Максимом Греком в 1525 г. уже давно являлся предметом историографических споров. Теперь, после обстоятельного исследования Н. А. Казаковой¹, установлено, что так называемое «Судное дело» Максима Грека представляет собой позднейшую публицистическую обработку материалов обоих процессов над Греком (1525 и 1531 гг.) и для изучения судебного разбирательства 1525 г. может привлекаться только с очень большой осторожностью.

В настоящей работе делается попытка рассмотреть столкновение Василия III с Максимом Греком и его единомышленниками в тесной связи со сложными обстоятельствами внешней и внутренней политики России начала 20-х годов XVI в.

* * *

Бурный 1521 год принес с собой тяжелые последствия для России. После того, как еще весной в Казани вместо согнанного московского ставленника Шигалея утвердился крымский царевич Сагиб-Гирей, Русское государство стало находиться под двойной угрозой — с юга и востока. Летом того же года на русские земли обрушился кратковременный, но ужасный шквал набега крымских войск Мухаммед-Гирея. Войска хана дошли почти до самой Москвы (отдельные отряды побывали в Воробьеве). Московский государь бежал из столицы и некоторое время скрывался в Микулине (Волоколамский уезд). Еще никогда крымские войска не проникали так далеко в глубь русской территории. Во время набега в Литву бежал последний рязанский князь Иван Иванович. Неизвестно было, какую позицию к происшедшим событиям займет новый турецкий султан Сулейман, к которому с поздравлениями по случаю вступления на престол отправлена была специальная грамота².

Опасность новых осложнений на Востоке не исчезла и в 1522 г. Получив известие о грозящем походе Мухаммед-Гирея, Василий III в мае 1522 г. с войсками направился в Коломну, где он находился в ожидании набега крымцев до августа.

В августе к великокняжескому двору прибыл посол турецкого султана грек Скиндер. Но он разочаровал московского государя. Прежде всего это был не «великий человек» султана (т. е. вельможа), а обычный

¹ Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 109—126; XXIX, 1968, стр. 108—134. Здесь приведена историография вопроса.

² Сб. РИО, т. 95. СПб., 1895, стр. 674—706.

купец. К тому же в своей грамоте султан говорил только о торговле, а не о каких-либо союзнических отношениях, на которые рассчитывал Василий III. После длительных переговоров, продолжавшихся до марта 1523 г., в Порту послан был «ближний человек» И. С. Морозов, который должен был сообщить Сулейману о желании московского государя быть с ним «в дружбе и в братстве и в любви. . . заодно»³. Речь, конечно, шла о вполне реальных вещах — о военно-политическом союзе против Мухаммед-Гирея, который, как это известно было в Москве, был «недругом» не только Василию III, но и Сулейману.

На западных границах России после длительных, но малоэффективных столкновений с Литвою заключено было в 1522 г. трехлетнее перемирие, которое давало возможность московскому правительству сосредоточить свое внимание на решении татарской проблемы.

Неожиданное событие на юге облегчало, казалось, выполнение задуманных планов. Зимой 1522/23 г. во время похода на Астрахань Мухаммед-Гирей погиб. На крымский престол вступил ставленник Сулеймана — Саадат-Гирей. Это разбивало надежды Василия III на антикрымский союз с Сулейманом. Но наступившая «смута» в Крыму давала возможность России попытаться решить первоочередную Казанскую проблему. Здесь дело шло к войне. Весной 1523 г. в Казани был убит русский посланник В. Ю. Поджогин, брат ближайшего советника Василия III — Шигоны⁴.

Сложной была и внутривосточная обстановка в России. Уже давно Василию III становилось ясным, что действенная оборона на юге невозможна без ликвидации буферного княжества Василия Шемячича в Новгород-Северском. Неоднократно в Москву поступали доносы о том, что Шемячич собирается изменить Москве, сносится с Сигизмундом и литовской знатью⁵. Особенную опасность для Москвы теперь представляло то, что новгород-северский князь находился в постоянных самостоятельных сношениях с крымским ханом и его мурзами. Во время набега Мухаммед-Гирея на русские земли в 1521 г. Шемячич ничего не сделал ни для того, чтобы предупредить Василия III о грозящей беде, ни для того, чтобы ее предотвратить. Это фактически и решило его судьбу. Очевидно, вскоре после набега Мухаммед-Гирея Василий III решил «поймать» Шемячича. Но тот не хотел появляться в Москве без «охранной грамоты» митрополита, гарантирующей его неприкосновенность. Митрополит Варлаам категорически отказался выступить в роли клятвопреступника и 17 декабря 1521 г. покинул митрополию⁶. Он съехал на Симоново, а потом был сослан в Каменский монастырь. По С. Герберштейну, Варлаам это сделал, «когда государь нарушил клятву князю Шемячичу и допустил нечто другое, что, по-видимому, являлось нарушением власти митрополита»⁷. Тут явная хронологическая путаница: Шемячичу великий князь нарушил клятву позднее. Очевидно, речь должна идти о том, что Василий III собирался нарушить ее и принуждал к этому митрополита, на что тот не пошел.

27 февраля 1522 г. вместо Варлаама, покровителя Максима Грека и Вассиана Патрикеева, митрополитом всея Руси стал их злейший враг

³ В. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916 (далее — Дунаев), стр. 44.

⁴ ПСРЛ, т. 8, стр. 270.

⁵ См. донос В. С. Стародубского 1517 г.: АИ, т. 1, № 124.

⁶ ПСРЛ, т. 4, стр. 541; т. 6, стр. 264 (18 декабря 1522 г.); т. 8, стр. 269; т. 13, стр. 43; т. 20, стр. 402; т. 21, стр. 603; т. 22, стр. 519; т. 23, стр. 203; т. 24, стр. 221 (19 декабря); т. 26, стр. 311; т. 30, стр. 146 (16 декабря); М. Н. Тихомиров. Новый памятник московской политической литературы XVI в. — В сб.: «Московский край и его прошлое», ч. II. М., 1930 (далее — Тихомиров), стр. 110; С. О. Шмидт. Продолжение хронографа редакции 1512 г. — «Исторический архив», т. VII. М.—Л., 1951, (далее — Шмидт), стр. 280 (18 декабря).

⁷ С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908 (далее — Герберштейн), стр. 41.

игумен Волоколамского монастыря Даниил, верный последователь Иосифа Волоцкого⁸. К Даниилу Василий III приглядывался уже на протяжении нескольких лет во время своих поездок на Волочок (1515, 1518 гг.). Человек, готовый на все, чтобы укрепить свое влияние при великокняжеском дворе, Даниил сразу же начал энергично насаждать своих ставленников на высшие церковные должности. 30 марта 1521 г. умер тверской владыка Нил Гречин, родич влиятельного казначея Василия III — Юрия Дмитриевича Траханиота⁹. 30 марта 1522 г. на его место был назначен иосифлянин Акакий¹⁰. 3 марта покинул Рязанскую епархию Сергий, а 23 марта ее занял Иона, архимандрит новгородского Юрьева монастыря¹¹.

Летом 1522 г. Василий III хотел послать Шемячицу с воеводами против крымского хана¹². Но об участии новгород-северского князя в обороне русского Юга и в этот год разряды и летописи молчат. Тогда решено было привести в исполнение давно задуманный план ликвидации этого «западного врага». Он вызван был в столицу, получив «охранную грамоту». В апреле 1523 г. Шемячица прибыл в Москву и угодил в заточение, несмотря на клятвенные уверения в безопасности приезда в столицу, данные князю Василию московским государем и митрополитом¹³. Нарушение клятвы митрополитом вызвало бурю негодования в русском обществе, но зато было одобрено великим князем. Вероятно, с этим негодованием связано отстранение от должности в апреле 1523 г. пермского епископа Пимена¹⁴.

К началу 20-х годов XVI в. Василий III должен был снова задуматься над той угрозой, которую для него представлял его брат — князь Юрий Иванович Дмитровский.

Все началось, казалось бы, с незначительного факта. Один из калязинских купцов, некто Михаил, задумал построить новый каменный собор в местном монастыре. В этом богоугодном деле его поддержал князь Юрий Иванович Дмитровский, в удел которого входил Калязин¹⁵. При сооружении фундамента Троицкого собора 26 мая 1521 г. были обнаружены мощи основателя Калязинского собора Макария, умершего еще в 1483 г.¹⁶ Князь Юрий «порадовавшись неизглаголанною радостью» и поспешил объявить эти мощи чудотворными. Новый «чудотворец» должен был укрепить престиж дмитровского князя, его покровителя. Юрий Иванович поэтому отправился ко двору своего державного брата, чтобы добиться признания официальной церковью Макария «чудотворцем».

Василий III медлил. Очевидно, при его дворе многие, подобно Василию Патрикееву, весьма сомневались в том, что простой мужик Макарий мог оказаться чудотворцем. Только после того, как митрополитом стал

⁸ ПСРЛ, т. 4, стр. 541; т. 6, стр. 264 (1522/23 г.); т. 8, стр. 269; т. 13, стр. 43; т. 20, стр. 402, 603—604; т. 22, стр. 519; т. 23, стр. 203; т. 24, стр. 221 (20 февраля); т. 26, стр. 311; т. 30, стр. 146; *Тихомиров*, стр. 110; *Шмидт*, стр. 281 (26 февраля).

⁹ ПСРЛ, т. 30, стр. 145; ср.: Описи Царского архива XVI века. М., 1960, стр. 22, ящик 36.

¹⁰ ПСРЛ, т. 6, стр. 264 (1522/23 г.); т. 8, стр. 270; т. 13, стр. 43; т. 20, стр. 402; т. 21, стр. 519; т. 23, стр. 203; т. 24, стр. 221; т. 26, стр. 311; *Шмидт*, стр. 281. По Строеву, был в Возмицком монастыре на архимандрии после 3 февраля 1517 г.: *П. Строев*. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской империи. СПб., 1877 (далее — *Строев*), стб. 247.

¹¹ ПСРЛ, т. 6, стр. 264 (зимой 1522/23 г.); т. 8, стр. 269—270; т. 13, стр. 43; т. 20, стр. 402; т. 23, стр. 203; т. 24, стр. 221; т. 26, стр. 311 (март); т. 30, стр. 146. *Шмидт*, стр. 281. В Юрьеве монастыре он был архимандритом в 1517—1522 гг. (*Строев*, стб. 45).

¹² *Тихомиров*, стр. 110.

¹³ ПСРЛ, т. 8, стр. 270.

¹⁴ ПСРЛ, т. 30, стр. 146. Он не подписал и грамоту от 1 апреля 30 августа 1522 г. (СГГД, ч. 1, № 149). Где-то в начале февраля 1523 г. должны были состояться заседания церковного собора (АЮ, № 360, стр. 385—386).

¹⁵ ГВЛ, Унд. № 310, лл. 7—7 об.

¹⁶ ПСРЛ, т. 8, стр. 209; т. 22, стр. 5187.

Даниил, бывший игумен Волоколамского монастыря, пользовавшегося расположением князя Юрия, в Калязин посылается чудовский архимандрит Иона с целью проверить, как обстоит дело с новоявленными мощами в Калязине. Его отчет был благоприятен для князя Юрия, и собравшийся церковный собор признает мощи Макария нетленными и чудотворными¹⁷. После того, как в июне 1523 г. было окончено строительство Троицкого собора, 9 октября в него торжественно перенесли мощи Макария Калязинского¹⁸. Так именно князь Юрий Дмитровский стал патроном первого русского «чудотворца».

13 марта 1523 г. умер «зять» великого князя (муж сестры его) царевич Петр, которого, очевидно, Василий III прочил в свои наследники. В связи с этим событием, вероятно, находились пересмотр завещания великого князя и составление к нему в июне 1523 г. особой «Записи»¹⁹. Снова вставал вопрос, кто же будет преемником московского государя. Князь Юрий Иванович Дмитровский, старший из братьев Василия Ивановича, снова мог рассчитывать на московский великокняжеский стол²⁰. Но отношения между этими братьями были крайне неприязненными. Это хорошо было известно и в Москве, и в Литве, что было небезопасно для московского государя. 18 марта 1523 г. русскому гонцу Ушаку Воропаеву поручалось сообщить в Литве, что никаких раздоров между державными братьями нет²¹. Но это официальное заявление никого не могло обмануть.

Необходимо было как-то развеять иллюзии у дмитровского князя и гарантировать продолжение дела, которому посвятил жизнь великий князь. А это могло произойти только в том случае, если у московского государя будет наследник. Уже давно стало ясно, что Соломония не может принести своему супругу ребенка, следовательно, великому князю нужно было развестись с нею и вступить в новый брак. Правда, развод по причине «неплодия» нарушал все церковные каноны. Но в московском государе на этот раз трезвый политик победил и верного сына русской церкви, и любящего супруга.

Еще до осени 1523 г. Василию III «бысть кручина о своей великой княгине»²². Где-то в начале февраля 1523 г. в Москве предполагали собрать церковный собор, который должен был разбирать вместе с великим князем «великие дела духовные и церковные»²³. Состоялись ли его заседания или нет, остается неясным.

Ввиду сложности обстановки, отправляясь в летнюю поездку по городам (в июле 1523 г.), Василий III взял с собой своих братьев; возвратившись в Москву (15 сентября)²⁴, он разослал их «по уделам».

Осенью, после этой поездки, Василий III «начат думати со своими бояры о своей великой княгине Соломонеи, что неплодна бысть». По свидетельству Псковской летописи, великий князь говорил боярам: «Кому по мне царствовать на Руской земли и во всех градах моих и в приделах: брати ли дам, ино братья своих уделов не умеют устраивати». Тогда бояре дали совет разойтись с Соломонией и вступить в новый брак: «... неплодную смоковницу посекають и измещуть из винограда»²⁵. Весь рассказ носит промосковский, официозный характер. Сам Василий III

¹⁷ ГБЛ, Унд. № 310, лл. 13—13 об.

¹⁸ ПСРЛ, т. 22, стр. 519.

¹⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950 (далее — ДДГ), № 100, стр. 415.

²⁰ К 1523 г. у Василия III в живых оставался еще только младший брат Андрей, всецело послушный его воле (князь Семен умер в 1518 г., а князь Дмитрий — в 1521 г.).

²¹ Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882, стр. 666. Князь Юрий был на Москве, «да поехал к себе».

²² Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941 (далее — ПЛ), стр. 102.

²³ АЮ, № 360, стр. 385.

²⁴ ПСРЛ, т. 24, стр. 222.

²⁵ ПЛ, вып. 1, стр. 102—103.

рисуеться здесь не как инициатор развода, а как лицо, вынужденное пойти на эту меру под влиянием бояр.

Однако в 1523 г. дело не было доведено до конца. Вероятно, возражения в придворной среде против развода все же звучали. Позднее Курбский писал: «возбранишу ему (Василию III. — А. З.) сего беззакония многим святым и преподобным не токмо мнихом, но и сиклитом его»²⁶.

Положение Максима Грека при дворе становилось критическим. Дело в том, что его ближайший сподвижник Вассиан Патрикеев (а возможно, и сам Максим) выступал против развода Василия²⁷. В 1522 г. был отстранен от управления близкий к Максиму казначей Юрий Дмитриевич Грек Траханиот, который осмелился поддержать одну из просьб посла султана Скиндера (о лекаре Марке)²⁸.

Выступление против развода Василия III имело, кроме догматического, еще чисто политическое значение. Оно фактически означало поддержку династических притязаний Юрия Дмитровского. Если на внутрицерковные споры Василий III смотрел довольно безучастно, то вмешательства церковников в свои политические планы он не допускал. Но в 1523 г. вопрос о разводе не был еще окончательно решен.

Летний поход 1523 г. к Казани не дал существенных результатов. Все же был основан город Васильсурск, опорная крепость на пути к Казани²⁹. Это давало основание для надежды на успешное завершение войны с Казанью в дальнейшем. Как и в случае со Смоленском, великий князь твердо решил довести дело до победного конца. Несмотря на то, что в мае 1524 г. великий князь получил от Саадат-Гирея письмо, в котором тот обуславливал свою дружбу с Россией отказом последней от войны с Казанью³⁰, в том же месяце Василий III начал новый Казанский поход. Позиция Крыма заставила великого князя воздержаться от личного участия в военных действиях: приходилось опасаться неожиданностей на юге. На Казань отправлена была рать князя И. Ф. Бельского. Однако и на этот раз поход окончился неудачей³¹. Раздражение у великого князя своим окружением нарастало. А тут еще летом из Порты прибыл долгожданный посол, но им снова оказался не «великий» или «ближний» человек, а все тот же плутоватый грек Скиндер с его торговыми делами, а не с миссией о союзе.

Василий III был настолько раздосадован, что когда в сентябре решил отпустить Скиндера обратно в Порту, то вместе с ним не послал больше своей миссии: «с им своего доброго человека послати не пригоже того дея, что салтан большего посла не прислал»³². Но слишком много значил в дипломатических планах Василия III турецкий вопрос, чтобы великий князь пошел на открытый разрыв с Сулейманом. Поэтому со Скиндером отправлено было султану новое послание с повторной просьбой прислать «большого посла» и начать переговоры о реальном союзе³³.

Через некоторое время после этого из Кафы стали поступать сведения, что Скиндер «великого князя людем . . . великую соромоту чинил». Вероятно, грек не делал секрета из того, как его приняли при московском дворе. Тогда 4 июня 1525 г. с казаком Кудояром Кадашевым султану была послана новая грамота (от 2 июня). Целью ее было предотвратить «злые козни» Скиндера, который мог «непригожие речи султану или пашам говорить»³⁴.

²⁶ РИБ, т. 31. СПб., 1914, стб. 163.

²⁷ Там же.

²⁸ Герберштейн, стр. 65.

²⁹ ПСРЛ, т. 8, стр. 270.

³⁰ ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, лл. 52 об., 54 об.

³¹ ПСРЛ, т. 8, стр. 270—271. Казанская история. М.—Л., 1954, стр. 67—68; Герберштейн, стр. 153—157.

³² Дунаев, стр. 75.

³³ Там же, стр. 78—79.

³⁴ Там же, стр. 80.

Так постепенно складывалась и крепла у Василия III мысль, что в неудаче его попыток наладить союз с турецким султаном виноват злокозненный грек Скиндер, а следовательно, и его приятели, к числу которых относился и Максим Грек. Недаром последний все время развивал идею о необходимости освободить греков от турецкого ига!

Вскоре после отъезда Скиндера (сентябрь 1524 г.), где-то около начала декабря 1524 г., «поимали» Максима Грека. Затем попали в заключение сын боярский И. Н. Берсень Беклемишев и другие лица³⁵. Судя по тому, что Максим позднее стремился всячески представить в черных красках деятельность Берсеня, последний, очевидно, был втянут в процесс благодаря показаниям Максима.

До нас дошли два противня (списка) с расспросных речей по этому делу, датирующемуся февралем 1525 г.³⁶ Оба текста подверг скрупулезному источниковедческому анализу С. Н. Чернов³⁷.

Прежде всего несколько слов о тех, кого коснулось судебное разбирательство.

Отец И. Н. Берсеня Беклемишева — Никита Васильевич Беклемишев происходил из видной служилой фамилии. Он входил в состав наиболее доверенных лиц великого князя Ивана III, хотя до думного чина так и не дослужился. Еще в 1471 г. он был послан «в Поле», чтобы склонить на сторону великого князя татарского царевича Муртозу Мустофина сына³⁸. В 1472 г. он был воеводой в Алексине³⁹. С этим поручением он удачно справился. В 1473 г., когда Иван III «поимал» грека Ивана Тревиана, он был посажен на двор к Никите Беклемишеву⁴⁰. В марте—ноябре 1474 г. Н. В. Беклемишев ездил в Крым с миссией к Менгли-Гирею⁴¹. В ноябре 1475 г. он, будучи сыном боярским, сопровождал Ивана III в его новгородском походе⁴².

Уже около 1472—1473 гг. Н. В. Беклемишев владел землями в Юрьевском уезде. В 1462—1473 гг. он был разъездчиком земель и вел разбирательство поземельных споров⁴³. В 1475/76 г. Н. В. Беклемишев среди других «бояр» присутствовал на докладе у великого князя⁴⁴. В 1484—1488 гг. ему докладывались мировые грамоты по земельным вопросам⁴⁵. Один из братьев Никиты — Александр в 1420 г. был наместником, возможно, в Москве⁴⁶. Второй брат Никиты — Семен, держатель села Почапа Малоярославского уезда у Троицкого монастыря⁴⁷. Третий брат — Михаил был вотчинником в Дмитровском уезде⁴⁸. Будучи землевладельцами Дмитровского уезда, некоторые Беклемишевы были связаны с двором князя Юрия Ивановича. Так, двоюродный брат Берсеня — Иван Шадра Александров Беклемишев в 1520 г. был волостелем Жабенской волости Кашинского уезда князя Юрия⁴⁹, а в 1518 г. присутствовал на докладе

³⁵ Берсень на следствии говорил: «угонил меня, господине, Федко Жареной неделю против Николы, а Максима уж изымали» (ААЭ, т. 1, № 172, стр. 144). «Против (около) Николы», т. е. около 6 декабря.

³⁶ ЦГАДА, ф. 52 (без номера). Изданы дважды: а) Сборник князя Оболенского, № 3. М., 1838 (оба текста); б) ААЭ, т. 1, № 172 (один текст с вариантами по другому).

³⁷ С. Н. Чернов. Заметки о следствии по делу Максима Грека. — «Сборник статей к сорокалетию деятельности акад. А. С. Орлова». Л., 1934, стр. 465—474.

³⁸ ПСРЛ, т. 28, стр. 128.

³⁹ Там же, стр. 133.

⁴⁰ Там же, стр. 135.

⁴¹ Там же, стр. 137—138; Сб. РИО, т. 41. СПб., 1884, стр. 1—13.

⁴² ПСРЛ, т. 13, стр. 174. В разрядах он назван ошибочно дьяком: Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966 (далее — РК), стр. 17.

⁴³ АСЭИ, т. I, № 326, 413.

⁴⁴ АСЭИ, т. II, № 229, стр. 151.

⁴⁵ АСЭИ, т. I, № 510; ср. 1485—1490 гг. (там же, № 523).

⁴⁶ РИБ, т. XVII, № 315, 346, 351, 353; АСЭИ, т. III, № 418, 419, 421, 422.

⁴⁷ АСЭИ, т. I, № 326.

⁴⁸ АФЗХ, ч. 1, № 81, стр. 83 (1473—1489 гг.).

⁴⁹ ГБЛ, Троицк., кн. 527, № 93.

поземельного спора у боярина князя Юрия⁵⁰. Дети его в середине XVI в. служили по Дмитрову⁵¹.

Биография самого Берсень также небезынтересна. Около 1489 г. умер его отец, и Берсень передал его землю Юрьевского уезда в митрополичий дом⁵². С митрополичьим окружением Берсень сохранил связи на всю жизнь. Одним из ближайших друзей Берсень был митрополичий «крестовый» дьяк Федор Жареный.

Служебная карьера Берсень при дворе началась еще в июле 1490 г., когда он присутствовал в качестве пристава на приеме имперского посла Юрия Делатора⁵³. В 1492 г. он должен был отправиться с посольством к великому князю Литовскому Казимиру, но оно не состоялось⁵⁴. В 1492—1494 гг. Берсень примыкал к окружению князя Семена Ряполовского и князей Патрикеевых, поддерживавших Дмитрия-внука и являвшихся сторонниками мирного урегулирования отношений с Литвой. Затем на протяжении 15 лет о нем нет почти никаких сведений. Известно только, что в 1495 г. он ездил с Иваном III и его окружением в Новгород⁵⁵, а в 1502—1503 гг. дважды неудачно посылался с миссией в Крым⁵⁶, куда он так и не смог попасть из-за нападения кочевников в «Поле».

Сведения о Берсене снова появляются уже после приближения к Василию III Вассиана Патрикеева, друга Максима Грека, близкого также и к Берсению. В 1510 г. И. Н. Берсень Беклемишев опять встречается в качестве пристава при приеме литовских послов⁵⁷. За истекшие годы, следовательно, Берсень по лестнице чинов не продвинулся. Это, конечно, способствовало росту у него оппозиционных настроений. Времена Ивана III, когда его отец был в зените славы и перед самим Берсением открывались широкие перспективы, рисовались теперь уже пожилому придворному в самом радужном свете, а времена Василия III — в темных тонах. Судя по словам Максима Грека, он говаривал: «добр деи был отец великого князя . . . и до людей ласков . . . а нынешний государь не по тому, людей мало жалует»⁵⁸.

Уже в период Смоленских походов Берсень говорил «встречю» великому князю «о Смоленську». Содержание этой «встречи» не вполне ясно. Возможно, речь шла о стремлении Берсень к устроению мира с Литвой. С тех пор московский государь особенно невзлюбил упрямого старика. Впрочем, в 1514 г. Берсень еще присутствует на приеме турецкого посла⁵⁹. В последний раз при дворе Иван Никитич появляется в августе 1517 г. на приеме литовского посольства⁶⁰. Затем он попадает в опалу⁶¹, и у него отбирается «подворье» в Кремле⁶². Возможно, оно находилось возле башни, которая получила название «Беклемишевская».

Вторым из лиц, пострадавших в 1525 г., был Петр Муха Карпов. О нем нам известно очень мало. Петр Муха Федорович Карпов — двоюродный брат известного дипломата Федора Ивановича Карпова, знатока

⁵⁰ С. А. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. III. М., 1912, № 149, стр. 46.

⁵¹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950, стр. 130.

⁵² АФЗХ, ч. 1, № 153, стр. 134.

⁵³ «Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными», т. 1. СПб., 1851, стб. 26, 69.

⁵⁴ Сб. РИО, т. 35, стр. 60—68.

⁵⁵ РК, стр. 26.

⁵⁶ Сб. РИО, т. 41, стр. 434—443, 455—465, 516, 537.

⁵⁷ Сб. РИО, т. 35, стр. 495.

⁵⁸ ААЭ, т. 1, № 172, стр. 142.

⁵⁹ Сб. РИО, т. 95, стр. 96.

⁶⁰ Сб. РИО, т. 35, стр. 511.

⁶¹ В феврале 1525 г. Максим Грек говорил: «пришел, господине, ко мне Берсень, как был в опали, а тому с год нет» (ААЭ, т. 1, № 172, стр. 141).

⁶² Где-то около 1523 г. во время Нижегородского похода Василия III сын Берсень был оставлен в Нижнем (ААЭ, т. 1, № 172, стр. 142).

восточных дел и видного гуманиста, друга Максима Грека⁶³. Сын Мухи — Василий в середине XVI в. числился сыном боярским по Костроме⁶⁴. Племянники Петра Мухи — Федор и Афанасий Андреевич в середине XVI в. служили по Кашину, причем первый из них в Тысячной книге 1550 г. назван в рубрике «князь Юрьевские»⁶⁵. Следовательно, некоторые из Карповых, как и Беклемпшевы, были связаны с князем Юрием.

К делу Берсеня—Максима Грека привлечены были также «крестовый» дьяк Федор Жареный (возможно, недовольный и деятельностью нового митрополита Даниила) и спасский архимандрит Савва Грек.

Кроме этих лиц, несколько человек были «советны» с Берсением и приходили к нему и Максиму для разговоров по волновавшим всех их вопросам. Судя по следственному делу, келейник Максима — Афанасий говорил, что «прихожи были к Максиму Иван Берсень, князь Иван Токмак, Василий Михайлов сын Тучков, Иван Данилов сын Сабурова, князь Андрей Холмской, Юшко Тютин». При этом они «говаривали с Максимом книгами и спирались меж себя о книжном»⁶⁶.

Среди них был Иван Васильевич Токмак, происходивший из князей Звенигородских⁶⁷. Его дети в середине XVI в. служили детьми боярскими сначала по Коломне, затем по «княж Юрьевскому» Кашину⁶⁸. Отец князя Ивана — Василий Иванович Ноздреватый некоторое время был окольным при Василии III (последний раз упоминается под 1509 г.)⁶⁹. Звенигород входил в удел князя Юрия Ивановича.

Второй из «советников» Берсеня — Василий Михайлович Тучков. Это фигура достаточно известная. Он был сыном окольного М. В. Тучкова (из рода Морозовых). В 1511—1515 гг. М. В. Тучков — крымский посол, с 1533 г. — боярин, умер около 1550 г.⁷⁰ В 1516 г. Михаил Васильевич и оружничий Никита Карпов ездили с миссией в Казань⁷¹. Его сын Василий в это время был, очевидно, еще молодым человеком. Выдвинулся он позднее, когда с 1541 по 1545 г. был рязанским дворецким⁷². Умер в 1548 г. По поручению митрополита Макария в 1537 г. составил особую редакцию Жития Михаила Клопского⁷³. Он принадлежал к непосредственному окружению Максима Грека. В 1545 г. по его распоряжению была переписана одна из рукописей Грека⁷⁴.

Третье лицо из близких к Максиму и Берсеню — Иван Данилович Сабуров, двоюродный брат Соломонии. Он служил по Новгороду⁷⁵. Еще в 1522 г. на сравнительно видных местах находились окольные Андрей Васильевич (двоюродный брат отца Соломонии), его сын Михаил (рында) и брат Соломонии — Иван Юрьевич (рында, возможно, кравчий). Все они вместе с ближайшим окружением Василия III отправились летом

⁶³ Родословная книга, ч. II. М., 1787, стр. 211—212. О Ф. И. Карпове см.: А. А. Зимин. Общественно-политические взгляды Федора Карпова. — ТОДРЛ, т. 12, 1956, стр. 160—173; Н. В. Силицына. Федор Иванович Карпов — дипломат, публицист XVI в. Автореф. канд. дисс. М., 1966.

⁶⁴ Тысячная книга, стр. 148.

⁶⁵ Там же, стр. 68, 134.

⁶⁶ ААЭ, т. 1, № 172, стр. 141.

⁶⁷ В разрядах упоминается под 1538 г. (РК, стр. 94).

⁶⁸ Тысячная книга, стр. 158, 161. Сын Ивана Токмака — Юрий, один из воевод в 1558—1576 гг., был человеком образованным и составил повесть о Выдропусской иконе («Памятник старинной русской литературы», вып. 4. СПб., 1862, стр. 180—183).

⁶⁹ РК, стр. 44. Ездил в посольство в «Ногаи» в 1508 г. (Сб. РИО, т. 95, стр. 11—12).

⁷⁰ ПСРЛ, т. 6, стр. 252—257.

⁷¹ Там же, стр. 258.

⁷² А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений в XV—XVI вв. — Исторические записки, 63, 1958, стр. 193.

⁷³ «Повесть о житии Михаила Клопского». М.—Л., 1958, стр. 7 сл.

⁷⁴ В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 576.

⁷⁵ Родословная книга, ч. 1, стр. 245.

1522 г. в Коломну в связи с предполагавшимся походом Мухаммед-Гирея ⁷⁶. Этот год был началом конца карьеры Сабуровых. Андрей Васильевич исчезает из разрядов почти на десять лет и появляется с чином боярина в конце 1531 г., т. е. после рождения у Василия III наследника ⁷⁷. Только один из Сабуровых в 20-х годах сохранил ненадолго свое положение, да и то потому, что находился вдали от великокняжеского двора, — это дядя Соломонии — Иван Константинович Сабуров, новгородский дворецкий в 1517—1525 гг. ⁷⁸ Близость И. Д. Сабурова к кружку Берсеня объясняется, конечно, тем, что Василий III, собираясь вступить во второй брак, отстранил от себя родичей Соломонии.

Следующим из окружения Берсеня и Максима был князь Андрей Иванович Холмский. Вероятно, он также был молодым человеком ⁷⁹. Его троюродным братом был известный князь В. Д. Холмский, женатый на сестре Василия III и «пойманный» в ноябре 1508 г. ⁸⁰ Князь Андрей в 1527 г. подписал одним из поручителей грамоту по князе М. Л. Глинском ⁸¹. После опалы князя Василия Холмские были отстранены от сколько-нибудь видной придворной деятельности.

Наконец, Юпка Тютин — отец известного казначея середины XVI в., «грецка роду» ⁸². Тютин, следовательно, происходил из той же среды близких к государевой казне греков, из которой вышел и грек Юрий Траханиот, попавший в опалу около 1522 г. ⁸³

В одном ящике Царского архива с материалами дела И. Берсеня и Максима Грека хранились «списки Петра Карпова-Мухина и Некраса Харламова и Якова Дмитриева» ⁸⁴. Опала этих лиц также связана с делом Берсеня. Дьяк Иван Некрас Владимиров сын Харламов был видным деятелем дьячьего аппарата в 1510—1522 гг. Последний раз в источниках он упомянут осенью 1523 г. во время приема литовских послов ⁸⁵. Яков Дмитриев сын Давыдов в 1512—1515 гг. упоминается в разрядах как военачальник князя Дмитрия Углицкого ⁸⁶. Его сын Григорий в середине XVI в. служил как дворовый сын боярский по Угличу ⁸⁷.

Вторым браком Василия III были недовольны многие из «мирских сиклитов», т. е. знати ⁸⁸. Среди них был и князь Семен Федорович Курбский, видный полководец. Его великий князь «от очей отогнал, даже до смерти его» ⁸⁹. В неудачном Казанском походе 1524 г. князь Семен возглавлял передовой полк в судовой рати; затем он исчезает в разрядах и появляется единственный раз в 1528 г., когда он находился в Нижнем Новгороде ⁹⁰. Он был жив, очевидно, еще в 1547/48 г. ⁹¹ Курбские были связаны с удельными князьями. Двоюродный брат князя Семена — Андрей Дмитриевич женился на дочери князя Андрея Васильевича Углицкого ⁹². Брат Андрея Дмитриевича — Михаил Карамыш (дед Андрея Курбского), по словам

⁷⁶ РК, стр. 68—69.

⁷⁷ РК, стр. 80.

⁷⁸ А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений, стр. 189. Последний раз упоминается в 1525 г. (РИБ, т. XV, № 16. 24).

⁷⁹ В разрядах упоминается с 1535 г. (РК, стр. 88). Его сын Петр в середине XVI в. — дворовый сын боярский по Можайску (Тысячная книга, стр. 184).

⁸⁰ ПСРЛ, т. 8, стр. 250.

⁸¹ СГГД, ч. 1, № 155, стр. 428—429.

⁸² РИБ, т. 31, стб. 297.

⁸³ В Царском архиве хранились материалы «о людех Юрья Малова» (Описи Царского архива, стр. 20, ящик 26).

⁸⁴ Там же, стр. 20, ящик 27.

⁸⁵ Сб. РИО, т. 35, стр. 673.

⁸⁶ РК, стр. 25, 39, 45, 47, 56.

⁸⁷ Тысячная книга, стр. 205.

⁸⁸ РИБ, т. 31, стб. 163.

⁸⁹ Там же, стб. 163—165.

⁹⁰ РК, стр. 69, 71.

⁹¹ АФЗХ, ч. II, № 200, стр. 201.

⁹² Родословная книга, ч. 1, стр. 121.

Грозного, «умышлял» с Андреем Углицким на Ивана III ⁹³. Племянник князя Семена — Андрей Михайлович Курбский давал резкую характеристику и Софье Палеолог, и самому Василию. Себя он считал учеником Максима Грека. Мать князя Андрея была сестрой В. М. Тучкова ⁹⁴. Также по словам Грозного, отец Андрея «много пагуба и смерти умышлял» вместе с Дмитрием-внуком на Василия III ⁹⁵.

В 1523 г. в последний раз в разрядах упомянут Михаил Андреевич Плещеев ⁹⁶. Из более поздних известий мы знаем, что он попал в немилость ⁹⁷. Причины опалы М. А. Плещеева в общем ясны — это его связи с оппозиционными кругами. Дядя его Петр Михайлович служил боярином князя Юрию Ивановичу ⁹⁸. При дворе дмитровского князя находился и его дальний родственник Василий Рычко Помяс Плещеев (сын Воропая Петрова) ⁹⁹. В середине XVI в. по Кашину служили Василий Семенович Плещеев с детьми Андреем и Замятней ¹⁰⁰, тогда же по Дмитрову числились Нечай и Чобот Никитичи Плещеевы ¹⁰¹. Двоюродному брату Никиты Павлиновича — Ивану Васильевичу Плещееву в мае 1526 г. князь Юрий Дмитровский выдал жалованную грамоту ¹⁰².

С другой стороны, Плещеевы были близки к Кирилло-Белозерскому монастырю, поддерживавшему нестяжателей. Если дядя Михаила Плещеева — Веньямин постригся в Троице, то родной брат Афанасий «был в чернцах в Кирилове монастыре» ¹⁰³. Возможно, это пострижение было и недобровольным. Во всяком случае, один двоюродный брат Михаила, Иван Юрьевич, «побежал в Литву», а другого, Василия, «постриг... князь великий в Кирилове монастыре в опале» ¹⁰⁴. Несколько Плещеевых служили митрополитам, причем один из них (Богдан Федорович) — Варлааму ¹⁰⁵.

Таким образом, опалу М. А. Плещеева с большой долей вероятности можно связать с событиями 1525 г.

Итак, в деле И. Н. Берсена Беклемишева и Максима Грека явственно обнаруживаются две группы лиц. С одной стороны, это люди, имевшие связь с окружением Юрия Дмитровского и Дмитрия Углицкого (И. Н. Берсень, П. Муха Карпов, Я. Давыдов, возможно, М. А. Плещеев), с другой — нестяжательская часть духовенства (Максим Грек). Выступая из канонических соображений против предполагавшегося развода Василия III, Максим Грек и его окружение тем самым отстаивали права Юрия Дмитровского ¹⁰⁶ на московский престол ¹⁰⁷.

⁹³ Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 29.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Родословная книга, ч. 1, стр. 299.

⁹⁷ ПСРЛ, т. 28, стр. 159.

⁹⁸ ГИБ, Эрмитаж, № 390, л. 81 об.

⁹⁹ Родословная книга, ч. 1, стр. 288.

¹⁰⁰ Тысячная книга, стр. 134.

¹⁰¹ Тысячная книга, стр. 130. По родословцу, у Никиты (служившего князю Юрию) были дети — Петр и Иван (Родословная книга, ч. 1, стр. 301). Речь, очевидно, идет об одних и тех же лицах.

¹⁰² ГКЭ, Звенигород, № 9/4683.

¹⁰³ Родословная книга, ч. 1, стр. 299.

¹⁰⁴ Там же, стр. 300.

¹⁰⁵ Там же, стр. 277.

¹⁰⁶ О связях Максима Грека с князем Юрием у нас сведений нет. Но вот князю Дмитрию Ивановичу в 1521 г. он подарил один экземпляр переведенной им Толковой псалтыри (семь экземпляров получил Василий III). См.: Ю. К. Бегунов. Собрание рукописных материалов XV — начала XIX в. А. П. Гранкова. — «Исторический архив», 1962, № 6, стр. 191.

¹⁰⁷ Основные положения статьи были доложены автором 18 октября 1968 г. на заседании группы феодализма Ленинградского отделения Института истории АН СССР. С ними был знаком В. Д. Назаров, который позднее писал: «... за участниками процесса Максима Грека и Берсена Беклемишева вырисовывалась и фигура родного брата Василия III, дмитровско-кашинского удельного князя Юрия, следующего по стар-

О том, что Максим Грек и его окружение выступали против второго брака Василия III, свидетельствует «Выпись о втором браке», основанная на вполне доброкачественных источниках. В ней мотивируется осуждение Максима и его сподвижников «того ради, чтобы излобления и обличения от них не было про совокупление брака»¹⁰⁸, т. е. чтобы они впредь не выступали против второго брака великого князя. Конечно, это было не официальное обвинение, а лишь причина гнева великого князя.

О сходстве позиции Вассиана и Максима Грека можно судить не только по «Выписи», но и по рассказу Андрея Курбского¹⁰⁹. Н. А. Казакова считает оба рассказа недостоверными, ибо, по ее наблюдениям, Вассиан после 1525 г. еще в течение ряда лет пользовался влиянием при великокняжеском дворе¹¹⁰. Но этот довод не может считаться убедительным. Ведь и Сильвестр в 1553 г. выступал на заседании Боярской думы против Ивана IV (по вопросу о наследнике престола), однако осужден он был значительно позднее, в 1560 г. В отличие от Максима Грека, Вассиан не был противником внешнеполитической программы Василия III.

Взгляды Максима Грека в какой-то мере разделяли некоторые представители придворного окружения Василия III. Это не были выразители интересов «реакционного боярства», в число которых, кстати, охотно и бездоказательно заносят и самого Максима. Среди них мы находим лиц, по тем или иным причинам недовольных политикой московского государя, и тех, кто в кружке Максима стремился приобрести философские, литературные и другие знания, тяга к которым была в то время велика. Никаких преступлений даже с точки зрения юрисдикции XVI в. эти лица не совершили и в число обвиняемых не были включены.

Главным свидетелем обвинения по делу Берсенья стал Максим Грек, пытавшийся тем самым облегчить свою участь¹¹¹. Максим Грек, вероятно, надеялся, что он, как иностранец, обладает известным иммунитетом, который он решил подкрепить еще доносом на И. Н. Берсенья и тем самым вызвать признательность со стороны властей. Но он не знал, что гнев Василия III (и тем более митрополита Даниила) направлен был прежде всего по его адресу, а Берсень оказался втянут в судебное разбирательство как бы между делом. Игра Максима Грека была проиграна еще до того, как она началась.

шинству сына Ивана III. Именно при его дворе служило большинство ближайших родственников Берсенья Беклемишева. Бездетный брак Василия III сулил князю Юрию радужные перспективы на занятие престола после смерти брата. Вполне понятно, что намечавшийся развод московского государя не соответствовал его интересам» (В. Д. Назаров. Тайна челобитной Ивана Воротынского. — ВИ, 1969, № 1, стр. 214). На этот тезис В. Д. Назарова ссылается Н. А. Казакова, когда пишет: «Сочувствие Берсенья удельным князьям, быть может, было обусловлено в какой-то степени его родственными связями: большинство ближайших родственников Берсенья Беклемишева служило при дворе удельного дмитровско-кашинского князя Юрия Ивановича» [Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970 (далее Н. А. Казакова. Очерки), стр. 225].

¹⁰⁸ С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. Приложения, стр. IX.

¹⁰⁹ РИБ, т. 34, стб. 163.

¹¹⁰ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 70—72; *еж.* Очерки, стр. 117—120. Из того факта, что «Выпись» имела «определенную политическую окраску», не следует, что она измыслила противодействие Вассиана браку Василия III. Ведь и сама Н. А. Казакова присоединяется к выводам М. Н. Тихомирова и С. О. Шмидта о том, что памятник в своем «прототексте» следует датировать 40-ми годами XVI в., т. е. тем временем, когда о событиях 1525 г. помнили еще хорошо. Но Н. А. Казакова идет дальше и считает, что «версия об осуждении Вассиана за его противодействие второму браку Василия III, созданная в оппозиционных Ивану IV кругах с целью его дискредитации, была распространена на Максима Грека» (Н. А. Казакова. Очерки, стр. 182).

¹¹¹ О его трансформации в доминиканца, а затем в православного монаха см.: E. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris—Louvain, 1943.

Еще в начале декабря 1524 г., когда Максим был «пойман», Федька Жареный говорил Берсеню: «Велят мне Максима клепати»; якобы сам великий князь присылал к нему троицкого игумена со словами: «Только мне солжи на Максима, и я з тебя пожалую»¹¹².

На следствии в феврале 1525 г. Максим Грек показал, что И. Н. Берсень вел с ним сомнительные разговоры о турецких «царях бесерменьских». Очевидно, именно турецкая тема волновала прежде всего инициаторов процесса. Берсень спрашивал у Максима: «как вы от них проживаете?» Ведь турки — гонители православных, и, следовательно, для греков настали «лютые времена». Максим Грек отвечал, что «цари у нас злочестивые, а у патриархов и митрополитов в их суд не вступаются». Ответ был менее чем удачен. Получалось, что Максим не только хвалил «бусурманов», но и хулил русские порядки, при которых, как известно, великий князь не только вмешивался в церковные дела, но даже организовал суд над самим Максимом.

Итак, первый пункт расспроса касался Турции. И приговор по делу Максима Грека и Саввы особенно подчеркивал измену обоих греков, которые «посылали грамоты да и поминки железца стрелные к паше турецкому, а велели ему итти воевати украин великого князя»¹¹³. Эта запись сохранилась в летописце Пафнутьева монастыря и вышла, по-видимому, из канцелярии митрополита Даниила¹¹⁴. На процессе Максима Даниил говорил, обращаясь к обоим грекам: «вы же ведали Искандера Турского посла советы и похвалы, что хотел подымати Турскаго царя на государя . . . вы с Савою вместо благих посылали грамоты к турским пашам и к самому Турскому царю, подымая его на . . . великого князя»¹¹⁵. У Саввы, действительно, хранились «грамоты греческие посольные»¹¹⁶, но что они представляли собою, никому не известно.

Все эти тексты И. И. Смирнов и И. Б. Греков трактовали как свидетельство о том, что Максим Грек действительно был турецким агентом¹¹⁷. Подобная точка зрения вызвала решительные возражения И. У. Будовнича, Г. Д. Бурдей, Н. А. Казаковой и др.¹¹⁸ Прежде всего Максим Грек уже на следствии сказал по вопросу о Турции, что «инех (кроме приведенных выше. — А. З.) речей с ним (Берсением. — А. З.) не говорил», да и позднее он считал себя ни в чем не повинным. Грек Скиндер вызывал к себе резкую неприязнь Василия III, который думал, что тот препятствует турецко-русскому сближению. Этому же, по мысли Василия III, содействовал и Максим Грек, «подымавший» султана на Русь. Ведь греки кровно были заинтересованы в помощи России в их борьбе с турецким игом. Максиму вменялось в вину и то, что он не сообщил о злокозненных планах Скиндера, и сомнительные разговоры такого типа: «Ратует князь великий Казань, да неколи ему будет и сором, турскому ему не молчати . . . Быти на той земле Рустей салтану турецкому, зане же салтан не любит сродников царегородских». Вероятно, Максим говорил, что если Василий III не пойдет войной на Порту, а ограничится борьбой за Казань, то турецкий султан сам может завоевать Россию. Максим также якобы говорил: «князь

¹¹² ААЭ, т. 1, № 172, стр. 142.

¹¹³ Тихомиров, стр. 112.

¹¹⁴ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — «Проблемы источниковедения», сб. VI. М., 1958, стр. 248.

¹¹⁵ ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 4—5.

¹¹⁶ Описи Царского архива, стр. 25, ларчик № 61.

¹¹⁷ И. Смирнов. К вопросу о суде над Максимом Греком. — ВИ, 1946, № 2—3, стр. 118—126; И. Б. Греков. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, стр. 273—288.

¹¹⁸ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947, стр. 142—143; Г. Д. Бурдей. Некоторые вопросы дипломатической истории Восточной Европы XIV—XV вв. — В сб.: «Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография». М., 1966, стр. 202—204; Н. А. Казакова. Очерки, стр. 22—24; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 419.

великий Василей выдал землю крымскому царю, а сам, изробев, побежал. От турецкого ему как не бежати? Пойдет Турской, и ему либо Казань дати или бежати»¹¹⁹. Трудно сказать, что в этих словах соответствовало действительности, а что являлось оговором. Скорее всего Максим с горечью говорил о бегстве Василия III от Мухаммед-Гирея в 1521 г. и боялся возможности повторения этого в случае войны с Турцией. Так или иначе, но Максим Грек признался, что он говорил келейнику Афанасию: «Быти на той земле Руской турецкому салтану, занеже салтан не любит от роду царегородских царей». Эти слова якобы сказаны были им «бережения для, чтобы великий князь от него (султана. — А. З.) берегся»¹²⁰.

Как известно, на турок всячески натравливали Василия III папа и император, но московский государь не давал себя втянуть в какую-либо антитурецкую авантюру. В обстановке крымской активности союз с Портой был жизненно необходим России. Василий III готов был не обращать внимания на церковные разномыслия Максима с митрополитом, но его самостоятельная линия поведения в вопросах внешней или внутренней (вопрос о втором браке) политики привела к тому, что великий князь решил отдать Грека в руки клерикального и светского правосудия.

Крымско-турецкий вопрос теснейшим образом переплетался с династическим. Опасность со стороны Крыма увеличивалась еще и тем, что князь Юрий подозревался в сношениях с татарами. Надо иметь в виду, что прилежавший к его владениям Сурожик находился в распоряжении татарских царевичей. Некоторое время после смерти Менгли-Гирея владел князь Юрьевским Звенигородом Абдул-Летиф (до своей смерти в ноябре 1518 г.)¹²¹. В Звенигороде еще в 1504 г. была Дмитриевская слободка, «что за татары»¹²², много «численных земель и ордынских» (как, впрочем, и в Рузе)¹²³. Позднее, в начале 1532 г., в Литве распространялись слухи, что князь Юрий находился в контакте с «Заволской ордой»¹²⁴. И для этого, возможно, были некоторые основания. Один из воевод князя Юрия — Василий Иванович Шадрин с осени 1516 по весну 1518 г. находился в крымском плену. Но в это время он сумел приблизиться к ханскому двору и был как бы неофициальным русским представителем в Крыму¹²⁵. Конечно, вряд ли при этом он забывал и князя Юрия.

Но вернемся к февральскому следствию 1525 г. После Максима Грека показания давал его келейник Афанасий. Именно он сообщил имена тех, кто «приходили были к Максиму». Он же выделил из их среды Берсень, ибо только «коли к нему придет Берсень и он нас вышлет тогда всех вон, а с Берсением сидят долго один на один». Это показание также ухудшало положение Берсень и фактически оправдывало всех остальных, которые просто «спиралися меж себя о книжном»¹²⁶.

После этого лица, ведущие следствие, снова обратились к Максиму Греку с вопросом о том, что же являлось темой его разговоров с Берсением. Максим оказался многоречив. Примерно год тому назад, когда Берсень был в опале, он, по словам Максима, приходил к нему. Грек спросил его: «был ли еси сего дни у митрополита?». Очевидно, Максим считал, что Берсень должен был побывать у Даниила, чтобы попросить его ходатайствовать за себя перед великим князем. На это Берсень с горечью сказал: «я того не ведаю, есть ли митрополит на Москве». Ведь от Даниила не дождешься никаких «учительных слов», да и «не печалюется ни о ком». Вместо печա-

¹¹⁹ ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 5. Максим Грек признался, что «речи Саве про великого князя говорил» (Н. А. Казакова. Очерки, стр. 219).

¹²⁰ Н. А. Казакова. Очерки, стр. 222.

¹²¹ Описи Царского архива, стр. 28, ящик 105.

¹²² ДДГ, № 95, стр. 379, 380.

¹²³ Там же, стр. 382, 397, 400, 402.

¹²⁴ Акты Литовско-Русского государства, т. 1. М., 1900, стр. 240.

¹²⁵ Сб. РИО, т. 95, стр. 494—507.

¹²⁶ ААЭ, т. 1, № 172, стр. 141.

лования Даниил поступил, как клятвопреступник, давши «опасную» грамоту Шемячичу, который тем не менее был «пойман» в Москве. Берсень и самого Максима спрашивал: «какую пользу от тебя взяли?» Ведь «пригоже было нам тебя въспрашивати, как устроить государю землю свою, и как людей жаловати, и как митрополиту жити».

Максим, не отрицая впрямую слов Берсеня, сказал только: «у вас, господине, книги и правила есть, можете устроитися». Но всякое превознесение деятельности Максима могло вызвать чувство негодования у московского государя. Когда у Максима спросили, к чему бы это вел подобные речи Берсень, он добавил к сказанному еще более крамольные слова своего приятеля: «добр деи был отец великого князя Васильев князь великий Иван и до людей ласков. . . а нынешней государь не по тому, людей мало жалует; а как пришли сюда греки, ино и земля наша замешалася; а дотоле земля наша Русскаа жила в тишине и миру». Во всем виновата Софья: как она пришла на Русь «с вашими греки, так наша земля замешалася и пришли нестроения великие, как и у вас во Цареграде при ваших царех»¹²⁷.

Из этих слов видно, что Берсень был сторонник того курса, который осуществлялся при Иване III в кругу противников Софьи, т. е. в кругу Дмитрия-внука, Федора Курицына и других вольнодумцев. «Греки» были не только врагами Дмитрия-внука, но и русских реформаторов из его окружения. Берсень разделял программу мира с Литвой (как Патрикеевы и Ряполовский, заключившие в 1494 г. мир с Великим княжеством Литовским). О «нестроениях» в Царьграде много размышляли и сам Максим Грек, и позднее И. С. Пересветов. Наконец, выпячивая в рассказе Берсеня антигреческую тему, Максим Грек как бы стремился отделить себя от своего прежнего друга и представить себя вполне благонадежным человеком.

Максим Грек изложил и конкретные причины неудовольствия Берсеня внутренней политикой Василия III. Берсень печалился, что «ныне в людех правды нет»¹²⁸. Все это из-за того, что были нарушены старые обычаи: «которая земля переставливает обычи свои, и та земля недолго стоит; а здесь у нас старые обычи князь велики переменил; ино на нас которого добра чяяти?» Сам Берсень считал, что «лучше старых обычаев держатися, и людей жаловати, и старых почитати». При этом он говорил: «Государь деи упрям и въстречи против собя не любит, кто ему въстречю говорит, и он на того опалается; а отец его князь велики против собя встречю любил и тех жаловал, которые против его говорили». Правда, на следствии Берсень утверждал, что он «тех речей не говаривал». Но в целом его «речи» звучат весьма правдоподобно¹²⁹.

Возмущался Берсень и тем, что «ныне деи государь наш запершыся сам третей у постели всякие дела делает». По его представлению (как позднее и по мысли Курбского), великий князь должен привлекать разумных советников, для того чтобы мудро править страной. Максиму Греку он говорил: «Ты человек разумный и можеш нас ползовати, и пригоже было нам тебя въспрашивати, как устроить государю землю свою, и как людей жаловати, и как митрополиту устроитися».

Внешнеполитическая программа Берсеня была очень выразительна и определена: она заключалась в настойчивом призыве к миру с соседними державами. «Ныне, — говорил он, — отвсюды брани, ни с кем нам миру нет, ни с Литовским, ни с Крымским, ни с Казанью, все нам недруги, а наше нестроенье»¹³⁰. Он, по словам Федьки Жареного, был крайне недоволен постройкой Васильевсурска, ибо это явится препятствием к миру

¹²⁷ ААЭ, т. 1, № 172, стр. 141—142.

¹²⁸ Там же, стр. 143.

¹²⁹ Там же, стр. 143—144.

¹³⁰ Там же, стр. 142.

с Казанью («поставил на их стороне лукно, ино как ся с ними (казанцами. А. З.) помирить»). Если уж строить города, то на своей стороне, тогда и мир будет¹³¹. Из тех же соображений Берсень был недоволен присоединением Смоленска («как Смоленск жо город взял, а люди тамо, ино нелзе миру быти»). Правда, Берсень категорически отрицал, что он говорил Федьке речи «про город». Но и Максим передавал разговор с Берсением, из которого он узнал, что тот говорил «въстречю . . . о Смоленську», в результате чего взбешенный великий князь сказал: «пойди, смерд, прочь, не надобен ми еси». Прямым диссонансом мирной программы Берсения звучат его слова, якобы сказанные по случаю приезда турецкого посла Скиндера: «на что нам его (турецкого султана. — А. З.) дружба? Лутши было с ним не дружитися»¹³². Н. А. Казакова считает эту реплику не следствием принципиальной враждебности Берсения к Турции, «а скорее одним из проявлений раздражения против правительства и стремления осуждать все его действия»¹³³. Но в данном случае, может быть, покривил душой Максим Грек, передавая смысл своей беседы с Берсением. Обвиняя своего старого приятеля в недружелюбном отношении к Турции (как и в брани по адресу Василия III), Максим Грек мог просто надеяться, что ему удастся утопить Берсения, а самому выйти сухим из воды.

Все эти рассуждения Берсения в пересказе Максима Грека В. О. Ключевский рассматривал как «философию политического консерватизма». Берсень, по его мнению, «выражал взгляды современного ему оппозиционного боярства». Он был, таким образом, «оппозиционный консерватор»¹³⁴. Эта характеристика нуждается в существенных ограничениях. Начнем с того, что для первой трети XVI в. вряд ли можно говорить как об особом социальном явлении об оппозиционном консервативном боярстве. Водораздел в политических силах лежал не между дворянством и боярством, а между широкими кругами феодалов (включая боярство), поддерживавших объединительную политику великих князей, и сторонниками удельнокняжеского сепаратизма. Волею событий Берсень, принадлежавший в молодости к окружению Ивана III, оказался в стороне от победивших позднее сил, возглавленных Василием III. Он противопоставляет новым временам старые не потому, что ранее господствовала феодальная аристократия (да и сам он по происхождению не аристократ), а потому, что сам Берсень оказался выбитым из придворного окружения и был чужд задачам, которые ставил перед своими сподвижниками Василий III. Во взглядах Берсения призыв к «старине» не означал идеализации консерватизма. Ведь Федор Курицын для 20-х годов XVI в. также был «старинной».

Критика Берсением Софьи Палеолог вполне соответствовала ненависти к «царьградской принцессе» как Вассиана Патрикеева, пострадавшего именно из-за нее в 1499 г., так и всего окружения Дмитрия-внука и Федора Курицына. Берсень предстает перед нами запоздалым наследником политических идеалов сторонников Дмитрия-внука. В этом только и можно видеть следы его политического консерватизма. Таким же «консерватором» был и сам Вассиан Патрикеев, религиозно-философские представления которого перекликались не только с идеями Нила Сорского, но и с отдельными мыслями Федора Курицына.

Берсень не был столь упрямым ретроградом, каким рисует его В. О. Ключевский. Его взгляды прежде всего характеризуют напряжен-

¹³¹ «И поставити было город, ино было поставить на своей стороне, ино бы лзе и миру быти» (там же, стр. 144).

¹³² Там же, стр. 143.

¹³³ Н. А. Казакова. Очерки, стр. 224.

¹³⁴ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 2. М., 1957, стр. 162—164. Н. А. Казакова ранее также считала, что «Берсень был идеологом старины» (Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — ВВ, XXIX, стр. 125). Позднее она сняла эту формулировку (Н. А. Казакова. Очерки, стр. 225).

ные раздумья о судьбах родины. Он входит в круг таких дальноторких мыслителей, каким был и его коллега по дипломатической службе Федор Карпов. Берсень по ряду своих представлений перекликается с русскими реформаторами позднейшего времени, в частности с Пересветовым. Берсень первым в русской публицистике высказал смелую мысль, что «поганые» в своих деяниях могут осуществлять божью правду. Он говорил Максиму: «Хоти у вас цари злочестивые, а ходят так, ино у вас еще бог есть»¹³⁵. В этом можно увидеть продолжение мысли Курицына о Дракуле, нечестивом правителе, осуществившем справедливые реформы. Позднее турецкие порядки ставил в пример И. С. Пересветов, писавший: «неверный иноплеменник (Махмет-Салтан. — А. З.) да познал силу Божию... турецкой царь»¹³⁶. Причины «нестроений» в Царьграде для Пересветова были еще в больше мере темой для раздумий, чем для Берсеня. Наконец, оба публициста говорили об отсутствии «правды» в Русской земле¹³⁷.

Интерес к политическим проблемам и философии, к понятию «правды», о которой размышлял и Федор Карпов, ставит Берсеня Беклемишева в один ряд с мыслителями, проникнутыми гуманистическими настроениями.

Наконец, возможно, на соборе 1525 г. Максим, как и Берсень, обвинялся в «хуле» на великого князя («великого князя называл гонителем и мучителем нечестивым») ¹³⁸. Основываясь на показаниях Максима Грека о Берсене, данных им во время предварительного следствия, Н. А. Казакова считает, что между собеседниками «по вопросам политическим почти не было точек соприкосновения». Если сам Максим «ни разу не вышел за рамки благонамеренности по отношению к правительству», то второй отрицательно относился «к политической линии правительства Василия III»¹³⁹. Интимные беседы Максима и Берсеня, по ее мнению, «отнюдь не могут служить доказательством общности их политической платформы. Они являются свидетельством лишь личного расположения и хороших личных отношений обоих собеседников»¹⁴⁰. Но ниже сама Н. А. Казакова признает, что взгляды «собеседников» совпадали по таким важным вопросам, как оценка позиции великого князя по турецкому вопросу или его отношение к церковному суду. Значит, беседы между Максимом и Берсением нельзя сводить только к личному расположению любителей поговорить «о жизни».

Но вопрос более существен. Н. А. Казакова фактически не учитывает специфики источника, который она положила в основу своих наблюдений. Ведь речь идет о следственных материалах. В своих показаниях Максим Грек старался представиться вполне лояльным человеком, стремясь всю вину за крамольные беседы возложить на Берсеня. Поэтому о «благонамеренности» Максима и его разногласиях в связи с этим с Берсением на основании следственных материалов говорить трудно. Найденные в Сибирском сборнике новые данные о судебном разбирательстве 1525 г. заставили Н. А. Казакову снять и тезис о «благонамеренности» и отрицание возможности резкого отзыва Максима о великом князе¹⁴¹.

Впрочем, и в последней работе Н. А. Казакова продолжает утверждать, что «в правдивости (в целом, а не в частностях, конечно) передачи

¹³⁵ ААЭ, т. 1, № 172, стр. 141.

¹³⁶ Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, стр. 180.

¹³⁷ Ср. у Пересветова: «Вера, государь, христианская добра... а правды нет» (там же, стр. 176).

¹³⁸ ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 5. Возможно, речь идет об отношении Максима к казням еретиков, которые проводились в 1504 г. иосифлянами с санкции княжича Василия, будущего московского государя. Против подобных мер резко возражали нестяжатели (в том числе Патрикеев).

¹³⁹ Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека, стр. 125—126.

¹⁴⁰ Н. А. Казакова. Очерки, стр. 226.

¹⁴¹ Там же, стр. 224—230.

Максимом его высказываний в беседах с Берсением вряд ли следует сомневаться»¹⁴². Однако доказательства этого вывода у исследовательницы явно слабы. В самом деле, по допросу получается, что Максим Грек горячо сочувствовал укреплению великокняжеской власти. Н. А. Казакова приводит отрывки из сочинений Максима 30-х—начала 50-х годов XVI в., написанных им в заточении, показывающие, что публицист развивал тогда подобные взгляды. Но в ранних сочинениях, созданных Максимом на свободе, т. е. до 1525 г., ничего сходного нет. Наоборот, в «Послании» Василию III по поводу окончания перевода Толковой псалтыри Максим Грек развивает теорию гармонии светской и духовной властей, которая, даже по словам Н. А. Казаковой, представляла собой «несоответствие между системой политических взглядов Максима Грека и процессом государственной централизации»¹⁴³. Итак, доверять показаниям Максима в той части, в которой он говорит о своей «благонамеренности», очень трудно.

В ходе следствия Максим Грек оговорил не только Берсенья, но и Федора Жареного, который якобы ему жаловался, что «государь, по моим грехом, пришел жесток, а к людям немилостив».

Об итогах процесса нам известно по четырем летописным сообщениям. В Вологодско-Пермской летописи говорится, что зимой 1525 г. великий князь велел отсечь голову у «боярина своего» Берсенья «на Москве на реке», а у Ф. Жареного вырезать язык за «охульные слова». Савва и Максим были сосланы в Иосифов монастырь под надежную охрану их злейших врагов¹⁴⁴.

По Типографской летописи, сообщение о казни Берсенья помещено после рассказа о назначении в Троицкий монастырь Арсения Сахарусова (январь) и прощении князя И. М. Воротынского¹⁴⁵. Как известно, И. М. Воротынский дал поручную запись в феврале 1525 г.¹⁴⁶ Поэтому когда в летописи сообщалось, что «того ж месяца бысть у великого князя собор с митрополитом» на Максима Грека, то этот собор следует датировать февралем 1525 г. По Типографской летописи, Максим Грек послан был в Иосифов монастырь, а Савва «на Возмище» (в Возмицкий Волоколамский монастырь). Вместе с тем сообщается, что «того же месяца» и «в том же деле» Василий III велел казнить Ивана Беклемишева, а также вырезать язык у «крестового дьяка» Ф. Жареного, наказав также его кнутом (торговой казнью)¹⁴⁷.

В Пафнутьевском летописце сохранилось самое подробное сообщение о том, что в 1524/25 г. Василий III «довел . . измену» на Савву и Максима Греков. Это известие было приведено выше. К этому прибавлено, что Даниил с Освященным собором «довел на них ересь». С ними «в совете» были И. Берсень, П. Муха Карпов и Ф. Жареный. Обвиненные «сказали на соборе в всем виноваты». После этого Василий III «над греки показал милость»: послал Савву «в заточение» на Возмище, Максима в Иосифов, келейника Афанасия в Пафнутьев, «а Берсенья велел казнити главною казнию, а Муху велел в темнице заключити, а Жареному велел язык вырезать»¹⁴⁸.

В Холмогорской летописи говорится кратко: «Того же лета поймал князь великий Максима Святогорца. Того же году Берсеню головы отсекл»¹⁴⁹.

¹⁴² Н. А. Казакова. Очерки, стр. 226.

¹⁴³ Там же, стр. 229.

¹⁴⁴ ПСРЛ, т. 26, стр. 313.

¹⁴⁵ Сама Типографская летопись составлена в Троицком монастыре (см. А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 248—251).

¹⁴⁶ СГГД, ч. 1, № 154.

¹⁴⁷ ПСРЛ, т. 24, стр. 22.

¹⁴⁸ Тихомиров, стр. 112.

¹⁴⁹ ГИВ, Погод. собр., № 1405, л. 437.

Итак, Максим Грек судился дважды: светским и духовным соборами. На втором (он состоялся в апреле—мае 1525 г.)¹⁵⁰ была осуждена его «ересь». Соборы, очевидно, проходили с большим трудом. В среде духовенства не было единодушного мнения по отношению к «ереси» Максима. Во время соборов, чтобы усилить позицию иосифлян, Даниил на место отставленных иерархов из среды нестяжателей назначает близких к нему лиц. Вместо покинувшего после 1522 г. епархию Тихона коломенским епископом стал Вассиан Топорков (племянник Иосифа Волоцкого) (2 апреля 1525 г.), а вместо вологодского епископа Пимена — игумен кирилло-белозерский Алексей (9 апреля)¹⁵¹. По Строеву, только «до 1525 г. упоминается близкий к нестяжателям архиепископ Ростовский Иоанн»¹⁵². Его место (как и место другого архиепископа — новгородского) оставалось во время соборов свободным. В итоге к апрелю—маю 1525 г. осталось только три иерарха, которые занимали свои посты при Варлааме, — верный сторонник иосифлян Досифей Крутицкий, Геннадий Суздальский и Иосиф Смоленский.

«Перебирались людишки» и среди настоятелей крупнейших монастырей. В феврале 1521 г. игуменом Троице-Сергиева монастыря был назначен старец белозерской пустыни Порфирий. Но в сентябре 1524 г. он ходатайствовал за опального Шемячича и поэтому был удален со своего поста¹⁵³. Одним из деятельных участников работ Освященного собора был в 1522 и 1525 гг. архимандрит (с 1520 г.)¹⁵⁴ Симонова монастыря Герасим Замыцкий. Он умер «на покое» в Иосифовом монастыре, что говорит о его близости к иосифлянам¹⁵⁵. Одним из ближайших сподвижников Даниила стал чудовский архимандрит Иона Собина¹⁵⁶, участник соборных акций 1522 г. и февраля 1525 г.¹⁵⁷. Он принял активное участие в разбирательстве дела Вассиана Патрикеева (1531 г.). В 1522 г. Иона посылался проверять донесение о «чудесах» Макария Калязинского¹⁵⁸.

При таком составе Освященного собора судьба Максима Грека была заранее предрешена. В разбирательстве участвовали также сам Василий III, его братья, «старцы изо многих монастырей, и многим же бояром, князем и вельможам и воеводам»¹⁵⁹. Максим Грек был обвинен в том, что писал, «яко седение Христова одесную Отца мимошедшее и минувшее». Обвинялся он и в том, что отрицал право русских иерархов на поставление митрополитов, ибо митрополит должен был ставиться в Царьграде¹⁶⁰. В конкретных условиях первой четверти XVI в. это означало выступление против поставления в 1522 г. иосифлянина Даниила.

Наконец, возможно, на соборе 1525 г. Максим, как и Берсень, обвинялся в «хуле» на великого князя («великого князя называл гонителем и мучителем нечестивым») ¹⁶¹. В. М. Тучков (может быть, именно на соборе

¹⁵⁰ «Соборы на Максима и на Саву у великого князя на дворе в полате, также потом соборы многие были у митрополита, в полате его лета 7033 на того Максима в тех хулах, о иных, которые прибыли, взыскивавшееся месяца апреля и месяца мая» (ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 11).

¹⁵¹ ПСРЛ, т. 6, стр. 264; т. 8, стр. 271; т. 13, стр. 44; т. 20, стр. 403; т. 22, стр. 520; т. 23, стр. 204; т. 26, стр. 313. Игуменом Кирилло-Белозерского монастыря Алексей был с апреля 1520 г. (Строев, стб. 55).

¹⁵² Строев, стб. 332.

¹⁵³ ПСРЛ, т. 24, стр. 222; РИБ, т. 31, стб. 327.

¹⁵⁴ СГГД, ч. 1, № 149, 154.

¹⁵⁵ Строев, стб. 150.

¹⁵⁶ Упоминается еще в 1518 и 1519 гг., с 1544 г. — суздальский епископ (Строев, стб. 162).

¹⁵⁷ СГГД, ч. 1, № 149, 154. Возможно, «Выпись» о втором браке Василия III именно его называет архимандритом Симоновским (С. Белокуров. О библиотеке московских государей, стр. LIX).

¹⁵⁸ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 214—215.

¹⁵⁹ ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 1.

¹⁶⁰ Там же, стр. 5.

¹⁶¹ Там же.

1525 г.) привел речи Максима, враждебные Василию III: «просился, государь, Максим у тебя наперед сего прочь, и ты его не отпустил . . . И Максим говорил: яз чаял, что благочестивый государь, а он таков, как прежних государей, которые гонители на христианство». Впрочем, Максим решительно отрицал факт произнесения подобных речей. Если что-нибудь подобное было сказано, то вряд ли слова Максима имели только «личный характер»¹⁶². Казни еретиков в 1504 г., организованные сторонниками Василия III, насильственное пострижение в монахи Патрикеевых и казнь С. Ряполовского давали афонскому монаху основание для реплики о царемучителе.

Недавно обнаружен так называемый Сибирский сборник конца XVI в., который содержит более полный текст Судного дела о Максиме Греке уже известной нам поздней редакции и послание митрополита Даниила в Волоколамский монастырь от 24 мая 1525 г.¹⁶³ В этом последнем перечисляются «вины», за которые был осужден на церковном соборе Максим Грек. Они сводятся к ложному учению о сидении Христа одесную отца, к выступлению против поставления русских митрополитов и к тому, что он «иная многая развращенная и пагубная глаголяше»¹⁶⁴. Это вполне соответствует тем обвинениям, которые, как можно утверждать на основе анализа материалов Судного дела, выдвигались действительно на соборе 1525 г.¹⁶⁵

Н. А. Казакова пишет, что «основной причиной осуждения Максима Грека являлось обличение им вотчинных прав и недостойного поведения духовенства»¹⁶⁶. Как можно судить по полному умолчанию об этом обвинении в грамоте от 24 мая 1525 г., с которой согласуется и анализ творчества Максима Грека и разбор Судебного дела, на соборах (светском и церковном) 1525 г. о нестяжательских взглядах Максима Грека речи не было. В начальный период своего творчества этот публицист еще не выступал с обличением стяжательской деятельности русских монастырей («Беседа ума с душой», посвященная этому сюжету, написана уже после 1531 г.). Н. А. Казакова считает, что «обвинение в критике стяжательской деятельности предъявлялось уже на соборе 1525 г.» и лишь возобновлено было в 1531 г.¹⁶⁷ Однако в речи митрополита Даниила оно сформулировано в настоящем времени («укоряещи и хулиши»), т. е. соотносено с собором 1531 г., когда судился за нестяжательство не только Максим Грек, но и Вассиан Патрикеев. Последний, кстати, не подвергался осуждению в 1525 г., несмотря на то, что развивал еще несколько лет до этого откровенно нестяжательские идеи.

¹⁶² Н. А. Казакова. Очерки, стр. 222.

¹⁶³ См.: Н. Н. Покровский. Сибирская находка. — ВИ, 1969, № 11, стр. 129—138. Материалы эти пока не изданы и используются нами по кн.: Н. А. Казакова. Очерки.

¹⁶⁴ Н. А. Казакова. Очерки, стр. 238.

¹⁶⁵ До нас дошло два извода поздней редакции Судного дела о Максиме Греке, в которой слиты воедино материалы соборов 1525 и 1531 гг. Первый извод был издан давно и служил предметом специальных исследований. См.: С. Н. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком. — «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». СПб., 1922, стр. 48—71; Н. А. Казакова. О «судном списке» Максима Грека. — АЕ за 1966 г. М., 1968, стр. 25—36; *её же*. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — ВВ, XXVIII, стр. 109—126; XXIX, стр. 108—134. Второй извод Судного дела (более полный и исправный) обнаружен недавно в Сибирском сборнике.

¹⁶⁶ Н. А. Казакова. Очерки, стр. 242. Н. А. Казакова считает, что это обвинение могло скрываться за словами «иная многая» грамоты от 24 мая (там же, стр. 238). Но на соборе 1531 г. о подобных обвинениях говорили прямо, а не в неопределенных формулировках. За словами «иная многая» могли скрываться или недоказанные обвинения, или «преступления», подлежащие светскому суду.

¹⁶⁷ Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — ВВ, XXIX, стр. 131.

Герберштейн рассказывает о происшедшем очень глухо: «Когда Максим Грек» привел в порядок все книги, правила и отдельные уставы, «относящиеся до веры», заметив при этом «много весьма тяжких заблуждений», он «объявил лично государю, что тот является совершенным схизматиком, так как не следует ни Римскому, ни Греческому закону». После этого он «исчез, и, по мнению многих, его утопили»¹⁶⁸. Как видим, Герберштейн ничего определенного о деле Максима Грека не знал. Это и понятно: от имперского посла тщательно скрывали, что Максима обвиняли в том, что он выступал за войну России с Турцией, в которую стремилась втянуть Василий III и империя. Осуждение Максима Грека церковным собором позволило Даниилу укрепить свои позиции в среде высших церковных иерархов. Весной 1526 г. архиепископом Ростовским стал архимандрит Спасского Суздальского монастыря Кирилл (по Строеву, 4 марта, но это, возможно, ошибка)¹⁶⁹. Его предшественник Иоанн (близкий к нестяжателям), по Строеву, упоминался «до 1525 г.»¹⁷⁰, т. е., очевидно, покинул свою епархию не по собственной воле, а в связи с собором на Максима Грека. Наконец, после длительного промежутка времени занята была и новгородская архиепископия верным иосифлянином архимандритом Можайского Лужицкого монастыря Макарием (4 марта)¹⁷¹. С Макарием Василий III мог познакомиться еще осенью 1516 г., когда приезжал в Можайск.

Теперь можно подвести некоторые итоги. В 1525 г. на соборах у Василия III и митрополита Даниила судились не поступки, а идеи. Максим Грек и Берсень Беклемишев были осуждены за их отношение к основным вопросам внешней и внутренней политики московского государя. Если Максим Грек стоял за решительную борьбу России с Турцией, то Берсень настаивал на мире и с восточными, и с западными соседями России. И то и другое противоречило внешнеполитическим планам Василия III. Отождествить позицию Берсеня с максимовской позволило то обстоятельство, что Берсень «лаял» султана.

Основным вопросом разногласий по внутриполитическим вопросам было отрицательное отношение Максима ко второму браку Василия III. Но о нем на соборе 1525 г. предпочитали умолчать, ибо с канонической точки зрения был прав «Святогорец», а не русский Освященный собор, разрешивший этот брак. К тому же ко времени суда над Максимом развод великого князя еще не состоялся, Вассиан Патрикеев (главный противник развода) еще не подвергся осуждению. Взгляды Максима и Берсеня по вопросу о разводе Василия III могут быть восстановлены только по косвенным свидетельствам — по близости обоих лиц к Сабуровым и по взглядам Вассиана. Знаменательно только, что со стороны Берсеня подвергалась сокрушительной критике Софья Палеолог, вторая жена Ивана III. Это как бы являлось поучительным предостережением Василию III.

С разводом Василия III, возможно, связано и падение казначея Юрия Малого Траханиота. В 44-м ящике Царского архива хранилась «сказка» Юрия Грека «про немощь» Соломонии Сабуровой¹⁷².

¹⁶⁸ Герберштейн, стр. 55.

¹⁶⁹ ПСРЛ, т. 6, стр. 265 (января); т. 8, стр. 271; т. 13, стр. 45; т. 20, стр. 404; т. 22, стр. 520 (11 марта); т. 23, стр. 204; т. 26, стр. 313. Был спасским архимандритом еще в 1511 г. (Строев, стб. 664).

¹⁷⁰ Строев, стб. 332.

¹⁷¹ ПСРЛ, т. 4, стр. 542 (5 марта), стр. 613; т. 6, стр. 264—265, 282; т. 8, стр. 271; т. 13, стр. 45; т. 20, стр. 403—404; т. 22, стр. 520; т. 23, стр. 204; т. 26, стр. 313; ПЛ, вып. 1, стр. 103—104; вып. 2, стр. 227; НЛ, стр. 66, 142—143 (5 марта); Зимин, стр. 29 (14 марта); в Лужицком монастыре, 1506 г. (Строев, стб. 179).

¹⁷² «Списки-сказка Юрия Малого и Стефаниды Резанки и Ивана Юрьева сына Сабурова и Машки Корелянки и иных про немощь великие княгини Соломониды» (Описи Царского архива, стр. 23).

Расправа с Берсеном и Максимом Греком облегчила Василию III развод с Соломонией. В литературе бытует мнение, что не позднее 1520 г. Нил Грек, епископ Тверской (умер 3 апреля 1521 г.), ходил в Царьград с целью получить благословение патриархов на развод Василия III¹⁷³. Поездка Нила Грека в Царьград действительно имела место¹⁷⁴. Вопрос только состоит в том, когда она была и какую цель преследовала. В «Выписи о втором браке» рассказывается, что после ссылки Максима Грека в Тверь и Вассиана Патрикеева в Иосифов монастырь (это было в 1531 г.) Василий III пишет послание четырем патриархам о разводе. В ответ иерусалимский патриарх Марк предупреждает: «за прелюбодеяние бо воздаются царем порушению царства их»¹⁷⁵ — текст, явно навеянный уже крутыми временами Ивана Грозного. «Выпись» о браке явно не согласуется с данными о жизни Нила Грека. Поэтому мы не склонны его поездку связывать с разводом великого князя. Никаких грамот патриархов Василию III до нас не дошло.

Василий III долго не решался на развод. Еще в 7033 г. (т. е. в июле 1524—августе 1525 г.) он «с великою княгинею» ездил в Волоколамск и Можайск в «объезд». В том же году от имени московского государя в Троицкий монастырь была пожертвована пелена с молением о чадородии Соломонии и великого князя, а также покров с изображением Сергия Радонежского¹⁷⁶. Следующая поездка великого князя «в объезд» (с 10 сентября по 10 ноября 1525 г.) уже была совершена без великой княгини¹⁷⁷. Вопрос был решен.

После розыска (о «неплодстве») ¹⁷⁸ в ноябре 1525 г. Соломония Сабурова была пострижена в монахини под именем Софии¹⁷⁹. По официальной версии, это произошло из-за болезни первой супруги великого князя¹⁸⁰. В кругах митрополита Даниила писали даже, что сама Соломония, «видя неплодство из чрева своего», просила разрешить ей принять постриг. Великий князь якобы долго сопротивлялся этому, но после того, как она обратилась к Даниилу, вынужден был согласиться на ее просьбу¹⁸¹.

В других же летописях глухо говорится, что Соломония была пострижена «бесплодия ради»¹⁸² или деловито: «по совету ея, тягости ради и болезни и бездетства»¹⁸³. На самом же деле все было совсем иначе. Курбский писал, что Василий III постриг Соломонию, «не хотящу и не мыслящу ей о том»¹⁸⁴. Подробно об этих событиях рассказывает Герберштейн. Соломония, оказывается, энергично сопротивлялась постригу и растоптала монашеское одеяние. Тогда один из ближайших советников Василия III — Иван Шигона «не только выразил ей резкое порицание,

¹⁷³ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 1-я половина. М., 1900, стр. 733.

¹⁷⁴ В Царском архиве хранились «Списки владыки тверскаго Нила, что послан был к патриарху в Царьград» (Описи Царского архива, стр. 22, ящик 36).

¹⁷⁵ С. Белокуров. О библиотеке московских государей, приложения, стр. IX.

¹⁷⁶ «Троице-Сергиева лавра». М., 1968, стр. 125—126.

¹⁷⁷ ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 21 об.

¹⁷⁸ Из этого «розыска» сохранилась только «память» И. Ю. Сабурова о том, как Соломония пыталась излечиться от неплодия (АИ, т. 1, № 130, стр. 192).

¹⁷⁹ По Постниковскому летописцу, на нее возложена «опала» 28 ноября, а 29 ноября она пострижена (М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской. — «Исторические записки», 46, 1954, стр. 280). По Вологодско-Пермской летописи, пострижена в декабре (ПСРЛ, т. 26, стр. 313), по Воскресенской — в ноябре (ПСРЛ, т. 8, стр. 271), по другим летописям — 30 ноября (НЛ, стр. 124; А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — «Исторический архив», кн. V, стр. 11), иногда — 28 ноября (ПСРЛ, т. 6, стр. 264).

¹⁸⁰ ПСРЛ, т. 6, стр. 264.

¹⁸¹ ПСРЛ, т. 24, стр. 222—223; Тихомиров, стр. 111—112. Об этом рассказе см.: А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 248—250.

¹⁸² М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской, стр. 280.

¹⁸³ ПСРЛ, т. 8, стр. 271.

¹⁸⁴ РИБ, т. 31, стр. 162—163.

но и ударил ее бичом». После того как Шигона сказал, что пострижение производится по воле государя, Соломония смирилась со своей участью¹⁸⁵. Соломония была пострижена под именем Софьи «у Рождества Пречистые на Рве», после чего послана в Каргополь на 5 лет, а затем переведена в Покровский Суздальский монастырь¹⁸⁶. Сохранилась жалованная грамота Василия III от 19 сентября 1526 г. в Покровский монастырь, в которой читаем: «пожаловал старицу Софью в Суздале своим селом Вышеславским. . . до ее живота»¹⁸⁷. 7 мая 1526 г. великий князь пожаловал Покровский монастырь селом Павловским Суздальского уезда¹⁸⁸. Возможно, все это было запоздалой компенсацией за насилие, совершенное над когда-то горячо любимой женой¹⁸⁹. Умерла Соломония 18 декабря 1542 г.

После 1525 г. с политического горизонта надолго исчез Иван Шигона, который, очевидно, «переусердствовал» в своем стремлении угодить Василию III при пострижении Соломонии.

Широко бытует предание о том, что Соломония уже в иночестве родила сына Василия III, который в детском возрасте скончался¹⁹⁰. Оно возникло очень рано. О нем сообщает уже Герберштейн. Этот слух подтверждали жены казначея Юрия Малого (к тому времени уже опального) и постельничего Якова Мансурова со ссылкой на признание самой Соломонии. Василий III, узнав об этом слухе, страшно разгневался, приказал подвергнуть жену Юрия бичеванию, но все же послал в монастырь комиссию в составе дьяков Меньшого Путятина и Третьяка Ракова разузнать «правильность этого слуха». Герберштейн добавляет, что одни говорили о рождении у Соломонии сына Юрия, а другие это отрицали¹⁹¹.

А. Д. Варганов, проводивший в 1934 г. в Суздале археологические разведки, обнаружил в гробнице Соломонии одежду мальчика XVI в.¹⁹² Всего этого, конечно, недостаточно, чтобы признать достоверность слуха о рождении у Соломонии сына.

Не прошло и двух месяцев после насильственного пострижения Соломонии, как 21 января 1526 г. великий князь всея Руси Василий Иванович сочетается вторым браком. На этот раз его женой стала Елена Васильевна Глинская, племянница находившегося в заточении князя Михаила Львовича¹⁹³.

Позднее псковский летописец записал: «а все то за наше согрешение яко же написал апостол: пусть жену свою, а оженился иною, прелюбы творит»¹⁹⁴. Пафнутьевский летописец сообщает, что великий князь «возлюбил Елену лепоты ради лица и благообразия възраста, наипаче же целомудрия ради»¹⁹⁵.

¹⁸⁵ Герберштейн, стр. 38.

¹⁸⁶ М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской, стр. 280; РИБ, т. 31, стб. 163.

¹⁸⁷ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VII. СПб., 1892, прим. № 280; ср.: ЦГАДА, ф. 135, отд. 1, рубр. IV, № 22, л. 1.

¹⁸⁸ АИ, т. 1, № 131, стр. 192—193.

¹⁸⁹ В Царском архиве хранились «грамоты великого князя Василия к великой княгине Соломониде из Пскова и из Смоленска» (Описи Царского архива, стр. 21, ящик 27). В 1515 г. Василий III с Соломонией ездил по монастырям.

¹⁹⁰ См., например: И. Токмаков. Описание Покровского монастыря в Суздале. Владимир, 1913, стр. 46; Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, стр. 232—236.

¹⁹¹ Герберштейн, стр. 38—39.

¹⁹² Е. С. Видонова. Детская одежда начала XVI в. — КСИИМК, вып. 36, 1951, стр. 68—75.

¹⁹³ ПСРЛ, т. 4, стр. 542, 613; т. 6, стр. 264 (24 января); т. 8, стр. 271; т. 13, стр. 45; т. 20, стр. 403; т. 21, стр. 604; т. 22, стр. 520; т. 23, стр. 204; т. 24, стр. 24 (21 февраля); т. 26, стр. 313 (в неделю о блудном); т. 28, стр. 161; Герберштейн, стр. 39; Зимин, стр. 11, 29, 38; Тихомиров, стр. 113—114 (28 января); РК, стр. 9—10; ПЛ, вып. 1, стр. 103; вып. 2, стр. 227; ГПБ, Эрмитаж, № 390, л. 84; ЦГАДА, ф. 156, д. № 1.

¹⁹⁴ ПЛ, вып. 2, стр. 227.

¹⁹⁵ Тихомиров, стр. 113—114.

Впрочем, новый брак вряд ли был продиктован пылкими чувствами Василия Ивановича. Великий князь умел подчинять голос своего сердца голосу трезвого рассудка. С. Герберштейн, объясняя причины брака, писал, что Василий III помимо желания иметь наследника «руководствовался двумя соображениями: во-первых, тесть его вел свой род от семейства Петрович, которое пользовалось некогда громкой славой в Венгрии и исповедовало греческую веру».

Беря в жены представительницу влиятельнейшего рода служилых князей Юго-Западной Руси, Василий III как бы торжественно провозглашал нерушимое единство этих земель с Северо-Восточной Русью. К тому же на двоюродной сестре Елены (по женской линии) был женат молдавский господарь Петр Рареш¹⁹⁶. Этот брак, следовательно, укреплял русско-молдавский союз, своим острием направленный против Сигизмунда. Повторялась история с отцом великого князя, когда Иван III женился на дочери валашского господаря Стефана.

Вторым соображением Василия III Герберштейн считает то, что великий князь рассчитывал на князя Михаила как на опекуна в случае, если сам Василий Иванович умрет и после его смерти останутся малолетние дети, положение которых будет небезопасно при наличии братьев князя Василия, имевших виды на великокняжеский престол. Во всяком случае, продолжает Герберштейн, «в нашу бытность там (т. е. до 22 ноября 1525 г. — А. З.) стали вести переговоры об освобождении Михаила; мало того, нам довелось видеть, как с него сняли оковы, с почетом отпустили его на поруки, затем даровали и полную свободу»¹⁹⁷. Впрочем, на полную свободу князь Михаил был отпущен только в феврале 1527 г.¹⁹⁸, но по нем вынуждены были дать поручную грамоту представители московской знати¹⁹⁹. Самого князя Михаила «для прочности» женили на дочери боярина князя Ивана Немого Васильевича Оболенского и пожаловали Стародубом Рязоловским в вотчину²⁰⁰, а, быть может, тогда же Юрьевцем Польским в кормлении²⁰¹.

Можно обратить внимание еще на три дополнительных обстоятельства в связи с браком Василия III. Родственные узы с виднейшей литовско-русской княжеской фамилией укрепляли позиции московского государя в Литве. К тому же Глинские производили свой род от хана Большой Орды чингизида Ахмата²⁰². Василий III всю свою жизнь стремился решить казанскую проблему. Назначение царевича Петра наследником, казалось, создавало возможность мирного воссоединения России и Казани. Но в 1523 г. Петр умер. В Казани укрепился крымский ставленник. Казанский поход 1524 г. окончился неудачей. Брак с Еленой Глинской вновь создавал некоторые условия для возобновления борьбы за наследие ханов Золотой Орды.

Было и еще одно обстоятельство, которое мог учитывать Василий III, останавливая свой выбор на Елене Глинской. Дело в том, что император Максимилиан уже давно ходатайствовал за освобождение князя Михаила Глинского, хорошо известного на Западе. Еще в 1517 г. С. Герберштейн передал эту просьбу императора Василию III²⁰³. На это ответили отказом, сообщив послу, что Глинский вообще-то был приговорен к казни, но он

¹⁹⁶ М. Н. Тихомиров. Страница из жизни Ивана Пересветова. — В сб.: «Русско-европейские литературные связи». М.—Л., 1966, стр. 399—402.

¹⁹⁷ Герберштейн, стр. 39.

¹⁹⁸ ПСРЛ, т. 8, стр. 272; т. 13, стр. 45; т. 20, стр. 404; т. 26, стр. 314; ГПБ, Эрмитаж, № 390, л. 89 об.; Сб. РИО, т. 35, стр. 775; Герберштейн, стр. 39, 172.

¹⁹⁹ СИГД, ч. 1, № 155.

²⁰⁰ ПСРЛ, т. 22, стр. 251; Шмидт, стр. 283.

²⁰¹ В описи Царского архива упоминаются в ящике 110 «книги Юрьевца, что за князем за Михайлом за Глинским» (Описи Царского архива, стр. 28—29).

²⁰² I. Wolff. Kniaziowa Litewsko-russcy. Warszawa, 1895, str. 77—86.

²⁰³ Сб. РИО, т. 35, стр. 544; Герберштейн, стр. 172.

просил митрополита Варлаама, «чтобы ему опять быть в Греческом законе», т. е. речь шла о переходе Глинского в православие. Варлаам его «от казни взял» и «пытает, чтобы он не неволею приступил к вере» ²⁰⁴. В конце 1522 г. русские послы, отправленные к Сигизмунду, на вопрос о судьбе Глинского должны были отвечать, что он «ныне» перешел «в греческий закон», а «его государь наш в своей опале освободил» ²⁰⁵. Когда в конце 1525 г. репался вопрос о браке Василия III, в Москве снова находился Герберштейн, с которым опять велись разговоры о князе Михаиле ²⁰⁶. Брак на племяннице Михаила Глинского и освобождение его самого из заточения должны были содействовать успеху переговоров России с Империей.

* * *

Таковы обстоятельства, приведшие в 1525 г. к заточению Максима Грека и казни И. Н. Берсена Беклемишева. Они, как мы пытались показать, объясняются сложным переплетением внешне- и внутривосточных обстоятельств. Максим Грек был устранен с политической арены, поскольку оказался связанным с политическими силами, ориентировавшимися на основного противника Василия III — князя Юрия Ивановича Дмитровского. К этому добавились и серьезные внешнеполитические разногласия московского государя, стремившегося к установлению добрососедских отношений с Портой, и афонского монаха, мечтавшего о скорейшем освобождении греков от турецкого ига.

²⁰⁴ ПСРЛ, т. 36, стр. 546.

²⁰⁵ Сб. РИО, т. 35, стр. 661.

²⁰⁶ Герберштейн, стр. 172.

В. Г. БРЮСОВА, Я. Н. ЩАПОВ

НОВГОРОДСКАЯ ЛЕГЕНДА О МАНУИЛЕ, ЦАРЕ
ГРЕЧЕСКОМ

Политическая легенда в средневековье играла важную роль. Для общественного сознания, связанного религиозными формами, эволюционирующего длительно и медленно, характерно постоянное обращение к опыту, аналогиям, прецедентам прошлого. В этом прошлом искали обоснование того нового, что неизменно пробивалось в ходе исторического развития и требовало своего признания. Это могли быть ссылки на реальные обстоятельства и действительные события, поданные и объясненные с новых, созвучных требованиям позиций. Нередко используется, однако, не реальный прецедент, но вымышленный — средневековая политическая легенда не отдает предпочтения событию достоверному. В том и в другом случае появление и история различного рода сказаний представляют несомненный интерес для характеристики социального самосознания эпохи.

Главное лицо политической легенды представлено нередко именем авторитетным, что не позволяет бросить тень недоверия на ее содержание, а действие легенды отделено от мест, где она пользовалась распространением, не только временем, но и историко-культурными и языковыми границами, а то и просто расстоянием.

В древнерусской письменности большое распространение получил цикл легенд о греческом царе Мануиле; известно это имя и в былинах¹.

Одна из ранних легенд возникла во Владимире еще при жизни императора Мануила I Комнина и была записана в Сказании о праздновании 1 августа Спасу и Богородице². В этот день в 1164 г. Андрей Боголюбский одержал победу над болгарами, что будто бы чудесно совпало с победоносным походом греческого царя Мануила на сарацин, вследствие чего обоюдным решением византийского императора и русского князя было установлено особое празднование. Лишь недавно выяснено, что Мануил Комнин в этот день никакой победы не одерживал, — «совпадение» оказалось не больше чем вымыслом³.

С именем царя Мануила связано и новгородское сказание «О чудном видении Спасова образа Мануилу, царю греческому» или кратко — «О Спасе

¹ См.: «Послание царя Мануила к царю индийскому Ивану» и «Заповедь благочестивого царя Мануила Комнина на обидящих святых церкви»; *Н. В. Калачов*. О значении кормчей. М., 1849, стр. 124—125; Приложения, стр. 19. См. также: *А. Д. Седельников*. Эпическая традиция о Мануиле Комнине. — *«Slavia»*, год. III, 1924—1925, стр. 606—618; *Ю. К. Бегунов*. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, стр. 100—103.

² *И. Е. Забелин*. Следы литературного труда Андрея Боголюбского. — «Археологические известия и заметки», 1895, № 2—3, стр. 39—49; *Н. Н. Воронин*. Сказание о победе над болгарами 1164 г. и празднике Спаса. — В кн.: «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 88—92.

³ *Н. Н. Воронин*. Указ. соч., стр. 89.

Мануила», которому посвящена настоящая статья. Легенда принадлежит к числу распространенных в Новгороде сказаний об иконах и объясняет происхождение иконы новгородского Софийского собора «Спас на престоле» с особенным положением правой руки Христа — не благословляющей, а указывающей «дóлу», вниз. Содержание ее следующее.

Однажды в Новгороде, в храме св. Софии, после литургии присутствующий на ней грек Дмитрий Ласкирев подозвал священников Прокопия и других и спросил, что знают они об иконе Спаса, которая находится на правой стороне против места архиепископа. Икона эта греческого письма, ответили священнослужители, и вместе с другими привезена из Корсуни. Тогда Дмитрий сообщил, что в греческой земле рассказывают, и об этом есть записи, что икона эта еще до крещения Владимира была в Царьграде, а написана она Мануилом, царем греческим, и было с нею такое чудо. Однажды Мануил наказал священника за неподобающий поступок. Ночью Спас явился Мануилу «тем образом», как и на иконе, и выговорил ему за вмешательство в суд епископа: именно последнему велено заботиться о соблюдении нравственности и судить духовные проступки. Спас на иконе изменил благословляющий жест на указующий и велел ангелам наказать царя так же, как тот наказал священника. Проснувшись, царь почувствовал на теле раны, увидел на иконе измененное положение руки Спаса и с тех пор не стал вмешиваться в святительский суд.

Подобно тому как «сжатая десница» Вседержителя в куполе новгородского Софийского собора явилась поводом к созданию знаменитой легенды о судьбе Новгорода⁴, образ Спаса с «указующим перстом» побудил новгородцев искать объяснение данного иконографического варианта, породив политическую легенду о неподвластности святительского суда светским властителям мира.

Икона Спаса, послужившая основой для этого сказания, сохранилась. Она была вывезена в XVI в. вместе с другими новгородскими святынями в Москву и установлена в местном ряду иконостаса московского Успенского собора (рис. 1), а в Новгород была отправлена копия с этой иконы. В XVII в. в Новгороде и Москве было изготовлено несколько списков с прославленного образа. Сказание, включенное в Новгородскую III летопись, стало затем известным и в Москве, где появляется его новая литературная обработка. О нем вспоминают в годы учреждения на Руси патриархии, его использует Никон в борьбе за приоритет церковной власти. Актуальность легенды сохраняется и в XVIII в., о чем свидетельствует специальное постановление Синода о «ложности» Повести об иконе Спаса.

В литературе XIX в. интерес к Сказанию ограничивался преимущественно рамками церковной археологии: оно привлекалось и цитировалось при описании московской и новгородской икон Спаса, имевших «указующее» положение руки⁵.

⁴ В. Г. Брюсова. Фреска Вседержителя новгородской Софии и легенда о Спасовом образе. — ТОДРЛ, XXII, 1966, стр. 57—64.

⁵ П. И. Кешпен. Список русским памятникам. М., 1822, стр. 39—40. Кешпен относил Сказание к другой, малой («четвертной»), иконе Спаса, «совершенно поновленной» после 1812 г., которая хранилась в алтаре (за иконостасом) Успенского собора. Определенно связывал со Сказанием икону Спаса в местном чине иконостаса И. М. Снегирев. См.: И. М. Снегирев. Памятники Московской древности. М., 1842—1845, стр. 11; пояснит. примечания, стр. 1—2; его же. Успенский собор в Москве. М., 1856, стр. 16. См. также: И. П. Сахаров. Исследования о русском иконописании, кн. 2. СПб., 1849, стр. 34; Д. А. Ровинский. История русских школ иконописания до конца XVII в. Оттиск из VIII тома «Записок имп. археологического общества», стр. 4; Г. Истомир. Указатель святыни и достопримечательностей московского Успенского собора. М., 1888, стр. 15; П. И. Соловьев. Новгородский Софийский собор. — «Записки имп. археологического общества», т. XI. СПб., 1865, стр. 48—50.

В специальных исследованиях, посвященных использованию византийского политического опыта на Руси, Сказание не было использовано. Ф. Терновский привлек его только при описании выезда на Русь семьи Ласкиревых, обратив при этом внимание на анахронизм в рассказе Дмитрия о написании иконы Мануилом до крещения Владимира и на использование Сказания патриархом Никоном⁶.

В своем обзоре сюжетов, связанных с именем Мануила Комнина, А. Д. Седельников ставит сказание в ряд церковноэпических произведений, развивавшихся параллельно со старшей светской эпической традицией. Он связывает легенду с жгучим в начале XVI в. вопросом о подсудности духовенства светской власти и признает историчным появление ее в Новгороде от грека Ласкирева⁷.

Сказание о Мануиле как русский литературный памятник, связанный с определенными общественно-политическими процессами, рассматривается в многотомной «Истории русской литературы». Здесь оно нашло место среди новгородских сочинений, появившихся во время походов Ивана III на Новгород и сочувственно изображавших новгородскую независимость. Д. С. Лихачев, автор этого раздела, связывает появление Сказания о Мануиле с «узурпацией» Иваном III судебных прав архиепископа в Новгороде. Сказание, как и легенда об изображении Вседержителя в куполе Софийского собора, принадлежит, по мнению Д. С. Лихачева, «к типу распространенных в средневековой, в частности в греческой, литературе легенд об оживающих изображениях. Вставляя в летопись легенды об обоих чудесных изображениях в соборе Софии, новгородец, spisатель этих легенд, почерпнул их из греческого источника»⁸.

Ярко выраженная политическая направленность Сказания о Мануиле, необычный для новгородских преданий «византизм», богатая археографическая традиция памятника, связь Сказания с реальной иконой привлекают внимание исследователя к данному произведению древнерусской литературы. Какова история этого Сказания, какое конкретное политическое содержание вкладывалось в него в ходе его распространения и переработок? Существует ли за вымышленным сюжетом Сказания реальная основа, связывающая иконографию новгородского Спаса с художественным наследием Византии? Выяснению этих вопросов посвящена настоящая статья, стремящаяся соединить исследование истории Сказания и иконы, послужившей поводом к его созданию.

Сказание о чуде при написании Мануилом иконы Спаса известно в большом числе списков XVI—XIX вв. Оно входит в сборники различного состава, в Новгородскую III летопись, в Кормчую книгу Кирилло-Белозерской редакции. Эти рукописи связаны с Новгородом, где было записано Сказание и где в течение долгого времени находилась икона, а также с Москвой, где икона хранится с 1561 г. Перемещение иконы, отношение к этому перемещению со стороны составителей сборников и редакторов Сказания, стремление выделить в его составе ту или иную идею, превратить Сказание из памятника местного, новгородского, в памятник общерусский, связанный с культом иконы кафедрального митрополитского, а затем и патриаршего собора, попытки приблизить краткое Сказание к литературным нормам сочинений о чудесах XVII и XVIII вв. — все это нашло отражение в тексте Сказания и вызвало к жизни целый

⁶ Ф. Терновский. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси. Киев, 1876, стр. 59—60. Хронологическое несоответствие правления князя Владимира и Мануила было отмечено еще в Определении Синода 1735 г. См.: «Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода (1735)», т. XV. СПб., 1907, № 426, стб. 606—607.

⁷ А. Д. Седельников. Указ. соч., стр. 616—617.

⁸ «История русской литературы», т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 373—374.

ряд его редакций и изводов. Мы выделяем четыре редакции этого памятника⁹.

Наибольшее число списков новгородского и московского происхождения, а также возникших в других городах принадлежит к I редакции. Здесь Сказание представляет собой сообщение о беседе Дмитрия Ласкирева в новгородском Софийском соборе с соборными попами, в ходе которой он и рассказывает о чуде, происшедшем с Мануилом и иконой Спаса. Внутри этой редакции можно выделить пять изводов текста, сохраняющих эту его основную композицию, но отличающихся характерными комментариями и вставками.

Волоколамский извод¹⁰ известен в нескольких сборниках¹¹, наиболее ранний из которых принадлежит 1520-м годам и происходит из Иосифова Волоколамского монастыря. Текст этого извода наиболее краток и не имеет исторических комментариев о судьбе иконы и пространной морализации, связанной с наказанием императора.

Летописный извод сохранился в списках Новгородской III летописи Пространной редакции и Забелинской летописи¹², представляющих собой поздние обработки новгородского митрополичьего летописного свода 1674—1675 гг.¹³

В этих летописях Сказание о Мануиле переписано в одном и том же месте, под 1045 г., в связи с рассказом об основании Софийского собора и среди целой группы других, частью также поздних статей об этом соборе. Тексты Сказания в обоих летописях обнаруживают несомненную близость, которая показывает, что они восходят к одному и тому же тексту, находившемуся, очевидно, в названном источнике обоих сводов — своде 1670-х годов. Как определил С. Н. Азбелев, источником свода 1670-х годов был новгородский же свод рубежа XVI—XVII вв. Созданный при новгородской архиепископской (с 1589 г. — митрополичьей) кафедре и сохранившийся в списках последней четверти XVII в., он соединил в себе сведения московского свода 1500—1505 гг. со сведениями двух новгородских летописей¹⁴. В состав этого новгородского свода Сказание о Мануиле не вошло, но оно находится среди дополнительных статей в начале одного из двух его списков, Уваровского¹⁵. Кроме летописных текстов новгородского происхождения тот же текст Сказания сохранился в рукописях иного состава, которые, однако, могут быть возведены

⁹ Сказание неоднократно публиковалось по поздним спискам XVII—XVIII вв.; Российская летопись по списку Софийскому Великому Новаграда, ч. I. СПб., 1795, стр. 123; И. М. Снегирев. Указ. соч., пояснит. примечания, стр. 1—2; «Хрестоматия по русской истории». Составил Н. Н. Аристов. Варшава, 1888, стр. 689—690; Ф. Терновский. Указ. соч., стр. 595; ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 211—212; «Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода (1735)», т. XV, № 426, стб. 605—608.

¹⁰ Названия изводов даны по их старшим спискам.

¹¹ 1) ГБЛ, Волокол. 491, лл. 184—185. Сборник, полуустав разных почерков XVI в. Наиболее поздние статьи сборника — 1520-х годов. На это же время указывают и филигранные гербовый щит типа Лихачев № 1501, перчатка типа Лихачев № 1504—1505, все из рукописи 1522 г. Запись XVI в.: «сборник Фатьева писма»; 2) БАН 21.2.18 (Плиг. 59), нач. XVII в., лл. 255—256; 3) ГПБ, Погод. 1315, первая пол. XVII в., л. 92 об.; 4) БАН, Археогр. ком. 77, лл. 90 об. — 91 об.; 5) ГИМ, Забел. 512, XIX в., лл. 590—590 об. (содержит вставку на поле из летописного извода).

¹² 1) ГИМ, Увар. 568, последн. четверть XVII в., лл. 14 об. — 15 об.; 2) ГИМ, Забел. 261, 1680-х годов, л. 75; 3) БАН 34.4.1, 1683 г., л. 155; 4) ГИМ, Щукин, 710, XVII в., л. 47 об.; 5) ГБЛ, ОИДР 127, последн. четверть XVII в., лл. 99—100; 6) БАН 32.3.16, послед. четверть XVII в., лл. 127 об. — 129; 7) ГБЛ, Рум. 252, вторая пол. XVIII в.; 8) БАН 17.8.25, л. 88; 9) ГИМ, Забел. 270, нач. XIX в., л. 13 об. Текст извода опубликован: ПСРЛ, т. III, стр. 211—212.

¹³ С. К. Шамбинаго. Иоакимовская летопись. — ИЗ, т. 21, 1947, стр. 254—270; С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960, стр. 61—63.

¹⁴ С. Н. Азбелев. Указ. соч., стр. 28—30.

¹⁵ ГИМ, Увар. 568, лл. 14 об. — 15 об.

к определенным выше. Таковы тексты в составе Хронографа III редакции¹⁶ и сборниках¹⁷.

Для Летописного извода характерна приписка о судьбе иконы после ее перевода в Москву, находящаяся в конце текста, после слов «и оттоле не учал восхищати святительского суда». При этом среди списков извода выделяется несколько видов, в которых по-разному рассказывается о перевозе и местонахождении иконы и списка с нее.

Редактор Уваровского вида довольно спокойно рассказывает о том, что икона Спаса находится в Успенском соборе в Москве, без подробностей о том, где она там стоит; такие подробности имеются лишь относительно списка с нее в Софийском соборе. Очевидно, он просто не знает точно ее нового места¹⁸. Редактор Румянцевского вида также не знает или не считает нужным отметить эти подробности. Он опускает и указание на то, что Успенский собор — это московский собор. Однако он подчеркивает значимость для «православных христиан» именно новгородского ее «снимка»¹⁹. Редактор Забелинского вида 1680-х годов смотрит на ситуацию, сложившуюся с иконой Спаса, несколько иначе. Он подчеркивает, что подлинная чудотворная икона была насильственно «свезена» в Москву, сообщает, что она стоит там «против правых страны» Успенского собора, что в Новгороде находится «снимок», который был прислан из Москвы. Так же, как редактор Румянцевского вида, он подчеркивает значимость новгородской копии²⁰. Мы знаем источники этой информации редактора 1680-х годов: после текста Сказания он переписал две летописные статьи об этой иконе из того же свода.

По новгородским летописным известиям, икона Спаса находилась в новгородском Софийском соборе до 1561 г., когда она 9 марта, в великий пост, была отправлена по требованию Ивана IV в Москву вместе с двумя другими известными новгородскими иконами: Петра и Павла из Софийского собора и Благовещенья из Юрьева монастыря²¹. В XVI в., с завершением процесса объединения Русского государства вокруг Москвы, в кафедральный московский Успенский собор были привезены наиболее чтимые иконы из различных городов Русского государства. Они заняли свое место в нижнем ярусе иконостаса, рядом с Владимирской иконой богородицы. Так, в 1519 г. из Владимира была перенесена знаменитая икона Спаса, связанная с победами Андрея Боголюбского. При митрополите Варлааме, в 1511—1512 гг., из Новгорода была доставлена икона Спаса с припадшим Варлаамом Хутынским. В 1567 г. из Устюга была перенесена древняя икона Благовещенья. Изъятие в 1561 г. икон из Новгорода, и среди них Спаса на престоле, стоит в этом же ряду. Новгородские лето-

¹⁶ ГИМ, Забел. 451, л. 800—800 об.

¹⁷ 1) ГПБ, Погод. 1294, л. 91; 2) БАН, Текущ. пост. 496, сборная рукопись кон. XVII—XVIII вв., л. 125; 3) ЦГИАЛ, ф. Синода, № 1319, лл. 214 об. — 216; 4) БАН 21.6.13, л. 19; 5) ГПБ, собр. Колобова, 218, XVIII в., л. 93; 6) ГБЛ, Унд. 614, XVII в., лл. 205 об. — 206; 7) БАН 97, кон. XVII в.; 8) БАН 17.8.25, 1793 г., л. 88.

¹⁸ «И та ныне икона чудотворная у пречистыя богородицы честнаго и славнаго ея Успения на Москве в соборной церкви стоит. А зде у Премудрости божии список с чудотворного того Спасова образа и донныне стоит против святительского места» (ГИМ, Увар. 568, лл. 15—15 об.).

¹⁹ «Та же ныне чудотворная икона у богородице Успения в соборной церкви стоит. А здеся у Софеи премудрости божии снимок с чудотворного образа Спасова стоит и донныне в церкви на правые страны против владычня места; приходящим православным христианом на поклонение, еже и донныне зрима есть» (ГБЛ, Рум. 252, л. 79 об.).

²⁰ «Та бо ныне икона чудотворная свезена к Москве и поставлена соборные церкви пречистей богородицы честнаго ея Успения и донныне стоит против правые страны. А в Великий Новград у святей Софеи премудрости божии прислан снимок и донныне стоит на правых страны против владычня места чудотворнаго Спасова образа; приходящим православным христианом на поклонение, еже и донныне зрима есть» (ГИМ, Забел. 261, л. 75).

²¹ ПСРЛ, т. III, стр. 160; ср.: ГБЛ, ОИДР, 127, л. 416; ГБЛ, Муз. 733, л. 97.

писи рассказывают, как бесконечно долго, с торжественным богослужением архиепископа Пимена «со архимандритом Варфоломеем Юрьева монастыря, и со всеми игумены новгородскими, и священники, и со всеми гражданами великого Новгорода» прощались в 1561 г. новгородцы со своими иконами²². Через 11 лет, в 7080 (1572) г., те же летописи сообщают о возвращении из Москвы двух первых икон, взятых из Софийского собора: «того же мѣсяца июля в 19 в субботу привезли в Новгород с Москвы двѣ иконы мѣстных старых в церковь Софии Премудрости божии, а тѣ иконы стояли в церквѣ протѣв владычня мѣста: икона Спасов образ серебром обложена, да другая икона святых апостол верховных Петра и Павла. . .» На следующий день они были поставлены «на старом мѣстѣ протѣв мѣста владычня»²³. Как указано в Забелинском и других списках Сказания, в Новгород была возвращена не древняя новгородская икона, а список с нее²⁴.

Летописный извод представляет собой, таким образом, новгородский памятник, возникший не ранее 1572 г., даты возвращения в Новгород «списка» с иконы. Сказание с припиской об истории иконы в XVI в. находилось, очевидно, в приложениях к новгородскому архиепископскому своду, пока не вошло в него в 1674—1675 гг.

Московским по своему происхождению является Фундаментальный извод. Он сохранился в целом ряде сборников, старший из которых относится к концу XVI в.²⁵ Текст Сказания имеет в конце приписку не новгородского, а московского характера о перенесении иконы в Москву и помещении ее в Успенском соборе²⁶. Здесь ничего не говорится о существовании в Новгороде списка с этой иконы. В одном, старшем Погодинском, виде этого извода сохранено название памятника как «Сказание о чудотворном видении. . .» и сказано, что икона стоит в Успенском соборе «противу царского места»²⁷. В других это название меняется на иное, связанное с иконой, а не с видением Мануилу: «Сказание о иконѣ Спасовѣ. . .»²⁸, «Слово о Спасѣ образѣ. . .»²⁹ В приписках уточняется и изменяется местонахождение этой иконы. К словам «против царского места» добавляются «и митрополичья»³⁰, что указывает на время до 1589 г., т. е. до учреждения Московской патриархии. В других списках добавле-

²² ПСРЛ, т. III, стр. 160; ср.: ГБЛ, Муз. 733, л. 97; ГБЛ, ОИДР 127, л. 416. А. Г. Левшин («Историческое описание первопрестольного в России храма Московского Большого Успенского собора». М., 1783, стр. 16—17), а за ним И. М. Снегирев («Памятники Московской древности», стр. 11) и другие, описывавшие московский Успенский собор, указывают, что икона была принесена в Москву в 1476 г. Эта дата не подтверждается новгородскими летописями.

²³ ПСРЛ, т. III, стр. 172.

²⁴ Каким образом приписка о переносе иконы в Москву могла появиться в Сказании, можно проследить по некоторым рукописям, где она сделана другой рукой или другими чернилами, как, например, в списке БАН 34.3.1, 1683 г., л. 155.

²⁵ 1) ГБЛ, Фунд. 175, XVI—XVII вв., лл. 241—242 (в этой части — кон. XVI в.); ГБЛ, Унд. 812, XVII в., лл. 220—221 об. (в составе Родословной книги, содержащей сведения и о приезде на Русь Федора Ласкирева); 3) ГПБ, Погод. 1563, XVII в., л. 81; 4) Калининский обл. краеведческий музей, собр. Тверского музея, № 150, кон. XVII в., лл. 268—269 об.; 5) ГПБ, Погод. 1558, XVII в., л. 115; 6) ГБЛ, Муз. 3146, нач. XVIII в., лл. 376—376 об.; 7) БАН, Арх. собр. С. № 240, нач. XVIII в., лл. 7—8 об.; 8) ГНБ СССР, ф. VIII (Университет), № 53 м/180, т. 1, лл. 122 об. — 123 об.; 9) ГПБ, ОЛДП, Q 155, XVIII в., лл. 179—180 об.

²⁶ «По неколикох же летех принесен бысть чюдный той Спаса образ из великого Новаграда во царствующий град Москву и поставлен в соборной и апостолстей велицей церкви Успения богородицы на правой стране против царского места и митрополича, идеже есть и доныне верными знаем и от всех поклоняем» (ГБЛ, Фунд. 175, л. 242).

²⁷ ГПБ, Погод. 1558; ГБЛ, Муз. 3146. В ГПБ, ОЛДП Q 155 — «Слово о чудотворном видении. . .»

²⁸ ГПБ, Погод. 1568.

²⁹ Калининский обл. краеведческий музей, собр. Тверск. музея, № 150.

³⁰ БАН, Арх. собр. С. № 240.

ние «против патриаршеского места»³¹ датируется временем после 1589 г. В списках этого извода появляется новое название иконы: «Зовется она Спасова Златая Риза»³². Отдельные списки содержат и другие добавления, содержащиеся как бы большие «подробности» чуда³³.

Фундаментальный извод восходит к старшему Волоколамскому и возник в Москве во второй половине XVI в., после 1572 г. Возможно, что в нем объединены списки, восходящие не к одному московскому архетипу, а имеющие в качестве источников списки Волоколамского извода, которые получали в Москве индивидуальные добавления об истории иконы в XVI в.

Особая обработка Сказания, которую можно выделить как Белозерский извод I редакции, входит в московскую Кормчую книгу, отредактированную после установления патриаршества в Москве и, очевидно, в связи с этим событием в конце XVI в. при царе Федоре Ивановиче³⁴. Старший список этой редакции кормчей принадлежит 1590-м годам, т. е. очень близок ко времени ее составления. Сказание в этой группе кормчих восходит к тексту, близкому к Фундаментальному изводу, но имеет ряд вставок, среди которых особый интерес представляют две. Первая из них дает дополнительные сведения о Мануиле Порфирогените: он царствовал 38 лет, а писал икону, по словам Дмитрия, «при вашем русьском великом князь Владимире Манамасъ и при его сынъ великом князь Георгии Владимировиче Долгоруком»³⁵; вторая замыкает текст, она содержит нравоучительный вывод из Сказания: «Сего ради святительскаго духовнаго суда не токмо земскому простому человеку, намѣстнику коего-либо града, или воеводѣ, или коему судии не подобает на ся восхищати, но ни князю, ни царю, якоже есть писано»³⁶. Несомненно, что само Сказание помещено в кормчую в связи с его столь авторитетной защитой независимого от царской власти церковного суда.

Кормчая Кирилло-Белозерского типа связана своим происхождением с Москвой, ее интересами и политикой. На это указывает как состав ее статей, так и содержание их обработок. В этой кормчей соединен текст Сербской редакции со статьями, впервые появившимися в новгородской Синодальной кормчей, и другими источниками. Из новгородских статей здесь включено Вопросание Кирика и интересующее нас Сказание; из московских статей XVI в. — Соборный приговор 1503 г. о вдовых полах и дьяконах, статьи из Ответов Стоглавого собора о пострижениях бород и тафях — ношении головных уборов, об иконописании. Вслед за нашим Сказанием и, несомненно, в связи с ним переписано другое сказание: «О том же гречестем царѣ Мануиле Порфирогоните повесть чюдна о нем же и о русском князе Андрее Георгиевиче». Это упомянутое выше владимирское сказание второй половины XII в. о чуде победы над врагами в один

³¹ Калининский обл. краеведческий музей, собр. Тверск. музея № 150; ГНБ УССР, ф. VIII, № 53; ГБЛ, Унд. 812. В последнем списке указано также: «А в Новеграде у Софеи премудрости божии список с чудотворного того образа».

³² ГПБ, Погод. 1563; ГБЛ, Унд. 647, л. 28 об.; ГПБ, Титов. 4165; ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 2, № 1220.

³³ ГПБ, ОЛДП Q 155. Указан характер проступка иерея, вызвавшего гнев императора («блуд деюща с чюжею женою»), говорится о торжественной молитве императора в присутствии патриархов, митрополитов и священников и получении им прощения от наказанного священника.

³⁴ ГПБ, К.-Б. 3/1080, 1590-х годов, лл. 430—431; ГИМ, Синод. 570, 1643—1644 гг., лл. 774—776 об.; ГБЛ, Рогож. 272, XVII в., лл. 315—316. Существуют списки этой кормчей XIX в. На время составления кормчей — 1589—1598 гг. — указывает ссылка в Соборном приговоре 1503 г. о вдовых полах и дьяконах, о том, что собор был при царе Иване Васильевиче, прадеде царя Федора Ивановича (ГПБ, К.-Б. 3/1080, лл. 427 об. — 429; ГБЛ, Рогож. 272, л. 313) и упоминание в Сказании «места патриаршеска» в Успенском соборе.

³⁵ ГБЛ, Рогож. 272, л. 315 об.

³⁶ Там же, л. 316.

и тот же день князя Андрея Боголюбского и царя Мануила, смысл которого — приравнять местного владимирского князя, стремившегося стать главой русских княжеств, к византийскому императору³⁷. Как это сказание, так и приведенная выше вставка в новгородское Сказание о Спасе показывают связь кормчей Кирилло-Белозерского типа с московским княжеским домом, наследником Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского. Однако оба старших списка этой кормчей связаны не с Москвой, а с Кирилло-Белозерским монастырем³⁸. Возможно, что и сама эта кормчая (и вместе с ней интересующая нас здесь обработка Сказания) возникла в конце XVI в. в Кирилло-Белозерском монастыре, ставшем к этому времени одним из идеологических оплотов московского самодержавия.

С Фундаментальным изводом связан и наиболее поздний извод I редакции, Синодальный, сохранившийся в списках второй половины XVII—XIX в.³⁹ В этом изводе Сказание окончательно превратилось в повесть об иконе Успенского собора и постоянно имеет здесь соответствующее заглавие («Сказание об иконе Спасова образа. . .»), «Описание об иконе всемилостивейшего Спаса. . .»). Сказание в этом изводе, как и в Фундаментальном, содержит множество вариантов; Синодальный извод включает пополнения и добавления ряда списков Фундаментального извода, но содержит и новые подробности: Мануил заключил священника в темницу; в уста Спаса вложено следующее определение обязанности монарха: «дано ти есть свыше начальство над простыми людьми, еже оброками просящих миловати и от супостат защищати»; царь созывает святительский чин и священнический собор и получает прощение от наказанного священника. Списки одного из видов этого извода включают после Сказания рассказ о связанном по смыслу, но постороннем эпизоде, бывшем при царе Константине Великом: на жалобу неких мужей и клириков на своих епископов он ответил, что если увидит и иерея, творящего блуд, то не будет его судить, но закроет от посторонних глаз своей багряницей⁴⁰.

Можно связать возникновение этого извода с клиром Успенского собора или книжниками патриархии, тем более что два ранних его списка сохранились в составе Патриаршей библиотеки. Страстность и резкость тона позволяют отнести появление извода к годам борьбы патриарха Никона с царем.

Из пяти изводов I редакции старшим оказывается Волоколамский, другие же изводы восходят к нему различными путями. Вопрос о происхождении I редакции Сказания является, таким образом, вопросом о происхождении Волоколамского извода.

Старшие тексты I редакции Сказания связывают появление его в Новгороде с именем грека Дмитрия Ласкирева. Известная в Византии аристократическая фамилия Ласкарисов, представители которой в XIII в. занимали Никейский престол, появилась в России в конце XV в. Дмитрий вместе со своим отцом и детьми приехал на службу к Ивану III в 1496 г. из Венгрии⁴¹. В русских Родословных книгах записано вымышленное

³⁷ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 89—90.

³⁸ Список К.-Б. 3/1080 имеет запись: «Сия книга. . . Кирилова монастыря черныца Феофила». Список Рогож. 272 имеет запись: «. . . Чернѣца Гедеона Кириллова [монастыря?]» — последнее слово стерто и заклеено. Списки этой кормчей XIX в. в старообрядческих собраниях имеют дополнения из рукописей Кириллова монастыря.

³⁹ 1) ГИМ, Синод. 686, вторая пол. XVII в., лл. 333—335; 2) ГИМ, Синод. 648, вторая пол. XVII в., лл. 407 об. — 414; 3) ГБЛ, Унд. 647, XVIII в., лл. 26 об. — 28; 4) ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 2, № 1220, 1790 г., л. 43; 5) ГИМ, Хлуд. 245, 1835 г., лл. 23—25; 6) ГИМ, Барс. 407, 1861 г., лл. 1—2 об.

⁴⁰ «При царѣ Константине Великомъ нѣцци мужие и клирицы написавше клеветы на своя епископы и даша царю. Он же взем пред всѣми сояже рек яко «аще и своима очима вижу епископа или иерея, слугу Христова блуд творяща, ни сужу им, ни о багряницею своею покрою и да не вредит зрящих» (ГИМ, Синод 686, л. 335).

⁴¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 40; т. VIII, стр. 231.

родословие Ласкиревых, как его сообщили, очевидно, сами греки⁴². О Дмитрие известно еще, что он при Василии III в 1514—1516 гг. успешно ездил послом к императору Максимилиану. Дмитрий Ласкирев — деятель первой четверти XVI в. На первую четверть или, точнее, первые два десятилетия XVI в. как на время возникновения редакции указывает и дата самого раннего списка Волоколамского извода — 1520-е годы. Есть ли какие-либо основания связывать его содержание с этим временем?

В начале XVI в., на заключительной стадии процесса объединения русских земель вокруг Москвы, мы встречаемся с рядом событий, которые можно рассматривать как реальный исторический фон нашего Сказания. Мы имеем в виду очередной длительный конфликт между великим князем Василием III, с одной стороны, и новгородским архиепископом Серапионом, главой новгородской боярской оппозиции Москве — с другой. Причиной конфликта было несогласие архиепископа Серапиона на переход Иосифа Волоцкого вместе со своим монастырем из Новгородской епархии в Московскую. За это в 1509 г., как сообщают Новгородские летописи, «свел князь великий Василей Иванович архиепископа Серапиона с Великого Новгорода»⁴³, и тот в течение семи лет, до своей смерти в 1516 г., находился под арестом в Троицком Сергиевом монастыре. Вплоть до поставления в 1526 г. архиепископом Макария новгородская кафедра оставалась вакантной⁴⁴. Возможно, что этот конфликт, совпадающий по времени с «беседой» Дмитрия с софийскими священниками, и мог способствовать оформлению Сказания в его I редакции.

Особый интерес представляет в связи с этим тот факт, что старший список Волоколамского извода сохранился в сборнике, не только входившем в состав библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря, но и связанном с этим монастырем своими статьями, а следовательно, возможно, и своим происхождением. В него входят выписи из правил и поучений о монашеской жизни, а из русских сочинений — памятники, связанные с Москвой и Новгородом. Таковы послания митрополита Киприана к игумену Афанасию, Послание к Геннадию, архиепископу Новгородскому, от Дмитрия Старого, повесть о создании церкви Софии в Новгороде. Непосредственно с Иосифо-Волоколамским монастырем связана грамота митрополита Симона к Иосифу, разрешающая его от отлучения новгородского архиепископа Серапиона. Наиболее поздними статьями сборника являются повесть о чуде при преставлении в 7084 (1526) г. старца Антония в Павлове пустыни и выпись из послания старца Филофея против звездочетцев и латинян 1524 г.⁴⁵ Текст Сказания Волоколамского списка оказывается и идейно, и хронологически, и территориально, и, если можно так сказать, кодикологически связанным с идеологической и политической жизнью России первой половины XVI в.

Три другие редакции Сказания, II, III и IV, отличаются от старших изводов I редакции такой особенностью, как отсутствие рассказа о беседе в Софийском соборе и упоминаний Дмитрия Ласкирева и протопопа Прокопия. Сказание в этих редакциях представляет собой повесть о чуде, связанном с императором Мануилом и иконой Спаса, не имеющую указаний на обстоятельства и тем самым на время ее появления.

II редакция сохранилась в единственном списке начала XVII в.⁴⁶ Это новгородская редакция, возникшая до 1589 г., до преобразования

⁴² ВОИДР, т. 10, 1851, приложения, стр. 121; Ф. Терновский. Указ. соч., вып. 2, стр. 56—59.

⁴³ ПСРЛ, т. III, стр. 147, 247; т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 469.

⁴⁴ ПСРЛ, т. III, стр. 148, 247.

⁴⁵ Дата указана по огределению В. Малинина (В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, стр. 269).

⁴⁶ ГИМ, Муз. 526, лл. 194—195, гл. 18.

местной архиепископии в митрополию⁴⁷. В текст включено указание, о каком царе Мануиле идет речь («рукою благочестивого царя Мануила греческого первого царя, сына благочестивого царя Ивана Порфириногнита»), добавлено, что Мануил оставил после себя «писание клятвенное» не обижать церковных законов и судов⁴⁸, дается описание положения руки Спаса на иконе («десныя же Спасовы руце четыре персты согбены, пятый же перст прямо к евангелию»). Сказание начинается здесь с указания года и называется повестью об иконе — «Лета 6612. Повесть о святой иконе. . .» (что является обычным для московских обработок XVII в.), — а не о видении (как стоит в ранних новгородских текстах XVI в.). 1104 год показывает отсутствие связи этой редакции с известными новгородскими летописями, где Сказание стоит под 1045 г, в связи с записью о заложении Софийского собора⁴⁹. Любопытным для характеристики представлений редактора этого текста является вставленное им утверждение, что икона была принесена в качестве военного трофея из Корсуня при завоевании его новгородским князем и посадниками («сия бо святая икона принесена бысть в Великий Новгрод ис Корсура (!) града в пленение, когда поплениша Великого Новаграда князь и посадники»). Здесь отразилась, очевидно, легенда о захвате Корсуни и других гордов в Крыму русской ратью из Новгорода, зафиксированная в ряде памятников, в том числе и в древнерусском житии Стефана Сурожского, которое включено в состав этого же сборника вместе с византийскими и русскими житиями XV в.: Авраамия Ростовского, Сергия Радонежского (Пахомиево), Феодора Смоленского и Ярославского. Судя по подбору русских (северовосточных) житий и отсутствию новгородских, сборник мог быть составлен не в Новгороде, а где-нибудь в новгородских пределах, на московской периферии. II редакция обнаруживает текстологическую близость с Волоколамским изводом I редакции и может рассматриваться в качестве производной от списков этого извода.

III редакция известна в списке XVIII в. в составе Сказания о святых иконописцах в одном из поздних текстов Иконописного подлинника⁵⁰. Она обнаруживает свою зависимость от московских обработок I редакции, и более всего — от Синодального извода. При этом в текст III редакции вставлена стереотипная фраза о том, что Мануил «писаше многи иконы святыя своею рукою», что икона была принесена «в дарех великому князю Владимиру Киевскому, он же благослови сына своего князя Ярослава Новгородского» и икона находилась в Новгороде «до лет государя Иоанна Васильевича Московского и всея России», когда была принесена и поставлена в Успенском соборе. Это — московский памятник конца XVII—XVIII в.

Наконец, IV редакция, сохранившаяся в списке также XVIII в.⁵¹, — это краткая повесть проложного вида о чуде от иконы, не имеющая указаний не только на Дмитрия и беседу в Софийском соборе, но и на то, что икона написана Мануилом. Повесть озаглавлена: «О царе Мануиле»; в ней рассказывается о поездке царя на лов, наказании иерея «со скотиною

⁴⁷ В тексте ничего не говорится о перенесении иконы в Москву, что может быть указанием на возможность возникновения редакции до 1561 г.

⁴⁸ Здесь имеется в виду, вероятно, «Заповедь благочестивого царя Мануила Комнина греческого», известная в русских рукописях XVI—XVII вв. и вошедшая в Стоглав.

⁴⁹ Если дата «6612» не является случайной, можно предположить, что автор связывал свою повесть не с построением церкви, а со следующим этапом ее внутреннего устройства: по Новгородским летописям, начало росписей Софии относится к 1108 г. (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 203). Возможно, что автор ставил в какую-то связь установление иконы с последующей росписью собора.

⁵⁰ ГПБ, Титов. 4765, лл. 322 об. — 323 об.

⁵¹ ГБЛ, Унд. 647, лл. 3—3 об. В той же рукописи находится список Сказания Синодального извода I редакции, писанный другой рукой (см. примечание 39).

блудяща», о чуде от иконы (причем Спас воззрел на царя «ярим оком») и сообщается, что икона стоит в Софийском соборе «против митрополя места», а написана она до крещения Владимира. Текст возник, следовательно, после 1589 г. Хотя в повести ничего не говорится о нахождении иконы в Москве, ряд чтений оказывается в ней общим с московским Синодальным изводом этого времени («всади его в темницу» Син., «всади в темницу» IV ред.; «глаголя: бийте сего окаянного» Син., «повеле царя того бити» IV ред.)⁵². Таким образом, эта редакция может рассматриваться как значительное сокращение и переработка текста Синодального извода, известного в том кругу, где перерабатывался сборник Унд. 647 (см. включение в него текста и этого извода), но связанного своим происхождением не с Москвой, а скорее с Новгородом.

Вопрос о происхождении данной редакции требует, однако, дополнительных исследований. Ее сходство со статьей из патерика позволяет предположить, что подобный вид имела и византийская легенда, известная Дмитрию Ласкиреву, утверждавшему, что в греческой земле имеется «писание» об иконе Мануила.

Вторая, московская, жизнь сказания, когда оно из местной записи легенды превратилось в памятник общерусского значения, вызвана, несомненно, привлечением его церковниками в качестве идеологического оружия в их стремлении сохранить традиционные феодальные привилегии церкви в середине — второй половине XVII в. Русское правительство вело в течение XVII в. постоянную, хотя и не всегда последовательную, борьбу за подчинение церкви общегосударственной системе централизации. Это отвечало и требованиям дворянства и посадских людей, претендовавших на церковный фонд земель. В Соборном Уложении 1649 г. было ограничено дальнейшее увеличение церковных земель: все высшее духовенство, кроме патриарха, и монастыри потеряли свои административные и судебные привилегии, и по многим делам духовенство и монастыри подлежали ведению и суду коллегии светского учреждения — Монастырского приказа⁵³. Однако церкви удалось постепенно вернуть себе судебные права, когда церковный собор 1667 г. вынес решение о недопустимости светского суда над духовенством⁵⁴. Особенно остро вопрос о соотношении власти церкви и светского главы стал в пору конфликта между патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем. Сказание в это время было хорошо известно в Москве, оно распространялось в списках среди церковников и получало новые обработки, которые усиливали идею неподсудности церковнослужителей светской власти, даже самому императору. Никон использовал Сказание о Мануиле в своей борьбе за приоритет высшей церковной власти. Обосновывая неправомочность царя участвовать в суде над церковнослужителями, он ссылается в своем послании к царю от июля 1659 г. из Воскресенского монастыря на содержание Сказания и икону Спаса в Успенском соборе⁵⁵.

⁵² В одном случае IV редакция обнаруживает близость к одному из списков Синодального извода, Синод. 686, в котором обычные для этого извода слова «*пришед царь во свояси и бывшу времени внегда почити ему*» изменены на «*приидуци царю во своя царския полаты и бывшу времени внегда почити. . .*» Список IV редакции имеет здесь чтение «*в предиидушу ж(е) нош(ь) усну царь*», что может рассматриваться как изменение чтения списка Синодального извода.

⁵³ Памятники русского права, т. V. Соборное Уложение, гл. XIII, ст. 1—3; Н. В. Устюгов и Н. С. Чаев. Русская церковь в XVII в. — В сб.: «Русское государство в XVII в.». М., 1961, стр. 295—329.

⁵⁴ Полное собрание законов, т. 1, № 421, 442, стр. 672—678, 768—770; М. И. Горчаков. Монастырский приказ (1649—1725). СПб., 1868, стр. 94—97.

⁵⁵ «Такожде о Мануиле царе Гречестем и сему явлении мно не невели, иже восхоте священников судити, како явися ему Христос подобием тем, им же написан у главы его стоящ. . . Ныне же по смотрению божиею имеет той святыи Христов образ святая великая соборная апостольская церковь в недрах своих в царствующем граде Москве и святая десница Христова, яко исправися указательным перстом, тако доднесь по-

Противники официальной правительственной линии, восторжествовавшей после падения Никона, и церковных реформ Петра I, очевидно, продолжали использовать идеи Сказания и в последующее время. На это указывает то внимание, которое уделяли Сказанию в царствование Анны Ивановны Канцелярия тайных розыскных дел и высший орган церковной власти в России — святейший Синод. Сохранилось решение Синода 1735 г. «об отысканном» «Сказании об иконе спасовой написанной греческим царем Мануилом»⁵⁶ (это был Синодальный извод Сказания). В нем говорится, что повесть «святейшим Синодом рассмотрена и найдена ложною», «во-первых, потому, что царь Мануил был после князя Владимира, а в повести объявлено, якобы до князя Владимира...», во-вторых, неясно, откуда эти сведения у грека, «и то, что такой грек бывал ли, неизвестно, а хотя б и бывал, да лживо показал»; наконец — это несогласие основной идеи Сказания, «якобы запрещение от бога... восхищати суд святительской», с известными словами из послания апостола Павла к римлянам о том, что нет власти, кроме как от бога, и пр. Синод постановил «написать возражение» на Повесть и объявить по епархиям, чтобы архиереи о таких ложных чудесах сообщали в Синод, так же как о печатных листах, «между которыми и насмешные, а именно о погребении мышами кота и прочие», и «суеверные скорописные о Бове королевиче и другие», имевшие в первой половине XVIII в. определенный политический смысл.

* * *

Что дает для изучения легенды о видении Мануилу второй источник, икона «Спас на престоле», хранившаяся до последнего времени в иконостасе московского Успенского собора?⁵⁷

Икона расчищена в 1929—1930 гг. реставратором И. А. Барановым. Расчистка показала, что живопись поновлялась по старому рисунку неоднократно. Под записью XIX в. Подключникова открыта живопись 1699 г. царского изографа Кирилла Уланова. Поновление иконы сопровождалось заменой левкаса на больших участках, фрагменты древней живописи уцелели лишь на изображении головы, руки и ног. При этом обнаружены следы поправки живописи и чинки левкаса от XVI в., вероятнее всего, после установки иконы в московском Успенском соборе. О первоначальной живописи, таким образом, можно судить только по небольшим участкам на «личном», причем лучше сохранилось охрение на выпуклых, освещенных местах; теневые описи подправлены в XVI в.⁵⁸

кажется, егда повеле ангелом показнити царя, яко «да накажется, не судити моих рабов прежде общего суда», якоже и прочее повести сея святая возследование показывает...» (*Н. Субботин. Дело патриарха Никона. М., 1862, стр. 186*).

⁵⁶ «Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода (1735)», стб. 606—607.

⁵⁷ В связи с открытием для обозрения росписей алтарной преграды Успенского собора икона Спаса, как и другие иконы местного ряда иконостаса, в настоящее время хранится в соборе, в фондах музея. Размеры иконы «Спас на престоле» — 236×146×4,6 см. Доска сверху и внизу надставлена на 8 см. Доска липовая, рубленая, обработана скобелем, состоит из трех частей, скрепленных накладными шпонками на кованых гвоздях. Икона под записями издана Н. П. Кондаковым (*Н. П. Кондаков. Иконография господина бога и Спаса нашего Иисуса Христа, т. 1. СПб., 1905, табл. 6*). Выражаем благодарность заместителю директора музеев Московского Кремля О. В. Зоновой, любезно предоставившей возможность опубликовать памятник после его раскрытия из-под записей.

⁵⁸ Поновления иконы не изменили первоначальной композиции, в чем можно убедиться при сопоставлении ее с тем списком с иконы, который был прислан новгородцам в XVI в. взамен иконы, увезенной в Москву. Реплика XVI в. иконы «Спас на престоле» занимает свое место в Софийском соборе. Икона написана «в меру чудотворного образа» (239×150×4 см и точно повторяет рисунок рассматриваемой иконы. Доска липовая, две встречные шпонки. На иконе сделана пробная расчистка, захватывающая голову, плечи и фон. Христос изображен в пурпурно-коричневом гиматии, наброшенном на голубой хитон с золотой пробелкой, фон оливковый, под оклад.

Христос в золотом хитоне и гиматии восседает на троне фронтально, указывая перстом правой руки на открытый кодекс с текстом Евангелия: $\text{†'ΕΓΩ ΕΙΜΙ | ΤΟ ΦΩΣ ΤΥ | ΚΟΣΜΟΥ. Ο | ΑΚΟΛΟΥ | ΘΩΝ ΕΜΟΙ | ΟΥ ΜΗ ΠΕ || ΡΗΠΑΤΗ | ΣΗ 'ΕΝ ΤΗ | ΣΚΟΤΙΑ | ΑΛΛ 'ΕΞΕΙ | ΤΟ ΦΩΣ ΤΗ | Σ ΖΩΗΣ ||}$ ⁵⁹.

Монументальный образ Спаса отличается большой внутренней силой, голова Христа с шапкой пышных волос, в легкой асимметрии, в стиле живописи несет несомненную печать так называемого «Палеологовского Возрождения». Канон Христа с гордо посаженной головой на мускулистой шее хорошо знаком русскому искусству XIV—XV вв.; он присутствует в иконах «Спас Ярое око» XIV в., «Спас оглавный» из Юрьева монастыря, XV в., в собрании П. Д. Корина, в изображениях Христа Андрея Рублева и его школы. Письмо иконы «Спас на престоле» уверенное, мастерское. По светло-оливковому санкирю сочно наложено охрение сильно разбеленной охрой, с тонкими описями коричневого, а на прядях волос — пурпурно-коричневого цвета. Письмо с «сильной» объемной лепкой формы и широкой градацией цветовых тонов отчасти напоминает этим художественные приемы стенописи новгородской церкви Рождества на Поле, 1378 г., но в более энергичной манере.

Золотая риза Христа написана К. Улановым в подражание чеканной серебряной позолоченной ризе, о которой сообщают новгородские письменные источники и описи московского Успенского собора XVII — начала XVIII в.⁶⁰ Первоначальный цвет гиматия был, по-видимому, как и в новгородской копии XVI в. (написанной в Москве с подлинника), пурпурно-коричневый, хитон — сине-голубой.

Икона «Спас на престоле» — русского, новгородского происхождения. Уцелевшие фрагменты древней живописи, как и характер обработки доски, позволяют датировать икону концом XIV в. Перед нами сильно пострадавший от времени памятник древнерусской живописи.

С этой иконы, древней святыни, снимались образцы и списывались копии. Наряду с созданной в Москве взамен привезенной иконы копии «в меру и подобие чудотворного образа» для Софийского собора, с нее было написано несколько икон в Новгороде, Москве и других городах, которые можно рассматривать как реплики относительно свободные, воспроизводящие те или иные детали иконографии памятника.

Три иконы хранятся в Новгородском музее:

1. Спас на престоле конца XVI — начала XVII в. (инв. № 3017, размер 138×97 см). Престол с изогнутой спинкой. Спас указывает перстом на низ раскрытого Евангелия с текстом: «Приидите ко мне вси труждающиеся. . .»

2. Спас на престоле XVII в. Стояла в иконостасе Софийского собора. Трон с изогнутой спинкой. Над Христом — Саваоф, св. дух и серафимы. Христос указывает перстом на раскрытое Евангелие с надписью: «Вся мне предана суть» (Матф. 1,43).

3. Спас на престоле в окружении предстоящих новгородских святых указывает на раскрытое Евангелие с греческим текстом (Иоанн 8, 12), как и в иконе XIV в.

Икона «Спас на престоле», точно повторяющая иконографический тип «Спаса-Мануила» с предстоящими Зосимой и Савватием, написана

⁵⁹ «Я есмь свет миру, последовавший за мной не будет блуждать во тьме, но будет иметь свет жизни» (Иоанн, 8, 12). Текст скопирован с греческого источника русским, не знающим греческого языка. На это указывают ошибки: СМОΙ вместо близкого по написанию 'ΕΜΟΙ и русский знак ξ, восходящий к греческому ξ и служивший цифрой 60, вместо близкого по написанию з в слове ΖΩΗΣ.

⁶⁰ См.: Опись 1627 и 1638 гг. (РИБ, т. 3. СПб., 1876, стб. 385—387) и Опись 1701 г. (РИБ, т. 3, стб. 567).

по заказу Строгановых для Благовещенского собора Сольвычегодска⁶¹.

В московском Успенском соборе имеется икона Спаса этой же иконографии с предстоящими святыми Варлаамом Хутынским, архиепископом Иоанном и др. (№ 785, XV в.) из привезенных новгородскими владыками «в поднос» патриарху или царю.

В 1661 г. написана в Москве икона поясного Вседержителя, указующего перстом на раскрытое Евангелие с надписью по-гречески, копирующей с ошибками надпись подлинной иконы. На иконе надпись: «Истинное изображение с образа господа бога Спаса нашего Иисуса Христа в царственном граде Москве в соборной церкви Успения пресвятыя богородицы его же писал Мануил царь гречески, избранишися желанием казенного приказу подъячева Ивана Степанова сына Чернова в лето 7170-го декабря 21 день»⁶².

Прорись с иконы «Спаса-Мануила» имеется в Сийском лицевом иконописном подлиннике⁶³. Рисунок фиксирует состояние иконы под записями XVI—XVII вв. У ног Христа — многочисленные серафимы, на столбце трона — горящая свеча, листы на раскрытом Евангелии оставлены белыми. На рисунке надпись: «Перевод с иконы, что в большом Успенском соборе на правой руки возле царьския двери, еже Златая риза, писмо царя Мануила греческаго».

Таким образом, ознакомление с иконографией иконы «Спаса-Мануила» показывает, что точной копией подлинной иконы «Спаса-Мануила» является лишь список, присланный Иваном Грозным в Новгород взамен увезенного в Москву. Все остальные реплики имеют лишь «символическую» близость к оригиналу — кописты озабочены лишь тем, чтобы передать наиболее характерный признак иконографии данного изображения — указующий перст⁶⁴. Тексту Евангелия не всегда придается определенное значение, и это вполне объяснимо: его смысл не связан с тем содержанием, которое вкладывает в это изображение легенда. Между тем в различных редакциях и изводах Сказания особое внимание обращается на положение Спасовой десницы. Указующий перст является той завязкой, вокруг которой развивается нить повествования.

Каково происхождение данного иконографического типа — Спаса на престоле и его указующей десницы? Изучение иконографии «Спаса-Мануила» в древнерусском искусстве ответа на этот вопрос не дает. Здесь следует обратить внимание на две примечательные особенности в изображении Спаса: греческую надпись на Евангелии и архаическую манеру изображения трона, нехарактерную для искусства XIV—XV вв.

Вплоть до XVII в. в русской иконописи было не принято сопровождать изображения греческими надписями. Это допускалось лишь в стенописи, в работе приезжих мастеров, и то не всегда: роспись Спасо-Преображенского собора в Новгороде Феофан Грек снабдил русскими надписями. Греческая надпись на Евангелии в иконе «Спаса-Мануила» и ошибки, характерные для русского, дают основание полагать, что икона является репликой русского мастера иконы византийского письма.

⁶¹ Н. Макаренко. У Соли Вычегодской. Пг., б. г., стр. 74.

⁶² Описание иконы см.: В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи [Государственной Третьяковской галереи], т. II. М., 1963, стр. 296 (№ 765). Икона размером 122×85 см, под записями XIX в.

⁶³ Сийский лицевой иконописный подлинник. Изд. ОЛДП, вып. CVI. СПб., 1895, л. 212; см. также: Н. П. Кондаков. Указ. соч., табл. 6. Рисунки Сийского подлинника принадлежат к первой половине и середине XVII в., не позднее третьей четверти столетия.

⁶⁴ Можно было бы назвать еще целый ряд изображений Спаса на престоле, точно повторяющих общий характер иконографии «Спаса-Мануила», но не с указующим перстом, а благословляющим, как, например, на иконе Успенского собора Московского Кремля Спас с припадшим Евфимием, XVI в., новгородского происхождения и другие, что говорит о распространенности этого изображения в русском искусстве.

Изображение Христа, сидящего на престоле в фас, с прямо поставленной фигурой, с четко выраженными горизонталями и вертикалями архитектурного построения трона, расположенного строго параллельно плоскости изображения, принадлежит к числу древних византийских иконографических мотивов IX—XIII вв.⁶⁵ Встречается оно и в древнерусской живописи XII в.⁶⁶ В искусстве XIV в. такой тип изображения Христа является анахронизмом. В особенности это следует сказать о Новгороде — одном из передовых центров восточнохристианского искусства; здесь художественные завоевания Палеологовского Возрождения в XIV в. хорошо известны.

В искусстве Новгорода XIV в. отчетливо проявляется интерес к динамике изображений, развитию пространственности, что в свою очередь выражается в симметрическом построении композиции, внутренней подвижности фигуры, усложнении ритма. Фигура Спаса на троне решается совершенно иначе: изменяется форма трона, закручивающегося спиралью вокруг торса Христа и сдвинутого наискось, под углом к плоскости изображения: сама фигура дется в повороте, одна нога поднимается выше другой, голова приобретает легкую асимметрию⁶⁷.

Сохранение архаических черт в иконографии «Спаса на престоле» свидетельствует о том, что «протографом» ее послужила икона более древняя, восходящая, по-видимому, к домонгольскому времени. Предположение это тем более вероятно, что в новгородском Софийском соборе сохранился определенный круг памятников византийского искусства древнейшего периода (икона «Петр и Павел», «Корсунские врата», называвшиеся ранее неправильно «Сигтунскими», и т. п.), происхождение которых еще не установлено. Местные предания связывают привоз в Новгород «корсунских» древностей со взятием новгородцами Корсуни при Владимире Святославиче или Владимире Ярославиче; вопрос требует специального изучения.

Таким образом, можно предположить, что новгородская икона конца XIV в. должна была заменить обветшавшую к этому времени или пострадавшую от пожаров более древнюю икону «Спаса на престоле» греческого письма.

В искусстве Византии изображение Христа на престоле известно с IV в. и получает особенно широкое распространение в IX—XIII вв.⁶⁸ В качестве самостоятельной композиции или в составе Деисуса, ктиторского предстояния Христу и тому подобных иконографических вариантов Христос на троне известен в монументальной живописи, миниатюре, мелкой пла-

⁶⁵ См., например, изображение Христа-Вседержителя в нартексе св. Софии Константинопольской, IX в. (А. Grabar. *Byzantine Painting*. Geneva, 1953, p. 91; В. Н. Лазарев. *История Византийской живописи*, т. I. М., 1947, табл. XVII); в мелкой пластике: на складне «Деисус», XI в. (А. В. Банк. *Византийское искусство в собраниях Советского Союза*. Л.—М., 1966, табл. 191—192; табл. 202—бронзовая иконка «Христос на троне и святые», XII—XIII вв.); резная иконка из слоновой кости XI—XII вв. в Бодлеянском музее в Оксфорде (G. Schlumberger. *L'Epopée Byzantine*, III. Paris, 1905, табл. на стр. 193). Разбор этого иконографического типа см.: А. В. Банк. *Византийская камея с изображением Христа на троне*. — ЗРВИ, VIII, ч. 1, 1963, стр. 39—42. Аналогичные изображения имеются на медных иконках из раскопок в Херсонесе (Г. Д. Белов. *Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г.* — «Херсонесский сборник», вып. V. Симферополь, 1959, рис. 38), см. изображения Спаса и св. Пантелеймона, Козмы и Дамиана в композиции на фризе конхи в Накишари (Грузия) (Ш. Я. Амиранашвили. *История грузинского искусства*. М., 1963, табл. 77; см. также оклад Бертского Евангелия мастера Бешкена Опизари, XII в. — там же, табл. 133).

⁶⁶ См., например, изображение «Христос во славе, венчающий князя Ярополка и княгиню Ирину» в «Грирской псалтыри» 1078—1087 гг.: «История русского искусства», т. 1. М., 1953, рис. на стр. 227.

⁶⁷ В качестве примера подобного изображения сидящей на троне фигуры можно привести композицию «Отечество», кон. XIV в.: «История русского искусства», т. 2. М., 1954, рис. на стр. 122.

⁶⁸ А. Grabar. *L'empereur dans l'art Byzantin*. Paris, 1936, p. 196—200.

стике. Трон обычно имеет вид сидалища без спинки или с горизонтальной спинкой.

Что касается изображения десницы Христа — оно имеет различные варианты. Наиболее распространенным является благословляющая правая рука, отведенная в сторону или поднятая к груди. В некоторых случаях жест не вполне выражен; например, в мозаике храма в Ватопеде, XI в., рука Христа поднята к груди и сложена для благословения, но повернута ладонью вверх⁶⁹. В миниатюре Ватиканского менология Василия II «Христос среди апостолов» рука Христа указывает на текст свитка⁷⁰. В Сийском иконописном подлиннике имеется изображение Христа с указующим перстом с надписью: «Перевод сей снят с греческого письма ради при-смотру»⁷¹.

Если в изображении Христа указующий жест встречается не часто, то он все же нередок у апостолов, указывающих на текст Евангелия, или у других святых⁷².

Можно допустить, что в византийском искусстве икона «Христос на престоле» типа «Спаса-Мануила» не была единственным исключением и изображения Христа с указующим перстом имели известное распространение. Возможно, они и вызвали появление в Византии тех легенд, которые попали в письменность и о которых упоминает Дмитрий Ласкирев. Одна из икон этого иконографического типа и попала в Новгород в домонгольское время, и с нее уже была списана копия в конце XIV в.

Была ли икона именно такого иконографического перевода как-то связана с именем императора Мануила, сказать нельзя. Однако несомненно, что легенда отражает какие-то реальные исторические воспоминания о том, что икона написана греческими мастерами и привезена на Русь из Византии в раннее, очевидно в домонгольское, время.

Присутствие Мануила Комнина в легенде о святительском суде, по-видимому, не случайно⁷³. Популярность Мануила Комнина при жизни и в последующее время объясняется теми значительными успехами, которых достигла Византия в XII в. при Комнинах, особенно к 1170-м годам. Внешняя политика государства к этому времени увенчалась рядом значительных побед: на Балканах и в Азии Византия диктовала соседям свою волю, в Европе она выступает как великая держава. Мануил носил пышный титул императора Венгерского, Хорватского, Сербского, Болгарского, Грузинского, Хазарского, Готского⁷⁴. Правда, уже при том же Мануиле экспансионистская внешняя политика государства начала терпеть крах. Внутренняя политика Комнинов способствовала упрочению феодального общественного и государственного строя. Опорой Комнинов стали крепнущие города, число которых особенно увеличилось при Мануиле. Несомненно, что большое значение для популярности Мануила имел и его характер.

⁶⁹ Ch. Diehl. Manuel d'art Byzantin, t. II. Paris, 1926, фиг. 250 на стр. 523.

⁷⁰ В. Н. Лазарев. Указ. соч., т. II, табл. 736.

⁷¹ Сийский иконописный подлинник, л. 22а. Рисунок воспроизведен в кн.: Н. В. Покровский. Очерки памятников христианской иконографии. СПб., 1900, рис. 213. Более подробно вопрос о перстосложении Христа рассмотрен в статье: В. Г. Брюсова. Фреска Вседержителя новгородской Софии и легенда о Спасовом образе, стр. 57—64.

⁷² См., например, фреску Дмитровского собора во Владимире конца XII в.; портрет Гишнократа — миниатюру из кодекса Гишнократа в Парижской Национальной библиотеке, около 1345 г.; В. Н. Лазарев. Указ. соч., т. II, табл. 327, там же, табл. 32 — Умиление; см. также изображение святого из иконы «Богородица с младенцем» XIV в., собр. Гос. Эрмитажа: А. В. Банк. Византийское искусство, № 260, 261 и т. п.

⁷³ В старших изводах I редакции Сказания не указано, с каким из двух византийских императоров Мануилов она связана: с Комнином или с Палеологом. Но уже некоторые его тексты, которые должны быть отнесены к XVI в., в том числе текст извода Кормчих и II редакции, говорят, что в это время его связывали с Мануилом I Комнином (1143—1180 гг.).

⁷⁴ «История Византии», т. 2. М., 1967, стр. 228.

Мануил был энергичным человеком, смело бравшимся за решение самых разнообразных вопросов государственной и духовной жизни, рыцарем и полководцем, богословом и дипломатом.

Вымыслом является утверждение нашей легенды о Мануиле-иконописце: так широко, на живопись интересы этого императора, судя по сведениям, которые сообщают о нем его биографы, не распространялись, хотя ничего невозможного в этом нет. Однако несомненно, что легенда своеобразно отражает церковно-политическую деятельность Комнинов, и прежде всего самого Мануила.

Во второй половине XI—XII в. византийская церковь стала очень заметной политической силой, соперничавшей с императорской властью. Экономической основой этого могущества являлись постоянно растущая земельная собственность церквей и монастырей, их денежные накопления и привилегии. Комнины успешно сопротивлялись росту могущества патриархии. Больше всего для этого сделал Алексей, но и Мануил продолжал ту же политику. Именно с Мануилом связано не только дальнейшее ограничение монастырской земельной собственности, но и участие в богословских спорах, вмешательство в литургическую практику (когда он один выступал против собора патриарха и епископов), попытки сблизить византийскую церковь с римской и армянской ⁷⁵.

Из жития Ефросинии Полоцкой известно, что Мануилом была прислана в Полоцк эфесская икона богородицы ⁷⁶. В 1186 г. в Новгород приезжал цесаревич Алекса Мануйлович, сын Мануила I, впоследствии император Алексей III Комнин ⁷⁷. Среди подарков новгородскому владыке были, конечно, и иконы греческого письма. Не исключена возможность, что от Алексея Мануйловича новгородцы могли быть наслышаны о нередком для византийских императоров занятии иконописанием.

Основной исходный момент в сложении Сказания о Спасе следует искать, очевидно, в самой иконографии композиции «Спас на престоле».

Происхождение иконографии «Христа на престоле», как отметил А. Грабар, связано с изображением императора на троне в искусстве Рима ⁷⁸. В Византии император — священная особа, царь — наместник бога на земле. Атрибуты царской власти присвоены и христианскому искусству: как символ могущества Христа сохранился и священный императорский трон вместе с другими регалиями земной власти.

Образ Христа, олицетворяющего собою земного и небесного властелина, с усилением могущества церкви становится прообразом церковного властителя. Современник Мануила I — патриарх Лука в послании Андрею Боголюбскому по случаю «незаконного» поставления на митрополичью кафедру епископа Феодора так выражает свой взгляд на значение святительского достоинства: «Сиа уставляем повелением и властью святого духа и уставом и словом великого архиерея Спаса нашего Иуса Христа...» — и далее: «да иже чествуещи святителя, чествуещи Христа: образ бо Христов иметь и на Христове седалище сидеть» ⁷⁹. Призывая князя к повиновению, указывая на превышение великокняжеских полномочий, Лука пишет: «Никто же бо от всех человек: ли святитель, ли презвитер, или мних, или аггел, ниже бо аггел с небеси имеет такову власть вязати и ре-

⁷⁵ А. Лебедев. Очерки истории византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV в. М., 1892, стр. 230—264; F. Chalandon. Les Comnènes. Études sur l'empire Byzantine au XIe et au XIIe siècles, II. Paris, 1912, p. 632—663.

⁷⁶ «Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбодрко», вып. 4. СПб., 1862, стр. 172—179.

⁷⁷ ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 12.

⁷⁸ А. Grabar. Op. cit., p. 196—200.

⁷⁹ ПСРЛ, т. IX, стр. 229; РИБ, т. VI. СПб., 1908, стб. 75—76.

шати, разве един боголюбивый епископ твой, его же положил господь бог главу всей земли твоей и тебе»⁸⁰.

Текст этот, хорошо известный на Руси и в Новгороде с XII в., содержит важную для нашей темы мысль о том, что «Спас на престоле» есть прообраз Великого архиерея (в противовес светскому властителю), и именно в этом значении образа он мог противостоять императору, как это впоследствии имело место в Сказании.

Новгород, хорошо осведомленный в вопросах иконографии и ее идейного содержания, во второй половине XII в. отчетливо проводит в официальном искусстве мысль, что уже не богоматерь «Оранта», а «Спас на престоле» является символическим прообразом земной церкви. Именно эта композиция в составе «Деисуса» занимает наиболее почетное место в росписи конхи алтаря собора Мирожского монастыря, расписанного при Нифонте в 60-х годах XII в. «Спас в силах» украшает собою алтарь церкви Благовещения в Аркажах, расписанной архиепископом Иоанном. Эти изображения «Спаса на престоле», прообразы «Спаса — Великого архиерея», создавались в то время, когда уже был создан или создавался «протограф» иконы «Спаса-Мануила». Это не могло не придать ему определенный смысл, который закрепился за иконой в последующие столетия.

Ко времени написания иконы «Спас на престоле» в конце XIV в. успело сложиться определенное понимание символики данной иконографии, что побудило, очевидно, новгородцев «возобновить» образ в точном подобии древнего изображения. Это было время острой политической борьбы Новгорода с московскими великими князьями и митрополитами. Поводов для нее было достаточно, но главным являлось наряду с конкуренцией на Двинских землях стремление Новгородской боярской республики сохранить свои традиционные судебно-административные права, и прежде всего право суда высшей инстанции, которое принадлежало митрополиту⁸¹. В результате военного поражения, нанесенного Москвой, Новгород должен был отступить. Случайным ли было в этих условиях внимание к иконе «Спаса на престоле» именно в последней четверти XIV в.?

Подведем итоги.

Сказание о видении греческому царю Мануилу Комнину известно во многих русских списках XVI—XIX вв. и в нескольких обработках. Можно выделить четыре редакции текста, старшей из которых является редакция, возникшая в Новгороде в первой четверти XVI в. Сказание публицистически направлено против вмешательства верховной государственной власти в дела церкви и основано на легенде, которая была, вероятно, занесена в Новгород из Византии. Распространение Сказания из Новгорода в Москву, чему способствовало перенесение в Москву и новгородской иконы Спаса, превратило его из местного памятника в московский и вызвало его вторую жизнь. Как публицистический памятник оно имело особое значение в середине и второй половине XVII в., но сохранило его и в XVIII в.

Сказание связано с иконой «Спас на престоле» определенного иконографического вида — с правой рукой, не благословляющей, но «указующей», с указательным пальцем, обращенным к раскрытому Евангелию. Икона, которая способствовала возникновению Сказания в Новгороде, сохранилась. Это новгородская икона конца XIV в., являющаяся копией с греческой иконы, которая восходила к XI—XII вв. Символика иконы

⁸⁰ ПСРЛ, т. IX, стр. 228; РИБ, т. VI, стб. 74. Еще ранее мысль о неподсудности святительского суда светскому властителю была выражена в «Пандектах» Никона Черногорца, автора второй половины XI в.: «Ты же пастуха судиши, овча сын, что восхищени фарисьскы божие судище и священничьскы санъ во нь же ты не вручешь еси, ни от бога ти поручено» (ГИМ, Чудовск. 16, л. 207).

⁸¹ ПСРЛ, т. IV, вып. 2, стр. 370—374; Я. Н. Шапов. Южнославянский политический опыт на службе у русских идеологов XV в. — «Byzantinobulgarica», т. II. София, 1966, стр. 212.

«Спас на престоле» находит объяснение в слагавшихся вокруг нее преданиях, трактовавших вопросы о правах церкви в феодальном государстве, о взаимоотношении светской и церковной властей. Тема эта корнями уходит в события политической истории Византии и Руси XII—XIII вв. и имеет постоянный отзвук в событиях русской истории XIV—XVII вв.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О чудном видѣнии Спасова образа како явис^я благоверному царю л. 184 греческому Мануилу, еже он же написа

В святѣй Софѣи стоялъ во время божественныя службы Дмитрей Ласкыревъ и призва Софѣйскихъ сщениковъ, Прокопия с товарищи, которые въ то время прилучилися, и он възрѣ на образъ милосердаго Спаса, иже на иконѣ написанъ стоитъ въ церкви святыя Софѣи на столпѣ на правомъ крилосѣ, златомъ риза и икона утворена, а лице, и руцѣ, и нозѣ отъ ваповъ, яко же горазди изографи вѣдятъ и въпросилъ у нихъ Дмитрей: «вѣдомо ли вамъ про ту икону каковъ слухъ?» Они же ему отвѣщали: «Слухъ, господине, таковъ, что не одна та икона ис Корсуни приве//зены греческаго писма». л. 184 об. И Дмитрей отвѣщаль: «У насъ де и о томъ в добрыхъ мудрыхъ людехъ пословица ведется, да и писание в нашей греческой земли <есть>, что та икона прежде володимерова крещения была в Царѣградѣ, а писмо Мануила царя греческаго. Нѣкогда убо выеха царь Мануилъ на свою потребу и узрѣ священника неподобно дѣюща и повелѣ на него раны възложить нещадно. И в ту ночь явися Мануилу^а царю Спасъ тѣмъ образомъ, яко же и на иконѣ его написалъ царь Мануилъ и реч^е ему, «почто, царю, възхищаеши святительскый судъ, его же ти не предахъ. Тебѣ предано начальство въ челоувѣцехъ и отъ супостатъ обо//рона, святителемъ же повелѣно о душевномъ исправлении л. 185 пещися и имѣютъ власть духовиѣ вязати и рѣшати». И повелѣ Спасъ пришедшимъ с нимъ аггеломъ возложить раны на царя Мануила, указывающе перьстомъ своимъ, яко же нынѣ на иконѣ видимъ написано, и възбнувъ царь и услыша раны на телѣ своемъ тяжкы, и въставъ, притече ко иконѣ Спасовѣ и узрѣ руку Спасову указующи низу, а не тако, яко же онъ написалъ бѣ прежде и възплакався горцѣ и оттолѣ не учалъ святительскаго суда възхищати.

ГБЛ, Волокол. 491, сборник XVI в., лл. 184—185.

^а на поляхъ той же рукой.

С. В. ПОЛЯКОВА

О ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ РОМАНОВ
ЕВМАТИЯ МАКРЕМВОЛИТА И ФЕОДОРА ПРОДРОМА

Скудость источников, проливающих свет на жизнь Феодора Продрома, и полное отсутствие сведений о Евматии в сочетании с пренебрежением исследователей к византийскому роману XII в. были причиной того, что хронологическая последовательность «Повести об Исмине и Исминии» и «Роданфы и Досикла» не получила аргументированного обоснования¹.

Единственный факт взаимоотношения этих романов во времени, который можно считать установленным, — это встречающиеся в них примеры сюжетных и лексических совпадений, не восходящие к известным нам произведениям греческих *erotici scriptores*, что ставит «Повесть» и «Роданфу и Досикла» в отношения оригинала и копии, т. е. в разные хронологические плоскости.

Гегер впервые отметил следующие пять мест такого рода совпадений²: Th. Pr., II, 161 сл. = Eum., VIII, 12, 2; Th. Pr., I, 206 сл. = Eum., X, 10, 3; Th. Pr., VIII, 229 = Eum., IX, 5, 3; Th. Pr., VIII, 354 = Eum., IX, 8, 2; Th. Pr., VIII, 363 сл. = Eum., IX, 13, 1.

Бесспорными параллелями являются, однако, только три³. Так как Гегер не сомневался в том, что Евматий был старше Продрома, он рассматривал точки соприкосновения романов как само собой разумеющиеся свидетельства рецепции со стороны автора «Роданфы и Досикла» и не ставил перед собой задачу доказать, почему в том или ином совпадении следует видеть заимствование.

Мы попытаемся, дополнив перечень параллельных мест, обнаруженных Гегером (в настоящей работе привлекается только один пример из этого перечня), выделить среди них такие, которые позволили бы предполагать

¹ В пользу того, что Продром был младше Евматия, высказались: Э. Роде (E. Rohde. Der griechische Roman und seine Vorläufer. Berlin, 1960, S. 562), И. Стржиговски (J. Strzykowski. Die Monatszyklen der byzantinischen Kunst. — «Repertorium für Kunstwissenschaft», 1887—1888 (XI), S. 38), К. Дитерих (K. Dieterich. Geschichte der byzantinischen und neugriechischen Literatur. Leipzig, 1902, S. 43), А. Гейзенберг (A. Heisenberg. Eustathios-RhMus, 58, 1903, S. 427 f.), О. Герег (O. Häger. De Theodori Prodromi in erotica fabula 'Ροδάνφῃ καὶ Δοσικλῆς fontibus. Diss. Göttingen, 1908, S. 25, 27, 48—49). Сторонники противоположного взгляда: К. Крумбахер (K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 749, 764; правда, в рецензии на указ. соч. А. Гейзенберга, опубликованной Крумбахером позднее [Bz, 13, 1904, S. 224], он признает роман Евматия первым по времени любовным романом из известных нам четырех) и Г. В. Хауссиг (H. W. Haussig. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959, S. 456).

² O. Häger. Op. cit., S. 25, 1; 27, 1; 48—49.

³ Th. Pr., I, 206 сл. представляет собой описание распространенного обряда, детали которого неминуемо должны совпадать (речь не идет о лексической близости отрывков), а стихи Th. Pr., VIII, 354 сл. могли, как отмечает сам Гегер, иметь своим источником роман Ахилла Татия (V, 18, 4), который Продром неоднократно использует.

в одном из романов оригинал, а в другом — его копию, т. е. устанавливали бы у подражателя черты, возникновение которых объясняется влиянием предшествовавшего ему образца: при крайне неудовлетворительном состоянии традиции это — единственный путь, чтобы с известной долей вероятности сделать вывод о хронологической последовательности «Повести» и «Роданфы и Досикла».

Обратимся к текстам.

1. Во время трапезы герои (Досикл у Продрома и Исминий у Евматия) сходным образом отвечают на предложение рассказать свою историю — ссылкой на то, что она омрачит их слушателей ⁴.

Th. Pr., II, 161 сл.:

Eum., VIII, 12, 2:

<p>ἡ ποὺ τὸ δαίπνον, τὴν χαρὰν καὶ τὸν ἐπὶ στεναγμοῦς ἀξιοῖς ἐπιστρέφειν; ἡ ποὺ τὸ καλὸν κόνδυ τῶν κερασμάτων πλήσειν ἀπείρων δακρύων ἐπιτρέπεις;</p>	<p>φείσασθε ... δυστυχημάτων ἐμῶν, μὴ τὴν τράπεζαν εἰς κοπετὸν μεταβάλλω καὶ πένθους ὑμῖν κρατῆρα κεράσωμαι.</p>
--	--

Исминий в романе Евматия с полным основанием может опасаться расстроить господствующее за столом настроение: ведь до того как попасть в Дафниполь, где происходит рассматриваемый эпизод, он пережил морскую бурю, утрату возлюбленной, которую на его глазах бросили в море, а после того как моряки высадили его на каком-то пустынном берегу, был двукратно пленен — сначала эфиопскими пиратами, а затем дафнипольскими воинами — и, наконец, перенес унижительное для самолюбия порабощение своими же соплеменниками. Поэтому его слова: «Не воскресайте. . . мои злосчастья, чтобы ваша трапеза не омрачилась стоном и я не подал вам полной чаши печали» — совершенно естественны: рассказ должен коснуться весьма грустных событий. Сходный ответ Досикла своему гостеприимному хозяину: «Неужели ты хочешь обратить пиршество, радость и веселье в стенания? Неужели побуждаешь наполнить прекрасный кубок вина несчетным множеством слез?» — напротив, звучит странно, если вспомнить, что, в отличие от Исминия, для Досикла обстоятельства сложились очень благоприятно — ему удалось похитить любимую девушку, предотвратив грозящий ей брак с другим, и без помех (не было даже традиционной в сюжете романов бури) доплыть из Авидоса до Родоса, где ему оказали дружеский прием. Тот факт, что слова Досикла плохо вяжутся с контекстом, делает вероятным предположение о вторичности их происхождения: при заимствовании копией обычно выдает себя такого рода непоследовательностями.

Нельзя согласиться с Гегером, привлечшим в этой связи также «Эфиопику» Гелиодора ⁵: τί ταῦτα κινεῖς κἀναμοχλεύεις; τοῦτο δὲ τὸ τῶν τραγῳδῶν οὐκ ἐν χαίρῳ γένοιτ' ἂν ἐπεισόδιον ὑμῖν τῶν ὑμετέρων τὰ ἐμὰ ἐπισφάλλειν κακὰ (I, 8). «Зачем вороваться хочешь ты неистово», как говорится у трагических поэтов. Не ко времени было бы вносить в ваши несчастья как добавление мои собственные».

И тот, и другой из рассмотренных отрывков византийских писателей едва ли могли возникнуть под влиянием этих слов Кнемона из «Эфиопики», поскольку они сильно уклоняются от фразеологии, объединяющей ответы героев «Повести» и «Роданфы и Досикла», произносятся в иной обстановке и иначе мотивированы — ведь вместо нежелания смутить пиршество, чем Исминий и Досикл объясняют отказ рассказать о себе, здесь — опасение пленника печальной историей усугубить угнетенное состояние своих товарищей по несчастью, как и он, попавших в плен к разбойникам.

⁴ Этот пример без комментария привел также Гегер (O. Häger. Op. cit., S. 25, 1).

⁵ O. Häger. Op. cit., p. 25, 1.

Итак, один из византийских романов — как мы полагаем, «Роданфа и Досикл» — зависел от другого.

2. В романе Продрома сохранился отзвук одного из центральных мотивов «Повести» — жертвоприношения Исмины. Напомним, что, когда на море поднялась сильная буря, кормчий потребовал умилостивить Посейдона избранной жребием человеческой жертвой; жребий выпал Исмине, и ее на глазах возлюбленного бросили в море. Эпизод жертвоприношения Исмины угадывается в словах Досикла о том, что он готов предпочесть смерть Роданфы в море угрожающему ей браку с разбойником Гобрием.

III, 435 сл.: Εἶθε πλέουσιν δυστυχῶς Ἀβυδόθεν // πόντου σε βυθὸς συγκατέσχευ ἄγριον. «Пусть бы во время плавания из Авидоса ты была бы злосчастно похищена пучиной бурного моря», и ниже в стихах 444 сл.: Οἰκτρὸν μὲν οἰκτρὸν ταῖς κόραις Δοσικλέος // ἰδεῖν Ῥοδάνθην εἰς βυθὸν κατηγμένην, // εἰς τὴν ἀχανῆ τῆς θαλάττης γαστέρα, // λαχούσαν ὕγρον καὶ κατάρρυτον τάφον. . . οἰκτρὸν δὲ μᾶλλον. . . // ἂν ᾤωσα, φεῦ φεῦ, ἔξ ἐμῆς χειρὸς μέσης // ἐλχθῆς σπαραχθῆς. . .

«Горестно, горестно глазам Досикла было бы увидеть Роданфу погруженной в пучину, в разверстое чрево моря, получившей по жребию (в удел) влажную, залитую водой могилу. . . но еще горестней. . . если бы ты — увы мне, увы — живая была вырвана и исторгнута из моих рук».

Этот второй отрывок отчетливее воспроизводит ситуацию Евматия — девушка гибнет в море на глазах своего возлюбленного и, может быть, ее, как Исмину, обрекает на смерть жребий, если Продром, что вполне вероятно, понимал глагол λαγχάνω в значении «получать по жребию», и не «обретать».

В пользу того, что стихи Продрома — отзвук романа Евматия, говорит также то, что пассаж из «Роданфы и Досикла» обнаруживает лексические точки соприкосновения с VII книгой Евматия, заключающей в себе рассказ о жертвоприношении Исмины и, очевидно, прочно отложившейся в памяти Продрома, так как эти лексические соприкосновения наблюдаются и за границами стихов, непосредственно связанных с описанием участи Роданфы.

Th. Pr., III, 445:

εἰς βυθὸν κατηγμένην

Eum., VII, 14, 2:

ὁ μὲν δὴ τῆς θαλάσσης σάλος ἐφιλονεῖκει
τὴν ναῦν εἰς βυθὸν καὶ πυθμένα θαλάσσης
καταγαγεῖν

VII, 14, 3:

παραδοθήτω τῷ βυθῷ

III, 447:

λαχούσαν ὕγρον καὶ κατάρρυτον τάφον

VII, 10, 5:

ὕγρην σοι παστάδα πηξάμενος (под
пастάς имеется в виду смерть в море)

III, 450 сл.:

... φεῦ, φεῦ, ἔξ ἐμῆς χειρὸς μέσης
ἐλχθῆς σπαραχθῆς

VII, 14, 2:

χειρῶν τούτων ἐμῶν τὴν κόρην μεθεῖλ-
κοντο

VII, 15, 1:

ἀποσπᾶται μου τῶν χειρῶν

VII, 18, 5:

καὶ τὴν Ὑσμίνην ... ὅλη θρασείᾳ χειρὶ
(βαβαί) τούτων τῶν ἐμῶν ἀθλίων
ἀφαρπάζεται (речь идет о Посейдоне,
персонифицирующем здесь море)
χειρῶν

Источником реминисценции могло быть, с одной стороны, желание подчеркнуть, как это нередко делалось, свою связь с предшественником по жанру, с другой — желание на известном литературном примере показать читателю, сколь ужасна перспектива брака с Гобрием (он хуже даже знаменитого несчастья Исмины).

В известных нам греческих романах эпизод, полностью соответствующий рассмотренному, не встречается. Возможно, однако, что рассказ Ахилла Татия (V, 7, 4) о том, как на глазах Клитопонта в море бросают обезглавленный труп девушки, которую он принимает за свою возлюбленную, оказал влияние на Евматия и даже на Продрома. Это, однако, не позволяет предполагать независимость византийских романистов друг от друга, так как в их произведениях наличествуют лексические совпадения, не входящие к Ахиллу Татию⁶, а ситуация переработана совершенно одинаково (у обоих имеется в виду живая возлюбленная, а не труп мнимой подруги).

Если наша гипотеза о приоритете Евматия справедлива, то как заимствования из «Повести» следует рассматривать и остальные точки соприкосновения между романами, сами по себе не дающие материала, необходимого для того, чтобы разграничить оригинал и копию. В дополнение к случаям, отмеченным Гегером, можно указать на заимствования ономастики.

Одним из «сигналов» стоящего за текстом образца служило употребление взятых оттуда имен. Евматий, например, желая подчеркнуть свою связь с романом Ахилла Татия, перенимает у него имена героев (Панфия, Сострат, Сосфен) или создает сходные варианты, превращая Родопиду Ахилла Татия в Родопу.

Так же поступали и греческие *erotic scriptores*, которые не только повторяли послужившие старшим романистам имена героев (Харикл встречается у Ахилла Татия и Гелиодора, Хэрей у Харитона и Ахилла Татия, Рода у Ксенофонта Эфесского и Лонга), но нередко намекали на них близкими параллелями: Евгиппа Ксенофонта Эфесского обратилась у Ахилла Татия в Левкиппу; таким же было происхождение имен типа Родопиды Гелиодора, которой предшествовали Родогина Харитона, Рода Ксенофонта Эфесского и Лонга.

Феодор Продром широко пользуется этим способом указания на свою связь с предшественниками по жанру, которых он в той или иной степени использовал⁷: к греческим *erotic scriptores* восходят встречающиеся в его романе имена Митран (Гелиодор), Дриант (Лонг), Миртала (Лонг), Евфрат (Ант. Диоген), Панфия (Ахилл Татий), Андрокл (Ксенофонт Эфеский).

Еще более характерна для Продрома манера несколько изменять заимствованное имя — *Βρῆξις* Лонга превращается в *Βρῆξης*, Артаксат Харитона в Артаксана, Евгиппа Ксенофонта Эфесского в Калиппу, Родан Ямлиха в Роданфу; имя Миртала не только берется неизменным из «Дафниса и Хлои» Лонга, но дает вариант Миртиппоя (при этом Миртиппоя сделана женой Дрианта, героя того же Лонга); Навикл Гелиодора становится у Продрома Навискратом, а Сатир Ахилла Татия — Сатирионом.

Склонность Феодора Продрома к подобного рода ономастическим аллюзиям позволяет сделать выводы и относительно его знакомства с романом Евматия: имя сатрапа Артап, *Ἀρτάπης*, образовано по образцу имени Артак, *Ἀρτάκης*, которым был назван проданный в рабство Исминий, а имя друга Досикла Кратандра — по образцу имени друга Исминия Кратисфена: «сильный муж» или «осиливающий мужей», т. е. Кратандр, — этимологическая параллель к «крепкому силой», т. е. Кратисфену. Не исклю-

⁶ *Ach. Tat.*, V, 7, 4: *οἱ λησταὶ . . . ἰσθᾶσιν ἐπὶ τοῦ καταστροφῆτος ὀπίσω τὸ χεῖρε δεσμεύην τὴν κόρην, καὶ τις αὐτῶν μεγάλη τῇ φωνῇ «ἰδοὺ τὸ ἄθλον ὁμῶν» εἰπὼν ἀποτέμνε αὐτῆς τὴν κεφαλὴν καὶ τὸ λοιπὸν σῶμα ὠθεῖ κατὰ τῆς θαλάσσης.*

⁷ О широком знакомстве Продрома с сочинениями греческих романистов см.: *O. Häger. Op. cit.*, p. 7 sq.

цена возможность, что имя Панфия тоже было заимствовано Продромом у Евматия, а не из «Левкиппы и Клитофонта». Очевидно, из Евматия заимствована и пиршественная сцена, где подробно описывается расположение сотрапезников за столом.

Th. Pr., II, 97:

Ἦνω μὲν αὐτὸς εἰς κορυφαῖον θρόνον
ὁμοῦ καθέσθεις τῷ φίλῳ συνεμπόρῳ // εὐθὺς
δ' ὑπ' αὐτοῦς δεξιὰ Μυρτιπνόη, // καὶ δὴ
μετ' αὐτὴν ἡ Ῥοδάνθη, καὶ τρίτη // Μυρ-
τιπνόης παῖς, παρθένος Καλλιχρόη. // τὰ
δ' ἔνθεν ἡμεῖς ὑπὸ τὸν Στρατοκλέα, // ἐγὼ
μετ' αὐτόν, καὶ κατωτέρω Δρύας. // τρίτος
δ' ὑφ' ἡμᾶς ναυτίλος Ναυσικράτης.
Οὕτω μὲν εἶχε τῆς καθέδρας ἡ θέσις.

Eum., V, 9, 3:

Ἐκ μὲν οὖν τοῦ τῆς περὶ τὸν κῆπον μέρους
τῆς τραπέζης πλευρᾶς πατὴρ ἐμὸς Θεμισ-
τεὺς καὶ μήτηρ Διάντεια καὶ τρίτος ἐγώ,
ὅλον ἀποθέμενος τὸ κηρύκειον· ἐκ δὲ θα-
τέρου Σωσθένης πατὴρ Ὑσμίνης, Πανδία
μήτηρ· καὶ μετὰ δὴ τὴν μητέρα τὴν
Ὑσμίνην ἡ τάξις ἐκάλεσεν· ἐγὼ γοῦν
καθ' αὐτόν τὴν τάξιν ἐπήνεσα καὶ ταύτης
ἐμαυτὸν ἐμακάρισα, τὸ πρᾶγμα κρίνων
οἰωνὸν αἰσιώτατον, καὶ αὐτῆς, ὃ φασὶ
γραμμῆς, εὐτυχεῖν ἐδόκουν τὸν ἔρωτα.

То, что образцом для Продрома был здесь роман Евматия, а не аналогичная сцена из Ахилла Татия (I, 5, 1—2), послужившая, как известно, Евматию источником, выдает встречающаяся в «Повести» и повторенная Продромом деталь — сочетание «третий/я — NN», которая отсутствует в «Левкиппе и Клитофонте»:

καὶ ἐπεὶ καιρὸς ἦν, συνεπίνομεν κατὰ δύο τὰς κλῖνας διαλαχόντες, οὕτω γὰρ ἔταξεν ὁ πατήρ· αὐτὸς καὶ γὼ τὴν μέσην, αἱ μητέρες αἱ δύο τὴν ἐν ἀριστερᾷ, τὴν δεξιάν εἶχον αἱ παρθένοι. Ἐγὼ δὲ ὡς ταύτην ἤκουσα τὴν εὐταξίαν, μικροῦ προσελθὼν κατεφίλησα τὸν πατέρα, ὅτι μοι κατ' ὀφθαλμοὺς ἀνέκλινε τὴν παρθένον.

Данные текстов, находящиеся в нашем распоряжении, позволяют сделать лишь гипотетические выводы. Однако, как мы попытаемся показать в другом месте, они вполне согласуются с просопографическим и титуловедческим материалом, согласно которому творчество Евматия Макремволита относится к концу XI — первой половине XII в.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

КАТАЛОГ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ ЛЕНИНГРАДСКИХ ХРАНИЛИЩ

Выпуск 8. Добавления, поправки и указатели

В число добавлений включены только рукописи ПБ и Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР; рукописи БАН не включены, так как в ближайшие годы моя ученица И. Н. Лебедева подготовит к печати каталог греческих рукописей БАН, куда войдут пропущенные мною рукописи.

Описания некоторых рукописей были пропущены по недосмотру, но были и другие причины. Так, фрагмент Евангелия VI в. был обнаружен среди книг БАН уже после выхода в свет первого выпуска моего каталога¹, а рукопись того же собрания Q № 12 стала доступной для исследования только после ее реставрации (выполнена в 1964 г.).

Ввиду того, что настоящий каталог выходил в свет в течение 10 лет отдельными выпусками, указателю предшествует перечень этих выпусков; вторую часть указателя составляет перечень всех описанных рукописей по местам их хранения.

Настоящим, восьмым, выпуском заканчивается мое описание греческих рукописей византийского времени, хранящихся в Ленинграде. В дальнейшем я надеюсь подготовить описания рукописей последующих веков, начиная с недатированных кодексов XV в.

Как во всякой работе, начатой много лет назад, я вижу в этом каталоге ошибки и пропуски, подчас ненужное подражание написанию рукописей (прежде всего стремление изображать буквенную цифирь прописными буквами); встречаются пропуски библиографических данных.

Смею все же надеяться, что моя работа выполняет свою задачу — дает достаточно полное представление о средневековых греческих рукописях Ленинграда.

За помощь в составлении этого каталога считаю приятным долгом поблагодарить ленинградскую группу византинистов, а также редакцию «Византийского временника» за предоставленную мне возможность печатать каталог выпусками в течении многих лет.

По независящим от меня обстоятельствам я не могла посвятить уже первый выпуск каталога (вышел из печати в 1959 г.) памяти своего учителя — Владимира Николаевича Бенешевича (1874—1943), замечательного ученого, основателя советской школы византинистов-палеографов.

Помню, как Владимир Николаевич, впервые показывая мне зимой 1935—1936 гг. греческие рукописи в Отделе рукописей Публичной библиотеки, говорил: «У меня нет учеников. Я стар и болен, мне недолго

¹ Впервые описан и опубликован И. Н. Лебедевой в статье: «Неизвестные фрагменты греческого евангелия из собрания Библиотеки Академии наук СССР». — «Палестинский сборник», XV (78), 1966, стр. 117—129.

осталось работать, но мне хочется передать эти рукописи знающему человеку. Хотите ли вы учиться у меня?»

Если при составлении этого каталога я хоть в малой степени оправдала надежды, которые возлагал на меня мой учитель, то этим я обязана именно ему, и это сознание — лучшая для меня награда.

Прошу всех, кто будет обращаться к моей работе, помнить, что она есть моя благодарная дань памяти Владимира Николаевича Бенешевича.

А. ДОБАВЛЕНИЯ

623а. Текст неизвестного содержания. Отрывок. VII в.

Пергамен. Унциал с наклоном вправо. Надстрочных знаков нет. В конверте.

5 крошечных обрывков пергамена, размер самого большого из них 4,5×5,5. Сохранились обрывки трех строк.

Читаются только обрывки слов: *προς κινδ...*, *ημερα...*

Собр. Н. П. Лихачева.

Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР, Архив, Западноевропейская секция. №45/669 (старый шифр III.M.1).

624. Восьмикнижие. X в. и XII в.

Пергамен, лл. 1 — 10, 17 — 22, 218 — 225, 324 — 338 написаны на бумаге без филиграней, XII в. Пергаменные листы написаны двумя писцами, бумажные — одним писцом. Имеются две небольшие заставки (л. 55 и л. 309). Инициалы увеличены и покрашены красной, зеленой и черной красками. Типы разлиновки I_{2в}, I_{26а} и т. п. Нумерация тетрадей не сохранилась, только на л. 16 об. помечен номер шестой. Имеются пометы к тексту, пробы пера и т. п. записи, из которых следует отметить запись на л. 217 об.: *Λείπει ἀπὸ τοῦ τέλους τῶν Ἀριθμῶν φύλλα εἰ (і?)*. Очевидно, эта запись была сделана в то же время, когда утраченные пергаменные листы были восполнены бумажными. Л. 135, половина которого была утрачена, восполнен А. И. Пападопуло-Керамевсом. Переплет — доски в тисненой коже с застежками, XVII—XVIII вв.

338 лл. 21,5×19,0 и 13,8×14,0. 23—25 строк.

Содержание: лл. 1—55. Бытие, XIX₂₁ — до конца; лл. 55—136 об. Исход; лл. 136 об.—175 об. Левит с начала до XX₄; лл. 176—211 об. Числа VIII₂₂ до конца; лл. 211 об.—273 об. Второзаконие; лл. 274—308 об. Иисус Навин IV₅ до конца; лл. 309 — 338 об. Судьи с начала до XVIII₃₁.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Rahlfs, Verzeichniss d. A. T., S. 231, 352, 375, индекс 630; Отчет ПБ за 1911 г., стр. 35 — 36.

Начало, конец и некоторые листы утрачены. Рукопись повреждена червями.

ПБ, греч. № 673.

625. Четвероевангелие. X—XI вв.

Пергамен. Минускул. Заставки и крупные инициалы рисованы золотом и красками. На лл. 1—3 письмо Евсевия к Карпиану и каноны, заключенные в красочные рамки. Мелкие инициалы золотые. 4 миниатюры: евангелисты Матфей, Марк, Лука, Иоанн. 35 тетрадей, нумерация которых сохранилась не полностью. Эта рукопись — единственная из известных мне греческих рукописей, в которой имеются репрезентанты, т. е.

маленькие инициалы, написанные писцом чернилами на тех строках, где позднее должны были быть нарисованы золотые инициалы: см., например, лл. 37, 88, 229, 233 и др. Тип разлиновки I_{29a}. В картонном переплете, XIX в. 285 лл. 19,9×16,0 и 12,4×8,0. 20 строк.

Как установлено Т. А. Измайловой (К вопросу об иллюстрациях рукописи греч. 210 Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — ВВ, 30, 1969, стр. 190), несколько листов из этой рукописи находятся в Смоленске.

Собр. Н. К. Николаидеса. Отчет ПБ за 1882 г., стр. 16—17; G r e g o r y, Textkritik d. N. T., S. 1196, индекс 2142; T r e u. Griech. HSS d. N. T., S. 81—82.

Л. 1 разорван.

ПБ, греч. № 210.

626. Беседа богословская. X—XI вв.

Пергамен. Минускул.

Обрывок листа. 33,2×8,5 и 22,0×5,5. Рукопись была написана в 2 столбца. 30 строк.

Содержит отрывок беседы на текст из Нового завета. В каждой строке сохранилось всего по два-три слова. Этот отрывок вpletен в конце Триоди XII в., см. описание № 393 (ВВ, т. XXIII, 1963, стр. 196).

Лист покрыт пятнами от сырости.

ПБ, греч. № 229, л. 119.

627. Беседа на тему о добродетелях и пороках. Отрывок. XI в.

Пергамен. Беглый минускул. Инициалы слегка увеличены. Листы вpletены в начале Евхология XIII в., описание см. выше, № 490 (ВВ, т. XXV, 1964, стр. 204).

2 лл. 15,2×11,5 и 14,1×9,8. 26 строк.

Текст отождествить не удалось. Начало: «... ναὶ τοῖς πάθεσιν ἀντεπιβούλευτον οὐ... / καὶ αὐτοπολέμιον», — конец: «Πολλὴ καὶ δυσκατάληπτος ἡ τῶν πνευματικῶν ποιηρία». Дальше несколько строк текста не читаются.

Собр. Антонина Капустина. Отчет ПБ за 1899 г., стр. 12.

Края листов обрезаны.

ПБ, греч. № 559, лл. 1—2.

628. Минейя на апрель и май. Отрывок. XI в.

Пергамен. Минускул. Имеются небольшие заставки, рисованные чернилами. На об. листа плохо сохранившаяся арабская помета. Лист вpletен в конце сборника житий и бесед XII в., описание см. выше, № 335 (ВВ, т. XXIII, 1963, стр. 181—182).

1 л. 24,5×18,0 и 20,5×14,5. 40 строк.

Содержит службы на 29 и 30 апреля и на 1 и 2 мая.

Собр. К. Тишендорфа. M u r a l t. Catalogue. . . , p. 53—54.

ПБ, греч. № 96, л. 91.

629. Триодь. Отрывок. XII в.

Пергамен. Небрежный минускул. Инициалы слегка увеличены и помазаны желтой краской. В картонном переплете XIX в.

2 лл. 27,0×19,5 и 24,5×19,0. 2 столбца. 41—42 строки. Содержит отрывок из великого канона.

Собр. К. Тишендорфа. M u r a l t. Catalogue. . . , p. 51.

Пергамен потемнел.

ПБ, греч. № 91.

630. Типик монастырский. Отрывок. XIII в.

Пергамен. Минускул. Заголовки написаны кармином. Листы не разноцветны. Нумерации тетрадей нет. В обложке.

6 лл. 13,4×10,3 и 9,0×5,5. 12 строк.

Начало: «... τῶν ὑδάτων πολλῶν θαυμαστοὶ οἱ μητεωρισμοὶ | τῆς θαλάσσης», — конец: «Τρεῖς εἰσὶν οἱ μαρτυροῦντες. | Εἰρήνη πᾶσι | ἐπὶ τῶν προηγίας | θέντων δώρων. | Κ(ὀρι)ς ὁ θ(ε)ς ἡμῶν ὁ ὑποδείξας. | † Ταύτη ἡ ἐρμηνεία τῶν | καλουμάτων τὴν προῖι ἁγιασθεὶς προεγράφη | εἰς τὴν λειτουργίαν τοῦ Χριστοστόμου».

Л. 6—6 об. чистый.

Собр. Н. П. Лихачева.

Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР, Архив, Западноевропейская секция.
№ 42/669 (старый шифр III.М.14).

631. Сборник бесед. Отрывок. 1303 или 1304 г.

Пергамен. Палимпсест, описание смытого текста см. выше, № 171 (ВВ, т. XVIII, 1961, стр. 271). Минускул. Имеется два небольших киноварных инициала. Листы не разноцветны. Из р-си Лавры Савы Освященного № 604. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

2 лл. 20,3×13,5 и 15,3×10,0. 30—31 строка.

Содержание: л. 1—1 об. Иоанн Златоуст. Отрывок из беседы περὶ σωματικῆς καὶ βιωτικῆς εὐπραγίας, ὅτι οὐδὲν ἐστὶν ἀνευ τῆς κατὰ Θεὸν ἀρετῆς. Название этой беседы приведено по указанию А. И. Пападопуло-Керамевса (Ίεροσ. Βιβλ., т. II, σελ. 608). Текст отождествить не удалось. Начало: «[εὐ]ταῦθα, ἵνα καὶ αὐτὸς ἡμᾶς ἐκεῖ διατρέψει», — конец: «ἵνα μετὰ πολλῆς αὐτὰ ἀπολάβωμεν τῆς ἀντιδόσεως, ... ἀμήν».

Лл. 1 об.—2 об. (Иоанн Златоуст?) Περί ὅτι διὰ τῆς μεταλήψεως τῶν θείων μυστηρίων τῷ κ(ορί)ῳ πν(ευματ)ικῶς ἐνοούμεθα. Эта беседа упомянута в числе Spuria et praetermissa. — PG, t. 64, col. 1529—1530. Обрывается на словах: «Τοῦτο χρυσοῦ φαεινότεραν τὴν ψυχὴν ποιεῖ τοῦτο ἐξεχούθη...»

Собр. Порфирия Успенского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 134.

ПБ, греч. № 347.

632. Пиндар. Олимпийские оды. I₂₄—XII. Вторая половина XIV в.

Филиграни бумаги: 1) ножницы, см.: Briquet. Les Filigranes. . . , N 3671, 3700—3701; 2) два меча, см. Мошин-Тралич. Op. cit., № 3353—3358; 3) шлем, знак неясный; 4) корона, несколько напоминает Briquet. Les Filigranes. . . , N 4756; 5) колокол (?), сохранилась только часть знака; 6) груша, напоминает Мошин-Тралич, № 4234; 7) трепало, см. там же, № 1711—1716. Курсив. Рукопись написана несколькими писцами. Нумерация тетрадей сохранилась от α' до η' (лл. 6—51). Рукопись сплетена из нескольких разных фрагментов. На полях рукописи и между строк имеются схилии, написанные черными и красными чернилами. В картонном переплете.

59 лл. 22,0×14,7 и 17,7×11,0. 10—13 строк.

Содержит Олимпийские оды I₂₄—XII включительно.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. См.: Н. С. Гринбаум. Ленинградская рукопись Пиндара. — В сб.: «Вопросы античной литературы и классической филологии». М., 1966, стр. 80—98 со снимком; автор предполагает, что эта рукопись представляет собой учебную тетрадь. Отчет ПБ за 1911 г., стр. 68—69.

Начало и конец утрачены.

ПБ, греч. № 699.

633. Тракта́т об исхождении св. духа. Отрывок. XIV в.

Бумага без филиграней. Минускул. Этот отрывок заключен в одном переплете с фрагментами двух других позднейших рукописей.

1 л. 21,8×14,5 и 16,3×10,0. 25 строк.

Начало: «Αἰτίος ἐστὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πν(εύματος), τοῦ μὲν γεννητῶς, τοῦ δὲ ἐκπορευτῶς», — конец: «Καὶ ὁ Νυσαῖος δὲ θεὸς Γρηγόριος ἐν τῷ περὶ θεωνομίας λόγῳ». Текст целиком не читается, отождествить его не удалось.

Собр. Сарафова. Отчет ПБ за 1895 г., стр. 87.

ПБ, греч. № 535, л. 8—8 об.

634. Четвероевангелие. XIV—XV вв.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы написаны тусклой красной краской. Три миниатюры: евангелисты Матфей, Марк и Лука. Тип разлиновки близок к типу I₂₆ a. 30 тетрадей, нумерованных писцом. На л. 249 запись писца: «Τέτρας μεγίστων καὶ κλεινῶν ἀποστόλων | εὐαγγελιστῶν τοῦ θεαν(θρώπου) λόγου | Ἠσαῖαν σκέποις με, τὸν ῥακενδύτην | τὸν τὴν δέλτον ταύτην σοι πεπονηχότι | ὡς ὄντες ἡγέτορες θ(εο)ῦ τοῦ λόγου | τῷ δ' ἐμῷ ὁμαίμωνι καὶ μονοτρόπῳ | τῷ τὴν ὕλην ταύτην σοι καταβαλόντι | τῷ ἐπονύμῳ Ἀνδρείας σ... οἰκέτῃ | βραβεύσας ὁμοῦ, ψυχὴν σ(ωτη)ρίαν». Переплет — доски в тисненой коже, подклеенные клочками бумажной рукописи.

249 лл. 12,5×9,0 и 8,6×5,8. 17—22 строки.

Собр. Антонина Капустина. G r e g o r y. Textkritik d. N. T., S. 1199, индекс e 2178; T r e u. Greich. HSS d. N. T., S. 176—178; Отчет ПБ за 1899 г., стр. 8.

Краски миниатюры повреждены.

ПБ, греч. № 540.

635. Ψαλτικὴ. Сборник богослужебный. Отрывок. 1434 г.

Бумага без филиграней. Минускул, типичный для певческих рукописей. Заголовки и инициалы написаны тусклой красной краской. Нотные знаки написаны чернилами и красной краской. По указанию господина Марселя Ришара, Париж, из рукописи Ватопедского монастыря на Афоне, № 1527². Лист наклеен на картон.

1 л. 20,5×13,3 и 15,0×10,0. 13—14 строк текста.

Содержит отрывок песнопения в неделю мясопустную Иоанна Кукузеля: Ἀναγραμματος φαλλόμενος τῇ κυριακῇ τῆς ἀπόκρεω εἰς τὸ· οἱ μοι μέλαινα ψυχὴ· τοῦ Κουκουζέλη.

Собр. Порфирия Успенского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 151; Thibaut. Monuments..., p. 140.

ПБ, греч. № 442.

636. Минея на июль. 1450 г.

Филиграни бумаги: 1) пожницы, см. B r i q u e t. Les Filigranes..., № 3670, 3689; 2) три горы, см. там же, № 11702 и т. п. Минускул. Заставки рисованы красками. Заголовки и инициалы написаны тусклой красной краской. Тетради нумерованы писцом, всего 19 тетрадей, причем в последней — 10 лл. На л. 147—147 об. запись писца: «† Συνδρομῆς ἐξόδου τε καὶ κόπου | τοῦτου ἱερέως γέγονων κῆρ | Γεωργί(ου) τοῦ ἐν τῇ μονῇ πέφυκ(εν) Παρασκευῆς ἁγίας. | Εἰληφ(εν) τέλος ἐκ χειρὸς οὗ | οὐκ ἴδεν τοῦ γράφον καὶ γράμ-

² См.: *Sophronios Eustratiades and Arcadios Vatopedinos. Catalogue of the Greek Manuscripts in the Library of the Monastery of Vatopedi on Mount Athos. Cambridge, 1924*, p. 238 («Harvard Theological Studies», t. XI).

μασιν, οὗτο βηβλίον μοναχοῦ | τὲ τάλενος Διονυσίου. | Οἱ δὲ ἀναγνησκωντες τοῦτο
ἐκ | πόθου ἰκετικ(ῶς) φέρω σοῖς | τὰ μὴ καταράσθαι. | Ἐν ἔτι, **ΣΔV** η—ω ἰνδ. ιγ' μη(νι)
μαῖω κε'». На л. 55 под небольшой заставкой приписан рукой XV—XVI вв.
отрывок: «Ἐπιστολὴ τὸν κ(υρίο)υ ἡμῶν Ι(ησο)υ Χ(ρίστο)υ αὐτῷ δε | ἡ ἐπιστολὴ
ἐπεμψῇ Εἰλούσαλι | μο υπο θ(εο)υ με. . ταῖτραδι· Πρό|λογος καὶ διήγοις του φοβαι-
ροῦ καὶ | φρηκτοῦ θαύματος» — всего 12 с половиной строк, крайне неразбор-
чиво и неграмотно написанных. Текст см.: A. Vassiliev. *Anecdota Graeco-*
Byzantina. Pars prior. Mosquae, 1893, p. 28—29.

На том же л. 55 и на многих других листах имеются пробы пера, записи
молитв (плохо читаемые), рисунки пером (богоматерь с младенцем, как-
кие-то святые, орнаментальные мотивы и т. д.). Переплет современный
рукописи, доски в красной коже, сохранились обрывки застежек. Ниж-
няя крышка переплета подклеена листом из бумажной рукописи XIII
или XIV в.; текст на этом листе не читается. На верхней крышке пере-
плета наклейка XIX в. с надписью: «XI. Mineo per giuglio. Scritto sopra
carta».

147 лл. 29,5×22,0 и 23,0×16,0. 2 столбца. 30 строк.

Собр. Сарафова. Отчет ПБ за 1895 г., стр. 82—83.

Рукопись повреждена червями и сыростью. Крышка переплета отор-
вана.

ПБ, греч. № 529.

Б. ПЕРЕЧЕНЬ НОМЕРОВ ОПИСАНИЙ ПО ВЫПУСКАМ КАТАЛОГА

- Вып. 1. Рукописи IV—IX веков. № 1—112: ВВ, XVI, 1959, стр. 216—
243.
Вып. 2. Рукописи X века. № 113—184: ВВ, XVIII, 1961, стр. 254—274.
Вып. 3. Рукописи XI века. № 185—297: ВВ, XIX, 1961, стр. 194—239.
Вып. 4. Рукописи XII века. № 298—426: ВВ, XXIII, 1963, стр. 166—204.
Вып. 5. Рукописи XIII века. № 427—455: ВВ, XXIV, 1964, стр. 166—
197; № 456—512: ВВ, XXV, 1964, стр. 184—211.
Вып. 6. Рукописи XIV века. № 513—556: ВВ, XXVII, 1967, стр. 273—
294; № 557—603: ВВ, XXVIII, 1968, стр. 238—255.
Вып. 7. Рукописи XV века. № 605—623: ВВ, 31, 1971, стр. 132—144.
Вып. 8. Добавления. № 623а—636: см. выше, стр. 110—114.

В. УКАЗАТЕЛЬ К КАТАЛОГУ РУКОПИСЕЙ ³

Аверкий и Елена, свв. 441
Авлавий 553
Авраамий, пресвитер 333
Авраамий, св. 441
Ἀγαλλιανός, гимнограф 618
Агапий, епископ 121, 553
Агафий, монах 333
Агафон, епископ 121
Агафон, монах, гимнограф 618
Агафон Κορώνης, гимнограф 618
Агафоник и дружина 389
Агиографический текст 164, 401
Адриан, папа 121, 553
Αἶρος, местность (?) 340
Αἶνος, местность 623
Акакий, св. 161
Акакий, иеромонах, ектlesiарх 579
Акафист 302

Акепсим, Иосиф и Аитал, свв. 242, 441
Акиндин, Питасий, Афтоний, Елпиди-
фор и Анемподист, свв. 242, 274,
283
Аколуф, св. 441
Албания 540
Александр, патриарх Константинополь-
ский 121, 511
Александр IV, папа 563
Александр, св. 612
Александр, Варвар и Аволоф, свв. 441
Александра, царица 441
Александрия 620
Алексей, иерей, гимнограф 618
Алексей I Комнин 311, 312, 454, 553
Алексей II Комнин 321
Алексей Комнин, сын Анны Комниной
и Никифора Вриенния 454

³ Указываются номера описаний.

Алексей Педиадит 454
 Алексиев Лука П., 1886 г. 237
 Алексий, патриарх Константинопольский 454, 456
 Алексий Аристин, канонист 454, 456
 Алипий, препод. 608
 Амида, г. 173
 Амира см. Мухамед II, султан
 Аммон, мних 121, 456
 Ἀμπελωκηπίωτης, гимнограф 618
 Амфилохий, епископ Иконийский 121, 334, 456, 553
 Апания, апостол 283
 Анастасий, патриарх Антиохийский 456
 Анастасий Синаит 186, 463, 564
 Анастасия Римлянка 248, 464
 Анастасия Узорешительница, св. 441
 Андрей, монах 634
 Андрей Критский 283, 441, 533
 Андрей Первозванный 241, 283, 334, 335
 Андрей Συγρός, гимнограф 618
 Андрей Юродивый 468, 620
 Ἀνδρείωμένος, гимнограф 618
 Андромак и Диодор, свв. 441
 Андроник Ἀγιοτριφονήτης 121
 Андроник Каматир 454
 Андроник Контостефан 454
 Андроник II Палеолог 515
 Анемподист, св. 274
 Ἀνεώτης, гимнограф 618
 Ἀνθής, иерей 311
 Ани, св. 441
 Анкирская митрополия 454
 Аппа Комнина 454
 Анна, супруга (?) Михаила Хониата 324
 Анна (?) 415
 Антиох, св. 441
 Антиох и Кириак, свв. 60
 Антиох, монах 125
 Антипатр, епископ Бостр 334
 Антоний, автор Пчелы 327
 Антоний, блаж. 565
 Антоний Великий 458
 Антоний, муч. 441
 Антонин Капустин, архимандрит 37, 52, 55, 140, 184, 190, 253, 273, 276, 311, 340, 356, 370, 383, 385, 457, 490, 497, 515, 536—537, 541, 544, 551, 559, 565, 571, 580, 582, 592, 596, 619, 620, 627, 634
 Ἀντώνιος Μανῖνος 340
 Антонина, св. 441
 Анфим, митрополит Амасийский 59
 Анхиал, г. 529
 Аполлинария, св. 441
 Аполлоний, св. 441
 Аполлос, св. 441
 Апомасар (Абу Ма'шар) 621
 Апостол 11—13, 25, 26, 32, 35, 36, 42, 68, 69, 85, 86, 93, 94, 106, 138, 159, 203, 215, 260, 264, 296, 297, 308, 310, 350, 373, 382—384, 454, 514, 517, 536, 571, 573
 Априцел (Ἀπριτζέλης), корреспондент Иоанна Апокавка 454
 Арабские рукописи и пометы 26, 39, 53, 54, 67, 112, 114, 199, 205, 233, 259, 268, 287, 325, 344, 355, 357, 369, 395, 402, 414, 442, 445, 449, 454, 463, 530, 533, 538, 628
 Аравия 553

Арефа и дружина, свв. 283
 Арий 75
 Аристид (?), XIX в. 329
 Аристин см. Алексий Аристин
 Арсений, св. 327
 Арсений ὁ Ἀτλός, иеромонах Кесиропо-тамского м-ря, 1388 г. 187
 Арсений Суханов 187, 461
 Арта, г. 454
 Артемон, св. 441
 Архипп 327
 Архипп, автор сказания о храме архистратига Михаила в Хонах 283
 Архипп, Филимон, Аполлоний, Александрий, Епихам, Онисим, свв. 441
 Аскланий и Иаков, свв. 441
 Астерий Софист 223
 Афанасий, иеромонах, XV—XVI вв. 358
 Афанасий, иеромонах, гимнограф 618
 Афанасий, монах Студийского м-ря 456
 Афанасий, архиепископ Александрийский 75, 121, 187, 247, 284, 327, 328, 456, 553, 565, 605
 Афанасий Афонский 420, 620
 Афингий 121
 Афиноген, епископ 60
 Афины, Национальная библиотека 364
 Афон 98, 187, 307, 312, 560
 Афрат, св. 441
 Африкан, автор генеалогии Христа 72
 Ахелой, г. 454
 Ахридская архиепископия 454
 Аэций из Амиды 173
 Barbarus, Franciscus 550
 Батрахомомахия 547
 Бенедикт, латинский епископ о. Кефалиния 454
 Бенефикий 553
 Бенешевич В. Н. 3, 31 примеч., 33, 46—48, 56, 57, 60, 63 примеч., 80, 94, 99, 113, 114, 117, 121 примеч., 130, 132, 136, 141, 143 примеч., 151 примеч., 155, 169, 176 примеч., 207, 212, 235, 246, 251 примеч., 264 примеч., 267, 325, 362, 364 примеч., 379 примеч., 396, 422 примеч., 429, 444, 474 примеч., 510, 522, 538, 554, 560, 587, 611, 612
 Берлин, Гос. библиотека 178, 212
 Беседа трех святителей 461
 Беседы, слова и поучения разные 14, 70, 141, 165, 166, 168, 169, 171, 236—239, 246, 327, 393, 404, 470, 471, 620, 626, 627, 633
 Богослужебные тексты разные 27, 28, 37, 41, 43, 52, 88, 95, 164, 166, 170, 183, 184, 257, 275, 280, 281, 309, 345, 400, 402, 432, 463, 504—507, 532, 597, 635
 Болгария 38, 242, 578
 Болгарские рукописи и пометы 38, 138, 183, 491, 566
 Борис (Μπορίς) 548
 Босния 208
 Босра, г. 259
 Бриллиантов А. И. 404
 Бычков И. А. 18 примеч., 456 примеч.
 Вавила, архиепископ Антиохийский 283
 Варадат, св. 441
 Варвар, св. 441

Варвара, св. 325, 334
 Варлаам и Иоасаф 243, 285, 336
 Варлаам Калабрийский 605
 Варнава, архимандрит м-ря св. Кли-
 мента 242
 Варфоломей, апостол 209
 Василид, епископ 553
 Василий, монах и пресвитер, владелец (?)
 р-си, 1057 г. 207
 Василий, монах, пресвитер, заказчик
 р-си, игумен м-ря Василия Вели-
 кого, 985 г. 118
 Василий, переплетчик, XV—XVI вв. 568
 Василий, архиепископ Патрский 461,
 463
 Василий II Болгаробойца 118, 195, 441,
 551
 Василий Великий 121, 187, 216, 217,
 232, 328, 350, 357, 397, 398, 414,
 424—426, 454, 456, 461, 464, 492,
 509, 553, 620
 Василий Калита, о. Левкада 454
 Василий Охридский, архиепископ Со-
 лунский 454
 Васильевский В. Г. 454
 Ватикан 18, 509
 Веглери Г. П., 1895 г. 258, 294
 Вела, г. 454
 Вена, Национальная библиотека 18
 Венеция 66
 Вениамин, владелец (?) р-си, XIII—
 XIV вв. 464
 Вениамин, иконом (м-ря Иоанна Бого-
 слова на о. Самос?) 472
 Венуст, монах 333
 Вереника, св. 441
 Веркович С. И., владелец р-си 138
 Веррия, г. 415
 Ветхий завет 2—6, 16, 32, 39, 40, 48, 52,
 62, 77, 114, 142, 143, 145, 165, 238,
 327, 406, 470, 472, 513, 555, 624
 Βοστώνη μέγα, εἰς τὸ Ταβ., село (?),
 1837 г., Фессалоникийская епархия 606
 Вкладная 1248 г. 242
 Влемидий, иерей и сакелларий 468
 Водиа, г. 454
 Возина, селение 458
 Воиифатий, св. 335
 Вотроты, г. 454
 Гавадий, епископ 121, 553
 Γαβαλάς, domestik, гимнограф 618
 Гавриил, иеромонах, владелец р-си 321
 Гаврилов И., фотограф, владелец р-си 411
 Гадательные записи 343
 Галактион и Епистима, свв. 242
 Гален 522
 Гана, г. 618
 Гардикия, г. 552
 Геласий, св. 441
 Γελέρι 'Αριανίτης, 1461 г. 540
 Геннадий, XIII в. 114
 Геннадий, архиепископ Новгородский 298
 Геннадий I, патриарх Константинополь-
 ский 121, 456, 553
 Георгий, св. 334, 441
 Георгий, св. (в Болгарии) 497
 Георгий, грамматик, XV в. 478
 Георгий, дисипат, корреспондент Иоанна
 Апокавка 454
 Георгий, епископ г. Химарра 454

Георгий, иерей, после 1380 г. 540
 Георгий, иерей 636
 Георгий, протопсалт из Ганы, гимнограф
 618
 Георгий Аргиропул, гимнограф 618
 Георгий Вардан, митрополит о. Керкира
 454
 Георгий Манасари 540
 Георгий Мезимери 454
 Γεώργιος πανάρης, domestik, гимнограф
 618
 Георгий Пахимер 553
 Георгий Пелагон, грамматик 615
 Георгий τοῦ Πωγιάτου 576
 Георгий Σγουρόπουλος, гимнограф 618
 Георгий Торник, магистр риторов 454
 Герасим, монах 424
 Герасим Палама, иеромонах, гимнограф
 618
 Герасим, Софрон, Иоасаф, Никита, свв.
 424
 Герман, архиепископ Синайский 320
 Герман I, патриарх Константинополь-
 ский 334, 618
 Герман II, патриарх Константинополь-
 ский 454
 Гермоген, св. 454
 Гильфердинг А. Ф. 242, 407, 432, 465,
 476, 568, 599
 Горианитис Никифор 454
 Горианитис Николай 454
 Грамматический трактат 615, 616
 Григори К.-Р. 20, 70, 256, 607 примеч.
 Григора Никифор 560
 Григориади, владелец р-си, 1900—1901 гг.
 306, 378
 Григорий, domestik, гимнограф 618
 Григорий, епископ Ново-Кесарийский,
 121, 456, 465, 553
 Григорий, иеромонах τοῦ Ἑνору, XIX в.
 427
 Григорий, монах, гимнограф 618
 Григорий, пресвитер 121
 Григорий IV, патриарх Антиохийский
 259, 287, 344
 Григорий, чудотворец 456, 465, 553
 Григорий Агратанский, св. 46, 241
 Григорий Критянин, писец, 1280 г. 447
 Григорий Назианзин 61, 121, 126—129,
 176, 187, 202, 218—220, 235, 298,
 328, 334, 392, 406, 454, 456, 463,
 464, 509, 522, 553, 556, 557
 Григорий Нисский 121, 130—132, 187,
 327, 328, 456, 464, 465, 553
 Григорий Палама 605
 Гринбаум Н. С. 632
 Грузинские рукописи 7, 10, 12—15,
 21, 22, 35, 36, 40, 43, 62, 311
 Грузия (Иверия) 284
 Γεωργίουπουλος Θ. Π., Кастория 508
 Гуаймарио IV, князь Салернский (Γουα-
 μάρι) 195
 Гурий, Самон и Авив, свв. 242
 Дабурий, монах 333
 Давид 'Ραϊδεστίνος (также ἐκ 'Ραϊδεστού),
 гимнограф и писец 618
 Далисанд, г. в Каппадокии 203
 Дамаск, г. 72
 Датированные рукописи 32, 41, 71—74,
 85, 104, 116—120, 184, 187, 193—215,

256, 310—325, 434—453, 514—546,
608—623
Девреесс Р. 599
Дигесты 551
Димитрий, св. 248, 283, 334, 454
Димитрий, архиепископ Болгарии 454
Димитрий, епископ Вотротский 454
Димитрий, митрополит Кизический 456
Димитрий Докиан, domestик, гимнограф 618
Димитрий Евгениот 454
Димитрий Керамевс 510
Димитрий Кидонис 605
Димитрий Палеолог, деспот Эпирский 352
Димитрий 'Ραϊδατινός, ἐκ 'Ραϊδατοῦ, гимнограф 618
Димитрий Торник 454
Димитрий (?) 415
Диодор, св. 441
Диодор Тарсский 121
Диоклетян, император 283
Дионисий, архиепископ Александрийский 121, 456, 553
Дионисий, митрополит Вифлеемский, 1844 г. 148
Дифтра см. Филипп Инок
Диоскур, муч. 441
Диррахий, г. 440, 454
Дмитриевский А. А. 31 примеч., 56, 186, 191, 296, 303, 458, 463, 494, 504, 533, 601
Докиан, domestик, гимнограф 618
Докиан, корреспондент Иоанна Апостол 454
Домн 121, 456
Домнин, пресвитер 333
Домнина, св. 441
Домнина, Вереника и Просдока, свв. 441
Донат Ливийский, св. 441
Дорофей, авва 133, 522
Дорофей, иеромонах, 1388 г. 187
Досифей, иеромонах, XVII—XVIII вв. 529
Драганов П. Д. 237
Драконтий, монах 333
Дринополь, г. 454
Δροβία (Δροβιανός?), местность в Эпире 329
Дубровский П. П. 5, 25, 46, 86, 94, 120, 157, 163, 195, 210, 224, 312, 349—350, 414, 450, 471, 488, 522, 599, 616
Дука 454
Евангелия 7—10, 18—24, 30, 31, 33, 34, 41, 53—56, 64—67, 70, 71, 73, 81—84, 87—92, 97, 103—111, 116, 118, 146—158, 179, 182, 194—199, 204, 208, 209, 212, 235, 249, 251—259, 261—263, 265—271, 276, 282, 288—296, 304—307, 313, 316, 321—323, 347, 349, 351—372, 375—381, 393, 405, 407—413, 431, 438, 439, 443, 445, 446, 448, 476—482, 484—488, 516, 523, 526, 529, 530, 542, 568, 569, 572—575, 585, 607, 625, 634
Евангелии, св. 441
Евбул 461
Евгений Булгарис 208
Евграф, св. 454

Евдоким, монах, владетель р-си, 1692 г. 311
Евдокия, императрица 454
Евлогий, авва 565
Евлогий Александрийский 456
Евпор, диакон 333
Еврипид 45
Евсевий Александрийский 441, 565
Евсевий Кесарийский 335, 357
Евсевий, Роман, Телетий, Харламп, Христина и др. в Никомидии, свв. 441
Евсевий (?) 191
Евстафий, митрополит Солунский 454
Евстафий Анкирский, св. 441
Евстафий, Агапий, Феопист и Феописта, свв. 283
Евстафий и Поликарп, свв. 441
Евстафий Плакида и дружина 334, 337
Евстратий и дружина 138, 335
Евтихий, патриарх Константинопольский 429
Евтропий, св. 441
Евфалий Александрийский 297, 514
Евфимий, архиепископ Грузии 284
Евфимий, диакон 333
Евфимий Афонский 420
Евфимий Великий 247, 284
Евфимий Малакис, митрополит Новых Патр 454
Евфимий Торник 454
Евфимий, чудотворец 441
Евфимия, св. 214, 283, 441
Евфросин, повар (патерик) 565
Евфросиния, св. 38, 283
Евхологий (см. также Служебник) 112, 463, 490, 617, 627
Египет 56
Екатерина, св. 241
'Εκλογαί 469
Елевферий, св. 441
Елена, св. 334
Елена, св. 441
Елена Κατελοῦσσα 623
Елисавета (?) 283
Епиктет 333
Епистима, св. 242
Епифаний Кипрский 334
Епихам, св. 441
Ерминигельд, св. 441
Ермолай, монах 333
Ернштедт В. К. 607 примеч.
Еротида, св. 441
Etymologicum Gudianum 462
Ефрем Сирий 38, 49, 134, 141, 207, 327, 334, 335, 518, 525, 565
Захария 283
Зикхий, игумен м-ря св. Николая в Ахелое 454
Зинон, св. 441
Иаков, апостол 283, 310
Иаков, архиепископ Болгарии 242
Иаков, иеромонах, владетель р-си, XVI—XVII вв. 565
Иаков, монах 456
Иаков Кирский 441
Иаков Нисибийский, св. 441
Иаков Новокрещенный 561
Иаков Перс, св. 241, 283, 608
Иасит, митрополит Эфесский 454

- Игнатий Богоносец 456
 Игнатий, монах, XIV в. 565
 Иерон и дружина, свв. 242
 Иерофей, патриарх Антиохийский, 1852 г. 259
 Иерусалим, г. 72, 274, 284, 454
 Иерусалим, Патриаршая библиотека 79, 128, 235, 406, 454, 622
 Измайлова Т. А. 625
 Илим, св. 441
 Илия, автор Пролога 441
 Иллюминированные рукописи (миниатюры и орнамент) 9, 18, 43, 47, 48, 56, 64, 66, 67, 71, 72, 76, 80—82, 87, 93, 96, 99, 102—104, 108, 111—113, 116—120, 132—134, 137, 144, 146—151, 156—158, 160, 175—177, 179, 185, 190, 195, 196, 198, 202—211, 213, 215, 218, 220—223, 230, 233, 235, 240, 243, 245, 248—255, 258, 259, 261, 263—265, 269, 274, 287—290, 295—297, 304—313, 322—331, 335, 339, 341—343, 346, 347, 349—352, 354, 355, 358, 359, 361, 362, 364, 374—378, 382, 383, 391—394, 397, 405, 407, 408, 412, 415, 419, 422—424, 441, 443, 448, 450, 458, 465, 476—479, 486, 491, 504, 505, 509, 513, 515, 524, 529, 567, 570—573, 575—577, 579—583, 585—587, 589—591, 594, 596, 598, 602, 605, 610, 619, 620, 623, 625, 634
 Институты 553
 Иоаким, игумен м-ря на о. Сим 472
 Иоаким II, патриарх Антиохийский, 1422 г. 259
 Иоанн, XIII в. 175
 Иоанн, архиепископ Гардикийский 454
 Иоанн, владелец р-си (?), XIII—XIV вв. 223
 Иоанн, ἡγούμενος ἐπὶ θυγατρὶ τοῦ ἱατροῦ Ἰωάννου Σχῆμα 440
 Иоанн, заказчик р-си, из г. Анхиала 529
 Иоанн, митрополит Евхаетский 454
 Иоанн, монах 415
 Иоанн, монах, логофет великой церкви, 1145 г. 316
 Иоанн, монах и пресвитер, заказчик р-си, 1054 г. 204
 Иоанн, монах и пресвитер 522
 Иоанн, патриарх, гимнограф 618
 Иоанн III, патриарх Иерусалимский 441
 Иоанн, поп, XV в. 478
 Иоанн, поп, ἄρχων τῶν ἐκκλησιῶν, гимнограф 618
 Иоанн, протоспафарий 195
 Иоанн в Руфинианах, св. 441
 Иоанн Александр Болгарский, царь 529
 Иоанн Апокавк, митрополит Навпактский 454, 552
 Иоанн Асень 529
 Иоанн Асень II 454
 Иоанн Богослов 234, 283, 334, 522
 Иоанн ὁ Βολανός 195
 Иоанн Гликис, гимнограф 618
 Иоанн Гостилопуло, г. Арта 454
 Иоанн Грамариот (Ἰωάννης ὁ Γραμαριώτης), владелец р-си (?), XIII—XIV вв. 217
 Иоанн Дамаскин 48, 210, 235, 618, 620
 Иоанн Златоуст 38, 44, 49—51, 74, 102, 119, 135, 138, 175, 177, 185, 188, 218, 221—228, 240, 242, 282—283, 311, 317, 329, 330, 334, 399, 405, 463, 466, 467, 528, 533, 564, 565, 631
 Иоанн Зонара 553
 Иоанн Каматир 621
 Иоанн Кастамонитис, Халкидон 454
 Иоанн Κλαδάς, гимнограф 618
 Иоанн Костомарис 454
 Иоанн Кукузель 491, 618, 635
 Иоанн Куцник, св. 334
 Иоанн Лампадарий, гимнограф 618
 Иоанн Ласкарис τοῦ Σορπαγάνου, гимнограф 618
 Иоанн IV Ласкарь 121
 Иоанн Лествичник 136, 163, 301, 331, 332, 427, 444, 490
 Иоанн Милостивый, св. 242, 283
 Иоанн Молчальник, св. 47, 441
 Иоасаф, монах, domestik Ватопедский, гимнограф 618
 Иоанн, монах 522
 Иоанн Оксит (Вальсамон), патриарх Антиохийский 553
 Иоанн V Палеолог 187
 Иоанн Папазоглу, 1595 г. 282
 Иоанн Полиботский, св. 441
 Иоанн Предтеча 50, 334
 Иоанн Протопсалт, гимнограф 618
 Иоанн, препод., в Руфинианах 441
 Иоанн Синайский 427
 Иоанн Σχῆμα 440
 Иоанн Скилица 553
 Иоанн Схоластик 121
 Иоанн Фракисийский, куропалат и великий друнгари 553
 Иоанн Цимисхий 551
 Иоанн Ἐτρός, гимнограф 618
 Иоанникий, св. 242
 Иоанникий, архимандрит, корреспондент Иоанна Апокавка 454
 Иоанникий, domestik, гимнограф 618
 Иоанникий, иеромонах Лавры св. Савы 284
 Иоасаф, монах, domestik Ватопедский, гимнограф 618
 Иоасаф, иеромонах, протосинкелл 620
 Иоасаф, царевич см. Варлаам и Иоасаф
 Иоасаф, монах, XIV в. (?) 424
 Иов 327
 Иоил (арабская помета XI в.) 233
 Иона, пресвитер, препод. 614
 Иона, пророк 614
 Иордан, диакон 333
 Иосиф, архиепископ Солунский 71
 Иосиф, владелец р-си (?) 463
 Иосиф, монах, XIV—XV вв. 448
 Иосиф, патриарх 334
 Иосиф Песнописец 429, 441
 Иосиф, св. 242, 441
 Иосиф Прекрасный 335
 Иосиф, Феодор и Исаакий Новокрещенные 561
 Иперихий, св. 441
 Ипполит Фивейский 240
 Ираклий, император 561
 Ирина, императрица, жена Андроника II Палеолога 515
 Ирина, императрица, жена Мануила I Комнина 454
 Ирина Γαβράς 209
 Ирмологий 189, 273, 403, 491, 519, 609

Исаак Ангел, император 454
 Исаак Комнин 456
 Исаак Месопотамит, владелец р-си 454
 Исаак Сирий (?) 565
 Исаакий Новокрещенный, св. 561
 Исаакий, Аполлос и Кодрат, свв. 441
 Исаия, авва 327, 565, 623
 Исаия, монах, XIII в. 242
 Исихасты 623
 Итальянские пометы 321, 355, 375, 478, 569, 576, 579, 592, 606, 636
 Иувентин, св. 441
 Иуда, апостол 310
 Иулиан, консул 121
 Иулиан, св. 284, 441
 Каждан А. П. 454 примеч.
 Каир, Патриаршая библиотека 9, 212, 530, 542, 612
 Калинин, архимандрит, XIII—XIV вв. 196
 Каллист, иеромонах, владелец р-си (?), XV—XVI вв. 329
 Каллист, монах, заказчик р-си, 1281 г., о. Родос 448
 Каматир, царский грамматик 454
 Καμπάνης, гимнограф 618
 Капетоплина и Еротиида, свв. 441
 Каппадокия 203
 Капсали Николо (Capsali Nicolo) 573
 Карин 333
 Карл II Анжуйский 450
 Карл Топиа (Θεόπιος) 540
 Кассиан, владелец р-си (?) 76
 Кастория, г. 329, 454, 508, Καταχής, domestik, гимнограф 618
 Каталий и Еало, свв. 441
 Каталог книг 533
 Катена 472, 513
 Κάτις ὁ Κοβρής, владелец р-си 355
 Κελαδηνός, гимнограф 618
 Керкира 454, 552
 Керланджик, владелец р-си, XX в. 602
 Кесария, г. 121
 Κεφαλάς 121
 Кефалиния, о. 454
 Киев, Гос. библиотека Украинской ССР 25
 Киндей, епископ Писидийский 441
 Кипр, о. 441
 Киприан, св. 187, 298, 327, 464
 Киприан, епископ Карфагенский 553
 Киприан и Иустина, свв. 283, 334
 «Кипрская Конституция» 563
 Кириак, отшельник 441
 Кириак, св. 60
 Кирилл, архиепископ Александрийский 121, 284, 456, 464, 565
 Кирилл, иеромонах, 1388 г. 187
 Кирилл Иерусалимский 141
 Кирилл Скифопольский 47
 Кирра, св. 441
 Клементины 229
 Клидоний, пресвитер 553
 Климент, епископ Римский 241
 Климент, иеромонах, заказчик р-си, игумен м-ря Константина и Елены, 1180—1183 гг. 321
 Климент Мономах 454
 Климент Охридский 566
 Κλοβας, гимнограф 618

Кодекс «N» (Codex Purpureus Petropolitanus, Сармисахийское Евангелие) 18
 Кодр, св. 441
 Кодрат, св. 441
 Коммелин Иероним 554
 Кондакарь 449
 Кондаков Н. П. 65, 167, 266, 293, 338, 413
 Константин, врач 454
 Константин, епископ г. Велы 454
 Константин, епископ Кастории 454
 Константин, поп, владелец р-си, XIV—XV вв. 593
 Константин 'Ασάνης, гимнограф 618
 Константин VII Багрянородный 327, 551, 553
 Константин VIII 195, 178
 Константин Великий 334, 335, 441
 Константин Γαβράς, иерей, гимнограф 618
 Константин Дука 454
 Константин Μαρούλας, гимнограф 618
 Константин Пигонит 454
 Константин Синадский, св. 441
 Константин Τοκοῦλη (?) 479
 Константин, брат Михаила Хониата 324
 Константин, 1399 г. 510
 Константин (?) 222
 Константинополь, г. (см. также Стамбул) 73, 81, 213, 258, 316, 358, 441, 443, 553, 603
 Κοντοπέτρης, гимнограф 618
 Копрый, св. 612
 Коптская помета 63
 Корби, Франция 86
 Кормчая Рязанская 456
 Корнилий, монах, гимнограф 618
 Корнут 548
 Корнут, св. 448
 Κοστάς 'Εμμανουήλ 'Ρεπανῆς (Смирна), XIX в. 368
 Костомыр, корреспондент Иоанна Апокавка 454
 Косьма, гимнограф 441
 Косьма, магистр 551
 Косьма Индикоплов 249
 Косьма Халкидонский, св. 441
 Косьма и Дамиан, свв. 242, 274, 283, 334
 Криптографические пометы 187
 Крит, о. 121
 Крылов Н. 113
 Ксения, св. 392
 Ксенос, протопсалт 618
 Ксенофонт, гимнограф 618
 Ксенофонт, жена его Мария и сыновья Аркадий и Иоанн, свв. 48
 Ксенофонт, монах, XIII в. 242
 Ксидолуксо, селение (?) 458
 Ксифилин, г. Вела, XIII в. 454
 Ксифилин, проездр Лакедемонии 454
 Куален (Coislin), герцог 46, 210, 312
 Купчая 440
 Курц Ед. 522
 Кустоды 450
 Кутмавица, селение 566
 Κύριος ῥωδῆακός 522
 Εὐνόου, протопсалт, гимнограф 618
 Лаврентий, domestik Ватопедского м-ря на Афоне 311
 Лавров П. А. 271, 411, 556, 566
 Лавсаик 456

- Лазарь, поп, умер 1599 г. 479
 Лазарь, св. 441
 Лакедемония 454
 Ламброс Сп. 512, 623
 Ларисса, г. 454
 Латинские рукописи и пометы 86, 174, 177, 195, 204, 215, 234, 255, 440, 450, 454, 456, 461, 468, 478, 540, 594
 Латины, полемика, с латинами 553, 563, 605
 Лебедева И. Н. стр. 109 примеч. 1
 Лев, архиепископ Болгарии 456
 Лев Монастириотис 454
 Лев Мудрый 137, 230, 441, 553, 618
 Левкада, о. 454
 Лейден, Университетская библиотека 5
 Лейпциг, Университетская библиотека 39
 Ленинград, Библиотека Академии наук СССР 138
 Ленинград, Институт народов Азии, б. Азиатский музей 259, 287, 344
 Ленинград, Музей города 254
 Ленинград, Музей Штиглица 364
 Лесбия, г. 242
 Ливия 121, 553
 Линдберг, библиотекарь Стокгольмской Королевской библиотеки 18 примеч.
 Линниченко И. А. 464
 Литой, епископ Мелитинский 121, 456, 553
 Литургия 447, 599
 Лихачев Н. П. 66, 135, 248, 261, 299, 302, 359, 426, 480, 481, 550, 574, 623а, 630
 Лобанов-Ростовский А. Б. 150, 339
 Лозинский М. Л. 18 примеч.
 Лонгин, монах, гимнограф 618
 Лонгин, ритор 240
 Лонгин, сотник, св. 217
 Лондон, Британский музей 18
 Лука, поп, владелец р-си 71
 Лука, евангелист 283, 334
 Лука Елладский 441
 Лука Новый Столпник 441
 Маврикий, св. и 70 воинов 441
 Мавроммати, владелец р-си 305
 Маврос Д. Н., граф, владелец р-си 554
 Максима, св. 441
 Макарий, авва 565
 Макарий, св. 559, 565
 Макарий Египетский 284
 Макарий, епископ Пафа 441
 Македоний, еретик 456
 Македоний, св. 441
 Македония 187
 Макремволит 454
 Макропул, гимнограф 618
 Максим, св. 441, 456
 Максим Исповедник 200, 231, 318, 327, 464, 562, 604
 Малахия, чернец, XIV—XV вв. 584
 Мамант, св. 187, 283, 441, 464, 509
 Мансветов И. Д. 441
 Μανουῖλος, гимнограф 618
 Мануил, иерей, гимнограф 618
 Мануил, иерей, после 1380 г. 540
 Мануил, деспот Солунский, 1388 г. 187
 Мануил, деспот Эпирский 454
 Мануил I, патриарх Константинопольский 454, 552
 Мануил Аргиропул, гимнограф 618
 Мануил I Комнин 316, 321, 454, 553, 621
 Мануил Κορώνης, гимнограф 618
 Мануил Лувр 454
 Мануил Мосхопул 66, 550, 616
 Мануил Орфанотроф, гимнограф 618
 Мануил Πλαγίτης, протосалт Солунский, гимнограф 618
 Мануил Фил 427, 464
 Мануил, Георгий, Лев, Марин, Петр и др. (числом 377), пострадавшие в Болгарии, 497
 Мануил, сын писца 536
 Мар (Марин, Марис), св. 441, 497
 Μαρ..., иеромонах 222
 Марин, пресвитер 333
 Марина и Кирра 441
 Мария, дочь Мануила I Комнина 321
 Мария Египетская 48, 302, 450, 454
 Мария, жена деспота Эпирского Феодора Комнина 454
 Мария, XIII в. 121, 242
 Марк, блаженный 565
 Марк, гимнограф 618
 Марк, евангелист 334
 Марк, исповедник 441
 Марк Евгеник, гимнограф 618
 Маркелл, св. 441
 Маркиан, император 121
 Маркиан, пресвитер 620
 Маркиан Кирский 284, 441
 Маркиан и Мартирий, свв. 334
 Маркиана, царица 441
 Марон, св. 441
 Мартирий, патриарх Антиохийский 121, 456
 Мартирий, поп, владелец р-си, 1536 г. 353
 Матрона, св. 242
 Маттеи Хр.-Фр. 461 примеч.
 Маттео (Madio, Maio), граф, владелец о. Кефалиния 454
 Матфей, евангелист 242
 Матфей Γαβράς, владелец р-си 601
 Матфей, иеромонах, игумен м-ря св. Николы των Τριποτάμων 615
 Медицинский текст, рецепты разные 173, 522
 Межевая запись 455
 Мелания 330
 Мелетий, автор космографии 472
 Менандр 1
 Менологий 37, 162, 598
 Меркурий, св. 241
 Месяцеслов Василия 441
 Метритопул, хартофилакс Никеи 454
 Милан, г. 450
 Мина, св. 242, 283, 334, 441
 Мина, Гермоген и Евграф, свв. 454
 Миней 28, 73, 99, 100, 161, 190, 201, 272, 385—391, 415—421, 429, 448, 493, 494, 496, 521, 535, 543, 545, 576—581, 595, 608, 612, 614, 628, 636
 Мисаил, священник, владелец р-си, 1901 г. 403
 Мистакидис Н. Г. из Эпира, владелец р-си (?) 329
 Митрофан, монах, владелец р-си (?), XV в. 477
 Митрофан, патриарх Константинопольский 511

- Михаил, епископ Стланицы 454
 Михаил, казначик р-си (?) 63
 Михаил, игумен Студийского м-ря, 1048 г. 200
 Михаил Акоминат 324, 454, 522
 Михаил Архангел 209
 Михаил Керулларий, патриарх 454, 553
 Михаил Ф. Лаплас из Эпира, владелец р-си (?) 329
 Михаил Малейн, св. 420
 Михаил Μυστάχωνος, гимнограф 618
 Михаил VIII (?) Палеолог 352
 Михаил Пселл 454, 552
 Михаил Синкелл 456
 Μῆχος Σαφός, XVI—XVII вв. 374
Монастыри
 Александро-невская лавра 205
 'Ανεῖα лавра, Олимп Вифинский 205
 св. Афанасия на Афоне лавра 25, 189, 312, 350, 596
 Богородицы ἐν τῷ δρόμῳ Γρεβένων 454
 Богородицы τοῦ Καλαβόνος 205
 Варлаамский в Метеорах 210, 363, 529
 Василия Великого 118
 Ватопедский на Афоне 95, 141, 169, 187, 311, 451, 453, 461, 499, 615 примеч., 618, 635
 Влантрон - Чауш, Солунь 205
 Влахернитиссы в г. Арте 454
 св. Георгия, 1852 г. 259
 св. Гроба в Иерусалиме 199, 206
 св. Дионисия на Афоне 256, 365, 474, 517, 523
 Дохиар 444, 446
 Еввергетидский 508, 565
 св. Екатерины на Синае 21, 43, 53, 56, 57, 62, 63, 65, 74, 88, 104, 113, 116, 136, 142, 149, 178, 183, 193, 197, 198, 200—203, 208, 209, 211, 220, 266, 277, 278, 297, 313, 315, 317, 319, 320, 325, 347, 395, 430, 435—439, 442, 449, 452, 454, 462, 466, 486, 489, 500, 519, 520, 524, 527, 528, 531, 535, 538, 552, 560, 587, 588, 617
 Есфигмен на Афоне 521
 Иверский на Афоне 621, 623
 Иоанна Богослова на о. Самос 472
 Иоанна Владимира в Албании 540
 Иоанна Лествичника метох 320
 Иоанна Предтечи Гюмиш-Ханэ на Черном море 81, 97, 257
 Иоанна Предтечи в Мунтиниче (Μουντινίτσα) 454
 Иоанна Предтечи Слепченский близ Прилепа 138
 Иоанна Предтечи τοῦ Φοῦροβ 326
 (Иоанна Предтечи?) на о. Патмосе 472
 св. Климента 242
 Константина и Елены в местности 'Ελλάδα 321
 Коптский (название неизвестно) 30
 Костамонидский на Афоне 196, 303, 373, 512
 Ксеноф на Афоне 322
 Ксиропотам 187
 Кутлумуш на Афоне 539
 св. Лазаря 441
 св. Мелетия и Иоанникия 184, 541
 Метеоро-Преображенский в Фессалии 76, 210, 310
 св. Михаила di Murano в Венеции 550
 св. Николая в Ахелое 454
 св. Николая τῶν Τριτοτάμων 615
 св. Павла скит 208
 τῆς Παναγίας τῆς ἐν Πορταῶν 282
 Пётра в Константинополе 309
 Русанский в Метеорах в Фессалии 472, 555
 Русский Пантелеймонов на Афоне 491
 Пантократора на Афоне 80, 346
 Пантократора в Константинополе 618
 св. Параскевы 636
 св. Савы лавра 39, 117, 119, 125, 131, 134, 152, 155, 158, 159, 171, 176, 194, 214, 215, 219, 233, 270, 284, 322, 323, 337, 362, 366, 369, 371, 379, 387, 390, 400, 412, 431, 433, 445, 458, 467, 469, 485, 487, 518—520, 525, 526, 533, 543—546, 567, 587, 607, 608, 610, 611, 613, 614, 631
 Симоно-Петрский на Афоне 386, 389, 396, 448, 475, 493, 494, 516
 Слепченский Иоанна Предтечи близ Прилепа 138
 Спасителя в Навпактской митрополии 454
 св. Спиридона келья 208
 Ставроникитский на Афоне 132
 Студийский 71, 200, 456
 Честного Креста в Иерусалиме 79, 115, 129, 174, 243, 244, 314, 318, 434
 М-рь в г. Арте (точнее неизвестен) 454
 М-рь на о. Сим (точнее неизвестен) 472
 Монфокон Бернар де 86, 120, 163, 349, 350, 450, 488, 616
 Москва, Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина 25, 138
 Москва, Гос. Исторический музей 25
 Москва, Библиотека университета 46
 Μοσχιάνας, гимнограф 618
 «Мудрость Менандра» 461
 Муралыт Е. 38, 47, 163
 Мухамед II, султан (Амира) 540
 Навкратий, игумен Студийского м-ря 456
 Навпактская митрополия 454, 552
 Нектарий, XVI—XVII вв. 565
 Неокастро (Νέος Κάστρον, Никастро), г. 540
 Нестор, св., епископ 441
 Несторий, еретик 456
 Нигрита, селение 458
 Низова, селение 458
 Никей, г. 454
 Никита 424
 Никита, св. 283
 Никита, епископ Ираклийский 557
 Никита, корреспондент Иоанна Апокавка 454
 Никита Маронейский 604
 Никита Мидкийский, св. 441
 Никита Хониа 454
 Никифор, иерей 620
 Никифор, иеромонах ('Ηθικός?), гимнограф 618
 Никифор, патриарх Константинопольский 417
 Никифор Влеммид 602
 Никифор Вотаниат 553
 Никифор Вриенний 454

- Никифор Григора 560, 605
 Никифор Ефассийский 441
 Никифор Каллист Ксанфопул 558
 Никифор Фока 420, 557
 Никифор, XIII в. 114
 Никодим, владделец р-си (?) 568
 Николаев, владделец р-си (?) XIX в. 75
 Николай, митрополит Керкирский 454
 Николай, XII в. 210
 Николай II патриарх 456
 Николай, сын писца 536
 Николай, XV—XVI вв. 415
 Николай Агиофеодорит, митрополит Афинский 454
 Николай Ἀσάνης, гимнограф 618
 Николай Мегалон, Νικόλλας τῷ Μεγάλῳ-
 ва (?), XIII в. 222
 Николай Мирликийский 140, 190, 565
 Николай Мистик, патриарх Константи-
 нопольский 441
 Николай II Романов 259, 287, 344
 Николаидес Н. К. 213, 283, 308, 328,
 333, 456, 625
 Никольский Н. К. 113
 Никомидия 441
 Никон, монах, гимнограф 618
 Никополь, г. 327, 553
 Νίκος Στρουθίος, XVI—XVII вв. 374
 Нил Синайский 115, 333, 565, 620, 623
 Новеллы 121, 551, 553
 Новые Патры, г. 454
 Новый завет 32, 95, 185, 250, 428, 483,
 489, 499, 514, 517, 555, 570, 573, 626
 Ной, проезд Тивериады, заказчик р-си 72
 Номоканон 37, 121, 174, 456
 Notitia episcopatum 553
 Νοῦδαρᾶ (Κουδαρᾶ)?⁴ 415

 Оксфорд, Бодлеянская библиотека 103,
 104, 114, 146, 454
 Октоих 279, 422, 442, 541, 595, 596
 Олимп Вифинский 205
 Омон А. (Omout Henri) 598
 Онисим св. 441
 Онуфрий, св. 565
 Онуфрий, пресвитер, Синай 489
 Орбельская Триодь 374 примеч.

 Павел, апостол 121, 187, 209, 310, 334,
 441, 456
 Павел, архимандрит 333
 Павел, игумен Евергетидского м-ря 508,
 565
 Павел, монах 333
 Павел Исповедник 242
 Павел Катотик 454
 Павел Латрский, св. 244
 Павел (?), XIII—XIV вв. — 222
 Паблин, консул 121
 Павсолиний, св. 441
 Παῦλος τοῦ Ροδῶνα (?), владделец р-си 549
 Пазаруди (?), селение 458
 Палестина 553
 Палимпсесты 4, 7, 10, 12—16, 21, 22, 27,
 28, 32, 35—41, 43, 44, 48, 52, 55, 59,
 62, 66, 69, 70, 80, 85, 88—91, 95,
 97, 98, 128, 137, 138, 140, 160, 163,
 164, 166, 169, 171—173, 180—184,
 225, 257, 260, 275, 276, 280, 281,
 346, 400, 405, 406, 419, 453, 457,
 470, 473, 479, 481—483, 489, 490,
 495, 498—500, 514, 532, 541, 550,
 579, 584, 585, 594, 598, 616, 631
 Παυαρέτης, гимнограф 618
 Панкратий, епископ Тавроменийский
 515, 612
 Παπαδημητρίου τοῦ Τριμήνη 348
 Пападопуло-Керамевс А. И. 30, 44, 90,
 91, 97, 115, 122, 123, 126, 130, 134,
 137, 144, 145, 154, 158, 160, 163,
 166, 176 примеч., 188, 192, 216—218,
 225, 226, 235, 236, 242, 255, 257,
 275, 285, 289, 326, 342, 360, 361, 382,
 397, 398, 401, 405, 408, 441, 468,
 482, 483, 498, 547, 548, 601, 607 при-
 меч., 611, 618, 624, 631, 632
 Папирус 11
 Παράφυλλα 92, 118, 191
 Паремейники 96—98, 178, 205, 257, 300,
 374, 582—583
 Париж, Национальная библиотека 5, 25,
 122, 199, 310, 347, 363 примеч.,
 598
 Πάροδος Ἐμμανουήλ, Смирна 82
 Парфений (?), владделец р-си (?) 458
 Пасхалия 117, 187, 534
 Патерики 198, 507, 508, 565, 567
 Патермуфий, св. 612
 Патмос, о. 18
 Πατρίδας, гимнограф 618
 Паф, г. 441
 Певческие р-си 189, 273, 277, 278, 280,
 301, 311, 319, 325, 387, 390—396,
 415, 420, 437, 451, 453, 491, 493—
 495, 498—500, 502, 512, 519, 524,
 527, 538, 539, 580, 591, 596, 603,
 618, 635
 Пелагия, св. 283, 334
 Пентаполь, г. 121, 553
 Пентикостарий 495
 Первая Юстиниана, архиепископия 578
 Переплеты 18, 73, 81, 118, 163, 179, 187,
 196, 204, 208, 213, 223, 233, 234,
 242, 252, 264, 282, 290, 292, 321,
 327, 329, 331, 341, 343, 344, 352, 355,
 358, 359, 375, 427, 448, 450, 458,
 461, 463, 476, 478, 479, 491, 533,
 557, 568, 569, 573, 576, 579, 583,
 590, 592, 594, 603, 616, 634, 636
 Перетц В. Н. 372
 Περίφημος (?) 618
 Петр, апостол 121, 209, 241, 334, 338,
 454, 456
 Петр, архиепископ Александрийский
 121, 241, 456, 553
 Петр Афонский 420
 Петр, митрополит Никейский 418
 Петр, монах и пресвитер, владделец (?)
 р-си, 1057 г. 207
 Петр, св. (в Болгарии) 497
 Петров, владделец р-си 509
 «Петров Синаксарий» 441
 Пиндар 632
 Пирей (?) 340
 Писцы
 Ἰ. Ἀνδρῆς, иерей 311

⁴ Очевидно, Κουδαρᾶ; см.: Порфирий Успенский. Путешествие в Метеорские и Осолилимпийские монастыри в Фессалии. СПб., 1896, стр. 181.

- Арсений, диакон, 1258 г., Синай (?) 442
 Василий, 891 г. 73
 Василий, иеромонах, 1180—1183 гг. 321
 Виссарион, XII—XIII вв. 425
 Герман, архиепископ Синайского м-ря, 1177 г. 320
 Герман, монах, 1054 г. 204
 Григорий Критянин 447
 Григорий, монах, XII в. 427
 Давид ὁ Ραϊβεστινός, гимнограф, 1430 г. 618
 Дионисий 636
 Иоаким, иеромонах, 1352 г. 533
 Иоаким 515
 Иоанн Кавалларитис, чтец 463
 Иоанникий Ἀγιοσάβιτης, 1352 г. 533
 Иоил 233
 Иона, монах, чтец, 1249 г. 441
 Иосиф, XIII в. 463
 Иосиф, XIV в. 599
 Исаия 634
 Марк, монах 521
 Матфей, иеромонах 615
 Мефодий, 1450 г. 623
 Мефодий Гемист 529
 Михаил, иерей, 1020 г. 195
 Михаил, монах, 985 г. 118
 Николай, IX—X вв. 112
 Николай, монах 208
 Николай Перегрин, 1249 г. 440
 Николай Студит 71
 Павел, иерей, 1199 г. 324
 Роман, 1033 г. 196
 Рос, иерей 617
 Сергей, монах 205
 Симеон, XVII г. 320
 Симеон Каллиандрос, 1281 г., о. Родос 448
 Соломон, диакон 63
 Стефанопул, XII в. 330
 Феодор, диакон 72
 Феодор, магистр 253
 Феодор, монах 1111 г. 312
 Феодор ὁ Βραυῆς, чтец, 1303 г. 515
 Феоктист, иеромонах, 1381 г. 541
 Фома τοῦ Βαρδολομεῖου 341
 Платон, игумен Студийского м-ря 71, 456
 Плут... женское имя, 1199 г. 324
 Пловдив, Народная библиотека 138
 «Повесть полезна от древнего писания сложена, воспоминания являюще преславно бывшего чудеси, егда Персы и варвары царствующий град облекоша бранию, иже и погибоша божим судом и искушени бывше, град же неврежен был молитвами пречистыя госпожа нашея богородица, и оттоле молебное поется благодарение неседалное, день той именуя» 302 примеч.
 Поговорки и т. п. 522
 Погодин М. П. 173, 181, 272, 327, 351, 584
 Поликарп, св. 441
 Полихроний, муч. 441
 «Порфириевская псалтирь» 72
 «Порфириевский сборник византийских документов» 454
 «Порфириевское евангелие» 71
 Порфирий Успенский 1, 2, 8, 9, 11, 19, 20, 24, 25, 31, 32, 41, 53, 63, 71, 72, 74, 76, 79, 80, 84, 85, 88, 95, 103, 112, 113, 115—117, 119, 125, 128, 129, 131, 132, 134, 141, 142, 146—149, 151, 152, 155, 158, 159, 168, 169, 171, 174, 176, 178, 180, 189, 193, 194, 197—203, 205, 206, 211, 212, 214, 215, 219, 220, 222, 231, 235, 240, 243, 244, 250, 251, 256, 269, 270, 274, 277, 278, 284, 297, 310, 313—320, 322—325, 330, 337, 346, 347, 354, 362, 363, 365, 366, 369, 371, 374, 379, 386, 387, 390, 393—396, 400, 406, 412, 415, 422, 431—442, 444—449, 451—454, 466, 467, 469, 474, 475, 485—487, 493, 494, 499—501, 510, 513, 514, 516—521, 523—532, 534, 535, 538, 539, 542, 543, 545, 546, 552, 555, 560, 567, 575, 586, 587, 603, 607—615, 617, 622, 623, 631, 635
 Правила апостольские 121, 312, 456, 553
 Правила вселенских соборов 558
 Прилеп, г. 138
 Приск, антипат Европы 283
 Пров, Тарасий и Андроник, свв. 217, 283
 Прокл, архиепископ Константинопольский 334
 Прокопий, великомуч. 334
 Пролог 242, 247, 324, 441, 536, 537
 Просдока, св. 441
 Прометей 548
 Профитологий 434
 Prochiron auctum 457
 Прохор, св. 334
 Псалтири 6, 17, 63, 72, 78—80, 113, 117, 120, 144, 172, 173, 181, 206, 211, 213, 287, 303, 315, 339—348, 393, 435, 452, 473—475, 511, 584—588, 602
 Псевдо-Дионисий Ареопагит 200
 Пурпурное евангелие IX в. 81
 Пчела 327, 562
 Радин-Склир 456
 Раймонд Медиоланский 450
 Ральфс А. (Rahlf's) 113
 Рейхлин Иоанн, владделец р-си 554
 Рецепты разные 458
 Рецепт изготовления чернил 620
 Ригопуло Стилиан, владделец р-си, 1912 г. 448
 Ришар М. (Париж) 256, 364 примеч., 386, 396, 444, 453, 615, 635
 Родос, о. 448
 Рожер II (1130—1154) 562
 Роман II, император 551
 Роман III Аргиропул, император 196
 Роман Диоген 454
 Роман Киликийский 441
 Роман I Лекапен 551
 Роман, св. 441
 Роман, Иаков, Филофей, Иперихий и дружина 441
 Романовы, русская императорская фамилия 259, 344
 Россия 121
 Русские р-си и пометы 98, 187, 585
 Русское Археологическое общество 311
 Руф, авва 565
 Руфиниан, епископ 121, 456
 «Рязанская Кормчая» 456

- Саблер В. К., владелец р-си 92, 118
 Сава, св. 284, 441
 Сава Готфин, св. 441
 Савин, муч. 441
 Саламан, св. 441
 Салерно, г. 195
 Самос, о. 472
 Сандрини, консул о. Сира 249
 Санкт-Петербургская духовная академия 92, 118, 196, 233, 258, 288
 Сарафов 28, 138, 221, 228, 252, 321, 355, 375, 478, 484, 569, 570, 576—579, 583, 588—591, 594, 605, 606, 633, 636
 Сардиния, о. 327
 Сармисахлийское Евангелие см. Кодекс N
 Сармисахлы, селение в М. Азии 18
 Сборник Святослава, 1073 г. 456
 Сборники 38, 48, 60, 76, 240, 248, 283, 302, 334, 335, 454, 457, 463, 522, 552, 553, 562—564, 605, 620—621, 628, 631
 Свида см. Суда
 Севастьян, св. 286
 Север 187
 Севериан, монах Студийского м-ря 456
 Сегье Пьер (Seguier), канцлер 210, 450, 522, 616
 Секст Эмпирик 621
 Селевк 121, 553
 Семь отроков Ефесских 533
 Сен-Жерменское аббатство 86, 120, 224, 450
 Сербия 578
 Сербские пометы 208
 Сергей, Спасский архим. 441
 Середий, авва 522
 Серры, г. 187
 Сильвестр, епископ 335
 Сильвестр, протопоп, владелец р-си 584
 Сим, о. 472
 Симеон, патрикий и протасикрит 551
 Симеон Ветхий, св. 441
 Симеон Врана 440
 Симеон Дивногорец 565
 Симеон Метафраст 232, 620
 Симеон Новый Богослов 559
 Симеон Стилит, св. 283
 Симмахий, комит 333
 Синай см. м-рь св. Екатерины на Синае
 Синайский кодекс 2, 3
 Синаксарь 274, 284, 497, 510, 546
 Συνήδα, епископия 553
 Synopsis basilicorum 123
 Сира, о. 249
 Сирийские р-си и пометы 15, 42, 112
 Сирия 565
 Сисиний, патриарх Константинопольский 553
 Сказание об акафисте см. Повесть по-лезна...
 Славянские пометы 537, 491
 Слепченский апостол 138
 Словари 138, 462, 549, 555
 Служебник (см. также Евхологий) 599
 Смирна, г. 82, 368
 Смоленск, г. 625
 Соборы
 Анкирский 121, 456, 553
 Антиохийский 121, 456, 553
 Гангрский 121, 456, 553
 Ефесский 121, 554
 Карфагенский 121, 456, 553
 Константинопольский первый 456
 Константинопольский второй 456
 Лаодикийский 121, 553
 Неокесарийский 121, 456, 553
 Никейский 121, 357, 456, 457, 553, 563
 Никейский Второй 121, 456, 553
 Сардикийский 121, 456, 553
 Трулльский 121, 124, 456, 457, 553
 Халкидонский 121, 456
 Солунь см. Фессалоника
 Сорок мучеников 302
 Сорпа, селение 458
 София, св. 441
 София, ум. 1652 г. 479
 Софокл 601
 Софрон, монах 424
 Софроний, иеромонах, 1757 г. 208
 Софроний, патриарх Иерусалимский 456, 458
 Спиридон Тримифунтский, св. 208, 245, 299
 Срезневский И. И. 38, 138
 Стамбул, г. 309
 Старые Патры, г. 454
 Стефан, первомуч. 246, 334
 Стефан Диакон 139
 Стефан Душан Урош IV 540
 Стефан Новый, св. 139, 241
 Στεφανίτης, гимнограф 618
 Стефан Панагиотис 508
 Стефан Фивейский 565
 Стихирари 90, 277, 311, 319, 325, 392, 437, 451, 453, 495, 498—501, 524, 527, 538
 Стланица, епископия (Σθλανίτζη) 454
 Суда (Свида) 138, 549
 Султанов Н. В. 424, 425
 Схеды, схедография 616
 Таблица степеней родства 553
 Тайнопись 195
 Τάξις μητροπολιτῶν 121
 Τάξις καὶ προκαθεδρίας ἀρίθμησης... 553
 Тарасий, патриарх 121, 553
 Тарасов Н. И. 424, 425
 Тахиграфия 195
 Телетий, св. 441
 Τζακνόπουλος, гимнограф 618
 Тибо Ж.-Б. 618
 Тивериада 72
 Тимофей, диакон 333
 Тимофей, епископ Александрийский 121, 456, 553
 Тимофей, патриарх 441
 Типики и уставы церковные и монастырские 314, 326, 433, 458, 459, 520, 544, 600, 630
 Титов В. П., русский дипломат 443
 Тишендорф К. 2, 4, 6, 7, 10, 12—17, 21—23, 26, 27, 29, 31, 33—36, 39, 40, 42, 43, 45, 47, 48, 50, 51, 54, 57, 58, 60—62, 67, 69, 70, 75, 77, 82, 85, 96, 101, 103, 104, 107—109, 114, 124, 133, 136, 143, 146, 161, 162, 178, 183, 229, 232, 234, 246, 260, 268, 281, 304, 334, 335, 345, 357, 367, 376, 418, 430, 462, 470, 472, 489, 495, 549, 585, 597, 628, 629
 Τίχουου, г. 187
 Тракта по церковной музыке 603

Трапезунт 87
Трапезунтская митрополия 265
Трапезунтское Евангелие 87, 265
Трей Курт (Teu) 448 примеч.
Τριανταφυλλα, женское имя 478
Триоди 57, 58, 101, 160, 277, 278, 320, 393—396, 423, 495, 502, 503, 512, 539, 589—594, 606, 610, 611, 626, 629
Трифон, св. 247
Троицкая А. Л. 233, примеч.
Троицкий И. Е. 258
Турии, Национальная библиотека 25
Тырнов, г. 529
Τύρνovo, селение 458
Τυρπίστη, селение 458

Фаддей, монах Студийского м-ря 456
Фалалей, св. 441
Фалассий, авва 163
Фалассий и Лимней, свв. 441
Φαρδιβούρης, гимнограф 618
Фарисмоним Декембрий 333
Фекла, св. 283, 334
Феодор, авва (Дорофей) 522
Феодор, магистр 253
Феодор 'Ανεώτης, гимнограф 618
Феодор Вальсамон 553
Феодор Ватапи 454
Феодор ὁ Γαβρᾶς, патрикий 209
Феодор, епископ τοῦ Τρεβενοῦ 454
Феодор Καλλιχράτις, domestik, гимнограф 618
Феодор Κατακαλῶν, domestik, гимнограф 618
Феодор Комнин, деспот Эпирский 454
Феодор Новокрещенный, св. 561
Феодор Παπικκ... , владелец р-си, XIII—XIV вв. 476
Феодор ὁ Πυρὸς 121
Феодор Студит 71, 233, 456, 619, 620
Феодор, епископ Тримифунтский 533
Феодор, пресвитер, св. 441
Феодор, XIII в. 242
Феодор, вкладчик р-си, XIV в. (?) 576
Феодора, императрица 81
Феодора Александрийская, св. 283
Феодора Ангелина 623
Феодора Мавродукена 454
Феодора Фокаитисса 623
Феодора, XIII—XIV вв. 222
Феодорит Кирский 122, 441
Феодосий, монах, владелец р-си (?) 207
Феодосий, патриарх Константинопольский 321, 454
Феодосий, патриарх Тырнова 529
Феодосий в Скопле, св. 441
Феодосий Декаполит, патрикий и квестор 551
Феодосий Киновиарх 327
Феодота, муч. 441
Феодул, монах, гимнограф 618
Феодула, муч. 441
Феокиста из Лесбии, св. 242
Феон, монах 333
Феона, Христофор и Антонина, свв. 441
Феофан, гимнограф 161, 441
Феофан Керамевс 562
Феофил, архиепископ Александрийский 121, 456, 553
Феофил, патрикий и квестор 551

Феофилакт, архиепископ Болгарский 448 примеч., 526, 529
Феофилакт Аргиропул, гимнограф 618
Φερεντάρ(ιος?), гимнограф 618
Фессалоника (Солунь) 187, 237, 330, 454
Θεσσαλονικεύς (?), гимнограф 618
Филимон, св. 441
Филипп, апостол 242, 334, 533
Филипп, иерей 191
Филипп Инок (автор «Диоптры») 430, 522
Филипп, Варфоломей и Мариамна, свв. 283
Филит и дружина, свв. 441
Филон Александрийский 461
Филофей, патриарх Константинопольский 560
Флавий Валентиниан III, консул 121
Флавий Евагрий, консул 121
Флавий Евхерий, консул 121
Флавий Феодосий XIII, консул 121
Флорилегий 463
Фока, domestik и лампадарий, гимнограф 618
Фока, св. 614
Фока, чтец 333
Фома, апостол 209, 234, 283, 334
Фома, монах, живописец из Дамаска 72
Фотий, патриарх 460, 597
Фотин, св. 441
Фракисийская фема 551
Франциск Барбар... 550
Фролов П., владелец р-си 553

Χαλιβούρης, гимнограф 618
Хараламп, св. 441
Химарра, г. 454
Хиона (?), Χιωνά, вкладчик р-си, XV в. 478
Хомнико, селение 458
Хрисогон, муч. 441
Христина, св. 441
Христул (?) 154
Христофор, епископ Анкирский 454
Христофор Митиленский 441
Христофор Μυστακίων, гимнограф 618
Хроника Псевдо-Дорофея Монемвасийского 185
Хронограф 461
Хронологические заметки 76, 120, 195, 468, 605
Хумн 454

Церетели Г. Ф. 112
Церковь Богородицы τῆς Ἐλεούσης 324
Церковь (?) св. Владимира 568
Церковь Воскресения в Тивериаде 72
Церковь Иоанна Владимира в Албании 540
Церковь (или монастырь?) Иоанна Предтечи, XIV—XV вв. 579
Церковь свв. Косьмы и Дамиана 576
Церковь архистратига Михаила, XIII—XIV вв. 196
Церковь (монастырь?) св. Николая. XVI—XVII вв. 569
Церковь св. Параскевы 321
Церковь св. Сергия, Вакха и Леонтия в Босре, 1344 г. 259
Церковь (монастырь?) св. Стефана 458

Часослов 436, 515
Чинопоследования 504, 505, 533

Шангин М. А. 187 примеч., 621
Шмерлинг Р. О. 14, 43

Экспостеларий 533

Экфонетические знаки 77, 83, 84, 87, 90—
94, 104, 105, 107—111, 116, 150, 151,
153—155, 157—159, 178, 194, 196—
198, 203, 212, 257—259, 264, 265, 267,
270, 288—290, 292—296, 305, 307,

322, 375, 378—381, 383, 446, 481,
485, 530

Эпир 329, 454
Эскуриал 448 примеч.

Юлиан Отступник 187, 454, 464
Юстин Философ 472, 553
Юстиниан I, император 121, 456

Ψαλτική 635
Ψρίτζης, гимнограф 618

Яннина, г. 454

Г. ПЕРЕЧЕНЬ ШИФРОВ ПО СОБРАНИЯМ ⁵

Государственная	греч. 26, смытый текст —	греч. 58, смытый текст —
Публичная	39 (позднейший текст —	163; текст 1424 г. — 616
библиотека,	арабский)	греч. 59 — 238
собрание	греч. 27 — 51	греч. 60 — 133
греческих	греч. 28 — 47	греч. 61 — 162
рукописей	греч. 29 — 58	греч. 62 — 114
	греч. 30 — 46	греч. 63 — 143
Греч. 2 — 2 (тут же —	греч. 31 — 57	греч. 64 — 120
греч. 259 и греч. 843)	греч. 32 — 94	греч. 65 — 175
греч. 3 — 5	греч. 33 — 104	греч. 66 и 66а — 121
греч. 4 — 6	греч. 34 — 82	греч. 67 — 249
греч. 5, смытый текст — 16;	греч. 35 — 107	греч. 68 — 304
текст VIII в. — 48	греч. 36 — 109	греч. 69 — 265
греч. 6, лл. 1—3 — 10;	греч. 37, смытый текст —	греч. 70, смытые тексты —
л. 4 — 13; лл. 5—6 — 12;	70 (тут же — греч. 45,	183 (позднейший текст —
лл. 7—12 — 7	смытый текст); текст	южнославянский и древ-
	XIII в. — 489 (тут же —	нерусский)
греч. 7 — 14	греч. 45, 110, 112)	греч. 71 — 195
греч. 8 — 15	греч. 38, смытый текст	греч. 72 — 208
греч. 9 — 26	VIII—IX вв. — 69;	греч. 73 — 210
греч. 10 — 23	смытый текст XI в. —	греч. 74 — 247
греч. 11 — 34	260; текст XIV в. — 597	греч. 75, смытый текст —
греч. 11а — 50	греч. 39 — 157	281; текст XIV в. — 535
греч. 12 — 31 (тут же —	греч. 40 — 83	греч. 76 — 223
греч. 278)	греч. 41 — 43	греч. 77 — 345 (тут же —
греч. 13, лл. 1—6, смытый	греч. 42, смытый текст — 4;	греч. 92)
текст — 21; лл. 7—10,	текст XIII в. — 470	греч. 78 и 78а — 224
смытый текст — 22	греч. 43 — 108	греч. 80 — 307
(позднейший текст —	греч. 44 — 67	греч. 81 — 300
грузинский)	греч. 45, смытый текст —	греч. 82, смытый текст
греч. 14 — 25	70 (тут же — греч. 37,	на лл. 26 и 27 об. — 280;
греч. 15 — 29	смытый текст); текст	смытый текст на
греч. 15b — 17	XIII в. — 489 (тут же —	лл. 240—241 — 164;
греч. 15d — 45	греч. 37, 110, 112)	текст XIII в. — 495
греч. 16 — 33	греч. 46 — 77	греч. 83 — 246
греч. 17 — 42	греч. 47—60	греч. 84 — 268
греч. 18, смытый текст —	греч. 48 — 61	греч. 85 — 229
36 (позднейший текст —	греч. 49 — 68	греч. 86 — 136
грузинский)	греч. 50 — 75	греч. 87 — 101
греч. 19, смытый текст —	греч. 51 — 96	греч. 88 — 430
35 (позднейший текст —	греч. 52 — 178 (тут же —	греч. 89 — 99
грузинский)	греч. 324)	греч. 90 — 376
греч. 20 — 86	греч. 53 — 81	греч. 91 — 629
греч. 21 и 21а — 87	греч. 54 — 103 (тут же —	греч. 92 — 345 (тут же —
греч. 22 — 54	греч. 282; обе рукописи	греч. 77)
греч. 23 — 40	по ошибке описаны	греч. 93 — 232
греч. 24 — 62	также под № 146)	греч. 94 — 334
греч. 25 — 105	греч. 55 — 150	греч. 95 — 234
	греч. 57 — 264	греч. 96 — 335; л. 91 — 628

⁵ После шифра р-си указан курсивом тот номер, под которым р-сь описана в каталоге.

- греч. 97 — 357
греч. 98 — 351
греч. 99 — 367
греч. 100 — 312
греч. 101, т. 1 — 349
греч. 101, т. 2 — 350
греч. 102 — 427
греч. 103 — 471
греч. 104 — 414
греч. 105 — 443
греч. 106 — 161
греч. 107 — 418
греч. 108 — 327
греч. 109 — 298
греч. 110, смытый текст — 27 (тут же — греч. 112, смытый текст); текст XIII в. — 489 (тут же — греч. 37, 45, 112)
греч. 111 — 488
греч. 112, смытый текст — 27 (тут же — греч. 110, смытый текст); текст XIII в. — 489 (тут же — греч. 37, 45, 110)
греч. 113 — 450
греч. 114 — 462
греч. 115, смытый текст — 181; текст XIV в. — 584
греч. 115а — 173
греч. 116 — 522
греч. 117 — 598
греч. 118 — 352
греч. 120 — 124
греч. 121 — 491
греч. 122 — 455
греч. 123 — 553
греч. 124 — 472
греч. 125 — 549
греч. 181 — 242
греч. 182 — 465
греч. 183 — 476
греч. 184 — 407
греч. 185 — 568
греч. 194 — 153
греч. 195 — 599
греч. 196 — 432
греч. 200 — 339
греч. 204 — 477
греч. 205 — 230
греч. 206 — 353
греч. 207 — 332
греч. 208 — 456
греч. 209 — 328
греч. 210 — 625
греч. 211 — 308
греч. 212 — 333
греч. 213 — 283
греч. 214 — 213
греч. 216 — 72
греч. 217 — 205
греч. 218 — 374
греч. 219 — 71
греч. 220 — 147 (по ошибке описано также под № 251)
греч. 221 — 148
греч. 222 — 316
греч. 223 — 354
греч. 224 — 250
греч. 225, т. 1 и т. 2, смытый текст VII в. — 32; смытый текст IX в. — 85; текст 1301 г. — 514
греч. 226 — 112
греч. 227 — т. 1—4 — 415
греч. 228 — 422
греч. 229 — 393; л. 119 — 626
греч. 230 — 394
греч. 231 — 510
греч. 232 — 207
греч. 233 — 330
греч. 234 — 222
греч. 235 и 235а — 529
греч. 240 — 441
греч. 243, т. 1 и т. 2 — 623
греч. 244 — 560
греч. 250 — 454
греч. 251, лл. 37—49 — 552
греч. 256 — 555
греч. 258 — 11
греч. 259 — 2 (тут же — греч. 2 и 843)
греч. 260 — 142
греч. 261, смытый текст — 128; текст XIII в. — 406
греч. 262 — 63
греч. 263 — 79
греч. 264 — 117
греч. 265, смытый текст — 80; текст XII в. — 346
греч. 266 — 206
греч. 267 — 211
греч. 268 — 315
греч. 269 — 347
греч. 270 — 474
греч. 271 — 475
греч. 272 — 531
греч. 273 — 586
греч. 274 — 587
греч. 275 — 9
греч. 276 — 20
греч. 277 — 19
греч. 278 — 31 (тут же греч. 12)
греч. 279 — 24
греч. 280 — 8
греч. 281 — 53
греч. 282 — 103 (по ошибке описано также под № 146)
греч. 283 — 116
греч. 284 — 152
греч. 285 — 155
греч. 286 — 149
греч. 287 — 194
греч. 288 — 197
греч. 289 — 198
греч. 290 — 199
греч. 291 — 209
греч. 292 — 212
греч. 293 — 84
греч. 294 — 151
греч. 295 — 431
греч. 296 — 269
греч. 297 — 313
греч. 298 — 322
греч. 299 — 323
греч. 300 — 366
греч. 301 — 363
греч. 302 — 365
греч. 303 — 371
греч. 304 — 270
греч. 305 — 362
греч. 306 — 379
греч. 307 — 158
греч. 308 — 439
греч. 309 — 445
греч. 310 — 446
греч. 311 — 448 (тут же БАН, собр. РАИК, № 76)
греч. 312 — 487
греч. 313 — 486
греч. 314 — 516
греч. 315 — 523
греч. 316 — 575
греч. 317 — 159
греч. 318 — 203
греч. 319 — 215
греч. 320 — 297
греч. 321 — 310
греч. 322 — 517
греч. 323 — 617 (тут же греч. 348)
греч. 324 — 178 (тут же греч. 52)
греч. 325 — 434
греч. 326 — 256
греч. 327 — 200
греч. 328 — 134
греч. 329 — 518
греч. 330 — 202
греч. 331 — 176
греч. 332 — 219
греч. 333 — 129
греч. 334 — 235
греч. 335 — 220
греч. 336 — 132
греч. 337 — 119
греч. 338 — 467
греч. 339 — 115
греч. 340 — 444
греч. 341 — 318
греч. 342 — 125
греч. 343 — 74
греч. 344 — 131
греч. 345 — 168
греч. 346 — 141
греч. 347, смытый текст — 171; текст XIV в. — 631
греч. 348 — 617 (тут же — греч. 323)
греч. 349 — 433
греч. 350 — 201
греч. 351 — 387
греч. 352 — 390
греч. 353 — 386
греч. 354 — 493
греч. 355 — 521
греч. 356 — 395
греч. 357 — 278
греч. 358 — 396
греч. 359 — 314
греч. 360 — 319
греч. 361 — 189
греч. 362 — 325
греч. 363 — 277
греч. 364 — 451
греч. 365, л. 1, смытый текст — 169; л. 2 смы-

тый текст — 95; текст XIII в. — 499
 греч. 366 — 524
 греч. 367, СМЫТЫЙ текст — 88; текст XIII в. — 500
 греч. 368 — 453
 греч. 369 — 501
 греч. 370, СМЫТЫЙ текст — 180; текст XII в. — 400
 греч. 371 — 519
 греч. 372, СМЫТЫЙ текст — 41; текст 1350 г. — 532
 греч. 373 — 274
 греч. 374 — 284
 греч. 375 — 324
 греч. 376 — 214
 греч. 377 — 244
 греч. 378 — 337
 греч. 379 — 243
 греч. 380 — 231
 греч. 381 — 193
 греч. 382 — 513
 греч. 383 — 76
 греч. 384 — 534
 греч. 385 — 174
 греч. 386 — 240
 греч. 388 — 1
 греч. 389 — 440
 греч. 390 — 435
 греч. 391 — 452
 греч. 396 — 438
 греч. 397 — 530
 греч. 398 — 542
 греч. 399 — 412
 греч. 400 — 607
 греч. 401 — 485
 греч. 405 — 320
 греч. 407 — 526
 греч. 409 — 525
 греч. 413 — 528
 греч. 414 — 466
 греч. 418 — 317
 греч. 419 — 447
 греч. 426 — 520
 греч. 427 — 494 (тут же

БАН, собр. Дмитриев-ского, № 31)
 греч. 428 — 535
 греч. 429 — 543
 греч. 430 — 614
 греч. 431 — 545
 греч. 432 — 608
 греч. 433 — 610
 греч. 434 — 613
 греч. 436 — 539
 греч. 437 — 611
 греч. 438 — 609
 греч. 439 — 437
 греч. 440 — 538
 греч. 441 — 527
 греч. 442 — 635
 греч. 445 — 622
 греч. 449 — 436
 греч. 450 — 442
 греч. 451 — 449
 греч. 454 — 546
 греч. 455 — 612
 греч. 456 — 567
 греч. 465 — 469
 греч. 489 — 615
 греч. 494 — 603

греч. 504 — 179
 греч. 509 — 252
 греч. 510 — 375
 греч. 511 — 355
 греч. 512 — 321
 греч. 513 — 478
 греч. 514 — 221
 греч. 515 — 228
 греч. 516 — 569
 греч. 517 — 570
 греч. 518 — 588
 греч. 519 — 589
 греч. 520 — 590
 греч. 521 — 606
 греч. 522 — 591
 греч. 523 — 576
 греч. 526 — 577
 греч. 527 — 578
 греч. 528 — 579
 греч. 529 — 636
 греч. 533 — 605
 греч. 534, лл. 1—2 — 484; лл. 5—7, 9—10 — 583; лл. 4, 8 — XVI в.
 греч. 535, л. 8 — 633
 греч. 537 — 18
 греч. 538 — 253
 греч. 539 — 356
 греч. 540 — 634
 греч. 541 — 370
 греч. 542 — 383
 греч. 543 — 571
 греч. 544 — 340
 греч. 546 — 515
 греч. 547, СМЫТЫЙ текст — 184; текст 1381 г. — 541
 греч. 548 — 596
 греч. 549 — 592
 греч. 550 — 582
 греч. 551 — 385
 греч. 552 — 580
 греч. 553 — 190
 греч. 554 — 497
 греч. 557 — 273
 греч. 559, СМЫТЫЙ текст — 52; текст XIII в. — 490; лл. 1—2 — 627
 греч. 565 — 544
 греч. 566, л. 1 об. СМЫТЫЙ текст — 55; лл. 10—12 и 28, СМЫТЫЙ текст VII в. — 37; те же листы, СМЫТЫЙ текст XI в. — 276; лл. 20, 27, 42, 81, 98—99, СМЫТЫЙ текст — 140; текст XIII в. — 457
 греч. 567 — 536
 греч. 568 — 537
 греч. 569 — 619
 греч. 570 — 620
 греч. 572 — 565
 греч. 574 — 559
 греч. 589 — 509
 греч. 637 — 271
 греч. 638 — 381
 греч. 639 — 123
 греч. 640 — 556
 греч. 641 — 566
 греч. 643 — 204

греч. 644, СМЫТЫЙ текст — 182; текст XIII в. — 479
 греч. 645, СМЫТЫЙ текст — 89; текст XII — XIII вв. — 419
 греч. 651 — 502
 греч. 653 — 564
 греч. 656 — 428
 греч. 658 — 399
 греч. 661 — 272
 греч. 662 — 145
 греч. 663 — 341
 греч. 664 — 411
 греч. 665 — 237
 греч. 666 — 154
 греч. 667 — 255
 греч. 668, СМЫТЫЙ текст — 44; текст XII—XIII вв. — 405
 греч. 669, лл. 1—35 и 51—52, СМЫТЫЙ текст — 275; лл. 36—50 и 53—67, СМЫТЫЙ текст — 97; текст XI в. и XII—XIII вв. — 257
 греч. 670 — 289
 греч. 671 — 326
 греч. 672 — 397
 греч. 673 — 624
 греч. 674, лл. 17—18 и 20—21, СМЫТЫЙ текст IX в. — 90; СМЫТЫЕ тексты X в. — 166; текст XIII в. — 498
 греч. 675, СМЫТЫЙ текст — 137; позднейший текст — XV в.
 греч. 676 — 217
 греч. 677 — 218
 греч. 678 — 216
 греч. 679, СМЫТЫЙ текст — 91 (тут же — греч. 767, СМЫТЫЙ текст); текст XIII в. — 482
 греч. 680 — 360
 греч. 681 — 188
 греч. 682 — 285
 греч. 683 — 245
 греч. 684 — 236
 греч. 685 — 192
 греч. 690 — 401
 греч. 691 — 226
 греч. 692 — 468
 греч. 693 — 382
 греч. 694 — 408
 греч. 695 — 342
 греч. 696 — 361
 греч. 697 — 398
 греч. 698 — 601
 греч. 699 — 632
 греч. 701 — 551
 греч. 712 — 160
 греч. 713 — 392
 греч. 714 — 30
 греч. 715 — 122
 греч. 748 — 547
 греч. 760 — 548
 греч. 766, лл. 9—10, СМЫТЫЙ текст — 225; текст XIII в. — 483

- греч. 767, смытый текст — Кирилло-Белозерская би- № 111 — 329
91 (тут же — греч. 679, б- № 112 — 177
смытый текст); текст Собрание Русского архео- № 115 — 301 (тут же —
XIII в. — 482 логического общества, № 192)
греч. 768 — 144 1 — 311 № 116 — 331
греч. 769 — 336 № 117 — 508, лл. 342—
греч. 770 — 130 343 — 507
греч. 773 — 392 № 131 — 403
греч. 775 — 93 № 147 — 239
греч. 776 — 156 Библиотека № 148 — 540
греч. 777 — 561 Академии наук № 153 — 562
греч. 778 — 563 СССР № 154 — 618
греч. 779 — 558 Собрание № 155 — 557
греч. 785 — 554 Русского № 192 — 301 (тут же
греч. 800 — 267 археологиче- № 115)
греч. 801 — 254 ского института № 193 — 380
греч. 811 — 458 в Константино- № 194 — 56
греч. 821 — 404 поле
греч. 823 — 504
греч. 835 — 49 № 1 — 309
греч. 836 — 279 № 3 — 110 (тут же —
греч. 837 — 78 № 67)
греч. 838 — 503 № 4 — 492
греч. 841 — 100 № 5 — 505
греч. 843 — 2 (тут же — № 6 — 423
греч. 2 и греч. 259) № 7 — 348
греч. 847, смытый текст — № 8 — 417
28; текст XIV в. — 594 № 9 — 343
греч. 848 — 126 № 10 — 506
№ 12 — 496
№ 13 — 595
№ 15, лл. 1—3, смытый
текст — 172; текст
XIII в. — 473
№ 16, лист на верхней
крышке переплета —
511
№ 67 — 110 (тут же № 3)
№ 69 — 227
№ 70 — 291
№ 71 — 305
№ 72 — 262
№ 73 — 263
№ 74 — 73
№ 76 — 448 (тут же — ПБ,
греч. № 311)
№ 76, листы на пере-
плете — 421
№ 77 — 377
№ 78 — 290
№ 79 — 306
№ 80 — 378
№ 81 — 294
№ 82 — 102
№ 83 — 358
№ 84 — 409
№ 85 — 368
№ 86 — 572
№ 87 — 573
№ 90 — 384
№ 92 — 583
№ 93 — 295
№ 94 — 388
№ 98 — 581
№ 101 — 602
№ 105 — 127
№ 106 — 165
№ 107 — 139
№ 108 — 286
№ 109 — 59
№ 110 — 282
- Собрание
Общества
любителей
древней
письменности
О 149 — 65
О 151 — 106
О 152 — 64
О 153 — 266
О 156 — 3
F 55 А — 424
F 55 В — 425
F 170 — 170
- Собрание Санкт-
Петербургской
духовной
академии
Б № 6 — 288
Б № 7 — 258
Б I № 2 — 196
Б I № 5 — 118
Б I № 5 листы у пере-
плета — 92
Б II № 11 — 233
- Прочие собрания
F.п.1.101 и 101а, смытый
текст — 138 (поздней-
ший текст — средне-
болгарский)
F.п.1.199, смытый текст — 98
(позднейший текст —
древнерусский)
- Собрание
иностранных
рукописей
F № 4 — 241
F № 5, лл. 4—5 — 413;
л. 6 — 338; л. 7 — 167;
лл. 8 и 8а — 293
F № 6, л. 3 — 429
F № 240 — 185
F № 259 — 460
Q № 1 — 461
Q № 9 — 187
Q № 10 — 464
Q № 12а — 593
O № 128 — 621
- Собрание
А. А. Дмитриев-
ского
№ 13 — 296
№ 19 — 463, лл. 78—81
об. — 186
№ 20 — 533, защитные
листы у переплета — 191
и 402
№ 27 — 600
№ 28 — 420
№ 29 — 410
№ 30 — 512
№ 31 — 494 (тут же —
ПБ, греч. № 427)
№ 32 — 303
№ 33 — 373
№ 35 — 389
№ 36 — 459
- Собрание
Никольского,
№ 3 — 113
Собрание
Срезневского № 72
(смытый текст) — 38
(позднейший текст —
славянский)

Ленинградское
отделение
Института
истории
Академии наук
СССР

39/669 — 135
40/669 — 111
41/669 — 481
42/669 — 630
44/669 — 480
45/669 — 623a
47/670 — 426

Архив, Западно-
европейская
секция

1/666, смытый текст — 66;
текст XIV в. — 550

10/667 — 359
34/669 — 574
35/669 — 299
36/669 — 302
37/669 — 248
38/669 — 261

Рукописный
отдел Института
народов Азии
Академии наук
СССР,
фонд арабской
графики

В № 1215 — 344
Д № 227 — 259
С № 868 — 287

Архив
Академии наук,
ф. № 118

Оп. № 1, № 143 — 369

Институт
русской
литературы
Академии наук
СССР,

архив $\frac{1.114.1}{(Q.188)} = 372$

Гос. Эрмитаж,
отдел искусства
Ближнего
Востока
Q № 1162 — 364

А. В. БАНК

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ВИЗАНТИЙСКИХ СЕРЕБРЯНЫХ
ИЗДЕЛИЙ X—XII вв.*

Трудности изучения памятников византийского прикладного искусства достаточно хорошо известны. Датированные экземпляры для послеиконоборческого периода уникальны, возможности их локализации еще более ограничены. Отдельные памятники, а порой и целые их группы определяются различными исследователями в достаточной мере субъективно. Нужно ли доказывать, что для подлинно исторического понимания любого явления необходимо пользоваться объективными критериями? К сожалению, для наших целей такие критерии пока нащупываются с большим трудом.

Вместе с тем, несмотря на исключительно неблагоприятные обстоятельства для сохранения образцов византийского прикладного искусства, обращает на себя внимание близость некоторых дошедших до нас экземпляров между собой. Речь идет не только об иконографической общности, но и о сходстве в принципах и отдельных деталях оформления. Характерным примером этого родства большой группы предметов, уже давно привлекавшего к себе внимание, являются ларцы, украшенные пластинками из резной слоновой кости с так называемым розеточным орнаментом¹. Наряду с этим наиболее заметным элементом декоративного убранства на них повторяются и другие, более мелкие — овы, треугольнички, растительные завитки и пр.

Любопытно, что такие излюбленные детали воспроизводятся и в более дешевом материале — в простой кости. Весьма вероятно, что в этом случае предметы² изготавливались не в Константинополе (которому убедительно приписывают производство ларцов из слоновой кости), а в провинциальных центрах и, по-видимому, несколько позднее «оригиналов».

В данном случае не приходится говорить о каноне, присущем религиозным образам, хотя, возможно, проблема канона не ограничивается этой сферой средневекового искусства. В общности элементов убранства ларцов из слоновой кости сказывалась традиционность ремесленного производства в феодальном обществе, его приверженность образцам, передача

* Некоторые положения этой статьи конспективно изложены в тексте лекции: Alice Bank. L'argenterie byzantine des Xe—XVe siècles. Classification des monuments et méthodes de recherches. — «Corsi di cultura sull'arte ravennate e bizantina». Ravenna, 1970, p. 335—347.

¹ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X—XIII. Jahrhunderts, Bd. I: Kasten. Berlin, 1930.

² A. Bank. Quelques monuments de l'art appliqué byzantin des IX—XII siècles, provenant, des fouilles sur le territoire de l'URSS durant les dernières dizaines d'années. — «Actes du XIIe Congrès international des études byzantines», III. Beograd, 1964, p. 14, fig. 1; В. Н. Даниленко. Некоторые итоги раскопок Херсонеса (1958—1964). — «УЗ Пермского гос. ун-та им. А. М. Горького», № 143. Пермь, 1966, стр. 80, рис. 4.

определенных навыков из поколения в поколение. Значение Константинополя как крупнейшего центра художественного ремесла определяло распространение выработанных приемов, а также образов и даже специфических орнаментальных элементов в провинциях, а порой и за пределами империи.

С подобной «серийностью» приходится встречаться и среди других категорий малых форм византийского искусства. Чрезвычайно схожие памятники отмечены среди камей³ и других изделий из камня⁴. Сходство бросается в глаза и при сопоставлении серебряных изделий. Автору этих строк уже приходилось указывать на такие факты при публикации памятников XI—XII вв., хранящихся в Эрмитаже⁵. Привлекаемый дополнительно материал позволяет ныне поставить проблему несколько шире и вывести некоторые заключения.

Если среди лапцев из слоновой кости нет ни одного экземпляра, на котором бы сохранились датирующие их надписи, то среди серебряных предметов до нас дошли отдельные образцы такого рода.

Следует отметить, что, в отличие от периода IV—VII вв., для X—XII вв. мы почти не располагаем памятниками светского назначения. В нашем распоряжении почти исключительно предметы культового характера: различного рода реликварии, оклады, диски, потиры и т. п. Они, как правило, отличаются не только от светских памятников, но и от большинства известных нам старых (VI—VII вв.) образцов церковного назначения. Резко меняются формы, принципы декоративного оформления, видоизменяется характер орнамента.

Отсутствие произведений иконоборческой эпохи, к сожалению, не позволяет установить исходные моменты нового художественного течения. Можно лишь предполагать, что любовь к полихромии, богатство цветочного орнамента, значительное место, которое занимает в композициях крест (конечно, известный и ранее), получили большой удельный вес именно в этот период.

Важнейшим памятником для понимания ряда других является знаменитая Лимбургская ставроотека⁶. На ней, как известно, сохранились надписи, упоминающие имя императора Константина Порфирородного и его сына Романа, а также имя Василия проедра — побочного сына Романа Лекапена, крупного исторического деятеля, жившего, согласно данным письменных источников, в середине X в.⁷

Оформление Лимбургской ставроотеки имеет ряд характерных элементов: на ее лицевой крышке (рис. 1) представлены исполненные в технике перегородчатой эмали фигуры Христа, Богородицы, архангелов и Иоанна Предтечи — одна из первых композиций Деисуса в прикладном искусстве⁸.

³ А. В. Банк. Несколько византийских камей из собрания Государственного Эрмитажа. — ВВ, XVI, 1959, стр. 214—215, табл. II, 2; H. Wentzel. Die Kamee mit dem hl. Georg im Schloss zu Windzor. — «Festschrift Friedrich Gerke». Baden-Baden, 1962, Abb. 2, S. 104; *idem*. Die Kamee der Kaiserin Anna. — «Festschrift Ulrich Middeldorf». Berlin, 1968, Taf. I, 1, 3, 4.

⁴ А. Банк. Quelques monuments de l'art appliqué byzantin, p. 14—17; А. Банк. Quelques problèmes des arts mineurs byzantins au XIe siècle. — «Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies». London, 1967, p. 237—239.

⁵ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. — ВВ, XIII, 1958, стр. 211—221; ВВ, XIV, 1958, стр. 234—242; см. также: W. F. Volbach. La stauroteca di Monopoli. Roma, 1969.

⁶ J. Rauch. Schenk zu Schweinsberg und H. Wilm. Die Limburger Staurothek. — «Das Münster», VIII, 1955, Heft 7/8, S. 201—240; D. Talbot Rice. The Art of Byzantium. London, 1959, p. 124—125, pl. X.

⁷ J. Rauch. Op. cit., S. 205—218. За содействие в получении фотографий работы М. Хирмера приношу большую благодарность г-ну В. Эльберну (Берлин — Далеми); Ch. Diehl. De la signification du titre de «proedre» à Byzance. — «Melanges offerts à M. Gustave Schlumberger», I. Paris, 1924, p. 105—110.

⁸ K. Weitzmann. Byzantine Miniature and Icon Painting in the Eleventh Century. — «Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies»,

На других пластинках попарно расположены апостолы. Эмали разделены характерными решеточками, состоящими из гнезд, заполненных стекловидной пастой. Вся остальная, большая часть лицевой крышки ставротки является как бы сложным, многочастным обрамлением деисусной композиции. В его составе видное место занимают розетки, образованные оправленными камнями и заключенные в уже знакомые нам решетчатые обрамления, и продолговатые пластинки с такими же кабошонами и жемчужинами, украшенные филигранью. По краю тянется надпись, великолепно исполненные буквы которой играют и декоративную роль. Под выдвинутой крышкой, вокруг крестообразного углубления (предназначенного для помещения креста) расположены выполненные в технике перегородчатой эмали фигуры архангелов и ангелов в рост, херувимы и серафимы; исполненные эмалью полосы около перекрестия и у нижнего конца креста заполнены розетками со стилизованным цветочным орнаментом, как бы распавшимся на отдельные элементы, — черта, характерная для рассматриваемого периода и отмеченная на миниатюрах⁹. На боковых стенках Лимбургской ставротки находится исполненный чеканом растительный орнамент в виде вертикально расположенных виноградных листьев (рис. 2). Листья сложного рисунка трактованы пластично; орнамент — единый, но в известной степени и расчлененный окаймляющими полупальметками с загнутыми навстречу друг другу концами. Живая виноградная лоза, столь характерная для памятников V—VI вв., здесь заметно видоизменилась.

На оборотной стороне ставротки изображен шестиконечный процветший крест на ступенях (рис. 3); на его концах умеренно орнаментированные кружки и «слезки». Поверхность креста заполнена чередующимися овалами и четырехугольниками, заключающими крестообразно расположенные мелкие кружки; такие же жемчужинки помещены по углам, между фигурами. На поле сверху две шестиконечные звезды как бы уравнивают листья аканфа. Крест стройных пропорций. Детально разработанные листья аканфа хотя и стилизованы, но сохраняют реальные черты.

Столь детальное описание убранства Лимбургской ставротки приводится потому, что почти все составляющие его элементы находят аналогии (в большинстве случаев трансформированные) на других памятниках, не имеющих таких же объективных данных для их датировки.

Принцип расположения эмалей на крышке совпадает с принципом их расположения в группе, выделенной Д. П. Гордеевым из числа эмалей, украшающих прославленный Хахульский складень¹⁰; лишь центральная фигура Христа здесь заменена Богоматерью, сидящей на троне сходной формы, и соответственно предостоят ей лишь одни архангелы. Эмали обрамлены в данном случае низкими жемчуга. Зато решетчатые обрамления со стеклянной пастой или камнями сохранились на целом ряде других памятников. Этот видоизмененный прием перегородчатой инкрустации (восходящий к оформлению ювелирных изделий варваров Северного Причерноморья) в более близком к его истокам виде применен на Мартвильском триптихе, который грузинские исследователи относят к VIII—IX вв.¹¹

р. 222—223; В. Н. Лазарев. Три фрагмента расписных эпистилиев и византийский темплон. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 171—173; К. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeine eines Bamberger Graduale und ihre ursprngliche Verwendung. Studien zur Buchmalerei und Goldschmiedekunst des Mittelalters. — «Festschrift K. H. Usener». Marburg an der Lahn, 1967, S. 11—20.

⁹ К. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts. Berlin, 1935, Abb. 106—108, 112, 145; Alison Frantz. Byzantine Illuminated Ornament. — «Art Bulletin», XVI, 1934, pl. VII, 10—17; VIII, 3—8; IX, 12 и др.

¹⁰ Д. Гордеев. К вопросу о разгруппировании эмалей Хахульского складня. — «Мистецтвознавство». 36. 1-й Харківської секції науково-дослідчої катедри мистецтвознавства. Харків, 1923, стр. 147—165.

¹¹ G. Tschubinaschwili. Ein Goldschmiedetriptychon des VIII—IX. Jahrhunderts aus Martvili. — «Zeitschrift fur bildende Kunst», Bd. 64, 1930, S. 81—87; Chalva Ami-

Мартвильский складень в свою очередь, сходен по размерам и форме, а также по решетчатому обрамлению с сильно переделанными фламандскими мастерами складнями из собрания Ставело (ныне в Pierpont Morgan Gallery)¹² и с хранящимся теперь в Эрмитаже триптихом из Сайднайского монастыря¹³.

Решеточки, заполненные пастой, занимают очень большое место в украшении целой группы весьма близких друг другу реликвариев, находящихся в Эрмитаже, в сокровищнице Сан-Джованни ин Латеране и в монастыре Мариенштерн в Саксонии (рис. 4)¹⁴. Их роль здесь по сравнению с Лимбургской ставротеккой возрастает: они не только окружают медальоны (некогда заполненные эмалями) на створках снаружи и внутри, на выдвинутой крышке и около вместилища с крестом, но и обрамляют все детали убранства всех частей ставротекки. Выработанный прием получает, таким образом, дальнейшее развитие, им несколько злоупотребляют, и это дает основание не только для сопоставления всех перечисленных предметов с Лимбургской ставротеккой, но и для отнесения их к более позднему времени, а именно: к XI в.

Любопытно, что в дальнейшем, и скорее всего в провинциальном западном центре, была обработана задняя стенка хранящегося в Монополи реликвария, на которой окаймляющие крест решеточки попросту превратились в орнамент¹⁵.

Датировка трех сходных реликвариев XI в. подтверждается, как мы полагаем (в противоположность мнению А. А. Фролова, относящего их к XII в.¹⁶), эволюцией и других декоративных элементов. На оборотах этих реликвариев, так же как на исходном памятнике, представлены процветшие кресты. Все они не шести-, а четырехконечные, менее стройные, и лишь на одном — из Сан-Джованни — сохранился как бы рудимент ступеней. Листья аканфа претерпевают дальнейшую стилизацию, особенно заметную на том же римском экземпляре. Вместо звезд на поле даны круги с буквами: IC XC; на перекрестии и по концам крестов — розетки в медальонах (схожие с розеточным орнаментом на ларцах и других изделиях из слоновой кости)¹⁷.

Процветший крест часто изображается на обороте серебряных окладов и реликвариев. На некоторых, как на упомянутом реликварии из Монополи или на другом — из Лувра¹⁸, ступени переданы предельно условно, а листья — очень сухо (помимо прочих на реликварии из собрания Жюкур)¹⁹. На складне из Шемокмеди аканф передан более живо, схоже с памятниками X—XI вв.²⁰

rapachvili. Les émaux de Géorgie. Paris, 1962, p. 25—27; III. Амиранашвили. История грузинского искусства. М., 1963, вклейка между стр. 256 и 257, стр. 262—263.

¹² (Marvin C. Ross). Early Christian and Byzantine Art. Baltimore, 1947, № 530^a—530^b, p. 109, pl. LXX—LXXI.

¹³ А. В. Банк. Византийский складень с перегородчатыми эмалями из Сайднайского монастыря. — ПС, 19 (82), 1969, стр. 177—182.

¹⁴ А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.—М., 1966, № 196—198, стр. 312—313; *её же*. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. — ВВ, XIII, стр. 211—221, рис. 1—7; Prinz Johann Georg. Eine Staurothek im Kloster Marienstern. — Monatshefte für Kunstwissenschaft, VIII (1914), S. 249—250, Abb. 49—50.

¹⁵ А. Lipinsky. Oreficerie bizantine dimenticate in Italia. — «Atti del I Congresso Nazionale di Studi Bizantini. Ravenna, 23—25 maggio 1965». Faenza, 1965, tav. XXV, fig. 2; W. F. Volbach. Op. cit., tav. II, 4.

¹⁶ А. Frolov. La relique de la Vraie Croix. Paris, 1961, p. 429—430; 373—374.

¹⁷ А. Goldschmidt und K. Weitzmann. Op. cit., Bd. I. Berlin, 1930; Bd. II. Berlin, 1934, N 33, 41, 60, 72, 78, 197.

¹⁸ W. F. Volbach. Op. cit., tav. II, 4; D. Talbot Rice. The Art of Byzantium. London, 1958, pl. 166.

¹⁹ А. Frolov. Op. cit., N 435, p. 376; А. Frolov. Les reliquaires de la Vraie Croix. Paris, 1965, fig. 56.

²⁰ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия. — ВВ, XIII, стр. 218, рис. 9.

По характеру исполнения аканфа, так же как и по другим деталям, дошедшие до нас образцы византийского художественного серебра можно расположить в определенном порядке, без уверенности, однако, будет ли он указывать на эволюцию во времени или в некоторых случаях на разные центры производства. Такое сомнение не возникает при рассмотрении тех предметов, для которых характерно решетчатое обрамление, тем более что они соприкасаются друг с другом и по ряду других черт.

Так, вместо узенького скромного обрамления Лимбургской ставроотеки, на трех вышеописанных реликвариях имеется широкая рамка, состоящая из двух рядов цветочного орнамента, весьма распространенного в византийской миниатюре X—XII вв.²¹ Тот же орнамент, покрывает поверхность крестов на экземплярах из Эрмитажа и из монастыря Мариенштерн; несколько иной, но также типичный для миниатюры и чеканки этого времени орнамент находится на реликварии из Сан-Джованни (рис. 4; 5, 1; 8, 4)²².

Следует обратить внимание еще на один элемент, присущий всем трем реликвариям, но отсутствующий на Лимбургской ставроотеке: это орнаментальная обработка фона, на котором выделяется крест. Наиболее сложный и тонкий рисунок прочеканен на эрмитажном экземпляре; резкие и, видимо, более глубокие контуры очерчивают сходный орнамент на реликварии из Сан-Джованни. Как уже отмечалось²³, близкой аналогией для орнамента фона является обработка четырехугольников на концах креста из Маастрихта, датированного надписью не позднее 1032 г. Более отдаленное сходство представляет орнамент на крышах купола и абсиды храмовидного реликвария сокровищницы собора Aix-la-Chapelle, относящегося к середине XI в.²⁴ (рис. 6).

Иной принцип заполнения фона на экземпляре из монастыря Мариенштерн: находящиеся друг на друга мелкие чешуйки имеют точки соприкосновения с памятниками, происходящими из Монополи и из собрания Жюкур²⁵ (рис. 4).

Как видим, помимо прямой связи между отдельными образцами серебряных изделий, подтверждаемой рядом элементов, существуют и перекрестные связи, в конечном счете объединяющие большое число памятников. Это можно проследить еще по некоторым признакам, в частности по украшению поверхности креста. Как говорилось выше, на Лимбургской ставроотеке (в отличие от трех родственных реликвариев) крест украшен чередующимися овалами и четырехугольниками, внутри которых крестообразно расположены точки. На окладе из Шемокмеди²⁶ точки соединяются линиями, а на ряде других памятников (как на реликварии из Монополи или на ставроотеке из собрания Эрмитажа²⁷) такие крестообразные фигуры утрачивают всякую связь с прототипом, явно перестают осознаваться как изображение гемм и жемчуга и приобретают новые качества (рис. 7). Более поздняя дата этих памятников подтверждается перерождением не только этого одного, но и ряда других элементов. Иное дело — убран-

²¹ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия. — ВВ, XIII, рис. 4 и 7; P. Buberl und H. Gerstinger. Die byzantinischen Handschriften. 2. Die Handschriften des X.—XIII. Jahrhunderts. Leipzig, 1938, Taf. XLIV, 3; XLVI, 4; K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei. Taf. XIX, № 104; XXVI, N 145.

²² За исполнение всех рисунков, приложенных к настоящей статье, приношу глубокую благодарность сотруднице Государственного Эрмитажа В. П. Марголинской.

²³ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия. — ВВ, XIII, стр. 219—220, рис. 41.

²⁴ L. Brehier. La sculpture et les arts mineurs byzantins. Paris, 1936, pl. LVIII, 2.
²⁵ A. Lipinsky. Op. cit., tav. XXV, fig. 2; tav. XXVIII, fig. 5 — Stauroteca di Maestricht; W. F. Volbach. Op. cit., tav. II, 7; XI, 33.

²⁶ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия. — ВВ, XIII, рис. 9.

²⁷ A. Lipinsky. Op. cit., tav. XXV, fig. 2; W. F. Volbach. Op. cit., tav. II, 4; A. В. Банк. Византийские серебряные изделия. — ВВ, XIV, рис. 5; ее же. Византийское искусство, стр. 313, № 199—200.

ство креста на обороте Луврского реликвария или реликвария из собрания Жокур: ромбы, четырехугольники и овалы здесь явно переданы как гнезда для камней²⁸.

Известные аналогии имеются и для оформления боковых сторон Лимбургской ставроотеки. Сложный, детально разработанный рисунок вертикально расположенных листьев²⁹ (рис. 2), правда, не повторяется ни на одном из известных мне предметов, однако в тех или иных вариантах на боковых стенках складней помещается то более, то менее условно трактованный растительный орнамент. Свободно вьется, переплетаясь стеблями, богатый цветочный орнамент на ставроотеке Эрмитажа³⁰, тогда как на реликварии из собрания Жокур стебли, закругляясь, замыкаются³¹, а на Филофеевской ставроотеке они попросту превращаются в медальоны, внутри которых помещен сильно стилизованный цветок³² (рис. 8; 6,2—3). Процесс распада орнамента получает, таким образом, свое завершение.

Помимо ряда предметов, родственных Лимбургской ставроотеке по отдельным элементам, имеются еще два памятника, связанные с нею принадлежностью одному и тому же владельцу. В сокровищнице Сан-Марко в Венеции хранятся сделанные из зеленого камня и составляющие ныне единое целое потир и патена в серебряных оправках. На них имеются надписи, в которых упоминается имя проедра и паракимомена Василия. Марвин Росс, обративший специальное внимание на эти предметы³³, утверждает, что потир и патена, с одной стороны, и ставроотека, с другой, изготовлены в различных дворцовых мастерских Константинополя³⁴.

Не смея оспаривать суждение исследователя, имевшего возможность знакомиться с памятниками непосредственно, я не вижу оснований для прямых сопоставлений столь различных по своему назначению и характеру оформления предметов, хотя и принадлежавших одному лицу.

Зато убранство оправы патены дает, в свою очередь, возможность перекинуть мостик к некоторым другим произведениям. Оно ограничивается немногими элементами: гравированная надпись (написанная ямбическим триметром) прерывается четырьмя слегка затрагивающими буквы медальонами, в которых даны погрудные изображения en face Христа, Богоматери и архангелов Михаила и Гавриила (рис. 9). Марвин Росс справедливо отметил особенность в передаче нимба Христа, перекрестье которого дано непосредственно на медальоне, без специального его выделения вокруг головы. Однако приводимые им по этой линии аналогии недостаточны и не очень убедительны. Как известно, подобное осмысление медальона, как нимба погрудных изображений Христа, обычно для византийских монет вплоть до времени Василия I и может поэтому служить надежным основанием для датировки³⁵.

Не только эта особенность сближает патену с изображениями на уже упоминавшемся кресте из Маастрихта: там также представлены помимо Христа Богоматерь и архангелы Михаил и Гавриил, к которым присоеди-

²⁸ D. Talbot Rice. Op. cit., pl. 166.

²⁹ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия. — ВВ, XIV, рис. 11.

³⁰ Там же, рис. 3.

³¹ J. Ebersolt. Orient et Occident. Paris, 1954, pl. XXXI.

³² А. В. Банк. Византийские серебряные изделия. — ВВ, XIV, рис. 7. Весьма близкие орнаментальные элементы имеются в росписях церкви св. Софии в Охриде (XI—XII вв.): З. Јанц. Орнаменти фресака из Србије и Македоније от XII до средине XV в. Београд, 1961, табл. XXIX, № 178—180.

³³ Marvin C. Ross. Basil the Proedros Patron of the Arts. — «Archaeology», vol. 11, № 4, 1958, p. 271—275; Ch. Diehl. De la signification du titre de «proedre», p. 105—110; fig. 7.

³⁴ Marvin C. Ross. Basil the Proedros, p. 274.

³⁵ Marvin C. Ross. Basil the Proedros, p. 274; см.: W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum, vol. II. London, 1908, pl. XXXIX, 18, 23; XLI, 1—5; XLIX, 16—18; L, 10.

нен еще святой Димитрий ³⁶. Они сходны иконографически и стилистически; только архангелы, в соответствии с их положением на кресте, даны слегка обращенными к центру, в молениях, без жезлов (рис. 10).

Упоминание императора Романа в надписи (также написанной ямбическим триметром) давало основание С. Меркати относить изготовление креста ко времени Романа II (959—963) или Романа III Аргира (1028—1032). По палеографическим признакам он исключал возможность более поздней даты — время Романа Диогена (1078—1081) ³⁷. Стилистическое сходство с патеной проедра Василия, а также отсутствие нимба у Христа подтверждают мнение С. Меркати.

На обоих сравниваемых памятниках одинаково оформлены медальоны, исполненные из тонкой ленты, образующей небольшие зигзаги и придающей медальонам фестончатую форму. Этот декоративный прием встречается и на других предметах, как современных, исследуемых нами, так и более поздних, например на боковых гранях ставротекы из монастыря Квирика и Ивлиты в Сванетии, на окладе мозаичной иконы Николая из монастыря Иоанна Богослова на Патмосе ³⁸ и др. В наиболее деформированном виде он предстает на фрагменте креста из Думбартон-Окса, датировка которого XIII в. определяется по целому ряду признаков ³⁹.

К сожалению, даже одновременные надписи на вещах иногда имеют специфические особенности (как это видно хотя бы из сравнения начертания некоторых букв на ставротеке из Лимбурга и патены из Сан-Марко) ⁴⁰. Быть может, это стоит в некоторой связи с техникой их исполнения — чеканкой или гравировкой. И все же, хоть вещевая палеография (как это в свое время отметил Н. П. Лихачев) разработана очень плохо, некоторые наблюдения в этой области помогают определению вещей. Наличие еще одного датированного памятника — ковчега, известного под именем его первого издателя И. Срезневского ⁴¹ (рис. 11), показывает значительную эволюцию в написании некоторых букв ко второй половине XI в. Имеющиеся на нем портретные изображения императора Константина Дуки и его жены Евдокии, а также сопроводительная надпись дают основания для его отнесения, скорее всего, к 60-м годам XI в. Особенно заметно изменение в начертании А, Δ, Υ с характерными горизонтальными черточками и низко расположенной косой перекладиной у А.

На дверцах ковчега представлены святые воины Нестор и Луп в рост, в характерных для времени доспехах и вооружении. Помимо фигурных изображений, весьма важных для сопоставления со многими памятниками других видов прикладного искусства (но редких в серебре), ковчег украшен двумя родами орнамента: на узких гранях достаточно живо вьется лоза с пятилистниками и побегам, образующими как бы трубочки в промежутках (рис. 11, л. 8, 1); вверху, в пространствах между арочками с потирами, удачно вписаны своего рода «крылатые пальметки» (рис. 11—12).

Первый мотив, весьма любимый в византийском искусстве рассматриваемого периода, уже был отмечен выше в своих более мертвых вариантах,

³⁶ S. G. Mercati. La stauroteca di Maestricht ora nella Basilica Vaticana e una presunta epigrafe della Chiesa del Calvario. — «Atti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia Romana. Memorie», vol. I, parte II. Roma, 1924, tav. XXVI, p. 43—63.

³⁷ S. G. Mercati. Op. cit., p. 63.

³⁸ Α. Μαραβά-Χατζηνικολάου. Η ψηφιδωτή εικόνα της Πάτρους. — «Δελτίον της χριστιανικής αρχαιολογικής ἑταιρείας», περ. Δ', т. Α'. Ἀθήναι, 1960, πιν. 52; L'art byzantin — art européen. Athènes, 1964, N 162.

³⁹ Marvin C. Ross. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection, vol. I. Washington, 1962, N 24, pl. XXII, p. 27—28. Весьма распространен такой прием оформления медальонов в слоновой кости X—XI вв.; см., например: A. Goldschmidt und K. Wetzmann. Op. cit., Bd. 2, N 32 a, b, 38b, 72, 77, 78a, 82 и др.

⁴⁰ Marvin C. Ross. Basil the Proedros, p. 272, 275.

⁴¹ Литературу о нем см.: Л. В. Писарская. Памятники византийского искусства V—XV веков в Государственной Оружейной палате. Л.—М., 1964, стр. 16, табл. X—XI.

с тенденцией к превращению в медальоны, изолированные друг от друга. «Крылатая пальметка» в уплощенном и геометризированном виде имеется в промежутках между медальонами с изображениями святых на Эрмитажной ставропекте ⁴². Отдаленное воспоминание о ней сохраняется на боковых гранях ставропекты из церкви Квирика и Ивлиты ⁴³.

Ковчег Срезневского, как установил проф. А. Грабар, составляет единое целое с находящимися в Лавре св. Афанасия на Афоне ⁴⁴ реликварием св. Димитрия и, таким образом, связывается с рядом других памятников, посвященных культу этого святого, игравшему столь значительную роль в Фессалонике. Весьма вероятно, что ковчег изготовлен именно в этом городе и потому, быть может, имеет некоторые особенности в манере исполнения. Едва ли, однако, это своеобразие проявилось в орнаментах, которые, как кажется, дают известный ключ для датировки предметов, показывающих эволюцию тех же мотивов. Во всяком случае, реликварий из собрания Жокур, так же как Филофеевская ставропекта, может быть отнесен к концу XI—XII в. на основании анализа и других элементов убранства. Достаточно указать, например, на грубое воспроизведение орнамента фона на Филофеевской ставропекте (рис. 5, 6) по сравнению с реликварием из Эрмитажа и Сан-Джованни ин Латерано или на фигуры святых Кира и Пантелеймона с их укороченными пропорциями и плоскостной трактовкой, далеко отошедших от сохраняющих отзвуки неоклассицизма образов святых на патене из Сан-Марко или кресте из Маастрихта. На XII век указывает и характер начертания некоторых букв надписи ⁴⁵. Расположенная так же, как надпись на Лимбургской ставропекте, она обнаруживает принципиально иной подход «писца» к своей задаче. Благородная простота сменяется вычурностью.

Рассматривая Лимбургскую ставропекту, патену и потир из Сан-Марко, крест из Маастрихта, ковчег Срезневского, можно вывести некоторые заключения и для определения столь прославленных произведений, как Гальберштадтская патена или нижняя крышка оклада с эмалевым изображением архангела Михаила из сокровищницы Сан-Марко.

Гальберштадтская патена, несомненно, требует монографического исследования, и высказываемые соображения носят предварительный характер. До настоящего времени можно встретиться с противоречивыми воззрениями на вопрос о ее дате ⁴⁶. Имеются документы, согласно которым она находилась в соборе в Гальберштадте уже в XII в. Декоративное убранство памятника свидетельствует о его изготовлении скорее всего в начале XI в. Богатый растительный орнамент, занимающий столь большое место в его оформлении, относится к более раннему времени, чем ковчег Оружейной палаты. Сложные, пластически трактованные цветы, свободно выходящие стебли и побеги (нигде не превращающиеся в медальоны) служат фоном, на котором выделяются великолепно выполненные погрудные изображения святых (рис. 13 и 8,5). Их лица индивидуальны,

⁴² А. В. Банк. Византийские серебряные изделия. — ВВ, XIV, рис. 1—2; *см. же*. Византийское искусство, № 199—200.

⁴³ П. С. Уварова. Поездка в Пшавию, Хевсуретию и Сванетию. — «Материалы по археологии Кавказа», 10, 1904, табл. XXVI—XXVII.

⁴⁴ А. Grabar. Quelques reliquaires de Saint Démétrios et le Martyrium du Saint à Salonique. — DOP, 5, 1950, p. 18—28. Проводимые А. Грабаром сопоставления между целым рядом маленьких серебряных реликвариев, посвященных св. Димитрию, можно было бы продолжить, имея возможность ознакомиться с ними в оригиналах или располагая лучшими репродукциями. Это позволило бы определить специфические черты, присущие произведениям Фессалоники. Вместе с тем большинство этих реликвариев по сравнению с разбираемыми памятниками являются изделиями относительно массового распространения.

⁴⁵ Л. В. Писарская. Указ. соч., № XII—XIII.

⁴⁶ Н. Nickel. Byzantinische Kunst. Heidelberg, 1964, Taf. 67—68, S. 98, 216; D. Talbot Rice. Op. cit., pl. 136, p. 321. III; Амиранашвили. История грузинского искусства, стр. 249—250.

не лишены, если можно так выразиться, светотеневой моделировки; в образах — отзвуки «классицизма» времени Македонской династии, имеющие параллели в резьбе по слоновой кости и в миниатюрах ⁴⁷.

Не противоречит предлагаемой дате, как нам представляется, и иконография центральной сцены Распятия ⁴⁸, так же как отдельных святых. Хочется обратить внимание, в частности, на мученический тип Георгия, Дмитрия и др., держащих в руках крестики.

Строгое начертание надписи, лишенное не только украшательства, но и горизонтальных черточек у букв А, Δ, Λ и др., служит дополнительным основанием для предлагаемой датировки.

На задней крышке оклада из сокровищницы Сан-Марко, прославленного своей лицевой стороной с погрудным изображением архангела Михаила ⁴⁹, представлены в медальонах двадцать два святых; пять из них расположены на концах и на перекрестии креста, а остальные — на его обрамлении. На окладе, как и на дискосе, большое место занимает цветочный орнамент, заполняющий поверхность креста и фон, на котором выделяются медальоны. Крест (хотя и не процветший) напоминает те, что украшают задние стенки реликвариев, только место розеток занимают святые. Цветочные мотивы, да и характер их исполнения особенно близки тем, что украшают латеранский экземпляр, несколько уступая в живости передачи орнаменту Гальберштадтской патены (рис. 14, и 8,7). Лица святых не утратили индивидуальной характеристики, однако они исполнены несколько схематичнее (что сказывается, например, при изображении волос и некоторых других деталей). Хочется отметить и появление здесь воинских образов, отсутствовавших на патене. Наиболее вероятной датой для этого оклада, столичное происхождение которого, так же как и патены, не вызывает сомнений, представляется вторая половина XI в.

Другие дошедшие до нас произведения византийского чеканного искусства редко достигают столь высокого художественного мастерства. Поэтому всегда есть возможность сделать ошибку, приняв за памятники более позднего времени те, которые исполнены более слабыми мастерами.

Своеобразное место занимает серебряный оклад с изображением деисусной композиции и святых в медальонах; он, по мнению А. Гольдшмидта и К. Вейтцмана ⁵⁰, современен обрамляемой им пластинке из слоновой кости, представляющей Рождество Христово. Памятник, в целом претерпевший некоторые переделки на почве Западной Европы, датируется XI в., и с этой датой согласуется манера выполнения богатого цветочного орнамента, на фоне которого выделяются медальоны. Свободно переплетающиеся стебли и побеги стилистически близки Гальберштадтской патене. Сложнее обстоит дело с лицевыми изображениями (возможно, видоизменившимися свой первоначальный облик), свидетельствующими, по-видимому, о принадлежности оклада иной мастерской.

Обращаясь к ставропекте из собрания Эрмитажа, которой мною была посвящена специальная публикация ⁵¹, я полагаю, что ее лицевая сторона, так же как оформление внутренней части, скорее всего датируется началом XII в. Не подлежит сомнению, что качество исполнения погрудных изображений святых здесь далеко уступает вышеописанной патене и окладу из Сан-Марко. Они даны более обобщенно, отступая от норм византийского «неоклассицизма». Помимо этого, привлекают к себе внимание пунктирный

⁴⁷ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Op. cit., Bd. 2, № 33, 39, 43—45; K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei, Taf. XVI, № 83—86.

⁴⁸ K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei, Taf. XII, 3; A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Op. cit., Bd. II, № 161, 169, 201; A. В. Банк. Византийское искусство, № 181—182.

⁴⁹ D. Talbot Rice. Op. cit. pl. XV; нижнюю крышку см. в работе: А. В. Банк. Византийские серебряные изделия. — ВВ, XIII, рис. 10.

⁵⁰ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Op. cit., Bd. II, № 197, S. 73.

⁵¹ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия. — ВВ, XIV, стр. 234—242.

фон, на котором выделяется орнамент⁵², и стилизация пальметок. Этот пунктирный фон, так же как орнаментированные нимбы в самой сцене Распятия, едва ли можно найти (разве лишь в грузинских образцах чеканки) ранее XII в.⁵³ Иное впечатление производит оформление боковых стенок ставротеки: согласно данной выше классификации, орнамент мог бы относиться к XI в. Можно предположить, что отдельные части этого памятника не только принадлежат разным мастерам⁵⁴, но, вероятно, и разновременны. Однако смущает наличие и в этой части пунктирного фона, не столь часто встречающегося в практике византийских мастеров, во всяком случае ранее XII в. Очевидно, не все вопросы можно решить в настоящее время.

Погрудные изображения святых в медальонах — один из наиболее характерных элементов убранства предметов рассматриваемого периода. Весьма вероятно, что образы такого рода, исполненные в технике перегородчатой эмали, воспроизводились на более дешевых серебряных изделиях. Медальоны (правда, обычно не имеющие особого обрамления) с изображениями, восходящими к *imago clipeata*, известны на византийских серебряных памятниках доиконоборческого времени⁵⁵ и менее типичны для последнего этапа в развитии этого вида искусства.

Начиная с XI в., согласно данным письменных источников, постепенно возрастает роль серебряных окладов икон. Их обрамление, видимо, было близко тому, которое представлено Эрмитажной ставротекой⁵⁶. Одним из немногих известных мне образцов такого рода является оклад иконы св. Николая из монастыря Иоанна Богослова на Патмосе⁵⁷. Здесь небольшое число медальонов выделяется на фоне столь характерного для XI—XII вв. цветочного орнамента (рис. 5,2). Трудно согласиться с издательницей этого предмета А. Морава-Хадзиниколау, которая именно данную часть оклада относит к XIII—XIV вв.⁵⁸ Если она действительно права в том, что первоначальным является небольшой нижний кусок оклада (что также вызывает сомнение), то остается предположить, что интересующая нас часть перенесена с другого столь же раннего оклада.

Весьма схожа с этим памятником по манере исполнения орнамента ставротека из Альба-Фучензе (Южная Италия)⁵⁹, на которой место медальонов занимают определенные камни. Явно не итальянская, эта ставротека если и исполнена в Константинополе (как склонен думать Е. Берто), то едва ли в придворной мастерской. К сожалению, до настоящего времени

⁵² А. В. Банк. Византийские серебряные изделия. — ВВ, XIV, рис. 1; см. также: А. В. Банк. Византийское искусство, № 199.

⁵³ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия. — ВВ, XIII, рис. 1; *см. же*. Византийское искусство, № 199; пунктирный фон выделяет орнамент на спорной по дате серебряной оправе камня из Оружейной палаты, едва ли, однако, выходящей за пределы XII в. См.: А. В. Банк. Византийское искусство, № 162. О пунктирном фоне см. также: А. В. Банк. Крышка серебряного сосуда из Ненецкого округа. — «Сообщения ГЭ», XV, 1959, стр. 49—52. Для грузинских памятников примером аналогичного применения пунктира являются № 127—128 в иллюстрациях к работе Г. Н. Чубинашвили «Грузинское чеканное искусство». Иной тип пунктира см. там же, № 64, 65, 84 и др.; А. Банк. Quelques monuments, p. 16—17; Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1959, стр. 556—558.

⁵⁴ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия. — ВВ, XIV, стр. 236, 241.

⁵⁵ См., например: А. В. Банк. Византийское искусство, № 80—81, 86, стр. 288—290; D. Talbot Rice. Op. cit., pl. 44—45 и др.; В. Н. Лазарев. Три фрагмента расписных эпископов и византийский темплон, стр. 171—172.

⁵⁶ Sv. Radojčič. Zur Geschichte der silbergetriebenen Reliefs in der byzantinischen Kunst. — «Tortulae». Studien zu altchristlichen und byzantinischen Monumenten. Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. 30 Supplementheft. Rom—Freiburg—Wien, 1966, S. 231. Аналогичное размещение образов, правда не в медальонах, а в закругленныхверху четырехугольниках, имеется на полях грузинской иконы Богоматери из Чукули. См. Г. Н. Чубинашвили. Указ. соч., фото 136.

⁵⁷ 'Α. Μαραβὰ-Χατζηνικόλαου. Op. cit., σελ. 133—135, πιν. 52; L'art byzantin — art européen, N 126.

⁵⁸ Ibid., σελ. 134—135.

⁵⁹ E. Bertaux. L'art dans l'Italie Méridionale. Paris, 1904, p. 177—178, pl. VI.

не установлено, когда жили вкладчики — монахиня Мария и Иоанн, которые упомянуты в столь редкой для Византии посвянительной надписи. Согласно намеченной линии развития орнамента (отступающего от свободной трактовки, но еще не омертвелого), чему не противоречит и начертание надписи (с характерными горизонтальными черточками у А, Δ), вероятнее всего отнести эту ставротеку к рубежу XI и XII вв.

Возможно к этому же времени относятся и части оклада иконы «Благовещение» в Охриде. Проф. Св. Радойчич⁶⁰, безусловно, прав, сравнивая его орнаментальные детали с рассмотренными выше реликвариями и иконой с Патмоса. Убедительно и его сопоставление фигур пророков с аналогичными изображениями на миниатюрах. Смущает лишь то, что фигуры в рост нам не известны на полях других окладов этого времени и, наоборот, они постоянно встречаются на последнем этапе византийского сереброредия.

Совмещение принципиально сходного, но очень схематизованного орнамента (рис. 5, 6) с медальонами и фигурами Богоматери и Иоанна Предтечи в рост имеется на фрагменте креста из собрания Думбартон-Окс⁶¹. Судя по стилю этих последних фигур, а также по включению орнамента в рамку и по пальметкам, присоединенным к медальонам, этот памятник находится на грани нового периода в развитии серебряного дела и может быть отнесен к началу XIII в.⁶² Интересно отметить, что этот излюбленный цветочный орнамент воспроизводится в близких XI в. формах также и в бронзе. На иконе с изображением архангела Гавриила (из собрания проф. Д. Тальбот-Райса) он заполняет поля, на которых в фестончатых медальонах расположены погрудные изображения святых (рис. 5,3).

В настоящей работе я отнюдь не исчерпываю имеющийся материал; в частности, я не привлекаю некоторые, хотя и немногочисленные, произведения, представляющие праздничные сцены. Работа по классификации и датировке византийских серебряных изделий должна быть продолжена. При всех трудностях она не представляется столь безнадежной, как это кажется некоторым грузинским исследователям⁶³, которые бесспорно находят в гораздо более выгодном положении, имея очень большое число произведений, сохранивших имена владельцев, а порой и мастеров. Работа византиниста значительно сложнее.

Хотелось бы в заключение отметить, что, несмотря на отдельные нити, которые связывают византийское серебряное дело на всем протяжении жизни империи, имеются глубокие различия не только между доиконоборческой эпохой и периодом X—XII вв., но и между этим временем и последним этапом развития византийского серебряного дела. Едва ли ошибочно представление о том, что именно в рассматриваемые века роль византийских образцов для мастеров различных стран была в этой области столь же велика, как и в других сферах искусства. Установить конкретнее эту роль, так же как определить специфику серебряных изделий «Палеологовского периода», — дело дальнейшего исследования⁶⁴.

⁶⁰ Sv. Radojič. Op. cit., S. 231—234, Taf. 56.

⁶¹ Marvin C. Ross. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection, vol. I, pl. XXII, № 24, p. 27—28.

⁶² Любопытно, что схема подобного украшения центральной части креста встречается ранее на изделиях из золота (рис. 5,5). См.: П. С. Уварова. Указ. соч., стр. 91—93, табл. XXV.

⁶³ См., например: Ш. Амиранашвили. Бека Опезари. Тбилиси, 1956, стр. 32—34; *его же*. История грузинского искусства, стр. 247—249.

⁶⁴ За содействие в получении фотографий приношу глубокую благодарность следующим коллегам: рис. 1 и рис. 3 — В. Эльберн (Берлин — Далеми); рис. 9 — Ф. Форлати (Венеция); рис. 13 — Г. Вентцель (Штутгарт); рис. 14 — Марвин Росс (Вашингтон). После сдачи в печать настоящей работы вышла в свет статья: A. Grabar. La précieuse croix de la Lavra saint Athanase au Mont Athos. — «Cahiers archeologiques», XIX, 1969, p. 99—125. Опубликованные в ней памятники и некоторые соображения А. Грабара мне уже не удалось учесть.

К. ВЕЙЦМАН

ДИПТИХ СЛОНОВОЙ КОСТИ ИЗ ЭРМИТАЖА,
ОТНОСЯЩИЙСЯ К КРУГУ ИМПЕРАТОРА РОМАНА

Во время моего посещения Эрмитажа летом 1966 г. А. В. Банк, которой пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность за всестороннюю помощь в изучении византийских памятников этого собрания, показала мне неэкспонированный диптих слоновой кости, который и является предметом рассмотрения в данной статье.

Хотя и неопубликованный, этот диптих, однако, был мне известен. Перед первой мировой войной А. Гольдшмидт видел его во время своей поездки в Россию и привез его фотографию, воспроизводимую ниже (рис. 1). В 1930 г., когда А. Гольдшмидт и автор данной статьи работали над вторым томом корпуса византийских изделий из слоновой кости¹, мы обсуждали вопрос о том, включать ли в него упомянутый диптих, и решили отказаться от этого, столкнувшись с рядом трудностей, непреодолимых для нас в то время. Тем не менее у нас не было никаких сомнений относительно подлинности диптиха, и мы отложили его публикацию, чтобы впоследствии включить его в дополнительный том корпуса изделий из слоновой кости, работу над которым начал еще А. Гольдшмидт, мы же надеемся ее завершить. Причиной публикации диптиха теперь, в данной статье, до издания дополнительного тома, является то обстоятельство, что в связи с исследованием диптиха возникает ряд вопросов, обсуждение которых было бы полезно до его описания в сводном каталоге.

I

Подобно другим изделиям из слоновой кости, восточным и западным, диптих попал в Эрмитаж вместе с коллекцией А. П. Базилевского². Прежде диптих, согласно заметке А. Гольдшмидта, принадлежал коллекции Коттро, Доньи и Э. Ломб. О его более ранней истории, кажется ничего неизвестно. Каждая из двух пластинок имеет 10 см, а правая — 9,9 см, т. е. на один миллиметр короче. Пластинки скреплены друг с другом металлическими крючками с выгравированным на них узором, несомненно средневекового характера, однако вопрос о том, были ли крючки сделаны одновременно с резьбой по кости, остается сомнительным по причинам, которые будут изложены ниже. То же следует сказать и относительно металлических петель на внешних сторонах створок, благодаря которым диптих может быть плотно закрыт. Сохранность дип-

¹ А. Goldschmidt und K. Weitzmann. Die Byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X. — XIII. Jahrhunderts, Bd. II: Reliefs. Berlin, 1934.

² Он, однако, не включен А. Дарселем в каталог этой коллекции (А. Darcel. Catalogue raisonnée de la collection Basilewsky. Paris, 1874).

тиха в основном хорошая. Поверхность лишь слегка стерта и повреждена; тонкие вертикальные трещины незначительны; отверстия в верхней части каждой створки служили для подвешивания диптиха.

На створках представлено Сретенье, данное в сокращенной форме. Симеон, изображенный старцем, но еще не согбенным, расположен на левой створке диптиха; фигура Богородицы, держащей Христа на руках, заполняет правую створку. На фоне размещены латинские надписи в готическом стиле приблизительно XV в., содержащие отрывки из второй главы Евангелия от Луки. Надпись, расположенная вокруг изображения Симеона, гласит: «*Accipit eum in ulnas suas Benedicens deum et dixit: Nunc dimittis servum tuum, Domine, secundum verbum tuum in pace*» (Лука, II, 28—29), а надпись вокруг фигуры Богородицы: «*Et tuam ipsius animam pertransibit gladius + O Virgo beata Puer autem crescebat et confortabatur plenus sapientia et gratia*» (Лука, II, 35, 40). Эти отрывки являются скорее свободной передачей текста Вульгаты, и слова: «*O Virgo beata*» являются дополнением. Надписи выполнены орнаментальными буквами с позолотой, которая частично осыпалась, но, так как фон вокруг букв потемнел больше, чем осыпавшиеся участки, силуэты букв выступают довольно ясно и вполне различимы.

По-видимому, та же позолота, которой были писаны буквы, использовалась и для нимбов, складок одежд и арочного обрамления створок. Следовательно, эта позолота должна быть также отнесена к XV столетию, которым датируются по палеографическим данным надписи. Позолота использовалась для украшения византийских изделий из слоновой кости, но более скупо и тонко: в византийской мастерской никогда бы так не перегрузили золотом обрамление. Вполне вероятно, хотя это и не может быть доказано, что крючки относятся к тому же времени, т. е. примерно к XV в., когда работа над обеими пластинками была завершена и они были соединены в диптих.

II

Изобразив Симеона на одной створке, а Богородицу с младенцем — на другой, резчик ограничился передачей этих действующих лиц, которые являются главными в сцене данного церковного праздника. Мастер исключил не только Иосифа, обычно изображаемого позади Богоматери, и пророчицу Анну позади Симеона³, но и киворий, и даже алтарь. В то время как известны примеры, когда киворием пренебрегали из-за недостатка пространства, я не знаю ни одного случая, когда бы не изображался алтарь. Разгружая сцену от большей части повествовательных элементов, художник, однако, делает добавление, которое ясно свидетельствует об особенностях его умонастроения: он изобразил усыпанную драгоценными камнями скамеечку для ног. Обычно Богородица изображается стоящей на такой скамеечке, когда она является обособленной фигурой в композиции Деисуса или в сцене Благовещения, но я не мог найти другого такого же примера для сцены Сретенья. Видимо, художник, стремясь подчеркнуть святость изображения и его литургический аспект, позаимствовал эту особенность из императорской иконографии; он изобразил даже здесь Богоматерь меньшей по размеру, чем Симеона.

Обычно Симеон дается стоящим справа, а Богородица — приближающейся слева, однако и в передаче сцены в обратном порядке наш диптих не составляет исключения. Та же особенность наблюдается, на-

³ Об иконографии Сретенья см.: D. C. Shorr. The Iconographic Development of the Presentation in the Temple. — «Art Bulletin», XXVIII, 1946, p. 17 sq.; K. Weitzmann. The Fresco Cycle of S. Maria di Castelseprio. Princeton, 1951, p. 62 sq.

пример, на мозаике монастыря Осиос Лукас ⁴ и — что еще более примечательно — на двух византийских пластинках из слоновой кости круга императора Романа, хранящихся в Милане (рис. 2) и Эрмитаже ⁵, тогда как на византийских изделиях из слоновой кости других стилистических групп Симеон занимает традиционное место справа ⁶. Наблюдаются и другие тесные связи нашего диптиха с двумя упомянутыми выше изделиями, находящимися в Милане и Эрмитаже. Эти связи приобретают тем более важное значение, что ленинградский диптих, как мы увидим далее, также принадлежит к кругу императора Романа, т. е. к той группе изделий из слоновой кости, отличительными особенностями которой являются выразительность в передаче достоинства, святости и сдержанность в выражении чувств. Мы уже отмечали исключение из сцены, как второстепенных персонажей, Иосифа и Анны. Весьма важно к тому же отметить, что среди всех византийских изделий из слоновой кости, воспроизводящих сцену Сретенья, только эти две работы из группы императора Романа дают аналогичный сокращенный вариант интересующей нас сцены. На миланском рельефе нет фигуры пророчицы позади Симеона, а в сцене, изображенной на эрмитажной пластинке, отсутствуют, как и на нашем диптихе, и Иосиф, и пророчица Анна. Более того, если на эрмитажной пластинке фигуры расположены перед алтарем, под киворием, то на миланской упразднен даже киворий, что позволило художнику использовать освободившееся пространство для изображения более величественной по размеру фигуры и для придания сцене большей монументальности и торжественности.

Тесная связь диптиха с изделиями из слоновой кости, входящими в группу императора Романа, особенно с миланской пластинкой, проявляется также и в ряде других деталей. Как правило, Симеон изображается с протянутыми руками, чтобы принять на них младенца Христа; при этом руки либо обнажены, либо прикрыты покрывалом, размещенным на руках так, как это практиковалось священниками, готовящимися принять священный предмет. На нашей пластинке руки Симеона прикрыты не покрывалом, а его плащом, и это опять-таки деталь, общая с миланским рельефом из слоновой кости. Существуют два варианта изображения Богородицы с младенцем Христом на руках: либо он повернут лицом к матери для выражения чувства человеческой любви, либо смотрит прямо вверх, желая перейти на руки Симеона. Мастер нашего диптиха избрал второй вариант, что опять-таки более соответствует миланскому рельефу, тогда как первый, более человеческий, вариант типичен для изделий из слоновой кости так называемой «живописной» группы ⁷.

III

Что касается стиля, то ленинградский диптих обладает всеми особенностями, присущими изделиям круга императора Романа ⁸. Иначе говоря, он вышел из мастерской, которая обслуживала императорский двор и где среди прочих вещей была создана пластинка с изображением коронации Константина VII Багрянородного, хранящаяся в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве ⁹. В противоположность «живописной» группе изделий из слоновой кости, мастера которой пы-

⁴ E. Diez and O. Demus. *Byzantine Mosaics in Greece. Hosios Lucas and Daphni*. Cambridge, Mass., 1931, fig. 5.

⁵ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. *Op. cit.*, pl. XVIII, 42; XXIII, 59.

⁶ *Ibid.*, pl. V, 21a; VI, 22b; XLV, 122b; LXVIII, 207; LXIX, 214.

⁷ *Ibid.*, pl. V, 21a; VI, 22b.

⁸ *Ibid.*, S. 14 ff., 33 ff., pl. X—XXIX.

⁹ *Ibid.*, S. 35, pl. XIV, 35.

тались подражать эффектам от ударов кисти с помощью гравировки и скрещенных складок, а также любили передавать человеческие фигуры в беспокойных позах, мастера нашей группы стремились к спокойной, сдержанной и благородной манере, которая выражалась в строгих контурах стройных фигур, неподвижных позах, редких и прямых, еще ясно очерченных складках (классические примеры — хорошо известные триптихи, хранящиеся в Ватикане и Лувре)¹⁰. К тому же характерной «маркой» мастерской является такая деталь, как обрамление нимба ниткой жемчуга и такое же украшение креста в нимбе Иисуса Христа. Нимб армитажного диптиха отвечает этим требованиям.

Хотя ленинградскому диптиху присущи характерные особенности изделий круга императора Романа, тем не менее в нем имеется ряд таких черт, которые отличают его от основных памятников этой группы. Это прежде всего сказывается в стиле драпировок. Несмотря на господствующую тенденцию изображать складки жесткими и прямыми, лучшие мастера, подобные тем, которые выполнили фигуры Богоматери в рост из собраний в Утрехте, Нью-Йорке и Гамбурге¹¹, заставляли складки свободно падать, пересекаться или изгибаться и достигали тем самым передачи скрытых за одеянием форм тела. Напротив, складки одежды Симеона и Богородицы на нашем диптихе монотонно параллельны, и поэтому формы тела не только слабо выявлены, но и сведены почти на нет. Линии жесткие, форсированные и несколько схематичные.

Эта особенность нашего диптиха сближает его с четырьмя другими изделиями из слоновой кости, входящими в состав этой же группы, а именно с рельефами, хранящимися в Государственной библиотеке в Бамберге (рис. 3, а—г), которые были использованы в качестве крышек переплетов молитвенников германского императора Генриха II и его жены Кунигунды¹². Мы находим здесь ту же ярко выраженную параллельность складок, и если бамбергские рельефы не имеют таких же глубоких линий складок, как на ленинградском диптихе, то это в значительной степени объясняется тем, что резкость линий ослаблена в результате стертости рельефов, использованных как крышки переплетов. Тем не менее на новых, публикуемых здесь фотографиях бамбергских пластинок параллелизм и жесткость складок заметны более отчетливо, чем на репродукциях в «Корпусе изделий из слоновой кости», изготовленных со старых желатинных негативов¹³. Сравнение изображений Богородицы с младенцем на ленинградском диптихе и рельефе из Бамберга (рис. 3, а) позволяет сопоставить неподвижность позы, подчеркнутой прямыми линиями складок, косую складку мафория над лбом, маленькие остроконечные туфли, черты лица и т. п. Кроме того, примечательна одна деталь: подножие спереди украшено ниткой жемчуга, чего нет ни на одном другом подножии среди изображений на изделиях, связанных с кругом императора Романа.

По нашему мнению, не может быть сомнения в том, что ленинградский диптих и бамбергские рельефы не только относятся к одному времени, но и выполнены в одной мастерской, которая, однако, не была главной мастерской, выпускавшей изделия круга императора Романа. Это, впрочем, отнюдь не значит, что диптих и бамбергские пластинки непременно изготовлены одним резчиком, так как описанный принцип изображения системы складок выражен даже сильнее на ленинградских рельефах. Размеры и тех и других одинаковы¹⁴, и поэтому мы можем идти в наших пред-

¹⁰ Ibid., S. 34, pl. XI—XIII.

¹¹ Ibid., pl. XX, 46, 48, 49.

¹² Ibid., S. 44—45, N 65—66; pl. XXV—XXVI.

¹³ E. Bassemann-Jordan und W. M. Schmid. Der Bamberger Domschatz. München, 1914, N 28—29, Taf. XV.

¹⁴ Тогда как в «Корпусе изделий из слоновой кости» высота бамбергских пластинок указана равной 27,9 см, мои собственные измерения, сделанные в Бамберге в 1964 г.,

положениях еще дальше, полагая, что ленинградский диптих и бамбергские пластинки принадлежат к одному ансамблю и украшали один и тот же объект. Чем же он мог быть?

IV

В недавно выпшедшей работе ¹⁵, посвященной вопросу своеобразного использования бамбергских пластинок, которые были превращены в крышки переплетов, видимо, только после того, как попали на латинский Запад, я пытался доказать, что первоначально они входили в состав убранства эпистилия темплона. В этом ряду центральное место было отведено Деисусу с фронтальной фигурой Христа (рис. 3, б) посередине и фигурами Богородицы (рис. 3, а) и Иоанна Крестителя по сторонам (пластинка с его изображением ныне отсутствует). К ним в свою очередь с обеих сторон примыкали соответственно два архангела, причем фрагмент с изображением верхней части фигуры архангела Гавриила сохранился в коллекции Тайлера в Париже ¹⁶. Следующими по порядку с каждой стороны были помещены апостолы, причем Павел был обращен лицом к Христу слева (рис. 3, в), а Петр — справа (рис. 3, г). Пластинок должно было быть больше, но их точное число остается неопределенным, хотя иконографический подбор изображений определялся требованиями эпистилия. На реконструкции, разработанной мной с учетом четырех бамбергских пластинок и парижского фрагмента ¹⁷, я предположил наличие полного ряда из двенадцати апостолов и поместил под знаком вопроса на каждом краю по фигуре святых. Последняя деталь, в частности, добавлена по примеру деисусного ряда на одной синайской иконе ¹⁸, где слева от апостолов представлен св. Георгий, а справа — св. Прокопий.

Если ленинградский диптих принадлежит, как мы полагаем, к тому же ансамблю, что и бамбергские пластинки, тогда все они должны были украшать один эпистилий. Темплон, включавший в себя этот эпистилий, имел, по нашему мнению, еще один ряд изображений — праздники. От последних сохранилось только Сретенье. Мы представляем здесь новую реконструкцию, в которой цикл двенадцати праздников разделен, как это обычно делалось в таких композициях, на две половины, с Деисусом в центре (рис. 4) ¹⁹.

Как и в случае со Сретеньем, можно думать, что сцена каждого праздника размещалась на двух пластинках. Предположение, что какой-либо праздник в этой композиции мог быть целиком умещен на одной пластинке, кажется маловероятным, ибо это привело бы к значительному изменению масштаба фигур. Однако могли быть случаи, когда была необходима и третья пластинка. Первая из праздничных сцен — Благовещение — не вызывала особых затруднений и легко делилась на две части. Действительно, ее художественное оформление должно было быть весьма сходным с композиционным решением нашего Сретенья. При воспроизведении же Рождества Христова художник должен был уже столкнуться с рядом формальных трудностей. Однако бывали случаи, когда византийские художники умели преодолевать затруднения, возникающие из-за

дали результат 27,7 см (точно совпадающий с высотой ленинградских пластинок). Пластинки из Бамберга, однако, несколько шире (11,3 см, тогда как ширина ленинградских равна 9,9 см).

¹⁵ K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeine eines Bamberger Graduale und ihre ursprüngliche Verwendung. — «Festschrift für K. H. Usener». Marburg, 1967, S. 11 f.

¹⁶ Ibid., fig. 5; A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Op. cit., S. 45, pl. XXVI, 67.

¹⁷ K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeine eines Bamberger Graduale, fig. 6.

¹⁸ Ibid., fig. 7; ср. также: G. and M. Sotiriou. Icones du Mont Sinai, vol. I. Athènes, 1956.

¹⁹ Выражаю благодарность Р. Беттсу, который любезно согласился сделать этот рисунок под моим наблюдением.

сжатости изобразительной плоскости, путем создания вытянутой по вертикали композиции, как это может быть продемонстрировано на примере миниатюры XI в. из Беседы на Рождество Христово в Афонском менологии (монастырь Эсфигмену, 14). Здесь в сцене Поклонения волхвов Богородица представлена в пещере почти стоящей, чтобы не нарушить формат, которого художник придерживался в обширном цикле миниатюр²⁰. За третьей сценой, т. е. Сретеньем, следует Крещение. Если тот же принцип предельного сокращения числа участников сцены был применен и здесь, то она могла быть ограничена изображением Иоанна Крестителя на одной пластинке и Христа, стоящего в Иордане, — на другой. Однако представляется более благоразумным не продолжать далее реконструкцию сцен каждого праздника и не пытаться определить, каким образом была разделена каждая сцена для заполнения ограниченного и тесного пространства пластинок из слоновой кости, так как тут затрагивается слишком много неизвестных нам факторов.

С учетом добавления двенадцати праздников к нашему эпистилию из слоновой кости встает необходимость внести поправки в нашу первую реконструкцию. Тогда мы добавляли к обоим концам деисусного ряда фигуры двух святых воинов, примыкающие с обеих сторон к изображениям двенадцати апостолов. Мы следовали образцу, представленному деисусным рядом XIII в. на Синайской горе. Однако маловероятно, чтобы эти святые воины замыкали сцены двенадцати праздников, и поэтому от них можно с уверенностью отказаться. Сомнительно даже, включали ли эпистилий, который стал теперь весьма длинным, всех без исключения двенадцать апостолов. Тем не менее эту возможность нельзя полностью исключить, поскольку синайская икона конца XI или начала XII в., несомненно подражающая иконостасному эпистилию (рис. 5)²¹, включает фигуры всех двенадцати апостолов (по три пары с обеих сторон от Деисуса) в дополнение к полному циклу двенадцати праздников. Однако, если мы обратимся к другим изделиям круга императора Романа, то увидим, что византийцы использовали в деисусных композициях и меньшее число фигур апостолов. В трех больших триптихах²² центральные створки разделены на два ряда; на одном триптихе в центре изображен собственно Деисус (Христос, Богородица и Иоанн Креститель), на средних створках двух других триптихов — архангелы в верхнем ряду и пять апостолов в нижнем. Петр помещен в центре, к нему примыкают Иоанн и Иаков с одной стороны и Павел и Андрей — с другой. Однако на Арбаульском триптихе добавлены по бокам еще два апостола (Фома и Филипп) в виде поясных изображений, заключенных в медальоны, а в Ватиканском триптихе между двумя регистрами — даже пять таких медальонов (Лука, Матфей, Марк, Филипп и Фома). Поскольку на этих триптихах разработана та же тема, что и на эпистилии (моление о заступничестве)²³, представляется достаточно оправданным включить их в качестве параллелей к реконструированному нами ряду. Поэтому мы позволили себе сделать вывод, что не существовало твердых правил относительно числа апостолов при изображении Деисуса на изделиях из слоновой кости рассматриваемой нами группы.

В силу изложенных выше соображений мы выделяем в нашей реконструкции шесть пластинок для группы апостолов главным образом на том основании, что это число приблизительно равно числу, использован-

²⁰ Об одной характерной иллюстрации этой Беседы см.: *K. Weitzmann. Aus den Bibliotheken des Athos. Marburg, 1963, S. 95.*

²¹ *G. and M. Sotiriou. Op. cit., vol. I, 1956, fig. 57—61; vol. II, 1958, p. 75 sq.; K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeine eines Bamberger Graduale, S. 17, fig. 8.*

²² *A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Op. cit., pl. X, XI, XIII.*

²³ *K. H. Kantorowicz. Ivories and Litanies. — «Journal of the Warburg and Courtauld Institutes», V, 1942, p. 56 sq.*

ному в больших триптихах из слоновой кости, причем нечетное число (пять) мы заменяем четным (шесть), ибо композиция эпистилия требует четного числа соответствующих друг другу фигур с Деисусом в центре, к которому примыкают два архангела, шесть апостолов и двенадцать праздников (по паре пластинок на каждый праздник); мы получаем всего 35 пластинок. Средняя ширина каждой пластинки равна примерно 11 см. Принимая во внимание, что эта группа пластинок из слоновой кости была укреплена на деревянных досках и что между каждой парой пластинок имелись промежутки, равные примерно трем сантиметрам, прикрытые, по-видимому, металлом и мраморной облицовкой, мы получим общую ширину иконостасного ряда 4,90 м. Учитывая, однако, не менее вероятную возможность того, что из всей группы апостолов в эпистилии были включены лишь Петр и Павел, следует допустить, что весь ряд состоял только из 31 пластинки и его ширина равнялась 4,34 м.

V

Недавно возникший интерес к украшению темплона связан с открытием Сотириу на Синайской горе нескольких расписных эпистилиев, относящихся к XII и XIII столетиям²⁴. Фрагменты некоторых синайских эпистилиев были опубликованы автором настоящей статьи²⁵, но еще остается ряд неизданных фрагментов. Этот новый синайский материал явился стимулирующим фактором, обусловившим появление двух углубленных исследований, посвященных украшению эпистилия, которые были одновременно опубликованы в томе, посвященном Г. Сотириу. В первом из этих исследований В. Н. Лазарев²⁶ совершенно верно интерпретировал три иконы из Эрмитажа как части эпистилиев, сходных по своей структуре с синайскими, и использовал их как отправной пункт для всестороннего изучения сложных проблем, связанных с развитием темплона в целом. Первый фрагмент, который В. Н. Лазарев датирует второй половиной XI в., содержит изображения апостола Филиппа и двух святых воинов — Димитрия и Феодора²⁷. Сравнивая их с персонажами на сходном синайском эпистилии²⁸, следует считать наиболее вероятным, что они украшали правую часть такого эпистилия, в котором Деисус занимал центральное место; этот Деисус фланкировался апостолами, а по краям располагались святые воины, причем с левой стороны мог находиться св. Георгий, а может быть, — и Феодор Тирон или Прокопий.

Другие два фрагмента эпистилия, рассматриваемые В. Н. Лазаревым, принадлежат к циклу двенадцатых праздников; на них изображены сцены Сошествия во Ад и Сошествия св. Духа (XII в.)²⁹. Для наших целей представляет интерес то, что эти иконы имеют в высоту 31,5 и 32 см, т. е. почти совпадают по размеру с нашими рельефами из слоновой кости, высота которых равна 27,7 см. Учитывая, однако, что к высоте этих икон следует добавить несколько сантиметров на выступы сверху и снизу

²⁴ G. and M. Sotiriou. Op. cit., p. 100 sg., fig. 87—125.

²⁵ K. Weitzmann. Die Ikonenmalerei des 6—12. Jahrhunderts. — In: K. Weitzmann, M. Chatzidakis, K. Miatev und S. Radojčič. Frühe Ikonen. Sinai, Griechenland, Bulgarien, Jugoslawien. Wien und München, 1965, S. XIV f., pl. 24—29, 32—35.

²⁶ V. Lasareff. Trois fragments d'épistyles peintes et le templon byzantin. — «Δελτίον χριστιανικῆς καὶ ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας», пер. IV, т. IV, 1964—1965. Athènes, 1966, p. 117 sq., fig. 1, 4, 5 (та же статья появилась в ВВ, XXVII, 1967, стр. 162 сл., рис. 1—3).

²⁷ Ibid., fig. 1. См. также: А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.—М., 1966, табл. 227—230.

²⁸ V. Lasareff. Trois fragments d'épistyles, fig. 15; ср.: G. and M. Sotiriou. Op. cit., fig. 117—124.

²⁹ А. В. Банк. Указ. соч., табл. 231—232.

деревянной основы, к которой они были прикреплены, можно полагать, что высота деисусного ряда из пластинок слоновой кости была примерно такой же, как и высота расписного эпистилия. Кроме того, следует заметить, что ленинградские фрагменты, углубленные арочки на которых оближают их с исследуемыми нами пластинками слоновой кости, довольно узки. Ширина пластинок из слоновой кости обусловлена, разумеется, диаметром слоновой бивня. Что же касается входивших в состав расписного эпистилия сцен, то их узкий формат, безусловно, стеснял художника — факт, который может быть удовлетворительно объяснен влиянием пластинок слоновой кости на формат живописных изображений.

Второе обстоятельное исследование проблемы эпистилия принадлежит перу М. Хадзидакиса³⁰. Ему посчастливилось обнаружить в Лавре св. Афанасия на Афоне еще два фрагмента расписного эпистилия (Крещение Христа и Успение)³¹, в состав которого входили и два эрмитажных фрагмента, опубликованные В. Н. Лазаревым³². Однако еще более важной оказалась сделанная М. Хадзидакисом в Ватопедском монастыре на Афоне³³ находка почти полного эпистилия, в котором к размещенному в центре Деисусу с архангелами и четырьмя евангелистами примыкают: слева — две сцены из жизни Богородицы и три сцены праздников — Благовещения, Рождества Христова и Воскрешения Лазаря, а справа — Входа Господня в Иерусалим, Распятия и Снятия со креста. Учитывая требования симметрии, следует полагать, что еще две сцены из цикла праздников были утрачены: одна, по мнению М. Хадзидакиса, изображала Воскресение Господне, а другая — либо Пятидесятницу, либо Вознесение Господне, либо Успение. Приплюсовав две утраченные сцены, М. Хадзидакис счел первоначальную протяженность иконостасного ряда равной пяти метрам. Это почти та же длина, которую мы приняли для нашего эпистилия и которая, следовательно, должна быть признана нормальной. То обстоятельство, что ватопедский эпистилий имеет сравнительно немного многофигурных композиций, можно объяснить лишь тем, что каждая его сцена несколько выше (на 69 см, если быть точным) и соответственно значительно шире. Следует отметить, что этот эпистилий не включает все двенадцатые праздники и отличается в этом отношении от прочих деисусных композиций Синая, для которых Деисус и полный праздничный цикл характерны как своего рода стандарт. Таким образом, ватопедский эпистилий является скорее исключением. Кроме того, он ставит перед нами вопрос, должны ли мы принять для нашего эпистилия с пластинками из слоновой кости полное число праздников или ограниченное. Хотя эта альтернатива не может привести нас к сколько-нибудь определенному выводу, нельзя исключить возможности воспроизведения сокращенного праздничного цикла. Следует подчеркнуть, что ни один из синайских эпистилиев с полным циклом двенадцатых праздников не включает в себя фигур апостолов, ватопедский же эпистилий, имеющий изображение апостолов, лишен полного праздничного цикла. Кроме того, не исключена возможность, что существовали и такие эпистилии, которые были украшены и развернутым деисусным чином, и полным циклом двенадцатых праздников. Это, в частности, доказывается уже упоминавшейся иконой из синайского собрания (рис. 5)³⁴, датируемой концом XI — началом XII в. и безусловно отражающей тематику темплона. Опираясь именно на эту синайскую икону, мы предложили реконструкцию, которая включает полный цикл праздников и дает сокращенное число апостолов

³⁰ М. Χατζηδάκης. Εἰκόνες ἐπιστολίου ἀπὸ τὸ "Ἅγιον" Ὅρος. — «Δελτίον χριστιανικῆς καὶ ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας», пер. IV, т. IV, 1964—1965. Athènes, 1966, p. 377 sq.

³¹ Ibid., pl. 88, 91.

³² Ibid., pl. 89—90.

³³ Ibid., pl. 77—86.

³⁴ Ср. примеч. 21.

в соответствии с традицией, характерной для изделий из слоновой кости, принадлежащих к кругу императора Романа. Однако пока остается открытым вопрос о том, в один или два ряда были расположены праздники и Деисус в эпистилии, украшенном пластинками из слоновой кости. Основываясь на примере ватопедского эпистилия, мы склонны думать, что все пластинки были размещены в один ряд.

VI

Мы отдаем себе отчет в том, что реконструкция эпистилия из пластинок слоновой кости в том виде, как мы ее предложили, стала возможна лишь в последние два года, после публикации исследований В. Н. Лазарева и М. Хадзидакиса, которые заложили новую основу для дискуссии по проблеме убранства эпистилия. Согласно обоим авторам, введение сценического воплощения двенадцатых праздников в эпистилий, который поначалу включал в свое убранство лишь полуфигурные изображения Деисуса, апостолов и святых, произошло на протяжении XI столетия. Если, однако, наш вывод о пластинках из слоновой кости как о составных частях эпистилия верен, то это нововведение следует датировать несколько более ранней эпохой, поскольку бамбергские пластинки нельзя отнести к более позднему времени, чем вторая половина X в.

Однако можно доказать, что наш эпистилий не был первым, в котором использован праздничный цикл. На Синае хранится икона с изображением Омовения ног (рис. 6)³⁵, которая, по нашему мнению, принадлежала в свое время к эпистилию. Это доказывается не только ее размерами, но и весьма необычной формой. Обычная икона вытянута больше в высоту, чем в ширину, и пишется на деревянной доске, которая обрезана так, что когда она коробится, то дает вертикальные трещины. Что же касается нашей иконы, то она представляет собой правильный квадрат со сторонами в 26 см и обрезана так, что, коробясь, образует трещины горизонтальные. Поэтому нам кажется, что иконы квадратной формы, подобные рассмотренной, выпилены из доски эпистилия. Они имеют форму метопы и, возможно, восходят к античной традиции — фризу дорического храма.

Насколько мы знаем, для рядов темплона была характерна тенденция размещать сцены или под гравированными арочками, или под аркадой, образованной рисованными либо рельефными колонками. Еще М. Хадзидакис опубликовал две прямоугольные, почти квадратной формы иконы, сходные по размеру с синайскими. Одна находится в частном собрании в Афинах и изображает Воскрешение Лазаря, другая — в Эрмитаже (Преображение)³⁶. Хадзидакис убедительно, на наш взгляд, доказал, что эти иконы принадлежали в свое время к циклу праздников из какого-то эпистилия, размещенного, весьма вероятно, на мраморном архитраве. Они относятся к XII в. и убеждают в том, что квадратный формат для многофигурных композиций существовал рядом с размещением сцен под арочками, хотя последняя система, кажется, использовалась чаще. Что касается иконографии и стиля синайской иконы «Омовение ног», то Г. и М. Сотириу указывают как на близкие аналогии на псалтирь из монастыря Пантократора на Афоне (№ 61), на Хлудовскую псалтирь Исторического музея в Москве (№ 129), фрагмент евангельских чтений из ленинградской публичной библиотеки (№ 21) и датируют эту икону IX—X вв.

³⁵ G. and M. Sotiriou. Op. cit., p. 48, fig. 33.

³⁶ M. Chatzidakis. Εἰκόνες... σελ. 399, pl. 87, a—b; см. также статью М. Хадзидакиса в кн.: Frühe Ikonen, S. XXIV, pl. 37; Byzantine Art and European Art. Catalogue of the Exhibition. Athènes, 1964, N 180, plate; A. B. Банк. Указ. соч., табл. 233. Размеры первой — 21,5×24 см, второй — 23,2×23,7 см.

Датировка ленинградского фрагмента спорна: К. Р. Морей отнес его к VIII в.³⁷, мы же приводили доводы в пользу его датировки серединой X в.³⁸, и эта дата была принята Г. и М. Сотириу. Поскольку синайская икона находит себе, по нашему мнению, наиболее близкие аналогии в соответствующей миниатюре ленинградского фрагмента, мы относим и эту икону примерно к середине X столетия.

Омовение ног не входит в обычный состав праздников, но либо употребляется взамен одного из двенадцати праздников, либо добавляется к ним. Относительно частыми добавлениями в цикл праздников являются Тайная вечеря и Омовение ног, ибо они иллюстрируют два отрывка об умывальнице (τοῦ πλυντηρίου), читавшихся в Великий четверг, и весьма высоко чтятся среди литургических праздников. Обе сцены присоединены к праздничному циклу в Дафни³⁹, а Омовение ног имеется также в Оснос Лукас⁴⁰. Можно указать, что обычай добавлять другие праздники к двенадцатым праздникам распространялся также и на эпистилии. Недавно обнаруженный расписной эпистилий в Ватопеде начинается двумя сценами из жизни Богородицы; то же характерно и для синайских эпистилиев⁴¹. Что Тайная вечеря и Омовение ног могли добавляться к циклу праздников на эпистилии, может быть доказано, по крайней мере для Тайной вечери, на примере другого синайского образца этого типа, относящегося к XIII в.⁴² Неудивительно, что в более ранний период формирования двенадцати праздников в более или менее устоявшийся цикл, т. е. в X в., вариации в подборе евангельских сцен встречались чаще, чем в XI и XII столетиях⁴³.

VII

Обратимся еще раз к нашей реконструкции эпистилия из длинного ряда пластинок слоновой кости (рис. 4). Его наиболее существенным отличием от расписных эпистилиев Синая и Афона является большее число составных частей длинного фриза. Это легко объясняется узким форматом пластинок, что вынуждало мастера размещать каждую евангельскую сцену на двух пластинках. Костяные пластинки должны были быть врезаны в длинные деревянные доски. Мы разделили схему нашей реконструкции на три части не только из соображений удобства (полный разворот невозможно воспроизвести на странице данного издания), но и потому, что композиция распадалась на ряд отдельных пластинок. Наиболее короткие эпистилии состоят из трех досок, а более длинные, подобно ватопедскому и одному из синайских, — из пяти. Мы можем принять подобное деление и для нашего эпистилия, который, как было установлено выше, имеет приблизительно ту же длину, что и ватопедский. В таком случае средняя секция (средней она является и на реконструкции) будет равна 1,54 м или 0,98 м (если число пластинок ограничивалось семью, включая только двух апостолов). Мы предпочитаем разделить боковые секции на две части одинаковой длины, каждая из которых равна 0,84 м и включает

³⁷ C. R. Morey. Notes on East Christian Miniatures. — «Art Bulletin», XI, 1929, p. 53 sq.

³⁸ K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts. Berlin, 1935, S. 59 f. und pl. LXVI—LXVII.

³⁹ E. Diez and O. Demus. Op. cit., fig. 93, 94.

⁴⁰ Ibid., pl. XII.

⁴¹ G. and M. Sotiriou. Op. cit., fig. 99, 125.

⁴² О других сценах этого опубликованного еще не полностью эпистилия см.: K. Weitzmann. Thirteenth Century Crusader Icons on Mount Sinai. — «Art Bulletin», XLV, 1963, p. 181 sq.; fig. 3; *idem*. Icon Painting in the Crusader Kingdom. — DOP, XX 1966, p. 62 sq., fig. 22—24.

⁴³ K. Weitzmann. Byzantine Miniature and Icon Painting in the Eleventh Century Painting. — «Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies. Oxford, 1966». London, 1967, p. 217 sq.

по шесть пластинок. Все эти размеры весьма близки к размерам сохранившихся эпистилиев.

Деревянная основа в той части, которая выступала по краям пластинок слоновой кости, была, безусловно, раскрашена. Весьма резонно предположение, что эта декорировка исполнялась в той же манере, что и на деревянной основе пластинок из слоновой кости, служивших в качестве переносных икон. Такова, например, икона слоновой кости из коллекции Марке де Вассело в Париже ⁴⁴. Ее рамка украшена медальонами из чеканного серебра, обрамленными цветочным орнаментом. Этот орнамент стал господствующим в середине X столетия ⁴⁵. Мы можем допустить, что такой же орнамент, исполненный в той же технике, некогда обрамлял и пластинки из слоновой кости нашего эпистилия.

Так как обычно эпистилии были расписными, следует поставить вопрос о том, полностью ли справедливо наше предположение, что столь дорогой материал, как слоновая кость, использовался для указанных целей. Конечно, это было скорее исключением, но, вероятно, не единичным. Имеются две пластинки слоновой кости такой же формы, что и ленинградские и бамбергские, и даже несколько большего размера (29 см в высоту), одна в Готе, другая в Думбартон-Оксе в Вашингтоне, которые, по-видимому, также входили в состав эпистилия ⁴⁶.

Много было написано о темплоне константинопольской св. Софии, который, согласно свидетельству Павла Силенциария, был серебряным ⁴⁷; есть достаточные основания полагать, что этот темплон не был единственным, изготовленным из столь дорогого материала. Недавние находки, сделанные в Малой Азии близ Анталии, также определены как фрагменты ранневизантийского темплона. В. Н. Лазарев отметил использование цветной пасты в углубленных местах медальонов с поясными фигурами на мраморных архитравах ⁴⁸, что, по-видимому, было весьма обычным в Малой Азии. Другой такой архитрав с медальонами, выполненными в той же технике, был недавно обнаружен Н. Фиратли при раскопках в Севастии во Фригии ⁴⁹, который он предположительно, в соответствии с другими памятниками этого типа, датировал X в.

Наиболее важным, однако, явилось недавно приведенное Г. Ханлозером убедительное доказательство того, что верхняя часть Пала д'Оро в соборе св. Марка составлена из фрагментов двух различных эпистилиев. По мнению этого ученого, они находились раньше в храме Пантократора в Константинополе и были увезены в Венецию после взятия крестоносцами города в 1204 г. ⁵⁰ Эта верхняя часть Пала д'Оро состоит в основном из вмонтированных в арочки эмалей с изображением евангельских сцен, составляющих вторую половину цикла двенадесятих праздников: от Входа в Иерусалим до Успения. Эмаль с изображением Входа в Иерусалим по своим размерам несколько больше остальных пяти эмалей и отличается от них также по стилю; поэтому они не могли принадлежать к одному и тому же эпистилию. Теории Г. Ханлозера не противоречит и то, что оба эпистилия могут происходить из одного храма Пантократора,

⁴⁴ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Op. cit., Bd. II, S. 73, N 197, pl. LXV.

⁴⁵ K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei, S. 22 f.

⁴⁶ Основания для этого предположения будут изложены автором в подготавливаемом им каталоге изделий из слоновой кости, хранящихся в собрании Думбартон-Окс.

⁴⁷ В. Н. Лазарев включил реконструкцию Ксидиса (The Chancel Barrier, Solea and Ambo of Hagia Sophia. — «Art Bulletin», XXIX, 1947, p. 2 sq.) в свою статью о развитии иконостаса.

⁴⁸ W. H. Buckler, W. M. Calder and W. K. C. Guthrie. Monumenta Asiae Minoris Antiqua, vol. IV. Manchester, 1933, p. 13, pl. 17.

⁴⁹ Сообщено в докладе, представленном на XIII Международном конгрессе византинистов в Оксфорде в сентябре 1966 г.

⁵⁰ H. Hahnloser. Il Tesoro di San Marco. La Pala d'Oro. Firenze, 1965, p. 94 sq., pl. LXIX—LXX.

поскольку в данном случае три существовавшие отдельно церкви были впоследствии объединены в единый архитектурный комплекс и каждая из них должна была иметь свой собственный иконостас. Очевидно, расписные эпистилии, подобные обнаруженным на Синае, брались за образец при изготовлении из наиболее драгоценного материала — перегородчатых эмалей — эпистилиев храма Пантократора. Примечательно, что именно этот материал использовался для украшения церкви, основанной императором, и мы можем поэтому предполагать, что и реконструированный нами эпистилий из пластинок слоновой кости украшал некогда императорскую часовню или церковь. Тот факт, что рассматриваемые здесь изделия из слоновой кости принадлежат к кругу императора Романа II, следовательно, изготовлены в мастерской, обслуживавшей императорский двор, существенно подкрепляет наше предположение.

Едиственное отличие реконструированного нами эпистилия от других — большое число закругленных кверху пластинок с расчлененными на две части сценами, придающих вытянутой по фризу композиции учащенный ритм, в противоположность неторопливому ритму широких аркад других эпистилиев. Тем не менее предложенная нами реконструкция не остается без параллелей. Таков, например, деревянный эпистилий, сохранившийся на мраморном темплоне в маленькой церкви в Абруцках — Санта Мария ин Валле Поркланета (рис. 7)⁵¹; в центре этого темплона имеются три большие арки, где был, по всей вероятности, размещен Деисус, а с обеих сторон от них — по пятнадцати узких арочек, т. е. всего 33 арки. Это весьма сходно с реконструированным нами эпистилием с пластинками из слоновой кости, который, как мы полагаем, имел или 35, или 31 пластину — в зависимости от числа фигур апостолов, фланкировавших с обеих сторон Деисус. На итальянском эпистилии сохранились лишь слабые следы краски, в силу чего иконографическая программа его росписи не поддается уточнению, однако его общая планировка вполне сравнима с планировкой нашей реконструкции. Берто предположил, что этот темплон, не имеющий аналогий в Италии, был копией дорогого эпистилия в монастыре Монтекассино, выполненного по заказу аббата Дезидерия в Константинополе. Так как Санта Мария ин Валле Поркланета являлась церковью бенедиктинского монастыря, зависимость ее убранства от Монтекассино представляется в высокой степени правдоподобной.

VIII

Какова была судьба нашего эпистилия, состоявшего из пластинок слоновой кости? Если ленинградский диптих принадлежал к тому же ансамблю, что и два бамбергских диптиха, то он не только должен был находиться на латинском Западе в первой четверти XI столетия, но уже к тому времени должен был быть разобран, ибо бамбергские пластинки были использованы, как уже упоминалось, в качестве крышек переплетов двух тропарей, которые, по всей вероятности, были изготовлены для Генриха II (1002—1024) и его жены Кунигунды⁵². Возможно, они были даром этого императора его любимой ктиторе (т. е. кафедральному собору в Бамберге), для которой он не скупился на роскошные подарки. Мы можем поэтому высказать догадку, что пластинки из слоновой кости уже находились в императорской сокровищнице, когда Генрих заказал Сионскому монастырю написать тропари на пергаменных листах,

⁵¹ E. Bertaux. L'art dans l'Italie Méridionale. Paris, 1904, p. 554, fig. 251—252; V. Bindl. Monumenti Storici ed Artistici degli Abruzzi. Napoli, 1889, pl. 209; E. Steinmann. Die Sixtinische Kapelle, Bd. I. München, 1901, S. 173, fig. 84. Ср. также: H. Hahnloser. Op. cit., pl. LXX, внизу.

⁵² P. E. Schramm, Fl. Mutherich. Denkmale der deutschen Könige und Kaiser. München, 1962, S. 159, N 118, pl. 338—339.

подходивших по формату к пластинкам из слоновой кости.⁵³ Поскольку же, как отмечалось, эти изделия из слоновой кости были созданы в мастерской, которая обслуживала императорский двор, логичным казалось бы допущение, что они попали в собственность германского императора в качестве официального дара василевса и предназначались, вероятнее всего, для убранства дворцовой часовни.

Но для кого мог быть сделан эпистилий, украшенный пластинками из слоновой кости? Судя по их стилю, они не могли быть выполнены ранее второй половины X в. Следует напомнить, что в 972 г. германский император Оттон II женился на византийской принцессе Феофано, которая, согласно данным современной науки, была племянницей Иоанна Цимисхия⁵⁴. Весьма заманчива гипотеза, что эпистилий был изготовлен для Феофано около 972 г., когда она покинула Константинополь и, окруженная греческими придворными и мастерами, отправилась на Запад, чтобы сочетаться с германским императором. Для нее, и только для нее, был подходящим столь роскошный темплон из самого дорогого материала.

Мы можем допустить, что демонтаж этого эпистилия произошел вскоре после смерти Феофано в 991 г., когда, по-видимому, исчезли основания для сохранения при германском дворе греческого ритуала. Другими словами, разборка эпистилия не была результатом его порчи или разрушения. Такое расчленение целостных ансамблей изделий из слоновой кости нашло себе место и в отношении ряда византийских триптихов X столетия, которые попали на латинский Запад и были здесь разобраны примерно в то же время, что и наш эпистилий. Их створки были использованы в качестве крышек переплетов оттоновских рукописей по той простой причине, что их подлинное назначение служить иконами для индивидуальной молитвы было непонятно⁵⁵.

Если верен наш тезис, что интересующий нас эпистилий украшал императорскую часовню на латинском Западе, то естественно было бы задать вопрос, оставило ли произведение столь высокого искусства следы своего влияния на современное германское искусство. Я хотел бы здесь указать на золотой антепендиум, который Генрих II (тот же император, который владел, как мы уже отмечали, четырьмя бамбергскими пластинками из слоновой кости) заказал в 1019 г. для кафедрального собора в Базеле⁵⁶. На нем изображены под аркадой пять фигур в рост — композиционный прием, в корне отличный от того, который применен на почти одновременном золотом антепендиуме из кафедрального собора в Аахене, датируемом то временем Оттона III, то правлением Генриха II и изготовленным, возможно, в той же мастерской, что и базельский⁵⁷. Система декора аахенского антепендиума (серия сцен из жизни Христа в трех размещенных друг над другом регистрах), кажется, была более старой и более традиционной. Стоящие под арками фигуры, как они даны на базельском антепендиуме, изображены уже на золотом алтарном образе, пожертвованном Карлом Лысым монастырю Сен-Дени⁵⁸, по мерный ритм в размеще-

⁵³ P. E. Schramm, *Fl. Mutherich. Denkmale der deutschen Könige und Kaiser*, S. 159, N. 118, pl. 340.

⁵⁴ G. Ostrogorsky, *Geschichte des byzantinischen Staates*, München, 1952, S. 237.

⁵⁵ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. *Op. cit.*, Bd. II, pl. II, 4; VI, 22; VIII, 25; XXIII, 55—56; XXXV, 87; XXXVII, 94; XL, 105—106; XLVI, 124—126; XLVII, 129—130; XLVIII, 133; XLIX, 134; L, 138—139; LII, 148; LIII, 151; LVII, 166; LIX, 176; LXII, 189; LXVIII, 207.

⁵⁶ P. E. Schramm, *Fl. Mutherich. Op. cit.*, S. 166, N. 138, pl. 359.

Локализация антепендиума спорна: называют Майнц, Рейхенау, Регенсбург и особенно часто Фульду; T. Buddensieg. *Die Basler Altartafel Heinrichs II.* — «Wallraf-Richartz Jahrbuch», XIX, 1957, S. 133 f.

⁵⁷ H. Schnitzler. *Fulda oder Reichenau.* — «Wallraf-Richartz Jahrbuch», XIX, 1957, S. 39 f.

⁵⁸ Известен по живописному воспроизведению XV в. P. E. Schramm, *Fl. Mutherich. Op. cit.*, pl. 255.

нии стоящих фигур святых здесь отсутствовал — он был прерван большой сидящей фигурой Христа в центре.

Кроме того, давно уже было замечено, что расстояния между арочками на базельском антепендиуме заполнены чисто византийским цветочно-лиственным орнаментом. Мы уже упоминали ранее, что этот вид орнамента на чеканном позолоченном серебре использовался для рамок икон, и поэтому есть достаточно оснований предполагать, что наш эпистилий имел на своей деревянной основе подобный же орнамент. В композиционном отношении базельский антепендиум выглядит весьма схожим с центральной частью реконструированного нами эпистилия, да и в иконографии немало общего. Стоящий между двух архангелов Христос кажется навешанным Деисусом, и поскольку верно, что тип Христа базельского антепендиума является модификацией византийского, постольку и архангел Михаил со сферой и скипетром в руках вполне может быть сопоставлен с Гавриилом на пластинке слоновой кости из собрания Тайлера.

Итак, считая ленинградский диптих, четыре бамбергские пластинки и фрагмент из собрания Тайлера, мы объединили в ансамбль семь пластинок, которые следует рассматривать как фрагменты гораздо более обширного художественного комплекса. Их происхождение из императорской византийской мастерской, связь с германским императорским домом позволяют отвести им видное место среди произведений византийского искусства. И все-таки, повторим еще раз, рассмотренные нами пластинки из слоновой кости не отличаются как произведения искусства достаточно высоким качеством. Это объясняется, вероятнее всего, тем, что они были изготовлены не как объекты личного поклонения, на которые смотрят с близкого расстояния (как, например, тончайшие триптихи группы императора Романа), а как детали убранства эпистилия, где можно было довольствоваться более простой техникой.

RESUMÉ

The Hermitage possesses an ivory diptych (fig. 1), hitherto unpublished which, as many other ivories, was once in the Basilewsky collection. It represents in abbreviated form Christ's Presentation in the Temple, being confined to Simeon and the Virgin with Child. Iconographically and stylistically (cf. fig. 2) it belongs to the so-called Romanos group (Goldschmidt—Weitzmann. *Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen*, Bd. II, 1934, S. 14 ff., 33ff. und Taf. X—XXIX) and dates in the second half of the 10th century. Within this group the Leningrad plaques have an especially close relationship to four ivory plaques in the State Library in Bamberg (figs 3a—g) which in the early 11th century were used as book covers for prayer books of the German emperor Henry II and his wife Kunigunde. In addition the Leningrad plaques have precisely the same measurements and this seems to indicate that they were not only made in the same workshop but actually belong to the same set and once decorated the same object. This means that just like the Bamberg plaques those in Leningrad were not made for a diptych, but turned into one at a later time.

In a recent study (Festschrift für Usener. Marburg, 1967) the author has tried to demonstrate that the Bamberg plaques once decorated an epistyle of an iconostasis with the Deesis in the center (with a plaque of John the Baptist being lost), flanked by two archangels (one fragment of Gabriel being preserved in a collection in Paris) and by Peter and Paul (with perhaps some more apostles at either side). The Presentation in the Temple depicted in the Leningrad diptych is one of the twelve great feasts of the Orthodox Church and one can therefore assume that the epistyle contained at either side of the Great Deesis six feasts, each of which presumably occupied two ivory plaques (fig. 4). The narrow format of the ivory plaques must have been

a challenge to the carver, but that Byzantine artists were able to cope with such difficult formal problems may be seen in a miniature of the Codex Esphigmenu 14 (fig. 5).

Our justification for reconstructing a long beam with the Great Deesis plus the twelve feasts is based on an icon on Mount Sinai from the 11—12th centuries (fig. 6) which shows all the elements of such an iconostasis beam condensed into one panel and surely is derived from such a beam. Recently V. Lazarev and M. Chatzidakis (Δελτ. Χρυστ. Ἀρχ. Ἑτ. Per. IV, vol. IV, 1964—1965, 1966, p. 162 sq., 377 sq.) have collected rich evidence for epistyles with painted panels of the Deesis and the dodecaortos, beginning with the 11th century. Our ivories would indicate that the introduction of the dodecaortos into the epistyle of the iconostasis had already started in the 10th century. Our ivories would not even be the earliest witness to this. There is on Sinai an icon with the Washing of the Feet (fig. 7) which surely cannot be later than the first half of the 10th century and which, as the horizontal warping proves, was cut from a beam. Though the Washing of the Feet does not belong to the conventional cycle of the 12 feasts, here is another iconostasis beam on Sinai which does add this scene to the dodecaortos.

The reconstruction with about 35 plaques may at first glance look unusual for an epistyle of an iconostasis. Yet that such beams did exist, is confirmed by an iconostasis of the church of S. Maria in Valle Porclaneta in South Italy which has about the same number of narrow plaques in a long row. Moreover it will be noticed that some of the painted panels from epistyles (Lazarev, pls 32—33; Chatzidakis, pls. 88—91) have approximately the same size and shape. Also the calculated length of the beam (between $4\frac{1}{2}$ and 5 meters) would be in agreement with the beams from Sinai and the one in Vatopedi on Mount Athos.

Our epistyle with ivory plaques can have remained assembled for only a very short period of time, since the Bamberg plaques were already reused as bookcovers in the early 11th century as were so many of the Byzantine ivory triptychs which now decorate covers of Ottonian manuscripts. Since the whole group of ivories under consideration comes from a Constantinopolitan workshop which mainly worked for the imperial court and was, as the Bamberg plaques indicate, also in Germany in possession of the imperial family, it is tempting to speculate that the ivories may have decorated an imperial chapel built for Theophano, the Byzantine princess who was married to the emperor Otto II in 972. When Henry II, one time owner of these ivories, donated a golden altar frontal to the Cathedral of Basel, it is conceivable that its new form with standing frontal figures under arches in the manner of a Deesis, was inspired by our ivory epistyle.

Г. И. ВЗДОРНОВ

ΣΥΝΑΞΙΣ ΤΩΝ ΑΡΧΑΓΓΕΛΩΝ

В Государственной центральной художественной научно-реставрационной мастерской (ГЦХНРМ) им. академика И. Э. Грабаря (Москва) недавно закончилась расчистка и реставрация большой иконы, которая известна под названием «Собор архангела Михаила»¹. Эта икона поступила в ГЦХНРМ в 1958 г. из краеведческого музея г. Великий Устюг Вологодской области². На великоустюжской иконе (2-я пол. XIII — нач. XIV в.) изображены архангелы Михаил и Гавриил (рис. 1). Они представлены в полный рост, фронтально, в торжественных позах и парадных одеждах византийских цесарей, украшенных лорами. На руках у архангелов написан диск с полуфигурой Спаса Эммануила (рис. 2). По размерам он значительно меньше фигур обоих архангелов. Но композиция иконы строго симметрична, и диск написан точно по вертикальной оси, разделяющей икону на две равные половины. Поэтому внимание зрителя привлекают не только фигуры архангелов, но и изображение Христа Эммануила, которому отведено центральное место на плоскости иконы. Очевидно, что иконография этой иконы восходит к какой-то очень торжественной сцене, где особую роль должен был играть образ Христа

¹ Размер иконы 165×118×3,5 см. Расчистку иконы производила А. Н. Баранова. Предварительные сообщения об иконе в процессе ее расчистки публиковались в каталогах и обзорах реставрационных выставок, на которых были экспонированы работы ГЦХНРМ. См.: IV выставка «Реставрация и консервация произведений искусства» Каталог. М., 1963, стр. 7—8, 11+две иллюстрации (выставка была устроена в помещении Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина); С. Ямщиков. Новооткрыти паметници на древнеруската живопис. — «Искусство», 1963, № 10, стр. 32; его же. Раскрытые шедевры. — «Творчество», 1963, № 12, стр. 9; V выставка произведений искусства, реставрированных Государственной центральной художественно-реставрационной мастерской им. академика И. Э. Грабаря. Каталог. М., 1965, стр. 53, 57 (выставка была устроена в залах Государственного музея искусств народов Востока, Москва); Альбом «Древнерусская живопись. Новые открытия». Составитель С. Ямщиков. М., [1965], табл. 1. Ср. также: Г. И. Вздорнов. О живописи Северо-Восточной Руси XII—XV веков. [Обзор выставки икон «Ростово-Суздальская школа живописи» в Третьяковской галерее, 1967 г.]. — «Искусство», 1969, № 10, стр. 59 и 61 (снимок); его же. Живопись. — В сб. «Очерки русской культуры XIII—XV веков», ч. 2. М., 1970, стр. 265 (снимок), 266.

² До революции икона хранилась в великоустюжском Михаило-Архангельском монастыре и первоначально, по-видимому, находилась в иконостасе церкви Собора архистратига Михаила и прочих бесплотных сил. В 1928 г. она была обследована А. И. Анисимовым, а в 1931 г. Ю. А. Олсуфьевым, который по особенностям обработки доски и устройству шпонок отнес ее к очень древним памятникам. Сделанная тогда же И. И. Тюлиным пробная расчистка иконы показала наличие первоначальной живописи, и Ю. А. Олсуфьев предполагал доставить ее в Москву для полного раскрытия в ЦГРМ (ОР ГТГ, ф. 67, № 443, лл. 6, 11, 24). Его план не был осуществлен. Икона была вывезена в Москву в 1958 г. Н. Н. Померанцевым. В настоящее время она принадлежит Русскому музею в Ленинграде.

Известно, какое большое место занимал культ ангелов в христианской религии³. Уже в первые века ее существования была разработана четкая классификация ангельских чинов, получившая свое выражение в знаменитом сочинении Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии»⁴. По средневековым представлениям, небесные чины были прямо связаны с божеством. Они возведали волю божию и исполняли ее на земле. По Новому завету — это слуги Христа и его церкви. Они «преимущественно и многообразно открывают божественные тайны, — пишет Псевдо-Дионисий Ареопагит. — Вот причина, почему они исключительно пред всеми удостоены наименования ангелов: они первые получают Божественное озарение, и чрез них уже даются нам откровения»⁵.

Все небесные чины делились на три степени, или иерархии. Первая степень — это серафимы, херувимы и престолы, вторая — власти, господства и силы, третья — ангелы, архангелы и начала⁶.

Архангелы Михаил и Гавриил причислялись, следовательно, ко второму лику третьей степени. Это стимулировало развитие их культа, особенно культа архангела Михаила⁷. На Востоке его имя пользовалось чрезвычайным уважением. В IV в. почитание Михаила было занесено из Малой Азии в Константинополь. Здесь распространению культа архангела способствовала его двойная слава как покровителя светской и церковной властей. Для византийских императоров он был их военным патроном и защитником столицы империи — Константинополя — от неверных⁸; церковь же рассматривала его как невидимого наместника Христа на земле. В Константинополе и его окрестностях в разное время существовало до 40 церквей, построенных в честь архангела Михаила⁹. В одной только столице их насчитывалось более 15¹⁰. Нелишне заметить, что некоторые

³ См.: *G. Bareille*. Le culte des anges à l'époque des Pères de l'Eglise. — «Revue thomiste», t. VIII, 1900, col. 40—42; *idem*. Angélogie d'après les Pères. — «Dictionnaire de théologie catholique», t. I, 1903, col. 1192—1222; *J. Durand*. Les sept anges. — «Bulletin monumental», 1884, p. 767—772; *Н. П. Кондаков*. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929, стр. 96—101; *F. Stier*. Gott und seine Engel im Alten Testament, 1934; *E. Peterson*. Buch von den Engeln. Stellung und Bedeutung den Heiligen Engeln im Kultus. Leipzig, 1935; *R. P. Regamey*. Les anges. Paris, 1946; *P. Verzone*. Les églises du haut Moyen Âge et le culte des anges. Paris, 1953.

⁴ Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. Изд. 6. М., 1898. Издание греческого текста см.: *Dionysii Areopagitae De celesti Hierarchia*. — PG, t. III, 1857, col. 119—370.

⁵ Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии, гл. IV, § 2.

⁶ Там же, гл. VI, § 2. Об иконографии ангелов см.: *G. Stuhlfauth*. Die Engel in der altchristlichen Kunst. Freiburg in Br., 1897 («Archäologische Studien zum christlichen Altertum und Mittelalter», Heft 3); *F. Cabrol*. Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, t. I (2). Paris, 1907, col. 2144—2150; *P. Perdrizet*. L'archange Ouriel. — «Seminarium Kondakovianum», II. Prague, 1928, p. 241—276; *L. Schreyer*. Bildnis der Engel. Freiburg in Br., 1940; *L. Réau*. Iconographie de l'art chrétien, t. II. Iconographie de la Bible, 1. Ancien Testament. Paris, 1956, p. 30—55; *M. Tatić-Djurić*. Das Bild der Engel. Recklinghausen, 1962.

⁷ Об архангеле Михаиле см.: *F. Wiegand*. Der Erzengel Michael unter Berücksichtigung der byzantinischen Kunst. Stuttgart, 1866; *W. Lueken*. Michael. Göttingen, 1898; *A. Renner*. Der Erzengel Michael in der Geistes- und Kunstgeschichte. Saarbrücken, 1927; *M. Gasnier*. Saint Michel Archange. Paris, 1944; *L. Réau*. Op. cit., p. 44—51.

⁸ Характерен, в частности, следующий пример: когда в 1261 г. Михаил III Палеолог отвоевал у латинян Константинополь, он воздвиг бронзовую группу, изображавшую архангела Михаила, которому император подносил модель освобожденного города (*A. Grabar*. L'empereur dans l'art byzantin. Paris, 1936, p. 114).

⁹ *R. Janin*. Les sanctuaires byzantins de Saint Michel. — «Echos d'Orient», N 173 (1934, janvier—mars), p. 28—52.

¹⁰ Ibid., p. 29.

храмы были посвящены совместно архангелам Михаилу и Гавриилу. С Востока культ архангела Михаила был занесен и на Запад, где его центрами стали Monte-Gargano в Италии (Апулия) и Mont Saint-Michel во Франции (Нормандия)¹¹. Он получил также широчайшее распространение на Руси, о чем свидетельствует множество монастырей и храмов, сооруженных в его честь как на юге, так и на севере страны в XI—XIV вв.¹² На Руси, как и в Византии, архангел Михаил особо почитался верхушкой феодального общества, и более половины посвященных ему храмов было сооружено в качестве придворных княжеских церквей.

Исторические данные свидетельствуют, что культ архангела Михаила был развит значительно шире и глубже, чем культ архангела Гавриила. Поэтому даже в тех случаях, когда следовало упомянуть имена обоих архангелов, нередко ограничивались именем одного Михаила. Аналогичным образом великоустюжскую икону архангелов Михаила и Гавриила и другие иконы, написанные на этот сюжет, обычно называют «Собор архангела Михаила». Между тем ни одна из этих икон не имеет древней надписи, которая бы удостоверяла такое определение сюжета. Композиция великоустюжской иконы строго симметрична, и у нас нет оснований выделять архангела Михаила, называя его именем икону в целом. Протооригинал этой иконы был сочинен с явной целью указать на равное участие архангелов в торжественной церемонии, представленной на иконе. Поэтому икону следует называть не «Собор архангела Михаила», ибо это название правильно лишь наполовину, а «Собор архангелов Михаила и Гавриила».

Соборы тех или иных лиц празднуются обычно на другой день после воспоминания событий, в которых эти лица принимали активное участие. Собор архангела Гавриила празднуется на другой день после Благовещения, Собор Богоматери — на другой день после Рождества Христова, Собор Иоанна Предтечи — на другой день после Богоявления, Собор святых апостолов — на другой день после памяти апостолов Петра и Павла. В годовом цикле праздников Соборы архангелов воспоминаются трижды: 26 марта и 13 июля — Собор архангела Гавриила и 8 ноября — Собор архистратига Михаила и прочих бесплотных сил. Первое воспоминание Собора архангела Гавриила установлено на другой день после Благовещения. Следовательно, 26 марта Гавриил прославлялся в качестве архангела, возвестившего Марии о грядущем рождестве Христа. Оба праздника впервые упомянуты в источниках X в., и в дальнейшем они осуществлялись на равных правах¹³. Но календарное окружение второго праздника ар-

¹¹ О. А. Добиаш-Рождественская. Культ святого Михаила в латинском средневековье V—VIII веков. Пг., 1917 (литографированное издание); *E. Mâle. L'art religieux du XII-e siècle en France*. Paris, 1922, p. 257—262.

¹² Собор Выдубицкого монастыря (1070—1088), собор Михайловского Златоверхого монастыря (1108—1113) и церковь, называемая новгородской божницей (упом. в 1147), в Киеве, собор в Переяславле Южном (1089), божница в Остерском Городке (около 1098 или, что менее вероятно, между 1120 и 1152), церковь в Чернигове (заложена в 1174), церковь на Софийской стороне в Новгороде (упом. в 1175), церковь в Смоленске (между 1180 и 1197), монастырь в Устюге (основан в 1212), церковь в Нижнем Новгороде (1227), монастырь в Юрьеве-Польском (существовал в начале XIII в., razoren татарами в 1238), монастырь во Владимире Волынском (упом. в 1268), церковь в Ярославле (около 1300), монастырская церковь в Твери (упом. в 1319), монастырь близ Порхова (упом. в 1352), монастырь на Сквородке близ Новгорода (основан в 1355), княжеская церковь (1333) и митрополичий монастырь (1365) в Московском Кремле, церковь в тверском городке Старице (1396—1398), монастырская церковь на Песках в Пскове (1398 или 1399), монастырь в Усть-Вьме Пермской епархии (основан Стефаном Пермским во второй половине XIV в.), монастырь на месте будущего Архангельска (основан, вероятно, между 1387 и 1414) и другие. О почитании архангела Михаила на Руси см. также: Н. И. Кареев. Гермес-Михаил и сказание о чуде в Хонах. По поводу книги О. А. Добиаш-Рождественской «Культ св. Михаила в латинском средневековье V—VIII веков» (Пг., 1917). — «Известия ОРЯС», т. XXIII, кн. 1, 1919, стр. 252; В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 52—54.

¹³ Сергей, архиеп. Полный месяцеслов Востока, т. II. Святой Восток. Изд. 2. Владимир, 1901, стр. 86, 211—212, 268—269.

хангелу Гавриилу не содержит каких-либо намеков на участие этого архангела в событиях соседних дней, и поэтому причины его установления остаются неясными.

Истоки праздника Собора архангела Михаила и причины его совершения в день 8 ноября так же, как и второго праздника архангела Гавриила, точно неизвестны. Существует остроумная попытка истолковать этот праздник как одно из нововведений alexandрийской церкви, где он якобы заменил собою древний праздник Богоявления¹⁴. Первые глухие упоминания об этом празднике датируются V—VI вв.¹⁵

Хотя оба праздника архангелу Гавриилу обозначены «Соборами», содержание службы на эти дни посвящено исключительно одному Гавриилу. Третий праздник, Собора архистратига Михаила, сравнительно с первыми двумя имеет несколько более общий характер. В этот день Михаил почитается не единолично, а совместно с другими небесными силами. Для понимания праздника существенное значение имеет ватиканская рукопись Менология Василия II (979—984). Миниатюра, сопровождающая текст Менология на 8 ноября, изображает архангела Михаила с лабарумом, стоящего над бездной, в которую падают сатанинские силы¹⁶. Однако обозначение праздника — *ἡ συνάξις τῶν ἀρχαγγέλων* — указывает, что составители императорского Менология имели в виду Собор архангелов вообще, где Михаилу отводилась почетная, первенствующая, но не исключительная роль. Формально, следовательно, праздник был посвящен архангелу Михаилу, но фактически вместе с ним прославлялись и другие архангелы. Действительно, некоторые менологии свидетельствуют, что праздник 8 ноября нередко понимали и так: либо как Собор Михаила и Гавриила, либо как Собор бесплотных сил в целом¹⁷. Здесь уместно сказать, что на 8 ноября существует целый ряд похвальных «слов», написанных церковными авторами IX—X вв.: Кириллом Философом¹⁸, Феодором Студитом¹⁹, Климентом, архиепископом Болгарским²⁰. Все они посвящены совместно архангелам Михаилу и Гавриилу — начальникам, архистратигам, воеводам бесплотных сил.

¹⁴ В. Болотов. Михайлов день. Почему Собор св. архистратига Михаила совершается 8 ноября? — «Христианское чтение», 1892, ноябрь—декабрь, стр. 593—644. Ср.: Г. С. Дебольский. Дни богослужения православной католической восточной церкви, т. I. СПб., 1882, стр. 269. Относительно же выбора месяца и дня для совершения праздника Г. С. Дебольский, не ссылаясь на использованные им источники, говорит следующее: «Месяц ноябрь избран для праздника св. ангелам-богохвалителям и человекохранителям потому, что этот месяц есть девятый от марта, бывшего некогда началом года, и числом девятый соответствует девяти ангельским чинам, а осьмьмй день месяца назначен в отношении ко второму Христову пришествию на землю, день коего от учителей церковных нарицается осьмьмй» (Г. С. Дебольский. Указ. соч., стр. 270).

¹⁵ В. Болотов. Указ. соч., стр. 595 (автор приводит точную дату: 509 год, по, согласно данным Г. С. Дебольского, в честь праздника существует песнопение, составленное патриархом константинопольским Антонием, жившим в V в.).

¹⁶ Il Menologio di Basilio II (Cod. Vaticano greco 1613), t. II. Tavole. Torino, 1907 (в серии: «Codices e Vaticanis selecti phototypice expressis», vol. VIII), p. 168.

¹⁷ Сергей, архиеп. Полный месяцеслов Востока, т. II, стр. 269. Ср. в Паримейнике 1271 г. (ГЦБ, Q н 1 13) на л. 248: «М(е)с(я)ца ноября въ 8 [день] съборъ Михаила и Гаври(и)ла архистратига».

¹⁸ ЧОИДР, 1847, № 8, отд. IV, стр. 1—21.

¹⁹ Творения преподобного Феодора Студита в русском переводе, т. II. СПб., 1908, стр. 114—123.

²⁰ Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым. Издал В. Н. Щепкин. Сборник Чудова монастыря, № 20. — ЧОИДР, 1889, кн. 3, отд. I, стр. 39—46. См. также: А. Попова. Первое прибавление к Описанию рукописей и каталогу книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1875, стр. 52—56; А. В[адковский]. Памятник древнеболгарской проповеднической письменности. — «Православный соборник», 1881, ноябрь, стр. 220—225; Великие Минеи чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Ноябрь, дни 1—12. Издание Археографической Комиссии. СПб., 1897, стб. 237—241. См. также: К. М. Куев. Един необнародован препис от Климентовото Слово за Михаил и Гавриил. — Климент Охридски. Сборник от статии по случай 1050 години от смърт му. София, 1966, стр. 221—242.

В православной иконографии подавляющее большинство иконописных изображений соответствует тем или иным дням церковного календаря. Но можно ли соотносить великоустюжскую икону с одним из трех упомянутых праздников и если можно, то с каким именно? Более широкий сравнительно с первыми двумя характер третьего праздника — в честь архангела Михаила и прочих бесплотных сил — располагает к тому, чтобы мы сопоставили нашу икону с днем 8 ноября. Действительно, целый ряд позднейших изображений Соборов архангелов, называемых «Соборами архангела Михаила» и приуроченных к минейным циклам (например, фреска XIV в. собора в Дечанах), предназначены служить иллюстрациями на день праздника 8 ноября. Поэтому у нас есть основания думать, что великоустюжская икона Собора двух архангелов должна быть соотнесена с ноябрьским праздником Собора архангела Михаила и прочих бесплотных сил.

2

Известно, что на иконографию ангелов повлиял тип античной богини победы — греческой Ники и ее римского двойника Виктории²¹. В искусстве IV—VI вв. иконографические признаки Ники—Виктории являются по существу уже иконографическими признаками ангелов. Особенно часто эти синкретические существа, Ники-ангелы, изображались в символических композициях, прославляющих крест или; что было одно и то же, Христа²². Такого рода группы состоят из круглого медальона, окаймленного венком, на котором изображен монограмматический крест, и двух летящих (или стоящих) ангелов, расположенных по сторонам от медальона и держащих его навесу (рис. 3, 4)²³. Медальон с монограмматическим крестом — это *imago clipeata* (εἰκὼν ἐν ὀπλῳ), т. е. образ на щите, символизирующий победу Христа над смертью на кресте. В более широком понимании *imago clipeata* с изображением креста — это победный щит вообще, дарующий победу и символ самой этой победы. На постаменте триумфальной колонны императора Аркадия, воздвигнутой им в Константинополе (401—402), был высечен даже настоящий щит, который поддерживали две стоящие крылатые фигуры; аналогичную композицию мы находим также на постаменте триумфальной колонны императора Маркиана

²¹ F. Cabrol. Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, t. I (2), col. 2111—2121.

²² Подобные изображения были широко распространены в раннехристианском искусстве. В Грузии и Армении они держались вплоть до зрелого средневековья (Н. Чубинашвили. Рельеф «Вознесение креста» на каменном кресте из селения Качагани. — «Атс Георгика», 6. Тбилиси, 1963, стр. 9—27, табл. 1—5; И. А. Орбели. Памятники армянского зодчества на острове Ахтамар. — В кн.: И. А. Орбели. Избранные труды, т. I. Из истории культуры и искусства Армении X—XIII вв. М., 1968, стр. 81—82, табл. IX — рельеф над входом храма св. Креста на острове Ахтамар, 915—921 гг.).

²³ Они известны в монументальной скульптуре (J. Kollwitz. Oströmische Plastik der theodosianischen Zeit. Berlin, 1941, Taf. 45; W. F. Volbach. Frühchristliche Kunst. Die Kunst der Spätantike in West- und Ostrom. München, 1958, Abb. 75 — воспроизводимый нами детский саркофаг из Фенари Иса Джами второй половины IV в.; Г. Н. Чубинашвили. Памятники типа Джвари. Таблицы. Тбилиси, 1948, табл. 24, 25 — рельеф в тимпане южного входа храма Джвари в Мцхета, 586/87—604); на диптихах из слоновой кости (J. Beckwith. Coptic Sculpture. 300—1300. London, 1963, p. 49—50, fig. 40 — диптих V—VI вв. в Национальном музее в Равенне; W. F. Volbach. Elfenbeinarbeiten der Spätantike und frühen Mittelalters. Mainz, 1952, Nr. 125 — диптих VI в., Париж, Национальная библиотека; Nr. 223 — книжный оклад IX в., копирующий диптих VI в., в Museo Sacro, Ватикан); в мозаиках, например в Арианском баптистерии (493—520) и церкви Сан-Витале (525—547) в Равенне (C.-O. Nordström. Ravennastudien. Ideengeschichte und ikonographische Untersuchungen über die Mosaiken von Ravenna. Stockholm, 1953, Taf. 23 a, 24 e, 25); на тканях: O. M. Dalton. Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911, fig. 362 (фрагмент коптской ткани V в. в Музее Виктории и Альберта, Лондон).

(450—457), с той только разницей, что здесь щит, приближающийся по форме к *imago clipeata*, укреплен на древке²⁴. Иногда крест на щите заменяли изображением воплотившегося бога, например на диптихе начала VI в., хранящемся в Лувре²⁵, на панели деревянных дверей VI в. из церкви св. Варвары в Старом Каире, находящихся ныне в каирском Египетском музее²⁶, на рельефе начала VII в. над южным входом в боковое помещение храма Джвари (рис. 5) или на замечательном окладе каролингской работы начала IX в. на Евангелии из Лорша, хранящемся ныне в Музее Виктории и Альберта в Лондоне²⁷. Композиция двух викторий с *imago clipeata*, как и многие другие христианские иконографические типы, возникла на основе более ранних античных изображений триумфального либо заупокойного назначения. Это доказывается многочисленными рельефами и другими памятниками, где место позднейшего креста или полуфигуры Христа занимают изображения богини плодородия или полуфигуры умерших²⁸. Равным образом наряду с употреблением в христианском искусстве этой композиции в целях прославления креста или Христа она длительное время использовалась и для прославления различных святых, а также императора. Параллельно в искусстве Рима и Равенны можно наблюдать еще одну модификацию группы Христа и ангелов. Она была выработана преимущественно для украшения больших плоских сводов. Обычно это ангелы, изображенные в полный рост и держащие на поднятых кверху руках либо сферу с полуфигурой Христа, либо медальон с монограмматическим крестом. Такова мозаика свода Архиепископской капеллы в Равенне (494—519)²⁹.

Нетрудно понять, что композиция икон Собора двух архангелов имеет много общего с иконографией ангелов, несущих *imago clipeata*. Существует памятник, доказывающий прямое родство иконографического типа Собора архангелов с позднеантичными и раннехристианскими изображениями триумфа креста. Это каролингская миниатюра из Евангелия, написанного и украшенного около 730 г.³⁰ Здесь представлены фронтально стоящие архангелы Михаил и Гавриил, между которыми на колонне возвышается доска или таблица, с обозначением на ней Евангелия от Матфея: *Incipit evangelium secundum Matteum* (рис. 6). Хотя таблица утверждена на колонне, а колонна в свою очередь опирается на постамент, архангелы придерживают ее за нижний край и тем самым не только стоят рядом с таблицей, но и как бы демонстрируют ее, выставляя напоказ всему миру (сравни с рельефом на постаменте колонны императора Маркиана).

²⁴ J. Kollwitz. *Oströmische Plastik der theodosianischen Zeit*, S. 71, Taf. 3/4, 12. Хризма на щите ныне утрачена, но известно, что она была.

²⁵ W. F. Volbach. *Elfenbeinarbeiten der Spätantike und frühen Mittelalters*, Nr. 48.

²⁶ J. Beckwith. *Op. cit.*, p. 53, fig. 98.

²⁷ W. Braunfels. *Die Welt der Karolinger und ihre Kunst*. München, 1968, Taf. XXXII, Abb. 206. На этом же окладе, с другой его стороны, имеется аналогичная композиция, где в медальоне изображен крест (*ibid.*, Abb. 205).

²⁸ См.: J. Strzykowski. *Orient oder Rom. Beiträge zur Geschichte der spätantiken und frühchristlichen Kunst*. Leipzig, 1901, S. 24, Taf. I, Abb. 2; ср. S. 26—30. Обширный материал, относящийся к античным памятникам этого рода, собран в трудах: J. Bollen. *Die Imago clipeata. Ein Beitrag zur Porträt und Typengeschichte*. Paderborn, 1937 («Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums», Bd. 21, H. 1); W. H. Gross. *Clipeata imago und εἰκὼν ἐνοπλῆς*. — «Convivium. Festschrift für K. Ziegler». Stuttgart, 1954, S. 66—84; C. C. Vermeule. *A Greek Theme and its Survivals. The Ruler's Shield (Tondo Image) in Tomb and Temple*. — «Proceedings of the American Philosophical Society», vol. 109, № 6 (December 1965), p. 361—397; R. Winkes. *Clipeata imago. Studien zu einer römischen Bildnisform*. Bonn, 1969 («Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Klassische Archäologie», H. 1).

²⁹ E. R. Редик. Мозаики равеннских церквей. СПб., 1896, стр. 171—172, рис. 45; W. F. Volbach. *Frühchristliche Kunst*, Abb. 148. Ср. с очень архаянской фреской X в., украшающей арку свода церкви св. Феодора в Ургюбе (G. de Jerphanion. *Les églises rupestres de Cappadoce*. Text, t. II, partie 1. Paris, 1937, p. 26; Planches. Album 3. Paris, 1934, pl. 147, 1).

³⁰ W. Braunfels. *Die Welt der Karolinger und ihre Kunst*, S. 366, Taf. III, Anm.

Не вдаваясь в объяснение содержания этой миниатюры, о чем мы будем говорить несколько дальше, укажем, однако, что классическая композиция Собора двух архангелов сложилась в искусстве сравнительно поздно, и, следовательно, она образовалась под воздействием не одних только изображений ангелов с *imago clipeata* на памятниках раннехристианского искусства, но и некоторых других иконографических образцов. Здесь следует упомянуть о той эволюции, какую претерпел образ ангела вообще, и в частности образ ангела, воспринятого в зрелом искусстве Византии. Грациозные существа, слишком напоминавшие тип античных богинь, ангелы еще в доиконоборческую эпоху стали пониматься как активные персонажи с ярко выраженными мужественными чертами. Как силы, предназначенные служить небесной свитой и охраной Христа, слугами и исполнителями его воли, они, особенно таксиархи Михаил и Гавриил, изображались в таких позах и с такими атрибутами, которые недвусмысленно указывали на их высокое положение и воинскую доблесть. Обычно они держат в правой руке лабарум, скипетр или мерило, а в левой — державу или сферу. Их одежды во многом напоминают церемониальное облачение византийских императоров. Впервые изображения архангелов, т. е. в отличие от простых ангелов, небесных сил, появляются в равеннских мозаиках VI в., но лучшее представление о типе ангела в греческом искусстве зрелого периода дают знаменитые мозаики вимы церкви Успения Богоматери в Никее, исполненные вскоре после восстановления иконопочитания³¹. Они изображают силы небесные (ΑΡΧΕ, ΔΥΝΑΜΙΣ, ΚΥΡΙΟΤΗΤΕΣ и ΕΞΟΥΣΙΕ) по сторонам расположенного в центре престола (этимасии), на котором будет восседать Христос в день Страшного суда. Эта изумительная по замыслу композиция пронизана идеей величия (рис. 7). Широко раскинутые крылья ангелов, их темно-синие дивитисии с царскими лорами, лабарумы и сферы, одухотворенные лики внушают ощущение ослепительной роскоши, сверхъестественной силы и непобедимости. Именно такой тип ангела получил в парадном искусстве империи, особенно в области монументальной живописи, наибольшее распространение³².

³¹ Об этих мозаиках см.: *Th. Schmitt*. Die Koimesis-Kirche von Nikaia. Das Bauwerk und die Mosaiken. Berlin und Leipzig, 1927, S. 21—27, Taf. XII—XVII; *O. Wulff*. Die Koimesis-Kirche in Nicäa und ihre Mosaiken. Strassburg, 1903, S. 202—244, Taf. I (1), II (1, 2); *B. H. Lazarev*. История византийской живописи, т. I. М., 1947, стр. 52—53, 286, табл. I, II; т. II. М., 1948, табл. 5—8; *G. De Francovich*. I mosaici del bema della Chiesa della Dormizione di Nicea. — «Scritti di storia dell'arte in onore di Lionello Venturi». Roma, 1956, p. 3 sq.; *E. Kitzinger*. Byzantine Art in the Period between Justinian and Iconoclasm. — «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinistenkongresses. München, 1958». München, 1960, S. 12—16. Церковь и ее мозаики были разрушены в 1922 г. Мозаики апсиды и вимы не имели точной даты, и по этому вопросу существуют разные мнения. Ф. И. Шмит, В. Н. Лазарев, Г. Де Франкович и Э. Китцингер датируют их доиконоборческой эпохой (Де Франкович — V в., Шмит — VI, Лазарев и Китцингер — VII), О. Вульф — послеиконоборческой (серединой IX в.). Видный специалист в области техники и реставрации греческих мозаик П. Эндервуд, обратившийся к исследованию никейских мозаик по сохранившимся фотоснимкам из архива Русского археологического института в Константинополе, показал, что мозаики конхи, апсиды и вимы никейской церкви были исполнены, вероятно всего, вскоре после 843 г. (*P. A. Underwood*. The Evidence Restorations in the Sanctuary Mosaics of the Dormition at Nicaea. — DOP, N 13, 1959, p. 235—242, fig. 1—11). Точку зрения П. Эндервуда поддержала Е. Э. Липшиц, сделавшая попытку уточнить дату исполнения мозаик: по ее мнению, они были исполнены по инициативе студийского игумена Навкратия между 843 и 848 гг. (*Е. Э. Липшиц*. Навкратий и никейские мозаики. — ЗРВИ, VIII/2, 1964, стр. 241—246).

³² Чаще всего лоратные архангелы изображались в качестве небесной свиты Христа и Богоматери, фигуры которых помещались в росписях на самых видных местах — в зеркале купола и в конхе или верхних регистрах алтарной ниши: несохранившаяся мозаика церкви Теотокос Фарос, около 864 г. (*Photii. Descriptio Novae Sanctissimae Dei Genetricis Ecclesiae in Palatio a Basilio Macedone exstructae*. — In: *Georgii Codini. Excerpta de antiquitatibus Constantinopolitanis*. Bonnae, 1843, p. 199); фреска апсиды храма в Агени, XI в. (*III. Я. Амиранашвили*. История грузинской монументальной живописи, т. I. Тбилиси, 1957, табл. 53, 54); мозаика Софии Киевской, около

Если общая схема изображения двух ангелов с *imago clipeata* бытовала еще в доиконоборческую эпоху, то образ лоратного архангела, тип которого запечатлен на иконе из Великого Устюга, сложился, по-видимому, не ранее середины IX в.³³ Изображения сил небесных на мозаиках вимы никейской церкви Успения являются древнейшими образцами типа лоратных архангелов.

3

В источниках нет сведений о том, когда, где и по какому поводу была впервые установлена иконография Собора архангелов и, следовательно, нет прямых данных о том, что обозначает это изображение. В святцах типа Менология Василия II, в русских минеях и в иконописных подлинниках Соборы архангелов объясняются как их собрания на защиту света и правды против отложившихся от бога Сатаны и бывшего под его началом ангельского чина³⁴. Но применительно к великоустюжской иконе и другим иконам на эту тему подобное объяснение не может быть признано удовлетворительным. Отсутствие изображения сатанинских сил и сцены борьбы, с одной стороны, и торжественное предстояние архангелов с медальоном Христа на руках — с другой, дают основание думать, что в основе иконы лежит иная мысль. К сожалению, специальных исследований, посвященных иконографическому типу Собора архангелов, не существует. Отдельные, чаще всего беглые высказывания относительно значения подобных композиций, которые мы находим у разных авторов, отличаются редким несогласием, что косвенно свидетельствует о полной неясности этого вопроса. Е. К. Редин полагал, что Соборы архангелов в иконообразительном искусстве средневековья должны были прославлять Спаса Эммануила как существо, стоящее выше всех ангелов, как архангела³⁵. Н. П. Кондаков, не вдаваясь в происхождение этой композиции, склонен был считать, что она является символом восстановленного после иконоборчества иконопочитания³⁶. А. Н. Грабар утверждает, что в иконографии Собора выражена идея служения архангелов их суверену Христу в период его воплощения: Христос — архангел Великого Совета Бога, и все другие ангелы служат Христу, исполняют его волю и прославляют его в течение всего времени его воплощения³⁷. В. Джурич в связи с изучением

1042—1046 гг. (В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской, табл. 5); мозаика собора монастыря Озисос Лукас в Фокиде, вторая четверть XI в. (E. Dietz and O. Demus. Byzantine Mosaics in Greece. Hosios Lucas and Daphni. Cambridge, Mass., 1931, pl. VI, fig. 35); фреска в Ипсари, 1096 г. (Ш. Я. Амиранашвили. Указ. соч., табл. 119); мозаика собора в Гелати, 1125—1130 гг. (там же, табл. 97, 99—105, 114—116); мозаика собора в Торчелло, первая половина XII в. (В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, табл. 238); мозаика Чефалу, 1148 г. (там же, табл. 179 и 180), и др.

³³ Ср.: C. Lamy-Lassale. Les archanges en costume impérial dans la peinture murale italienne. — «Synthronon. Art et archéologie de la fin de l'Antiquité et du Moyen Âge». Recueil de l'études par André Grabar et un groupe de ses disciples. Paris, 1968, p. 189—198.

³⁴ Il Menologio di Basilio II (Cod. Vaticano greco 1613), t. II, p. 168; Великие Минеи четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Ноябрь, дни 1—12, стб. 233—234, 242; Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. III. [СНГ.], 1897 [ПДП, СХХII], стр. 135. Ср.: G. Valentini. Svilluppi teologici nell'arte pittorica dell'Athos. — «Le Millénaire du Mont Athos, 963—1963», II. Chevetogne, 1963, p. 185.

³⁵ Е. Редин. Рукописи с византийскими миниатюрами в библиотеках Венеции, Милана и Флоренции. — ЖМНП, 1891, декабрь, стр. 314.

³⁶ Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II. Пг., 1915, стр. 135; его же. Русская икона, т. IV. Текст, ч. 2. Прага, 1933, стр. 296. «Как известно, — пишет он в исследовании «Иконография Богоматери», — иконное изображение восстановленного иконопочитания выразилось в типе так называемого Собора Архистратига Михаила, на котором ангельские чины держат образ Спаса Эммануила в виде круглого щитка».

³⁷ А. Grabar. L'iconoclisme byzantin. Dossier archéologique. Paris, 1957, p. 252. Ср. с точкой зрения Е. К. Редина.

одной редкой македонской фрески XII в., на которой, по его мнению, представлен Собор архангелов, высказал предположение, что такого рода изображения возникли как иллюстрации к песнопениям Октатевха, где имеется служба на понедельник, посвященная специально архангелам Михаилу и Гавриилу³⁸. Г. Валентини объясняет Соборы текстом Песни песней, имея в виду его преобразовательное значение для новозаветных сюжетов³⁹, и т. д.

Чтобы уяснить скрытый смысл великоустюжской иконы и других аналогичных по изводу или близких к этой иконе изображений, необходимо обратить особое внимание на диск с полуфигурой Христа Эммануила, который торжественно несут на руках архангелы Михаил и Гавриил. Несмотря на небольшие размеры, он занимает центральное место в композиции, и по существу именно он определяет ее символическое содержание.

Имя Эммануил, которое обычно ассоциируется с Христом-младенцем или Христом-отроком, само по себе не имеет этого значения. Эммануил — пророческое название Мессии, что в переводе с еврейского значит «с нами Бог»⁴⁰. Оно употреблено в Книге пророка Исайи (VII, 14), и евангелист Матфей (I, 18—25) прямо прилагает это пророчество к Христу. Но поскольку Матфей цитирует пророчество Исайи об Эммануиле в начале своего Евангелия, где речь идет о рождении Христа, то это обстоятельство и послужило причиной для соотнесения имени Эммануила преимущественно с Христом-младенцем.

Юный, идеальный тип Христа использовался в средневековом искусстве для выражения различных идей⁴¹, причем этот образ почти всегда трактуется не исторически, а символически. Нередко Эммануил, чье изображение представлено в медальоне, украшает свод или купол церкви (не центральный свод или купол, где обычно изображались Пантократор или Вознесение Христа, а другие), и вокруг этого медальона располагаются Богоматерь в качестве символа Земной церкви и пророки, возвестившие о воплощении Христа. Наиболее типичной в этом плане является мозаическая декорация алтарного купола венецианского Сан-Марко⁴². Тип юного Христа применялся и в апокалиптических сценах, в которых Эммануил, заключенный в мандорлу, восседает на радуге, поддерживаемой символами евангелистов, и держит в руках свиток; внизу присутствуют пророки Исайя и Иезекиил с развернутыми свитками, на которых записаны их пророчества⁴³. Изображение Эммануила могло служить также символом истинного бога, основателя Церкви Новозаветной. Именно так следует

³⁸ V. J. Djurić. Fresques du monastère de Veljusa. — «Akten des XI. Internationalen Byzantinistenkongresses. München, 1958». München, 1960, S. 117—118.

³⁹ G. Valentini. Op. cit., p. 183—185. Валентини ссылается на стихи гл. III, 7—8: «Вот одр его — Соломона: шестьдесят сильных вокруг него, из сильных Израилевых. Все они держат по мечу, опытни в бою; у каждого меч при бедре его ради страха ночного». Но ср.: S. Der Nersessian. Le lit de Salomon. — ЗРВИ, 8/1, 1963, p. 77—82, fig. 1—3.

⁴⁰ Именно в этом значении, безотносительно к младенческому возрасту Христа, исполнены его изображения — в обычном изводе с бородой и длинными волосами — на иконе VII в. из пинакотекы синайского монастыря св. Екатерины (G. et M. Sotiriou. Icônes du Mont Sinai, vol. I. Athènes, 1956, fig. 8) и на печати Василия II Болгаробойцы, 976—1025 гг. (Н. Лихачев. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. — «Нумизматический сборник», т. I. М., 1911, стр. 534—539, рис. 72, 73). Оба эти изображения сопровождаются надписью ΕΜΜΑΝΟΥΗΛ.

⁴¹ Об этом см.: E. Редин. Рукописи с византийскими миниатюрами в библиотеках Венеции, Милана и Флоренции, стр. 309—314; его же. Мозаики равеннских церквей, стр. 193—198.

⁴² S. Bettini. Mosaici antichi di San Marco a Venezia. Bergamo, 1944, tav. X; O. Demus. Byzantine Mosaic Decoration. London, 1947, p. 19—20, fig. 9.

⁴³ Таковы известная миниатюра XII в. в Евангелии, хранящемся в библиотеке при соборе св. Марка в Венеции (cod. 540), и греческая икона конца XIV в. из Погановского монастыря в Национальном музее в Софии. См.: V. Lazarev. Storia della pittura bizantina. Torino, 1967, fig. 262, 535.

понимать замечательную фреску наружного нарфика церкви Богоматери Левишки в Призрене (ок. 1307—1309)⁴⁴, где представлена крылатая женская фигура с пестом, на верхушке которого водружен медальон с Эммануилом, чье изображение сопровождается надписью «ИСТИНА ПРИИДЕ»: это — персонификация Церкви Новозаветной, противопоставляемая находящемуся здесь же изображению Синагоги. Причины, обусловившие выбор юного Христа для этих сцен, заключаются в том, что подобные изображения, основанные на ветхозаветных текстах, неминуемо должны были использовать *прообраз* исторического Христа, появляющегося только в новозаветных сочинениях, а этим прообразом и был Эммануил — Христос Предвечный. Отвлекаясь от многих других изображений Эммануила, каждое из которых обладает своими смысловыми оттенками в зависимости от композиции в целом или от расположенных рядом изображений, заметим, что еще одна группа памятников дает пример использования типа Спаса Эммануила в его исключительно победном аспекте — как христологическую имитацию античного образа Медузы Горгоны. Таковы многочисленные, особенно для XIV—XV и последующих веков, изображения в церковных росписях и иконах святых воинов, кольчуги которых украшены на груди медальоном с полуфигурой или головой Спаса Эммануила⁴⁵.

Перечисленные иконографические типы существенно отличаются, однако, от иконографического типа Собора архангелов, причем не только формально, но — и это самое главное — тем, что Собор архангелов дает наиболее простую и вместе с тем наиболее выразительную композицию, от которой, как ветви от мощного ствола, могли отпочковываться, усложняясь, другие иконографические типы и темы.

Расшифровка скрытого содержания иконографического типа Собора архангелов должна опираться на ветхозаветные тексты в их прообразовательном отношении к новозаветным идеям. Это диктуется прежде всего тем, что Спас Эммануил на руках у архангелов присутствует не как историческая личность, а как Христос *явленный*, следовательно — предшествующий моменту его воплощения. Указание на грядущее воплощение Бога-Слова (Логоса) является основной целью этого иконографического типа. Пророчество Исайи, зафиксированное и развитое применительно к человеческой ипостаси бога евангелистом Матфеем, дает ключ к пониманию иконографического типа Собора: «Итак, Сам Господь (посредством своих слуг и исполнителей своей воли в виде архангелов Михаила и Гавриила. — Г. В.) дает вам *знамение* (курсив мой. — Г. В.): се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (VII, 14). В связи с упоминанием Эммануила как Христа Предвечного в пророчестве Исайи и в Евангелии от Матфея становится понятным, почему на миниатюре Евангелия соборной ризницы в Трире обозначено именно сочинение Матфея: эта надпись по существу равнозначна изображению Христа в его антропоморфическом юном образе. Трирская миниатюра в целом, бесспорно, должна быть интерпретирована как древнейшее на сегодняшний день изображение Собора архангелов.

⁴⁴ См.: *С. Радойчић*. Старо српско сликарство. Београд, 1966, стр. 93, табл. 50. Фигуры даются также как антитезы дня и ночи.

⁴⁵ См., например, фрески Манасии, 1407—1418 [*С. Томић, Р. Николић, Б. Живковић*. Манасија. Историја — живопис. Београд, 1964 («Саопштења Републичког завода за заштиту споменика културе», VI), табл. XLIII, сл. 46 — Иаков Персианин; табл. XLV, сл. 48 — св. Прокопий] и ряд позднейших русских икон. Ср.: *Н. Веселовский*. Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы. — ИАК, вып. 65. Пг., 1918, стр. 1—8, табл. I, рис. 4—7. Я намеренно оставляю в стороне позднейшие символические изображения со Спасом Эммануилом, распространение которых было вызвано усложнением богословской тематики в иконописи XVI—XVII вв. (иконы «Недреманное Око», «Спас Благое молчание» и др.).

Н. П. Кондаков, отмечая, что смысл изображений Собора архангелов может быть постигнут только как отвлеченная богословская тема, не исключал вместе с тем возможности рассмотрения подобных изображений в их конкретных исторических связях с антииконоборческим движением, полагая, что образ Христа Эммануила на диске является иконой, причем иконой, данной непосредственно от бога, и, следовательно, центральным символом иконы как таковой⁴⁶. Миниатюра Евангелия из Трира снимает вопрос о зарождении иконографического типа Собора архангелов в византийском искусстве послеиконоборческого периода, к чему неоднократно склонялись Н. П. Кондаков и многие другие исследователи, но замечания Н. П. Кондакова о содержании этой композиции сохраняют право на их научное обсуждение, ибо очевидно, что существуют такие иконографические образцы, которые в зависимости от конкретной церковно-политической ситуации могли приспосабливаться определенными кругами общества для выражения новых идей и постепенно утрачивать свой изначальный смысл. К сожалению, эта мысль не была развита Н. П. Кондаковым. А. Н. Грабар, перу которого принадлежит превосходный свод источников по истории иконоборчества, отрицает непосредственную связь иконографии Собора архангелов с победой православия, но допускает, что в иконографии Соборов нашли себе место некоторые черты, которые были выработаны в процессе иконоборческого движения, например обычай изображать на медальоне не крест, а полуфигуру самого Христа. В связи с неясностью этого сложного вопроса будет излишне, если мы сообщим самые необходимые сведения по истории иконоборчества и его поражения.

Иконоборческая ересь волновала империю более ста лет. Официально это движение против икон началось с императорского эдикта 726 г. Общество, особенно высшее духовенство, было подготовлено к этой реформе, о чем свидетельствует тот факт, что на соборе 753 г. в Иерии все принимавшие в нем участие 338 епископов высказались против иконопочитания и предали его анафеме. Реформу поддерживали также императорский двор и армия. Между тем большинство простого народа и монашество продолжали верить в иконы. Монахи, особенно в столице, самоотверженно защищали их и, несмотря на преследования, всячески отстаивали свои убеждения. При императрице Ирине, в 787 г., на соборе в Никее им удалось восстановить иконопочитание, но эта с трудом достигнутая передышка продолжалась очень недолго, и с 815 г. началось новое, еще более жестокое гонение. Только в 842 г. иконопочитание было опять восстановлено, и на этот раз уже навсегда. 11 марта 843 г. по случаю победы над иконоборческой ересью в соборе св. Софии в присутствии императрицы Феодоры и Михаила III, а также их свиты и всего клира состоялась торжественная церемония⁴⁷. Посередине церкви на возвышении были установлены иконы и совершенно пышное богослужение. С высоты амвона иконоборческая ересь и ее главные представители были преданы анафеме. Позднее, именно в это время, в первое воскресенье великого поста, в кафедральных и соборных церквях было принято совершать чин православия, т. е. торжественно отмечать победу церкви над ересями и произносить исповедание истинной веры⁴⁸.

⁴⁶ См. примеч. 36, а также: Н. П. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник, т. I. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб., 1905, стр. 61, 76—77. В этом значении диск с изображением Спаса Эммануила и иконы Собора архангелов в целом должны обнаруживать внутреннюю общность с иконографическим типом Нерукотворного образа Спаса.

⁴⁷ См.: Сказание о восстановлении иконопочитания (по сербской рукописи XV в.). — «Православный собеседник», 1886, май, стр. 18—19. Ср.: Ф. Успенский. Константинопольский собор 842 года и утверждение православия. — ЖМНП, 1891, январь, стр. 73—158.

⁴⁸ А. Никольский. Анафематствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста. Историческое исследование о чине православия. СПб., 1879,

Конец иконоборчества и восстановление икон произвели сильное впечатление на византийское общество. В этой борьбе все население империи было ее участником, и победа православных явилась самым значительным событием внутренней истории Византии за весь более чем столетний период движения за и против икон. В хронографах, богословских трактатах, письмах, поэтических произведениях, наконец, в искусстве тема победы православия получила широчайшее распространение. В первые десятилетия после восстановления икон были исполнены мозаики апсиды и вимы Успенской церкви в Никее и мозаики апсиды и вимы собора св. Софии в Константинополе. Надписи, сопровождающие эти мозаики, дышат неподдельной радостью по случаю торжества православных. «ΣΤΕΛΟΙ ΝΑΙΚΡΑΤΙΟΥΣ ΤΑΣ ΘΕΙΑΣ ΕΙΚΟΝΑΣ» («Навкратий утверждает божественные иконы»), — читаем мы на мозаиках вимы никейской церкви. «ΑΣ ΟΙ ΠΛΑΝΟΙ ΚΑΘΕΙΔΟΝ ΕΝΘΑΔ' ΕΙΚΟΝΑΣ, ΑΝΑΚΤΕΣ ΕΣΤΗΛΩΣΑΝ ΕΥΣΕΒΕΙΣ ΠΑΛΙΝ» («Изображения, которые обманщики здесь низвергли, благочестивые правители восстановили»), — было начертано в соборе св. Софии.

Эти надписи свидетельствуют между прочим о возрождении в церковном искусстве империи тех антропоморфических образов, которые столь яростно преследовались иконоборцами. Антропоморфическое искусство имело место и в иконоборческую эпоху, но оно было ограничено рамками чисто исторического сюжета или даже просто жанра, т. е. находило себе применение либо в области иллюстрации к историческим хроникам, либо в украшении дворцовых помещений фресками и мозаиками, на которых изображались герои, императоры, их подвиги, охоты, театральные зрелища, спортивные состязания и т. п.⁴⁹ Этот воспринятый византийцами и никогда не исчезавший у них вкус к исторической иллюстрации оказался очень кстати и в период после поражения иконоборчества. Мы обязаны ему тем, что некоторые события самого движения за и против икон были по свежим следам запечатлены в серии книжных рисунков. Я имею в виду широко известную группу лицевых Псалтирей с иллюстрациями на полях. Древнейшие из этих рукописей относятся ко второй половине IX в. — это греческие Псалтири из собрания А. И. Хлудова в Историческом музее в Москве (гр. 129), в монастыре Пантократора на Афоне (гр. 61) и в Парижской Национальной библиотеке (гр. 20)⁵⁰.

стр. 1—22; Ф. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891, стр. 3—109 (то же: ЖМНП, 1891, апрель, стр. 267—323); А. П. Лебедев. Вселенские соборы VI, VII и VIII веков. Изд. 3. СПб., 1904, стр. 232.

⁴⁹ Характерны в этом плане сведения, сообщаемые автором жития св. Стефана Нового, что при Константине V иконоборцы уничтожали иконы Христа и Богоматери, но зато тщательно оберегали и даже очищали от пыли и копоти изображения деревьев, птиц и различных животных, а особенно таких сатанинских зрелищ, как конские ристания, охоты, театральные представления и игры на ипподроме (Vita s. Stephani Junioris. — PG, t. 100, col. 1120. См. также: А. Grabar. L'iconoclasme byzantin, p. 156 sv.).

⁵⁰ Остальные рукописи следующие: XI—XII вв. — Лондон, Брит. муз., Add. 19352 (рукопись 1066 г.); Рим, Библ. Ватикана, Barb. gr. 372; Лондон, Брит. муз., Add. 40731; XIII в. — Берлин, Кабинет гравюр Райзер-Фридрих-музеума (греко-латинский текст, так наз. Псалтирь Гамильтона); XIV в. — Киевская Псалтирь 1397 г. в ГИБ, ОЛДП, № 6. О рукописях Псалтири с иллюстрациями на полях существует обширная литература. См. новейшие работы, где учтена вся старая литература и изложены различные точки зрения на происхождение, датировку и историко-художественное значение этих иллюстраций: L. Mariès. Le Psautier à illustrations marginales. Signification théologique des images. — «Actes du VI-e Congrès International d'études byzantines. Paris, 1948», t. II. Paris, 1951, p. 261—272; L. H. Grondijs. La datation des psautiers byzantins et en particulier du psautier Chludov. — Byz., XXV—XXVII (1955—1957), fasc. 2, p. 591—616; А. Grabar. L'iconoclisme byzantin, p. 196—202; А. Frolow. La fin de la querelle iconoclaste et la date des plus anciens psautiers grecs à illustration marginales. — «Revue de l'histoire des religions», t. CLXIII, N 2 (avril—juin 1963), p. 201—221; М. В. Щепкина. Болгарская миниатюра XIV века. Исследования Псалтири Томича. М., 1964, стр. 101—106; Thor Sevdenco. The Anti-Iconoclastic

По новейшим данным, тип лицевого текста Псалтири с иллюстрациями на полях сложился в Константинополе в период первого правления патриарха Фотия (858—867)⁵¹. Часть рисунков к этим рукописям воспроизводит не обычные сюжеты, сопровождающие текст Псалтири, а является как бы художественным комментарием на совсем недавние исторические события. Эта часть рисунков имеет публицистический, и притом ярко выраженный антииконоборческий характер. Судя по именам и надписям, которыми снабжены рисунки, они относятся не ко всему периоду иконоборчества, а лишь к его заключительной фазе. Здесь, в этой серии иллюстраций, особый интерес представляют рисунки, изображающие триумф православных. Очевидно также, что автор иллюстраций архетипа желал прославить видного защитника икон — патриарха константинопольского Никифора и его ближайшее окружение. В Хлудовской Псалтири патриарх Никифор фигурирует трижды: на двух рисунках он изображен единолично в строго фронтальных позах, а на третьем рисунке мы видим его в энергичном движении, попирающим своего наследника по престолу — последнего иконоборческого патриарха Иоанна Грамматика, причем еще одна, соседняя, иллюстрация изображает в качестве назидательной параллели историю погрома апостолом Петром Симона мага (рис. 8)⁵².

Патриарх Никифор держит в левой руке диск с полуфигурой Христа. Было бы естественно думать, что это одна из тех икон, которые он так ревностно защищал и словом, и делом. Но медальон круглый, а круглые иконы, если и выпускались греческими мастерами, то все же чрезвычайно редко и были, по-видимому, исключением из общего правила. Является ли в таком случае медальон в руках Никифора напоминанием о действительной иконе (или иконах)? Здесь возможны два ответа, один из которых будет частный, а другой — более общий, но не противоречащий первому.

Поскольку патриарх Никифор известен как последовательный иконопочитатель, то медальон в его руках должен служить олицетворением защищавшихся им икон. Характерно, что изображения других исторических лиц, несущих, подобно Никифору, медальоны с полуфигурой Христа или Богоматери, — это, как правило, изображения активных иконопочитателей, положивших немало сил на подготовку и фактическое восстановление практики поклонения иконам. Таковы изображения св. Никиты Исповедника (умер ок. 838) и императрицы Феодоры, восстановительницы православия, в Менологии Василия II⁵³, а также традиционная иконография св. Стефана Нового, мученика за иконы, жившего при Константине V (умер в 767), который обычно изображается с иконой Богородицы в руках⁵⁴. С другой стороны, учитывая глубокую символику византийского искусства и его стремление увлечь сознание верующего от конкретной действительности в сферу идеальных представлений, нельзя истолковывать медальоны в руках патриарха Никифора или императрицы Феодоры только как напоминания об иконах. А. Н. Грабар правильно предположил, что во всех этих случаях круглый медальон с полуфигурой Христа яв-

Poem in the Pantocrator Psalter.—Cahiers archéologiques, XV, 1965, p. 39—60; A. Grabar. Quelques notes sur les psautiers illustrés byzantins du IX-e siècle. — Ibid., p. 61—82; S. Dufrenne. L'illustration des psautiers grecs du Moyen Âge. Pantocrator 61. Paris, gr. 20, British Museum 40731. Paris, 1966; S. Der Nersessian. L'illustration des psautiers grecs du Moyen Âge, II. Londres, Add. 19352. Paris, 1970.

⁵¹ A. Grabar. Quelques notes sur les psautiers illustrés byzantins du IX-e siècle, p. 75—82.

⁵² Ср. также аналогичные иллюстрации в других рукописях: *Ihor Ševčenko*. The Anti-Iconoclastic Poem in the Pantocrator Psalter, p. 52, fig. 4, 5.

⁵³ Il Menologio di Basilio II (Cod. Vaticano greco 1613), t. II, p. 94 (память 6 октября), 392 (память 11 февраля).

⁵⁴ См., например, фреску, написанную вскоре после 1197 г. в ските св. Неофита на Кипре (C. Mango and E. Hawkins. The Hermitage of St. Neophytos and its Wall Paintings. — DOP, N 20, 1966, p. 156—157, fig. 41).

ляется модификацией *imago clipeata* ⁵⁵. В глазах Никифора, Никиты и Феодоры, а равным образом и в глазах их современников победа иконопочитателей была не столько личной победой отдельных выдающихся деятелей и даже не столько победой партии в целом, сколько выражением воли и силы их общего суверена — Христа. Поэтому они и несут на руках, благоговейно обернутых краями плащей, его *imago clipeata*. Последнему придается такой же абстрактный победный смысл, какой приписывался кресту в руках самого Христа, поправшего врата ада. Изображение Христа на диске обозначает его скрытое присутствие, и, подобно тому как изображение императора на монетах удостоверяло их действительное качество, оно доказывало истинность победителя.

Еще интереснее миниатюра Лондонской Псалтири 1066 г., где икону Христа торжественно несут сразу двое — патриарх Никифор и Феодор Студит (рис. 9) ⁵⁶. Мысль о Христе как о всемогущем боге-победоносце выражена здесь в наиболее чистом виде. Предъявляя миру победный образ Христа (никетерион), патриарх Никифор (имя которого, кстати, в переводе с греческого обозначает победоносец) и Феодор Студит — этот воинствующий иконопочитатель и мученик за иконы — прославляют источник победы православных и как бы поясняют, что эта победа не столько зависела от энергии конкретных исторических деятелей, сколько заранее была обеспечена самим Христом, который сам является источником всех великих побед и преобразований во славу православной веры.

Миниатюра Лондонской Псалтири написана по той же схеме, что трирская миниатюра и великоустюжская икона Собора двух архангелов, и было бы чрезвычайно важно выяснить, имеет ли здесь место совпадение или это обычное в средневековом искусстве использование одной иконографической схемы для иллюстрации двух сюжетов, близких по своему внутреннему смыслу. Иначе говоря, не рассматривались ли с IX—XI вв., подобно этой миниатюре, иконы Собора архангелов тоже как символические изображения победы православных, восстановления иконопочитания?

Изображение в иллюстрациях Псалтирей на медальонах Христа следует сопоставить с тем особым вниманием, какое в иконоборческую эпоху уделялось догмату Воплощения. Споры об иконах были преимущественно спорами об иконах Христа и Богоматери. Во всех случаях они упирались в христологическую догматику. Иконоборцы признавали икону Христа невозможной, а в силу этой невозможности главной иконы отрицали и другие. Христос, по их мнению, неопишем и неизобразим, так как два его естества (божественное и человеческое) нераздельны и сосуществуют в одной ипостаси, а одно из естеств (божественное) неопишимо и неизобразимо. Иконоборческие идеологии закрывали при этом глаза на то обстоятельство, что их теоретическая установка логически предполагала обратное утверждение: если одно из естеств Христа (человеческое) описуемо, а ипостась одна и оба естества нераздельны, то он описуем и изобразим. А это — уже тезис иконопочитателей. Нетрудно видеть, что исходные теоретические формулы обеих партий были противоположны и в то же время для каждой из них неопровержимы, ибо вопрос в его существовании классифицируется как антиномия ⁵⁷. Мы, однако, не должны забывать, что рационалистическое освещение проблемы — это результат новейшего знания, полностью эмансипированного от веры. Люди же VIII—IX вв. страстно отстаивали свои убеждения и были готовы отдать за них свою жизнь. Иконоборчество про-

⁵⁵ A. Grabar. *L'iconoclasme byzantin*, p. 218—219. См. также: A. Grabar. *L'imago clipeata chrétienne*. — «Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus des Séances de l'année 1957, avril—juin». Paris, 1958, p. 209—213.

⁵⁶ S. Der Nersessian. *L'illustration des psautiers grecs du Moyen Âge*, II, p. 24, (fol. 27^v), 74, fig. 48.

⁵⁷ Б. Мелиоранский. Философская сторона иконоборчества. — «Вопросы философии и психологии», 1907, март—апрель, стр. 156—167.

будило великие характеры, способствовало развитию богословской мысли, активизировало символические основы мировоззрения византийцев.

В полемике с иконоборцами защитники икон постоянно апеллировали к догмату Воплощения. Это было главное идейное оружие иконопочитателей. Воплощение Бога-Слова, принявшего ради спасения человечества образ человека во плоти, естественно давало верующим право изображать его в человеческом облике. После того, как бог воплотился, он, ранее неограниченный, неосязаемый и невидимый, оказался в пределах описуемости и стал доступен осязанию и лицезрению. «В силу этого, — заключает в одном из своих писем Феодор Студит, — он сделался описуем и справедливо изображается на иконе, так как первое свойство человека — быть изображаемым»⁵⁸. Не менее характерна мысль другого выдающегося защитника икон, Иоанна Дамаскина: «... кто может создать подобие невидимого, безтелесного, неопикуемого и безвидного Бога? — спрашивает он. — Отсюда давать форму Божеству есть дело крайнего безумия и нечестия. Поэтому в Ветхом завете иконы не употреблялись. Но так как Бог ... для нашего спасения поистине сделался человеком. ... жил на земле, общался с людьми, творил чудеса, пострадал, был распят, воскрес, вознеся, и все это было на самом деле, видимо людьми и описано. ... то отцы рассудили, чтобы все это, подобно тому как некоторые славные подвиги, было рисуемо на иконах для краткого напоминания»⁵⁹. Иконопочитатели не без основания полагали, что в истории церкви не было ереси хуже иконоборческой, ибо она подкапывалась под самые основы православной догматики⁶⁰. Отрицая иконы Христа, иконоборцы последовательно отрицали и воплощение Бога-Слова, расшатывали веру в искупление и спасение мира. В «Первом защитительном слове против отвергающих святые иконы» Иоанн Дамаскин гневно обличает еретика: «... ты, который не поклоняешься иконе, не поклоняешься и Сыну Божию, который есть живой образ и неизменное отображение невидимого Бога». Вслед за этим он кратко формулирует свое отношение к иконам: «Поклоняюсь иконе Христа как воплощенного Бога. ...»⁶¹. В глазах иконопочитателей изображение Христа на иконах служило ручательством за истинность и непризрачность его воплощения, а в изображении воплотившегося Бога-Слова выражалась вера в его воплощение⁶².

Отличие великоуступской иконы Собора архангелов от миниатюры Лондонской Псалтири и других иллюстраций, где фигурирует *imago clipeata*, составляет то, что на медальоне, который держат архангелы, Христос представлен в младенческом (отроческом) возрасте — как Эммануил, тогда как в остальных случаях, за редкими исключениями, это тип исторического Христа, т. е. Христа в зрелом возрасте. Эта интересная деталь показывает, что образование классического типа иконографии Собора архангелов, где на медальоне обязательно изображается Спас Эмма-

⁵⁸ Творения преподобного Феодора Студита в русском переводе. (Под ред. проф. И. И. Соколова), т. I. СПб., 1907, стр. LXXII.

⁵⁹ Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина, т. I. Перевод с греческого. СПб., 1913, стр. 321 («Точное изложение православной веры», кн. IV, гл. 16).

⁶⁰ Исторически иконоборчество развилось из тех еретических движений, которые расценили божественную и человеческую природу Иисуса Христа, т. е. из ересей ариан, несториан, монофизитов и монофелитов. В своих крайних формах оно соприкасалось с учением монофизитов.

⁶¹ Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина, т. I, стр. 357.

⁶² Эта идея была положена в основу работы VII Вселенского собора, собравшегося в сентябре—октябре 787 г. в Никее («Деяния вселенских соборов, изданные в русском переводе Казанской Духовной Академии», т. VII. Собор Никейский 2-й, Вселенский седьмой. Изд. 3. Казань, 1909). См. также: А. П. Доброклонский. Преп. Феодор, исповедник и игумен студийский, ч. I. Его эпоха, жизнь и деятельность. Одесса, 1913, стр. 101—140; Г. Острогорский. Соединение вопроса о св. иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества. — «Seminarium Kondakovianum», I. Prague, 1927, стр. 35—48.

нуил, не связано непосредственно с иллюстрациями типа двойного портрета из Лондонской Псалтири 1066 г. и что обычай изображать на медальоне Эммануила, а не Христа в его зрелом возрасте должен был, вероятно, распространиться не ранее XI в.

Если иконография Собора архангелов на определенном этапе ее развития рассматривалась как символическое выражение победы иконопочитателей над иконоборцами, то такой точке зрения, по-видимому, должны были соответствовать какие-то аналогичные явления в области литургической практики, литературы и изобразительного искусства в целом. Такие явления существуют, и в этом отношении большой интерес представляют свидетельства источников о церковном празднике торжества православия и о времени его установления.

Этот праздник, впервые осуществленный 11 марта 843 г., далеко не сразу вошел в обычай. В типике Великой церкви по рукописи X в. он не упоминается, и не исключено, что на протяжении IX—X вв. его не существовало, а если он все же существовал, то ассоциировался с праздником Первого Вселенского собора, совершавшимся в седьмое воскресенье после пасхи⁶³. Древнейшее известие о совершении праздника торжества православия (после 843 г.) содержит книга Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора», где это событие, как и ныне, приурочено к первой неделе великого поста⁶⁴. Но, как очень тонко разобрался в этом вопросе Н. Ф. Красносельцев, устав обряда недели православия в сочинении Константина Багрянородного составлен не на великий пост, а на другое время, наверное, на день памяти VII Вселенского собора 11 октября или следующее за ним воскресенье⁶⁵. Эти факты неопровержимо свидетельствуют, что практика ежегодного совершения торжества по случаю победы православия оформлялась и была приурочена к постоянному дню не ранее конца X — начала XI в. С этой датой хорошо согласуются и те сведения, какие имеются по литературной истории Синодика, основополагающая часть которого посвящена торжеству православия и читалась в день его восстановления. В IX—X вв. Синодик находился в стадии сложения, и первая литературная обработка накопленного составителями материала произошла вероятнее всего в XI в.⁶⁶

Здесь уместно вспомнить также о двух выдающихся иконографических типах Богоматери — Никопеи («Победодательницы») и Знамения. В обоих случаях Богоматерь имеет на уровне груди медальон с изображением Спаса Эммануила. В изображениях Никопеи⁶⁷ щиток овальный или эллипсовидный и Богоматерь придерживает его обеими руками (рис. 10). В изображениях Знамения он преимущественно круглый и Богоматерь не ка-

⁶³ Н. Ф. Красносельцев. Типик церкви св. Софии в Константинополе (IX в.). — «Летопись историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете», II. Византийское отделение, 1. Одесса, 1892, стр. 223—226.

⁶⁴ Там же, стр. 224. Ср.: *Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre de Cérémonies*, t. I. Ed. A. Vogt. Paris, 1935, chap. XXXVII; t. II. Paris, 1940, chap. XI.

⁶⁵ Н. Ф. Красносельцев. Указ. соч., стр. 225.

⁶⁶ Ф. Успенский. Синодик в неделю православия. — ЖМНП, 1891, апрель, стр. 282—287; его же. Очерки по истории византийской образованности, стр. 5, 104, 108—109.

⁶⁷ Истоки иконографического образа Никопеи восходят к памятникам сиро-египетского христианского искусства, среди которых заслуживают особого внимания известная фреска 26-й капеллы монастыря в Бауте, датируемая VI—VII вв., а также фреска в Санта Мария Антиква (741—752), миниатюра сирийского Евангелия VII—VIII вв. в Парижской Национальной библиотеке и некоторые другие (см.: Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. I, стр. 304—313, рис. 206—209). Особенно примечательна фреска в Бауте, на которой Богоматерь, восседающая на троне и придерживающая овальный медальон с фигурой Христа Эммануила, представлена в сопровождении двух ангелов (ἄγγελος θεοῦ и ἄγγελος κυρίου): достаточно было сократить композицию за счет фигуры Марии, выдвинув на первый план медальон с Христом Эммануилом, и мы получили бы нечто чрезвычайно близкое к иконографическому типу Собора архангелов.

сается его, а подымает руки в позе Оранты (рис. 11). В греческом искусстве тип Никопеи, хотя он и появился еще при Маврикии (582—602), испытал особый расцвет в X—XII вв., а тип Знамения характерен исключительно для XI—XII вв.⁶⁸ Н. П. Кондаков не исключал возможности символического истолкования обеих икон как выражающих торжество восстановленного иконопочитания⁶⁹. Особое значение, которое отводится в иконах Богоматери Знамения и Никопеи медальону с изображением Христа Эммануила, невольно наталкивает на мысль, что современники могли придавать ему такое же победное и догматическое содержание, как и медальону в руках иконопочитателей на миниатюрах Псалтирей типа Хлудовской. Русское обозначение иконы Знамения, вероятнее всего, восходит к понятию «знамя» (знак, *signum*)⁷⁰, т. е. прямо фиксирует внимание зрителя на медальоне. Если предположение Н. П. Кондакова относительно истолкования икон в духе торжества иконопочитания соответствует действительному факту, то мы не можем не указать, что время наибольшего распространения иконографических типов Божией Матери Никопеи и Знамения совпадает как с установлением праздника торжества православия, так и с оформлением основной части Синодика. Иначе говоря, все явления, сходные по смыслу с предполагавшейся Н. П. Кондаковым символикой Собора архангелов, получают развитие не ранее X в., а преимущественно в XI и даже XII вв.

Только теперь, сообразуясь с христологической догматикой православной церкви и с развитием обычая праздновать торжество иконопочитания, мы имеем возможность подойти к теме исторических судеб иконографии Собора архангелов. Из источников можно извлечь немало данных, которые на поверхностный взгляд свидетельствуют в пользу конкретного содержания иконографии Собора. Было бы очень соблазнительно думать, что она возникла в связи с победой иконопочитателей над иконоборцами и явилась символическим отображением этой победы. Но у нас нет никаких прямых данных, которые бы подтверждали это мнение, за исключением чисто внешнего (композиционного) сходства икон Собора с изображениями защитников иконопочитания. Существенно и то, что миниатюра из Трирского Евангелия дает очень ранний пример Собора. Хотя в этом рисунке основные черты будущего иконографического образа находятся еще в процессе сложения, но в целом он уже обладает всеми необходимыми внешними и внутренними признаками для идентификации представленной на нем композиции именно с Собором архангелов. Поэтому мнение тех ученых, которые склонны истолковывать иконографический тип Собора как образ восстановленного иконопочитания, крайне трудно обосновать с помощью неоспоримых фактов. Негативный ответ поддается также следующими соображениями. Если бы современники рассматривали иконографию Собора архангелов в качестве символического выражения восстановленного иконопочитания и торжества православия, для них не было бы ничего более естественного, чем соединить ее с ежегодно отмечавшимся днем празднования этого события. В иконографии, которая испокон веков была тысячами нитей связана с церковным календарем, не существует изображений, свободных от календаря. Между тем нам неизвестно ни одной композиции Собора, которая была бы приурочена ко дню воспомина-

⁶⁸ Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II, стр. 126, 133 (о Никопее), 107 (о Знамении). См. также многочисленные изображения Божией Матери Никопеи на греческих печатях этого времени: Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911, рис. 142, 144, 149—165.

⁶⁹ Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II, стр. 135 (о Никопее) и 108 (о Знамении).

⁷⁰ Там же, стр. 116—117. В практике русских иконописцев различались два варианта Знамения: Богоматерь с медальоном называлась Знамением, а без медальона — Воплощением.

ния торжества православия. Изображения, связываемые с этим церковным праздником, существуют, но они совсем иного характера. Известно три таких памятника. Иллюстрация в греческом Евангелии XI в., хранящемся в монастыре Дионисиат на Афоне, воспроизводит церемонию чтения Синодика в день официального восстановления икон⁷¹; на сербской фреске 1370 г. в церкви св. Димитрия в Марковом монастыре⁷² и на фреске 1535 г., украшающей кафоликон Лавры св. Афанасия на Афоне, представлен непосредственно акт восстановления икон в соборе св. Софии, причем на афонской фреске⁷³ это происходит в присутствии членов императорской семьи, патриархов, мучеников и преподобных. Поэтому, как бы ни было заманчиво думать, что иконографический тип Собора архангелов помимо его изначальной идеи официально использовался и как отражение великого события византийской истории, твердых оснований для этого у нас нет. В целом иконография Собора архангелов, как это вытекает из нашего исследования, предназначалась и, по-видимому, долгое время служила для выражения другой идеи. Но, так как эта идея была отвлеченной, малопонятной, она могла в некоторых случаях неосознанно подменяться более конкретной, более рационалистической темой. И тогда появлялась возможность символического истолкования иконописных изображений Собора архангелов в плане их соотношения с историческими событиями IX в. Не исключено, что в той или иной конкретной ситуации, при написании той или иной иконы или фрески их заказчики и исполнители могли вкладывать в изображения Собора архангелов подобный смысл.

Чтобы подтвердить это последнее соображение и продолжить перечень возможных истолкований иконографического типа Собора архангелов, необходимо упомянуть о любопытной тенденции помещать подобные изображения в пандаионах фигурам Константина и Елены, стоящих по сторонам креста. Такие сопоставления мы имеем в грузинской росписи армянского храма Тиграна Оненца в Ани (ок. 1215)⁷⁴ и в соборной церкви Хиландарского монастыря на Афоне (1300)⁷⁵. Поскольку смысл композиции «Константин и Елена» — их прославление как установителей культа креста⁷⁶, то содержание композиции «Собор архангелов» в этой ситуации должно быть, по-видимому, раскрыто как прославление небесных сил — установителей (но не восстановителей!) культа икон (что прозрачно намекало и на божественное происхождение иконописных изображений). Однако, ввиду чрезвычайной редкости подобного рода сопоставлений этих двух иконографических мотивов в системе живописной декорации храмов, мы, как и в предыдущем случае, вынуждены заключить, что такое истолкование композиции «Собор архангелов» являлось, по-видимому, также частным моментом в ее истории⁷⁷.

⁷¹ См.: А. Grabar. L'iconoclasme byzantin, p. 203, fig. 142.

⁷² См. деталь этой композиции в прориси: П. Мильковик-Пенек. Умилительные мотивы во византийской уметности на Балканот и проблемот на Богородица Пелагонитиса. — «Зборник на Археолошкиот музеј в Скопје», II (1957—1958). Скопје, 1958, стр. 12, сл. 16.

⁷³ См.: G. Millet. Monuments de l'Athos, I. Les peintures. Paris, 1927, pl. 131—2. Сопровождающая фреску надпись гласит: « Η ΑΝΑΣΤΗΛΩΣΙΣ ΤΩΝ ΣΕΙΤΩΝ ΚΑΙ ΑΡΙΩΝ ΕΙΚΟΝΩΝ ».

⁷⁴ Д. П. Гордеев. Отчет о поездке в Ахалцихский уезд в 1917 г. (Росписи в Чуле, Сапаре и Зарзме). — «Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе», т. I. Пг., 1923, стр. 9. «Собор архангелов» написан на западной стене южной ветви креста, а на восточной стене той же ветви — «Константин и Елена».

⁷⁵ V. R. Petković. La peinture serbe du Moyen Âge, II. Beograd, 1934, p. 18. В поясе в нижнем регистре западной стены изображены апостол Петр, Собор двух архангелов, Константин и Елена и апостол Павел.

⁷⁶ См.: M. Sulzberger. Le symbole de la croix et les monogrammes de Jésus chez les premiers chrétiens. — Byz., t. II (1925), 1926, p. 418—419, 428. Ср.: A. Frolow. Les reliquaires de la Vraie Croix. Paris, 1965.

⁷⁷ Как мы уже отмечали выше, по предположению А. Н. Грабара, иконография Соборов выражает идею служения ангелов Христу в период его воплощения. Но эта

Иконография Собора архангелов — одно из тех явлений средневекового искусства, смысл которых имеет очень общий и отвлеченный характер. Поэтому-то установить его с должной точностью, используя привычные способы научных определений, необычайно трудно. Еще более сложно и ответственно утверждать, что истолкование икон Собора архангелов в их классической схеме, представленной великоустюжской иконой, средневековыми книжниками и многоликой массой верующих, исходило из первоначальной, весьма нелегкой для понимания богословской идеи. Невозможно, кажется, доказать и то, что иконографическая тема Собора архангелов могла ассоциироваться на протяжении многих веков и у многих народов с идеями восстановленного иконопочитания или с установлением божественных икон. Подобные истолкования, вероятно существовавшие, были всего лишь эпизодами в теологической истории этого иконографического типа. Что же касается русской среды, где возникла великоустюжская икона, особенно — простонародной среды, то можно думать, что ни первоначальное, ни последующие значения иконографии Собора не были ей известны, и такие иконы, вероятно, понимались в духе поучений, которые были написаны на день Собора архангелов. Одно из таких поучений — «Похвальное слово» на день 8 ноября Климента, архиепископа Болгарского (†916). В этом «Слове» на все лады прославляются архангелы Михаил и Гавриил, которые рассматриваются как всемогущие посредники между Богом и людьми. «... Вся же чюдеса и благодати сима великима архистратигома даны быша роду человеческому: онемъ победа на противныя, а другимъ благовещенье на радость земну съставу...», — говорит Климент. Особенно интересны характеристики архангелов в собственно похвальной части «Слова», написанной в торжественно-праздничном стиле акафиста: «... Радуйся, архистратиге Михаиле, старей естъствомъ сый, первый воевода бесплотнымъ силам! Радуйся, архистратиге Гавриле, первый блавестниче всякой радости! Радуйся, архистратиге Михаиле, единосущныя и неразлучныя Троица первый скипетреносче!... Радуйся, архистратиге Гавриле, воплощения Божия достойный блавестниче!»⁷⁸ Другое литературное произведение на аналогичную тему — Шестоднев, сборник назидательных поучений, написан-

гипотеза вызывает законные возражения по двум следующим причинам. Во-первых, в иконографии Соборов Христос присутствует не в своем подлинном виде, а как изображение на щите, как икона. Если бы мы стали на точку зрения А. Н. Грабара, нам осталось бы непонятным, зачем архангелы, которые по самой сути своего происхождения должны находиться в непосредственной близости к Богу, служат не прямо Христу, а его изображению. В восточнохристианском и греко-славянском искусстве с давних пор существовало немало иконографических образцов, которые выражали идею служения небесных сил Христу в более чистой и наглядной форме. Таковы широко распространенные композиции Христа на престоле с предстоящими по сторонам архангелами, а также Евхаристия, Вознесение и другие. Во-вторых, *imago clipeata* на руках архангелов — это преимущественно образ Христа Эммануила, и ссылка А. Н. Грабара на служение архангелов Христу в течение всего периода его воплощения не находит подтверждения в самой иконографии Соборов, где внимание обращено на младенческий возраст Христа. Считаю необходимым упомянуть, что по этой же причине невозможно, по-видимому, рассматривать композицию Собора архангелов Михаила и Гавриила, держащих диск с Эммануилом, как воспроизведение архаических и неканоничных представлений о Троице. Эти воззрения предполагали соединение в Троице Христа и двух ангелов. Я имею в виду распространенную в раннесредневековое время на Востоке формулу ХМГ, в которой многие исследователи склонны были видеть тайное обозначение Троицы как Христа, Михаила и Гавриила. См.: *Н. П. Кондаков*. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры, стр. 96. Ср.: *I. I. Smirnoff*. ХМГ. — «*Berliner philologische Wochenschrift*», 1906, Nr 33/34, Sp. 1082—1088 (где учтена и предыдущая литература).

⁷⁸ Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым, стр. 43, 44; А. Попов. Первое прибавление к Описанию рукописей и каталогу книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова, стр. 54, 55; А. В[адковский]. Указ. соч., стр. 223—224; Великие Минеи чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Ноябрь, дни 1—12, стб. 239, 240.

ных в X в. в Болгарии и предназначенных для произнесения в течение недели ⁷⁹. Существуют иконы под названием Шестоднева, например, знаменитая икона начала XVI в., хранящаяся в Третьяковской галерее, где изображен, в частности, и Собор бесплотных сил. Поучение, иллюстрацией к которому была выбрана композиция на сюжет Собора, содержит следующие слова: «... вся силы бесплотныа бещисленныа, и вси о нас богоу молятыся и ходатаиствуют над нами, и о нас стваряется сборъ, с теми песнь господи всылаем, тех бо есть трисвятая песнь... темъ оубо и мы оуподобимся, братие, и вси оумъ к богу възвысимъ» ⁸⁰. Рисунок и текст совпадают в самых общих чертах. Художественные образы литературного истолкования праздника мало напоминают иконописное изображение. Собор бесплотных сил объясняется как собор о верующих, а сами бесплотные силы — как молитвенники и ходатаи за человека перед Богом ⁸¹, и в этом контексте изображение Христа Эммануила на диске следует, очевидно, понимать как образ Бога, как его икону, при посредстве которой архангелы и верующие воссылают Христу молитвенную песнь и «возвышают» ему свою мысль. Конечно, верующие, обращаясь к иконам Собора архангелов, могли чтить их и самих по себе, безотносительно к Христу, но в целом логически предполагалось истолкование архангелов как посредников между людьми и Христом, образ которого они держат на руках, и молитву, обращенную к архангелам, последние как бы механически переносят на образ Христа Спасителя.

5

Итак, мы пришли к выводу о независимости богословского смысла изображений Собора от идей послеиконоборческого периода. Основная иконографическая схема Собора в виде двух лоратных архангелов, несущих диск с полуфигурой Христа Эммануила, и буквально повторяющая ее миниатюра Лондонской Псалтири 1066 г., наверное, восходят к общему источнику, который применительно к разным задачам миниатюры и иконы получил и две различные модификации. Этим общим источником являются широко распространенные в раннехристианском искусстве изображения двух ангелов, прославляющих, или возносящих, крест. Известно, что именно в послеиконоборческое время, особенно на протяжении X—XI вв., византийское искусство испытало сильнейшее воздействие эллинистических и позднеантичных форм ⁸². Нисколько не удивительна

⁷⁹ А. И. Соболевский. Шестоднев Кирилла Философа. — «Известия ОРЯС», т. VI, кн. 2, 1901, стр. 177—202.

⁸⁰ Там же, стр. 180.

⁸¹ Содержание упомянутого нами отрывка из Шестоднева находит себе прямую иконографическую аналогию также в тех иконах, где бывает изображен фронтально стоящий архангел Михаил со сферой, посередине которой написаны либо фигура Христа, либо лигатуры его имени. Таковы икона архангела Михаила конца XIII в. из Ярославля в Третьяковской галерее и широко известная фреска, украшавшая до второй мировой войны Успенскую церковь на Волотове близ Новгорода. Скрытый смысл обеих икон — передача благоговейных молитв к Христу, господу Вселенной, через ходатайство архангела (O. Wulff. Ein byzantinische Ikonentypus in nordrussischen Nachbildung. — L'art byzantin chez les slaves, II. Paris, 1932, p. 218—234).

⁸² В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 74—75, 82. В плане нашей темы интересно, в частности, обратить внимание на грузинскую рипиду XI в. из Местиа в Сванетии: здесь изображены два ангела в рост, несущие на приподнятых руках imago cincta, причем композиция в целом чрезвычайно напоминает памятники IV—VI вв. (Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное серебро. Текст. Тбилиси, 1959, стр. 141—143; Иллюстрации. Тбилиси, 1959, табл. 116). О зависимости иконографии Собора архангелов от раннехристианских изображений вознесения или прославления креста см. также: Д. Айналов и Е. Редин. Киево-Софийский собор. Исследование мозаической и фресковой живописи. СПб., 1889, стр. 97; Н. П. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник, т. I. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, стр. 61.

поэтому реставрация некоторых старых, впоследствии забытых или полузабытых иконографических мотивов, которые в новых условиях были призваны способствовать обогащению бурно развивавшегося православного искусства наиболее эффективными сценами, выработанными еще в античный период. В этом плане использование изображений двух ангелов с *imago clipeata* на руках было находкой, значение которой трудно переоценить: мы обязаны ей появлением одной из наиболее впечатляющих иконографических тем во всей истории византийского искусства.

Поскольку основная схема уже существовала и возникновение икон Собора было уже подготовлено, оставалось только заменить имперсональные фигуры ангелов фигурами Михаила и Гавриила, одетыми в царские одежды, а на щите вместо монограмматического креста написать изображение самого Христа, чтобы получить совершенно новый иконографический тип, пригодный для использования в иконописной практике новой эпохи. Не исключено, что большую роль в этой трансформации образов сыграли традиционные в искусстве Византии и соседних с нею стран изображения архангелов со сферами в руках. Обычно такие архангелы изображались в полный рост фронтально или в легком трехчетвертном повороте. На сферах часто помещался знак креста (рис. 12). В христианской символике сфера обозначала мир, а изображение креста на ней служило напоминанием о Христе как владыке мира. Сфера очень легко могла быть сопоставлена с *imago clipeata* и принять на себя аналогичные функции. В конхе апсиды дьяконника Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове (ок. 1156) изображен архангел Михаил, держащий в левой руке диск с полуфигурой Спаса Эммануила. В музее Бандини, во Фьезоле, хранится небольшая стеатитовая иконка архангела Гавриила, тоже XII в. (рис. 13)⁸³. И здесь архангел держит в правой руке лабарум, а в левой — диск с полуфигурой Спаса Эммануила. В позе архангела на фьезоланской иконке отсутствуют воинственные черты, и это обстоятельство указывает на его происхождение от иконописной сцены, которая выражала идею служения архангелов Христу или Богоматери⁸⁴. Нам важен, однако, не самый процесс появления полуфигуры Спаса Эммануила на сферах у архангелов, а то, что полуфигура Спаса Эммануила на сферах бесспорно перешла сюда с *imago clipeata*. Распространившийся в XI—XII вв. обычай изображать на диске или на сфере вместо креста полуфигуру Спаса Эммануила А. Н. Грабар склонен объяснять влиянием послеиконоборческой иконографии, и это наблюдение кажется нам правильным.

В искусстве XII в. иконография Собора двух архангелов в ее классическом изводе уже существовала, что доказывается замечательной грузинской (?) иконой XII в. из высокогорного сванского поселения Пхотрер. Живопись этой иконы в настоящее время почти совершенно утрачена, но на икону еще в древности, наверное, сразу после ее написания или, точнее, сразу после ее доставки в Пхотрер, был изготовлен драгоценный серебряный чеканный оклад, воспроизводящий все мелочи живописного

⁸³ L. Bréhier. *La sculpture et les arts mineurs byzantines*. Paris, 1936, pl. XIX (2); D. Talbot-Rice and M. Hirmer. *The Art of Byzantium*. London, 1959, pl. 162. Л. Брейе датировал иконку серединой XIV в., ссылаясь на признаки палеологовского стиля, но последние здесь полностью отсутствуют.

⁸⁴ В качестве исходной композиции, от которой могла отпочковаться фигура фьезоланского архангела, следует указать на деталь стеатитового рельефа XI в. из Лувра с изображением этимасии (G. Schlumberger. *L'épopée byzantine*, t. III. Paris, 1935, pl. 1; D. Talbot-Rice. *Byzantine Art*. Oxford, 1935, pl. 34 b; E. Coche de la Ferté. *L'antiquité chrétienne au Musée du Louvre*. Paris, 1958, N 60). Ср. также с миниатюрой в рукописи Vatic. gr. 752, относящейся ко второй половине XI в. (T. von Bagay. *Zur Geschichte der Hetoimasie*. — «Akten des XI. Internationalen Byzantinistenkongresses. München, 1958». München, 1960, Taf. VII, 2).

изображения. На иконе, судя по ее окладу (рис. 14)⁸⁵, были представлены два лоратных архангела в рост, держащие перед собою небольшой медальон с полуфигурой Спаса Эммануила. Композиция в целом оставляет очень сильное впечатление благодаря своей монументальности, ясности и торжественному характеру. Русская икона Собора двух архангелов из Великого Устюга повторяет именно эту схему.

В связи с основным вариантом иконографии Собора архангелов и его историческим развитием необходимо затронуть вопрос об одном памятнике южнославянского происхождения. Это фреска, украшающая конху апсиды придела Спаса, пристроенного с южной стороны к церкви Богоматери Елеусы в монастыре села Велюса около Струмицы, в Македонии⁸⁶. Согласно надписи, помещавшейся над входом в церковь, она построена епископом струмичким Мануилом в 1080 г. Фрески главной церкви и придела исполнены в одном стиле, но дата их исполнения неизвестна. Это либо конец XI в., либо, что более вероятно (так полагал Н. Л. Окунев и так думают В. Н. Лазарев и Гордана Бабич), уже XII век. На фреске в апсиде придела представлены два лоратных архангела, возносящие большую сферу с изображением Христа, восседающего на радуге (рис. 15). Архангелы написаны в строго фронтальных позах и в полный рост. Взятые отдельно, они чрезвычайно похожи на аналогичные фигуры на иконах Собора двух архангелов. Но другая часть композиции, сфера, по своим размерам намного превосходит обычный для иконографии Соборов медальон, и тип Христа здесь тоже иной. Сфера велюсской фрески не имеет ничего общего с *imago clipeata*. Она характерна для иконографической схемы Вознесения и обнаруживает прямое сходство со сценой Вознесения на купольной мозаике церкви св. Софии в Салониках (842—880/5)⁸⁷. Однако в большинстве композиций Вознесения сферу с восседающим на радуге Христом несут летящие ангелы, тогда как на велюсской фреске это — стоящие лоратные архангелы. В. Джурич, опубликовавший эту фреску, определил ее как изображение Собора архангелов, ссылаясь на песнопения Октатевха со службой на понедельник в честь Собора архангелов (Шестоднев Кирилла Философа). В обоснование своей точки зрения он привел гравюру из Октатевха, напечатанного в Цетинье в конце XV в., где близкая к велюсской фреске композиция с возносимым медальоном надписана как Собор архангелов. И все же атрибуция В. Джурича не может быть признана удовлетворительной. Гравюра из цетинского Октатевха не находит полного соответствия в композиции велюсской церкви, так как в возносимом ореоле здесь дан образ не исто-

⁸⁵ Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное серебро. Текст, стр. 602—604; Иллюстрации, рис. 377, 378. Г. Н. Чубинашвили датирует оклад (а следовательно, и икону?) XI в. Самое раннее научное описание этого памятника дано Г. Д. Филимоновым (Г. Д. Филимонов). Сванетия в археологическом отношении. — «Вестник Общества древнерусского искусства при московском Публичном музее», 1876, № 11—12, отд. I, стр. 92).

⁸⁶ О фресках Велюсы см.: М. Јовановић. О Водочи и Велюсе после консерваторских радова. — «Зборник на Штипскиот Народен музеј», I (1958—1959), стр. 130—135; V. J. Djurič. Fresques du monastère de Veljusa. — «Akten des XI. Internationalen Byzantinistenkongresses. München, 1958», p. 113—121, pl. XVI—XXII; В. Н. Лазарев. Живопись XI—XII веков в Македонии. Belgrade—Ochride, 1961 («XII-e Congrès International des études byzantines. Ochride, 1961. Rapports», V), стр. 132, прим. 110 а; G. Babič. Les chapelles annexes des églises byzantines. Fonction liturgique et programmes iconographiques. Paris, 1969 («Bibliothèque des Cahiers archéologiques», III), p. 94, 101, 104—105, fig. 58—64.

⁸⁷ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, табл. 406. Об иконографии Вознесения см.: А. И. Кирпичников. Иконография Вознесения Христова. — «Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.)», т. III. Одесса, 1887, стр. 387—395; Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892, стр. 428—445. В некоторых случаях сферу с возносящимся Христом поддерживают не летящие, а стоящие ангелы, например на фреске в церкви св. Георгия в Старой Ладоге 60-х годов XII в. (В. Н. Лазарев. Фрески Старой Ладоги. М., 1960, табл. 19—26).

рического Христа, а Спаса Эммануила (эта схема повторяется в некоторых позднейших русских иконах Собора). Гордана Бабич полагает, что в апсиде придела Спаса в Велюсе мы имеем изображение Христа в славе — композицию на теофаническую тему, находящую себе косвенные аналогии в иллюстрациях ряда греческих рукописей XI—XII вв.⁸⁸ Этот сюжет обнаруживает несомненное родство с Вознесением, но здесь отсутствует нижний регистр с фигурами, указывающими на событие, происходившее в действительности (Богоматерь, ангелы и апостолы), а выделен лишь момент небесного торжества Спасителя⁸⁹. Чудесные видения Христа в небесных сферах, в окружении ангелов и других небесных сил нередко избирались для декорации алтарных частей храма, что доказывается хотя бы присутствием в романских церквах на этом месте фресок на сюжет известного Чуда в Латоме⁹⁰. Поэтому нет ничего невозможного в предположении, что велюсская фреска написана на сюжет Христа в славе. Этому, впрочем, не будут слишком противоречить и определения фрески как сокращенного варианта Вознесения⁹¹ или особого варианта Собора; местоположение фрески в конхе апсиды придела, роспись которого не зависела от канонических требований, допускает разные интерпретации сюжета.

Если оставлять в стороне миниатюру из Тирского Евангелия и, как сомнительную, велюсскую фреску, то икона из Пхотгера и великоустюжская икона являются в настоящее время древнейшими образцами иконографии Собора архангелов. Но к этому небольшому списку необходимо присоединить еще три изображения, одно из которых — грузинская фреска начала XIII в., украшающая церковь Тиграна Онеца в Ани (рис. 16)⁹², — возникло на почве Армении, а два других — исполненная около 1270 г. фреска Пармского Баптистерия⁹³ и мозаика конца XIII (?) в. в капелле del Sacramento собора св. Марка в Венеции (рис. 17)⁹⁴ — были созданы в Италии. Хотя мозаика Сан-Марко, как и многие другие части мозаической декорации этого прославленного, а потому и слишком часто подвергавшегося реставрациям собора, возбуждает некоторое недоверие к ее подлинности, она чрезвычайно интересна тем, что здесь на полуфигуру Спаса Эммануила, помещенную в медальоне листовидной формы, сверху из полусферы, символизирующей небо, падает луч со звездой, указывающий, как и в сценах Благовещения или Рождества Христова, на воплощение путем непорочного зачатия. Иными словами, эта деталь прямо намекает на догматический смысл изображений Собора архангелов, как мы и старались показать в предыдущих разделах настоящей статьи.

⁸⁸ G. Babić. Op. cit., p. 94—105.

⁸⁹ Заметим, однако, что миниатюра из Лондонской Псалтири 1066 г. (Брит. муз., Add. 19352, л. 25 об.), изображающая, по мнению Горданы Бабич, Христа в славе, имеет сопроводительную надпись: *ἀνάλοφικς*. Этот факт свидетельствует, что люди XI в. не были столь рьяными ригористами в определении сюжетов религиозной живописи, как исследователи второй половины XX в.

⁹⁰ См.: E. W. Anthony. Romanesque Frescoes. Princeton, 1951, fig. 210, 249, 254—256, 260, 316—317, 320, 325, 328 и многие другие.

⁹¹ Ср.: E. Редин. Рукописи с византийскими миниатюрами в библиотеках Венеции, Милана и Флоренции, стр. 302—303 (описание миниатюры из армянской рукописи 902 г. в библиотеке монастыря св. Лазаря в Венеции, где Вознесение представлено как ореол с восседающим на престоле Христом, возносимый двумя стоящими ангелами).

⁹² См. стр. 174 и примеч. 74, а также: Н. Я. Марр. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. М.—Л., 1934 («Известия ГАИМК», вып. 105), стр. 85—86. Мы воспроизводим эту фреску по негативу Н. П. Сычева 1910 г., хранящемуся в фототеке ЛОИА (III 16388).

⁹³ P. Toesca. Il Battistero di Parma. Milano, 1960.

⁹⁴ См.: S. Bettini. Mosaici antichi di San Marco a Venezia, tav. XCI. Тоэска датирует эту мозаику XI (!) в. (около 1071 г., см.: P. Toesca und F. Forlatti. Die Mosaiken von San Marco. Milano, 1957, S. 13).

Замечательной особенностью всех без исключения упомянутых нами изображений Собора архангелов является их прямая или косвенная связь с искусством христианского Востока. Это справедливо по отношению к памятникам не только Кавказа и России, но и Германии и Италии. Известно, что творчество империи Каролингов, в недрах которого возникла миниатюра Трирской рукописи, было очень многим обязано восточнохристианскому искусству⁹⁵, и десятки памятников этого круга могут прямо рассматриваться как восполнения утраченных звеньев художественной истории православного Востока. Равным образом фрески Пармского Баптистерия, резко отличающиеся по своему жесткому линейному стилю от современных им других итальянских фресковых росписей, несут на себе определенную печать южнославянского, по-видимому, болгарского искусства⁹⁶. Не приходится доказывать аналогичную мысль для балканских памятников, архаическая восточная подоснова которых, особенно в росписях Македонии, прослеживается исключительно ясно как в иконографических изводах, так и в эстетических воззрениях, находящих свое выражение в художественных формах.

6

Позднейшие изображения Собора архангелов, датируемые уже XIV в., в полном соответствии с нашими выводами о преимущественно восточном распространении этой иконографической схемы, особенно часто встречаются на Балканах и на Кавказе. Это фрески в церкви св. Георгия в Старо-Нагоричине (1318; рис. 18)⁹⁷ и в соборе Хиландара (начало XIV в.)⁹⁸, в церквях Спаса в Жиче (XIV в., рис. 19)⁹⁹, св. Николая в Люботене (1337)¹⁰⁰, в соборной церкви монастыря в Дечанах (XIV в.)¹⁰¹, в церкви Богородицы в Матеече (50-е гг. XIV в.)¹⁰², неизданная фреска жертвенника в Цаленджихе (Мингрелия, Грузия; 1384—1396) и другие. Замечательным изображением Собора является болгарская фреска XIV в., украшающая небольшую церковь св. Петра в Беренде. Эта

⁹⁵ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 71.

⁹⁶ Там же, стр. 197 и примеч. 127 на стр. 352. См. о пармских фресках: E. W. Anthony. Romanesque Frescoes, p. 105—106, fig. 172—178; P. Toesca. Storia dell'arte italiana, I. Il Medioevo, II. Torino, 1965, p. 990—991, fig. 659—662; idem. La pittura e la miniatura nella Lombardia. Dai più antichi monumenti alla metà del Quattrocento. Torino, 1966, p. 75, fig. 101.

⁹⁷ Н. Окушев. Граѓа за историју српске уметности, I. Црква светог Ђорђа у Старом Нагоричину. — «Гласник Скопског научног друштва», књ. V. Скопље, 1929, сл. 13; В. Р. Петковић. La peinture serbe du Moyen Âge, II, pl. LIII (вверху). Эта фреска написана на глухой стене, отделяющей дяконник от южного нефа церкви и составляющей продолжение алтарной преграды.

⁹⁸ В. Р. Петковић. La peinture serbe du Moyen Âge, II, p. 18 (упом.). Хиландарские фрески исполнены сербскими мастерами. К сожалению, они до сих пор остаются под записями 1571—1582 и 1804 гг.

⁹⁹ В. Р. Петковић. Спасава црква у Жичи. Архитектура и живопис. Београд, 1912, стр. 29, сл. на стр. 32; В. Р. Петковић. La peinture serbe du Moyen Âge, II, pl. XL (вверху); М. Кашанин, Ђ. Бошковић, П. Милојевић. Жича. Историја, архитектура, сликарство. Београд, 1969, стр. 31, 156, 158, 167.

¹⁰⁰ В. Р. Петковић. Живопис цркве у Љуботену. — «Гласник Скопског научног друштва», књ. II, св. 1—2. Скопље, 1927, стр. 120, сл. 8. Здесь эта фреска украшает дяконник; над конхой на стене написаны два ангела, которые держат череницу с Нерукотворным образом Спаса (тип исторический).

¹⁰¹ Б. Бошковић — В. Петковић. Манастир Дечани, П. Београд, 1941 («Српска Краљевска Академија. Стари југословенски уметнички споменици. Део први. Стари српски уметнички споменици», књ. II), стр. 11, табл. CVI. Фреска включена в календарный цикл росписи и соотнесена с праздником Собора архангела Михаила. Надпись: «Въ 8 д(е)нь съборъ арх(ан)г(е)ла Мих(а)ила».

¹⁰² Н. Окушев. Граѓа за историју српске уметности. Црква свете Богородице — Матееч. — «Гласник Скопског научног друштва», књ. VII—VIII. Скопље, 1930, стр. 111, сл. 7. На фреске Матееча медальон овальный, а Христос Эммануил изображен в полный рост.

фреска включена в состав других фигур, которые в целом лишний раз подчеркивают уже отмечавшееся нами догматическое содержание композиции Собора архангелов в его изначальном и близких к нему вариантах. На своде церкви, разделенном полосой орнамента на две равные части, написаны: на северном склоне — два лоратных архангела с *imago clipeata* и восемь пророков, а на южном склоне — два лоратных архангела, несущие на щите изображение Богоматери типа Знамения (точнее — Оранты), и по сторонам их тоже восемь пророков (рис. 20—21)¹⁰³. Выдающийся интерес здесь представляют, конечно, фигуры пророков, присутствие которых должно указывать на то, что они были провозвестниками явления Христа в мир или, иными словами, его воплощения. Медальон с полуфигурой Богоматери на руках у архангелов, написанных на южном склоне, свидетельствует, что это воплощение совершилось через деву Марию.

Если на Балканах и на Кавказе иконография Собора архангелов развивалась преимущественно в области монументальной живописи, то на Руси она получила распространение в иконописи. В отличие от сербских памятников, которые в подавляющем большинстве случаев воспроизводили один архайческий образец типа нагоричинской фрески или фрески в Жиче, русские иконы Соборов, особенно иконы XVI—XVII вв., очень разнообразны. Так же как и на великоустюжской иконе, этот сюжет представлен на каменном образке XIV—XV вв., хранящемся в собрании Оружейной палаты Московского Кремля¹⁰⁴, и на иконе начала XV в. из бывшего собрания И. С. Остроухова, хранящейся ныне в Третьяковской галерее (рис. 22)¹⁰⁵. Эта икона отличается только тем, что архангелы написаны не в строго фронтальных позах, а повернувшись к центру, где изображен медальон с младенцем Христом. Другие русские иконы отходят от первоначальной иконописной схемы Собора двух архангелов, и композиция усложняется за счет привлечения остальных архангелов¹⁰⁶ и вообще целого сонма ангелов, серафимов, херувимов и прочих бесплотных сил, которые стоят вокруг медальона с изображением Спаса Эммануила и поддерживают его. Эта новая иконография Соборов является развитием исходного извода. Она оформилась параллельно с разработкой минейного цикла икон на весь год. Иконы Собора двух архангелов, несмотря на их высокие композиционные качества, были все же мало приспособлены для того, чтобы соотносить их с тем или иным церковным праздником. Характерно, что великоустюжская икона и древнейшие сербские фрески (кроме дечанской) не имеют надписей, которые бы определяли этот сюжет. Новые иконографические типы Собора архангелов лучше отвечали церковной практике. Теперь можно было писать одинаковые иконы Соборов применительно к праздникам обоих архангелов.

¹⁰³ Фотоснимки с этих фресок любезно предоставлены мне Л. П. Прашковым, которому я выражаю искреннюю благодарность.

¹⁰⁴ Г. Ф. Филимонов. Современные реставрации в Московском Кремле, I. Открытия, сделанные при работах в Николаевском дворце. — «Вестник Общества древнерусского искусства при московском Публичном музее», 1875, № 6—10, отд. IV, стр. 48 (на другой стороне образка представлен поясной Никола, иконка найдена в 1875 г. около Чудова монастыря). Г. Д. Филимонов датировал иконку XII в., что явно не соответствует стилю изображений.

¹⁰⁵ П. Муратов. Древнерусская иконопись в собрании И. С. Остроухова. М., 1914, стр. 13, илл. на стр. 42; Н. П. Кондаков. Русская икона, I. Альбом, ч. I. Прага, 1928, табл. III (в цвете); В. И. Антонова и Н. Е. Мневa. Каталог древнерусской живописи [Государственной Третьяковской галереи], т. I. XI — начало XVI века. М., 1963, № 311, илл. 238. По устным сведениям, эта икона тоже происходит из великоустюжского монастыря архангела Михаила.

¹⁰⁶ По тексту Библии известны следующие архангелы: Михаил (кто как Бог), Гавриил (муж Божий), Рафаил (помощь, или исцеление, Божие), Уриил (огонь, или свет, Божий), Салафиил (молитва к Богу) и Иеримиил (высота Божия). Не упоминаются в Библии Иегудиил (хвала Божия) и Варахиил (благословение Божие).

На иконах XV—XVII вв. в качестве главных действующих лиц постоянно присутствуют архангелы Михаил и Гавриил, а в иных случаях и Рафаил, которому традиция приписывала роль небесного первосвященника и который изображался в середине иконы (позади медальона с полуфигурой Спаса Эммануила), и тогда архангелы символизировали троичную власть небес: воинскую (Михаил), гражданскую (Гавриил) и церковную (Рафаил)¹⁰⁷. Внизу, под медальоном с полуфигурой Эммануила, появляется изображение престола, навешанное, несомненно, теми текстами, которыми сопровождалась служба в честь Собора архангелов, отмечавшиеся 8 ноября¹⁰⁸.

Все позднейшие иконы Соборов можно подразделить на четыре группы, применяя в каждом из этих случаев разные варианты одного общего названия:

1. Если на иконе изображены семь архангелов с фигурами Михаила, Рафаила и Гавриила на первом плане (Михаил и Гавриил по сторонам, а Рафаил позади медальона), то ее следует называть «Собор архангелов» или «Собор семи великих архангелов». Одна из таких икон, относящаяся к XVI в., хранится в Государственной Третьяковской галерее (рис. 23)¹⁰⁹.

2. Если на иконе изображены архангелы Михаил и Гавриил, стоящие по сторонам от медальона, но кроме них написаны другие архангелы и прочие небесные силы, серафимы и херувимы, то этот сюжет лучше всего определить как «Собор бесплотных сил» (*Συναγίς τῶν Ἀσφαίων*). Хорошие образцы подобного иконографического извода — клеймо на иконе архангела Михаила с деяниями первой половины XV в., хранящейся в Архангельском соборе Московского Кремля¹¹⁰, табличка конца XV в. в Новгородском музее (рис. 24)¹¹¹ и небольшое клеймо на известной иконе Шестоднева начала XVI в. из собрания И. С. Остроухова¹¹².

3. Если посередине иконы, позади медальона, представлен архангел Михаил, а по сторонам и позади изображены другие архангелы (а также прочие бесплотные силы), то этот иконографический извод следует называть «Собор архангела Михаила», ибо, помещая архистратига Михаила

¹⁰⁷ Н. П. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник, т. I. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, стр. 76—77.

¹⁰⁸ Стихира на этот день гласит: «Разоумныхъ силъ архистратизи, престоюще беспрестани владычюпоумоу престолуоу, молитесь къ господоу миръ мирови даровати и доушамъ нашимъ велию милость» (Стихирарь XII в. в ГНБ, Q п I 15, л. 62). Там же имеются следующие слова: «... архангеловъ съборъ повестимъ, ть бо беспрестани богуоу предъстоитъ и тръсвятую песнь въсылая, моляться съпасти доуши наша» (л. 62 об.).

¹⁰⁹ Об этой иконе см.: П. Муратов. Древнерусская иконопись в собрании И. С. Остроухова, табл. к стр. 16; Н. П. Кондаков. Русская икона, I. Альбом, ч. I, табл. XXIV; В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Указ. соч., т. I, № 319. К этому же типу относится икона XVII в. (В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Указ. соч., т. II. XVI—начало XVIII века. М., 1963, № 725).

¹¹⁰ См. К. Г. Тихомирова. Героическое сказание в древнерусской живописи. — Сб. «Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв.» М., 1970, стр. 9, 12, 16. К этому же изводу относится икона XVI в., находящаяся в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры. См. сб. «Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники». М., 1968, рис. 109, стр. 96.

¹¹¹ См. также: В. Н. Лазарев. Новгородская иконопись. М., 1969, стр. 42, илл. 75 (в цвете).

¹¹² Об этой иконе см.: «Выставка древнерусского искусства в Москве 1913 г.» М., 1913, отд. I, № 18, таблица; Н. Щекотов. Иконопись как искусство. По поводу собрания икон И. С. Остроухова и С. П. Рябушинского. — «Русская икона», сб. 2. СПб., 1914, таблица; П. Муратов. Древнерусская иконопись в собрании И. С. Остроухова, стр. 24—25, таблица; В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Указ. соч., т. I, № 281. К этому же иконографическому типу относятся: московская икона рубежа XVI—XVII вв. в Третьяковской галерее (В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Указ. соч., т. II, № 691) и икона из бывшего собрания Н. П. Лихачева в Русском музее (Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас, ч. I. СПб., 1906, табл. CXLI, № 252).

на почетном месте, художники имели в виду указать на его выдающееся значение как предводителя небесных сил. Этот иконографический тип избирался преимущественно для иллюстрации праздника Собора архангела Михаила 8 ноября ¹¹³.

4. Если в аналогичной композиции посередине, позади медальона, представлен архангел Гавриил, то это «Собор архангела Гавриила», и такая икона должна рассматриваться применительно к праздникам Собора архангела Гавриила 26 марта или 13 июля (рис. 25) ¹¹⁴.

Итак, иконография Собора архангелов имеет длительную и сложную историю. Она возникла как отвлеченная, неисторическая иллюстрация к пророчеству Исайи, процитированному евангелистом Матфеем применительно к Иисусу Христу. Ее цель состояла в том, чтобы явить миру изображение Христа, указать на грядущее воплощение Логоса. Юношеский облик Христа на медальоне должен был напоминать о боге в его ипостаси сына, Христа Предвечного. Этот акт демонстрации знака, символа, иконы Христа призваны были осуществлять ближайшие слуги бога, посредники между богом и людьми, между небом и землей — ангелы. Они выступают в этой торжественной церемонии в своем парадном облике — как архангелы, одетые в парадные императорские одежды, ибо им поручено показать всему миру изображение высшего царя. Основная композиционная схема Собора восходит к античным и раннехристианским изображениям двух гениев или ангелов с *imago clipeata* на руках. Ранний вариант иконописного типа Собора архангелов Михаила и Гавриила сформировался, как об этом свидетельствует каролингская миниатюра из Евангелия в Трире, не позднее начала VIII в. Изображение на медальоне не креста, как это характерно для раннего времени, а антропоморфического образа Христа, причем Христа в качестве Спаса Эммануила, связано с более поздним этапом развития этого иконописного сюжета. Первоначальный, довольно сложный и отвлеченный смысл иконографии Собора архангелов не всегда был понятен как образованным кругам византийского общества, так и широким народным массам. Однако торжественный характер композиции, ее строгая иконность поддерживали к ней неослабевающее внимание. В зависимости от конкретной церковно-политической ситуации ее могли интерпретировать (и, вероятно, так оно и было на самом деле в послеиконоборческое время) как символ восстановленного иконопочитания, а также, в более общем плане, как символ установления икон, если эта композиция сопоставлялась с портретами установителей культа креста Константина и Елены. Бесспорно также, что в простонародной среде подобные иконы читали и просто как изображения архистратигов Михаила и Гавриила. Архангелы предстают как избранные слуги Господа. Торжественно выставляя напоказ образ Христа всему миру, они как бы исполняют тройную миссию: напоминают миру об источнике своего могущества, свидетельствуя о воплощении, укрепляют веру человека в спасение мира и посылают при посредстве этого образа-иконы обращенные к ней молитвы непосредственно к престолу Христа.

¹¹³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания, ч. I, табл. СС, № 358 — Минея на ноябрь месяц; Н. П. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник, т. I. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. [Атлас. СПб., 1905], табл. 135 — прорись с неизвестной иконы рубежа XVI—XVII вв.

¹¹⁴ Н. П. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник, т. I. Атлас, табл. [17]; П. Муратов. Русская живопись до середины XVII века. — В кн.: Игорь Грабарь. История русского искусства, т. VI. М., [1915], стр. 30 (с ошибочным названием «Собор архангела Михаила»). Воспроизведенная в этих изданиях икона хранилась до революции в иконостасе придела Гавриила в Благовещенском соборе Московского Кремля; ныне утеряна. См. также соответствующую деталь Минеи на июль месяц, изданной Н. П. Лихачевым («Материалы», ч. I, табл. ССVI, № 370).

Г. В. ПОПОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОИНСКОЙ ТЕМАТИКИ
В РУССКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ ИСКУССТВЕ ¹

Воинская тема занимает особое место в средневековом искусстве. В образах воинов отразились идеальные представления о героизме, беззаветной храбрости, верном служении отечеству. Особенно широко было распространено почитание Георгия, Димитрия Солунского, Феодора Тирона и Феодора Стратилата, а в Древней Руси — князей Бориса и Глеба.

Данное обстоятельство объясняет то внимание, с которым исследователи средневековой культуры относятся к воинской тематике в литературе и искусстве. И если большинство произведений, так или иначе связанных с воинской темой, изучались не одним поколением ученых, то до сих пор многие исследователи не обратили внимания на ряд особенностей культа Спаса Эммануила и его почитание в древнерусской воинской среде ².

Эммануилом принято называть, как известно, младенца или отрока Христа ³. Иконография Спаса Эммануила появляется очень рано и формируется под влиянием идеального типа юного отрока Христа и «добротного пастыря» первых веков христианства. При этом иконографический тип Эммануила на протяжении нескольких столетий истории средневекового искусства не был каноническим. Он «устанавливается» лишь в XI—XII вв. ⁴ К этому времени окончательно складывается понимание образа Эммануила, а его содержание делается строго определенным.

В основе истолкования роли Эммануила лежит текст прообразовательно понимаемых книг пророков, в первую очередь пророчества Исаи, где предсказывается будущее «божественное знамение» (VII, 14; IX, 6—7). Пророческие тексты послужили исходной точкой для понимания значения Эммануила, преимущественно апокалиптического, и явились основой специальной композиции, в которой Эммануил изображался обычно восседающим на радуге в небесной сфере в окружении сил, серафимов и

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный в Тбилиси на VII Всесоюзной конференции византистов. См.: «Седьмая Всесоюзная конференция византистов в Тбилиси. 13—18 декабря 1965 г. Тезисы докладов». Тбилиси, 1965, стр. 76—77.

² Возможность такого аспекта в предположительной форме высказывалась Н. А. Деминой.

³ Реже в византийском искусстве можно встретить изображение Эммануила, представленного в так называемом «историческом типе»: Н. П. Кондаков. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб., 1905, стр. 60—61; Н. П. Лихачев. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911, стр. 42—43; А. Grabar. L'iconoclisme byzantin. Dossier archéologique. Paris, 1957, tabl. 57; Г. Джингов. Принос към материалната култура на Преслав и неговата околност. — «Археология», София, 1966, год. VIII, № 2, стр. 44, обр. 3.

⁴ Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 4.

евангелистов (или их символов), «яко дух жизни» и «творец всей твари»⁵. Наиболее широкое распространение получили изображения, непосредственно навеянные «Апокалипсисом». В ранневизантийскую эпоху подобные сцены помещались в конхе храмов; их смысл со всей определенностью раскрывался сопроводительными надписями: «Спасение всего человеческого рода»⁶. Позднее этот тип алтарных композиций исчезает, а иконография самих сцен усложняется, что можно видеть на примере Ватиканской далматики XIV в., где изображение Эммануила имеет аналогичный поясняющий текст: «Я есмь воскресение и жизнь» (Ев. от Иоанна, XI, 25)⁷. Аналогичный характер носило изображение Эммануила и в Апокалипсисах (на Руси эта традиция сохранялась до XVII в.)⁸. Тот же смысл вкладывался в одну из миниатюр четвертого Слова «Христианской Топографии» Козьмы Индикоплова, изображающей пространство земли до небесной тверди и «царствие небесное» с сидящим на троне в окружении ангелов Эммануилом (иногда заменяемым медальоном с юным Христом)⁹.

Среди многочисленных символических композиций преимущественно апокалиптического содержания, в которых Эммануил выступает в ка-

⁵ Подобные композиции имеются в апсиде Сан-Витале в Равенне (VI в.), среди миниатюр Евангелия первой половины XII в. в Марчизанской библиотеке (gr. Z. 540), в одном из куполов Сан-Марко в Венеции, XIII в. (Е. К. Редин. Мозаики равеннских церквей. СПб., 1896, стр. 154—155; Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 42—43, 59, рис. 66; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II. М., 1948, табл. 157 а). В этой сцене помимо пророков иногда изображается Богоматерь (Сан-Марко). Одной из наиболее полных иллюстраций «Видения» является апсидная мозаика церкви Озиса Давид в Салониках конца V—начала VI в. (В. Н. Лазарев. Указ. соч., т. I. М., 1947, стр. 49, 283—284; А. Grabar. L'âge d'or de Justinien. De la mort de Théodose à l'Islam. Paris, 1966, p. 131, fig. 140, 141) и композиция «Чудо Латома», восходящая к апсидной мозаике солунской церкви Христа Латома с изображением «гласа вод многих» — озера с рыбами (Иезекиил, I, 24; S. Radošić. Icones de Serbie et de Macédoine. Zagreb, 1962, p. XX, tabl. 60; Иконы на Балканах». София—Белград, 1967, стр. XLVIII, табл. 105). Композиция «Видения» оказала влияние на иконографию «Вознесения» и «Преображения», в которых иногда происходит замена «исторического типа» Эммануилом. См.: Н. В. Покровский. Очерки памятников христианского искусства и иконографии. СПб., 1910, стр. 107, 171—175; В. Н. Лазарев. Указ. соч., т. I, стр. 114, 130, 317; D. Talbot Rice. Art of the Byzantine Era. London, 1963, ill. 31; Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас снимков, ч. I. СПб., 1906, табл. CXXI, № 121 (памятник XVI в. из собрания автора). Вполне вероятно также, что здесь находит отражение устойчивая раннехристианская традиция. Ефрем Сирий рассматривал «Преображение» в качестве «предуготовления» второго пришествия «во славе» и связывал его с образом Эммануила («Творения святых отцов», т. XIII, ч. 2. М., 1849, стр. 148; т. XV, ч. 4. М., 1850, стр. 191).

⁶ Классическим примером подобной композиции являются апсидные мозаики церквей Озиса Давид в Салониках, Сан-Витале в Равенне (где Эммануил изображен со свитком, запечатанным семью печатями), Сан-Микеле ин Аффричско и второй равеннской церкви в честь архангела Михаила (VI в.); см.: Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 7—9; Е. К. Редин. Указ. соч., стр. 156—157; Н. В. Покровский. Указ. соч., стр. 105; В. Н. Лазарев. Указ. соч., т. I, стр. 59; т. II, табл. 29. Символические алтарные композиции апокалиптического содержания соответствуют словам Кирилла Александрийского: «... божественный алтарь, как бы в образе, есть Эммануил» (Е. К. Редин. Указ. соч., стр. 153).

⁷ Ch. Diehl. Manuel d'art Byzantin. Paris, 1910, p. 800; O. M. Dalton. Byzantine Art and Archeology. Oxford, 1911, p. 600—601, fig. 380; Е. К. Редин. Указ. соч., стр. 156; Давид Талбот Райс (в кн.: Art of the Byzantine Era, p. 262, ill. 246) датрует ее XV в.

⁸ М. В. Алпатов. Памятник древнерусской живописи конца XV века. Икона «Апокалипсис» Успенского собора Московского Кремля. М., 1964, табл. 2, 3, 11, 38, 39, 52, 86; Ф. И. Буслаев. Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по русским рукописям с XVI века по XIX. — ОЛДП, LXXXII. М., 1884, стр. 32, 99, 198—201; см. также: M. Rosenberg. Erster Zellschmelz nördlich der Alpen. — «Jahrbuch der Königlich Preussischen Kunstsammlungen», Bd. 39, 1918, H. I—II, S. 37, Abb. 47.

⁹ Е. К. Редин. Христианская Топография Козьмы Индикоплова (по греческим и русским спискам). Ч. I. М., 1916, стр. 148—155, табл. III, рис. 2 (о связи миниатюры с апсидной мозаикой Сан-Витале и др. — стр. 154). Сходный мотив в западной иконографии см.: C. R. Dodwell. The Canterbury School of Illumination. 1066—1200. Cambridge, 1954, pl. 12, a.

честве «творца всей жизни» и «предвечного младенца», «премудрости» и «Логоса» (разумно оформленного и оформляющего смысла), изображения с ярко выраженным или скрытым воинским значением не имеют массового характера. Тем не менее устойчивость подобных композиций (в частности, в древнерусском искусстве) определенно говорит о воинском аспекте понимания образа Спаса Эммануила. Воинский оттенок культа Эммануила нашел отражение в средневековом искусстве южнославянских стран, Грузии и Руси. Но его зарождение, естественно, следует связывать с Византией.

* * *

Как один из ранних примеров бытования воинского аспекта данного культа на русской почве можно рассматривать оплечный «Эммануильский чин» из ГТГ, датируемый XII в. и происходящий, как принято считать, из Владимиро-Суздальской Руси (рис. 1)¹⁰. Помимо центральной фигуры Эммануила чин включает также изображения архангелов. Композиция чина восходит к раннехристианскому искусству¹¹. О наличии ее особого содержания, отличного от обычного Деисуса¹², говорят примеры совместного размещения обоих чинов (или одного Спаса в паре с Эммануилом)¹³. Данный иконографический тип, в сущности, является изображением «царствия небесного», известного по иллюстрации «Христианской Топографии»¹⁴ и композициям «Страшного суда»¹⁵. Юный Христос предстает здесь в роли «Ангела великого совета». В «Эммануильском чине» отсутствует идея моления (собственно «деисуса»), он символизирует уготованное праведникам райское блаженство¹⁶. Вместе с тем его можно, по-видимому, рассматривать в качестве «сокращенной редакции» Апокалипсиса.

Для понимания воинской символики «Эммануильского чина» из ГТГ важную роль играет хранящийся в Христианском музее Ватикана

¹⁰ В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи [Государственной Третьяковской галереи], т. I. XI—начало XVI века. М., 1963, стр. 65—66, табл. 22—25; В. И. Антонова (там же) предположительно относит его к новгородской школе живописи. Ср.: В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси. — В кн.: «История русского искусства», т. I. М., 1953, стр. 462—470.

¹¹ Ch. Diehl. Op. cit., p. 97, 268, 276; O. M. Dalton. Op. cit., p. 240; D. Talbot Rice. Op. cit., ill. 7.

¹² Ср.: В. Н. Лазарев. Два новых памятника русской станковой живописи XII—XIII вв. (к истории иконостаса). — КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 67—76.

¹³ «Каталог русских эмалей на золотых и серебряных изделиях собрания Государственного Исторического музея и его филиалов». М., 1962, стр. 53—55 (изображения архангелов, предстоящих Эммануилу, выполнены в 1551 г.; там же, стр. 59, рис. 7); «История русского искусства», т. III. М., 1955, стр. 224; «Художественные памятники Московского Кремля». М., 1956, стр. 85; О. Зонина. Художественные сокровища Московского Кремля. Иконы, стенная живопись, миниатюры. Альбом. М., 1963, рис. 62. По-видимому, наиболее ранним из этих примеров являются мозаики VI в. в апсиде и на триумфальной арке двух церквей Михаила Архангела в Равенне (Е. К. Редин. Мозаики равенских церквей, стр. 196—201, рис. 55; Н. П. Кондаков. Указ. соч., рис. 10) и роспись алтарной преграды пещерного храма в Додо (Давид-Гареджа) VII—VIII вв., верхний ярус которой занимает Деисус, а центр нижнего — Эммануил (Ш. Я. Амиранашвили. История грузинской монументальной живописи, т. I. Тбилиси, 1957, стр. 30—31, табл. 17).

¹⁴ Е. К. Редин. Христианская Топография Козьмы Индикоплова, стр. 148—155, табл. III, рис. 2.

¹⁵ Аналогичное значение придано полуфигуре юного Христа с архангелами по сторонам на обороте реликвария из Энгера эпохи Каролингов (Берлинский музей прикладного искусства), в котором размещенные двумя рядами изображения (в нижнем представлены Богоматерь с младенцем и апостолами Петром и Павлом) четко разделены на «небесный» и «земной» ярусы. См.: M. Rosenberg. Op. cit., S. 35—37. Abb. 46.

¹⁶ С. А. Усов. Сочинения, т. II. Статьи по археологии. М., 1892, стр. 138—143. Ангелы как подчиненные силы прислуживают ему. По средневековым представлениям, они являются исполнителями божественных велений и, естественно, не могут выступать в качестве «предстателей» за человеческий род, как Богоматерь и Иоанн Предтеча.

резной оклад из слоновой кости, датированный издавшими его Н. П. Кондаковым¹⁷ и Ш. Дилем¹⁸ VI—VII вв., но относящийся к позднейшей эпохе¹⁹ и представляющий вариант «Эммануильского чина» (рис. 2). Его центральная фигура — юный Христос в окружении архангелов. Наиболее важной для нас деталью оклада являются попираемые Эммануилом лев и «аспид», рядом с которыми у его ног помещены змея и «василиск»²⁰. Аналогичная иконография, но без архангелов, имеет место на среднике пластинки из слоновой кости в Оксфорде (Bodleian Library), также относимой к каролингской эпохе²¹.

Уже Н. П. Кондаков связывал первый из этих рельефов с текстом девяностого псалма, попутно отмечая широкое распространение последнего в воинской среде²². Действительно, указанная сцена представляет точную иллюстрацию 12-го и 13-го стихов псалма: «На руках возмута да не когда преткнеша о камень ногу твою. На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия». Возможно, изображение ватиканского рельефа находится также в некоторой зависимости от текста пророчества Исайи, относящегося к Эммануилу: «И отроча младо на пещеры аспидов и ложе исчадий аспидских руку возложит. И не сотворят зла, ни возмугут погубити никого же...» (XI, 8—9). Чудесную власть над силами природы и демонами в облике драконов и змей приписывают младенцу Христу апокрифические сказания. В них Эммануил выступает умирителем стихий, защитником от диких зверей. Не случайно в раннехристианскую эпоху Христос сравнивался с Орфеем, также получившим власть над животным миром. По мнению Кирилла Александрийского и Евсевия Памфила, Христос сделал в «духовно-нравственном мире» то, что «производил» Орфей в «физической и неразумной природе»²³.

Содержание девяностого псалма и связанного с ним ватиканского рельефа раскрывают многочисленные святоотеческие толкования Псалтири. Афанасий Александрийский называл псалом «хвалебным»²⁴. Он указывал, что повторение его стихов «делает душу небоязненной»²⁵. Автор

¹⁷ Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 6.

¹⁸ Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб., 1908, стр. 657—660, табл. VIII.

¹⁹ Отнесен к кругу каролингских памятников с датировкой IX в. в работах: М. Hautmann. Die Kunst des frühen Mittelalters. Berlin, 1929, S. 708, Abb. 326; C. R. Dodwell. Op. cit., p. 68, pl. 41.

²⁰ Одним из наиболее ранних примеров изображения подобной сцены является мраморный саркофаг IV в. из Равенны (O. M. Dalton. Op. cit., p. 137, fig. 78). Аналогичные композиции встречаются на светильниках V—VII вв. (Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 6; R. Garrucci. Storia della arte cristiana, t. VI. Sculpture. Prato, 1880, tav. 457, fig. 2); среди рельефов XII в. базилики Урсина в Равенне (R. Garrucci. Op. cit., tav. 406, fig. 4). Эммануил, попирающий зверей, встречается в инициалах армянских рукописей. См.: А. Н. Свириц. Миниатюра древней Армении. М.—Л., 1939, стр. 57; Л. Р. Азарян. Киликийская миниатюра XII—XIII вв. Ереван, 1964, табл. 9, 19 (лев в последних двух примерах выступает как символ евангелиста, но элемент традиционного «попирания» здесь сохранен). См. также ангелов, поддерживающих медальон с Эммануилом и опирающихся на драконов, в латинской рукописи 1110—1140 гг. (C. R. Dodwell. Op. cit., pl. 41, c.).

²¹ Последнее изд.: Victor H. Elbern. Die Fragmente eines frühchristlichen Elfenbeinwerkes-Diptychon oder Kästchen? — «Studien zur Buchmalerei und Goldschmiedekunst des Mittelalters. Festschrift für Karl Hermann Usener zum 60. Geburtstag am 19 August 1965». Marburg an der Zahn, 1967, S. 1, 8, Anm. 9, Abb. 9. Происхождение рельефов не влияет на их привлечение к решению поставленного в статье вопроса, поскольку многие каролингские памятники сохраняют раннехристианскую иконографию.

²² Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 6. Ссылка на псалом имеется также в работе М. Хаутманна (M. Hautmann. Op. cit., S. 708).

²³ Христофор, архим. Древнехристианская иконография как выражение древнецерковного веросознания. М., 1886, стр. 165—167.

²⁴ В послании к Маркеллину об истолковании псалмов. — «Творения Афанасия Александрийского», ч. IV. М., 1854, стр. 17.

²⁵ Там же.

компилятивной Толковой Псалтири Евфимий Зигавин (XII в.) со ссылкой на Феодорита Кирского отмечал, что «в сем псалме излагается учение о том, что надежда имеет непреодолимую силу»²⁶. Девяностый псалом, по существу, является молитвой о победе, все его содержание пронизано надеждой на счастливое избавление от смертельной опасности и благодарностью за дарованную победу. Этим и объясняется его популярность в воинской среде.

Смысл интересующих нас стихов псалма раскрывается следующим образом. «Повелевает (бог.— Г. П.),— пишет Кирилл Александрийский,— благим силам защищать подвергающихся обиде. . . как некий царь вручает своим приближенным противостоять нападениям врагов. . .»²⁷. «Разумные силы,— говорит Диодор,— не допускают страдать сверх силы тем, которые не могут еще переносить страданий как имеющие некоторым образом детский ум»²⁸. «В высшем смысле наступанием на ядовитых и плотоядных зверей и попираaniem их Давид выразил победу над злом»,— заключает Евфимий Зигавин²⁹. По словам Евсевия, «противные силы. . . изображаются четырьмя животными: львом, драконом (змием.— Г. П.), аспидом и василиском»³⁰. Связанные с 12-м и 13-м стихами заключительные строки девяностого псалма комментируются так: победителем выходит лишь тот, кто уверен в своей победе (воззовет бога «сильным душевным голосом»); путь служения, полный скорби, делается источником радости. «Посему скорбь уже не будет скорбь, но радость и слава»,— отмечает Афанасий³¹.

Таким образом, комментарии девяностого псалма, не выделяясь среди общего характера толкований Псалтири, служившей «образцом и начертанием для желающих»³², открывают возможности к более узкому, конкретному пониманию текста, на что указывал и Феодорит Кирский, противопоставляя в своем «изъяснении» псалма «чувственных» врагов врагам «мысленным»³³. Заимствованные из воинской практики сравнения, трактовка последних стихов как призыва к борьбе, исполнению долга — «пути служения», в конце которого героя ждет «радость и слава», — все это сделало псалом популярным в воинской среде и дало возможность отождествлять врагов «мысленных»³⁴ с врагами вполне конкретными, часто сравнивавшимися с «дьявольским порождением» и хищниками. Так, в «Слове о полку Игореве» половцы названы «детьми бесовыми» и «черными воронами», а Кончак — «поганым кощею»³⁵. В «Сказании о Мамаевом побоище» Мамай «. . . поиде же на Русь, яко лев рыкая и пыхая, яко неутолимая ехидна»³⁶. Татары кидаются на Василька Константиновича «скрежьташа зубы своими. . . желаяще насытятся крове его»³⁷. Покровители Русской земли Борис и Глеб, по летописной записи, «лукавого змия попраша»³⁸. Довольно часто для сравнений избираются и непосредст-

²⁶ «Толковая Псалтирь Евфимия Зигабена (греческого ученого и монаха), изъясненная по святоотеческим толкованиям». Изд. Киево-Печерской лавры. Киев, 1883. стр. 85.

²⁷ Там же, стр. 89.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 90.

³¹ Там же.

³² «Творения Афанасия Александрийского», ч. IV, стр. 9, 13.

³³ «Творения блаженного Феодорита, епископа Кирского», ч. III. М., 1856, стр. 136.

³⁴ Там же, стр. 339.

³⁵ «Слово о полку Игореве», под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — В серии: «Литературные памятники». М.—Л., 1950, стр. 14, 15, 22.

³⁶ «Русские повести XV—XVI вв.» Составитель М. О. Скрипиль. М.—Л., 1958, стр. 17.

³⁷ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897, стр. 492 (под 1238 г.).

³⁸ Там же, стр. 135 (под 1015 г.); о символике зверей, в частности дракона, см.: А. И. Кирпичников. Святой Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879; А. Рустенко-

венно упоминаемые в псалме аспид и василиск. Как увидим в дальнейшем, символика псалма найдет широкое распространение в изображении воинов XVI в. Победа над фантастическими или вполне реальными животными рассматривалась не только в плане этическом, как победа над злом, но и как определенная историческая параллель. Причем в домонгольскую эпоху и позднее хищные звери и «гады» ассоциировались чаще всего в представлении русских людей с жителями степей — половцами и татарами.

Связь ватиканского и оксфордского рельефов и восходящего к аналогичной композиции «Эммануильского чина» с эсхатологической тематикой находит определенное подтверждение и в иллюстрациях Трирского Апокалипсиса конца VIII — начала IX в., на одном из листов которого помещена фигура Эммануила, попирающего льва, с крестом и раскрытой книгой в руках, в окружении двух славословящих его ангелов³⁹. Последнее наряду с указанными выше смысловыми особенностями чина позволяет рассматривать его в качестве символа Апокалипсиса и его «сокращенной редакции» (распространенность подобного иконографического решения с некоторой долей вероятности может объяснить сравнительно позднее появление на Руси лицевого Апокалипсиса).

Возвращаясь к рассматриваемому чину из ГТГ, отметим, что ряд его качеств объясняется как характером почитания Спаса Эммануила в древнерусской воинской среде, так и мировоззрением домонгольской эпохи. Четкая и простая композиция иконы восходит к типу трехфигурных (оплечных) деисусов, первоначальному ядру иконостаса. Колорит произведения отражает аристократизированные вкусы высших кругов русского общества. Ангелы облачены в темно-голубые и пурпурные хитоны и гиматии. Их голубые тороки украшают киноварные, сверкающие, как рубины, оправленные в золото камни. В этой детали сказалась любовь художника к драгоценным реалиям; самый цвет понимается им как драгоценность. В отличие от ангелов, Эммануил одет в приличествующий герою скромный коричневый хитон, складки которого прорисованы крупным ассистом. Светлые розовые нимбы и золотой фон, ныне почти утраченные, воспринимаются как некая идеальная среда, «небесное» окружение юного Христа и архангелов. Облик Эммануила передает обаяние молодости, красоты человеческого тела, его физического совершенства. Взгляд отведенных в сторону от зрителя миндалевидных глаз спокоен и благожелателен. Эммануил предстает здесь как прекрасный юный герой с «совершенным телом», «позлащенным чистым золотом»; «мышцы его... подобни меди блестящей»; «лице же его аки зрение молнии, очи же его аки свечи огненные»⁴⁰.

Сопутствующие Эммануилу архангелы пребывают в печали. Их лики выражают скорбную нежность. Они призваны сопровождать героя в его подвиге и полны предчувствия близящейся трагедии. Но сам герой идет на добровольный «смертный» подвиг с «легким сердцем». Его пример служил постоянным образцом для подражания, он вдохновлял русских воинов «приятн страсть»⁴¹.

По замыслу художника Эммануил предстает как высшая «разумная сила», подвергающая человека испытаниям и помогающая ему в их преодолении. Образ Эммануила, «подателя победы» владими́ро-суздальской иконы, соответствовал идеалам княжеско-дружинной среды домон-

Легенда о святом Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909.

³⁹ *M. Rosenberg*. Op. cit., S. 37, Abb. 47; *A. Goldschmidt*. Elfenbeinskulpturen, Bd. I. Berlin, 1914, S. 9, Fig. 5.

⁴⁰ «Творения св. Ипполита, епископа Римского», вып. 1. Толкования на книгу пророка Даниила. Казань, 1898, стр. 134, 148—149.

⁴¹ *Д. И. Абрамович*. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916, стр. 34.

гольской Руси, той среды, из которой вышли «Поучение» Владимира Мономаха и «Слово о полку Игореве».

В свете изложенного можно предположить, что «Эммануильский чин» размещался не на алтарной преграде, как это принято считать, а в ином, отвечавшем его назначению месте. Таким местом мог быть южный, обычно княжеский, вход в церковь. Находясь здесь, рассматриваемый памятник как бы служил постоянным напоминанием о высшем долге воина. В таком случае само положение иконы еще определеннее выявляло характер культа юного Христа.

Было бы неверно думать, что воинский аспект в трактовке образа Эммануила в данном памятнике был единственным. Юный Христос выступает здесь, как и в остальных разбираемых ниже произведениях, в первую очередь в своем апокалиптическом значении. Именно преобладающий апокалиптический смысл изображения Эммануила позволял, по-видимому, воспринимать его в качестве победного символа (в смысле победы жизни над смертью), который теснейшим образом смыкался с символикой «второго пришествия» и «воскресения». В условиях понимания ратного подвига как подвига по преимуществу «смертного» характер трактовки победы приобретал специфически воинский оттенок. В таком случае идея, что Эммануил «всех людей возродит... в воскресение»⁴², играла первостепенную роль.

Исходя из этого, вполне возможно предположить также, что чин из ГТГ размещался на западной стене храма в месте, обычно отводившемся для цикла «Страшного суда» и «Апокалипсиса».

Наличие в росписи алтарной преграды пещерного храма в Давид-Гареджи ярусов Деисуса и «Эммануильского чина», естественно, в значительной степени повышает гипотетичность выдвинутых предположений⁴³. Важно другое — маловероятность использования рассматриваемого чина в качестве собственно деисуса. По-видимому, в тех случаях, когда он устанавливался на архитрав (или изображался на преграде), он появлялся там в паре с обычным деисусом⁴⁴.

Уточнение местоположения «Эммануильского чина» в храме составляет предмет особого исследования. И хотя от решения данного вопроса в конечном счете зависит его смысловая трактовка, эсхатологическое (а не моленное — деисусное) содержание чина очевидно.

В древней Руси, как и в византийском искусстве, наиболее широкое распространение в качестве победного символа получил медальон с Эммануилом (*imago clipeata*). Константин Порфирородный в «Книге о церемониях» называл медальон (или овал) «непреодолимым щитом»⁴⁵. Возникновение иконографии медальона с поясным или полнофигурным изображением юного Христа Н. П. Кондаков связывал с обычаем «высших

⁴² «Творения Ефрема Сирина». — «Творения святых отцов», т. XV, ч. 4. М., 1850, стр. 191.

⁴³ См. примеч. 13.

⁴⁴ Трудно предположить, что чин из ГТГ мог являться символом Троицы (ср.: В. И. Антонова и Н. Е. Мневя. Указ. соч., т. I, стр. 65, примеч. 2).

⁴⁵ Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II. Пг., 1915, стр. 127. Характер почитания медальона с Эммануилом нередко связывают с тем, что с IX в. он стал символом победы над иконоборцами (см.: Н. П. Кондаков. Миниатюры греческой рукописи Псалтири IX века из собрания А. И. Хлудова в Москве. — «Древности. Труды Московского археологического общества», т. VII, вып. 3. М., 1878, стр. 169; Е. К. Редин. Христианская Топография Козьмы Индикоплова. Ч. I, стр. 7 сл.; Н. П. Кондаков. Русская икона, т. IV, ч. 2. Текст. Прага, 1933, стр. 296). Символом торжества иконопочитателей явилась иконография Собора архангелов. Позднее, в конце XIV в., изображение Эммануила в Хлудовской Псалтири почти полностью были заменены так называемым «историческим типом» Христа (см. указ. статью Н. П. Кондакова, табл. I, 1, 2; XI, 2); это обстоятельство было отмечено М. В. Щепкиной (М. В. Щепкина. Происхождение и история греческого иллюстрированного кодекса из собрания Хлудова № 129/д. — «Седьмая Всесоюзная конференция византистов в Тбилиси. Тезисы докладов», стр. 87).

чиновников» Византии носить на «придворных мундирах» пожалованные им «эмалевые и живописные портреты императоров»⁴⁶. Победный смысл придавался медальону в многочисленных изображениях Богоматери Никопей и на появившихся с X в. печатях императоров⁴⁷. Медальон сопровождали портреты императоров и сановников, что наряду с печатями говорит о распространенности культа Эммануила в высших кругах Византии и связанных с нею стран⁴⁸. Многочисленные изображения святых воинов с аналогичными медальонами на панцирях так же, по-видимому, отражают бытовавший в Византийской империи обычай⁴⁹.

В отличие от Византии, изображение Эммануила на русских княжеских печатях домонгольского и позднейшего времени не получило распространения. Единственным примером здесь может явиться лишь печать Феофано Музалон, жены князя Олега-Михаила Святославовича (последняя треть XI—начало XII в.), восходящая к византийской иконографической традиции и, вероятнее всего, изготовленная непосредственно в Византии⁵⁰. На оборотной стороне печати изображены в молитвенной позе Богоматерь и патронесса княгини — святая Феофания. Над ними в диске помещена полуфигура Эммануила. Богоматерь выступает здесь в роли предстательницы за покровительницу княгини и, следовательно, за Феофано Музалон непосредственно. Лицевая сторона печати занята обращенной к Эммануилу обычной для этих случаев молитвой⁵¹.

⁴⁶ Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II, стр. 108.

⁴⁷ Н. Лихачев. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров, стр. 42; Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II, стр. 128—135; А. Grabar. L'iconoclasme byzantin, p. 35, fig. 53—58; K. Regling. Byzantinische Münzen, kunstgeschichtlich betrachtet. — «Jahrbuch der Königlich Preussischen Kunstsammlungen», Bd. 37, 1916, Hf. I und II, S. 118, Abb. 11. Изображение Эммануила, держащего Евангелие, имеется на монетах царя Уроша (XIV в.); см.: С. Дмитриеву. Нове врсте Српског средњовековог новца. — «Старинар», нова серија, кн. IX—X, 1958—1959. Београд, 1959, стр. 147—148, рис. 31—34.

⁴⁸ G. Millet. La peinture du Moyen Âge en Yougoslavie (Serbie, Macédoine et Monténégro). Album présenté par A. Frolow. Fasc. II. Paris, 1957, tabl. 97, fig. 3; C. Nicolescu. Mănăstires Slatina. București, 1966, ill. 14; D. Talbot Rice. The Art of Byzantium. London, 1959, p. 79, pl. XL (миниатюра Типика позднего XIV в. из Линкольн-колледжа — Ms. Gr. 35 — портрет Константина Комнина и Евфросинии Дуки с благословляющим Эммануилом); В. J. Бурли. Портреты на повелѣама византийских и српских владара. — «Зборник Филозофског факултета. Београдски универзитет», кн. VII-1. Београд, 1963, стр. 253 и сл. 15—16 (изображение сербского деспота Джурджа Бранковича с семьей с благословляющим Эммануилом на грамоте 1429 г.). Медальон с Эммануилом сопровождает многочисленные изображения Квирике (Кирика), почитавшегося в Грузии (особенно в Сванетии) в качестве покровителя охоты; см.: Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. Иллюстрации. Тбилиси, 1959, табл. 218, 219, 408. В росписи Георгиевской церкви в с. Адыш (XI в., Верхняя Сванетия) на западной стене имеется изображение Георгия и Федора в воинском одеянии с Эммануилом над ними. Эммануилом же открывается «Лоза Неманьина» в сербских росписях (Dečani, vol. II. Beograd, 1941; pl. LXXIII). См. также: P. A. Underwood. The Kariye Djami. N. Y., [1966], vol. I, p. 249—259, 270—280; vol. III, pl. 474—475, 488—520, 533—539. Традиция увенчания Эммануилом правителей получила место и в западном искусстве; см.: С. R. Dodwell. Op. cit., p. 86.

⁴⁹ См., например, изображение Прокония в Ресаве (нач. XV в.); В. J. Бурли. Ресава. — «Намгички споменики у Југославији». Београд, 1963, илл. 22—23. С. Радойчић связывает появление подобных изображений на воинских панцирях (сюда входит не только Спас Эммануил) с возросшим в XIV столетии интересом к античности; см.: С. Радойчић. Текстови и фреске. Матица Српска, [1965], стр. 26, сл. 3, 8. См. также реалии византийского происхождения: Н. П. Кондаков. Византийские эмали собрания А. Звенигородского. СПб., 1894, стр. 888, табл. 14; R. H. Randall. Jewellery Through the Ages. «Apollo», 1966, December, p. 496, fig. 6, c; A. B. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.—М., 1966, табл. 108.

⁵⁰ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1 («Труды Музея палеографии», т. I). Л., 1928, стр. 136—138; В. Л. Янин. Печати Феофано Музалон. — «Нумизматика и сфрагистика», сб. 2. Киев, 1965, стр. 76—90.

⁵¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 138; В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 76.

Более широкое распространение на русской почве получил, по-видимому, медальон в качестве деталей воинского — княжеского одеяния. О заимствовании этого обычая из Византии говорит серебряный медальон из Рязанского клада 1868 г. с полуфигурой благословляющего Эммануила (ГРМ) ⁵². Относящееся к домонгольскому времени изображение являлось одной из центральных деталей княжеского украшения и служило наряду с архангелом Михаилом, Борисом и Глебом (чьи полуфигуры также встречаются на колтах и медальонах) символом покровительства. Аналогичные функции выполняла наперсная позолоченная «литиковая» иконка византийской работы с поясным изображением Эммануила XII в. из Новгорода и недавно обнаруженная в Пинске серпентиновая иконка того же времени с остатками позолоты ⁵³.

В качестве «Ангела великого совета» и предводителя небесного воинства изображение Эммануила заняло центральное место в композиции Собора архангелов. Иконография Собора, как считают, сложилась после IX в. в связи с восстановлением иконопочитания. Символом победы над иконоборцами служил медальон с Эммануилом. Смысл Собора прекрасно иллюстрирует Слово Евсевия Памфила, произнесенное по случаю тридцатилетия царствования Константина: «Его (Эммануила. — Г. П.) окружают небесные воинства, ему служат тьмы ангелов, бесчисленные сонмы надмирных полков и невидимых в небе духов, которые подчинены порядку целого мира. Всеми ими как некий вождь великого царя предводительствует слово (т. е. Эммануил. — Г. П.), . . . нарицаемый архистратиг и великим архиереем, пророком отца, ангелом великого совета, отражением отеческого сияния, единокровным сыном . . .» ⁵⁴

Первые композиции Собора известны с XI в. ⁵⁵ Древнейшим же русским памятником является «Собор архангела Михаила» XIII в., происходящий из основанного в 1216 г. Михаило-Архангельского монастыря в Великом Устюге ⁵⁶. В сохранившем величественную торжественность и чисто домонгольскую по своей сути декоративность, явившуюся несомненным отзвуком вкусов аристократической среды Владимиро-Суздальской Руси, произведении из Устюга нашла отражение, по-видимому, не только и не столько первоначальная узкобогословская идея победы над ересью, сколько характерная для Древней Руси мысль о заступничестве архангелов (в первую очередь Михаила) — покровителей воинов и князей. Архангелы выступают здесь в своей извечной роли стражей народов и царств ⁵⁷, являя миру «надежду» и «спасение» — «непреоборимый щит».

Аналогичное звучание приобретал медальон в иконе так называемого «лоратного» «Архангела Михаила» рубежа XIII—XIV вв. из Ярославля (ГТГ), на зеркале которого прослеживаются остатки полуфигуры Эммануила (рис. 3) ⁵⁸. Несмотря на то, что архангел изображен здесь не в воинском, а в парадном одеянии, в лорах, он воспринимался в первую очередь как патрон ратников, «воевода совершенного полка». Он предстает перед

⁵² И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. V. СПб., 1897, стр. 110—111, рис. 160. Тонкие параллельные штрихи на шее Эммануила являются светотеневой моделировкой.

⁵³ М. В. Седова. Каменные иконы древнего Новгорода. — СА, 1965, № 3, стр. 264, рис. 1, 2; П. Ф. Лысенко. Каменная иконка из Пинска. — СА, 1968, № 2, стр. 295—297.

⁵⁴ «Сочинения Евсевия Памфила», т. II. СПб., 1849, стр. 356. Ср. с I Посл. к коринф. (I, 24), где Иисус Христос назван «божьей силой».

⁵⁵ Древнейшими композициями являются чеканные иконы «Собора архангела Михаила» XI в. из Пхотрера и Ани в Грузии. См.: Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. Иллюстрации, табл. 377—382, 384.

⁵⁶ IV выставка «Реставрация и консервация произведений искусства», стр. 7—8, 11, табл. 2—3; С. Ямщиков. Древнерусская живопись. Новые открытия. М., 1965, табл. 1; В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Указ. соч., т. I, стр. 363; см. также статью Г. И. Вздорнова в настоящем томе ВВ.

⁵⁷ Е. К. Редин. Христианская Топография Козьмы Индикоплова, стр. 42.

⁵⁸ В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Указ. соч., т. I, стр. 204—205, табл. 126—127.

зрителем как воин, возглавляющий торжественную церемонию моления о даровании победы и облаченный по этому случаю в парадное одеяние. Происшедшая в иконе замена обычной надписи на зеркале полуфигурой Эммануила, по-видимому, не случайна. Известно, что посредством зеркала архангел «обретает повеление ему от господа. . . написано, яко кто пишет на воде перстом»⁵⁹. Таким образом, изображение «непреоборимого щита» в руке архангела можно трактовать как знак особой благожелательности, дарования будущих побед⁶⁰. Вместе с тем здесь особенно отчетливо выступает апокалиптическая символика Эммануила. Пример юного героя помогал «приятн страсть», совершить мученический подвиг. Погибший геройской смертью обретал «царствие небесное». Эта мысль вложена летописцем в слова жителей Козельска во время осады татар: «Козляне же съвет створиша не вдатися Батыевы, рекше себе: «аще князь наш млад естъ, но положим живот свой на нь; и зде славу сего света приемше, и тамо небесныя венца от Христа Бога приимем»⁶¹. Далее следует рассказ о падении города, гибели всех его защитников и жителей («до отрочате ссущих млеко»).

Крайне любопытным в связи со сказанным представляется бытовавшее во времена создания иконы сравнение татарского ига с наступлением «Страшного суда»⁶². Трактовка изображения Эммануила на зеркале (imago spieata) в византийском искусстве в качестве «Логоса»⁶³ получала в ярославской иконе вполне определенное воинское — победное звучание.

Ярко выраженный воинский оттенок приобретала широко распространенная в домонгольской Руси композиция «Знамение Богоматери», восходящая к иконографии Никопеи и Влахернитиссы, почитавшихся в Византии как реликвии, дарующие победу⁶⁴. Появившееся на русской почве «Знамение» также в свою очередь получило значение святыни, защищающей от «нашедшего на град». По выражению Н. П. Кондакова, образ «Знамения» превратился в палладий Новгорода, «подобно византийским святыням Богоматери, особенно ее ризе, поборовшей врага со стен Цареграда»⁶⁵. Иконе «Знамение» приписывалась основная роль в победе новгородцев над владими́ро-суздальскими воинами в битве 1169 г.⁶⁶ Обстоятельства «Чуда от иконы Знамение» зафиксированы в позднем памятнике, основанном на летописных источниках и устных преданиях, — «Повести о победе новгородцев над суздальцами»⁶⁷. В ней рассказывается, как новгородский архиепископ Иоанн, молясь «об избавлении от нашедшего

⁵⁹ В. И. Антонова и Н. Е. Миева. Указ. соч., т. I, стр. 66.

⁶⁰ Ср. с полуфигурой архангела Михаила-воина, держащего медальон с Эммануилом, на южной апсиде церкви в Воронце (XV—XVI вв.); см.: «Воронец. Фрески XV—XVI вв.» Альбом. Вступ. статья Петру Комарнеску. Бухарест, 1959, табл. 138. Наличие изображения лоратного архангела Михаила с мечом в росписи Сопочанской церкви (XIII в.) в приделе св. Стефана подтверждает предположение, что и в ярославской иконе, несмотря на парадное одеяние, образ архангела мог восприниматься в воинском аспекте.

⁶¹ Суздальская летопись (под 1238 г.). — ПСРЛ, т. I, стб. 522.

⁶² Н. Демина. Фрески Андрея Рублева во Владимире. — «Декоративное искусство», 1960, № 8 (33), стр. 7. В Рязанском художественном музее хранится икона «Чудо архангела Михаила в Хонех» XVI в. с изображением «Душ праведных в руке божьей» в зеркале. В ГТГ имеется произведение того же времени с аналогичным сюжетом: здесь в зеркале помещен Иисус Христос, «ветхий деньми», и архангел, низвергающий сатану и «ангелов его» (В. И. Антонова и Н. Е. Миева. Указ. соч., т. I, стр. 224—225; датировано XV в.). Оба произведения восходят к ныне утраченным древним оригиналам (XIII—XIV вв.). Их символика теснейшим образом связана с темой «Страшного суда». Сопоставление этих икон с произведением из Ярославля подтверждает апокалиптическую природу зеркала с Эммануилом.

⁶³ А. Grabar. L'iconoclasme byzantin, p. 41 sv., tabl. 138.

⁶⁴ Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II, стр. 103—151; А. Grabar. Op. cit., p. 35 sv., 253 sv.

⁶⁵ Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II, стр. 116.

⁶⁶ «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов». Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 33, 221.

⁶⁷ В сб.: «Памятники старинной русской литературы», вып. I. СПб., 1860.

на град», услышал голос, приказавший взять икону «Знамение» и вынести ее на крепостные стены, и как икона «отвортилась» от суздальцев, потерпевших в результате поражение. Во второй половине XV в., в период постепенной утраты Новгородом независимости, рассказ о битве 1169 г. сделался особенно популярным и послужил основой для самостоятельного сюжета в иконописи. Древняя икона «Знамение» сохранилась до нашего времени в переработке XVI в.⁶⁸ В собрании же П. Д. Корина имеется памятник XIII в., являющийся, по-видимому, копией новгородской святыни⁶⁹.

Наиболее ярко мысль о заступничестве «непреоборимого щита», поддерживаемого Богоматерью, выражена в Нередицкой росписи 1199 г. В конхе церкви помещена композиция «Знамение Богоматери» (в рост) с предстоящими ей святыми. Во главе процессии по сторонам Марии стоят князья Борис и Глеб, мученики, воины и покровители князя и его дружины⁷⁰. Необходимо напомнить, что, по преданию, оба русских князя наряду с Георгием помогли новгородцам одержать победу в битве 1169 г., как это можно видеть в поздних иллюстрациях сражения⁷¹.

О широко воинском почитании «Знамения Богоматери», символизирующего воплощение Эммануила, свидетельствует и так называемая «Мирожская Оранта» с предстоящим в моленной позе псковским князем Довмонтом в княжеском одеянии, с мечом, символом власти и воинской доблести (Псковский музей). До недавнего времени этот памятник относили к XIII в.⁷² Как показал Ф. А. Калинин, «Мирожская Оранта» является лишь копией с древней иконы и выполнена не ранее XVI в.⁷³ В данном случае для нас представляет интерес самый факт появления композиции с ярко выраженным патрональным воинским значением в столь раннее время (может быть, при княжении Довмонта, 1275—1299). Композиция «Мирожской Оранты» и сцена в конхе Нередицкой церкви, без сомнения, восходят к соответствующим византийским произведениям с изображением императора (или его семьи), получающего благословение юного Христа, которого держит на руках Богоматерь⁷⁴.

«Знамение» заняло одно из центральных мест среди рельефов Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230—1234). Оно было помещено на южном притворе, над традиционным княжеским входом⁷⁵. Вмонтированные ниже, на уровне капителей (как и в остальных притворах), парные рельефы львов могли получить здесь особый смысл, если вспомнить о безграничной власти над животным миром, приписываемой Эммануилу. По одному из апокрифических Евангелий, ему принадлежат следующие слова: «Я совершенный муж, и надлежит всем диким зверям сделаться ручными предо мною»⁷⁶. Трактовка образа Эммануила как «творца всей твари»

⁶⁸ К. Onasch. Ikonen. Berlin, 1961, S. 352.

⁶⁹ Ibid., S. 352, Taf. 18; В. И. Антонова. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1967, стр. 25—28 (датируется XII в.).

⁷⁰ «Фрески Спаса Нередицы». Подг. и вступ. статья В. Мясоедова и Н. Сычева. Л., 1925, стр. 12—14, табл. XXIII, XXIV.

⁷¹ В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, табл. 112, 114; К. Onasch. Op. cit., Taf. 41—43.

⁷² К. Onasch. Op. cit., Taf. 68.

⁷³ Ф. А. Калинин. Портретное изображение псковского князя Довмонта. — ТОДРЛ, т. XVIII, 1962, стр. 272—276, рис. 1. По-видимому, статья Ф. А. Каликина осталась неизвестной К. Онану. О распространенности подобного понимания «Знамения» говорит также икона конца XV—начала XVI в. «Богоматерь Великая Панагия, Георгий (в воинском одеянии) и Никола»; см.: В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Указ. соч., т. I, стр. 195.

⁷⁴ Ср.: D. Talbot Rice. Art of the Byzantine Era, ill. 108; J. Beckwith. The Art of Constantinople. 2 ed. London—N. Y., 1968, fig. 200.

⁷⁵ Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964, стр. 149, рис. 40; его же. Мастера древнерусской скульптуры. Рельефы Юрьева-Польского. М., 1966, табл. 49.

⁷⁶ Vega. Апокрифические сказания о Христе, т. II. СПб., 1912, стр. 103. Любо-

укладывается в рамки общего замысла скульптурной системы Георгиевского собора, символизировавшей процветание Владимиро-Суздальской земли ⁷⁷. По-видимому, та же мысль о заступничестве Эммануила положена в основу «Ярославской Оранты», или «Богоматери Великая Панагия», датируемой XII—началом XIII в. (ГТГ) ⁷⁸. Не случайно облику благословляющего юного Христа придана здесь столь сильная напряженность и энергия, почти воинственность. Богоматерь, поддерживая медальон, не только прославляла Эммануила, но и устрашала «непреоборимым щитом» врагов ⁷⁹.

Несмотря на то, что культ «Знамения» был особенно развит в Новгороде и нашел отражение в произведениях искусства XII—начала XIII в. Северо-Восточной Руси ⁸⁰, его зарождение на русской почве следует относить к более раннему времени. Особый, княжеский, характер он получил уже в XI в. в Киевской Руси, о чем говорят относящиеся к этому периоду печати, иконография которых, несомненно, заимствована из Византии ⁸¹.

Одной из самых любопытных и сложных символических композиций со Спасом Эммануилом домонгольского периода является реконструированная Г. К. Вагнером группа рельефов, помещавшихся некогда на фасаде западного притвора упомянутого Георгиевского собора (рис. 4) ⁸². Центральной фигурой группы является Оранта. Ей предстоят четыре воина с нимбами в молитвенных позах (сохранились только три рельефа). Позади каждого из них стоит копьё с прислоненным к нему щитом. Как доказал Г. К. Вагнер, фигуры воинов изображают патронов князей владимиро-суздальского дома — Георгия, Димитрия Солунского, Феодора Тирона и Феодора Стратилата ⁸³. Композиция западного притвора представляет распространенную сцену моления об освящении оружия ⁸⁴ и примыкает по замыслу к изображению в конхе Нередицкой церкви. Аналогичная по иконографии сцена имеется в росписях церкви Георгия в Павлиси третьей четверти XII в. ⁸⁵

В Оранте собора Г. К. Вагнер видит «своеобразную интерпретацию образа Богоматери — «взбранной воеводы» — темы первого кондака «Акафиста Богоматери», а также воздействие образов Киево-Печерского Патерика, оказавшего «замечное влияние на сложение владимиро-суздальского богородичного культа» ⁸⁶. В последнем рассказывается о явлении «царицы», т. е. Богоматери, и «множества» воинов при ней будущим строителям «Великой Успенской церкви» Печерского монастыря.

пытно, что изображение зверя перед Эммануилом (его идентификация не бесспорна) имеется в резьбе Дмитриевского собора во Владимире (1194—1197); см.: Г. К. Вагнер. Скульптура Древней Руси. Владимир. Боголюбово. М., 1969, стр. 262, илл. 192. Показательно, что он размещен в паре с так называемым портретом Всеволода III, между ними в центральной закомаре фасада изображен Давид (Г. К. Вагнер видит в нем Соломона; там же, стр. 250—254).

⁷⁷ Г. К. Вагнер. «Моление Даниила Заточника» — скульптура Георгиевского собора — «Слово о гибели Русских земель». — ТОДРЛ, т. XXII, 1966, стр. 48.

⁷⁸ В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси, стр. 490—491; В. И. Антонова и Н. Е. Мневa. Указ. соч., т. I, стр. 51—54, табл. 3—6.

⁷⁹ Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II, стр. 133.

⁸⁰ Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, стр. 157, 158; *его же*. «Моление Даниила Заточника» — скульптура Георгиевского собора — «Слово о гибели Русских земель», стр. 52.

⁸¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, стр. 162—164.

⁸² Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, стр. 43—46, рис. 38.

⁸³ Там же, стр. 46.

⁸⁴ Там же; Л. А. Шервашидзе. К вопросу о средневековой грузинской светской миниатюре. Миниатюры батальной тематики в Джручской псалтыри. Тбилиси, 1964, стр. 33—34, табл. 37, 38; А. Грабар. Погановский монастырь. — «Известия на Българския археологически институт», т. IV, 1926/27. София, 1927, стр. 172—210.

⁸⁵ Указано Э. Л. Приваловой.

⁸⁶ Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, стр. 46; см. также: «Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв.» М., 1957, стр. 175—176.

Фигура Богоматери дана в широко распространенной в домонгольской Руси иконографии «Нерушимой стены» — Влахернитиссы, являющейся символом покровительства и защиты от врагов. Богоматерь предстает покровительницей владими́ро-суздальских князей и заступницей всего народа; она молит о даровании победы, о благословении оружия владимирской дружины ⁸⁷.

По реконструкции Г. К. Вагнера, уточненной А. В. Столетовым, группа западного притвора завершается килевидным рельефом с поясным благословляющим Эммануилом ⁸⁸. Указанная композиция имеет аналогию в виде креста-энколпиона киевского происхождения, датируемого XII—первой третью XIII в., т. е. временем, близким к годам создания резьбы Георгиевского собора (ГИМ) ⁸⁹. На лицевой стороне креста помещена фигура Эммануила, на оборотной — Богоматери Оранты. Над ними расположены медальоны с архангелами Михаилом и Гавриилом. Боковые ветви креста занимают медальоны со святыми, вероятно, соименными членам семьи заказчика ⁹⁰. Принцип подбора изображений на кресте сходен с рассматриваемой группой с той разницей, что сцена Георгиевского собора носит определенное воинское звучание ⁹¹. Еще большее значение для уяснения символики рельефов имеет следующее обстоятельство. Группа западного притвора представляет вариант рассмотренной выше печати Феофано Музалон. Различия типов Богоматери не играют в данном случае существенной роли. Наиболее важным здесь является то, что в обоих случаях она выступает предстательницей перед юным Христом ⁹².

Благословляющий Эммануил, Оранта и предстоящие ей воины являются центром сложной композиции, входящей в состав общей системы убранства Георгиевского собора. Ниже, по реконструкции Г. К. Вагнера, как уже отмечалось, должны размещаться фигуры пророков. Под ними некогда находился ряд медальонов с полуфигурами целителей, в число которых включены князья Борис и Глеб. Под оконным проемом «княжеской ложки» были вставлены рельефы с парными изображениями львов и слонов. Появление животных в данной композиции также, по-видимому, можно связать с особой охранительной ролью Эммануила и его властью над животным миром ⁹³. Он выступает в роли «творца всей твари», как одно из лиц Троицы, символ «второго пришествия» и торжества жизни над смертью.

Резьба собора в Юрьеве-Польском должна была наглядно иллюстрировать небесное покровительство Владимиро-Суздальской земле и ее князьям. Замысел создателей рельефов раскрывался размещением Оранты,

⁸⁷ Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, стр. 149.

⁸⁸ Там же, примеч. 78 на стр. 104; *его же*. Мастера древнерусской скульптуры, стр. 10, рис. на стр. 16; см. также его доклад: «Некоторые «ретроспективные» черты во владими́ро-суздальской скульптуре начала XIII в. и их значение», прочитанный на заседании древнерусской группы Института истории искусств 8 февраля 1966 г.

⁸⁹ ГИМ, Отдел археологии, инв. № 36548 (по описи 1898/1); Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, рис. 83, е; *его же*. Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI веков и южнорусских княжеств XII—XIII веков. — В кн.: «История русского искусства», т. I, стр. 280, 291.

⁹⁰ Б. А. Рыбаков неверно определяет их как евангелистов. Прототипом подобной иконографии могли послужить кресты восточнохристианского происхождения; см.: Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. I, стр. 258—266; т. II, стр. 104—105; Выставка «Великая Моравия». [Каталог]. Прага, 1964, № XLV; Х. Буюклиев, М. Димитров, Д. Николов. Окръжен народен музей Стара Загора. София, 1956, № 93 и сл.

⁹¹ Фигура Оранты сопровождает медальон с Эммануилом на чеканной иконе Георгия из Шемокмеди; см.: Н. П. Кондаков, Д. Бакрадзе. Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб., 1890, стр. 124, рис. 61.

⁹² Аналогичная композиция с заменой Феофании Димитрием Солунским имеется на булле Иакова, архиепископа Фессалоник (1300—1322); см.: G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884, p. 105—106; В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 78.

⁹³ Теме охранительной божественной силы в рельефах Георгиевского собора уделено значительное место; см.: Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, стр. 148—149.

ассоциировавшейся с «Нерушимой стеной» Киева и Влахернитиссой Константинополя⁹⁴. Предстоящие ей фигуры воинов-патронов как бы подчеркивали причастность происходящего к судьбам Владимиро-Суздальского княжества. Благословляющий жест Эммануила превращался в знак особого благоволения к владимиро-суздальским князьям.

Размещение полуфигуры юного Христа в щипцовом завершении, подчеркнутость вертикальных членений и симметричность сцены делали ее центром западного фасада. Строгие, торжественные фигуры Оранты, воинов и пророков, четко выделяясь на фоне растительной орнаментации, передавали значительность происходящего. Спокойствие предстоящих усиливало церемониальный характер композиции. Отведение рассмотренной сцене места не над южным, княжеским, а над центральным входом в собор объясняется общим идейным замыслом резного убранства и вместе с тем, вероятно, может служить подтверждением существования более широкого воинского почитания Спаса Эммануила.

Следует отметить, что культ Эммануила в качестве символа победы жизни над смертью на протяжении XII—XIII вв. по сравнению с другими воинскими культами не получил особого распространения. Его изображения фактически отсутствуют в мелкой пластике, наиболее объективно отражающей популярность того или иного сюжета либо святого⁹⁵. Не случайно рассмотренные выше памятники домонгольского и более позднего времени, связанные с воинской тематикой, вышли из непосредственно княжеско-дружинного окружения. Причины такой ограниченности можно видеть в сложности богословского истолкования значения Эммануила, в его опосредствованной связи с воинской практикой, в чистой умозрительности его апокалиптической символики. Образ Эммануила лишен наглядности и конкретности, отличающей образы «Спаса Нерукотворного» или архангела Михаила, «участника» и помощника в битвах.

Вместе с тем идеал юного прекрасного героя — Христа был созвучен домонгольской эпохе, важнейшей темой искусства которой являлся образ бесстрашного воина, полного обаяния молодости, совершенного физически и духовно. Воин домонгольского искусства был идеалом дружинника и князя. Не случайно столь созвучны между собой летописные и литературные характеристики князей этого времени и образы воинов монументальной и станковой живописи. В свете этических и эстетических норм домонгольского периода Эммануил воспринимался как предводитель небесных воинов, патронов русских князей, как высший идеал героя, погибшего добровольной смертью («нас ради»), символ «воскресения» и возрождения к вечной жизни, даруемой за бесстрашие и мужество, иными словами, как символ победы жизни над смертью.

* * *

Вслед за домонгольским периодом и XIV столетием обращение к образу Спаса Эммануила прослеживается в русском искусстве XVI в., в обостровке обостренного интереса к политическим идеям и культурному наследию предшествующих эпох, в частности киевского и владимиро-суздальского времени. Следует отметить, что в XVI в. образ Эммануила в произведениях воинского жанра находит едва ли не наиболее широкое распространение. Изображения Эммануила можно встретить в памятниках различного происхождения как столичных, так и провинциальных. Причины повышенного интереса к образу юного Христа в искусстве XVI столетия

⁹⁴ Там же, стр. 149—150.

⁹⁵ По данным, полученным от Т. В. Николаевой, изображения Эммануила в мелкой пластике (единоличные или в сопровождении воинов) не встречаются. Исключения составляют две упомянутые выше домонгольские иконки и стеатитовый медальон XVI в. (см. примеч. 103).

кроются в особенностях общественно-политической жизни тех лет, в увлечении эсхатологической тематикой, в бурных спорах о «втором пришествии», ознаменовавших рубеж XV—XVI вв. И если все домонгольское искусство можно рассматривать под углом зрения основного идеала той эпохи — идеала воина, то искусство XVI в. (в первую очередь живопись), несмотря на рост элементов светскости и жанровости, едва ли не определяет идея «второго пришествия». В данной обстановке образ Эммануила приобретал преимущественно апокалиптическое звучание, превращаясь из знамения конкретной победы в символ победы «мысленной».

В XVI в. иконографический тип Эммануила в медальоне вызывал, по-прежнему, наибольший интерес. Вполне традиционной в этом смысле является небольшая по размерам икона «Георгий» середины века из ГТГ (рис. 5)⁹⁶. Пластинчатая кольчуга воина украшена «непреодолимым щитом» в виде розовой звезды, в центре которой четко выделяется оглавный Эммануил. Обрамление медальона, как и геральдический барс на круглом щите, напоминает аналогичные мотивы более раннего времени, в частности XIV в.⁹⁷ Самый же характер юного воина, несмотря на отдельные использованные здесь традиционные детали, резко отличается от предшествующего времени. Сдержанность и величественность уступили место нарочитой грациозности и камерности. Наблюдаемая в предшествующие эпохи любовь к воинским реалиям переходит в подчеркнутую их демонстрацию, перекликающуюся с литературными приемами тех лет. Образ воина складывается из обильного «списка» деталей: копьё с красным «прапором», меча, щита, киноварного плаща, любовно украшенной кольчуги, венчающей голову драгоценной стеммы. За ними блекнет самый характер героя. Художник не стремится к его точной передаче. Не случайно центром тонко организованной композиции становится медальон с Эммануилом, «подателем победы», выступающим в данном случае как символ провидения, как портрет подлинного героя и победителя.

Аналогично изображение архангела Михаила в виде воина с медальоном на панцире в Егоровском сборнике XVI в. из собрания ГБЛ⁹⁸. Вокруг величественной фигуры архангела, представленного готовым отразить любое нападение, помещено молитвенное обращение к «всечестному, и преславному, и благому божию дерзностному архистратигу», перекликающееся с текстом девяностого псалма. К XVI в. относится икона «Феодор Стратилат (или Тирон)» с традиционным медальоном на перевязи из Новгородского музея⁹⁹. К середине столетия восходит фигура Георгия на северо-западном столбе Архангельского собора, медальон на кольчуге которого полностью сохраняет иконографические особенности перечисленных выше памятников¹⁰⁰. Попутно отметим, что данный тип изображений удерживается в древнерусском искусстве до XVII в.¹⁰¹ Одним из наиболее

⁹⁶ В. И. Антонова и Н. Е. Мневa. Указ. соч., т. II, стр. 143, табл. 46. Надпись на иконе поздняя. Вполне вероятно, что это Димитрий, так как именно он чаще всего изображался с диадемой или венцом на голове.

⁹⁷ См. примеч. 49.

⁹⁸ ГБЛ, ф. 98, № 1844, л. 234.

⁹⁹ Инв. № 1120.

¹⁰⁰ О принципах «возобновления» росписи и ее датировке см.: Е. С. Сизов. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов. — В сб.: «Древнерусское искусство. XVII век». М., 1964, стр. 160—174.

¹⁰¹ Фигуры воинов с медальонами имелись на столбах Троицкого собора Калезинского монастыря 1654 г. На одной из икон первой половины XVII в. помимо медальона на панцире архангела Михаила на верхнем поле изображен «Спас Нерукотворный», что свидетельствует об устойчивости воинской победной символики и в этот период; см.: «Ikonenmuseum Recklinghausen». Recklinghausen, 1965, N 74. См. также икону «Христор» XVI в. с Эммануилом на перевязи панциря из бывш. собр. Н. П. Лихачева (Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас снимков, ч. 1, табл. XXIII, № 48).

любопытных памятников XVI столетия является «Георгий» из Новгорода, в котором обычная фибула (или перевязь) плаща заменена медальоном с погрудным изображением Эммануила, что, по всей вероятности, есть также отражение древней бытовавшей традиции (особенность, характерная для XVI в.)¹⁰².

Следует отметить, однако, что в рассматриваемый период, как и ранее, тема Эммануила в мелкой пластике не получила распространения. Можно указать лишь на один стеатитовый наперсный образок из частной коллекции в виде медальона с погрудным изображением юного Христа¹⁰³.

Среди многочисленных примеров, свидетельствующих о распространении воинского почитания Спаса Эммануила и связанной с ним символики девяностого псалма, одно из центральных мест занимают изображения воинов, попирающих аспида, василиска, льва и змия. Классическими примерами указанного типа могут служить «Димитрий Солунский» в рост из Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева и две житийные иконы с восседающим в среднике Димитрием, попирающим в первом случае льва, лижущего ему ноги, а во втором — аспида (хранятся соответственно в Покровском соборе Рогожского кладбища и Гос. Эрмитаже)¹⁰⁴. Многочисленность подобных изображений следует объяснять не только широкой популярностью Псалтыри, но также извечной для феодального общества актуальностью данной темы и устойчивой традицией образного сопоставления врагов с различными представителями животного мира, враждебными человеческому существу.

Значительный материал для понимания трактовки образа Эммануила в этот период дает житийная икона «Владимир, Борис и Глеб» первой трети XVI в., происходящая из Московского Кремля (ГТГ)¹⁰⁵. Шестнадцать клейм памятника иллюстрируют относящееся к XI столетию «Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба»¹⁰⁶. Характер отдельных клейм (преставление Владимира) и их подбор (принесение Мстислава Черниговского к гробу Бориса и Глеба) свидетельствуют о том, что при работе над иконой были использованы более древние художественные и литературные источники¹⁰⁷. О том же, по-видимому, говорят и два интересующих нас клейма, 4-е и 5-е, связанные с моментом убийства Бориса. Первое из них (рис. 6) изображает князя молящимся, второе — последовавшее за этим событие. В обоих случаях действие происходит на фоне походного шатра Бориса, украшенного орнаментом и драгоценными тканями. На шатре висит икона Эммануила с острове́рхим завершением, как бы специально обусловленным отведенным для нее местом. Благословляющий Эммануил выступает в роли символического центра обеих композиций.

Отдельные детали позволяют связать клейма с текстом «Чтения», «Сказания» и летописной записи. Слова молитвенного обращения Бориса

¹⁰² Памятник любезно указан Н. А. Маясовой.

¹⁰³ Принадлежит А. А. Клименко; приобретен в Старой Ладогe. Размер 2,9×2 см. По мнению Т. В. Николаевой, относится к первой половине XVI в. Образок имеет в оглавии позднюю надпись IC XC. Он, несомненно, русского происхождения (по наблюдению М. М. Постниковой-Лосевой, русские стеатитовые иконки ранее XV в. не встречаются).

¹⁰⁴ Музей Рублева, инв. № 121 врем. пост.; «Древние иконы старообрядческого кафедрального Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве». М., 1956, табл. 10 (датир. XV в.). Житийная икона Димитрия Солунского в Гос. Эрмитаже происходит из Новгородского древлехранилища.

¹⁰⁵ В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Указ. соч., т. II, стр. 60—61, табл. 17—20.

¹⁰⁶ Д. И. Абрамович. Указ. соч., стр. I—VIII, 1—26.

¹⁰⁷ Н. П. Лихачев. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба. По рукописи XV столетия. СПб., 1907, стр. 34—36; Э. С. Смирнова. Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи. — ТОДРЛ, т. XV, 1958, стр. 321—323; В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Указ. соч., т. II, примеч. 1 и 6 на стр. 61; А. В. Поппэ. О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе. — ТОДРЛ, т. XXII, 1966, стр. 35.

к походной иконе — «иже сим образом явися на земли» — могли иметь в данном случае конкретный узкий смысл. Их с долей вероятия можно отнести непосредственно к юному Христу¹⁰⁸. Идея «принятия страсти», как уже отмечалось, тесно связывалась с его образом. В добровольности подвига Эммануила, лежавшего в основе мироздания, заключалась, по понятиям средневековья, мера его героизма. Обращенные к иконе слова Бориса с просьбой дать ему мужество умереть достойной смертью приобретали в таком случае особый смысл. Определенная связь князей Бориса и Глеба с образом Эммануила, возможно, зафиксированная в преданиях либо устных легендах, отразилась в нескольких памятниках XVI—XVII вв., где фигуры братьев в княжеском одеянии, с мечами сопровождаются его медальоном или поясным изображением¹⁰⁹.

Житийная икона «Владимир, Борис и Глеб» была создана в великокняжеском окружении для одной из церквей Московского Кремля, в той среде, где строго хранили предания, связанные с важнейшими моментами из жизни своих предков, князей киевских и владимирских, среди которых особым почетом пользовались Владимир и его сыновья, служившие образом верности своему долгу и единству Русской земли. Этим, вероятно, следует объяснять необычный характер походной иконы Бориса в рассмотренных клеймах¹¹⁰.

Сцена убийства, как и остальные эпизоды из истории о «погублении» братьев, не нарушает общего «безмятежного» повествования, созданного московским последователем художника Дионисия. Трагические моменты жизни Бориса и Глеба отступают на второй план перед конечным торжеством их идей, перед приобретенной ими «славой» и «радостью многой», говоря словами Афанасия Александрийского. И в этом конечном результате их жизни немалую роль играет, по представлению автора иконы, вмешательство высших разумных сил, покровительство Эммануила, отпускающего каждому человеку соразмерно его достоинствам страдания на жизненном пути и вознаграждающего его за это в «горнем мире».

Вторым важным для нас памятником XVI в. является икона «Битва суздальцев с новгородцами» из бывшего собрания В. М. Васнецова (рис. 7)¹¹¹. От других произведений, иллюстрирующих это событие 1169 г., она отличается краткостью редакции. В нижнем ряду двухъярусной сцены изображена сама битва. Ее верхнюю часть занимает предшествующее этому событию — перенос иконы «Знамение» из церкви Спаса на Ильине улице через Волхов на Софийскую сторону в Новгородский детинец. Слева (от зрителя) представлен момент выноса: впереди идут дьяконы, несущие крест и икону, за ними следуют новгородский архиепископ Иоанн, священники и горожане. Справа из ворот детинца навстречу «Знамению» выходят новгородцы. Шествие возглавляет священник с выносной иконой «Эммануил», которая наряду со «Знамением» выступает в качестве святыни, охраняющей город. Здесь ее роль, по-видимому,

¹⁰⁸ Можно предположить, что походной была миниатюрная мозаическая икона XIII—начала XIV в. с поясным изображением Эммануила из ГИМ (ВВ, XXVIII, 1969, стр. 208—209).

¹⁰⁹ Икона «Никола, Борис и Глеб» с Эммануилом XVI в. хранится в Гос. Горьковском художественном музее (ГХМ, Ж 39); см. также: *Н. П. Лихачев*. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба, стр. 39, рис. 10; «Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде. Декабрь 1911—январь 1912», т. III, б. г., табл. IX; «Ikonenmuseum Recklinghausen», N 302; *D. Talbot Rice*. A Concise History of Russian Art. London, 1963, ill. 42.

¹¹⁰ На соответствующей миниатюре Сильвестровского сборника XIV в. Борис молится перед выносной иконой «Спаса» (*И. И. Срезневский*. Сказания о св. Борисе и Глебе. СПб., 1860, стр. 69), в сборнике из бывш. собр. Н. П. Лихачева конца XV в. походной иконой Бориса являются «Никола» и «Одигитрия» (*Н. П. Лихачев*. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба, стр. 27, миниатюры 5, 6).

¹¹¹ «Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде», табл. XV. В настоящее время икона находится в собрании Т. А. Мавриной (указано М. А. Реформатской).

приближается к значению походной иконы Бориса. В обоих памятниках юный Христос выступает в качестве существа, дарующего силу «приняти страсть» или победить.

Фигура священника с иконой «Эммануил» не встречается ни в одной из известных в настоящее время иллюстраций битвы 1169 г. Вполне возможно, что ее появление в иконографически устойчивом изображении навеяно несохранившимися устными преданиями. Созданная в обстановке повышенного интереса жителей Новгорода к героическим событиям из истории родного города, «Битва суздальцев с новгородцами» из бывшего собрания В. М. Васнецова, как и житийная икона «Владимир, Борис и Глеб», несмотря на относительно позднее происхождение, помогает полнее раскрыть наиболее ранний этап в истории воинского почитания Эммануила на русской почве.

В целом же искусство XVI в. и последующего времени при его неослабевающем интересе к воинской тематике не выработало кардинально новых и оригинальных решений в этой области. Эсхатологическое восприятие образа Эммануила целиком базировалось на традиционном понимании его роли и значения. Причины отсутствия новшеств в трактовке рассматриваемой темы объясняются, возможно, тем, что пристальное внимание людей той эпохи было обращено на разрешение более сложных мировоззренческих вопросов. Воинский же «жанр» лежал в стороне от них. Однако, несмотря на, казалось бы, наибольшую традиционность, понимание образа воина в XVI в. существенно отличается от предшествующего времени. Воинский, рыцарский подвиг становится для людей XVI столетия (особенно времени Ивана Грозного) подвигом духовным по преимуществу, а сам герой-победитель превращается в увенчанного славой жителя «горного Иерусалима». Такая умозрительность восприятия не меняла основного значения этого образа. Вместе с тем повышенный рационализм мышления, перенос акцента с мира внутреннего на мир внешний, характерный для XVI в., требовал от художников большей наглядности и назидательности. Эти тенденции ярко отразились в программном памятнике эпохи — «Церкви воинствующей»¹¹², где сидящий на коленях Богоматери Эммануил передает «венцы славы» ангелам, которые в свою очередь вручают их небесному воинству, предводительствуемому архангелом Михаилом и Иваном Грозным. Над последним из них, как бы отмечая заслуги и достоинства русского самодержца, прят три ангела, поддерживающие корону. В этом произведении с особенной ясностью выразились представления о значении Эммануила в воинском мире. По замыслу создателей иконы, юный Христос играет ту же роль по отношению к небесному воинству, архангелу Михаилу, Георгию, Димитрию Солунскому, Борису и Глебу и т. д., какую последние играют по отношению к русским земным воинам.

Выразительность памятника заставляет вспомнить две синайские иконы XI—XII вв., опубликованные Г. и М. Сотириу, с изображением Георгия и Димитрия, поражающих дракона в первом случае и «игемона» — во втором¹¹³. На каждой из них в верхнем правом углу изображена фигура Эммануила со свитком, указывающего воинам правой рукой на небесную сферу, как бы обещающая будущее блаженство, «радость и славу», по выражению Афанасия Великого¹¹⁴.

Интерес к «реализации» подвига, наглядному воздаянию за него вносит в рассматриваемый памятник известную долю прозаизма, свойственного мировоззрению XVI в. Между трактовкой образа юного Христа в «Эммануильском чине» XII в. и в «Церкви воинствующей» лежит пропасть,

¹¹² В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Указ. соч., т. II, стр. 128—134, табл. 37—41.

¹¹³ G. et M. Sotiriou. Icônes du Mont Sinai. T. I. Athènes, 1956, tabl. 30, 31.

¹¹⁴ Толковая Псалтырь Евфимия Зигабена, стр. 90.

разделяющая два этапа в истории древнерусской культуры. Из высшего идеала нравственной и физической красоты Эммануил превратился в повседневного судию, взвешивающего поступки и доблесть воинов, что придавало «практический» оттенок его образу, снижало его поэтическую и отчасти символическую природу. Воинский подвиг в XVI в. стал рассматриваться как одно из деяний, призванных утвердить торжество православия. Понимание победы и подвига, получив умоизобразительный характер, не могло не привести к более абстрагированному восприятию рассматриваемого изображения.

* * *

Подводя некоторые итоги, невозможно не остановиться на отдельных вопросах истории формирования воинского аспекта восприятия образа Спаса Эммануила.

Уже на раннем этапе развития христианства понимание роли юного Христа как «творца всей твари» привело к мысли о его особой власти над враждебными человеку силами природы. Это нашло отражение в различных апокрифических сочинениях и с особой ясностью проявилось в миниатюрах опубликованного Е. К. Рединым арабского «Евангелия детства Христа» 1299 г. из Лауренцианской библиотеки (№ 32) ¹¹⁵. Вмешательству Эммануила приписывалось спасение Даниила «во рву львином», трех отроков «в печи огненной» и Ионы из пасти кита ¹¹⁶. Сего же помощью Даниил умерщвляет вавилонского дракона (рис. 8) ¹¹⁷. Такое понимание значения Эммануила в ветхозаветных событиях нашло отражение в толкованиях издавна связываемого с ним девяностого псалма ¹¹⁸. Этими же причинами объясняется появление юного Христа в целом ряде воинских композиций уже в эпоху ранневизантийского искусства (см., например, луврский «Диптих Барберини» VI в. с изображением триумфа императора ¹¹⁹), что, несмотря на длительность раннехристианских традиций и отсутствие «историзма» в передаче облика Христа, говорит о зарождении воинского оттенка в трактовке роли Эммануила. Окончательное формирование воинского аспекта культа юного Христа падает, по-видимому, на значительно более поздний период, XI—XII века, время, когда в искусстве Византии и связанных с нею стран складываются представления об идеальном воине-защитнике, страже рубежей и мира ¹²⁰. Параллельно

¹¹⁵ Е. К. Редин. Миниатюры апокрифического арабского Евангелия детства Христа Лауренцианской библиотеки во Флоренции. — «Записки имп. Русского археологического общества», т. VII, 1895, стр. 59—69.

¹¹⁶ Христофор, архим. Древнехристианская иконография как выражение древнецерковного вероисповедания, стр. 165—167, 272, 276—277; Н. В. Покровский. Указ. соч., стр. 24—26; Е. К. Редин. Христианская Топография Козьмы Индикоплова, стр. 39—40; G. Garrucci. Vetri ornati di figure in oro trovati nei cimimeri dei cristiani primitivi di Roma. Roma, 1858, tav. I, 1; III, 12; O. M. Dalton. Op. cit., p. 210; «Творения св. Ипполита, епископа Римского», вып. I. Толкования на Книгу пророка Даниила. Казань, 1898, стр. 50—75.

¹¹⁷ R. Garrucci. Vetri ornati di figure in oro, tav. III, 12.

¹¹⁸ «Творения блаженного Феодорита, епископа Кирского», ч. III. М., 1856, стр. 138. В наиболее ранней лицевой Псалтири из собр. Хлудова IX в. (ГИМ, Хлуд. № 129/Д) среди иллюстраций псалма имелось в настоящее время утраченное изображение «Даниила во рву львином». Приношу глубокую благодарность М. В. Щепкиной за указание этого факта.

¹¹⁹ И. Стржизговский, Н. В. Покровский. Византийский памятник, найденный в Керчи в 1891 г. — «Материалы по археологии России, изд. Археологической комиссией», № 8. СПб., 1892, табл. IV; Ch. Diehl. Op. cit., p. 275, fig. 141; A. Grabar. L'iconoclasmе byzantin, tabl. 72.

¹²⁰ См. разбор воинской темы в средневековом искусстве в статье В. Н. Лазарева: «Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве». — ВВ, VI, 1953, стр. 186—212.

с этим, но несколько опережая развитие воинского культа, оформлялись идеи об эсхатологической роли Эммануила.

Приведенные в работе в качестве примеров произведения искусства Византии, южнославянских стран, средневековой Грузии и Древней Руси можно классифицировать в соответствии с характером изображений («портреты» воинов, батальные сцены) и по отведенному в них Эммануилу месту. В одних произведениях он предстает в качестве «бесстрастного» символа, в других его вмешательство более активно (синайские иконы Георгия и Димитрия, «Церковь воинствующая»).

Некоторые из рассмотренных воинских композиций достигают значительной сложности, что свидетельствует о развитии связанной со Спасом Эммануилом символики (рельефы Георгиевского собора в Юрьеве-Польском). Но, вероятно, наиболее полным и многогранным по составу среди памятников, возникших на византийской почве, является триптих из Джумати с ктиторскими фигурами Георгия Гуриели и его супруги Елены, датированный XVI в.¹²¹ Центральную часть складня занимает архангел Михаил в воинском одеянии с поднятым обнаженным мечом. На левой створке триптиха помещена композиция Собора архангелов. Нижняя часть правой отведена под сцену «Прославление креста» с надписью: «Крест Христов победа над врагами»¹²². Композиции объединены с необычной группой в верхнем ряду створок, состоящей из ангела с «орудиями страстей» и юного Христа с обращенным к архангелу ликом. Эта группа является ключом к пониманию складня. Эммануил предстает здесь одновременно в двух аспектах: как идеальная личность, герой, добровольно пожертвовавший своей жизнью и прославляемый за свой подвиг «в веках», и как предводитель «надмирных полков», возглавляемых архангелом Михаилом. Таким образом, триптих Гуриели дает возможность наиболее полно представить характер воинского почитания Эммануила на византийской почве. По-видимому, он восходит к древнему произведению, что объясняет его значительный, многообразный по составу характер, несмотря на возникновение в период заката средневекового грузинского искусства.

Изменения в понимании образа Эммануила, как это было показано в основном на примере памятников древнерусского искусства XII—XVI вв., достаточно определенно связываются с переменами средневекового мировоззрения в целом. Правильное истолкование его роли и значения может оказать помощь в изучении одной из центральных тем средневекового искусства и литературы (особенно первого) и внести ряд уточнений в историю ее развития.

¹²¹ Н. П. Кондаков, Д. Бакрадзе. Описание памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии, стр. 109—110; Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. Текст, стр. 632; Иллюстрации, табл. 537. В настоящее время местонахождение триптиха неизвестно.

¹²² Н. П. Кондаков, Д. Бакрадзе. Указ. соч., стр. 110. Смысл текста схож со словами Афанасия Александрийского: «Оружие Христово есть крест, которым, будучи окружаемы, мы бываем отважны на всякую брань, побеждаем всякого врага» (Толкование Псалтирь Евфимия Зигабена, стр. 86, примеч. 3). Крест издавна был символом мученической, героической смерти, символом верности долгу.

Т. А. ИЗМАЙЛОВА

ТРАДИЦИИ ЭЧМИАДЗИНСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ В МИНИАТЮРАХ РУКОПИСИ 1033 г. (Матенадаран, № 283)

Четвероевангелие Матенадарана № 283¹ имеет в памятной записи дату — 1033 год. Маленького формата (21,5×15,5 см), несколько необычного для рукописей XI столетия, оно написано на пергамене еркатагиром в один столбец².

По своим иллюстрациям этот кодекс тесно связан с армянскими манускриптами X в., в особенности с рукописями и фрагментами, группирующимися вокруг Эчмиадзинского Евангелия³.

В кодексе № 283 сохранилось несколько памятных записей (хишатакаранов). Первоначальную запись на л. 361 приводим в сокращенном виде: «...итак, кто разбирает, отроки ученые, (помяните) святого и достойного почитания священника Симеона, получателя святого Евангелия, с его родными братьями и почтенными родителями, которых имена знает Бог. Бог благоденствие да даст по воле милости своей. В году армянского (летоисчисления) 482 (+ 551 = 1033) написал с правильного образа. И горемычного писца Христофора поминайте до пришествия Христа, и помянуты будете Христом Богом нашим. Аминь»⁴.

Ниже: «Память писцу и слава Спасителю».

Лист 180 об., после текста Евангелия от Марка (рис. 1): «Кто это Евангелие или другие книги из Хоромайра похитит, да будет проклят святым евангелием. Аминь».

Ниже, на той же странице: «В году 631 (+ 551 = 1182) переплел Евангелие это по приказанию монаха Христофора ради брата его Саргиса; (те), кто прочитает, Саргиса и Христофора в молитвах помяните»⁵.

По нашему мнению, первый хишатакаран на л. 180 об. можно рассматривать как современный написанию текста Евангелия.

Это подтверждается сходством в начертании букв записи с первоначальной памятной записью на л. 361 и расхождением с письмом второй записи на л. 180 об. (ср., например, начертание буквы ш «а» наверху и «а» внизу (рис. 2).

¹ Л. А. Дурново («Краткая история армянской живописи». Ереван, 1957, стр. 25) издала одну миниатюру этой рукописи с изображением вкладчиков (таблицы не нумерованы, по счету — девятая).

² Всего в рукописи насчитывается 361 лист. Тетради по восемь листов пронумерованы на последнем листе армянскими буквами в их цифровом значении. После буквы / (и) нумерация тетрадей отсутствует.

³ Под названием «Эчмиадзинское Евангелие» (далее — «Э») — широко известна парадная рукопись Матенадарана № 2374.

⁴ Армянский текст см.: Г. Овсепян. Хишатакараны рукописей. Антилиас, 1951, § 94, стр. 217—218.

⁵ Там же, § 224, стр. 489, 490.

Если это так, то мы имели бы точную локализацию рукописи — монастырь Хоромайр. Под этим названием Г. Овсепяну известны два монастыря — один в области Айрарат, около Двина, другой в Лори⁶.

Следовательно, точно датированное 1033 г. Евангелие должно было происходить из Центральной Армении, что особенно важно, так как иллюстрированные там в первой половине XI в. кодексы до нас почти не дошли.

Евангелие имеет еще одну памятную запись о переплетении рукописи в 1263 г. (л. 6 об.) и очень позднюю малоразборчивую приписку (л. 179 об.).

* * *

В Четвероевангелии 1033 г. представлены следующие миниатюры: пролог (письмо Евсевия Карпиану) на трех страницах (лл. 1, 2—2 об.), восемь хоранов (лл. 1 об., 5—5 об., 6—6 об., 7—7 об., 8) и четыре лицевые миниатюры: Поклонение волхвов и пастухов (л. 8 об.), Крещение (л. 4), донаторы (л. 3), евангелисты (л. 4 об.).

Имеются также маргиналы (рис. 1), современные первоначальному написанию текста. Многочисленны варианты сердцевидного листа, переданные, как и другие мотивы, быстрым, не очень уверенным, но свободным штрихом коричневыми чернилами с легкой подцветкой зеленым и желтым. Иногда в различных комбинациях встречается плетенка. Особый интерес представляют многочисленные (неизвестные нам в других армянских рукописях) изображения на полях благословляющей руки с самым разнообразным перстосложением.

В настоящее время иллюстрированные листы спутаны:

<i>Сейчас:</i>			<i>Правильно:</i>			<i>Первоначальный порядок:</i>		
1	2	Пролог, 3-я стр.	1	Пролог, 1-я стр.		1	Пролог, 1-я стр.	
1 об.	2 об.	1-й хоран	{	1 об.	Пролог, 2-я стр.	{	1 об.	Пролог, 2-я стр.
2	1	Пролог, 1-я стр.		2	Пролог, 3-я стр.		2	Пролог, 3-я стр.
2 об.	1 об.	Пролог, 2-я стр.	{	2 об.	1-й хоран — I канон	{	2 об.	1-й хоран — I канон
3	8	Донаторы		3	2-й хоран — II канон		3	2-й хоран — II канон
3 об.	8 об.	Запись о переплетении	{	3 об.	3-й хоран — II канон	{	3 об.	3-й хоран — II канон
4	7	Крещение		4	4-й хоран — III и IV каноны		4	4-й хоран — III и IV каноны
4 об.	7 об.	Евангелисты	{	4 об.	5-й хоран — V канон	{	4 об.	5-й хоран — V канон
5	3	2-й хоран		5	6-й хоран — VI и VII каноны		5	6-й хоран — VI и VII каноны
5 об.	3 об.	3-й хоран	{	5 об.	7-й хоран — VIII, IX, X _{Мт} ₂	{	5 об.	7-й хоран — VIII, IX, X _{Мт} ₂
6	4	4-й хоран		6	8-й хоран — X канон Лк ₂ Мк ₁ И ₃		6	8-й хоран — X канон Лк ₂ Мк ₁ И ₃
6 об.	4 об.	5-й хоран	{	6 об.	Поклонение волхвов и пастухов	{	6 об.	Поклонение волхвов и пастухов
7	5	6-й хоран		7	Крещение		7	Крещение
7 об.	5 об.	7-й хоран	{	7 об.	Евангелисты	{	7 об.	Евангелисты
8	6	8-й хоран		8	Донаторы		8	Донаторы
8 об.	6 об.	Поклонение волхвов и пастухов		8 об.	Текст 7.		8 об.	Текст 7.

⁶ Там же, стр. 1087—1088; см. также § 294, стр. 653.

⁷ В воспроизводимых иллюстрациях мы даем их в первоначальном порядке. Скобкой обозначена парность листов.

		I	II	III	IV	V
1033 г.		I I	II II	III II	III IV	V V V
Нач. XI в.	И	I I	II II	II II	III IV	V V V
1041 г.	С	I I	II II	II II	III IV	V V V

		VI	VII	VIII	Пролог
1033 г.		VI VI VII	VIII IX X	X X X	На трех страницах
Нач. XI в.	И	VI VI VII	VIII IX X Mt2	X X X Mk1 Jk2 И3	На двух страницах
1041 г.	С	VI VI VII	VIII IX X Mt3 Mk1	X X Jk3 И4	На двух страницах

Каноны в хорах Евангелия 1033 г. расположены на восьми страницах ⁸, что характерно с XI в. для большинства армянских рукописей. С незначительными отклонениями в десятом каноне эта серия полностью совпадает с принятой в Иерусалимских кодексах № 2555 (начало XI в.) и № 3624 (1041 г.) (см. таблицу). В X каноне Евангелия 1033 г., в противоположность этим рукописям, сохраняется архаическая очередность евангелистов, т. е. Лука предшествует Марку, — вариант, характерный и для Эчмиадзинского Евангелия ⁹, а пролог занимает не две, а три страницы. Оба варианта встречаются в ранних армянских рукописях, хотя и определяют, быть может, различную их ориентацию.

За сохранение ранней традиции говорит и отсутствие иллюстрированных титульных листов. Заглавие пишется более мелким еркатагиром, чем текст, и выделяется рамочкой из диагональных двойных и тройных волнистых линий. В начертании инициала намечается тенденция к увеличению его размеров за счет удлинения стержня. Архаическую традицию рукописи подтверждает и однородность декора парных хоранов, расположенных на лицевой и оборотной сторонах одного и того же листа; небольшие различия между ними наблюдаются иногда только в красочной гамме. Для хоранов принят наиболее ранний двухарочный тип (по терминологии К. Норденфалька — тип m), представленный Лазаревским (Матенадаран, № 6200), Эчмиадзинским Евангелиями и Евангелием 1018 г. (Матенадаран, № 4804). Откинуты только встречающиеся в рукописях этого круга трехарочные хораны. Опирающиеся на столбы арки в Евангелии 1033 г. подчеркнута подковообразны, они образуют почти полный круг — прием, хорошо известный как в ранних армянских рукописях, так и в архитектуре. Только страницы пролога объединены полуциркулярной аркой, что имеет уже место в Эчмиадзинском и Лазаревском Евангелиях.

С некоторыми отклонениями все упомянутые выше принципы указывают на родство с архетипом как в расположении канонов, так и в художественном оформлении хоранов. При всем упрощении их схемы и декоративных

⁸ Такая серия близка к архетипу, для которого характерно расположение канонов на семи таблицах. Разница заключается лишь в том, что в последнем второй канон занимает одну страницу, тогда как в серии из восьми таблиц — две (С. Nordenfalk. Die Spätantiken Kanontafeln, Bd. I. Göteborg, 1938, S. 66).

⁹ К. Норденфальк (op. cit., S. 70—72) считает, что такой порядок был принят Евсевием Кесарийским первоначально, но изменен еще при его жизни на обычную последовательность евангелистов (Mt, Mk, Jk, И).

мотивов, а также изменении красочной гаммы, хораны Евангелия 1033 г. и Э могут быть сопоставлены прямым образом, несмотря на полное отрицание в первом антикизирующих воздействий, столь характерных для последнего. Ряд архитектурных элементов, например, базы и аналогичным образом трактованные капители, в изучаемой нами рукописи ближе к типу, представленному в Лазаревском Евангелии и Евангелии 1018 г. Отдельные же элементы декора предстают в сильно трансформированном виде, выдающем тенденцию к примитивизации.

Уже К. Норденфальк отметил устойчивость для определенного круга не только армянских, но и греческих рукописей мотива парных, расположенных друг против друга павлинов по сторонам полуциркулярной арки хоранов, оформляющих письмо Евсевия к Карпиану ¹⁰. То же видим и в Евангелии 1033 г., где парные павлины появляются на всех трех страницах пролога (рис. 4). Сравнение этих листов с первой страницей Э позволяет обнаружить несомненный параллелизм как в построении самого хорана, так, в известной мере, и в его оформлении. Однако законченное совершенство сменяется здесь некоторой тяжеловесностью и укрупнением декоративных деталей. Павлины, теряя свое изысканное изящество, трактованы обобщенно, массивность птиц как бы заставляет их опуститься к основанию арок. Растительная лоза, заполняющая арку (3-я стр. пролога), строится на основе полупальметки, что столь обычно для средневековья, или ее сменяют стилизованные арабские буквы (2-я стр. пролога). Кресты в заполнении тимпана (3-я стр. пролога), хотя и повторяют аналогичный узор Евангелия Э, становятся более крупными и менее четкими. Чисто орнаментально и схематично трактованная трава по верху полуциркулярной арки, так же как и негативный рисунок, образованный крестами (тимпан 2-й стр. пролога) ¹¹, находят наибольшее соответствие в хоране родственного Евангелию Э греческого кодекса X в. Марчианской библиотеки в Венеции (гр. I, 8).

Параллели с хоранами Э прослеживаются и далее. Сходно расположение таблиц канонов, занимающих пролеты между боковыми и центральной колоннами, каждый столбец завершен полукружием, хотя мастер Евангелия 1033 г., упрощая свой труд, в некоторых случаях и опускает их. Иногда он помещает между этими полукружиями стрелки, известные в группе других армянских рукописей ¹².

Наибольшую близость в оформлении хоранов при несомненном различии стиля мы видим в первом каноне Евангелия 1033 г. и Евангелия Э, особенно в заполнении арок волнистой лентой (рис. 3). Сходна и венчающая их композиция — птицы по сторонам кубка (Э) или растительного мотива (Евангелие 1033 г.). Общность образца подтверждают и пальметки с сидящими на них птицами по сторонам арок.

Сходство очевидно и при сравнении второго хорана Евангелия 1033 г. с хораном Э на л. 4 об., хотя стволы колонн в первой рукописи становятся более стройными и ровными, что указывает на утрату некоторых особенностей, присущих ранним образцам. В большей мере, чем в Э, подчеркиваются теперь прямоугольные, уменьшающиеся в размерах (в базах кверху, в капителях — книзу) разноцветные плитки. У основания ствола и под капителью иногда появляется круг, который получит развитие в армянской миниатюрной живописи последующих веков. В арках же, в сидящих на краях капителей птицах наблюдается значительное сходство. Зрительно совпадает и декор, заполняющий арки, хотя в поперечные компартименты мастер Евангелия 1033 г. и вписал схематизированные арабские буквы, переведенные им в орнаментальный ряд.

¹⁰ C. Nordenfalk. Op. cit., S. 99.

¹¹ Ibid., Tafelband, Taf. 8.

¹² Например, в хоранах Евангелия Матенадарана № 5547.

Такой же параллелизм с некоторыми отклонениями и видоизменениями может быть отмечен и для остальных хоранов этих двух кодексов, хотя в орнаментальных мотивах более позднего из них и происходит значительная трансформация. Так, например, извивающаяся лента, хорошо известная в хоранах Евангелия Э, в кодексе 1033 г. располагается иногда поперек, а не вдоль арок. Характерно, что, так же как в малоазийских рукописях середины XI в., здесь опускается набор древних по своему происхождению орнаментальных мотивов, таких, например, как цветные диски и радужные ромбы, хорошо известные в Евангелии Э. Убранство рукописи 1033 г. отличаются от него и отсутствие темплетто, а также совершенно иной колорит. Мягкая и гармоничная многоцветная гамма хоранов Евангелия Э сменяется ограниченным набором порой довольно густых и интенсивных, теперь местами потемневших, красок. Сочетание красного, желтого и зеленого в каждой паре хоранов выступает в различных комбинациях. Самыми красивыми по цвету являются две последние пары. В пятом и шестом хоранах (лл. 4 об. и 5, ныне 6 об., 7) темно-синий колорит колонн сочетается с контрастными яркими красками (зеленая, синяя, красная, желтая) плиток в базах и капителях. Своеобразна их свободная ритмика, отвергающая какую-либо цветовую симметрию. Различные цельные тона неожиданно вспыхивают то в одной, то в другой части хоранов. Переключаясь друг с другом на смежных страницах, они создают ощущение мерцания красок. В шестом хоране звучность колорита поднимают ярко-красные коймы арок, в заполнении которых желтый и зеленый цвет листвы, так же как и в пятом, переходят один в другой.

В седьмом и восьмом хоранах (лл. 5 об. и 6, ныне 7 об., 8; рис. 5—7), по толкованиям приближающихся к теме воскресения Христа, колорит светлеет. Мягким зеленым цветом с нанесенными на него красными точками залиты арки. Светлую тональность их подчеркивает темно-синий, теперь почти черный, цвет колонн. Красочную выразительность придает хоранам радующее глаз чередование в базах и капителях зеленого, красного, желтого цветов. Свободная ритмика нанесения этих тонов создает, как и в предыдущей паре, ощущение динамики цвета, его разнообразия и игры. В целом, все указанные различия не устраняют традиционной связи хоранов Евангелия 1033 г. и Э.

* * *

За хоранами следовали лицевые миниатюры. Мы начинаем со второй их пары, на которой представлены евангелисты (л. 4 об.) и донаторы (л. 3, правильно — лл. 7 об. и 8; рис. 8—9).

Все четыре евангелиста изображены стоящими на одном листе, повернувшись попарно друг к другу. Такая серия, хотя и не совпадает с принятой в Евангелии Э; также восходит к ранним образцам. Она характерна для ряда армянских рукописей середины XI в. По нашему мнению, эта серия является оригинальной, сложившейся, возможно, в армянской миниатюрной живописи¹³.

Мы остановимся здесь лишь на некоторых иконографических и стилистических особенностях, присущих этой миниатюре. Тип евангелистов (что обычно для этой серии), по-видимому, неканоничен: евангелист Матфей изображен юным (без бороды), три остальных (Марк, Лука, Иоанн) — среднего возраста, с черными волосами и черными довольно короткими бородами¹⁴. Отличительной чертой евангелистов этой рукописи является то, что помимо кодексов два из них держат кресты, возможно

¹³ Этому вопросу мы посвятили статью в «Историко-филологическом журнале» Академии наук Армянской ССР, 1968, № 1 (40): «Истоки серии евангелистов в группе армянских малоазийских рукописей».

¹⁴ Канонический тип евангелистов: Матфей и Иоанн — старцы, Марк и Лука — среднего возраста.

также являющиеся ранней иконографической особенностью, неизвестной нам в других армянских миниатюрах того же сюжета.

При всей неумелости исполнения и примитивизации лики евангелистов значительны и суровы. Низкие лбы, большие глаза со скошенными в одну сторону черными зрачками, дугообразные черные брови характеризуют подчеркнуто восточный тип. Обращает внимание несколько необычный характер одежд, особенно перекинутая через левую руку пола у евангелистов Матфея, Луки и Иоанна. Видимо, мастер, пользуясь каким-то неплохим образцом, не смог передать сложный рисунок одежд и их складок. Нередко он полностью орнаментализирует их, превращает при помощи завитка в растительный мотив, напоминающий лист, форма которого прослеживается в маргиналах; преобладание графической манеры исполнения сочетается с отсутствием светотеневой характеристики. Пространство между фигурами заполнено штриховым рисунком.

Колорит миниатюр определяет немногочисленный набор красок, кроющая поверхность которых не всегда совпадает с контурами рисунка. У всех евангелистов гиматии красные, почти пурпуровые, хитоны — светло-зеленые, нимбы желтые, лица розовые. Фигуры выступают на залитой красным цветом плоскости фона, оттененного зеленой рамкой и составляющего пандан к миниатюре с изображением донаторов.

* * *

Несомненной особенностью цикла лицевых миниатюр Евангелия 1033 г. является до конца не ясная по своему сюжету иллюстрация, обычно толкуемая как изображение донаторов — священника Симеона и его братьев (рис. 9). Л. А. Дурново отождествляла их с тремя светскими персонажами, помещенными в центральной части миниатюры. По сторонам этой группы стоят две фигуры, значительно более крупные по своим размерам. Справа — ангел, о чем гласит и надпись около него: *Կրկն Կրկն* *Կրկն* *Կրկն*, «архангел Рафаил». Определение второй фигуры, стоящей слева и, очевидно, получающей Евангелие от персонажа центральной группы, встречает затруднение. Обычно ее рассматривают как фигуру Христа, но этому мешает отсутствие крестатости нимба, к тому же рядом с фигурой справа довольно ясно читаются буквы *Սիմ*, как будто под титлом, что может быть прочитано как известное нам по памятной записи имя священника Симеона. Такому определению этой фигуры мешает изображение нимба. Однако необычные эпитеты, прилагаемые в памятной записи к имени священника Симеона: «святой и достойный почитания», — позволяют допустить эту возможность.

Небезынтересно напомнить и толкование сюжета этой миниатюры, которое дала Л. А. Дурново¹⁵: рассматривая три центральных персонажа как изображения «блаженного иерея Симеона, для которого было исполнено это Евангелие, и его братьев», она полагала, что все трое были представлены в виде отроков в печи огненной, что иллюстрирует библейскую легенду о чудесном избавлении их от смерти посланным богом ангелом, фигуру которого мы видим на нашей миниатюре. Не отрицая возможности такого толкования сюжета, в который был вложен, очевидно, какой-то символический смысл (возможно, идея спасения верующих в бога в сцене Ветхого завета и параллель к ней — спасение через Новый завет — Евангелие), мы склонны видеть в изображенной крупным масштабом фигуре, стоящей слева, «портрет» святого священника Симеона. На то, что в миниатюре изображены отроки в печи огненной, может указывать не только фигура архангела Рафаила, но и своеобразная трактовка фона, исполненного неровно наложенным красным тоном, и кажущиеся на первый взгляд

¹⁵ Л. А. Дурново. Очерки по истории армянского искусства (рукопись).

головными уборами языки пламени (?) над головами центральных персонажей, одетых в зеленые одежды (у получающего Евангелие верхняя часть одежды красная).

Некоторое разнообразие в красочную гамму вносят коричневые одежды ктитора, пурпуровый плащ ангела, сочетающийся с желтым цветом хитона и нимба, зеленым цветом крыльев. Зеленым окрашена и верхняя часть фона с помещенными на ней орнаментированными арабскими буквами. Вся миниатюра заключена в коричневую рамку.

Поклонение волхвов и пастухов (рис. 10). В центре торжественно восседает Богоматерь в типе Одигитрии, держа на левой руке младенца Христа, благословляющего левой рукой. Ее окружают четыре ангела — два стоят, два летят. За ангелами, с каждой стороны по одному, — два волхва, за ними — два пастуха.

Подобная трактовка сцены, несомненно, связана с ранней традицией, в которой различались два типа поклонения: по Елифанию Кипрскому и Евсевию, волхвы поклоняются Иисусу в доме два года спустя после его рождения; Юстин говорит о поклонении Христу в яслях. Апокрифы популяризировали обе концепции. По словам Г. Милле, первая из них была распространена на Востоке, ей следовали греки и сирийцы (как видим, и армяне. — *Т. II.*), вторая — на Западе ¹⁶.

Поклонение волхвов и пастухов торжественно восседающей в центре Богоматери известно уже на ампулах Монцы ¹⁷, однако здесь волхвы (в количестве трех) обычно приближаются слева, пастухи (в том же числе) — справа. Ангелы, иногда летящие, иногда стоящие, никогда не появляются вместе. Не совпадая с ампулами Монцы, отличаясь значительной оригинальностью, сцена поклонения волхвов в Евангелии 1033 г. может быть сопоставлена с хорошо известной группой памятников, не выходящих за рамки VI—VII вв. Прежде всего упомянем миниатюру того же сюжета (композиция расположена поперек листа), подшитую к концу Эчмиадзинского Евангелия ¹⁸. Наличие трех волхвов и отсутствие пастухов не заслоняет близости идейного содержания этой сцены к миниатюре Евангелия 1033 г. Напомним, что миниатюра Евангелия Э входит в круг достаточно многочисленных памятников, где варьируется та же тема ¹⁹. Х. Керер связывает этот тип с несохранившейся мозаикой западного фасада церкви Марии в Вифлееме, воспроизведения которой отсутствуют в ампулах Монцы ²⁰. При несомненной общности темы трактовка художественного образа в миниатюре Евангелия 1033 г. не совпадает с вышеупомянутыми памятниками. В этом отношении центральная группа приближается к варианту, в котором отбрасывается поклонение волхвов и пастухов; идейным центром остается Богоматерь, восседающая с младенцем на руках в окружении двух стоящих ангелов.

Этот тип, представленный уже на окладе слоновой кости Эчмиадзинского Евангелия (ок. 550 г.) ²¹, достаточно широко распространен в армянских надгробных стелах, которые датируются VI—VII вв. Так, на одной из сторон кубического основания стелы, происходящей из Талина (рис. 12—13) ²², эта тема достаточно близка к центральной части миниа-

¹⁶ G. Millet. L'iconographie de l'évangile aux XIVe—XVe et XVIe siècles. Paris, 1916, p. 137.

¹⁷ A. Grabar. Les ampoules de terre sainte. Paris, 1958, pl. XXXI.

¹⁸ L. A. Durnovo. Miniatures arméniennes. Paris, 1961, p. 39.

¹⁹ H. Kehrer. Die heiligen drei Könige in Literatur und Kunst. Leipzig, 1909, см. рельефы на пластинах слоновой кости: Abb. 36 (Собрание Кравфорда в Лондоне, ок. 500 г.); Abb. 37 (Британский музей, после 550 г.) и др.; Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. I. СПб., 1914, рис. 139—147.

²⁰ H. Kehrer. Op. cit., S. 52, 53. К тому же мнению присоединяется G. Jerphanion («La voix des monuments»). Paris, 1930, p. 179).

²¹ L. A. Durnovo. Op. cit., p. 9.

²² Г. Овсепян. Надгробные стелы и их археологическая ценность для изучения истории армянского искусства. Материалы и исследования армянского искусства и

тюр Евангелия 1033 г. Нельзя не отметить и некоторый параллелизм этой же композиции с миниатюрой коптского манускрипта IX в., где Христос изображен также со свитком²³, но не благословляющим, Богоматерь же — кормящей.

Известные контакты между коптскими памятниками и армянскими стелами были отмечены уже Г. Овсепяном²⁴. Тот же автор обратил внимание на декор боковых сторон кубического основания стелы из Талина, напоминающий орнаментику, украшающую переплеты армянских рукописей. Не позволяет ли это допустить известную перекличку высеченного в камне рельефа (своего рода миниатюры, увековеченной в камне) с несохранившимися до нашего времени армянскими миниатюрами? На возможность использования раннего иллюстративного образца, запечатленного в каменном рельефе, указывает, быть может, и образ Богоматери, восседающей с младенцем в руках, на другой Талинской стеле²⁵. Ангел, вероятно из-за недостатка места, помещен над ней (рис. 13, 2). Это изображение Богоматери привлекает нас в силу одного курьезного обстоятельства — на миниатюре Евангелия 1033 г., как упоминалось выше, Христос благословляет левой рукой, что указывает, вероятнее всего, на использование перевернутой прориси, которая могла быть сделана с иконографического образца, близкого рельефу второй Талинской стелы. Такие косвенные указания сближают рельефы стел с миниатюрной живописью раннего периода. При отсутствии в них полных аналогий к нашей миниатюре эти рельефы позволяют говорить о некотором стилистическом сходстве с ней. Его мы видим в строгой симметричности, подчиненной плоскости композиции, фронтальном положении монументальной фигуры Богоматери, пропорции которой отличаются в рукописи большей приземистостью, что следует отнести на счет известной неумелости мастера. Родственны и приемы разделки обобщенно переданных одежд, параллельно нанесенные вертикальные и горизонтальные складки которых создают ритм, в значительной мере участвующий в формировании художественного образа.

При идейном и стилистическом сходстве с миниатюрой тема в рельефах на камне ограничена — в ней отсутствует поклонение волхвов и пастухов. Таким образом, вариант, представленный в Евангелии 1033 г., занимает особое положение между двумя вышеупомянутыми группами памятников, будучи, по-видимому, не менее древним, чем они, по своему происхождению. На это указывает наличие летящих ангелов, изображение двух, а не трех волхвов, на головах которых — фригийские колпачки. Один из волхвов одет в короткие одежды. (Напомним, что уже в рукописи 1038 г. (Матенадаран, № 6201) волхвы представлены в длинных одеждах и в коронах). Два пастуха несут на плечах агнцев, напоминая тем самым образ «добротного пастыря»; подобная трактовка пастухов встречается, например, еще в катакомбах Каллиста IV в.²⁶

культуры. Вып. 3. Нью-Йорк, 1944, рис. 79 (на арм. яз.); Б. Н. Аракелян. Сюжетные рельефы Армении IV—VII вв. Ереван, 1949, стр. 51, рис. 23 (на арм. яз.). Изображение Богоматери с ангелами по сторонам известно также на рельефе Ереверуйской базилики (см. там же, стр. 51).

²³ М. Ross. Early Christian and Byzantine Art. Baltimore, 1947, p. 147, pl. CVI, № 745, рукопись № 574 Библиотеки Пирпонт Морган. Быть может, к этой группе следует отнести и Синайскую икону V—VII вв., где головы ангелов так же откиннуты назад, как в миниатюре Евангелия 1033 г.: G. et M. Sotiriou. Icônes du Mont Sinai, vol. I. Athènes, 1956, pl. 4, и рядом воспроизведение в цвете; там же изображены святые с крестами в руках. К IX в. Н. П. Кондаков (указ. соч., табл. VII) относит сходную по типу мозаику в храме Димитрия в Солуни.

²⁴ Г. Овсепян. Надгробные стелы, стр. 102.

²⁵ Там же, рис. 73; Б. Н. Аракелян. Указ. соч., стр. 54, рис. 25.

²⁶ Н. П. Кондаков. Указ. соч., рис. 15. Близкий тип видим и на саркофаге в храме Санта Мариа Антика (G. Jerphanion. Op. cit., pl. XXXI).

Несомненно, что все эти ранние типы претерпели к XI в. значительные стилистические изменения. В миниатюре рукописи 1033 г., где господствует графическая линия, устраняющая характеристику объема, они зачастую доведены до примитива. Однако большие, широко открытые глаза со скошенными в одну сторону зрачками придают лицам суровую выразительность. Значительность художественного образа, исполненного без академического совершенства, определяется творческой свободой мастера и звучной красочной гаммой, в которой сочетаются лишние нюансы основные тона. На объединяющем сцену довольно густом ярко-зеленом фоне, тональность которого поднята красной рамкой, выделяются лиловато-коричневые одежды основных фигур. Орнаментальные линии складок, исполненные красным и подчеркнутые белым цветом, придают одеждам красноватый оттенок. Красочную ритмику определяет переключка основных красок: желтая в тунике Богоматери, в верхних частях одежд у стоящих ангелов, нижних — у летящих. У пастухов в одежде сочетаются зеленый и красный цвета, лица розовые. Нимбы у Богоматери и Христа зеленые, возможно, сверху было наложено листовое золото. У ангелов они желтые. Ощущение праздничности создается сочетанием красного цвета, акцентированного желтыми пятнами, с зеленым фоном.

Крещение (рис. 11). Бородатый обнаженный Христос изображен во весь рост идущим слева направо к Иоанну Крестителю, чресла не опоясаны. Очевидно, сознательно резко подчеркнут пупок. Обе руки, согнутые в локтях, подняты на уровень плеч. Иоанн Креститель стоит справа, повернувшись к Иисусу в три четверти; правой рукой он благословляет, не касаясь головы Христа, в левой держит свиток. Тяжелые одежды закрывают обе руки и спускаются до пола. Справа в разрезе видна, вероятно, туника.

Вся верхняя часть миниатюры занята большим, окаймленным широкой полосой сегментом, как бы усыпанным звездами. Из него выходит благословляющая десница. Над головой Христа — св. Дух в виде голубя. Около небесного сегмента надпись: «... это мой сын (возлюбленный?)». Расположение фигур (Христос слева, Иоанн справа), необычное для армянской иконографии, предшествует окончательно сложившемуся варианту (Христос справа, Иоанн слева), представленному уже в Евангелии Рабулы (586 г.). На древность извода указывают свиток в руках Крестителя, отсутствие ангелов²⁷, а также изображение воды только под ногами совершенно обнаженного Христа. Вместе с тем Иисус бородат — тип, известный уже в Евангелии Рабулы. Как видим, иконографические особенности этой миниатюры, несомненно, ведут к ранним источникам.

Обращает внимание своеобразное положение рук Христа, согнутых в локтях и поднятых вверх²⁸. Такой вариант, неизвестный нам в армянской миниатюрной живописи до XIV в., появляется в сцене Крещения, исполненной Саргисом Пицаком (Четвероевангелие 1336 г., Матенадаран, № 123; рис. 14). Известно, что возникновение ряда архаических черт характерно для искусства этого столетия в целом. В привлеченной нами миниатюре Саргиса Пицака наряду с интересующим нас положением рук Христа, не имеющего, как и в Евангелии 1033 г., пояса на чреслах, сохраняется изображение небесного сегмента с выходящей из него десницей Бога, ангелы же представлены летящими. Все эти особенности подтверждают ориентацию художника на раннюю иконографию.

То, что жест согнутых в локтях рук Иисуса не является случайным, подтверждается широким распространением его в достаточно ранних

²⁷ Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии. СПб., 1892, стр. 165. Древнейшие изображения Крещения — без ангелов, которые появляются уже на кафедре Максимиана.

²⁸ Указ. исследование Г. Милле не дает аналогий к этому изводу.

памятниках западноевропейского искусства. Наиболее близким к Евангелию 1033 г. по положению рук Христа в сцене Крещения является его изображение в миниатюре каролингского Сакраментария из Отуна (хранится в Кабинете гравюр, Берлин)²⁹, где Христос представлен еще безбородым (Креститель слева, есть ангел). Этот кодекс принадлежал Раганальдусу, который ок. 845 г. был аббатом в Мармоньте. Изображение Христа с согнутыми в локтях и поднятыми вверх руками твердо вошло в западноевропейскую иконографию и в разных вариантах просуществовало вплоть до эпохи Возрождения. В армянской миниатюрной живописи VI—XI вв. этот вариант известен лишь в Евангелии 1033 г. Можно думать, что в каролингскую миниатюру он должен был проникнуть из сирийской среды. Не дают ли указания на характер этой среды некоторые особенности трактовки Иисуса в сцене Крещения Евангелия 1033 г.? Обратим внимание на отсутствие нимба вокруг головы Христа при наличии его у Крестителя и явно выраженный, даже подчеркнутый, пупок, свидетельствующий о том, что перед нами человек, а не бог, чудесно рожденный Девой. Такую трактовку образа в армянской монофизитской среде можно рассматривать как повторение прототипа в скриптории, находившемся в достаточно тесных контактах с сирийцами-несторианами.

В стилистическом отношении сцена Крещения Евангелия 1033 г. тесно связана со смежной по отношению к ней миниатюрой Поклонения волхвов и пастухов. Неправильные по своим пропорциям, приземистые фигуры отчетливо выступают на красном фоне, который мог передавать озарение, истекающее от вод Иордана во время таинства Крещения. Волнистые линии, быть может, изображали сияние, распространяющееся от Христа. Вся композиция заключена в зеленую рамку, поднимающую насыщенную тональность фона, на котором выделяется усыпанный белыми и красными точками синий небесный сегмент, цвет которого перекликается с цветом воды. Тело Христа, так же как место, на котором исполнена надпись, оставлено в цвете пергамена. При всех различиях образ Иоанна Крестителя сходен с трактовкой его в Евангелии Э³⁰; те же тяжелые темные одежды (в Евангелии 1033 г. верх — темный фиолетово-коричневый крапlak, нижняя одежда — желтая, под рукавом желтые мазки). Для характеристики сложно расположенных складок одежды, по-видимому уже не понятых мастером, он пользуется тем же приемом, что и художник Евангелия Э, — передает их параллельными, хотя и более стилизованными округлыми линиями. Сходен и тип Крестителя — черные волосы, борода, большие, широко открытые, как и у Христа, черные глаза. Они придают особую выразительность лицам обоих персонажей, подчеркивают значительность происходящего события.

Несмотря на несовпадение прототипов миниатюры со сценой Крещения Евангелия 1033 г. и Э, известное родство этих рукописей сказывается в лаконизме композиции, ограниченной двумя фигурами, в значении, которое придается Богу-отцу и св. Духу, и в ряде других деталей.

Все это указывает на очень ранние истоки типа, восходящего, по-видимому, ко времени первоначального оформления иконографических вариантов, доживающих в армянской миниатюре до XI в.

При известном параллелизме хоранов тематика лицевых миниатюр Евангелия 1033 г. и Евангелия Э совпадает скорее с иллюстрациями VI—начала VII в., подшитыми к концу этой рукописи, чем с современными хоранам миниатюрами 989 г. В символический цикл концевых миниатюр Евангелия Э включены два христологических сюжета, пред-

²⁹ J. Strzygowsky. *Iconographie der Taufe Christi*. München, 1885, S. 38, Taf. XI; см. также Taf. XIII₉, XX₈. В каролингских миниатюрах сцена Крещения встречается очень редко (*ibid.*, S. 38).

³⁰ L. A. Durnovo. *Op. cit.*, p. 41.

ставленные и в Евангелии 1033 г., — Поклонение Богоматери с младенцем Христом и Крещение.

В силу специфики этого цикла С. Дер Нерсессян выделила концевые миниатюры Евангелия Э в особый тип евангельских иллюстраций, сохранившийся до наших дней только в этом кодексе. По мнению автора, интерес, который они представляют, выходит за рамки местного и национального значения³¹.

Мы думаем, что в какой-то мере к Евангелию Э примыкает и Евангелие 1033 г., где тематика миниатюр также связана с символическим циклом. Так, например, в сцене Крещения (Евангелие Э) идея явления Христа людям впервые как сына Божия подчеркнута большой десницей Бога-отца, лучами света, нисходящими на Иисуса с неба и из клюва голубя. Десница, голубь и Иисус, расположенные по одной линии, составляют образ Троицы³². В несколько ином варианте то же видим в сцене Крещения Евангелия 1033 г. Нельзя не заметить, что христологические миниатюры этой рукописи представлены в менее развитом цикле, вероятно, и первоначально их было две (в Э сохранились четыре миниатюры). Однако вложенный в них символический смысл едва ли следует подвергать сомнению.

Известно, что праздник Крещения Христа осмыслялся не только как событие из его жизни, но и как явление Иисуса людям в образе Спасителя (Епифания). Как отмечает Х. Керер, по мере конкретизации этой идеи чисто логически установилась связь Крещения с Рождеством Христовым (где бог также является людям) и обнаружением Иисуса волхвами (Теофания). Автор ссылается на папирус из Фаюма, в котором около 300 г. была зафиксирована литургия праздника Епифании, восходящая к еще более раннему времени. Важно отметить, что в этой литургии принимаются во внимание Рождество Христово, Поклонение волхвов и Крещение, причем центральное место занимает Крещение. Позднее, когда проблема обращения язычников отпала, догматическая картина меняется. Акцент переносится на Рождество Христово, начинает господствовать догма вочеловечения Христа.

Х. Керер считает твердо установленным, что в Сирии во времена Ефрема Сирина (IV в.) Крещение и Рождество Христово праздновались еще вместе. Праздник Епифании включал в себя прославление Рождества Христова, Поклонение пастухов и — специфически сирийскую черту — появление путевой звезды. Дневная часть этого коллективного праздника была посвящена Рождеству Христову, Поклонению волхвов и Крещению в Иордане³³. Небезынтересно отметить, что Рождество Христово как самостоятельный праздник был принят на Востоке со значительным сопротивлением и окончательно установился только в V в.³⁴

Все вышесказанное заставляет считать тематику христологических миниатюр Евангелия 1033 г. не случайной, родственной концевым миниатюрам Евангелия Э, но идущей, быть может, от каких-то еще более ранних истоков.

По словам С. Дер Нерсессян, в украшении христианских церквей периода зрелого средневековья были в силе две системы — одна дидактического характера, где изображения замещали писание, другая — символического, где были представлены события, в которых Бог являлся

³¹ S. Der Nersessian. La peinture arménienne au VIIe siècle et les miniatures de l'évangile d'Étchmiadzin. — Actes du XIIe Congrès International des études byzantines», t. III. Beograd, 1964, p. 52.

³² Ibid., p. 55.

³³ H. Kehr. Op. cit., S. 24. Автор отмечает также, что к этим эпизодам присоединялось иногда чудо в Кане Галилейской. Эта особенность отразилась в армянских рукописях конца XIII—XIV в.

³⁴ Ibid., S. 27.

людям. Четыре миниатюры Евангелия Э (и, думаем, две — Евангелия 1033 г. — *Т. И.*) позволяют предугадать тип евангельских иллюстраций с символической тенденцией, которая родственна второй системе украшения церквей и мартириев.

Не останавливаясь подробно на проблеме происхождения моделей миниатюр Евангелия Э, С. Дер Нерсисян отмечает лишь возможность их оформления в районе Палестины, где сложился иконографический цикл, основной темой которого была Теофания, — район, с которым Армения в этот ранний период поддерживала прямые связи ³⁵.

³⁵ S. Der Nersessian. Op. cit. , p. 56.

В. В. КРОПОТКИН

НОВЫЕ НАХОДКИ ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ В КЕРЧИ

Небольшие археологические раскопки в Керчи, проведенные в 1963—1964 гг. в связи с перепланировкой городской площади около церкви Иоанна Предтечи, в портовой части древнего Корчева, где сохранились позднеантичные и раннесредневековые слои города, дали в распоряжение науки небольшую нумизматическую серию, в которой преобладают античные монеты¹.

В верхних средневековых слоях исследованных участков города было обнаружено 12 медных монет очень плохой сохранности, из которых удалось определить 11 экземпляров. Описание найденных в раскопках византийских монет со ссылками на каталоги Британского музея, собрания И. И. Толстого и публикацию херсоно-византийских монет А. В. Орешникова, приводим ниже².

Большинство монет относится ко времени правления византийских императоров конца VI и первой половины VII в. — от Тиверия Константина (578—582) до Ираклия (610—641); среди них преобладают пентануммии Маврикия Тиверия (582—602), чеканенные на Херсонском монетном дворе (с буквой «Н» на оборотной стороне), что свидетельствует о тесных связях византийского Херсона с Боспором в конце VI—начале VII в.³

Одна византийская монета Тиверия III Апсимара (698—705), чеканенная в Константинополе, относится к хазарскому периоду истории Боспора. Две монеты из рассматриваемой серии являются распространенными в городах Северного Причерноморья херсоно-византийскими литыми монетами IX—X вв. Частые находки херсоно-византийских медных монет в Саркеле и Тмутаракани связаны с ростом политического и торгового влияния Херсона в Северном Причерноморье с конца IX в. Известны находки херсоно-византийских монет IX—XI вв. и на Руси, в частности в Киеве⁴.

¹ Раскопки производились Институтом археологии АН СССР с участием Керченского историко-археологического музея под руководством А. Л. Якобсона, И. Б. Зеест и Т. И. Макаровой. См.: *Т. И. Макарова*. Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи). — КСИА, вып. 104, 1965, стр. 70—76.

² *W. Wroth*. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum, vol. I—II. London, 1908; *И. И. Толстой*. Византийские монеты, вып. I—IX. СПб., 1912—1914; *А. В. Орешников*. Херсоно-византийские монеты. — «Труды Московского нумизматического общества», т. III, вып. 2. М., 1905, стр. 359—373.

³ Одна византийская монета Маврикия Тиверия — фолл 5-го года, чеканенная в 587 г., была найдена в Керчи, близ церкви Иоанна Предтечи, в 1934 г. при археологических раскопках В. Д. Блаватского. См.: *А. Н. Зограф*. Монеты из раскопок Тиритак и Мирмекия в 1932—1934 гг. — МИА, № 4, 1941, стр. 157, № 292; *В. В. Кропоткин*. Клады византийских монет на территории СССР. — «Археология СССР». Свод археологических источников. Серия Е4-4. М., 1962, стр. 34, № 208.

⁴ *В. В. Кропоткин*. Указ. соч., стр. 11, № 29, 29а, 30, 32, 85, 86, 87, 89, 171, 177, 191, 200, 210, 229, 240 (исправить: Роман II и Василий, 960—963 гг.), дополнение: 89а, 241а (исправить: находки херсоно-византийских монет 240 и 241а идентичны).

Приложение 1

Список монет, найденных в Керчи в 1963—1964 гг.

1. Медная монета Тиверия Константина (578—582), чеканенная в г. Фессалонике в 578/9 г., 20 нуммов типа Wg., I, стр. 112—113, № 60—64, табл. XV, 2—Т., V, стр. 498, № 133, табл. 35. Вес 4,72 г. Диам. 20 мм. Сохр. плохая. Инв. К-64, № 475.
2. Пентануммий Маврикия Тиверия (582—602), чеканенный в г. Херсоне, типа Wg., I, стр. 159, № 291, табл. XX, 1. Вес 12,13 г. Диам. 27—30 мм. Сохр. очень плохая, монета изогнута. Инв. К-63, № 637.
3. Пентануммий Маврикия Тиверия, чеканенный в г. Херсоне, типа Т., V, стр. 567, № 332 и сл. — Wg. I, стр. 159, № 291—292, табл. XX, 1. Вес 8,58 г. Диам. 29,5—32 мм. Сохр. плохая. Инв. К-64, № 480.
4. Пентануммий Маврикия Тиверия, чеканенный в г. Херсоне, типа Т., V, стр. 567, № 332 — Wg., I, стр. 159, № 291—292, табл. XX, 1. Вес 10,31 г. Диам. 30,5—34 мм. Сохр. плохая. Инв. К-64, № 490.
5. Пентануммий Маврикия Тиверия, чеканенный в г. Херсоне, типа Т., V, стр. 566, № 330—338, табл. 40, но оборотная сторона не совпадает с изображением на таблице. Вес 7,68 г. Диам. 24—26 мм. Сохр. плохая, Инв. К-64, № 487.
6. Медная византийская монета очень плохой сохранности, возможно Маврикий Тиверий (?). Вес 6,37 г. Диам. 23—27 мм. Инв. К-64, № 488.
7. Медная монета Фоки (602—610) в 40 нуммов, чеканенная в г. Антиохии в 603/4 или 605/6 г., типа Wg., I, стр. 175, № 102, табл. XXII, 2—Т., VI, табл. 44, № 143. Вес 14,3 г. Диам. 25—26 мм. Сохр. плохая. Инв. К-63, № 72.
8. Медная монета Ираклия и Ираклия Константина (610—641) типа Т., VI, стр. 670, № 226 и сл., табл. 48, № 228 — Wg., I, стр. 220, № 263, табл. XXVI, 1. Вес 5,12 г. Диам. 25—26 мм. Сохр. очень плохая. Инв. К-64, № 479.
9. Медная монета Тиверия III Алсимаара (698—705), чеканенная в г. Константинополе, 40 нуммов типа Т., VIII, стр. 886, № 53—55. Вес 5,53 г. Диам. 24 мм. Сохр. очень плохая. Инв. К-63, № 608.
10. Херсоно-византийская медная монета Василия I (867—886). типа Op., табл. IX, 18—19 — Wg., II, табл. LI, 6. Вес 0,54 г. Диам. 11—13 мм. Сохр. очень плохая. Инв. К-63, № 284.
11. Херсоно-византийская медная монета Константина VII и Романа II (945—959) типа Wg., II, стр. 467, № 77—78, табл. LIV, 3. Вес 2,4 г. Диам. 19 мм, Сохр. очень плохая. Инв. К-63, № 461.
12. Медная монета очень плохой сохранности с отверстием для привешивания, вероятно византийской чеканки. Вес 3,91 г. Диам. 25—27 мм. Инв. К-64, № 1476.

Приложение 2

Находки византийских монет в Крыму⁵

1. Керчь, 1876 г. На северном склоне горы Митридат в ограбленной катакомбе найдена серебряная монета Юстиниана II (первое правление, 685—695). Лит.: *Н. П. Кондаков*. Древнехристианская патера из Керченских катакомб. — Записки ООИД, XI, 1879, стр. 68.

⁵ Дополнение к работе: *В. В. Кротошкин*. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962. См. также: *В. В. Кротошкин*. Новые находки византийских монет на территории СССР. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 166—189.

2. Керчь. Медная монета Юстина I (518—527), чеканенная в г. Константинополе, 3-я мастерская. Определение И. В. Соколовой. Хр.: Керченский музей, № 9553. Не издана, сообщение И. В. Соколовой.

3. Керчь. На горе Митридат северо-западнее 1-го кресла найден пентануммий Маврикия с надчеканкой Ираклия, чеканенной в г. Херсоне (на оборотной стороне — буква «Н»). Определение И. В. Соколовой. Хр.: Керченский музей, № 2185. Не издана, сообщение И. В. Соколовой.

4. Керчь, 1960 г. В районе Боспорской загородной усадьбы найдена медная византийская монета Константа II (641—668), перечеканка на фолле Фоки константинопольского чекана. Диамет. 23—26 мм. Хр.: Керченский музей, № 9777. Сообщение И. В. Соколовой.

5. Керчь, 1959 г. На горе Митридат около дома № 31 по Верхне-Митридатской ул. найден византийский фолл Тиверия III Апсимара (698—705), чеканенный в г. Константинополе, 3-я мастерская. Диамет. 26 мм. Сохр. средняя. Хр.: Керченский музей, № 9598. Сообщение И. В. Соколовой.

6. Героевка, Приморский район, 1964 г. При раскопках А. В. Гадло на поселении салтово-маяцкого типа найдена пробитая медная монета Константа II (641—668), 20 нуммов типа Т., VII, стр. 775—776. Определение И. В. Соколовой. Хр.: ГЭ. Сообщение А. В. Гадло и И. В. Соколовой.

7. Коп-Такиль, 1928 г. При разведочных раскопках Ю. Ю. Марти на поселении салтово-маяцкого типа близ горы Опук, в Восточном Крыму в жилище найдены три бронзовые анонимные монеты времени Иоанна Цимисхия. Хр.: Керченский музей. Лит.: Ю. Ю. Марти. Городища Боспорского царства к югу от Керчи (Киммерик, Китей, Акра). — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. II (59). Симферополь, 1928, стр. 108.

8. Уютное, Судакский район, 1964 г. При сооружении пансионата Львовской ж. д. близ башни Астагвера в бронзовом сосуде найден клад золотых сцифатных византийских монет и обломок ручки золотого сосуда с растительным орнаментом: Михаил VIII (1261—1282) — 1 экз., Андроник II (1282—1295) — 2 экз., Андроник II и Михаил IX (1295—1320) — 18 экз., всего 21 экз. Хр.: фонды Института археологии АН УССР. Лит.: В. В. Крпоткин. Новые находки византийских монет, стр. 177, № 67 (539).

9. Уютное, Судакский район, 1964 г. При раскопках М. А. Фронджуло близ Судакской крепости найден солид Константина VII и Романа II (948—959) типа Wг., II, стр. 465, № 60—61, табл. LIII, 12. Определение И. В. Соколовой. Не издана, сообщение И. В. Соколовой.

10. Алушта, 1966 г. На территории санатория Министерства обороны девочка нашла золотую византийскую монету Константина V (741—775) с изображением Льва III и Льва IV. Определение И. В. Соколовой. Хр.: ГЭ. Не издана, сообщение И. В. Соколовой.

11. Севастополь, 1965 г. В окрестностях города, на 5-ом км Балаклавского шоссе, на огороде, А. И. Шабиневиц нашел золотую византийскую монету конца VII в. Хр.: ГХМ. Сообщение А. Гилевич.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ, А. П. РУНИЧ

НАХОДКИ ИНДИКАЦИЙ ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ ВБЛИЗИ КИСЛОВОДСКА

Начиная с 1958 г., благодаря возросшей активности в археологических исследованиях Кисловодского краеведческого общества, в районе Кисловодска был сделан ряд очень важных и интересных открытий. Среди них следует особо отметить находки индикаций византийских монет, описание которых дается в хронологическом порядке.

Наиболее ранними из них являются две индикации, обнаруженные при расчистке катакомбы № 15 у речки Мокрая Балка, в 4 км к юго-западу от Кисловодска. Изготовлены они из тонкой серебряной фольги, слегка покрытой позолотой, на противоположных концах имеются два отверстия. Диаметр — 2,1 см, вес — 0,9—1,0 г.

На индикациях видно довольно четкое изображение императора впрямь: лицо обрамлено бородой клином, на голове — корона с крестом, одет в палудаментум, застегнутый у правого плеча фибулой, в правой руке, поднятой выше плеча, крест. Справа и слева от головы по ободку надпись (рис. 1, № 1):

DNFOCAS PERPAV

Судя по надписи и изображению, оригиналом для изготовления этих индикаций послужила лицевая сторона солида императора Фоки (602—610)¹.

Еще одиннадцать индикаций были найдены в январе 1965 г. краеведом А. Агачевым при зачистке ограбленного катакомбного захоронения на аланском могильнике VII—VIII вв., у бывшего подсобного хозяйства им. А. В. Луначарского, находящегося на юго-западной окраине Кисловодска². Выполнены они из тонкой золотой фольги 96%. Диаметр — 20,8 мм, вес — 0,9 г. На противоположных концах каждой из индикаций имеются по два отверстия; судя по тому, что они обнаружены у головы погребенного, индикации применялись, видимо, для украшения головного убора³.

Изображения на индикациях вышли очень четкими, так что видны даже отдельные буквы. Оригиналом для изготовления всех одиннадцати найденных здесь индикаций послужили лицевые стороны солидов (воз-

¹ И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. VI. СПб., 1914, стр. 582—583, табл. 42, № 3.

² Подробное описание этого захоронения и всего могильника см.: А. П. Рунич. Катакомбный могильник VII—VIII вв. около гор. Кисловодска. — СА, 1968, № 3, стр. 208—214.

³ Индикации пересланы председателем Кисловодского краеведческого общества Н. Н. Михайловым в Эрмитаж.

можно, одного экземпляра) императора Ираклия и его сына Ираклия Константина (613—641)⁴.

Слева — погрудное изображение императора Ираклия, справа — Ираклия Константина, между головами фигур помещен крест. Оба они в военных плащах, скрепленных у плеч фибулами с двумя подвесками, на головах короны с крестом (рис. 1, № 2).

По краю индикации идут частично сохранившиеся буквы от легенды, выполненной с сокращениями:

ddNNhERACLVS ET HERACONSTPPVC

Ряд индикаций обнаружен в августе—октябре 1966 г. при исследовании скального могильника у с. Джага, в 18 км к западу от Кисловодска, вверх по течению р. Подкумок⁵.

Джагинский скальный могильник, открытый в июле 1966 г. авторами этой статьи, находится между с. Джага и поселком Римгорка на левом берегу р. Подкумок, в нижних выходах песчаника Дарьинского хребта. Он состоит из искусственно вырубленных в отвесной скале камер, расположенных на высоте от двух до пятнадцати метров. Камеры в плане повторяют овальную форму катакомб. Вход в них обычно закладывался каменной кладкой без раствора. Размеры камер в длину колеблются от 1,6 до 2,2 м, в ширину от 0,7 до 1,08 м, в высоту от 0,7 до 0,95 м. Всего здесь вскрыто 56 камер, оказавшихся ограбленными: костяки, как правило, не сохранились, и лишь в двух камерах удалось проследить, что погребенные покоились на спине, головами на запад. В некоторых камерах наряду с индикациями был обнаружен разнообразный погребальный инвентарь, описание которого мы опускаем⁶.

Всего в погребальных камерах найдено пять индикаций византийских монет.

Камера № 48. Обнаруженная здесь индикация выполнена из тонкой серебряной фольги, покрытой с лицевой стороны позолотой, и одета на медный кружок или совершенно стертую медную монету. На противоположных концах ее имеются по два отверстия. Диаметр — 20,5 мм, вес — 0,5 г. Изображения вышли нечетко. Оригинал для изготовления индикации послужила лицевая сторона солида императора Ираклия в центре с сыновьями Ираклием Константином и Ираклеоном (632—641). Все они изображены в длинных плащах, доходящих до ступней, в коронах с крестами и с державами в правой руке. У Ираклия длинная борода и большие усы, оба его сына безбороды⁷ (рис. 1, № 3).

Камера № 40. Индикация (рис. 1, № 2) из того же металла с позолотой, аналогична найденной в камере № 48. Разница между ними состоит в том, что медная основа, на которую одевались индикации, в данном случае не сохранилась (рис. 1, № 4).

Камера № 42. У головы погребенного обнаружены две индикации, сделанные из очень тонкой золотой фольги. Одна из них сохранилась полностью, другая — наполовину. Диаметр целой индикации — 20,9 мм, вес — 0,07 г. Изображения очень плохие и расплывчатые. Все же удалось

⁴ Эти индикации были определены проф. М. Е. Массоном, которому мы приносим искреннюю благодарность; мы благодарны также проф. Е. А. Пахомову, память о котором мы глубоко чтим; остальные индикации определены Э. В. Ртвеладзе.

⁵ В раскопках могильника под руководством А. П. Рунич принимали участие краевед М. Гуськов, археологи Э. В. Ртвеладзе и Л. Л. Букинич, студент 3-го курса института Ташкентского гос. университета Г. Е. Афанасев.

⁶ См. отчет: А. П. Рунич. О полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1966 г. — Архив Института археологии АН СССР, Р-1.

⁷ И. И. Толстой. Указ. соч., стр. 702, № 372.

установить, что на них помещены два погрудных изображения впрямь. Лица даны крупным планом. Помещенное слева лицо имеет большие усы и бороду, справа — безбородое. Изображение справа — в полу-даментуме, застегнутом у плеча фибулой, в короне. Остальные детали не видны (рис. 1, № 5—6).

Судя по особенностям изображений, оригиналом для изготовления этих индикаций явилась лицевая сторона солида императора Константа II и Константина (659—668)⁸.

Камера № 26. Найденная здесь индикация изготовлена из золотой фольги 96%. Диаметр — 18,9 мм, вес — 0,49 г. Изображение очень четкое. Судя по нему, оригиналом для этой индикации послужила лицевая сторона солида византийского императора Константина IV Погоната (668—685). Погрудное изображение императора впрямь, в шлеме, повязанном диадемой из двух рядов жемчуга, развевающиеся концы диадемы видны с левой стороны. Император в панцире, в левой руке держит щит, в правой — копьё, лежащее на плече, наконечник которого виден справа из-за головы (рис. 1, № 7). Буквы легенды вышли очень плохо. По количеству получившихся вместо букв кружков можно предположить, что надпись состояла из семи или восьми букв, вероятно: DNC—A—NЧSP (или ЧSP).

Интересной особенностью найденной здесь индикации монеты Константина IV Погоната является то, что на ней он изображен безбородым. Следовательно, индикация сделана с солида Константина IV, чеканенного в 668—669 гг., когда Константин IV еще не имел прозвища Погонат⁹.

В сентябре 1967 г. археологи А. П. Рунич, Л. Г. Нечаева и группа местных краеведов производили исследование могильника № 2 на горе Кугуль, находящейся в 2—2,5 км к юго-востоку от Кисловодска, на правом берегу р. Кабардинка. Этот могильник состоит из прямоугольных и овальных в плане подземных склепов, выложенных из каменных плит в несколько рядов. При дочистке ранее ограбленного склепа-2 были найдены пять индикаций, разбросанных по всей площади склепа. Все они выполнены из тонкой серебряной фольги, с лицевой стороны покрытой позолотой. На каждой индикации на противоположных концах имеются два отверстия. Диаметр — 2 см, вес — 0,8—0,9 г. Сохранность индикаций неодинакова, изображения вышли не совсем четко, буквы надписи видны лишь на некоторых из них. Все же установлено, что на индикациях помещено погрудное изображение бородатого императора впрямь, в короне (крест не вышел), в кольчуге, в правой руке — копьё, левая закрыта верхушкой щита. Слева и справа от головы по ободку — остатки плохо вышедшей надписи (рис. 1, № 8—10):

D! ... BЕРI....

D[NTI]BЕРI[ЧSAV]

Таким образом, судя по изображению и надписи, оригиналом для изготовления этих индикаций послужила лицевая сторона солида императора Тиверия III Апсимара (698—705)¹⁰.

Индикации византийских монет довольно часто встречаются в ранне-средневековых могильниках Северного Кавказа, от Дагестана до Черного моря.

Наиболее близкими к Кисловодску местами находок индикаций являются Баксанское ущелье, где у с. Былым при раскопках склепов

⁸ Там же, вып. VII, стр. 777—781, № 285—315, табл. 56.

⁹ К. В. Голенко. Клад византийских монет VII в., найденный близ Анапы. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 162; И. И. Толстой. Указ. соч., вып. VII, стр. 798, № 4, табл. 57.

¹⁰ И. И. Толстой. Указ. соч., вып. VIII, стр. 875, табл. 62, № 4, 8, 9. Аналогичное определение сделано В. В. Кропоткиным, за что приносим ему искреннюю благодарность.

были найдены золотые индикации монет Юстиниана II Ринотмета и его сына Тиверия IV (705—711) и 12 золотых индикаций монет Льва III Исавра (717—741)¹¹, а также Чегемское ущелье, откуда известны находки индикаций монет Ираклия и Ираклия Константина, Константина IV Погоната. У селения Верхняя Теберда в Карачаево-Черкесской автономной области обнаружен солид Константина IV Погоната¹². Из Кисловодского района прежде подобных находок зафиксировано не было. Следовательно, найденные за последние годы у Кисловодска индикации византийских монет значительно расширяют их ареал и свидетельствуют о распространении среди племен, населявших этот район, византийских солидов.

К настоящему времени из указанного района происходит уже значительное количество вещей византийского происхождения. К таковым помимо описанных выше индикаций и монет относятся найденные в Хасутском скальном могильнике, находящемся в 35 км к юго-западу от Кисловодска, богатейшие шелковые ткани, изготовленные в константинопольских императорских мастерских¹³, стеклянные сосуды, бусы из перламутра, крест и амулет в виде рыбы, найденные в различных могильниках Кисловодского района. Все эти данные, по-видимому, намекают на наличие торговых сношений между Византией и племенами, населявшими этот район в раннее средневековье. По всей вероятности, эти связи осуществлялись через византийские колонии на Черном море, в частности через Севастополь — Цхуми, с которым район Кисловодска издревле связан удобным караванным путем¹⁴. Весьма вероятно, что в это же время из причерноморских колоний Византии, находившихся в Абхазии, сюда начала проникать христианская религия, на что указывает открытое в 1846 г. на Рим-Горе христианское надгробие с греческой надписью, упоминающей «рабов божьих Георгия и Иакова», датированная В. В. Латышевым VII—VIII вв.¹⁵

Значение находок византийских индикаций не исчерпывается только вышеприведенными соображениями. По их находкам в скальном могильнике довольно точно устанавливается нижняя граница бытования этого еще очень плохо изученного, но интереснейшего вида погребений, которую возможно определить сейчас серединой VII в. Интересно отметить, что ареал распространения скальных могильников укладывается в основном в зону византийского влияния на Северном Кавказе. Наибольшее их количество сконцентрировано в районах Карачаево-Черкесском и Кисловодска, в то же время они отсутствуют в Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестане.

Не менее важное значение имеют находки индикаций и для датировки других типов погребальных сооружений Кисловодского района (катакомбы и склепы), бытовавших здесь в VII—VIII вв., и особенно для выработки хронологической шкалы многочисленных образцов керамики из этих могильников, что в дальнейшем может послужить эталоном для датировки соответствующих памятников в других местах Северного Кавказа.

¹¹ В. А. Кузнецов. Аланские племена Сев. Кавказа. — МИА, № 106, 1962, стр. 77.

¹² В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. — «Археология СССР». Свод археологических источников. Серия Е4-4. М., 1962, стр. 23, 30.

¹³ А. А. Иерусалимская. О Северо-Кавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. — СА, 1967, № 2, стр. 69.

¹⁴ П. Г. Акритас. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа. — КВНИИ, т. XVI, 1959, стр. 202—205.

¹⁵ И. Помяловский. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881, стр. 6; В. В. Латышев. Кавказские памятники в Москве. — «Записки Русского археологического общества», н. с., т. II. СПб., 1887, стр. 44.

И. П. МЕДВЕДЕВ

ПОЗДНИЕ КОПИИ ВИЗАНТИЙСКИХ ДОКУМЕНТОВ
В СОБРАНИИ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

В Ленинграде, в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук СССР под шифром F № 3 (старый шифр $\frac{XX. A. a}{III}$) хранится греческая рукопись, содержащая десять византийских документов¹. Рукопись была подарена в 1858 г. Императорской Академии наук известным русским ученым-славистом В. И. Григоровичем, как об этом свидетельствует его собственноручная запись на форзаце: «Desem documenta byzantina Императорской Академии наук от Виктора Григоровича. 1858 год. 1 марта». На переплете также рукой В. И. Григоровича написано: «Греческие документы XIV и XV столетия. Копия». По всей вероятности, рукопись приобретена им во время путешествия по европейской Турции в г. Филиппополе (это название он карандашом пометил на л. 1)². Написанная курсивом, преимущественно одним писцом, на 26 листах размером 29, 6 × 20 см, рукопись происходит, несомненно, из одной канцелярии. Точного соответствия филиграммам (копюрок с короной, лев с поднятой лапой и задранным хвостом, орел двуглавый с короной, ромашка, контрамарки с изображениями лепестков и букв ЕВ и АС) найти не удалось. Аналогии указывают примерно на середину XVIII в. Эта датировка подтверждается тем, что в начале каждого документа на полях имеются пометы об отправке подлинников, с которых были сделаны настоящие копии, в Константинополь в середине XVIII в. Рукопись никогда не была объектом изучения и осталась неучтенной при изданиях документов, которые в ней содержатся.

На л. 3 рукописи имеется следующий (неполный) перечень документов:

Χρυσόβουλλα βασιλική· ἀπὸ πρωτοτύπων μεμβρίων ἀμέσως καὶ ἀπαραλλάκτως μεταγράφεντα· ὧν ὁ πίναξ οὗτος πέλει.

¹ Αὐθρονίκου τοῦ Παλαιολόγου ὁροθετήριον τῆς κατὰ τὸ ἅγιον ὄρος τοῦ "Αθω Μονῆς τοῦ Εὐροποτάμου· καὶ προσταγμάτων περὶ τῆς διακατοχῆς τοῦ Σικελοῦ, Πολίτου καὶ Βλυσίδῃ μονοδρίων.

Τοῦ αὐτοῦ ἐπικυρωτικὸν διαλαμβάνον ἅπαντα τὰ δικαιώματα τῆς κατὰ τὸ ἅγιον ὄρος τοῦ "Αθω Μονῆς τῆς μεγάλης Λαύρας.

Τοῦ αὐτοῦ βεβαιωτήριον τῶν προνομιῶν, ἐπισκοπῶν, καὶ προσόντων κτημάτων, καὶ ἰκαιοῶν τῆς Μητροπόλεως Μονεμβασίας.

¹ Краткие упоминания о ней см. также в работах: И. П. Медведев. О подделке византийских документов в XVI в. — «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. II. Л., 1969, стр. 283—285; Е. Э. Гранстрем, И. П. Медведев. Рукописные материалы по аграрной истории Византии в собраниях Ленинграда. — АЕ за 1968 год. М., 1970, стр. 340. Приносим глубокую благодарность Е. Э. Гранстрем, обратившей наше внимание на эту рукопись.

² В книге он упоминает о своем посещении Филиппополя, хотя ничего не говорит об этой рукописи. См.: В. И. Григорович. Очерк путешествия по европейской Турции. Газань, 1848, стр. 163—167.

Ἰωάννου τοῦ Καντακουζηνοῦ ἐπικυρωτικὸν τῶν αὐτῶν προνομίων, καὶ λοιπῶν δικαίων τῆς αὐτῆς Μητροπόλεως.

Ἰωάννου τοῦ Παλαιολόγου εὐεργετήριον τῶν ἐν τῇ νήσῳ Δήλῳ εὐεργεσιῶν τῆς κατὰ τὸ ἅγιον ὄρος τοῦ Ἀθῶ μονῆς τοῦ ἁγίου Παύλου.

В данной статье мы намерены раскрыть заключенные в этом рукописном блоке документы и выяснить их соотношение с подлинниками или с другими копиями, с которых были осуществлены издания, используя общепринятую для такого рода работы удобную форму регест.

№ 1 (л. 1). Простаγμα Андроника II Палеолога, август, инд. 8 (1295). — **Содержание:** по просьбе кафигумена монастыря Ксиропотаму Мелетия, сообщившего, что его монастырь в течение длительного времени владеет на основании письменного парадосиса покойного протоса Арсения и ранее пожалованных простагм двумя монидриями, тоῦ Σισικοῦ и тоῦ Πολίτου, в качестве метохов, император жалует настоящую простагму. Индикт. — **Подлинник** хранится в архиве монастыря Ксиропотаму. См.: Eudokimos Xeropotamēnos. Κατάλογος ἀναλυτικὸς τῶν χειρογράφων κωδίκων τῆς βιβλιοθήκης τῆς ... Μονῆς τοῦ Ξηροποτάμου. Θεσσαλονίκη, 1932, № 37. — **Издания:** F. Dölger. Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden. München, 1931, n. 47, S. 52—53; idem. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. München und Berlin, 4. Teil, 1960, n. 2176 (помечен как Ὁρισμός); J. Bompair. Actes de Xéropotamou. Paris, 1964, n. 13, p. 102—105 (основное, критическое издание). — **Литература** (помимо указанных изданий): S. Binon. Les origines légendaires et l'histoire de Xéropotamou et de Saint-Paul de l'Athos. Louvain, 1942, p. 114—115; V. Laurent. Xéropotamou et Saint-Paul. Histoire et légende à l'Athos. — «Revue historique du Sud-est européen», 22, 1945, p. 267—287. — **Хронология:** см. J. Bompair. Op. cit. В отличие от подлинника, снабженного минологием, наша рукопись имеет только индикт. — Inc.: Ἐπεὶ ὁ τιμιώτατος καθηγούμενος τῆς μονῆς τοῦ Ξηροποτάμου ἱερομόναχος χθρ Μελέτιος ...

№ 2 (л. 1 об.). Простаγμα Андроника II Палеолога, инд. 9 (1295). **Заглавие:** Ἐτερον ὁμοιον. + Πρόσταγμα περὶ τοῦ Βλουτζιδῆ. — **Содержание:** по просьбе кафигумена афонского монастыря Ксиропотаму иеромонаха Мелетия император подтверждает, что монирий Сисыку, известный под названием Влицца, является метохом его монастыря. Индикт. — **Подлинник** хранится в архиве монастыря Ксиропотаму. См.: Eudokimos Xeropotamēnos, № 35. — **Издания:** F. Dölger. Regesten, n. 2178 (помечен как Ὁρισμός); J. Bompair. Actes de Xéropotamou, N 14, p. 106—109. — **Литература** (помимо изданий): S. Binon. Op. cit., p. 114—115; V. Laurent. Op. cit. p. 277—278. — **Хронология:** см. J. Bompair. Op. cit. В отличие от подлинника, снабженного минологием, документ нашей рукописи содержит только индикт. — Inc.: Ἐπεὶ ὁ τιμιώτατος καθηγούμενος ...

№ 3 (лл. 5—9). Хрисовул Андроника III Палеолога Лавре св. Афанасия, январь, инд. 12, 6837 (1329). **Заглавие:** Ἀντίστοπον ἀπαράλλακτον το πρωτοτόπου ἐπικυρωτικὸς χρυσοβούλλου τοῦ αὐδίδμου βασιλέως Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου... — **Содержание:** подтверждаются многочисленные владения Лавры среди которых — деревня Пофолину, деревня Гостомпу (ср.: F. Dölger Regesten, n. 2735: Состомпу-Токсомпус—Доксомпус), метох св. Никола (Русалия) в Цихне, о. τῶν Νέων, о. св. Евстратия, Гимнопелагисий, метох Гомату на Лемносе с кастелион и ширгос, метох Кастелион Контеа, метох Какавиотисса, Панагия в Кастри, метох в Скиросе, метох Вулетирия, метох Амальфиу, метох Ликосхима в Айдарокастроне с крестами и мельницей, деревня Вернару с озером, метох Милопотамос, местность Краввату с кельями, метох Профурнион в Кареях, метох Ксирокастрон, владение Моноксилиту, метох Калика с хорафиями в Карее и Иериссосе и т. д. Дата. Подпись. В начале документа на поле помет ἐχορίσθη ἐν Κωνσταντινουπόλει κατὰ τὸ ἀφ᾽ ἑβ' ἔτος. — **Подлинник:** подложный хрисовул, хранящийся в архиве Лавры. — **Издания:** S. Eustratiades. Ἰστ

ρικά μνημεῖα τοῦ ᾽Αθῶ. — Ἑλληνικά, 2, 1929, 353—354 (частично); F. Dölger. Regesten, n. 2735. — **Литература** (помимо изданий): G. Rouillard—D. A. Zachythenos. Un faux chrysobulle d'Andronic III Paléologue. — Byz., 13, 1938, 1—8; J. Müller. Historische Denkmäler in den Klöstern des Athos. — «Slavische Bibliothek», 1, 1851, 158; C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, XXII, n. 127. — Inc.: Οἱ τὸ τοῖς φθαρτοῖς καὶ οὐδενὸς ἀξίους ...

№ 4 (лл. 11—14). Хрисовул Андроника II Палеолога Монеувасийской митрополии, май, инд. 15, 6810 (1302). **Заглавие:** Ἀντίγραφον ἀπαράλλακτον ἐκ τοῦ χρυσοβούλλου τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ αἰοδίδμου βασιλέως Ῥωμαίων, Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου. — **Содержание:** по просьбе митрополита Монеувасии подтверждаются права его митрополии на следующие владения: деревня Ганканеас с париками, ипостатиками и всеми правами, имение в деревне Номия с париками и ипостатиками, αὐτοὐργία в этой же деревне и в Терие, агридий Лира с париками, ипостатиками и αὐτοὐργία в Мантусах и в Сионе, деревня Епископия в Кампосе с париками, ипостатиками и участком леса, остаток которого принадлежит фиску; хорафии в Гелосе с 4 водяными мельницами и виноградниками, агридий Курнутос с париками, агридий Камарас с париками, ипостатиками, αὐτοὐργία, озером и доходом от βαλαυδίου, половина которого до этого принадлежала фиску; деревня Пезиамени с париками, ипостатиками и правами, деревня Филодеондрон с париками и ипостатиками, монастырь Иоанна Продрома Сарафон с париками и другими правами, виноградник в Фотах, доход в 25 иперперов от деревни Πολλὰ Ἑένια, дома в Монеувасии, ранее принадлежавшие Аресу; агридий Ришиай, земельное владение Лемоны, αὐτοὐργία в Сораксе, Кулендии, Кумарее, Вулкане, Месине, Додее, Нодисе, Лимне, Пиргосе и Палеокастроне. Митрополия получает право покупки приносимого париками Сарафона и Ганканеи сбора *πρινοκοκκίου*; но то, что эти парики собирают в императорском лесу, покупает фиск. Дата. Подпись. В начале документа на поле помета: ἐστάλη ἀπὸ Μονεμβασίας εἰς Κωνσταντινούπολιν κατὰ τὸ αἴτη! — Inc.: Ὁ μὲν δὴ μέγας τῆς ἀληθείας κήρυξ ... — **Примечание:** подлинник неизвестен, но известна копия хрисовула Андроника II Палеолога (Cod. Scorial. Σ—I—12), текст которого полностью совпадает с нашей копией, ю который датируется июнем 1301 г. — **Издания:** E. Miller. Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque de l'Escorial. Paris, 1848, p. 61; C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus, III, 617—621; PG, 161, col. 1056/60; J. Miklosich—J. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi, V, 161/5; I. Müller. Byzantinische Analekten. — «Sitzungsberichte Kais. Akad. Wien, Philos.-Hist. Kl.», 9, 1858, 349A; F. Dölger. Regesten, n. 2236. Известны еще два хрисовула Андроника II Палеолога в пользу Монеувасийской митрополии, датируемые июнем 1301 г., причем один из них является подлинным документом, а второй — подделкой XVI в. (см.: F. Dölger. Regesten, nn. 2237 и 2238. Там же указаны все издания и литература). Документ Cod. Scorial. Σ—I—12 и документ нашей рукописи не имеют, очевидно, к ним никакого отношения, но если принять во внимание, то в Византии не могли появиться два хрисовула одной даты и для одного дестинатора (см.: F. Dölger. Ein literarischer und diplomatischer älscher des 16. Jahrhundert: Metropolit Makarios von Monembasia. — n.: «Byzantinische Diplomantik», Ettal, 1956, S. 373, Anm. 7), то совершенно можно усомниться в датировке документа копии Cod. Scorial. Σ—I—12 предпочесть датировку документа нашей рукописи.

№ 5 (лл. 15—17). Хрисовул Андроника II Палеолога афонскому монастырю Ксиропотаму, август, инд. 13, 6810 (1302). — **Содержание:** подтверждается право монастыря на следующие владения: метох св. Димитрия близ Иериссоса с башней и другими постройками, с париками и проскафиянами; деревня Гомату с церковью апостола и виноградниками; метох деревне Кослас с париками; метох Лонгос с двумя пришедшими в упадок

деревнями тоб Κοζκινᾶ и тоб Σάρτη с различными постройками, башней, церковью Богородицы, с париками и проскафименами; метох в Ермилие с башней, церковью, домами и тремя деревнями: св. Димитрия, Ватопеди и Фелонии; метох в Серрах с церковью, источником и тремя мастерскими; дома в Фессалонике, пожертвованные монастырю покойным племянником императора, деспотом Иоанном Комнином Палеологом; две церкви — Богородицы и св. Георгия, купленные у покойного Музалона; метох в Сидерокавсии с 30 мастерскими, 2 *καθίσματα* и 2 ставропигиальными церквями — Богородицы и св. Николая и т. д. Дата. Подпись. — **Подлинник:** подложный хрисовул, хранившийся в архиве монастыря Ксиропотаму (см. Eudokimos Xeropotamēnos, № 6) и ныне утерянный. — **Издания** (отметим только новейшие): S. Binon. Xeropotamou, p. 236—244 (по оригиналу); P. Lemerle. Actes de Kutlumus. Paris, 1946, 241—242 (по копии); F. Dölger. Regesten, n. 2245; J. Bompaire. Actes de Xeropotamou, p. 230—235. — Inc.: Τὸν ὅσα τῇ τοῦ χρεῖττονος περιδι...

№ 6 (лл. 18—19 об.). Диатаксис (духовное завещание) великого примикерия Иоанна монастырю Пантократора, август, инд. 7, 1384. — **Содержание:** не довольствуясь тем, что в течение всей своей жизни он отдавал силы и состояние своему детищу, великий примикерий, и умирая, желает внести свой вклад в его процветание, завещая ему крупные владения на о. Фасос, близ Лименаса или Мармаролименаса. Он дает полную свободу своим «детям» (ср. выражение следующего документа: οἱ ἄνθρωποι αὐτοῦ, οὗς παῖδια καλεῖ), а также их детям, внукам и всем последующим поколениям как от [притязаний] его родственников, так и от [притязаний] данного монастыря. Правда, предоставляя им возможность поступать по своему усмотрению, он хотел бы видеть их посвятившими себя, как и он сам, службе Христу, приняв покровительство монастыря. Специальной клаузулы удостоены Палеологопулос и Дука, которым дается право получать в главном монастыре или в одном из его метохов, по их выбору, пожизненную пенсию (*ἀδελφάτον*). Не будучи монахами, они будут содержаться, как настоящие монахи, на средства монастыря. Минологий. — **Издание:** L. Petit. Actes du Pantocrator. — BV, X, 1903. Приложение VI, стр. 10—15. — Inc.: 'Ο μὲν παρὼν καιρὸς ἐργασίας ἐστίν ...

№ 7 (лл. 20—21). Сигиллий патриарха Нила, май, инд. 9, 6894 (1386). — **Содержание:** патриарх подтверждает дарения, сделанные по завещанию великого примикерия Иоанном монастырю Пантократора. Сигиллий излагает в сокращенном виде все главные части завещания великого примикерия, добавляя, что «его люди, которых он называет детьми», должны ежегодно платить каждый 2 дуката за каждый *τὸ στρέμμα* винограда. — **Издание:** L. Petit. Actes du Pantocrator, VII, 16—19. — Inc. — 'Ο περὶ πόδης γαρβρὸς τοῦ κρατίστου καὶ ἁγίου μου αὐτοκράτορος...

№ 8 (лл. 22—23 об.). Хрисовул Мануила II Палеолога монастырю Пантократора, январь, 6904 (1396). — **Содержание:** монахи монастыря сообщили, что они утеряли хрисовул отца Мануила, жаловавшего им деревню Ано Хорион на Лемносе, и просили другой, который бы к этому еще жаловал им загон для скота Факос. Император уполномочил апографевс Фоку Севастопулоса, Алексея Ягунеса и Георгия Теологитеса тщательно определить размеры этих владений и на основании составленных практиков пожаловал монахам данный хрисовул. Дата. Подпись. — **Подлинник** и две копии с подлинника хранятся в архиве Пантократора. — **Издания:** M. I. Gedeon. Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, 19, 1899, 156/158; L. Petit. Actes du Pantocrator, X, 31—35; F. Dölger. Regesten, n. 3259. — **Литература:** J. Müller. Historische Denkmäler in der Klöstern des Athos. — «Slavisch Bibliothek», 1, 1851, 168; C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus, III, XX, n. 189; G. Smyrnakes. Τὸ Ἅγιον Ὄρος. Ἀθήναι, 1903, 503. — Inc.: Ἐγὼ οἱ ἐν τῇ κατὰ τὸ ἅγιον Ὄρος τὸν Ἀθῶ διακειμένη ... μονῇ τοῦ Παντοκράτορος ἀσκούμενοι μοναχοί ...

№ 9 (πλ. 24—25 об.). Неизданный хрисовул логос Иоанна VI Кантакузина Монеμβасийской митрополии. Текст: Ἰσον ἀπαράλλακτον τοῦ ἀντιγράφου χρυσοβούλλου παρὰ ἐκβληθέντος ἐκ τοῦ πρωτοτύπου ἐπικυρωτικοῦ χρυσοβούλλου τοῦ αὐοιδίμου βασιλέως Ἰωάννου τοῦ Καντακουζηνοῦ περὶ τῶν προνομίων τῆς κατὰ Πελοπόννησον ἀγιωτάτης Μ(ητρο)πόλεως | Μονεμβασίας, καὶ τῶν ὑποκειμένων ἐπισκοπῶν, καὶ τῶν προσόντων | κτημάτων, καὶ δικαίων.

† Πολλά δὲ καὶ ἐπαίνων ἀξία ὡς φαίνεται παρὰ τῶν πρὸ ἐμοῦ βεβασιλευκότων, | τῇ τῆς κατὰ Πελοπόννησον Μονεμβασίας ἀγιωτάτῃ Μητροπόλει ἐνῆργηται | τε καὶ κεχορηγῆται· τοῦτο μὲν ὅσα εἰς ὑψηλοτέραν φέρει κατάστασιν, καὶ | βαθμὸν ὑπερκείμενον δηλονότι, καὶ ἀξίωμα περιφανές· τοῦτο δὲ ὅσα | εἰς εὐποιῖαν καὶ εὐεργεσίαν τῶν προσόντων αὐτῇ κτημάτων τε καὶ πραγμάτων· οὕτω τοῖνυν αὕτη ὡς εἴρηται, καινισθεῖσα, ἀναβιβασθεῖσα, καὶ φιλοτιμηθεῖσα ὑπὸ τῶν πάλαι αὐοιδίμων βασιλέων, διὰ τε τὴν τῆς πόλεως ἐρμυνότητα, διὰ τε τὴν τῶν οἰκητόρων πρὸς τὴν βασιλείαν· τουτέστιν ἄτρεπτον, | καὶ ἄσειστον, καὶ διὰ τὸ διαγωγῆς καὶ τοῦ βίου ἐνθεον τῶν τότε ἀρχιερατικῶς | προϊσταμένων ἤδη πλεονεκτήματα τοῦ νῦν | ἱερωτάτου Μητροπολίτου καὶ τὴν βασιλείαν | μου φιλοδορίαν τινα ἢ τάληθες εἰπεῖν ἀφιέρωσιν πρὸς αὐτὴν | τὴν Μ(ητ)ρόπολιν ἐνδείξας· καὶ γὰρ τὸ Κάστρον τὸ ὀνομαζόμενον τῶν ἀρχαγγέλων | τοῖς χοιρολάχοις | χρυσοβούλλον περὶ τοῦ εὐροβου ἐπικυροῦν, καὶ ἐπιβεβαιοῦν τὰ ἀρχαῖα, καὶ νέα χρυσοβούλλα τῶν αὐοιδίμων βασιλέων, | πρὸς ἀποτροπὴν καὶ ἀποσόβησιν τῶν ἄλλων ἀπάντων | νῦν τοῦ ἱερωτάτου Μ(ητ)ροπολίτου Λακεδαιμονίας τόν | αὐτῇ κτημάτων καὶ πραγμάτων ἐν τῇ τῶν ὀρίων δελονότι, τῆς ἐπαρχίας | αὐτῆς κώμην τινὰ, καλούμενην τῶν Στενῶν· καὶ ἐτέραν ὀνομαζομένην | καὶ ἐτέραν ὀνομαζομένην τοῦ Ἀρσακᾶ | ἄλλην χώραν | ἀφαιρεῖσθ. | Ὅθεν κατὰ τὴν δέησιν αὐτοῦ ἡ βασιλεία μου ἐπιχορηγεῖ, καὶ ἐπιβραβεύει τοῦδε τοῦ χρυσοβούλλου λόγου προστάττει, καὶ διορίζεται, ὡς (π. 24 об.) τὸ καὶ ὁλοκλήρως τὴν ἀγιωτάτην | Μ(ητ)ρόπολιν Μονεμβασίας κατέχειν καὶ νέμεσθαι εἰς τὸν αἰῶνα τὸν ἅπαντα, μετὰ | πάντων | κατὰ τὴν περίληψιν καὶ ἰσχὺν | τοῦ χρυσοβούλλου λόγου τῆς βασιλείας μου, καὶ τὴν ἐξ αὐτοῦ πᾶσαν, καὶ παν | τοῖαν λογοφέρεσθαι εἰς φ. | καὶ προδύοδον ἐκ τῶν παροίκων | φιλάττων ὦν κατὰ καιρὸν | ἀρχιερατικῶς προϊσταμένον | διηγεκῶς, καὶ ἀνελλειπῶς ὑπὲρ τῆς βασιλείας μου, καὶ ὑπὲρ τῶν ταύτης | αὐῶν, καὶ μακαρίων προγόνων αὐτῆς, ἀνεκαίνισεν αὐτὴν πρὸ τοῖς ἄλλοις τοῖς κατὰ Πελοπόννησον | ὡσαύτως καὶ τὸ στέργον ἔχειν καὶ τὸ ἐπιτρον εἰς τοὺς ἐξῆς καὶ διηγεκεῖς | χρόνους, κατὰ τὰ χρυσοβούλλα τοῦ αὐοιδίμου βασιλέως τοῦ Ματθαίου (sic!), καὶ | τῶν λοιπῶν ἀειμνήστων αὐτοκρατόρων καὶ βασιλέων, ὠνσταντίνου | τοῦ Παυωνάτου, κυρίου Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ, καὶ τοῦ μακαρίου καὶ | διμου κυρίου Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου. καὶ κατέχειν εἰς τὸ ἐξῆς | τὴν διαρρηθείσαν Μ(ητ)ρόπολιν, κατὰ τὴν περίληψιν· καὶ δύναιμι τῶν | εἰρημένων χρυσοβούλλων, ἀναφαιρέτως, καὶ ἀναποσπάσως, πάν|τα τὰ προσόντα αὐτῇ, ὅσα δὴ προκατεῖχε ἡματὰ δε, καὶ δίκαια, | ἐξαιρέτως καὶ τὰς εἰρημένας κώμας τῶν Στενῶν δηλονότι, | τοῦ Ἀρσακᾶ. | οὕτως καὶ πάντα τὰ ἐπιθαλάττια χωρία καὶ πολίσματα, ὡς περιφέρει | τουτέστι διορίζει, καὶ περικυκλοῖ τὰ χρυσοβούλλα τῶν ἀειμνήστων βασιλέων· | οἷως καὶ ὁ ταύτης ἀρχιερατικῶς κατὰ καιροὺς προϊστάμενος, κατὰ τὰ | εἰρημένα χρυσοβούλλα μόνος καλεῖσθαι, καὶ εἶναι ἑξαρχος πάσης Πελοποννήσου, καὶ τὸν τόπον ὦν τοῦ Ἱεροσολύμων, καὶ τοῖς ἄλλοις χωρίσμα|σι καὶ δωρήμασι, καὶ πόσας ἔτι ἐπιπάς κατέχειν ὅσας μέχρι | παρ' αὐτῆς τῆς ἀγιωτάτης Μ(ητ)ροπόλεως εἰσι τεχόμεναι· | ἡγουν ἡ τῆς Κυθουρίας, ἡ τοῦ Ἑλούς, ἡ τῆς Μαΐνης, ἡ τοῦ Ῥέον, ἡ τῆς | Ζευμενάς, ἡ τῆς Κορώνης, ἡ τῆς Μεθώνης, ἡ τῆς Ἀνδρούσης. αὐταῖ | πάλαι * αἱ εἰρημέναι ἐπισκοπαὶ ἐντός εἰσι τῆς εἰρημένης περι|γραφικῆς περιόδου, | εἰς τῶν ἐπισκοπῶν Κυθουρίας, καὶ Ζευμενάς. (π. 25) ἦν τινα περίοδον κατὰ τὰ | και γερονότα χρυσοβούλλα τῶν αὐοιδίμων, καὶ ἀειμνή|στων βασιλέων καὶ ἡ βασιλεία | προστάττει, κελεύει, καὶ διορίζεται ἀκίνητον, | καὶ ἀμετάτρεπτον εἶναι | χρόνον· ἡτίς ἐστιν αὕτη, μετὰ τὴν | ἀρχαίαν Ἐπίδωρον, τὴν καλούμενην Λωμη-

* В тексте: п̄λαι.

ράν, ἐπέρχεται πρῶτον ἐπάνω τῷ ὄντι ἐξώρακα · ἔπειτα εἰς πόλιν ὀνόματι Κυπαρίσσια
 παρὰ τὴν θάλατταν · | εἶτα εἰς ναὸν τοῦ ἁγίου Λεωνίδου, καὶ διέρχεται εἰς τὸ καλού-
 μενον Ἄστρος, καὶ ἐπανέρχεται εἰς χωρίον λεγόμενον Καστάνιτζαν· μετὰ καὶ ταύτην
 πάλιν εἰς ἑτέραν λεγόμενον Τζίντζινα· μεθ' ὃ εἰς ναὸν τῶν ἁγίων Ἀναργυρῶν, καὶ
 εἰς τὴν Ἄλωνα, καὶ | εἰς τὸ Ξηρόν Φρέαρ· εἶθ' οὕτως εἰς τὴν χώραν τοῦ Λυκοβου-
 νοῦ, καὶ καταβαίνει εἰς τὸν | Ποταμὸν τοῦ Ἰρεως, καὶ διέρχεται τοῦ πεδίου εἰς κώμην
 τοῦ Ἀρσακᾶ οὖσαν ἐγγὺς τῆς | σεβασμίας μονῆς τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου, τῆς εἰς
 ὄνομα τιμωμένης τῆς Ἐλεούσης· | ἀπὸ καὶ τῆς αὐτῆς πάλιν διαβαίνει εἰς τὰ Στενά, καὶ
 πρὸς τοὺς πρόποδας τοῦ ὄρους | Ταῦγέτου · κἀκεῖθεν διέρχεται εἰς εὐκτήριον τοῦ Προ-
 φήτου Ἡλιοῦ, ὃ ἦν ἐν τῇ | κορυφῇ τοῦ εἰρημένου ὄρους, καὶ ἐκ τούτου διέρχεται πά-
 σας τὰς τῶν ὁρέων ἀκρωρείας, κατὰ δεξιὰν εἰς ἕτερον εὐκτήριον τοῦ αὐτοῦ Προφήτου
 Ἡλιοῦ · μεθ' ὃ | περ ἔρχεται εἰς τὸ μέρος τοῦ καταβαίνοντος εἰς πόλιν ἀρχαίαν
 καλουμένην Δυρράχιον · εἶτα εἰς τὸ τῶν λαγῶν ὄρος, καὶ εἰς τὴν τῆς Γραιὸς σωρὸν ·
 καὶ διὰ | τῆς ὁδοῦ ἀπέρχεται εἰς τοὺς χοιρολάκκους, ἐν οἷς ἦν καὶ ναὸς τῆς ὑπερα-
 γίας | θεοτόκου ἐπικεκλημένης τῶν ἔπειτα εἰσέρχεται εἰς τὴν Βουλκάνην
 Μονήν, εἰς τὴν Κουλενδιάν · εἶτα εἰς ναὸν πάλιν τῆς θεοτόκου ὀνομαζόμενον τῶν
 Κουμαρίων, καὶ διαβαίνει εἰς τὸ Κουροβούνιον, καὶ εἰς τὸ ὀριοβούνιον· | μεθ' ὃ κατέρ-
 χεται εἰς τὰς ἀκτὰς τῆς θαλάττης τῶν Ἀβαρινῶν · ὅθεν καὶ εἰς | μνήμην ὑπάρχει ·
 αὐτὴ ἐστὶν ὡς ἐν τύπῳ περιγραφικῇ ἐπαρχία | τῆς ἀγιωτάτης Μητροπόλεως Μονεμ-
 βασίας, ἀνευ τῶν δύο ἐπισκοπῶν, | ὡς ἀνωθεν δεδήλωται, τῆς Κυθουρίας, καὶ τῆς
 Ζεμενᾶς · καὶ διὰ τοῦτο τῇ | ἐμφανείᾳ τοῦ παρόντος χρυσοβούλλου λόγου τῆς βασιλείας
 τὸ εἰρη|μένον Κάστρον τῶν Ἀρχαγγέλων, ἀναφαίρετον καὶ ἀδιαλώβητον ἄει | διατηρη-
 θήσεται · καὶ αἱ διαληφθεῖσαι αὐταὶ ἐπισκοπαί, αἵ περ εἰσιν | ἡ τῆς Κυθουρίας, ἡ τοῦ
 Ἑλούς, ἡ τῆς Μαΐνης, ἡ τοῦ Ῥέοντος, ἡ τῆς Ζεμενᾶς, | ἡ τῆς Κορώνης, ἡ τῆς
 Μεθώνης, καὶ ἡ τῆς Ἀνδρούσης, διασεισμοῦ ἀπὸ πηλαγῆς, (π. 25 ὀβ.) καὶ παν-
 τοίας ἐπιρρείας καὶ ἐπιδέσεως· καὶ πάντα τὰ κτήματα καὶ | αὐτὰ ἐπικεκ-
 τημένη μέχρι τοῦ νῦν, ἀνενόχλητα καὶ ἀνεπηρέαστα μένουσι τῶν ἀπάντων
 τοῦ λοιποῦ γ' νῦν | ὁ ἱερώτατος Μητροπολίτης Λακεδαιμονίας, ἡ ὁ κατὰ καιροὺς
 μετὰ ταυτ. . | ἀρχιερατικῶς ταύτης κινήσαι, ἡ ὅποιανδήποτε | λύμην
 ἡ μετατριβὴν ἐπὶ πᾶν ὅτι οὖν ὁ μὲν οὖν ταύτῃ ἐπαγαγὼν μετὰ | κολάσεως καὶ παι-
 δεύσεως ἀποσοβήσεται, καὶ ἀποπεμφθήσεται |
 τῆς βασιλείας μου | κελεύει καὶ ἐπιτάττεται, ἀπολυθεὶς κατὰ μὴν
 ὀκτώβριον | τῆς ἐνισταμένης ἐνάτης ἰνδικτιῶνος τοῦ ἑξακισχιλιοστοῦ | ὀκτακισιοστοῦ .
 ἐν ᾧ καὶ τὸ ἡμέτερον | εὐσεβὲς καὶ θεοπρόβλητον ὅπε
 σημήνατο κράτος.

† Ἰωάννης ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων ὁ Κα-
 τακουζηνός.

Краткое содержание хрисовула: по примеру царствовавших прежде императоров Матфея (sic!), Константина Погоната, Алексея Комнина Андроника Палеолога, возвысивших митрополию Монеμβасии в ее положении, ранге и чести и облагодетельствовавших ее разнообразным владениями и имуществами из-за неприступности города и преданность населения империи и по просьбе митрополита Монеμβасии, находящегося в споре с митрополитом Лакедемонии по поводу границ епархии и некоторые владений, император издает настоящий хрисовул логос и предписывает митрополии Монеμβасии владеть вечно и неотчуждаемо всеми принадлежащими ей имуществами и правами, в частности деревнями Стены и Арсак а также всеми приморскими селами и городками, что определены и перечислены в хрисовулах названных императоров; в равной степени митрополи Монеμβасии одному называться и быть экзархом всего Пелопоннеса, : нимать место митрополита Иерусалима и иметь в подчинении следующие епископства: Кифурию, Гелос, Майну, Реонт, Земену, Корон, Модон, Аг русу. Границы епархии: древний Эпидавр, называемый Лимеросом — вы Эксоракса — город Кипариссия на побережье — церковь св. Леониды Астрос — деревня Кастаница — деревня Цинцина — церковь св. Анар ров — Алона — Ксирон Фреар — Ликовунос — река тоῦ Ἰρεως — река тоῦ Ἀρσακᾶ, находящаяся близ монастыря пресвятой Богороди

известного под названием Элеусы, — деревня Стэны — отроги Тайгета — церквушка пророка Ильи — через вершины гор к другой церквушке того же пророка Ильи — древний Диррахий — гора τῶν Λαγῶν (т. е. Заячья) — курган Граос — по дороге к χοιρολάκῃς, где находится церковь пресвятой Богородицы, — монастырь Вулкана — Кулендия — церковь св. Богородицы под названием τῶν Κοιμηρίων — Куровуний — Ориовуний — взморье τῶν Ἀβαρίνων. Дата: октябрь, IX индикт, 68. Подпись.

В начале документа помета: ἐστὶν ἀπὸ Μονεμβασίας εἰς Κωνσταντινούπολιν, καὶ ἐξ ἐκείνου ἀντεγράφη κατὰ τὸ αὐτὸ ἔτος, т. е. копия была сделана в 1750 г. — **Хронология:** несмотря на лауну, год представляется возможным установить благодаря наличию индикта — девятый индикт приходится на 1341 год³. Годами царствования Иоанна Кантакузина принято считать 1347—1354, т. е. от коронования его в константинопольской св. Софии до отречения от престола. Однако первое коронование Кантакузина в качестве императора состоялось 26 октября 1341 г. в Дидимотике⁴. Следовательно, формально было возможно издание хрисовула в оставшиеся дни месяца. — **Подлинность:** до сих пор в науке ничего не было известно ни о подлиннике этого хрисовула, ни о его копиях. Единственным сообщением об этом документе, на основании которого Ф. Дельгер под вопросительным знаком поместил его в свои «Регесты»⁵, было упоминание о нем в постановлении константинопольского синода от июля 1570 г.⁶ Из него мы узнаем, что в этом году митрополит Монеμβасии Макарий Мелиссенос, «будучи в немалом споре и пререкании с митрополитом Христиануполиса Софронием по поводу некоторых епископств, относящихся к святейшей митрополии Монеμβасии», представил в синод целую серию документов, среди которых помимо хрисовула Иоанна Кантакузина упоминаются хрисовулы Андроника II Палеолога (1282—1328), Мануила II Палеолога (1391—1425) и Иоанна VIII Палеолога (1425—1448). Из них были известны только два хрисовула Андроника II Палеолога от июня 1301 г.: один (№ 20 Византийского музея в Афинах) — действительный хрисовул Андроника II, другой (Cod. gr. 1462 Афинской национальной библиотеки), с которого и были осуществлены все прежние издания, оказался подложным, а автором подлога, как показали исследования, был не кто иной, как Макарий Мелиссенос⁷. Сличение подлинника и подделки наглядно показало метод работы этого известного пластографа. В текст подлинного документа, взятого за основу при изготовлении подложного, были внесены заведомо ложные сведения: митрополит получал в качестве знаков отличия σάκκος и δι᾿ ἱερέων; подчиненные ему епископы должны были называть его πατριώτατος; он подписывал свои документы только минологием, т. е. индиктом и месяцем, вместо полной подписи; к уже подчиненным ему епископствам-суффраганам к нему отходила Андруса (именно она навела исследователей на след поддельвателя, но об этом ниже), наконец, точно описывались границы его епархии. Если принять во внимание, что саккос, т. е. верхняя архиерейская одежда, являлся принадлежностью высших иерархов, в отличие от архиепископов и епископов (со времен Вальса-

³ V. Grumel. La Chronologie. Paris, 1958, p. 262.

⁴ F. Dölger. Johannes VI. Kantakuzenos als dynastischer Legitimist. — «Annales de l'Institut Kondakov», X, 1938, S. 20; G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. Sonderausgabe. München, 1965, S. 442; D. M. Nicol. The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenos) ca. 1100—1460. A Genealogical and Prosopographical Study. Glückstadt, 1968, p. 47.

⁵ F. Dölger. Regesten, n. 3029.

⁶ F. Miklosich — J. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi, vol. V. Vindobonae, 1887, p. 175—177.

⁷ S. Binon. L'histoire et la légende de deux chrysobulles d'Andronic II Paléologue en faveur de Monembasie. Macaire ou Phrantzès? — «Échos d'Orient», XXXVII, 1938, p. 306—307; F. Dölger. Regesten, nn. 2237, 2238; idem. Ein literarischer und diplomatischer Fälscher des 16. Jahrhunderts: Metropolit Makarios von Monembasia. — In: «Byzantinische Diplomatie». Ettal, 1956, S. 371—383.

мона — принадлежностью одного патриарха), а дивампулон, т. е. двойная лампада, выносившаяся при выходах на литургии, сохранялся только за императорской семьей, константинопольским патриархом и некоторыми автокефальными епископами, то пожалование столь высоких привилегий митрополиту Монеувасии становится в высшей степени недостоверным⁸.

В хрисовуле Иоанна Кантакузина нашей рукописи (по крайней мере, в той его части, которая была скопирована) нет перечисления невероятно высоких привилегий митрополиту Монеувасии, которые являются творчеством Макария Мелиссеноса, в частности права одеваться в саккос и выносить на литургии дивампулон. То, что заставляет признать в данном хрисовуле подложный документ, — это подробное описание границ епархии митрополита Монеувасии и особенно упоминание среди подчиненных ему епископств-суффраганов Андруса. Как стало известно из письма митрополита Охридского Гавриила от 15 февраля 1588 г. Макарию Мелиссеносу, предметом спора последнего с митрополитом Христиануполиса, который был разрешен вышеупомянутым постановлением синода от 1570 г., было именно это епископство Андруса⁹. Это подтверждается эктесисом от второй половины XV в., где в 15 из 17 использованных Гельцером списков епископство Андруса не упоминается среди суффраганов митрополии Монеувасии. Два же других списка, в которых значится Андруса, относятся ко времени после Макария Мелиссеноса (один, Cod. Athen. 1382 — к 1654 г.; второй, Chalki 80 отнесен, правда, к XV в., но Ф. Дэльгер правильно отметил, что это опечатка, так как сам Гельцер характеризует Cod. Athen. 1437 от XVI в. как более ранний список, см. F. Dölger. Ein literarischer und diplomatischer Fälscher, S. 380, Anm. 35). Следовательно, Андруса стала суффраганом Монеувасии только в XVI в. благодаря тому, что Макарий Мелиссенос сфабриковал или заставил сфабриковать целую группу подложных документов, которые он и представил в качестве доказательств синоду.

№ 10 (лл. 26—26 об.). Хрисовул Иоанна VIII Палеолога афонскому монастырю св. Павла, сентябрь, 1436. — **Содержание:** по просьбе монахов монастыря передаются на о. Лемнос из императорских владений 4 зевгаря земли в деревне Вунеады, а также загоны для овец (μάρδραι), в частности загон св. Феодоров близ Факоса, загон Родакинея и земля парика Родампелоса. Монастырь получает свободу от пастбищного (ἐνδομίου) для 500 овец. — **Подлинник:** раньше хранился в архиве монастыря св. Павла; в 1902 г. сгорел; в Афинской национальной библиотеке хранится копия XVIII в. — **Издания:** C. E. Zachariae von Lingenthal. Einige ungedruckte Chrysobullen. — «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg», VIIe serie, 41, n. 4 (1893), p. 19—20; F. Dölger. Regesten, n. 3455. — **Литература:** J. Müller. Historische Denkmäler in den Klöstern des Athos, S. 173; C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus, III, XXVI, n. 209; S. Binon. Xéropotamou, p. 294 sq. — Inc.: Αἱ κατὰ τὸ ἄγιον Ὅρος τὸν Ἄθω σεβ. μοναί...

В заключение хотелось бы высказать несколько общих соображений о характере рукописи и копий, содержащихся в ней. От византийского времени до нас дошло значительное количество рукописных сборников документов, так называемых *κοντάκια* или *Diplomataria* (этот термин Дэльгер и Караяннопулос предпочитают терминам *cartularium* и *Kopialbuch*, широко распространенным в специальной литературе¹⁰). Но они

⁸ Ср.: F. Dölger. Ein literarischer und diplomatischer Fälscher, S. 374. По терминологии Зантифаллера, такая подделка, когда подделано содержание при сохранении подлинной формы, называется «материальной», в отличие от «формальной», когда подделана форма при сохранении подлинного содержания. См.: L. Santifaller. Urkundenforschung. Methoden, Ziele, Ergebnisse. Köln—Graz, 1968, S. 42.

⁹ S. Binon. L'histoire et la légende, p. 292, note 7.

¹⁰ F. Dölger—J. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre. I. Die Kaiserurkunden. München, 1968, S. 26.

принципиально отличаются от нашего сборника, представляя собою особые книги, в которые владельцы документов списывали их в хронологическом порядке с целью сохранить содержание подлинников.

~ Как правило, документы, собранные в такого рода книгах, не только принадлежали одному владельцу, но и относились к одному делу ¹¹. В нашу же книгу были списаны десять документов, некогда принадлежавшие пятерым владельцам: три — монастырю Ксиропотаму, один — Лавре св. Афанасия, два — Монеувасийской митрополии, три — монастырю Пантократора и один — монастырю св. Павла. Разумеется, первоначально оригиналы хранились в архивах этих монастырей. Затем в середине XVIII в., как об этом свидетельствуют вышеприведенные пометы, эти оригиналы «были отосланы» из мест хранения в Константинополь и там списаны в настоящую книгу. Спрашивается: кем и с какими целями? Думается, что, вероятнее всего, это могло быть осуществлено в патриаршей канцелярии: подлинники документов могли быть затребованы с инспекторскими целями. Но не исключена возможность и собственной инициативы самих владельцев документов, выславших их синоду для подтверждения. После снятия копий подлинники были, очевидно, вновь отправлены их владельцам, поскольку те из них, которые сохранились и не были утеряны, находятся и по сей день в архивах владельцев. Следует заметить, что экспертиза подлинности документов была в средние века весьма несовершенной, поэтому нет ничего удивительного, что писец был в полной уверенности, что списывает подлинные документы, тогда как среди них имелись и поддельные. Нет сомнения, что и синод, если именно ему были присланы документы, был также уверен в их подлинности. Таким образом, наша рукопись является весьма любопытным экземпляром дипломатария, сохранившим нам к тому же текст такого интересного документа, как псевдокантакузиновский хрисовул.

¹¹ Ibid., S. 26, 133.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

З. В. УДАЛЬЦОВА. СОВЕТСКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ ЗА 50 ЛЕТ.

М., «Наука», 1969, 362 стр.

Византиноведение в Советском Союзе за какие-нибудь полстолетия прошло сложный и противоречивый путь развития, отмеченный огромными успехами. Наследник и продолжатель лучших традиций и достижений старой русской византиноведческой школы, советское византиноведение было создано на базе исторического материализма, на основе марксистско-ленинской идеологии, творчески примененной к изучению византийской истории. Оно развивалось в борьбе с пережитками и влиянием буржуазной византистики в СССР. Преодоление буржуазных концепций в этой отрасли исторической науки не является изолированным явлением. Оно связано с общим переустройством исторического фронта в СССР, с созданием марксистской историографии вообще.

Как известно, в течение нескольких лет после революции в советском византиноведении наступил застой, который объясняется рядом причин. Наиболее важной из них было сдержанное отношение советской власти к представителям русского буржуазного византиноведения, тесно связанным с царским самодержавием и православной церковью. Известную тормозящую роль сыграло здесь и нежелание некоторых старых ученых-византинистов изменить свои взгляды. Часть их и в новых условиях оставалась на буржуазно-идеалистических и реакционных позициях. Однако независимо от этого, в СССР продолжало работать много ученых, постепенно создавались новые кадры, возникали центры, которые направляли и координировали усилия значительного отряда историков-византинистов.

Признаком возрастающей активности советских византинистов явилось издание первого марксистского курса лекций по истории Византии проф. М. В. Левченко, подготовка «Византийского сборника». Особенно большое значение имело восстановление печатного органа византинистов — «Византийского временника», 31 том которого вышел в свет к настоящему времени.

За сравнительно короткий период после второй мировой войны советское византиноведение заметно развилось и заняло подобающее ему место в международной византистике. Авторитет советской науки особенно возрос после опубликования трудов (монографии, статьи, публикации источников и др.) по социально-экономической, политической и культурной истории Византии. Написанные на высоком научном уровне, насыщенные обильным фактическим материалом, интерпретированным с позиций марксизма-ленинизма, эти работы были важны не только для разрешения ряда проблем многообразной и богатой византийской истории, но имели и большое теоретическое значение. Эти труды в своем большинстве представляют образец творческого применения марксистско-ленинской идеологии к конкретному историческому материалу. Они, несомненно, оказали огромное влияние на ученых-марксистов социалистических стран и на прогрессивных ученых капиталистического мира.

Венцом развития советской византистики явилось опубликование коллективного труда — «Истории Византии» в трех томах (М., 1967). В нем обобщены в первую очередь результаты исследований советских ученых, а также использованы достижения византистики в международном масштабе.

* * *

Различным периодам богатой истории советской медиевистики, и в частности советского византиноведения, посвящен целый ряд обзорных статей и исследований. Недавно вышла из печати монография по истории советской медиевистики, в которой

¹ См., например: З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. Советское византиноведение в 1955—1960 гг. — ВВ, XXII, 1963, стр. 3—79; З. В. Удальцова. Византиноведение в СССР после Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1934 гг.). — ВВ, XXV, 1964, стр. 3—31 и др.

значительное место уделено и византиноведению². Однако наиболее полно история советской византистики рассмотрена в книге «Советское византиноведение за 50 лет» известного советского историка З. В. Удальцовой, многолетнего руководителя сектора византиноведения Института истории АН СССР (в настоящее время — сектор истории Византии Института всеобщей истории АН СССР).

Рецензируемая книга представляет собой объемистый труд, разделенный на три части. В ней имеются также предисловие, указатель имен и список наиболее важных сокращений.

Первая часть (стр. 9—40) посвящена истории советского византиноведения с 1917 г. до конца 30-х годов. В ней дается критическая оценка деятельности и трудов византистов, работавших в этот период.

Как отмечает автор, характерным для тех лет было то обстоятельство, что в Советской России продолжали работать ученые старой школы, которые, хотя и принадлежали к буржуазно-позитивистскому направлению исторической науки, в общем относились лояльно к Советской власти. Только отдельные ученые эмигрировали на Запад. Деятельность византистов старой школы после 1917 г. получила противоречивые оценки, в которых в значительной степени отразилась борьба мнений по вопросу об отношении к наследству дореволюционной науки. Автор отмечает здесь в основном две точки зрения: с одной стороны, этой деятельности давалась панегирическая оценка, принадлежащая византистам, которые сами вышли из старой школы. С другой стороны, все чаще стали критиковаться политические и методологические позиции старого византиноведения, подниматься голоса за создание новой, марксистской византистики. Такие ученые, как Г. Н. Лозовик и Ф. И. Шмит, указывая на связь дореволюционной византиноведческой науки с политическими устремлениями русского царизма и необходимость коренной ее перестройки, намечали в своих историографических обзорах пути создания марксистского византиноведения.

В этой части книги рассмотрены по проблемам труды акад. Ф. И. Успенского, который в послереволюционный период своей научно-исследовательской деятельности написал около 40 работ. Наряду со строгой научной критикой, которой З. В. Удальцова подвергает его буржуазно-позитивистские и реакционные взгляды, автор отмечает также и огромные заслуги этого колосса русского византиноведения. В этот период была опубликована первая половина второго тома его фундаментального труда «История Византийской империи» (1927 г.). Основное внимание Ф. И. Успенского в других его работах было направлено на решение таких групп проблем, как судьбы Трапезундской империи, значение монгольского завоевания для европейских стран, византино-русские отношения в IX—X вв. Большие заслуги имел акад. Успенский и в организации научно-исследовательской работы в Академии наук. Отмечая значение трудов Ф. И. Успенского, особенно по истории Трапезундской империи, автор основательно критикует его буржуазно-позитивистские взгляды и его попытку возродить традиции дореволюционного византиноведения.

Правильно охарактеризована история этого периода: вначале все еще отсутствовали марксистские кадры, влияние марксистской идеологии начало осознательно чувствоваться только с конца 20-х — начала 30-х годов. Это влияние проявилось прежде всего в тематике исследований. Начинается разработка проблем социально-экономической истории Византии. Здесь справедливо упомянуты труды И. И. Соколова (о крупном землевладении в Фессалии), А. Ф. Вишняковой (о монастырской собственности и развитии феодальных отношений в Византии в XIII в.) и др.

Объектом наиболее острой критики автора явилась научная деятельность А. А. Васильева. Справедливо указывается, что этот чуждый марксизму ученый понимал феодализм как политико-юридическую систему, привнесенную в Византию с Запада. А. А. Васильеву были присущи эклектизм в области методологии, боязнь обобщений, равнодушие к вопросам классовой борьбы, преувеличение роли церкви в истории Византии. Он собрал интересные сведения о русско-византийских культурных связях, но явно преувеличивал влияние империи на Древнерусское государство. Крестовые походы он трактовал с провизантийских позиций, западные источники использовались им значительно меньше, чем византийские.

В этот период разрабатывались и проблемы византийской культуры. Однако попытка П. В. Безобразова написать обобщающий труд по истории византийской культуры оказалась неудачной. Его книга была проникнута духом идеализации императорской власти и церкви, быт и нравы в Византии были освещены поверхностно. Несмотря на свою занимательность, эта книга, по мнению З. В. Удальцовой, не содержала глубокого анализа сложных явлений византийской культуры.

Несомненно успешными были исследования В. Е. Вальденберга по истории политической и философской мысли в Византии. Основная идея, проводимая и ревностно отстаиваемая в его работах, заключалась в доказательстве самостоятельного характера развития и научной оригинальности византийской философии и политической идеологии. Он доказывал, что византийская культура не была застойной, что она развивалась, что византийская философская мысль оказала влияние на западную философию. Однако

² О. Л. Вайнштейн. История советской медиевистики (1917—1966). Л., 1968, стр. 70—81, 183—231, 361—412. Сюда включено и славяноведение.

В. Е. Вальденберг, как пишет З. В. Удальцова, был не в состоянии выяснить социальные корни византийской философии. Заслуживают интереса и его исследования об античных корнях византийской философии и о проникновении византийской политической мысли на Древнюю Русь.

В книге дается также четкая оценка научной деятельности русских ученых в области византийского искусства. В тот период работали такие видные искусствоведы, как Д. В. Айналов, Ф. И. Шмит, Л. А. Мапулевич. Начали свою научную деятельность и искусствоведы более молодого поколения (В. Н. Лазарев, М. В. Алпатов, Н. И. Брунов).

В те годы были изданы некоторые источники, продолжались занятия византийской палеографией. Известные успехи были достигнуты в области вспомогательных дисциплин — византийской сфрагистики, эпиграфики, нумизматики.

В 30-х годах происходит перелом в деле создания марксистского советского византиноведения. Этот перелом чувствовался прежде всего в постановке важных теоретических проблем. Справедливо отмечаются работа А. К. Бергера о зилотах и заслуги Е. Э. Липшиц, выступившей со своей концепцией генезиса византийского феодализма еще в 1933 г. Значение этих работ как первых шагов настоящего марксистского византиноведения по преодолению идейной ограниченности буржуазной науки огромно. Независимо от спорного характера постановки некоторых вопросов упомянутыми авторами, их роль в формировании марксистского взгляда на исторический процесс в Византии является весьма значительной.

Вторая часть книги («Становление советской византиноведческой науки и ее первые успехи, конец 30-х — середина 50-х годов») разделена на четыре главы.

В первой главе автор хорошо показывает тот сложный путь, который предстояло пройти советскому византиноведению. Преодолевая влияние идей русской буржуазной византистики, ведя борьбу против разработки мелких, незначительных тем, советское византиноведение нацелилось на разрешение основных, важных проблем византийской истории. Однако при этом возникала реальная опасность впасть в грубое социологизирование, отойти от изучения источников, строить схемы, недостаточно подкрепленные конкретным фактическим материалом. Здесь подчеркивается положительное значение создания византиноведческих центров (ленинградского и московского), которые объединили усилия советских ученых, руководили их деятельностью. Общим направлением становится разработка социально-экономической истории Византии, расширение исследований в различных областях византиноведения, преодоление «европоцентризма», показ огромного значения византийского государства для ряда стран Восточной и Юго-Восточной Европы, осмысление того факта, что изучение исторического процесса в Византии способствует разрешению общих теоретических проблем истории феодализма. Значительную роль в координации усилий советских ученых и в определении основных направлений в развитии советского византиноведения сыграли научные сессии, на которых разгорались острые споры и дискуссии по основным проблемам византистики. В этот период проводилась большая и сложная научно-организационная работа, принимались меры для подготовки новых кадров.

Далее в монографии дается оценка достижений советских византистов в области исследования социально-экономической проблематики.

Как известно, дореволюционной византологией также не было чуждо изучение проблем внутренней истории Византии, но исследования в этом направлении велись с других идеологических позиций. Советская византистика поставила перед собой задачу раскрыть глубинные причины и движущие силы исторического процесса, изучить явления базисного характера. Это обстоятельство привело до известной степени к пренебрежению изучением культурной истории империи. Но независимо от этого, как правильно отмечено в монографии, советская наука достигла значительных успехов.

В первую очередь автор прослеживает отношение советских ученых к одному из важнейших вопросов, по которому до сих пор нет единой точки зрения, — к проблеме перехода от рабовладельческого строя к феодальному. Над решением этой проблемы работают как византилисты и медиэвисты, так и историки-античники. Автор правильно отмечает, что процесс перехода от рабовладельческого строя к феодальному протекал в Византии вследствие ряда особенностей ее развития значительно сложнее, чем в Западной Римской империи. Детально прослеживается ход дискуссии по вопросу о переходе Восточной Римской империи от рабовладельческого строя к феодальному. Во время дискуссии были выполнены несомненно ценные исследования, накоплен интересный материал. Здесь отмечаются заслуги М. В. Левченко, Н. В. Пигулевской и др.

С этой сложной проблемой связана и проблема периодизации византийской истории, определение времени перехода от рабовладельческого к феодальному способу производства. Существуют различные точки зрения, которые определяют время этого перехода с разницей в несколько столетий.

К проблемам истории ранневизантийского периода относится и вопрос о классовой борьбе, о народных движениях в Византии (IV—VII вв.). В этой области, как правильно отмечает автор, советские византисты были пионерами. Ценные исследования выполнены З. В. Удальцовой, А. Д. Дмитриевым, Н. В. Пигулевской, Г. Г. Дилигенским и др. Вместе с тем в монографии высказывается ряд справедливых критических замечаний по адресу некоторых авторов, которые любой ценой пытались

открыть «революцию рабов» и найти «союз» между местным населением и нахлынувшими варварами, даже когда такой «союз» отсутствовал (стр. 61). На наш взгляд, следовало бы еще четче отметить вредное воздействие догматического определения перехода от рабовладельческого строя к феодальному и роли народных движений на исследования этой проблематики. Думается, что под влиянием этой концепции советские ученые, несмотря на то, что ими была проделана огромная исследовательская работа и собран богатый материал, часто были вынуждены делать неправильные выводы.

Особое место при изучении классовой борьбы в ранневизантийский период занимает проблема димов и партий. Как известно, над этим своеобразным явлением в византийской истории работали многие ученые, как буржуазные, так и марксисты. В монографии З. В. Удальцовой отдано должное заслугам советского ученого А. П. Дьяконова, который внес чрезвычайно большой вклад в выяснение характера, функций и социального состава этих городских организаций. Его концепция, получившая почти полное признание, была впоследствии дополнена и уточнена другими советскими византистами. В изучение этого вопроса советская историография сделала бесспорный вклад, хорошо отраженный в книге З. В. Удальцовой.

В своем труде автор уделит внимание работам советских историков и археологов по проблеме взаимоотношений империи со славянами и другими варварскими народами в эпоху гибели рабовладельческого строя.

Отдельная глава монографии посвящена дискуссии, которая была проведена на страницах «Вестника древней истории» в 1953—1956 гг. в связи с изучением разложения рабовладельческого строя в Римской империи. В этой дискуссии приняли участие как античники, так и медиэвисты. Хотя в результате ее так и не было достигнуто единой точки зрения, дискуссия имела большое значение, показав степень изученности проблемы. Была сделана попытка в общих чертах сконструировать схему перехода от рабовладельческого строя к феодальному: «Кризис рабовладельческой системы начался во II в. и достиг своего апогея в III в. Тем не менее Поздняя Римская империя еще не была феодальной: рабство сохранялось даже после падения империи на Западе. Но зародыши феодализма имелись налицо: мелкое производство становилось наиболее выгодной формой земледелия; колонат и перевод рабов на пекулий получали все большее распространение» (стр. 82).

Важное место в книге З. В. Удальцовой занимает обзор советской литературы по социально-экономическим проблемам истории Византии. В этом разделе, на наш взгляд, дан глубокий анализ научного вклада советских ученых. Действительно, в настоящее время нельзя представить советскую науку без исследований Е. Э. Липшица (о «Земледельческом законе» и аграрных отношениях в VII—IX вв., о павликианстве, восстании Фомы Славянина), А. П. Каждана (о законодательстве императоров Македонской династии в защиту сельской общины, о восстании Василия Медной руки, об аграрных отношениях в Византии в XIII—XIV вв. и др.), З. В. Удальцовой (о внутренних причинах падения Византии в XV в.), М. Я. Сюзюмова, Б. Т. Горянова, К. А. Осиповой и многих других. Автор правильно отмечает огромный вклад советских ученых в изучение аграрных отношений, иконоборчества, истории классовой борьбы и др. За сравнительно короткий период времени многие из этих вопросов получили марксистское освещение. В разработке ряда проблем советские византилисты были пионерами, проделав работу, которая, несомненно, стимулировала изучение истории Византии в тех же направлениях, которыми других стран. Эти работы получили положительную оценку не только в СССР, но и за рубежом.

Верно освещение автором и этапов изучения сравнительно неразработанной области — истории византийского города. В монографии удачно показан вклад советских византистов в интерпретацию уникального памятника — «Книги эпарха», в исследование характера византийских торгово-ремесленных цеховых организаций, развития византийского города. Очерчены различия в концепциях развития византийского города: теория континуитета (М. Я. Сюзюмов, Е. Э. Липшиц) и точка зрения А. П. Каждана об упадке византийских городов в период VII—IX вв. В зависимости от этих концепций советские ученые определяют структуру и характер византийских цеховых организаций, применение в них рабского труда, значение контроля со стороны государственной власти, регламентацию производства, конкуренцию между цеховыми мастерами и т. д.

Эти концепции служат водоразделом и при анализе византийского права. Советские ученые различно оценивают, например, такой важный юридический памятник, как «Василики» (как действующее право или как мертвую компиляцию римского права).

В книге З. В. Удальцовой уделено место и тем результатам, которых достигли советские ученые — византилисты, туркологи и слависты, анализируя причины падения Византии в XV в. Нам представляется, что определенная заслуга в этом принадлежит З. В. Удальцовой, которая в ряде статей исследовала глубокие внутренние причины падения тысячелетней империи под ударами османов. На основе изучения сведений поздневизантийских историков (Критовул, Сфрандзи, Дука и Халкокондил) она показала противоречия в византийском обществе, экономическую экспансию итальянских торговых республик, политику папства и т. д.

Характер османского завоевания, общественный строй османского государства, сопротивление балканских народов туркам хорошо освещены в работах А. С. Твердиновой, И. С. Достяна и др.

Важной темой, затронутой в монографии, являются отношения между Византией и ее соседями. На первом месте, естественно, стоят отношения и связи между Византией и Древней Русью. Отмечается крупный вклад советской медиевистики в изучение этих вопросов. Здесь следует специально указать на наличие первоклассных русских источников, которые при сопоставлении с данными византийских памятников позволяют сделать ряд уточнений в истории русско-византийских отношений. При разработке этих вопросов объединяются творческие усилия и византистов, и славистов. В результате внимательного анализа источников, как отмечает З. В. Удальцова, советские историки пришли к выводу, что походы русских на Византию были предприняты еще до 860 г. Этим была опровергнута датировка иностранных ученых и вновь доказан факт существования Древнерусского государства, возникшего независимо от появления здесь династии Рюриковичей; советские ученые еще раз вскрыли несостоятельность норманнской теории происхождения русского государства.

Советские исследователи способствовали также изучению торговых и культурных связей между Византийской империей и средневековым Русским государством. Эти связи стали еще более интенсивными после принятия Киевской Русью христианства.

Известный вклад был внесен и в уточнение хронологии походов Святослава в Болгарию, в изучение характера отношений между болгарскими и русскими и их союза против Византии.

В этот период внимание советских ученых было привлечено также к отношениям Византии с южными славянами. Заслуженная оценка дана диссертации Г. Г. Литаврина, посвященной борьбе болгарского народа против византийского ига. Была проделана интересная работа по изучению экономической жизни в Дубровнике (А. П. Каждан).

З. В. Удальцова исследовала, в основном по данным Критовула, экономическое развитие балканских народов в XV в. Заслуживает внимания вывод автора о том, что накануне турецкого завоевания в Болгарии и Сербии существовали большие города, в которых процветали ремесло и торговля, развивалась своеобразная культура.

Далее в книге дается обзор советской историографии по вопросам связей Византийской империи с народами Крыма, Закавказья, Средней Азии, отношений Византии с Востоком и западными странами.

Четвертая глава посвящена изучению византийской культуры. В ней дан обзор исследований советских историков по византийской материальной и духовной культуре, науке и искусству. В своих трудах советские византисты останавливают внимание на формировании идеологии византийского общества, изучают историю политических и социальных идей, развития научной мысли, философско-религиозной борьбы и т. д.

В этот период были написаны ценные работы об отдельных представителях византийской культуры (например, исследования З. В. Удальцовой о Проконии Кесарийском и Виссарионе Никейском, М. В. Левченко о Синесии Киренском и Агафии Миринейском, Е. Э. Липшиц о патриархе Никифоре и др.).

Важными являются исследования Е. Э. Липшиц о византийской культуре VIII — IX вв. Она выступила против прежней точки зрения на характер византийской культуры, против представлений о так называемых темных веках византийской культуры. Согласно Е. Э. Липшиц, византийская культура в этот период имела более светский характер, чем это обычно принято считать. Наличие таких выдающихся ученых и мыслителей, как Лев Математик, Иоанн Грамматик, патриарх Никифор, Игнатий и др., отнюдь не свидетельствует об упадке византийской культуры. Светская струя отмечается ею и в творчестве византийской поэтессы Касии. Этюды Е. Э. Липшиц опубликованы в ее книге «Очерки истории византийского общества и культуры (VIII — первая половина IX века)». М.—Л., 1961³.

Заслуга в выяснении идейной направленности такого чрезвычайно важного явления, каким было иконоборчество, принадлежит М. Я. Сюзюмову.

При изучении поздневизантийского периода выполнены отдельные исследования о философии и политических взглядах Георгия Гемиста Плифона, Виссариона Никейского и др.

З. В. Удальцова правильно отмечает, что история византийской литературы в тот период была все еще слабо разработана советскими учеными.

В области искусствоведения выдвинулись такие ученые, как В. Н. Лазарев, который написал «Историю византийской живописи». В этом капитальном труде, как правильно отмечает З. В. Удальцова, наряду с другими его достоинствами, автор сумел определить специфические византийского искусства, его стилистические особенности, изучить взаимодействие искусства Византии и других стран.

В области византийской и древнерусской архитектуры работали Н. И. Брунов, М. К. Каргер, а в области прикладного искусства — Л. А. Мацулевич, А. В. Банк и др.

Третья часть монографии охватывает историю советского византиноведения с 1955 по 1967 г. Теперь, по удачному определению автора, советское византиноведение вступает в свой зрелый период. Действительно, меры, предпринятые в научно-организационном отношении, заботы по улучшению методов научно-исследовательской работы

³ См. нашу рецензию на книгу Е. Э. Липшиц, — «Известия на Института за история», т. 13, 1963, стр. 283—291.

созданию новых кадров, усилению контактов с другими странами и пр. дали свои результаты. В этот период имело место полное проявление сил и творческих возможностей советских византистов.

В советской науке был вновь поставлен вопрос о генезисе феодализма. В монографии значительное место уделено дискуссии по этой проблеме. Как известно, проблема феодализма в Византии является одной из наиболее важных. Марксистская историография рассматривает историю Византии как историю феодального общества. Большинство буржуазных ученых отрицают наличие феодальных отношений в Византийской империи, акцентируя внимание на особенностях развития империи, стремясь доказать тезис о совершенно своеобразном пути развития Византии, отрицающая теорию прогрессивной смены одной общественно-экономической формации другой. Те же ученые, которые признают в Византии наличие феодализма, считают, что он был перенесен сюда из Западной Европы.

Несмотря на общую методологическую основу, из которой исходят советские византисты, между ними существуют некоторые расхождения по вопросу о генезисе феодализма в Византии. Эти расхождения детально прослежены в монографии.

В связи с вопросом о генезисе феодализма и переходе от рабовладельческого к феодальному способу производства проведены серьезные исследования роли рабства в переходный период (IV—VI вв.). Здесь советская наука достигла определенных успехов (монографии З. В. Удальцовой, Г. Л. Курбатова, Г. Г. Дилигенского, И. Ф. Фихмана и др.).

Изучение аграрных отношений продолжалось и в этот период. Одной из кардинальных проблем оставалось выяснение особенностей в развитии феодальных отношений в Византии. Советские византисты показали роль и место сельской общины в процессе феодализации, а также историческую роль славян и славянской общины. Разумеется, при исследовании этой проблематики принимались во внимание локальные особенности общины в отдельных областях империи. Особенно большие заслуги в изучении этих вопросов имеют Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюжюмов и др. Общая характеристика аграрных отношений в VIII — первой половине IX в. дана в монографии Е. Э. Липшиц («Очерки истории византийского общества и культуры»). Ценные данные для более позднего периода (IX—X вв.) содержатся в книге А. П. Каждана («Деревня и город в Византии»). Особое значение имеют его (а также К. А. Осиповой) исследования о подчинении общины государством, о централизованной феодальной ренте, уплачиваемой государственными крестьянами, о системе аллиленгий, о роли пустующих и заброшенных земель (класма) и многие другие.

Советские ученые пришли к выводу, что в XI в. в Византии уже были налицо полностью сформировавшиеся феодальные отношения. Эти отношения не были результатом влияния Запада, они не были принесены с Запада, а явились плодом естественного развития византийского общества.

Феодальные отношения XI—XII вв. проанализированы в трудах Г. Г. Литаврина⁴, А. П. Каждана, М. М. Фрейденберга и др., а для периода XIII—XIV вв. — А. П. Каждана, Б. Т. Горянова⁵, К. В. Хвостовой и др. В них обстоятельно изложены причины разорения мелких сельских собственников и перехода их в феодальную зависимость, охарактеризован статус отдельных категорий крестьян, пути создания крупных светских и монастырских феодальных имений.

Велики достижения советской науки в разработке истории и уточнении сущности различных феодальных институтов. Здесь необходимо напомнить об огромной литературе, накопленной в результате исследования дискуссии. В разгоревшемся научном споре некоторые советские ученые высказали свои соображения о характере дискуссии, ее значении в усилении власти феодалов над крестьянами и использовании ими внеэкономического принуждения, о том, насколько этот институт соответствует западно-европейскому иммунитету и т. д. При оценке дискуссии, разумеется, принималась во внимание одна существенная особенность византийского феодализма — сохранение сильной центральной власти.

Успешно разрабатывались и проблемы, связанные с такими специфически византийскими явлениями, как прония и харистики. Советские ученые — А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, К. В. Хвостова и другие внесли определенный вклад в теоретическое исследование этих институтов.

Вообще эта глава монографии написана четко и с большой компетентностью. Автор детально проследил высказанные точки зрения и отметил существующие в них различия.

З. В. Удальцова правильно констатирует, что поздневизантийский феодализм, несмотря на достигнутые результаты, все еще нуждается в изучении. Исследования в этом направлении продолжаются и ведутся с учетом наличия в византийском феодализме XIII—XV вв. раннекапиталистических элементов.

⁴ См. рецензию П. Тивчева на книгу Г. Г. Литаврина «Болгария и Византия в XI—XII вв.» (М., 1960). — «Исторически преглед», XVIII (1962), кн. 5, стр. 87—93.

⁵ См. рецензию Стр. Липчева и П. Тивчева на книгу Б. Т. Горянова «Поздневизантийский феодализм» (М., 1962). — «Исторически преглед», XIX (1963), кн. 2, стр. 138—141.

Как подчеркнула З. В. Удальцова в заключении к этой главе, основным направлением в исследованиях советских византинистов остается углубленная разработка широкого комплекса проблем, связанных с зарождением, развитием и специфическими особенностями феодализма в Византии.

Как уже было отмечено, советские византинисты занимают первое место в изучении византийского города. При исследовании периода разложения рабовладельческих отношений ценная работа была проделана М. В. Левченко, Н. В. Пигулевской, Г. Л. Курбатовым, И. Ф. Фихманом и др. История византийского города обогатилась и исследованиями для периода VII—XII вв. (А. П. Каждан, М. Я. Сюзюмов, Е. Э. Липшиц и др.). Значительная группа советских ученых придерживается положения, согласно которому в VII—IX вв. в византийских городах наступил большой упадок и только отдельные, наиболее крупные, центры (Константинополь, Фессалоника и др.) сохранили свою экономическую силу. Однако и тезис о континуитете между античным и византийским городом продолжает еще иметь своих приверженцев. Решение этого дискуссионного вопроса находится в известной зависимости от решения вопроса о периодизации византийского феодализма. Ответ на него может быть дан лишь в результате полного привлечения нового материала, особенно археологического. Необходимо также уточнить содержание понятия «континуитет».

В советской историографии сравнительно меньше внимания было уделено поздне-византийскому городу. Здесь на первом месте стоит вопрос о наличии капиталистических элементов в экономике византийских городов XIII—XV вв. Истории поздне-византийского города были посвящены статьи А. П. Каждана, З. В. Удальцовой, Б. Т. Горянова, И. П. Медведева и др. По справедливой оценке З. В. Удальцовой, проблема поздневизантийского города нуждается в дальнейшей разработке.

В отдельной главе рассмотрены исследования советских ученых по истории классовой борьбы в Византии. Народным движениям IV—VI вв. посвящены статьи А. Д. Дмитриева, Г. Л. Курбатова и др. Павликианство являлось объектом исследования таких ученых, как К. Н. Юзбашян, Р. М. Бартикян и др. Г. Г. Литаврин написал статью по истории классовой борьбы в болгарских землях в XI в. Он установил антифеодальные тенденции в болгарском народно-освободительном восстании 1040 и 1072 гг.

Неоднократно изучался советскими учеными (Н. П. Соколов, М. М. Фрейденберг, Г. Г. Литаврин, М. Я. Сюзюмов, К. Н. Юзбашян и др.) весьма интересный вопрос о правлении византийского императора Андроника I Комнина (1183—1185) и обострении классовой борьбы в его царствование.

Попытку пересмотра оценки движений зилотов в середине XIV в. предпринял М. Я. Сюзюмов.

З. В. Удальцова затрагивает в своей монографии также историю изучения в советской науке византийского государства и права. Можно полностью присоединиться к оценке автора, согласно которой и здесь имеются важные работы (например, о законодательстве Юстиниана, «Эклог» и др.).

В этот период продолжала интенсивно разрабатываться история русско-византийских отношений. В обьемистом разделе дано исчерпывающее изложение посвященных этим вопросам работ советских ученых, которые исследовали границы и значение византийского влияния на русскую культуру. Заслуживает внимания следующий вывод З. В. Удальцовой. Русские действительно активно воспринимали некоторые достижения византийской культуры. Византийское влияние прослеживается, например, в области военного дела, архитектуры и живописи. «Вместе с тем советские ученые, пользуясь новыми техническими методами исследования предметов материальной культуры, а также архитектурных памятников и произведений живописи, добились значительных результатов в установлении подлинных границ византийского культурного влияния на Руси и выявлении оригинальных черт самобытного русского искусства. Большинство исследователей пришло к заключению, что положительное культурное воздействие Византии сочеталось на Руси с творческой переработкой и дальнейшим развитием вывезенных образцов и усвоенных методов работы в соответствии с местными традициями, потребностями и навыками» (стр. 241).

Активно работали советские византинисты и в области изучения византийско-славянских отношений. Наряду с другими работами по истории южных славян справедливо отмечены, нам думается, заслуги Г. Г. Литаврина и А. П. Каждана в разработке проблем болгаро-византийских отношений.

Глава седьмая посвящена Византии и Западу в системе международных отношений средневековья. В своих трудах советские ученые опровергли реакционную концепцию «противоположности между консервативным Востоком и прогрессивным Западом». В этой главе рассмотрены исследования отношений между Византией и варварскими народами на Западе, между православной и католической церквями, итоги изучения крестовых походов и роли папства в разгроме Византии в начале XIII в., соперничества между империей и Венецией, борьбы вокруг заключения унии между двумя церквями и т. д. По всем этим проблемам, как показано в монографии, советскими учеными была проделана значительная работа.

Глава восьмая посвящена советским исследованиям по вопросу об отношениях между Византийской империей и восточными народами (персы, арабы, турки и др.).

Следующая глава монографии касается экономических, политических и культурных связей Византии с народами Кавказа и Средней Азии. Особенно большая актив-

ность в исследовании этой проблемы была проявлена византинистами Грузии и Армении. Так, например, в Грузии С. Г. Каухчишвили (к моменту выхода в свет книги З. В. Удальцовой) опубликовал пять томов сведений византийских писателей об этой стране в серии «Географика». Греческие тексты сопровождаются здесь грузинским переводом. В этой серии С. Г. Каухчишвили осуществил новую публикацию типика Бачковского монастыря Григория Бакуриани («Georgica», т. V. Тбилиси, 1963).

Ценные исследования, затрагивающие и средневековую болгарскую историю, принадлежат Р. М. Бартияну.

В монографии уделено также место работам советских византинистов о связях Византии и Крыма (глава X).

Особого внимания заслуживает глава XI («Византийская литература и проблемы источниковедения»). В этой сравнительно слабо разработанной области советского византиноведения советская наука сделала быстрые и успешные шаги.

В книге проанализированы такие значительные труды, как «История греческой литературы», т. III; «Литература византийского периода» (Тбилиси, 1963, на грузинском языке) С. Г. Каухчишвили, являющаяся первой в советской историографии попыткой написать обобщающий труд по византийской литературе; работы о поэме «Дитенис Акрит» А. Я. Сыркина и др.; великолепные этюды об отдельных писателях А. П. Каждана (о Продолжателе Феофана, Скилице, Льве Дьяконе, Иоанне Киннаме, Никите Хониате, Евстафии Солунском и др.). Даются также сведения о впервые изданных источниках, некоторые из которых имеют отношение и к болгарской истории (например, Григорий Антиох). В этой главе сообщается также о проделанной советскими византинистами работе по написанию пособия по византийскому источниковедению, публикации источников в серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы». В этой полезной серии в русском переводе изданы такие источники, как «История» Феофилакта Симокатты, анонимная Псаматийская хроника (Vita Euthymii), «Взятие Фессалоники» Иоанна Каменнаты, «Книга епарха»⁶, «Алексиада» Анны Комниной и др. Вне этой серии опубликованы и другие источники (например, «Геопоники»).

В ряде следующих разделов дается обзор трудов в области византийской палеографии (Е. Э. Гранстрем и др.), греческой эпиграфики и сфрагистики, археологии и нумизматики.

В последней главе дан обстоятельный обзор изучения византийского искусства (стр. 324—338).

В кратком, но исключительно содержательном заключении автор обобщает результаты научно-исследовательской деятельности советских византинистов за половину века, классифицируя достигнутые результаты по проблемам. Одновременно в заключении намечена широкая программа будущей работы, новых проблем, которые предстоит разработать, применения новых методов исследования, издания неопубликованных источников и т. д.

Едва ли возможно на нескольких страницах осветить книгу такого характера, изобилующую большим числом данных и имен, насыщенную проблемами и обширной информацией об их решении. Но и из такого краткого обзора видно, что автор поставил перед собой и разрешил исключительно трудную задачу — написать историю советского византиноведения за половину столетия. Следует отметить, что эта задача разрешена успешно. Перед нами находится не обычный библиографический справочник о научной продукции советских византинистов. Это не сухое перечисление заглавий, а книга, основанная на отличном знании проблем, написанная с большой компетентностью и четким анализом материала. Этому способствовало то обстоятельство, что сам автор является крупным исследователем византийской истории.

К достоинствам работы необходимо добавить также хорошую систематизацию материала — монография написана и по периодам за полувековую историю советского византиноведения, и по проблемам.

Автору удалось уловить наиболее важное, существенное при оценке работ и сделать в нужных местах соответствующие критические замечания.

Читатель получает представление об истории советского византиноведения, его вкладе в разработку важнейших проблем и одновременно о вкладе советских ученых в изучение истории средневековой Болгарии. Хорошо и то, что автор наметил пути развития советского византиноведения в будущем.

Книга З. В. Удальцовой имеет большое значение и как справочник, и как труд, который позволяет ориентироваться в состоянии не только советского, но и международного византиноведения, в проблемах и направлениях развития этого важного отдела медиевистики.

Петр Вл. Тивчев

⁶ См.: П. Тивчев. Цепен извор за социално-икономическата история на Византия («Византийская книга епарха», вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962, 294 стр.). — «Исторически преглед», XIX, 1963, кн. 5, стр. 122—126.

Автор книги бесспорно прав, подчеркивая пионерский характер своей работы. Прав он и в том отношении, что связывает свой замысел непосредственно с творческими планами выдающегося советского историка Б. Д. Грекова (стр. 14). Большой сводной работы по истории внешней политики Древней Руси действительно (исключая беглый обзор И. М. Шекеры) до сих пор не было, хотя разработки отдельных вопросов этой обширнейшей темы как в нашей старой и новой, так и в зарубежной, в том числе и марксистской, историографии предпринимались довольно часто. Делались и отдельные попытки создания работ обобщающего характера в пределах ограниченных географических регионов и относительно коротких хронологических рамок. В. Т. Пашуто прекрасно владеет практически всей связанной с его темой литературой. Об этом свидетельствуют не только его предисловие к книге (стр. 5—14), не только огромный хорошо систематизированный научный аппарат, сведенный в отдельные приложения, но и текст работы, написанный с учетом существующих в науке дискуссий по тем или иным спорным вопросам исследования. Будучи, таким образом, сводной работой, книга В. Т. Пашуто содержит и большое количество новых наблюдений, выводов, а иногда и постулатов, причем не только по основным, решающим для темы направлениям исследований, но и по очень большому числу мелких, частных, подчас даже второстепенных элементов проблематики. Это, разумеется, усиливает интерес к книге, хотя и существенно осложняет ее использование как сводки фактического материала.

Возвращаясь мыслью к планам Б. Д. Грекова о создании крупной работы по истории внешней политики Древней Руси (Б. Д. Греков, как известно, успел дать только самый общий абрис этой темы), В. Т. Пашуто как бы подчеркивает связь своей книги с советской исторической традицией. Но связь эта сказалась не только в выборе им темы исследования.

Нужно сказать, что в своем подходе к проблематике древнерусской внешней политики автор в главных вопросах действительно выступает в качестве историка-традиционалиста.

Традиционализм автора особенно отчетливо сказался на структуре книги. Внешняя политика Руси как в раннефеодальный период, так и в период феодальной раздробленности изучается В. Т. Пашуто в плане раскрытия двусторонних русско-скандинавских, русско-польских и других контактов. Изложение ведется автором как бы против часовой стрелки с севера на запад, а затем на юг и восток двумя concentрическими кругами. Сначала рассматриваются отношения с ближайшими соседями (Северная Европа, Польша, Венгрия, Чехия, Византия, Болгария и далее на восток), затем с государствами, более отдаленными и не имеющими общих границ с Русью (Германия, страны Западной Европы, арабские страны Передней Азии и Африки). Естественное для историографии 30—40-х и начала 50-х годов стремление к изучению прежде всего двусторонних отношений не кажется таковым в конце 60-х годов, когда исследования внешней политики Руси достигли достаточно широкого размаха и сделаны более или менее удачные попытки изучить отдельные этапы или отдельные явления внешнеполитического развития восточного славянства в сложной уже тогда системе международных отношений Европы и Азии. Большая перспективность комплексного в связи с главными узлами международных противоречий изучения вопросов внешней политики сейчас представляется настолько бесспорной, что сразу же возникает вопрос, почему автор отказался от такой методики.

На первый взгляд может показаться даже, что В. Т. Пашуто отказывается от такой методики исследования по вполне принципиальным мотивам: источники не дают возможности вскрыть и проанализировать действительную связь событий в ту отдаленную эпоху. Он даже пишет во введении к работе: «Я не задаюсь безнадежной целью определить степень полноты и достоверности наших летописей о внешнеполитических связях Руси» (стр. 9). В действительности, однако, оказывается, что это высказывание автора не более чем риторический пассаж. Автор не только не делает из него логичного, казалось бы, вывода, что его труд, в центре которого стоит именно анализ летописных известий, в таком случае не может быть назван работой о внешней политике Руси, но и всем ходом своего исследования энергично его оспаривает. Страница за страницей в книге именно определяется достоверность или неточность летописных данных; полнота и объективность их оцениваются в результате тщательного сопоставления с источниками иностранного происхождения. Автора нельзя упрекнуть при этом в недооценке летописного материала. Скорее наоборот, — встречаются случаи, когда он явно отдает предпочтение летописным известиям перед показаниями писателей-современников (например, Титмара Мерзебургского). Обширная и, как правило, хорошо продуманная система гипотез часто помогает автору дополнить свидетельства летописи, восстановить возможный ход событий.

В том, что отказ от комплексного изучения явлений внешней политики не был актом принципиальным, безусловным скепсисом в оценке источников, убеждают, пожалуй, и изложение событий в отдельных параграфах (связанных между собой системой отсылок; читателю приходится здесь на помощь и указатели к книге), и наличие повторов, нужных для понимания мысли автора, и наконец прямой переход к проблемно-ком-

плексному изложению материала во втором разделе второй части книги (вторая половина XIII в.).

Вместе с тем принятая автором система изложения материала на основе описания двусторонних контактов очень осложнит чтение книги, мешает иногда понять мысль автора, заставляет по частям восстанавливать ту картину сложных политических связей, которую автор несомненно должен был бы иметь перед глазами. Кстати, и самому автору далеко не всегда удается при таких условиях выделить главные направления внешней политики Древней Руси, оценить степень важности для нее отношений с той или иной европейской или неевропейской страной. В этом отношении безусловно выигрывает последний раздел книги «Внешняя политика Руси с начала до середины XIII в.», построенный, как уже отмечалось, по проблемному принципу.

Думается, что именно традиционность изучения и изложения материала по линии двусторонних контактов и привела к тому, что книга В. Т. Пашуто воспринимается не как исследование внешней политики Древней Руси, а скорее как подробный обзор ее внешних сношений. Правда, его обзор — во многом исследовательский, содержащий массу новых наблюдений¹, обзор, который можно было бы назвать даже исчерпывающим (отдельного параграфа в работе нет, пожалуй, только для отношений Руси с папской курией, хотя со времен Григория VII во всяком случае можно было бы говорить о самостоятельной государственной политике Рима), без тщательного изучения которого не сможет в дальнейшем обойтись ни один исследователь Древней Руси и ее внешнеполитического развития, как не смогут обойтись без него и историки сопредельных с Русью стран, в том числе и Византии X—XIII вв.

Традиционализм В. Т. Пашуто как ученого проявляется и в таком коренном вопросе исследования, как периодизация изучаемого процесса. Доводя изложение истории внешней политики Древней Руси до трагических событий татаро-монгольского нашествия, автор в согласии с давно фигурирующей в нашей литературе точкой зрения на периодизацию истории СССР феодальной эпохи разделяет исследуемый им процесс внешнеполитического развития Руси на два периода:

1. Внешняя политика Руси в раннефеодальный период (X—конец XI в.).
2. Внешняя политика Руси в период феодальной раздробленности (конец XI—середина XIII в.).

Этой периодизации подчинена структура книги, соответственно разделяющейся на две большие части.

Не говоря о том, что раннефеодальный период не открывается X в., не говоря даже о спорности и неубедительности принимаемой автором конечной грани (конец XI в.) для раннефеодального периода, на что уже указывалось в литературе вопроса², такая структура работы представляется малоудачной.

Несомненно, специфика внешнеполитического развития Древней Руси была бы представлена значительно более ярко, роль внешнего фактора в общем историческом развитии Руси была бы понята и подчеркнута более выпукло, если бы в первой части исследования автором были сделаны дополнительные хронологические членения, во всяком случае был бы четко ограничен период государственного единства от предшествовавшего ему периода существования отдельных очагов консолидации раннефеодальной государственности, которые В. Т. Пашуто, на наш взгляд, не вполне удачно именует конфедерациями восточнославянских земель (употребление этого термина во всем случае нужно было мотивировать).

Принятая автором периодизация, и, соответственно, структура книги, оказалась совершенно неприемлемой для характеристики внешней политики Руси второй половины XI в. Вопреки фактическому материалу, свидетельствующему о том, что в силу феодального дробления Древняя Русь уже не могла проводить единую государственную политику, что внешнеполитическая активность русских князей оказывалась подчиненной их взаимоотношениям между собой, вся вторая половина XI в. рассматривается в книге как естественное продолжение эпохи Владимира Святославича и Ярослава Владимировича в рамках одного исторического (раннефеодального) периода. Тем самым смазывается огромное переломное значение второй половины XI в. для внешнеполитического развития Древней Руси.

Без внутреннего хронологического членения, отражающего развитие центробежных и центростремительных тенденций в обществе, дана и характеристика внешней политики Руси эпохи феодальной раздробленности. Автор только один раз отступил здесь от принятой им системы изложения, причем отступил с очень большим эффектом для исследования, выделив в особый раздел проблематику первой половины XIII в.

Собственно русско-византийским отношениям в книге В. Т. Пашуто отведены три параграфа (стр. 57—88, 186—201, 264—271). Однако большой материал, так или

¹ К сожалению, в одной рецензии нет никакой возможности ни охарактеризовать тот большой и ценный материал, новые наблюдения, которые содержатся в книге, ни коснуться многих спорных вопросов исследования, а также мелких фактических погрешностей текста.

² В. Д. Король. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1969 (см. вводную главу); его же. Основні етапи розвитку ранньофеодальної державності у східних і західних слов'ян. — «Український історичний журнал», 1969, № 12, стр. 40—49.

иначе относящийся к этой тематике, имеется и в других параграфах, посвященных отношениям Руси с Болгарией, Венгрией, Германией, Хазарией, кочевниками Причерноморья, странами Закавказья и Азии.

Недостатки конструкции и в этом случае затрудняют пользование книгой. Вместе с тем они помешали автору четко определить место Византии в системе древнерусских внешнеполитических связей на разных этапах развития Древнерусского государства, сопоставить и оценить характер внешнеполитических программ обеих сторон.

Особенно подробно охарактеризованы в книге русско-византийские отношения X—XI вв. Автор стремится подчеркнуть важность этих отношений не только для внешнеполитического, но и для внутреннего развития Руси, ее культуры, хотя и касается этих сюжетов главным образом мимоходом. Менее детально рассмотрены автором контакты Руси с Византией в XII и XIII вв. Известные возражения вызывают некоторые общие положения, высказанные автором в его очень интересных в целом очерках русско-византийских отношений раннефеодального периода. Так, подчеркивая переломный характер IX в. в развитии русско-византийских отношений, В. Т. Пашуто заявляет: «Понятно, что Византия противодействовала его (Древнерусского государства. — В. Р.) возникновению» (стр. 57). Но ведь такой тезис не только трудно доказать, но и понять. Не вполне убедительно изложены и обстоятельства поездки Ольги в Константинополь и ее крещения (стр. 66). Едва ли есть основания сомневаться в том, что Византия была заинтересована в христианизации Руси, даже если ей при этом и приходилось опасаться «вхождения Руси в ранг великих христианских держав». А слова летописи, что император «нарек (Ольгу. — В. Р.) дочерью себе», скорее свидетельствуют о признании определенных государственно-правовых норм в отношениях между русским княжеским двором и претендовавшим на вселенскую власть царьградским императором³, чем говорят о противодействии Византии принятию христианства Русью. Кажется неподходящим и термин «суверенное христианство», применяемый в этой связи автором. Кстати сказать, даже если понимать под этим термином автокефалию, то никакого «суверенного христианства» Русь не могла получить не только при Ольге, но и в 988 г.⁴ Киевский митрополит был подчинен константинопольскому патриарху и выступал на Руси в качестве дипломатического представителя византийского императорского двора, чего, кстати, не отрицает и автор (стр. 76).

Если предложение В. Т. Пашуто рассматривать варяго-русскую дружину на службе Византии в качестве формы участия Руси в общеевропейском христианском движении (стр. 78) и не кажется убедительным, то зато интересно написаны страницы, посвященные русско-византийскому конфликту 1043 г., подчеркнута его связь с самостоятельным поставлением митрополита Иллариона в Киеве в 1051 г. князем Ярославом. Это особенно важно потому, что именно на эти годы падает кульминация в русско-византийских отношениях XI в., оценка которой недавно, как нам кажется, недостаточно аргументированно пересматривалась в литературе⁵.

В связи с этим разделом работы В. Т. Пашуто нам хотелось бы сделать только одно замечание. В. Т. Пашуто исходит из предположения, что вплоть до конфликта 1043 г. русско-византийские торгово-дипломатические отношения «были нормальными» (стр. 78). Но так ли было на самом деле? Прямых указаний источников, противоречащих этому утверждению автора, как будто бы на самом деле нет. И тем не менее в наших источниках есть все же одна деталь, которая заставляет задуматься над поставленным выше вопросом.

Вернемся к событиям 1018 г. на Руси. В Киеве находятся Болеслав Храбрый и Святополк. Ярослав вынужден бежать в Новгород. Из Киева Болеслав направляет специальное посольство к Василию II Болгаробойце. На связь этого события с развитием германо-византийских отношений и стремлением Болеслава усилить позиции Святополка в Киеве указывалось уже в литературе⁶. Анализ источников свидетельствует, что, посадив Святополка в Киеве, Болеслав отнюдь не стремился к тому, чтобы сделать его «самовластцем» Русской земли. Его интересам более отвечала перспектива политического раздробления Древнерусского государства. Поэтому он и не добивался изгнания Ярослава из Новгорода, а предпочел вступить с ним в переговоры⁷. И тут нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что эти переговоры, предполагавшие обмен дочери Болеслава, находящейся в плену у Ярослава, на семью последнего, оставшуюся в Киеве, были поручены киевскому митрополиту (Титмар Мерзебургский

³ В пользу такого толкования этого оборота летописи свидетельствует и признаваемый византийским двором титул Ольги «гигемона и архонтисс руссов» (там же, стр. 68).

⁴ Новую трактовку условий принятия Русью христианства попытался дать А. Поппе («Заснування митрополії Русі в Києві. — Український історичний журнал», 1969, № 6, стр. 91—105). Его попытка требует, однако, особого разбора.

⁵ А. Poppe. Państwo a kościół na Rusi XI w. Warszawa, 1968.

⁶ S. Zakrzewski. Bolesław Chrobry Wielki. Lwów—Warszawa—Kraków, 1925, стр. 300—303; А. Ф. Грабский. По поводу польско-византийских отношений в начале XI в. — ВВ, XIV, 1958, стр. 175—184.

⁷ В. Д. Корольков. Западные славяне и Киевская Русь, стр. 255.

всюду называет его архиепископом)⁸. Очевидно, киевский митрополит-грек не был активным сторонником Ярослава. Его посольство в Новгород не дает, правда, оснований считать его и прямым изменником, подобно Анастасу, настоятелю Десятинной церкви⁹. Он не оказался ни в числе преданных Ярославу бояр, вывезенных Болеславом в Польшу¹⁰, ни в числе тех, кто, подобно Анастасу, добровольно перешел на службу к польскому князю. И тем не менее выбор его в качестве посла польского владыки не был, по-видимому, случаен. Тот же Титмар Мерзебургский, описывая вступление Болеслава и Святополка в Киев, отмечает торжественную встречу их киевским митрополитом в монастыре св. Софии, пострадавшем от пожара в предыдущем (1017) году¹¹.

И встреча в св. Софии, и посольство в Новгород, так или иначе связанное с планами политического раздробления Древнерусского государства, не были, конечно, дружественным Ярославу актами со стороны киевского митрополита и доверенного агента Константинополя. Они свидетельствовали об особой позиции, занятой в событиях 1018 г. главой киевского духовенства. Она, очевидно, была более благоприятной Святополку и соответствовала планам Болеслава. А если к этому прибавить еще посольство Болеслава ко двору Василия II, то причин для недовольства Ярослава митрополитом-греком в Киеве окажется более чем достаточно. Измена Анастаса могла только подчеркивать в его глазах опасность позиции митрополита. Из сказанного нет оснований, конечно, приходить к выводу о целенаправленной политике Византии, делающей ставку на развитие феодальной раздробленности на Руси, тем более что в этом вопросе интересы империи и ее представителя в Киеве не всегда должны были совпадать. Зато события 1018 г. определенно свидетельствуют о том, что с самого начала для Ярослава русско-византийские отношения были очень серьезно омрачены. Именно Ярослав мог думать в согласии с летописцем, что «суть бо греци лстивы». А это ведь отбрасывает и определенный отблеск на события 1043 г. Быть может, открытый конфликт с Византией и не был столь неожиданным для киевского князя.

Возвращаясь к интересному труду В. Т. Пашуто, хотелось бы отметить его одно очень важное наблюдение: церковный раскол 1054 г. вплоть до начала XIII в. существенно не отразился на внешнеполитических связях Древней Руси (стр. 83, 187 и др.), хотя, разумеется, он не мог и благоприятствовать им, затрудняя и нарушая давнее культурное общение Руси с ее западными соседями. Заслуживают внимания и наблюдения автора относительно возможных планов создания особого патриаршества на Руси в конце XII в. (стр. 201).

Впрочем, выделяя интересные и часто новые наблюдения автора, можно было бы еще много страниц посвятить исследованию В. Т. Пашуто. Оно заслуживает самого детального разбора и в той части, которая посвящена истории русско-византийских отношений. К такого рода разбору, конечно, вынужден будет обращаться каждый историк, ставящий своей целью изучение внешнеполитических связей Руси домонгольской эпохи. Именно на это и хотелось бы нам обратить внимание читателя. Книга В. Т. Пашуто, несмотря на все недостатки своей конструкции, является основополагающим трудом для исследования внешней политики Руси X—XIII вв.

В. Д. Корольюк

ДИМИТЪР АНГЕЛОВ. БОГОМИЛСТВО В БЪЛГАРИЯ.

София, изд-во «Наука и изкуство», 1969, 561 стр.

Как массовое социально-религиозное движение, возникшее в средневековой Болгарии¹, потрясшее основы ее феодального строя и оказавшее благотворное воздействие на еретические традиции европейских народов, богомилство давно привлекало внимание ученых. Им интересовались историки Ватикана², православной церкви³, протестантизма⁴. Все они, руководствуясь различными соображениями, по-разному

⁸ «Kronika Thietmara». Poznań, 1953, L. VIII, cap. 33.

⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 143—144.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Archiepiscopus civitatis illius cum reliquiis sanctorum et ceteris ornatibus diversis hos advenientes honoravit in sancte monasterio Sophiae, quod in priori anno miserabiliter casu accidente combustum est». — «Kronika Thietmara», L. VIII, cap. 32.

¹ По этому вопросу см.: В. Левицкий. Богомилство — болгарская ересь, X—XIV вв. — «Христианское учение», 1870; Fr. Rački. Borba juznih slovena za državnu neodvisnost. Bogomili, pataren. Beograd, 1931, p. 337; ср.: Г. Острогорски. Историја Византије. Београд, 1959, стр. 53; ср.: Сима Чирковић. Историја Босне. Београд, 1964, стр. 53.

² Lexikon für Theologie und Kirche, Bd. 2. Freiburg, 1958, S. 557—558.

³ Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской, или молдо-валахской. М., 1871, стр. 154—165; ср.: Д. Цулев. История на българската църква, т. I. София, 1910, стр. 657—756.

⁴ Centuriae Magdeburgenses, t. XI, cap. V, p. 247; C. J. Wolf. Historia Bogomilorum. Wittenberg, 1712; J. L. Oeder. Dissertatio inauguralis prodromum historiae Bogomilorum criticae exhibens. Gottingae, 1734.

оценивали эту мощную еретическую систему. Апологеты православной церкви, не будучи в состоянии раскрыть его социальную сущность, рассматривали богомилство как отрицательное явление. Так же оценивали богомилство и историки папства, которые видели в нем главным образом, если не единственно, религиозное учение, направленное против католической церкви. Протестантские авторы стремились увидеть в нем одного из предшественников Реформации, однако они не были в состоянии объяснить ни причины возникновения богомилства, ни сущность его социально-религиозной доктрины.

Исследования старых буржуазных авторов, хотя и ценные в фактологическом отношении, не могли с научной последовательностью объяснить вопросы, связанные с историей богомилства. Исторической науке еще предстоит объяснить ряд первостепенных по значению проблем, таких, как проблема происхождения богомилского движения, вопрос о его родине, все еще являющийся предметом споров⁵, проблемы социальной сущности богомилства, его исторической роли, влияния на еретические движения в других европейских странах и пр. Над разрешением всех этих вопросов уже около тридцати лет работает профессор-византист философско-исторического факультета Софийского университета «Климент Охридский» Д. Ангелов⁶. Еще в 1942 г. он опубликовал в «Известиях семинаров Историко-филологического факультета» (стр. 145—180) свой первый очерк по этому вопросу — «Влияние иноземных ересей на богомилство». В следующем, 1943 г. он защитил докторскую диссертацию о богомилстве, которая позднее вышла на немецком языке⁷. В 1947 г. он издал книгу «Богомилство в Болгарии», которая была напечатана в русском переводе в Москве в 1954 г. Продолжая исследования в этой области, проф. Ангелов опубликовал в 1961 г. новое издание этой книги, расширив ее и углубив. Она была хорошо встречена и получила высокую оценку⁸. Недавно, значительно расширенный и основательно переработанный, этот труд вышел в новом издании. Как отмечает в предисловии сам автор, рецензируемое монографическое исследование коренным образом отличается от первого издания, которое носило научно-популярный характер, а также от второго, которое имело сравнительно более ограниченный объем. Не случайно труд Д. Ангелова уже получил высокую оценку со стороны научной критики. «Нет сомнения, — пишет проф. К. Кувев, — что труд проф. Ангелова «Богомилство в Болгарии» в настоящее время является самым серьезным и солидным исследованием по вопросам богомилства»⁹.

Монография представляет полное и обстоятельное исследование о зарождении, развитии и особенностях богомилства, начиная с его возникновения в середине X в. и до конца XIV в. Она состоит из семи глав, снабженных краткой вступительной заметкой, заключением и библиографией использованной литературы. Книга имеет также алфавитный указатель.

Первая глава носит историографический характер. Здесь даются обзор и оценка литературы, а также использованных в ней источников. Кратко охарактеризовав богомилство как одно из самых значительных еретических движений средневековья проф. Ангелов делает обзор исследований о богомилстве, начиная с работ, относящихся к началу XVIII в., и кончая исследованиями наших дней. Он подчеркивает, что раньше всего интерес к этому учению возник во Франции, Италии и Германии так как оно было родственно распространившейся там в XII—XIII вв. ереси катаров и альбигойцев. Затем автор показывает вклад русской, хорватской, болгарской и других историографий в изучение богомилства.

Завершая историографический обзор, Д. Ангелов делает вывод, что, несмотря на большое число исследований о богомилстве, все еще отсутствует полное и целостное исследование его истории, не рассмотрены социально-экономические условия в Болгарии в X—XIV вв., когда возникло и распространилось богомилство, не изучены философско-религиозные взгляды еретиков, их критика церковных обрядов и символов не выяснен вопрос об эволюции богомилства и т. п. Все это показывает необходимость появления рецензируемого труда, который должен заполнить пробел, существующий в исторической литературе.

Обрисовав состояние вопроса о богомилстве в научной литературе, автор во второй главе своего труда останавливается на источниках, которые в той или иной степени отражают историю ереси. Оценивая разнообразные и противоречивые источники о богомилстве, он разделяет их на две основные группы. В одну группу входят источники, написанные последователями богомилства, а в другую — его противниками

⁵ Так, есть авторы, которые возражают против того, что Болгария была родиной богомилства. См., например: «Историја народа Југославије», т. I. Београд, 195: стр. 273.

⁶ О проф. Д. Ангелове см.: «Советская историческая энциклопедия», т. I. М., 196: стр. 491; ср.: «Кратка българска енциклопедия», т. I. София, 1963, стр. 79.

⁷ D. Angelov. Der Bogomilismus auf dem Gebiete des byzantinischen Reiche Ursprung, Wesen und Geschichte. — «Годишник на Историко-филологическия факултет XLIV, 1947/48, стр. 1—60; XLVI, 1949/50, стр. 1—45.

⁸ См.: П. Тивчев. — «Известия на Института за история», т. 12, 1961, стр. 219—22

⁹ К. Кувев. Богомилството в България. — «Народна култура», № 52 (675), 27.X. 1969.

гонителями, связанными с официальной церковью. Каждый из этих видов источников обладает определенной спецификой, известным своеобразием, которое в конечном счете обуславливается классовой принадлежностью его автора, его положением в феодальном обществе. Необходимо отметить, что здесь даются не только общие сведения о каждом источнике, но указывается богатая библиография, сообщаются ценные историографические справки о различных изданиях отдельных документов и пр. Особенно большой интерес вызывают страницы, посвященные апокрифам, в которых содержатся дуалистические взгляды. Поднимается недостаточно изученный в литературе вопрос о влиянии богомилства на культурные традиции болгарского народа, и в частности на народные сказки и предания.

В третьей главе книги — «Происхождение богомилства» — выясняется целый комплекс тех факторов и предпосылок, которые обусловили появление этого мощного антифеодального и антицерковного движения. В противовес некоторым историкам автор доказывает, что богомилство возникло в Болгарии в царствование царя Петра (927—969). На основе богатого фактического материала Д. Ангелов показывает, что зарождение этого еретического движения находилось в тесной связи с развитием феодальных отношений в Болгарии, с углублением и обострением классового антагонизма в обществе, с усилением эксплуатации сельского населения, а также с его непрерывным обеднением. Возникновение оппозиционных еретических настроений отражало и недовольство населения социальной функцией церкви как идейного защитника феодально-крепостнических отношений, как «наивысшего обобщения и санкции существующего феодального строя». Фактором, который облегчил формирование антицерковных взглядов, явились языческие верования, широко распространенные и после крещения болгар в 865 г. Благоприятное влияние на зарождение и распространение богомилства оказали также сохранившиеся в Болгарии старые еретические традиции павликиан и массалиан. Однако автор правильно отмечает, что, хотя богомилство и восприняло некоторые формы и символы этих еретических систем, оно представляло по существу новую, самобытную болгарскую еретическую систему, которая занимает особое место в истории антицерковных движений в средневековой Европе.

Четвертая глава — «Появление богомилства в Болгарии. Поп Богомил» — воссоздает картину появления богомилства. Д. Ангелов отмечает, что при существовавшей социально-экономической обстановке условия для возникновения массового антифеодального и антицерковного учения оказались полностью созревшими. Из сделанного автором обзора становится ясно, что первые достоверные сведения о богомилстве имеются в письме константинопольского патриарха Феофилакта болгарскому царю Петру, содержащем напутствие к борьбе против еретиков, проповедующих в Болгарии.

Далее проф. Ангелов высказывает свое отношение к оспариваемому некоторыми авторами, например В. Киселковым, вопросу о существовании попа Богомила. Отвергая, как явно несостоятельные, попытки отрицать историческое существование основателя богомилства, автор, исходя из убедительных свидетельств болгарских, греческих и русских источников, доказывает, что поп Богомил действительно жил и проповедовал свое учение в царствование Петра, был связан с низшим клиром, с рядовыми священниками, чье имущественное состояние не отличалось существенно от состояния низших и средних слоев населения. «Живя среди народа и хорошо зная его страдания и надежды, — отмечает проф. Ангелов, — поп Богомил отразил их в своих проповедях и писаниях, придал им целостный развернутый и завершенный вид, другими словами — превратил их в стройное, систематизированное учение, в ересь, которая боролась против господствовавшей церковно-феодальной идеологии. В этом состоит основная его заслуга, историческое значение его деятельности» (стр. 146). Так поп Богомил и его деятельность находят полное научное освещение.

В самостоятельном параграфе этой главы рассматриваются центры богомилского учения. Несомненно, вопрос о месте возникновения богомилского учения очень труден. Автор считает, что известное указание в беседе Космы на то, что поп Богомил начал проповедовать «в болгарской земле», является слишком общим и может быть отнесено к различным областям болгарского государства, которое в X в., как известно, охватывало большую территорию, включая и Македонию. Он обоснованно полагает, что одним из главных центров, в которых поп Богомил проповедовал со своими учениками, были юго-западные болгарские земли. Аргументы в пользу этого проф. Ангелов находит в заключительном отрывке пространного жития Климента Охридского, составленного византийским архиепископом Феофилактом. Согласно житию, после смерти Климента Охридского среди его паствы распространилась некая злая ересь. Автор жития обращается к святому с просьбой изгнать ересь и таким образом спасти свою паству. В поддержку высказанной точки зрения приводится также надпись на одной старинной иконе, в которой содержится легендарное известие об участии сподвижника Климента Наума в борьбе против еретиков.

В подтверждение своего вывода о юго-западных болгарских землях как одном из центров богомилства автор привлекает и важный факт широкого распространения здесь богомилства в последующие столетия. Чтобы доказать силу еретических традиций в этой области, он приводит сохранившиеся по сей день топонимические названия сел: Торбачи, Богомила, Кутугерци, Богослов, Богословец, Иеремия и др., долины Богомилско поле и т. д.

В то же время проф. Ангелов отмечает, что помимо юго-западных болгарских земель богомилство проникло и на остальные болгарские территории. Это заключение он делает на основании анализа беседы пресвитера Космы, автор которой, вероятно, жил и действовал в Северо-Восточной Болгарии и служил в ее столице Преславе. Хорошее знание Космой ереси дает основание считать, что богомилство уже было распространено в окрестностях Преславы, а вероятно, и во всей Северо-Западной Болгарии. Если бы это было не так, царь Петр не обращался бы два раза к константинопольскому патриарху Феофилакту за советом о борьбе с еретиками.

Автор аргументированно показывает, что имелись и другие богомилские центры помимо Македонии, как, например, Фракия с центром в Пловдиве.

В книге затронут еще один важный вопрос, который также недостаточно исследован в исторической литературе, — вопрос о названии еретиков. Убедителен вывод о том, что название «богомилы» было дано по двум основным причинам: во-первых, потому, что Богомил считался родоначальником ереси, и, во-вторых, потому, что сами еретики были убеждены, будто они наиболее близки и «милы богу» (стр. 153). По мере распространения богомилства это название постепенно утвердилось и вошло в историю.

Глубоко и тщательно исследуется социальный состав богомилов. Исходя из данных источников, автор разделяет богомилов на две основные группы. Одна группа охватывала ту часть последователей попа Богомила, которая хорошо знала учение и активно его распространяла и защищала, а другая — только единомышленников ереси, которые не занимались проповеднической деятельностью. Большое научное значение имеет определение того, что основная масса приверженцев богомилского учения происходила из среды сельского населения. Этот вывод автор делает на основе одного текста из Беседы пресвитера Космы, который гласит, что богомилские проповедники старались распространять свои взгляды там, где видят человека простого и неученого. А поскольку в то время невежество и незнание были распространены прежде всего среди сельского населения, не может быть сомнения — по справедливому заключению автора, — что большинство богомилов были жителями деревни. Кроме крестьян богомилство находило последователей и среди недовольного городского плебса. Оно привлекало и рабов, как это видно из беседы Космы, но из-за своей малочисленности они не могли стать социальной опорой ереси.

В конце этой главы проф. Ангелов останавливается на различных средствах, которые служили господствующему феодальному классу в его стремлении уничтожить богомилство. Из письма патриарха Феофилакта царю Петру, подробно проанализированному в монографии, видно, что по отношению к богомилам, которые оставались твердыми и непреклонными в своих взглядах, были приняты суровые меры: их предавали анафеме, приговаривали к смертной казни и т. д. Подвергались преследованиям и те лица, которые читали апокрифические произведения. Как правильно подчеркивает автор, это выуждало еретиков скрываться, лавировать, чтобы уберечься от жестоких преследований феодального класса.

Пятая глава труда проф. Ангелова посвящена исследованию сущности богомилства, его учению и взглядам. Он рассматривает эволюцию, которую претерпело богомилство за время своего почти четырехвекового существования. Причину эволюции автор видит в изменении социально-экономических условий. Подробно и глубоко проанализировано дуалистическо-гностическое мировоззрение богомилов, являвшееся формой отрицания феодально-крепостнических отношений. Прослежена космология ереси, отражавшая недовольство сельского населения установлением феодального строя. Это относится и к эсхатологическим концепциям еретиков, которые вступали в противоречие с догмами православной церкви, а также ко всей религиозно-философской доктрине богомилов.

В специальном разделе автор останавливается на критике богомилами церкви и церковных обрядов, а также церковных соборов. Рассмотрено отношение еретиков к ветхо- и новозаветной литературе. Внимательно исследованы основные антиклерикальные тенденции, проводившиеся в проповедях богомилов. На основании данных источников выяснено отношение еретиков к крещению, причастию и исповеди, к почитанию креста, икон и мощей святых. В противоположность ортодоксальному христианству, они отрицательно относились к некоторым таинствам. Уделено место и некоторым антицерковным взглядам еретиков, таким, как отрицание веры в воскресение мертвых, чудеса и праздники. Автор не прошел также мимо анализа и соответствующей оценки социально-бытовых и этических взглядов богомилов. Изучены аргументы, на основании которых они отрицали феодальную власть и феодальное государство, богатство и богатей, употребление вина и мяса, ношение роскошной одежды. В этой связи прослежена точка зрения богомилов на убийства и войны, на брак и женщин.

Следующая, шестая, глава посвящена изучению организации богомилов. Здесь прежде всего дается строго научное разграничение еретиков на две основные группировки, проведенное в результате длительного изучения источников. Напомним, что необходимо делать различие между ортодоксальными теоретиками богомилов, с одной стороны, и большинством их последователей — с другой, Д. Ангелов подробно рассматривает два указанных основных течения этого мощного антифеодального и антицерковного движения. Необходимо отметить, что подобная работа проделана в таких масштабах впервые в научной литературе. Много интересных мыслей высказано автором о богомилских общинах, хотя сведения источников о них чрезвычайно скудны.

Проф. Ангелов подчеркивает, что, согласно сведениям источников XI—XII вв., в Болгарии существовала четко построенная богомильская организация, которая объединяла несколько общин. Основываясь на сведениях, которые содержатся у Ринара Сакони, а также в некоторых других источниках, автор подробно останавливается на богомильских общинах, известных под именем Болгария, Драговития, Мелиника, Средечка. Как видно из приведенных в книге данных, все эти общины объединяли большее или меньшее число последователей и играли весьма важную роль в истории антицерковной борьбы в средневековой Болгарии. Богомильские общины были организованы по примеру первоначальных христианских общин, сведения о которых известны из Деяний апостолов. Автор допускает также, что на богомильскую организацию, возможно, могли оказать влияние и павликианские общины, которые функционировали в болгарских землях в период между X и XII вв. Согласно заключению проф. Ангелова, в богомильских религиозных общинах господствовал дух равенства и демократизма, что находилось в соответствии с принципами раннего христианства. За исключением старейшины и его помощников, которые играли руководящую роль, все «совершенные» считались равными между собой и выполняли свои обязанности на общих основаниях.

Последняя, седьмая, глава монографии посвящена истории богомильского движения. В ней прослежено развитие ереси в период между 969 и 1018 гг. Здесь прежде всего подчеркивается, что богомилство, которое получило широкое распространение, представляло серьезную опасность для феодальной власти — светской и духовной. Не случайно оно было подвергнуто жестоким и безжалостным преследованиям. Затем автор переходит к вопросу о воздействии богомилства на развитие еретического движения в Византийской империи, России, Сербии, Боснии, Италии и Франции. Далее освещается история богомилства во Втором болгарском царстве до середины XIII в. Сделан прекрасный обзор истории движения катаров в Западной Европе в первой половине XIII в. и его связей с богомилством. Глубоко изучено богомилство XIV в. и его исчезновение. В конце главы показаны последние проявления богомилства накануне турецкого владычества.

В заключении книги проф. Ангелов обобщает огромный фактологический материал, который он привлек, обобщил и проанализировал в своем исследовании. Он особо подчеркивает, что богомилство было одним из самых значительных явлений истории болгарского народа в средние века. Это был религиозный по форме, но социальный по содержанию протест против феодального строя. Как ересь, это было отклонение от официальной православной догмы, от установок, которые проповедовало духовенство. Одновременно автор подчеркивает международное значение болгарского богомилства, подготовившего сознание европейских народов для борьбы против католической церкви. «В этом смысле, — пишет проф. Ангелов, — богомилство сыграло весьма существенную для своего времени историческую роль. Оно сделало значительный, общеевропейский по своему характеру и масштабу, вклад, которым болгарский народ по праву может гордиться» (стр. 531).

Как видно из нашего краткого обзора, рецензируемая работа представляет собой солидный исследовательский труд, весьма своевременный и ценный вклад не только в болгарскую, но и в общеевропейскую медиевистику. Это не только монографическое исследование истории богомилства в Болгарии, имеющее значение лишь для болгарской национальной истории. Книга является также исследованием международного значения богомилства, его отражения в западноевропейских феодальных странах, в силу чего она представляет интерес для всех специалистов по истории западноевропейского феодализма. Книга проф. Ангелова проливает яркий свет на вопрос влияния болгарского богомилства на еретические традиции в Византийской империи, России, Румынии, Боснии, Сербии, Италии и Франции.

Представляя серьезный оригинальный вклад в общую европейскую историографию, труд проф. Ангелова является и первостепенным по своему значению явлением в болгарской историографии, посвященной проблеме классовой борьбы в средневековой Болгарии. В книге воссоздаются яркие страницы борьбы болгарского народа против феодальной эксплуатации, освященной православной церковью. Работа освещает богатую и сложную историю самого мощного антицерковного движения в средневековой Болгарии — богомилства. Труд заполняет существенный пробел в изучении этого движения. Нельзя не отметить, что автору работы принадлежит заслуга в исследовании причин возникновения богомилства. Следует также сказать, что проф. Ангелов впервые изучил и исследовал идеологию богомилства, и прежде всего его роль как религиозного по форме и социального по содержанию протеста против феодального строя. Нигде в исторической литературе антицерковная сущность богомилства не выяснена так глубоко и аргументированно, как в рецензируемом труде.

Одним из важнейших научных достоинств монографии проф. Ангелова является его богатая фактологическая аргументация. В книге собран, систематизирован и обобщен богатый материал источников, который автор изучал на протяжении многих лет. При написании своей книги автор использовал различные староболгарские, латинские, греческие, старофранцузские и другие источники, опубликованные в различных изданиях, в большей своей части малоизвестных. В научный оборот введено много новых фактов, которые расширяют и углубляют наши представления о богомилстве.

Автор использовал значительную литературу, написанную на различных языках — английском, итальянском, немецком, французском, русском, сербском, хорват-

ском и др. Монография снабжена богатым и точным научным аппаратом, которым проф. Ангелов подкрепляет свои концепции. Это свидетельствует о проделанной автором большой работе, его солидных знаниях, богатой эрудиции.

Выясняя развитие и роль богомилства, проф. Ангелов использует также материалы литературного характера, данные фольклора и пр. Умело сочетая методы работы историка с методами исследования филолога и этнографа, он всесторонне освещает сложную и многообразную историю богомилства. В этом заключается другое важное достоинство его труда.

В монографии «Богомилство в Болгарии» проявились большие научно-исследовательские возможности автора, его умение проанализировать и обобщить огромный фактический материал.

Нельзя не отметить также, что монография хорошо оформлена в структурном отношении. Стиль отличается своим разнообразием и богатством, а язык — своей точностью и тщательностью. Труд читается с увлечением. Следует отметить и великолепное полиграфическое оформление книги. Это роскошное иллюстрированное издание, весьма импонирующее читателю своим внешним видом.

Как в любое крупное исследование, рассматривающее сложный комплекс научных проблем, в обширный труд проф. Ангелова могут быть внесены известные дополнения. Следует исправить указание автора на то, что первые специальные работы о богомилстве появились в XVIII в. (стр. 11). Богомилство вызвало интерес историков еще в XVI в. Так, еще организатор Магдебургских центурий Матфей Флаций Иллирик (1520—1575) проявлял большой интерес к богомилской ереси. Чтобы изучить историю богомилства, которая была ему необходима для написания центурий, он послал своих людей работать в библиотеках Болгарии¹⁰. Сам Флаций внимательно изучал историю богомилства, интересовался подвигом богомила Василия, сожженного на костре в Константинополе¹¹. Интересно напомнить, что в связи с противоречиями, возникшими между ним и Лютером и Меланхтоном, Флаций был объявлен протестантами еретиком и манихейско-богомилским сектантом¹².

В труде не уделено должного внимания отражению богомилства в Далмации. Хотя в некоторых местах приводятся высказывания средневековых хронистов, из которых видно, что богомилство проникло в Далмацию (стр. 344 и др.), можно было бы привлечь больше сведений о борьбе еретиков в Дубровнике, Сплите и Задаре; в некоторых из упомянутых городов действовали ересиархи Матвей и Аристоклий¹³, о которых принято думать, что они подвизались в Боснии. А влияние богомилства в Боснии, как это показал проф. Ангелов, несомненно.

При дальнейшем изучении источников и литературы могут обнаружиться некоторые факты отражения богомилства в Чехии. Известно, что в 1452 г. через Болгарию по пути в Константинополь проезжал Константин Ангелик, который должен был вести переговоры с константинопольским патриархом о сближении чешской и восточной церквей¹⁴. Из путевых заметок «Путешествие Мартина Кабатника из Чехии в Иерусалим и Каир в 1491—1492 гг.» видно, что Мартин Коковец, Кошпар Марек и брат Лукаш, получив материальную поддержку от управляющего королевским монетным двором Бохуша Костки из Поступиц, отправились в путешествие с целью узнать, «есть ли еще какой-нибудь народ на свете, который живет согласно устройству и управлению первоначальной святой церкви, о которых рассказывает Священное писание»¹⁵. Отправляясь на Ближний Восток, трое путешественников проходили через Болгарию. После того как они покинули ее пределы, брат Лукаш, очевидно из Константинополя, снова вернулся в Болгарию, заинтересованный, видимо, историей богомилского движения, и пробыл здесь продолжительное время¹⁶.

В заключение следует еще раз сказать, что книга проф. Ангелова «Богомилство в Болгарии» представляет собой серьезное, глубокое научное исследование. Это труд одного из самых видных европейских специалистов по вопросу о богомилстве. В нем отражены и обобщены многолетние исследования автора в этой области. Труд представляет ценный и бесспорный вклад в историческую науку. Он интересен и для византистов, и для балканистов, и для специалистов по общей истории средних веков.

Йордан Николов

¹⁰ J. W. Schulle. Beiträge zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger-Centurien. Neisse, 1877, S. 75, 80, 82, 83, 92.

¹¹ Centuriae Magdeburgenses, t. XI, cap. V, P. 247.

¹² Отношение Флация к Болгарии, как и изучение им богомилства, я подробно рассматриваю в моей еще не опубликованной статье «Европейская реформация в Болгарии».

¹³ D. Kniewald. Vjerodostojnost latinskih izvora o bosanskim krstjanima. — RAD, 270. Zagreb, 1949, str. 117 sl.

¹⁴ Martina Kabatnika. Cesha z Cecha do Jerusalima a Kaira 1491—1492 k., vyd. pripravil J. Prasek. 1894, str. 1; Z. Urban. Zdein česko-bulharskyn kulturnich styki. Praha, 1957, str. 16.

¹⁵ Martina Kabatnika. Op. cit., str. 3; Z. Urban. Op. cit., str. 16.

¹⁶ Martina Kabatnika. Op. cit., str. 3.

~ Работа восточногерманской исследовательницы И. Рохов, посвященная знаменитой византийской поэтессе IX в. Кассии (или Касии), построена не вполне обычным образом. Из заглавия книги читатель узнает, что речь пойдет не только о самой Кассии, но и о ее жизни в веках (Nachleben), а из предисловия, — что второй вопрос по причине своей малоизученности занимает автора куда больше, чем первый. В полном соответствии с этим распределен объем книги: из 199 страниц ее основной части (по вычете предисловия, примечаний и библиографии) жизни и творчеству Кассии посвящено лишь 69 страниц, а ее Nachleben — 130 страниц, т. е. почти вдвое больше. Все это само по себе вполне обычно, но что такое Nachleben Кассии? Она жила в памяти последующих поколений двояким образом: как автор определенных сочинений, известных преимущественно благодаря литургическому обиходу, и как героиня популярной легенды о смотре невест для императора Феофила. То и другое имеет друг к другу довольно ровное отношение: можно было пересказывать легенду об отвергнутой невесте, не слишком задумываясь над богослужебными поэмами Кассии, или, напротив, проявлять особый интерес к возглавляемым в церкви творениям поэтессы, ничего не зная о легенде. Если принять во внимание, что как раз с точки зрения И. Рохов рассказ о смотре невест не имеет к исторической Кассии никакого отношения (см. ниже), тематическое единство книги становится еще более сомнительным. Пока мы не покидаем пределов фольклора (или полуфольклорной балканской словесности вроде «моральной повести» М. Видковского «Селим и Мерима», 1839 г.), это еще не так ощутимо: можно представить себе, что народная память о поэте в самых причудливых своих проявлениях есть все же некий ответ на его творчество. В самом деле, народное предание о Кассии переплетает с фабулой легенды мотивы подлинного творчества поэтессы¹. Но дело в том, что автор делает попытку проследить Nachleben Кассии вплоть до сегодняшнего дня — преимущественно в исторических романах, пьесах, популярных очерках и т. п. (в одном ряду со всей этой продукцией по воле автора оказывается французский стихотворный перевод подлинной стихиры Кассии, являющий собою пример Nachleben в совсем ином смысле этого слова²). Слагатели народных преданий о Кассии по крайней мере слышали в церкви ее песнопения; но современные романисты, получавшие все свои сведения о ней из Гиббона или из Дилия, — в каком внутреннем, содержательном, органическом отношении к византийской инокине и ко всему ее миру могут они стоять? Сведения, трудолюбиво собранные И. Рохов, принадлежат к истории новейшей литературы или окололитературной «индустрии романов»³; к изучению византийской культуры и ее подлинной «жизни в веках» они имеют очень мало касательства.

Поэтому пропорции нашего обзора не могут и не должны соответствовать пропорциям самой книги. В книге очень лаконично говорится о самой Кассии как исторической личности и творческой индивидуальности, но очень обстоятельно — о судьбах ее образа в романе и драме; в обзоре придется поступить как раз наоборот.

Часть I имеет заглавие: «Личность Кассии» (стр. 3—31). Останавливаясь на различных вариантах имени поэтессы (Касия, Кассия, Ейкасия, Икасия, а также позднейшие варианты Касиана и Кассиана), автор отдает предпочтение форме *Kassia*, а не *Kasia*, как в свое время делал Крумбахер: написание с одной сигмой засвидетельствовано лучшими рукописями, но написание с двумя сигмами — акростихом погреб-

¹ См. стр. 77 слл. Легенда связывает возникновение знаменитой великопостной стихиры Кассии «Господи, яже во многие грехи...» с появлением императора Феофила в монастыре, где жила некогда отвергнутая им невеста.

² См. стр. 185—187. Утверждение, согласно которому рифмованный перевод Кристофа, опубликованный в 1924 г., представляет собой «единственное поэтическое переложение литургического стихотворения Кассии на современный европейский язык» (стр. 187), неверно. Надо полагать, что к категории «современных европейских языков» принадлежит между прочим и русский язык: а ведь русская поэзия знает такую обработку мотивов Кассии, сравнительно с которой опыт Кристофа не выходит за пределы корректного версифицирования. Кроме того, сама исследовательница приводит прекрасное новогреческое переложение этой же стихиры, сделанное таким поэтом, как К. Паламас, и менее блестящие опыты того же рода у других греческих поэтов (стр. 135—136 и 169—171).

³ Чего стоит роман А. Кириакоса «Кассиана» с такими, например, названиями глав: «Трагедия одной грешницы», или «Дикая любовь дочери атамана пиратов»! К разряду того, что по-немецки именуется «Kitsch», следует, без сомнения, отнести и книгу Г. Руссака, длинный пассаж из которой приведен на стр. 190: «Несколько мгновений прекрасная Кассия стояла, немая, как мраморное изваяние. Затем она сделала господину императору насмешливый книксен (!). Она подхватила свой шелковый наряд, так что тот зашуршал и стали видны красивые икры (!), и прошествовала мимо Феодора...» и т. д. и т. п. Разумеется, несерьезная словесность заслуживает самого серьезного изучения, — но едва ли в связи с Кассией.

бального канона поэтессы, удостоверяющим, что сама она писала свое имя так и не иначе (стр. 3; ср. стр. 35—37)⁴. Затем И. Рохов переходит к источникам, относящимся к биографии Кассии. Как известно, такого рода источники можно усматривать прежде всего в двух группах текстов: в рассказах Льва Грамматика и зависящих от него хронистов о смотре невест Феофила (если только эти рассказы достоверны) и в трех письмах Феодора Студита, адресованных соответственно «Кассии кандидатиссе», «Кассии» и снова «Кассии кандидатиссе»⁵ (если только адресат этих писем тождествен с поэтессой). При этом понятно, что вопрос о надежности второй группы текстов существенно важнее, чем вопрос о достоверности рассказов о встрече Кассии и Феофила (которые в любом случае излагают свое содержание — будь это вымысел или действительное событие — в формах легенды). Сопоставляя повествования хронистов с эпизодом обручения Феофила из жития Феодоры, исследовательница приходит к выводу, — пожалуй, примерно столь же вероятно и столь же недоказуемому, как и противоположный, — что оба рассказа возникли независимо друг от друга⁶ и одинаково недостоверны (стр. 18, 31). Напротив, все три письма Феодора Студита И. Рохов считает адресованными поэтессе Кассии и соответственно рассматривает их как наиболее достоверные источники для ее биографии (стр. 23—26). К сожалению, отмечая противоположное мнение Е. Э. Липшиц⁷, она никак не разъясняет, почему именно «хронологические доводы» последней представляются ей недоказательными⁸. Соответственно возникает следующий образ Кассии: девушка, родившаяся между 800 и 805 гг. в семье высокопоставленного «кандидата» и получившая хорошее образование, уже в ранней молодости приняв-

⁴ Как известно, канон дошел (в соответствии с обычным литургическим *usus*ом без второй песни, благодаря чему акrostих читается не полностью; но как раз заключительное АМΑ ΧΡΙΣΤΩ ΚΑCΣΙΑC стоит вне сомнения).

⁵ *A. Mai. Nova patrum bibliotheca*, VIII, p. 126 (142); p. 217 (270); PG 99, col. 1622 (205). Титул *kandidatissa*, обычно прилагавшийся к жене царедворца — «кандидата», исследовательница вслед за Петридесом предлагает понимать в данном случае как обозначение «дочери кандидата» (стр. 24; ср.: *Revue de l'Orient Chrétien*, 7, 1902, p. 225); это в любом случае единственно возможный смысл, ибо даже если письма обращены не к поэтессе Кассии, они обращены к *девице*.

⁶ Для русской науки традиционна противоположная точка зрения. Ср. *Б. Мелиоранский*. Из семейной хроники Аморийской династии. — ВВ, VIII, 1901, стр. 1—37; *Е. Э. Липшиц*. Очерки истории византийского общества и культуры. М.—Л., 1961, стр. 315—318. На деле, однако, оперирование с сакраментальным яблоком или седьмией яблок в обеих версиях настолько несходно, что картина, набросанная Е. Э. Липшиц (повесть в житии Феодоры «сложилась еще при жизни остальных участников смотра, которые могли легко восстановить в памяти сцену молчания Феодоры и, следовательно, дискредитировать рассказ». — Указ. соч., стр. 317), трудно вообразима.

⁷ Стр. 25. См: *Е. Э. Липшиц*. К вопросу о светских течениях в византийской культуре IX в. (Кассия). — ВВ, IV, 1951, стр. 134, примеч. 10; *ее же*. Очерки истории византийского общества и культуры, стр. 318.

⁸ Аргументация Е. Э. Липшиц основана на том, что «пострижение Кассии в монастырь не могло совершиться ранее 830 г. и что, с другой стороны, смерть Феодора Студита в 826 г. не допускает возможности отнесения этих писем ко времени более позднему, чем 825—826 гг.» (Очерки истории византийского общества и культуры, стр. 318). Все это бесспорно: но откуда следует, что письма Феодора адресованы монахине? В одном из этих писем как раз говорится о том, что корреспондентка студийского игумена откладывает свое пострижение до торжества Христовой веры (*биолоγία* Христова. — *A. Mai. Op. cit.*, VIII, p. 217 (270)). Возникающее в другом письме обозначение «невеста Христова» (*ibid.*, p. 125—126, N 142) едва ли имеет слишком определенный смысл: в общем умиленном-комплиментарном контексте (Феодор благодарит адресатку за пощение о нем и особенно о подвергнутом заточению Дороефе) оно вполне может служить всего лишь указанием на благочестивое рвение живущей в миру девицы и на ее намерение когда-нибудь поступить в монастырь. Такое решение могло быть принято на самом пороге сознательной жизни, в ранней молодости. Если доверять рассказу хронистов о смотре красавиц и вступать при этом на сомнительный путь психологических домыслов (напоминаем, что И. Рохов не делает ни того, ни другого), едва ли возможно найти абсолютное противоречие между появлением Кассии среди невест Феофила и ее ранним решением (принятым еще до этого) действовать во имя бога. Не говоря уже о том, что исполнители приказа Феофиловой матери Евфросины едва ли осведомлялись о жизненных планах собираемых ими девушек, византийская религиозная этика столь высоко оценивала образ венценосной поборницы православия, что благочестивая девица вполне могла усмотреть в роли Есфири иконопочитания — той самой роли, за которую ее счастливая соперница была причислена к лику святых! — равноценную замену инокского подвига. Притом решение стать монахиней — это еще не формальный монашеский обет, и «Христова невеста» могла попытаться во имя Христова дела стать невестой Феофила.

шая более или менее окончательное решение посвятить себя монашеской жизни, однако отложившая пострижение до конца иконоборческих бурь, активно выступавшая на стороне иконопочитателей и даже подвергшаяся за это бичеванию, заботившаяся о заключенном Дорофее Студите и преследовавшая непримиримой ненавистью отступника Феодора Стратига, а позднее — по-видимому, после 843 г. — ставшая, наконец, диокиней. Исследовательница не без остроумия изыскивает параллели между этим образом и поэтической личностью Кассии (например, безжалостная нетерпимость к «предателю» Феодору естественно ассоциируется с группой монахов, открывающихся словом *μω* и бичующих наряду с прочими пороками также предательство и отступничество в дружбе). Впрочем, умозаключения от стихов к человеческому облику их творца по необходимости субъективны и не могут быть иными. Почти курьезно, что если, скажем, для Е. Э. Липшиц «поэзия Кассии... замыкается в пределах узкой келейной (sic!) тематики»⁹, то для И. Рохов как раз обнаруживающееся в этой поэзии незаурядное знание и понимание мирской жизни может служить лишним доводом в пользу предположения о долголетнем пребывании поэтессы в миру¹⁰.

Часть II посвящена произведению Кассии. Автор начинает с литургических стихотворений и дает перечень подлинных и сомнительных текстов, сопровождая каждый номер этого перечня сжатой характеристикой. К разряду подлинных произведений Кассии отнесено 23 образца богослужебной лирики: среди них — и столь неотъемлемые компоненты православного церковного обихода, как блистательно и умно построенная стихира рождественской вечерни «Августу единоначальствующу на земли...», проникновенная стихира заутрени страстной среды «Господи, яже во многии грехи впадшая жена...», стихира вечерни рождества Иоанна Крестителя «Исаии ныне...», стихира вечерни Петрова дня «Светильники великие» и т. д., и менее известные сочинения, как, например, погребальный канон и тетрадь на страстной четверг «Старче неразумный...». Оставшиеся 37 стихотворений признаны сомнительными или заведомо не принадлежащими Кассии (стр. 35—38). Курьеза ради упомянута фантастическая гипотеза Андреопулоса, приписывавшего поэтессе... авторство *Υμνος Ἀχάιδιος*. Затем И. Рохов переходит к стихотворным сентенциям Кассии, довольно подробно останавливаясь на текстологических вопросах (стр. 60—65) и давая сжатую, но четкую и во многом убедительную характеристику формального и содержательного облика гномических опытов поэтессы (стр. 66—71). Можно только приветствовать нежелание И. Рохов высказывать в этих опытах автобиографические намеки (стр. 71—72), причем, сам собой вытекающее из того недоверия, с которым она относится к легенде о смотре невест.

Часть III, почти вдвое превышающая обе остальные части, посвящена жизни Кассии в памяти поколений. Автор рассматривает предания о поэтессе, как они развивались в греческом фольклоре поздневизантийского и турецкого периодов; особо отмечаются локальные традиции, связанные с «Кассиной Псалтирью» в синайской обители св. Екатерины (стр. 81—86) и с островом Касосом (стр. 87—91). Трогательный рассказ о «грекине Кассии» у отца сербского романа М. Видаковича, целиком приведенный и разобранный на стр. 93—96, еще может рассматриваться как неискаженная фиксация народного предания. Затем автор вступает в область новейшей романистики и драмы, обстоятельно описывая связанные с образом Кассии произведения Д. Вернардакиса, А. Стаматиадиса, А. Пападопулу, А. Кириакоса, А. Антониадиса, К. Паламаса, И. Афинейса, М. Руссоса и Г. Руссоса, Г. Лингга, Б. Экштейн, Г. Руссакса и др. Весь этот материал, добросовестно собранный и продуманно — хотя иногда с излишней серьезностью — описанный, сам по себе интересен; к византистике он, как уже говорилось, прямого отношения не имеет, и потому от его разбора мы воздерживаемся.

С. С. Аверинцев

НЕМЕЦКИЙ ПЕРЕВОД НИКИТЫ ХОНИАТА

В серии «Byzantinische Geschichtsschreiber» вышло четыре томика¹, содержащие немецкий перевод значительной части литературного наследия Никиты Хониата: его «Истории», речей и писем. Весь перевод выполнен австрийским филологом Ф. Граблером.

Заслуга Граблера бесспорна. Сочинения Хониата — важнейший источник по византийской истории XII в. Впрочем, они не только исторический источник, но и первоклассный литературный памятник. Граблер, автор специальных работ об ораторском искусстве Хониата², не упускает этого из виду: он старается передать в переводе не

⁹ Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 336.

¹⁰ I. Rochow. Op. cit., S. 70.

¹ Die Krone der Komnenen. Graz, Wien, Köln, 1958; Abenteuer auf dem Kaiserthron, 1958; Die Kreuzfahrer erobern Konstantinopel, 1958; Kaisertaten und Menschenschicksale im Spiegel der schönen Rede, 1966.

² F. Grabler. Niketas Choniates als Redner. — JÖBG, 11—12, 1962—1963; F. Grabler. Das Zitat als Stilmittel bei Niketas Choniates. — «Akten des XI. Byzantinistenkongresses». München, 1960.

только содержание, но и литературную манеру византийского писателя [см., например, удачную игру слов: Die gegenseitige Achtung wurde mißachtet, die Gleichberechtigung entrechtet (II, 12)], во введении к «Истории» детально останавливается на характеристике стиля (I, 13—21), постоянно подчеркивает особенности риторического искусства Хониата (IV, 8 и затем в связи с отдельными речами, например IV, 150, 251, 371).

«История» Хониата, занимающая первые три тома, переведена по Боннскому корпусу, страницы которого для удобства читателя помечены на полях. В примечаниях Граблер неоднократно предлагает удачные конъектуры (например, III, 255, 262 и др.). Эти конъектуры, однако, не основаны на изучении рукописной традиции, самое представление о которой у Граблера недостаточно четко: так, рукопись А он называет (II, 274) лучшей рукописью, тогда как в действительности этот манускрипт (Мопас. 93) — один из наиболее поздних (XVI в.). Граблер не учитывает ни тех двух фрагментов, которые были изданы в 1956 г. И. ван Дитеном³, ни старых конъектур, основанных на лучших рукописях (например, ἐκ Κέλτων вместо ἐκλέκτων, ausgewählten Soldaten, как переводит Граблер: I, 62)⁴.

Совершенно по-другому подготовлен перевод речей и писем, выпущенный после восьмилетнего перерыва. Теперь Граблер не ограничивался старыми изданиями Э. Миллера и К. Сафы, но сотрудничал с ван Дитеном и использовал подготовленный им к печати текст. Таким образом, мы получили в немецком переводе ряд сочинений Хониата раньше, чем познакомились с их греческим оригиналом. Эти новые сочинения Хониата следующие:

1. Монодия на кончину Феодора Троха (IV, 34—52).
2. Монодия на кончину сына (IV, 85—96).
3. Pamфлет против хартофилака Великой церкви, будущего патриарха Иоанна Каматира (IV, 121—148), высмеивающий богословские взгляды константинопольского хартофилака.
4. Речь, прочитанная перед Исааком II Ангелом в канун праздника светов (Крещения) (IV, 149—172), т. е. 5 января 1190 г. В этой речи, произнесенной в тот момент, когда крестоносцы Фридриха I еще находились на территории Византии (характеристика Фридриха на стр. 157 коренным образом отличается от панегирика ему, включенного в «Историю!»), содержится интересное упоминание о русских. По словам Хониата, на помощь восставшим болгарам пришли «скифы», народ, никому не подчиняющийся, а также (в переводе Граблера, стр. 162) «люди из Маутиры» (die von dem Mautiere), презревшие смерть, отделившаяся часть тавроскифов, племя, преданное Аресу. Что тавроскифы в терминологии Хониата — русские, не подлежит сомнению. Однако что это за отделившаяся от тавроскифов часть, участвовавшая в болгарском восстании? Граблер любезно прислал мне греческий оригинал этой фразы (Cod. Marcian. XI, 22, fol. 104 v), который гласит: οἱ ἐκ Βορδώνης οὗτοι τοῦ θανάτου ὑπερβόηται καὶ Ταυροσκίφων ἀποστάδες. Следовательно, «Маутиры» в оригинале нет, речь идет там о русских «из Бордоны», т. е. скорее всего, о так называемых бродниках⁵.
5. Риторическое упражнение на тему, поставленную логофетом дрома Димитрием Торником⁶: «Преимущества зимы перед летом» (IV, 198—205).
6. Монодия на кончину Иоанна Велиссариота (IV, 250—285).
7. Великопостная проповедь, составленная для Феодора Ласкаря (IV, 299—314).
8. Речь к митрополиту Филиппопольскому (IV, 315—338), где между прочим содержатся любопытные сведения о филиппопольских армянах (стр. 326)⁷.
9. Ряд писем, в одном из которых имеются сведения о посольстве Василия Каматира к армянскому (киликийскому) царю Левону (стр. 368—370).

³ J. A. J. van Dielen. Two Unpublished Fragments of Nicetas Choniates' Historical Work. — BZ, 49, 1956. См. также J. A. J. van Dielen. Noch einmal über Niketas Choniates. — BZ, 57, 1964.

⁴ Правильно уже: «Recueil des historiens des croisades. Historiens Grecs», vol. I. Paris, 1875, p. 219. Ср. еще: М. Ласкарис. Византиски принцезе у средновековној Србији. Београд, 1926, стр. 26 сл. (поправка по «Recueil», I, p. 450). На стр. I, 68 нужно учесть поправку к Боннскому изданию (стр. 47, 20); см. А. П. Каждан. Еще раз о Киннаме и Никите Хониате. — BS, XXIV, 1963, стр. 19 (моя статья вышла уже после перевода Граблера, и это замечание не должно послужить ему упреком).

⁵ От Граблера ускользнуло, что этот текст был привлечен уже Ф. И. Успенским («Образование Второго Болгарского царства». Одесса, 1879, Приложение V, стр. 34—38). См. еще: М. Ф. Котляр. Русь на Дунаї. — «Український історичний журнал», 1966, № 9, стр. 19. Об этой речи: «Recueil des historiens des croisades. Historiens Grecs», vol. II. Paris, 1881, p. 128, 459.

⁶ Принятая Граблером дата речи (IV, 197) 1185—1189 гг. хорошо согласуется с периодом пребывания Торника на посту логофета. См: А. П. Каждан. Григорий Антиох. — BB, XXVI, 1965, стр. 87.

⁷ См. теперь об этом: W. Hecht. Byzanz und die Armenier nach dem Tode Kaiser Manuels I. — Byz. XXXVII, 1967 (1968), S. 70 f.

Свой перевод «Истории» Граблер считает первым, помимо старых, изданных в XVI—XVII вв. (И. Вольфа, Оролоджи и Кузана) (I, 21 и сл.), — русский перевод⁸ он почему-то вовсе сбрасывает со счетов. Текст «Истории» не прост, и естественно, что у Граблера, как и у старых переводчиков, немало ошибок и промахов. Приведу лишь несколько.

1. На стр. 121. 18—19 Хониат сообщает, что вновь *κακούργειν τὸν Σερβίας δυναστεύοντα* *ὄβρει* — согласно переводу Граблера (I, 130): *der Herr der serbischen Berge wieder plünderte*. Он понимает, следовательно, *ὄβρει* как дат. множ. от ионической формы *ὄβρος* в значении *ὄρος*, гора. Правда, согласование *δυναστεύω* + дат. несколько неожиданно, и русский переводчик (I, 116 и сл.) понял *ὄβρος* как ионийский вариант *ὄρος*, граница: «владелец Сербии снова на границах злодействует». Синтаксически такой перевод тоже довольно натянут: греки говорили *κακούργειν χώραν* (вин. пад.), к тому же и в этом случае остается недоумение — почему Хониат неожиданно обратился к ионийской форме? В действительности же в тексте нет ни гор, ни границ: *ὄβρει* — это хорошо известное собственное имя сербского владетеля — Урош. Именно так, *ὄβρεις*, передает Киннам имя правителя «далматов» (Cinn., p. 113.9—16).

2. На стр. 125.6—7 Хониат говорит об Иоанне Дуке *παίδευμάτων ἐλευθερίων οὐκ ἄκρῳ λιχάνῳ γεγευμένος*, что Граблер (I, 113) переводит: *er hatte an den Wissenschaften nicht nur genippt*, — и это в общем соответствует русскому переводу (I, 120): «тщательно изучил свободные науки». Выражение *ἄκρῳ λιχάνῳ* встречается у Хониата не раз и означает «чуть-чуть», «едва», «nur eine Fingerspitze», как переводит Граблер в другом месте (I, 152). Но какой смысл приобретает оно с отрицанием? Никита Хониат хвалит Андроника I за то, что тот запретил пустые богословские дискуссии и сделал это *τῆς ἡμετέρας σοφίας οὐκ ἄκρῳ λιχάνῳ γεγευμένος* (стр. 430. 18—20). По мнению Граблера (II, 129), Андроник *von der Gottesgelehrsamkeit nicht bloß mit der Fingerspitze gekostet hatte*. В русском переводе (I, 417) это место передано значительно мягче: «был далеко не чужд нашей мудрости». Думается, однако, что уступительное значение здесь естественнее: Андроник поступил так, хотя он и не изучал богословия. Однако пойдем дальше.

У Хониата встречается сходное клише: *ὥσιν ἄκροις παραδεξιόμενος* (стр. 476.16), что означает «пропустить мимо ушей» или, как переводит Граблер (II, 167), *hörte nur mit den Ohrensippen*. Это же клише употребляется и с отрицанием: *μηδ' (или οὐδ') ἄκροις ὥσιν* (стр. 279.6; 338.18; 817.17—18). Отрицание только усиливает значение формулы: *nicht mit den geneigten Ohren ... lauschten* (I, 264) или *hatten ... kein offenes Ohr* (II, 51). Как в этом случае, так, видимо, и при *ἄκρῳ λιχάνῳ* отрицание лишь усиливает значение: он и кончиком пальца, хочет сказать Хониат, не коснулся того-то или того-то.

Такое понимание Хониата подтверждается и словоупотреблением других византийских авторов. Ограничусь лишь одним примером. Анна Комнина сообщает, что на пиру у Алексея I Боэмунд не только не отведал никаких блюд, *ἀλλ' οὐδ' ἄκροις δακτύλοις προσάψασαι ἤνευχετο* (An. Comn., t. 2, p. 232.4—5) — даже не прикоснулся к ним кончиком пальца.

3. Казалось бы, незначительное расхождение обнаруживается в толковании фразы на стр. 206.2—5. Здесь Хониат перечисляет группы византийской знати: царские родственники, члены «герусии» (синклита), *οἱ λαμπροὶ τοῖς ἀξιώμασι καὶ τῇ τοῦ βασιλέως εὐνοίᾳ περίκλυτοι*. Конец фразы переведен у Граблера (I, 202): *die hervorragenden Würdenträger und andere Männer, die beim Kaiser in Gunst standen*. Легко видеть, что слово «andere», «другие», не имеет эквивалента в оригинале и принадлежит целиком переводчику. Той определенности противопоставления, какая обнаруживается в переводе, в греческом нет: *οἱ λαμπροὶ καὶ περίκλυτοι* скорее одна категория, чем две, — недаром оба слова связаны одним артиклем (в отличие от вышепоставленных *οἱ καθ' αἷμα καὶ ὅσοι γερούσιαιζοντες*).

Такое понимание фразы подтверждается особенностями стиля Хониата, его пристрастием к синонимике, к употреблению двух параллельных слов для выражения одного понятия. Примеры можно приводить без конца, как-то: *κατὰ συλλόγους ἀδριχομένους καὶ ἀγευμένους κατὰ συστήματα* (стр. 305.7—8) или *τὰς ἐξουσίας μεθαρμόζει καὶ μετατίθειαι τὰς ἀρχάς* (стр. 555.5—6). На стр. 573.20—21 Хониат сравнивает Исаака Ангела с бегуном на стадионе: *δολιχοδρόμῳ ἢ ῥοῦν σταδίου προνοϊκῶς*. Граблер опять-таки четко разделяет эти понятия, говоря о бегуне на длинные дистанции и о бегуне на короткие (II, 243 и особенно примеч. на стр. 288). Но Хониат отнюдь не вкладывает в свои слова античной четкости: недаром он говорит, что Исаак успокоился после (первого же) поворота, — этот образ терял бы смысл, если бы речь шла действительно о беге на короткие дистанции. [Между прочим сам Граблер очень верно подчеркивает (IV, 372), что названия разных античных музыкальных инструментов — сиригина, барбитона, кифара и т. п. — Хониат употребляет синонимически].

⁸ Никита Хониат. История. СПб., 1860. Не только русский перевод, но и вообще славяноязычная литература не учитывается Граблером.

4. О матери Алексея II, которую Хониат называет Εἰνή (стр. 331.10—16), Граблер пишет (II, 45): fremdländische Mutter, Ausländerin. Но Ксени — не эпитет, а имя собственное, и поздние переводчики сохраняют его (II, 131, 223).

5. Сравнение *ὡς μονὸς ἄγριος* (стр. 345.13—14) Граблер переводит: wie ein wilder Wolf (II, 57). Образ этот — библейский (см.: Псал. 79, 14) и означает не волка, но вепря. Аналогичную, но более ясную фразу: τοὺς μοναδικούς τῶν σὺν (стр. 416.2) Граблер переводит: Einzelgänger unter dem Schwartzwild [II, 117; ср. еще в памфлете на Каматира: ein wildes Einzelgängertier (IV, 132)].

6. На стр. 557.21—22 сказано, что Андроник I одного из вельмож ἀπεξένωσε τοῦ φωτός, лишил глаз [чаще говорится στερῶ или ἀποστερέω τοῦ φωτός (стр. 343.7, 466.18—19, 554.11, 561.1)]. Граблер, однако, введенный в смущение глаголом ἀποξένω, изгонять, переводит не только raubte... das Augenlicht, но и еще schickte ihn in die Verbannung (II, 231), чего в оригинале нет.

7. На стр. 581.4 рассказывается, что Исаак Ангел разрушил λαμπροτάτην τοῦ γενικῆ οἰκοδομήν — в переводе Граблера: das herrliche Haus seines Geschlechtes. Перевод закономерен рождает сомнения: действительно, зачем бы Исааку Ангелу разрушать дом своего рода. К тому же γενικός означает не род, а родовой, поэтому если бы Хониат хотел сказать то, что прочитал у него переводчик, то это звучало бы примерно так: ἡ γενικὴ οἰκία или ἡ τοῦ γένους αὐτοῦ οἰκία. Но в византийской терминологии, как известно, слово γενικόν означало одно из основных финансовых ведомств⁹, и следовательно, Исаак II разрушил не родовой дом, а канцелярию геникона.

8. Хониат сообщает (стр. 608.1—5): φήμῃ τις πρόεισιν ἀφευδῆς ἐκ Κιλικίων τινὰ ὀρμώμενον Ἀλέξιον τοῦνομα... προσρυῖναι (к сатрапу Анкиры). По мнению Граблера (III, 25), aus Kilikien die Kunde kam, т. е. известие пришло из Киликии. Но φήμῃ и ὀρμώμενον не согласуются, ὀρμώμενον — это приложение к Ἀλέξιον, и речь идет, как правильно уже в русском переводе (II, 150), о «выходце из Киликии». И действительно, чуть ниже Алексей прямо назван киликийцем (стр. 610.10).

9. По мнению Граблера (III, 29), Исаак Комнин изо всех сил стремился следовать за «персом» (сельджукским правителем): strebte er mit aller Kraft, dem Perser bei einem Zug gegen die Rhomäer zu folgen und alle seine Befehle auszuführen. Однако греческое *ισχύς* часто означает военную силу, подразделение. Μεθ' ὅλης τῆς οἰκείας ἰσχύος ἑπείσθαι (стр. 611.24) можно перевести: «следовать со всеми своими войсками». Однако трудность не только в этом: что означает ἐγλίχeto ἑπείσθαι οἱ? Кто за кем должен был следовать? В οἱ всего естественнее видеть возвратное местоимение (=ἑαυτῷ); в таком случае Исаак хотел, чтобы «перс» (со всем своим войском) следовал за ним, а не наоборот. Это подтверждается, мне кажется, и предшествующими словами: «перс» не сделал того, что хотел Исаак. Кстати, такое же понимание мы найдем и в русском переводе (II, 154 и сл.).

10. Томазо Морозини, повествует Хониат, носил отечественную одежду, узкую, облегавшую тело — τὰ εἰς καρποὺς καὶ τὸ στῆθος ἀφείσσαν ἄνετον (стр. 824.3—5). Фраза, как будто, не должна вызывать затруднений: Хониат отмечает, что на груди и в запястьях она оставалась свободной. Иначе у Граблера (III, 204): по его словам, костюм Морозини jeden Tag an den Handgelenken neu genäht werden mußte, «ежедневно должен был перешиваться в запястьях».

В переводе речей и писем неточностей, на мой взгляд, гораздо меньше.

Перевод сопровождается примечаниями — частично в конце каждого тома, частично же — в скобках, в самом тексте. Граблер выявил огромное количество скрытых цитат — прежде всего из Библии. Конечно, кое-какие дополнения можно было бы сделать: например, αἰμάτων ἀνὴρ (стр. 117.10) взято из II Цар., 16.7—8; фраза на стр. 408.22—23 содержит явную аллюзию на Лк. 6.38, что, может быть, позволяет исправить μέτρον σσαχμένον, «мерой уплотненной», на библейское σσαλευμένον, «утрашенной». Впрочем, Хониат мог и отойти от евангельской формулировки. Πλαῶντες ἥτερ πλανώμενοι (стр. 441.15) — аллюзия на II Тим., 3.13. На стр. 569.4 — аллюзия на Псал., 117.12, та же самая, что на стр. 480.11. Граблер отмечает скрытую цитату только в одном случае (II, 170), и перевод во втором случае (II, 239) оказывается несколько отличающимся.

В комментарии тщательно отмечены скрытые цитаты из античных авторов и поговорок. Очень остроумно раскрытие далекого намека на стр. 456.15 на «Всадников» Аристофана (II, 276). Заслуживает внимания обильное использование Элиана — как в «Истории», так и в речах; кстати сказать, Элиана знал, по всей видимости, и такой своеобразный автор, как Симеон Богослов¹⁰. Конечно, нельзя надеяться, что все скрытые цитаты и поговорки уже обнаружены — работу Граблера еще предстоит продолжать. Например, в письме Вильгельма Сицилийского Хониат вставляет упоминание τρύφος τοῦν ἄρτου... ἀπάβλωρον (стр. 476.8—9) — явный намек на «Труды

⁹ См. подробно: F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Darmstadt, 1960, S. 19f.

¹⁰ Syméon le Nouveau Théologien. Traités théologiques et éthiques. Paris, 1967, p. 206. 72—74 et p. 207, n. 2.

и дни» Гесиода, стк. 442. В характеристике Андроника Комнина на стр. 185. 3—4 — аллюзия на Софоклова «Аякса», стк. 811 (ср. также стр. 152.23 и «Аякс», стк. 1087).

В комментарии приводятся параллельные тексты, преимущественно из западно-европейских авторов, например из Роджера Хоудена, английского хрониста XII в. (I, 304; II, 281, 284). Можно было бы ожидать и других параллелей — особенно с Киннамом или с историками Третьего и Четвертого крестовых походов (Псевдо-Ансберт, Робер де Клари, Виллардуэн). Впрочем, это привело бы к значительному расширению объема книги.

Наконец, комментарий содержит разъяснения реалий, датировки и т. п. — к сожалению, далеко не всегда безукоризненные. Прежде всего сведения эти часто неполны: например, ряд событий, упомянутых во II книге об Исааке Комнине, может быть датирован по западным источникам (прибытие Конрада Монферратского в Тир 14. VII 1187 г., его гибель 28. IV 1192 г., поход Исаака II на Филадельфию 1189 г.). В других случаях Граблер пользуется старыми датами: так, ошибочна вся хронология константинопольских патриархов (II, 208—211), неверно указан день рождения Алексея II (I, 214). О принципах византийской хронологии представления переводчика довольно смутны. Так, рассказав о событиях в марте 1171 г., Хониат переходит к другим, заявляя: «на следующий год» (стр. 224. 12). Граблер поправляет его: «В действительности еще осенью 1171 г.» (I, 217). Но ведь в Византии новый год начинался 1 сентября: «поправка» Граблера бьет мимо цели, ибо осень и в самом деле была «на следующий год». Аналогичная ошибка и в другом случае. На стр. 444.14—16 Хониат приводит невозможную дату: 11 сентября 6794 г. Ясно, что он ошибся на сто лет и что речь должна идти о 6694 (1185) г. Граблер не удовлетворяется этим и замечает: «Правильней было бы 6693» (II, 276). Конечно, 1185+5508=6693, но ведь с 1 сентября уже пошел новый, 6694 год!

Отмечу еще несколько промахов.

I, 12: сочинение Киннама завершается не кончиной Мануила I — оно обрывается накануне битвы у Мириокефала, за четыре года до смерти Мануила.

I, 285: история императрицы Феодоры рассказана, конечно, не Прокопием Газским, а Прокопием Кесарийским.

I, 178 и 296: Дежа и Стефан Неманя — отнюдь не одно и то же лицо.

II, 177: верно, что «граф Алдуин» не известен по другим источникам — его упоминает Евстафий Солунский.

III, 258: Михаил Хониат умер не на Кеосе.

И наконец, две-три поправки к транскрипции: у Хониата Атапакас, не Атапакос (I, 239), Рентакин, а не Пентакин (II, 173); вместо Магантца (I, 249) я бы писал в соответствии с новогреческим произношением Майентце, что ближе к немецкому Майнц.

Комментарий к речам и письмам сделаны лучше, чем в томах «Истории».

Каждая речь вводится небольшими предисловием с анализом содержания и обоснованием датировки. Автор постоянно указывает параллели в «Истории», тогда как, комментируя соответствующие места исторического сочинения Хониата, он не давал отсылок к речам. Короче говоря, во всем чувствуется, что за годы, прошедшие между подготовкой III и IV выпусков, Граблер сделал большие успехи в византинистике.

Любопытно в этой связи сравнить вводные статьи к «Истории» и к речам. В 1958 г. Граблер писал, что «Хониат бежал из Константинополя с женой и ребенком» (I, 11), — в 1966 г. он правильно пишет во множественном числе: «с детьми» (IV, 15); в 1958 г. он полагал, что в Никее Хониат «скоро получил новые должности и титулы» (I, 11), — теперь он знает, что Никея принесла Хониату разочаровани: (IV, 15). Он уточняет дату смерти Хониата (I, 11 и IV, 16). Во всех элементах последний том перевода обнаруживает растущую зрелость австрийского ученого.

А. П. Каздан

А Н Н О Т А Ц И И

Э. ХИНТИБИДЗЕ. ВИЗАНТИЙСКО-ГРУЗИНСКИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Тбилиси, 1969 (на груз. яз.)

В результате многолетней работы ряда поколений ученых, исследовавших византийско-грузинские литературные взаимоотношения, в этой области возникла многообразная проблематика, накопилось значительное количество трудов. Книга Э. Хинтибидзе ставит целью суммировать, систематизировать основные итоги этой работы, дать картину современного состояния исследования наиболее важных вопросов византийско-грузинских литературных связей, поставить новые проблемы. Поскольку книга предназначена в качестве учебного пособия для студентов филологического факультета — будущих византистов и грузинистов, в ней рассматриваются также вопросы методики филологического исследования, текстологической работы и т. д.

В книге выделены три основных аспекта византийско-грузинских литературных связей:

1. вклад грузинских деятелей в византийскую литературу;
2. творческое освоение в Грузии грекоязычной литературы;
3. значение древнегрузинской литературы для византистики.

В первой части книги рассмотрены вопросы: книги, переведенные с грузинского языка на греческий; грузинские произведения в византийской литературе; Евфимий Афонский — автор произведений, написанных на греческом языке. Здесь же исследуются вопросы, связанные с жизнью и деятельностью византийских писателей грузинского происхождения (автором представлены все гипотезы, высказанные в этой связи советскими и зарубежными учеными), как, например, проблема ареопагитских книг (гипотеза Ш. Нуцубидзе и Э. Хонигмана), вопрос о происхождении Иоанна Мосха, Евагрия Понтийского, проблема идентификации Кириона, католикаса Грузии, с Кириллом Александрийским и др. Детально исследуется вопрос о происхождении Василия Каппадокийского из среды жившего в Причерноморье грузинского населения, впервые поставленный и аргументированный самим Хинтибидзе.

Во второй части книги рассматриваются вопросы отношения грузинской литературы к византийской. Автор прослеживает процесс освоения грузинскими писателями и переводчиками византийской литературы, отмечает развитие методов и принципов переводческой деятельности, изменение задач этой работы в разные периоды истории грузинской литературы. Особо выделяется в работе период деятельности грузинского писателя второй половины XI в. Ефрема Мцире. На основании анализа комментариев Ефрема, которые до сих пор не были изучены, делается попытка установления научных и переводческих принципов грузинского писателя.

Третья часть книги посвящена следующим проблемам:

1. Древнегрузинские переводы произведений, оригиналы которых до сих пор не обнаружены.
2. Неизвестные византийские авторы в древнегрузинской письменной традиции.
3. Грузинские сведения о византийских писателях.

В этой же части уделяется особое внимание вопросам современной методики филологического и текстологического исследования византийско-грузинских литературных отношений.

Ясность в изложении важных проблем, отличная ориентация автора в специальной литературе, умение суммировать и систематизировать многочисленные научные теории и гипотезы делают книгу полезной и интересной не только для будущих исследователей грузинско-греческих литературных связей, но и для широкого круга читателей.

Р. В. Гордеевич

Началось издание *Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile*. В качестве первого тома А. Ги́у, известный своей публикацией греческих актов богородичного монастыря в Мессине¹, опубликовал архив греческой обители св. Николая, расположенной близ кастро́на Меркурий, на границе Калабрии и Лукании. Монастырь был основан в начале XI в. местным землевладельцем — греком Климентом Мулеци.

Архив невелик. Он содержит всего четыре акта, относящихся к XI в. Наиболее важный среди них — судебное решение стратига Лукании Евстафия Скепиды от 1042 г. (№ 3). Грамота излагает судебную тяжбу игумена св. Николая Климента Мулеци с его племянниками, обвинившими благочестивого дядю в присвоении причитающегося им наследства. Суд принимает решение в пользу игумена Климента. Другая грамота (№ 4), датированная 1060/61 г., — дарственная монаха Софрония Фортоната в пользу монастыря св. Николая: она интересна упоминанием значительного количества участков, которыми Софроний владел совместно со своей сестрой Марией или втроем — с Марией и их дядей Каннатом. Две грамоты — купчие, одна из которых интересна тем, что продаваемый участок (лесистый холм и хорафий), оцененный в 9 тариев (местная золотая монета), уступается монастырю за неполную цену (№ 1, 1031 г.).

Ги́у публикует фотографии грамот, их транскрипцию (и, поскольку писцы не соблюдали орфографических норм, указывает в подстрочных примечаниях правильное чтение искаженных слов) и обширнейший комментарий, лексический и реальный. Как в комментарии, так и во вводной статье Ги́у уделяет — в отличие от большинства издателей греческих актов — пристальное внимание социально-экономическим отношениям в Южной Италии XI в. Очень интересны его наблюдения над этническим составом населения этого района, где явно преобладали греки: из 80 названных в актах имен только три латинских (стр. 8 и сл.). С большим вниманием Ги́у относится к демографическим проблемам: он приходит, в частности, к выводу, что семья, имевшая 3—4 детей, была в этом районе нормальной (стр. 13); его заключение о том, что население кастро́на Меркурий исчисляется в 100—200 душ (стр. 7), хорошо гармонирует с выводом Н. Икономидиса о незначительности размеров византийских кастронов². Интересные детали извлекает Ги́у и для характеристики судопроизводства в византийской Италии (стр. 40 и сл.). Короче говоря, несмотря на скудость архива, издание Ги́у чрезвычайно существенно и для византиста, и для историка средневековой Италии.

Полнота комментария — не только исчерпывающая, но временами избыточная. Например, дважды Ги́у говорит о составе господствующего класса (стр. 12 и 39) — приводя один и тот же текст, одни и те же ссылки. Текст этот, кстати сказать, не очень удачен: речь идет о новелле императрицы Ирины; постановление это, относящееся к рубежу VIII—IX вв., вряд ли может быть безоговорочно приложено к социальной структуре XI в.

Другая характерная черта комментария Ги́у — стремление преодолеть скудость источника с помощью смелых построений. В судебном решении 1042 г. упомянуты земли, переданные истам, т. е. монаху Фандину и священнику Льву (№ 3. 42—43. См. комментарий, стр. 38). Ссылаясь на эту фразу, Ги́у (стр. 9) усматривает здесь указание на государственную собственность; мало того, он полагает, что эти земли «без сомнения» обрабатывались государственными париками. Оснований для этого в тексте нет.

В том же судебном решении говорится, что стратиг Лукании послал для разбора тяжбы своего нотариуса Льва (№ 3. 13—14). По мнению Ги́у, этот Лев непременно должен быть анаграфевсом (стр. 40). Почему? Ведь о Льве сказано, что он нотариус стратига, тогда как анаграфевс был чиновником центрального аппарата. Столь же неоправданно и заключение Ги́у, что спэфарокандидат Урс Марс был турмархом (стр. 41). В этих случаях издателю лучше было бы не выходить за пределы источника.

Наоборот, характеризую предмет дарственной Софрония как весьма банальный (стр. 55), Ги́у, по-моему, ошибается: речь идет о дарственной, составленной монахом, что предполагает наличие у монаха имущества и права им распоряжаться. Вопрос о монашеских завещаниях, специально рассматривавшийся в историографии³, заслуживал бы более внимательного отношения.

А. К.

¹ A. Guillou. Les actes grecs de S. Maria di Messina. Palermo, 1963.

² N. Oikonomides. The Donations of Castles in the Last Quarter of the 11th Century. — «Polychronion». Heidelberg, 1966.

³ См., например: A. Steinwenter. Byzantinische Mönchstestamente. — «Aegyptus», 12, 1932.

J. LONGNON, P. TOPPING. DOCUMENTS SUR LE RÉGIME
DES TERRES DANS LA PRINCIPAUTÉ DE MORÉE AU XIVe SIÈCLE.

Paris, 1969, p. VIII + 326, карта

Если греческие акты давно уже стали предметом всестороннего изучения исследователей византийской аграрной истории как за рубежом, так и у нас¹, то латинские документы из завоеванных крестоносцами земель, хотя они и привлекались уже Ф. И. Успенским (Лампсакская опись и некоторые другие памятники), до сих пор становятся предметом анализа лишь от случая к случаю. А между тем они существенны не только для понимания общественных условий в Латинской империи, но и — ретроспективно — для социальной истории Византии, ибо они сохраняют значительные пласты византийской фискальной и аграрной терминологии.

Одна из причин подобного пренебрежения латинскими актами — недостаток публикаций. До последнего времени они были доступны лишь в старых изданиях (Ж. Бюшона, Г. Тафеля и Г. Томаса и др.), где тексты были отобраны довольно случайно и воспроизведены некритически. Теперь положение начинает меняться: за отличной публикацией кипрских деловых документов² и морейских грамот конца XIII в.³ vyšло рецензируемое издание — сборник грамот из Морей XIV в.⁴

Публикация Ж. Лоньона и П. Топпинга содержит десять грамот 1336—1379 гг., относящихся по преимуществу к владениям Николая Ачайоли и его наследников в Морее. Помимо того, публикуется жалованная грамота 1357 г., данная Робертом Тарентским, князем Ахайи и номинальным императором Константинополя, его придворному Иоанну Сирилайдо, а также отчет Николая де Бойано (1361 г.) о состоянии морейских владений Марии Бурбонской, жены «императора» Роберта.

Флорентинец Николай Ачайоли (1310—1365) сделал блестящую карьеру при дворе Роберта Тарентского, занимавшего морейский престол в 1333—1364 гг. Он стал великим сенешалом Сицилии в 1348 г. и графом Мельфи — в 1352 г. Роберт пожаловал Николаю ряд владений в Пелопоннесе и на о. Кефалиния.

Тексты грамот критически изданы по итальянским и парижским рукописям. Каждая предваряется кратким изложением содержания, в подстрочных примечаниях дан реальный комментарий. Удобные приложения содержат сводку данных о личных именах, топонимике и, наконец, о социальных институтах в Морее (здесь же рассмотрен вопрос о мерах и весах, упомянутых в грамотах).

Издаваемые документы (жалованные грамоты, описи, отчеты, списки доходов) являются существенным источником для изучения аграрного строя Морей XIV в. Они сообщают сведения о составе населения феодальных владений. Это прежде всего villani или урари́, т. е. парики греческих актов⁵. Другая категория крестьян обозначается термином *nicarii-nicharii* или даже *enicarrii*. Издатели возводят его к новогреческому *νοικάρης*, «арендатор», замечая при этом, что им не удалось пайти этот термин в византийских текстах (стр. 10 и особенно стр. 263). Они не обратили, однако, внимания на византийский термин *κατηνάριος*, обозначавший одну из категорий неимущего крестьянства⁶, — значение, которое гораздо лучше подходит к морейским *никариям*, нежели «арендатор».

Более частное значение имеют термины *homines fugitivi* и *homines extranei*⁷, а также обозначения привилегированных категорий сельского населения — *homines francati* и *incosati*. В описи 1364 г. *incosati* определяются как лица, обязанные выполнять *servicium honestum* согласно их привилегиям (стр. 86. 14—15), что вполне отвечает статусу византийских *экскуссатов* (стр. 264), т. е. лиц, освобожденных от общих повинностей ради выполнения специальных служб⁸.

¹ См. в последнее время: К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968.

² J. Richard. Documents chypriotes des Archives du Vatican (XIVe et XVe siècles). Paris, 1962.

³ Ch. Perrat, J. Longnon. Actes relatifs à la Principauté de Morée, 1289—1300. Paris, 1967.

⁴ См. также предварительные публикации: P. Topping. Le régime argaire dans le Péloponnèse latin au XIVe siècle. — «L'Hellénisme contemporain», 10, 1956; P. Topping. A Frankish Estate Near the Bay of Navarino. — «Hesperia», 35, 1966; P. Topping. Estates of Niccolò Acciaiuoli in Cephalonia. — Byz., 36, 1966 (1967), f. 2. К началу XV в. относится латинский аргировул Феодора Палеолога: V. Laurent. Un argyrobulle inédit du despote de Morée Théodore Paléologue en faveur de Mastino de Cattanei, gentilhomme Toscan. — REB, 21, 1963.

⁵ О париках на латинском Кипре см.: J. Richard. Documents, p. 137 sq.

⁶ Г. Г. Литавин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 177 и сл.

⁷ Аналогичная категория «присельников», «чужаков» хорошо известна по византийским источникам. См.: В. А. Сметанин. Деклассированная прослойка в поздневизантийской деревне. — УЗ Уральского университета, 53, 1966, стр. 94—135.

⁸ См. об этом также: А. П. Каждан. Экскуссия и экскуссаты в Византии X—XII вв. — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 187—191.

Крестьянское держание обозначалось греческим термином *stasia*. Среди наделов встречаются, как и в византийских актах, выморочные стаси — *stasia deserta* или *eremustasi*. Издатели отождествляют с этими понятиями также *stasia apora* (стр. 9, 266). Однако в актах *stasie apore* отнюдь не пустующие: в деревне Кристина ряд крестьян держали такие стаси за денежную и натуральную ренту (воск, куры, яйца) (стр. 65, 22—66.7; ср. еще стр. 46.7). Следовало бы учесть, что в Византии апорами именовались неимущие крестьяне⁹.

Издаваемые акты очень важны для изучения крестьянских повинностей. Помимо византийского акростиха (*acrostichum* латинских грамот), который платили в натуре или в перперах, крестьяне вносили *pro servicio suo* (выкуп барщины) всегда одну и ту же сумму — пять перперов (стр. 271 сл.). В грамотах упоминаются и разнообразные баналитеты за пользование мельницей, прессом для выжимания оливкового и льняного масла и пр. Любопытно, что «льняной» баналитет обозначался восходящим к греческому термину — *jus linobrosii*. Упоминаются и другие повинности византийского происхождения, например *ariko*, т. е. аэрикон.

Аккуратно выполненное, снабженное удобными индексами, издание Лоньона и Топшинга необходимо каждому византисту-аграрику.

А. К.

EUD. TH. TSO LAKIS. 'H SYNEXEIA THS XRONOGRAFIAΣ TOY
IOANNOY SKYLITZH (Ioannes Skylitzes Continuatus).

«Εταιρεία Μακεδονικῶν σπουδῶν», 105. Θεσσαλονίκη, 1968, σελ. 247

Как известно, «Хроника» Иоанна Скилицы, один из важнейших источников по византийской истории X—XI вв., завершается 1057 г. Далее к ней примыкает сочинение, получившее условное название «Продолжения хроники Скилицы». Греческий ученый Е. Ф. Цолакис опубликовал критическое издание этого продолжения. Текст сопровождается примечаниями, главным образом толкового характера (локализация топонимов, характеристика персонажей и т. п.), но иногда и в этих примечаниях появляется исследовательский элемент. Так, на стр. 193 и сл. Цолакис, на мой взгляд убедительно, оспаривает предложенную Д. Полемисом датировку мятежа против Константина X Дуки Фоминым воскресеньем (22 апреля) 1061 г. Следовало бы сделать еще один шаг и показать, что мятеж произошел скорее всего на Пасху (20 апреля) 1063 г.¹

Тексту предшествует большая вводная статья — всестороннее исследование «Продолжения хроники Скилицы». Цолакис высказывает убедительное предположение о первоначальном объеме памятника: Продолжатель доводил свой рассказ до воцарения Алексея I в 1081 г., как сказано в титуле рукописи Vindob. hist. gr. 35, но последние листы были потеряны, и теперь мы располагаем текстом, завершающимся на 1079/80 г. (стр. 26 сл., 77).

Сопоставление сохранившихся рукописей, а также зависящих от «Продолжения» Скилицы хроник XII в. суммируется в стемме (стр. 51), которую я воспроизвожу здесь в несколько упрощенном виде (см. стр. 260).

Цолакис специально останавливается на вопросе об источниках Продолжателя Скилицы. Близость хрониста к «Истории» Атталиата давно отмечена. Цолакис уточняет и детализирует этот тезис. По его словам, в одних случаях Продолжатель почти дословно следует за Атталиатом, в других — сокращает его больше или меньше, в третьих, — наоборот, расширяет рассказ за счет дополнительных сведений или собственных суждений². Иной раз он вводит новые факты или, напротив, вовсе опускает те или иные события (стр. 61—64). В обширной таблице (стр. 64—72) Цолакис указывает места, которые взяты Продолжателем из сочинения Атталиата.

Помимо того, Цолакис, следуя за Д. Моравчиком³, отмечает некоторые следы использования в «Продолжении» мемуаров Пселла (стр. 72—74).

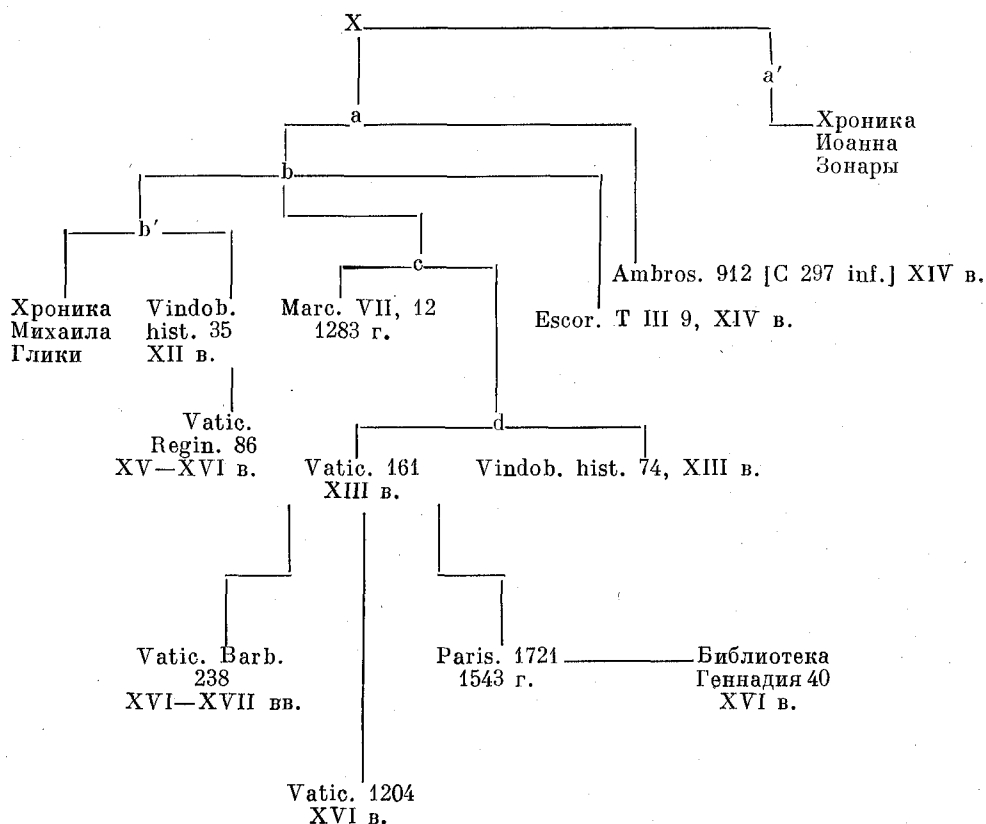
Наиболее оригинальной частью исследования является глава об авторе «Продолжения». По мнению Цолакиса, им был сам Скилица. Он начинает с определения времени написания «Продолжения». Поскольку оно послужило источником Зонары, Цо-

⁹ См. о них: Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры. М.—Л., 1961, стр. 70 сл.

¹ См.: А. П. Каздан. Новые работы по византийской просопографии. — ВВ, 30, 1969, стр. 256.

² О том, что Продолжатель Скилицы в ряде случаев дает лучший текст, чем Атталиат (или во всяком случае иной), см.: А. П. Каздан. Критические заметки по поводу изданий византийских памятников. — ВВ, XVIII, 1961, стр. 285 сл.

³ G. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 340.

лакис считает, что Продолжатель писал до воцарения Мануила I⁴. Затем, основываясь на словах Продолжателя о том, что Константин Бодин умер в его время, Цолакис считает, что хроника писалась после 1101 г. (стр. 75 и сл.)⁵.

Итак, автор «Продолжения» жил скорее всего в конце XI — первой половине XII в. Но и жизнь Иоанна Скилицы приходится на те же годы (стр. 97). Помимо того, Цолакис считает, что Продолжатель последовательно применял принципы, изложенные Скилицей в прологе к «Хронике» (стр. 83), — факт этот, если он даже и соответствует действительности, вряд ли может доказывать идентичность обоих писателей, особенно в условиях средневекового пристрастия к стандартизации. Более существенно наблюдение Цолакиса над тем, что в «Продолжении» имеется прямая связь, даже отсылки к тексту хроники (стр. 88 сл.), — впрочем, и это может доказывать лишь то, что Продолжатель внимательно читал хронику Скилицы.

Таким образом, аргументация Цолакиса любопытна, хотя и не бесспорна. Против нее также нельзя выдвинуть решительные возражения. Наиболее опасным аргументом против своей гипотезы Цолакис считает тот факт, что в прологе к хронике Скилицы среди разных историков не назван Атталиат, которым последовательно пользовался Продолжатель (стр. 78). Цолакис отводит это возражение, во-первых, указав на то, что в прологе сказано «и другие», и за этим словом может скрываться кто угодно. Во-вторых, пролог мог быть написан раньше, чем Скилица приступил к составлению «Продолжения».

⁴ Вопрос о времени жизни Зонары не прост. Цолакис принимает традиционное мнение, согласно которому Зонара умер около 1140/45 г. (M. Heinemann. *Quaestiones Zonagaeae*. Dresdae, 1895, p. 22 sq.), но М. Красножен («Толкователи канонического кодекса восточной церкви». Юрьев, 1911, стр. 93) усматривал в его толкованиях намеков на второй брак Мануила I. Если Красножен прав, *terminus ante quem* Продолжателя следует значительно отодвинуть.

⁵ Свидетельство Продолжателя о браке и разводе Синадины Цолакис не считает нужным использовать для установления *terminus post quem*, так как он думает, что мужем Синадины был Геза I (1074—1077). Я старался показать, что брак Синадины относится к более позднему времени. См.: А. П. Каждан. Из истории византиино-венгерских связей во второй половине XI в. — «Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», X, 1962, p. 163—166.

Я позволил бы себе добавить, что названные в прологе авторы — вовсе не те, кем Скилица пользовался. Он пишет о них критически, они служат ему образцом, как не надо писать историю⁶. Поэтому умолчание об Атталиате в прологе не может иметь никакого значения.

А. К.

F. DÖLGER, J. KARAYANNOPOULOS.
BYZANTINISCHE URKUNDENLEHRE. Erster Abschnitt:
Die Kaiserurkunden. München, 1968, S. XXXIII + 203 + 85 Taf.

Вся научная жизнь ведущего западногерманского византиниста Франца Дэльгера была так или иначе связана с изучением византийских императорских грамот. В 1924 г. он выпустил первую часть «Регест» — списка постановлений, посланий, приказов и посольств, отправленных вассалам. Это громадное предприятие было завершено только в 1965 г., когда вышла пятая часть, подготовленная Дэльгером совместно с его учеником П. Виртом¹. В процессе издания «Регест» возникла целая серия задач. Одни из них были дипломатического характера (формуляр императорских грамот, классификация их, проблемы датировки, подделок и пр.) — эти вопросы исследуются Дэльгером в ряде работ, выходящих с 1929 г. и объединенных позднее в сборник². Другие задачи были связаны с содержанием грамот: здесь было особенно важно рассмотреть фискальное устройство Византийской империи и ее взаимоотношения с соседними государствами; и той, и другой теме был посвящен ряд работ Дэльгера³. Наконец, много внимания уделял исследователь разысканию и публикации новых документов — как императорских грамот, так и актов иного типа⁴.

Вот почему можно сказать, что рецензируемая книга является научным итогом всей жизни Дэльгера. Вряд ли кто-либо был лучше подготовлен к выполнению этой задачи. Болезнь ученого в последние годы не позволила ему самому довести до конца свой труд — он завершен в сотрудничестве с учеником мюнхенского профессора греческим исследователем И. Караяннопoulosом (любопытно, что кое-где сохранено авторское единственное число — см. стр. 64, примеч. 3). Хотя специальные интересы Караяннопoulosа лежат в несколько иной сфере, он внес в книгу существенную черту — присущую ему четкость изложения, стремление к классификации по пунктам, ясность структуры, что в общем-то не было свойственно его учителю, писавшему подчас усложненно.

Рецензируемая книга является общей характеристикой византийских императорских грамот. Она открывается историографическим разделом (стр. 3—20), за которым следует общая характеристика византийского документа и классификация его типов. Авторы приводят на стр. 24 следующую таблицу этих типов:

Публичные акты	Частные акты
Светские	Церковные
Императорские	Патриаршие
Деспотов	Синодальные
Севастократоров	Епископские
Чиновников	Протов
	Игуменов

⁶ См. об этом: А. П. Каздан. Из истории византийской хронографии X в. — ВВ, XX, 1961, стр. 109 сл.

¹ Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. Bearbeitet von F. Dölger. T. 1—5. München, Berlin, 1924—1965.

² F. Dölger. Byzantinische Diplomatik. Ettal, 1956. См. также более поздние его работы на эту тему: «Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei». — «Actes du XII-e Congrès International d'études byzantines», t. I. Beograd, 1963; «Geheimnisse der byzantinischen Kaiserkanzlei». — BNJb, 19, 1966; «Ein Echtheitsmerkmal des byzantinischen Chrysobulls». — «Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae», 10, 1962; «Intervenienten-Vermerke in graeco-slavischen Urkunden». — «Die Welt der Slaven», 5, 1960; «Zur Unterfertigung byzantinischer Chrysobulloi Logoi». — SBAW, 1964, H. 10.

³ Основная работа о фискальной системе: «Beiträge zur byzantinischen Finanzverwaltung». München, 1927 (переиздано фотомеханически с небольшими дополнениями в конце: Darmstadt, 1960). Статьи о византийской дипломатии собраны в книге «Byzanz und die europäische Staatenwelt» (Ettal, 1953). Та и другая тема затронута также в работах, объединенных в сборнике ПАРАΣΠΟΡΑ (Ettal, 1961). Ср. еще: «Zur Form des Auslandschreibens der byzantinischen Kaiserkanzlei». — ЗРВИ, VIII, 1, 1963.

⁴ Главная публикация: «Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges». München, 1948. Ср. также: «Sechs Byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iviron». München, 1949; «Ein Fall slavischer Einsiedlung im Hinterland von Thessalonike im 10. Jahrhundert». — SBAW, 1952, H. 1. Некоторые публикации включены в уже названный выше сборник ПАРАΣΠΟΡΑ.

В основу этой классификации положен четкий принцип: отнесение документа к тому или иному типу определяется тем, от чьего лица он выдан.

Далее авторы характеризуют внешние признаки императорских грамот (материал, чернила, письмо, пометки, печать) и их внутренние признаки, куда они включают язык и состав документа: протокол, текст, эсхаотокол (стр. 27—56). Особый раздел посвящен императорской канцелярии (стр. 57—67). Авторы рассматривают здесь развитие канцелярии и функции отдельных ее должностных лиц: протаскрипт, каниклий, грамматики, а также функции таких чиновников, которые, собственно говоря, не входили в состав канцелярии, однако диктовали документы от лица государя. Сюда авторы относят квестора, логофета дрома, великого логофета, месадзона.

Чрезвычайно существенный раздел посвящен классификации императорских грамот (стр. 71—128). В основу классификации положено содержание документа, а не его формуляр. Авторы выделяют законы (эдикт, прагматическая санкция и т. п.) и законодательные постановления конкретного характера (рескрипт, *ἀποκρίσις*), внешнеполитические акты, в том числе договоры, административные акты (простагма, сигиллий, кодикил), жалованные грамоты (хрисовульное слово, хрисовульные сигиллий и пр.). В каждом случае выясняется и сводится в удобную для обозрения таблицу формуляр данного вида грамоты.

Специально рассматривается вопрос о традиции императорских грамот (стр. 25—26, 129—134): немногие документы дошли до нас в оригинале, большая часть в копиях, которые подразделяются авторами на канцелярские копии, копии чиновников или епископов, копии получателей и, наконец, копии, включенные в другой документ или в нарративный источник. Книга завершается разделом о фальсифицированных (поддельных) грамотах.

В приложении помещены рекомендации для издания византийских документов и многочисленные таблицы, служащие не только иллюстрацией, но и материалом для упражнений в дипломатике, поскольку авторы приводят в книге расшивки таблиц.

Перед нами удобное, сжатое пособие, которое будет служить руководством для каждого, занимающегося не только византийской дипломатикой, но и смежными вопросами. Обширная библиография позволяет легко получить более подробную информацию там, где авторы поневоле вынуждены были оставаться краткими.

Есть, однако, и в этой добротной книге положения и разделы, вызывающие возражения. Начну с истории развития науки о византийской дипломатике. Раздел состоит из двух частей: перечня публикаций актов и — гораздо более краткого — очерка развития «теории византийской дипломатии». В первой части центральное место занимает деятельность Баварской академии наук, составившей план издания Корпуса греческих документов. Подробно излагаются решения по этому вопросу, приводится список предполагаемых томов (стр. 12—15), — несмотря на то что из грандиозно задуманного предприятия пока что ничего не вышло. В отличие от этого деятельность французских ученых во главе с Г. Милле и П. Лемерлем по изданию «Афонских архивов» уместена в 7 строчек (стр. 15), а информация о ней не отличается точностью: во всяком случае, в списке подготовляемых изданий отсутствуют «Акты Дионисиева монастыря», прекрасно изданные Н. Икономидисом в 1968 г. (уже четвертый том серии). Между тем именно с «Афонскими архивами» связан коренной перелом в технике публикаций византийских актов.

То же относится и ко второй части, из которой следует, что теория византийской дипломатии разработана «благодаря многочисленным трудам Ф. Дэльгера» (стр. 19). Спору нет, Дэльгер сделал очень много в этой области, я с этого начал рецензию. Но тем больше было у него оснований называть здесь своих предшественников, в первую очередь П. А. Яковенко, чья работа «Исследования в области византийских грамот» (Юрьев, 1917), собственно говоря, положила начало анализу формуляра и типов императорских актов. Об этом надо было сказать ясно и четко: право, это не отняло бы славы ни у Дэльгера, ни у немецкого византиноведения вообще.

Кое-что следует уточнить в кратком разделе о палеографии актов. Возведение термина «бомбицин» к названию сирийского города Манбидж (стр. 27, примеч. 4) далеко не бесспорно. Замечание о том, что императорская подпись ставилась каламом, тростниковым пером (стр. 30), нуждается в развитии: дело в том, что вопрос о применении птичьих перьев в Византии специально, сколько я знаю, не исследован, а иконография представляет писца с каламом в руках даже на поздних миниатюрах; возможно, что здесь, как и в арабском мире, вообще писали преимущественно тростью. К списку императорских грамот с миниатюрами (стр. 30) нужно теперь прибавить хрисовул Алексея III Великого Комнина от 1374 г.

Некоторые уточнения следует внести в раздел об императорской канцелярии. Авторы полагают, что должность *ἐπί τῶν δεῖξων* появилась в VIII—IX вв. (стр. 61) — основываясь на сигиллографии, можно отнести это к более раннему времени⁵

⁵ См. печать VII в. Феодора *ἐπί τῶν δεῖξων*: V. Laurent. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. Citta del Vaticano, 1962, p. 262 sq. N 8. См. об этом: R. Guillard. Le Maître des Requêtes. — Byz., XXXV, 1965, p. 100 (эта статья не использована в рецензируемой работе).

На стр. 63 авторы пишут, что в XI в. функции квестора в качестве составителя императорских грамот переходят к протасикриту — однако последний исполнял эти функции подчас и в X в.⁶ Дело в том, что византийская канцелярия, по всей видимости, не знала той четкости разделения обязанностей, какую предполагают авторы: протасикрит и квестор действовали попеременно в одной и той же роли.

И наконец, последнее замечание. Мне думается, что в книге о дипломатике нельзя было обойтись без раздела о значении императорских грамот как исторического источника. Сами авторы не вовсе чуждаются этой тематики: например, на стр. 47, в примеч. 3 упомянуто, что преамбулы к императорским актам служили целям пропаганды — но такая случайно брошенная фраза не заменяет, конечно, характеристики памятника (и его отдельных частей) по существу. Что мы можем и чего не можем ждать от грамот, подписанных василевсами, — это вопрос первостепенной важности.

А. К.

P. KNOX. STUDIEN ZU ALBERT VON AACHEN.

Der erste Kreuzzug in der deutschen Chronistik. Stuttgart, 1966, 223 S.

Монография П. Кноха, основанная на его диссертации, защищенной в Боннском университете в 1965 г., посвящена изучению одной из известнейших и вместе с тем сомнительных в смысле достоверности хроник Первого Крестового похода: «Иерусалимской истории» лотарингского каноника конца XI — первой половины XII в. Альберта Аахенского. Длительная дискуссия историков прошлого столетия об авторской принадлежности и характере содержания этого сочинения не решила поставленных проблем. П. Кнох взялся заново изучить «Иерусалимскую историю», чтобы найти удовлетворительный ответ на главный вопрос: является ли хроника Альберта пестрым смешением рыцарских преданий (как то полагал Г. Зибель) или в основе своей она написана участником похода и в целом адекватно отражает события (что доказывали Б. Куглер и его последователи)?

Тематически и по своей структуре монография П. Кноха распадается на две части: в первых трех главах содержится источниковедческий разбор хроники, в трех последующих — анализ ее идейной направленности и методов обработки хронистом материала. Важнейшие положения и выводы резюмируются в обширном заключении (стр. 147—151).

В отличие от своих предшественников, П. Кнох исследовал все доступные ему рукописи хроники; в числе 14 обнаруженных им манускриптов 4 выявлены впервые самим Кнохом в Ватиканском и Лондонском архивах (стр. 14). Историк датирует рукописи, классифицирует их, устанавливает генетические взаимосвязи между ними и, что самое главное, сопоставляет (по выборочным признакам) текст манускриптов. Таким путем он определяет гомогенность наличных рукописных вариантов хроники Альберта, которая, по всей видимости, дошла до нас в единственной редакции. Опираясь на этот вывод, Кнох пересмотрел соотношение «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского и «Истории деяний в заморских землях» Гийома Тирского — двух памятников, на протяжении столетий признававшихся важнейшими источниками по истории Крестовых походов и Франкского Востока (2-я глава и экскурс, дающий контamination параллельных текстов обоих хроник, стр. 152—211). Решительно разойдясь с прежними представлениями, он признал, что в описании Иерусалимского похода Гийом Тирский и Альберт Аахенский полностью независимы друг от друга (стр. 39 сл.), тогда как со времени Г. Зибеля считалось, будто Гийом Тирский, излагая ход событий крестового предприятия конца XI в., переписывал (с поправками) хронику Альберта.

Применив метод последовательного сопоставления материала обоих памятников (исследователь привлекает и другие источники начала XII в., в том числе «Алексиаду» Анны Комниной), П. Кнох твердо обосновал гипотезу, выдвинутую еще Б. Куглером: согласно предположению последнего, Альберт Аахенский переработал какую-то навсего утраченную впоследствии хронику хорошо осведомленного лотарингского участника событий. Кнох по-новому подошел к решению вопроса и сопоставлением хроник Альберта Аахенского и Гийома Тирского убедительно доказал наличие у них общего первоисточника (стр. 41 сл., 53 сл.). Он определил тематические и хронологические границы этого «протографа», его содержание, объем, происхождение и время составления, во многом уточнив догадки Куглера, а во многом сделав совершенно иные выводы. Так, вопреки мнению этого ученого, Кнох существенно сузил рамки предполагаемой лотарингской первоосновы Альбертовой «Истории»: в этом памятнике был описан только самый Крестовый поход, т. е. «протографу» соответствуют лишь

⁶ См., например: N. G. Svoronos. La Synopsis major des Basiliques. Paris, 1964, p. 22. Ср.: F. Dölger. Byzantinische Diplomatik, S. 63, но в рецензируемой книге это наблюдение опущено.

первые шесть книг «Иерусалимской истории», а отнюдь не все это сочинение (такого взгляда придерживался Куглер).

С большой полнотой и наблюдательностью Кнох собрал скудные известия «Иерусалимской истории», характеризующие личность Альберта Аахенского и источники его сведений (3-я глава). Он привел неоспоримые доказательства лотарингского происхождения автора упомянутого «протографа» хроники (стр. 69 сл.), высказал ряд остроумных соображений как о времени возникновения этого канувшего в вечность сочинения, так и самой «Иерусалимской истории» Альберта (стр. 82—84, 88—90).

В противоположность Г. Зибелю, ученый, к сожалению, лишь бегло касается вопроса о влиянии на хронику рыцарского эпоса (стр. 71 сл.). Непоследовательные оценки, встречающиеся у Альберта, он объясняет непосредственностью хрониста, который был лишь собирателем фактов, не умевшим систематически подчинять их «панегирической программе» своего повествования (стр. 78—79).

С нашей точки зрения, это объяснение недостаточно убедительно: ведь и «unreflektierte Arbeitsweise», и несоответствие между «unreflektierten Referat und tendenziösen Umgestaltung» (стр. 79), сами по себе верно подмеченные Кнохом у Альберта Аахенского, не составляют, однако, особенностей одной только его хроники¹; да и реальное число «рефлектирующих элементов» в рассказе аахенца, по нашим подсчетам, по крайней мере, вдвое больше, чем полагает историк (стр. 79). В дополнение к приводимым им можно отметить, например, объяснение в хронике неисчерпаемости казны византийского императора²; обстоятельств, побуждавших мусульман воздерживаться от разрушения иерусалимского храма³; причин осуждения рыцарей и князей во время пребывания крестоносного войска в Антиохии (1098 г.)⁴. Вообще представление о приверженности хрониста к фактам не исчерпывает сложности вопроса, ибо, как это признает и сам Кнох, в «Иерусалимской истории» налицо все же определенная политическая тенденция, которую хронист проводит весьма настойчиво.

Хотя источниковедческий раздел исследования Кноха чрезвычайно ценен, все-таки здесь развиваются воззрения, в том или ином виде уже высказывавшиеся ранее.

Целиком оригинальным и представляющим особый интерес является второй раздел книги, где дается анализ идейного содержания хроники Альберта Аахенского или, по определению Кноха, «литературных намерений» этого автора (стр. 91). Попытка изучить средневековую хронику в плане уяснения ее идейно-политических установок не составляет чего-либо нового в современной историографии: стремление понять идейное содержание нарративных памятников той эпохи характерно для многих медиевистических работ наших дней⁵. Любопытны, однако, своеобразные приемы, применяемые Кнохом для выявления идей, которые, по его мнению, определяют политический облик хрониста и освещение им событий Первого Крестового похода. Так, в 4-й и 5-й главах работы анализируются этнонимика Альберта Аахенского и других хронистов (употребление в их повествованиях таких этнонимических терминов, как «франки», «галлы», «тевтоны» и пр.), в результате чего аргументированно подтверждается лотарингское происхождение «Иерусалимской истории» и четко вскрываются политические истоки идейной программы ее автора. Как показывает Кнох, основу ее образуют два представления: Крестовый поход на Восток и достигнутые в нем победы — это заслуга прежде всего немецкого рыцарства; главную роль в предпринятии сыграл «немецкий» предводитель воинства Христова — герцог Готфрид Бульонский (стр. 91).

В этой части книги собраны многочисленные доказательства пронемецкой направленности «Иерусалимской истории»: идейная база хроники — *interpretatio theutonica* Крестового похода 1096—1099 гг. Кнох далек от какого бы то ни было панегиризма в отношении Альберта Аахенского и его концепции — он резко отмежевывается от великогерманского шовинизма, свойственного Куглеру и его сторонникам. Со всей научной добросовестностью Кнох выявляет тенденциозность освещения Альбертом событий 1096—1099 гг., например, «смещение пропорций» при описании состава крестоносной армии, оказывающейся под пером хрониста преимущественно немецкой (стр. 117, 124), его стремление выпятить мнимые заслуги немецких рыцарей в отвоевании св. Земли (стр. 117 сл.) и т. п. Хронист, по словам Кноха, «вводит в заблуждение своих читателей», создавая «фикцию великого немецкого участия» в крестовом походе (стр. 125).

Ниспровержением этой «фикции» является в особенности 6-я глава монографии, где раскрывается апологетика хрониста, ставящего в центр повествования идеализи-

¹ См. об этом подробно: М. А. Заборов. Введение в историографию крестовых походов (Латинская хронография XI—XIII веков). М., 1966, стр. 269—300.

² См.: *Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana*. — RHC, t. IV. Paris, 1879, p. 311.

³ Ibid., p. 481.

⁴ Ibid., p. 427.

⁵ См.: О. Л. Вайнштейн. Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964, стр. 56—57.

рованный образ Готфрида Бульонского (стр. 135 сл.). Путем сопоставления известий Альберта Аахенского с сообщениями очевидцев и установления внутренних противоречий в самой «Иерусалимской истории» доказываются фактическая несостоятельность панегирического изображения лотарингским хронистом деяний этого военачальника: Альбертом, как полагает историк, руководили его «национальные пристрастия», прежде всего «лотарингский патриотизм» (стр. 119).

Скрупулезно выявляя эти национальные пристрастия хрониста (стр. 116 сл.), Кнох подкрепляет свои выводы данными, почерпнутыми в повествованиях его соотечественников (Иоанна Вюрбургского и др.), у которых он обнаруживает аналогичные тенденции. Усилиями этих хронистов, включая самого Альберта Аахенского, «интернациональному» поначалу мифу о Готфриде Бульонском, возникшему вскоре после его кончины (1100 г.), был придан протемецкий характер; герцог лотарингский, посмертно ставший «популярнейшей фигурой Крестового похода и идеалом рыцаря-крестоносца» (стр. 132), превратился в немецкого героя (стр. 133 сл.).

Кнох тщательно проследживает пути трансформации мифа о Готфриде, доказывая, что хотя версия о деяниях Готфрида, приводимая в «Иерусалимской истории», строится на подлинных фактах, к которым он, герцог, был причастен, однако хронист перерабатывает соответствующие факты в духе своей концепции. При всей неоспоримости главных положений рецензируемой книги относительно исходных установок Альберта Аахенского несомненно, что понимание автором некоторых принципиальных вопросов темы отчасти отражает модные в современной западной медиевистике модернизаторские воззрения на крестовые походы, отчасти же — конфессиональные симпатии ученого. Этим объясняются его поверхностные старания связать с событиями почти тысячелетней давности истоки пресловутого «европейского единства» (стр. 6), заведомое преувеличение сплоченности «западного христианства» в Крестовом походе (стр. 98) и т. п. Далека от истины и его оценка папской программы «священной войны» на Востоке как «освободительной», проникнутой идеалами христианской любви и бескорыстия. С явно предвзятых позиций историк ставит под сомнение уцелевшие хронографические варианты речи Урбана II в Клермоне: они якобы соответствуют уже позднему пониманию этих войн, когда рыцарство запыталось идеальными устремлениями церкви своими завоевательными действиями, а хронисты начала XII в. приписали все это папе (стр. 136 и примеч. к ней). Все эти рассуждения Кноха вносят ощутимый диссонанс в реалистическую картину, нарисованную в его книге.

В заключение несколько частных критических соображений. Местами библиография отличается неполнотой: отсутствуют ссылки на работы П. Русса, на труды советских византистов об «Алексиаде» Анны Комниной. Подчас хроники цитируются по очень старым изданиям и переводам (Ж. П. Минь, Фр. Шиллер); Кноху незнакомо вышедшее в ГДР в 1960 г. издание и перевод хроники Оттона Фрейзингенского, который цитируется по изданию 1912 г.

Встречаются отдельные неточности. Анонимный автор хроники «Деяния франков» только до взятия Антиохии находился в ополчении Боэмунда Тарентского, после чего перешел к французам (стр. 92). Бельгийский историк Glaesener назван Gaesener'om (стр. 72) и т. д.

Систематическое и доказательно осуществленное Кнохом разграничение достоверного материала хроники Альберта Аахенского от недостоверного свидетельствует, что историк выступает продолжателем лучших исследовательских традиций немецкой науки XIX в.⁶ Вместе с тем даваемая им в строгом соответствии с фактами характеристика идейного содержания «Иерусалимской истории», объективное выявление ее протемецкой ориентации и в связи с этим тщательное определение методов освещения Альбертом исторических событий знаменуют собой новую, более высокую сравнительно с достигнутой в XIX в. ступень исследования хронографии Крестовых походов. Труд Кноха несомненно способствует лучшему пониманию Альбертовой хроники, остававшейся до настоящего времени полузагадочным памятником среди других нарративных источников Первого Крестового похода.

М. А. Заборов

⁶ Примечательно в этой связи острокритичное отношение Кноха к сочинению ультрареакционного историка Г. Хагшпиля (Цюрих, 1963), трактующего проблему «вождизма в крестовом походе» с «антропологических» позиций (стр. 126, примеч. 1).

Автор этой небольшой, но весьма содержательной книги Роберт Браунинг — профессор классической филологии и древней истории в Birkbeck College Лондонского университета. Целью его работы является общий обзор развития греческого языка, начиная от образования *койна* эллинистической эпохи и кончая разговорным и письменным греческим языком наших дней в обеих его разновидностях: *димотики* и *катаревуса*. Особое внимание автор обращает на историю греческого языка в средние века, в византийскую эпоху и в период турецкого владычества («туроккратии»). Останавливается он также на вопросах, встающих перед теми, кто стремится способствовать образованию единого общенародного греческого языка и устранению существующего в настоящее время в грекоязычных странах и областях так называемого двуязычия («диглоссии»). Книга Р. Браунинга содержит: Предисловие, главы: 1. Введение; 2. Греческий язык в эллинистическом мире и в Римской империи; 3. Греческий язык в раннем средневековье (VI в. — 1100 г.); 4. Греческий язык в позднем средневековье (1100—1453 гг.); 5. Греческий язык в период турецкого владычества; 6. Развитие национального языка; 7. Дialectы современного греческого языка и приложения — библиография, глоссарий, указатель, схематическая карта грекоязычных областей Средиземноморья. В этой книге в весьма сжатой форме излагаются все основные вопросы истории и диалектологии греческого языка за 2300 лет во всех доступных исследованиям его формах. Книга предназначена для тех, кто интересуется греческим языком и занимается им в той или иной мере. Она является хорошим учебным пособием для студентов-эллинистов и неоэллинистов, особенно если учесть, что до сих пор, ни на одном европейском языке не было издано такого обобщающего пособия по истории послеклассического, средневекового и новогреческого языка.

Автор очень объективно характеризует современное состояние «языковой проблемы» в Греции как до переворота 21 апреля 1967 г., так и после него, правильно отмечая, что классификация разновидностей современного греческого языка, установленная проф. А. Мирамбелем, излишне детализована (стр. 112—114) и пять установленных А. Мирамбелем разновидностей («очищенная», «смешанная», «разговорная», «естественно-народная» — димотики, «искусственно-народная» — малляри) сводятся фактически к двум полярным, со всякого рода переходами между ними: катаревуса и димотика.

В главе о современных греческих диалектах автор должен признать отсутствие у него каких-либо определенных сведений о греческих диалектах на территории Советского Союза (стр. 132): «Автору этих строк неясно, в какой мере еще существуют понтийский диалект Ростовской области и очень странный мариупольский диалект. Советская перепись населения 1959 г. отмечает 309 300 человек греческой «национальности», но это не означает, что они непременно говорят на греческом языке, как на своем первом или втором языке». По этому вопросу мы можем сослаться на свою статью в «Ученых записках Ленинградского гос. университета», где имеются также библиографические указания¹. Здесь можно попутно заметить, что уже проф. М. В. Сергиевский, на которого ссылается автор аннотируемой книги (стр. 146), давал описательное название диалектам новогреческого языка, представленным на территории СССР, не утверждая этим названием их единства, но противопоставляя их понтийскому диалекту Краснодарского края и Кавказа. Самым неудачным названием для «непонтийских» греческих диалектов Украины было, конечно, «мариупольский диалект», потому что греки — выходцы из Крыма, живущие и жившие в г. Жданове (до 1948 г. — Мариуполь) Донецкой области СССР, говорили не на крымско-греческом или — по самоназванию — румейском диалекте, а на крымско-татарском. Мы полагаем, что эту совокупность различных (а различными они были еще в Крыму до 1779—1783 гг.) говоров лучше всего объединить названием «румейские говоры».

При всем своем лаконизме и схематизме книга Р. Браунинга не лишена и чисто научного интереса для тех, кто специально занимается историей и диалектологией греческого языка, потому что автор ее — незаурядный специалист в своей области; в некоторых местах книги он не только излагает общеизвестные факты истории и диалектологии греческого языка, но и дает им свое толкование, в частности при общей характеристике рассматриваемых им периодов истории греческого языка.

Все основные положения книги хорошо иллюстрированы примерами и подкреплены ссылками на источники и научную литературу. Каждый период истории языка рассматривается как со стороны внешней (историко-политической и историко-культурной), так и со стороны внутренней (собственно лингвистической или грамматической и лексической). Так как на русском языке нет такого обзора послеклассических периодов развития греческого языка, нам представляется желательным перевести на русский язык эту полезную и в общем правильно ориентирующую читателей книгу и издать ее в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов филологических и исторических факультетов университетов.

¹ А. А. Белецкий. Греческие диалекты юго-востока Украины и проблема их языка и письменности. — УЗ Ленинградского гос. университета, № 343, Серия филологических наук, вып. 73; «Балканская филология», 1970, стр. 3—15.

Ограничимся еще только одним замечанием. В главе о современных диалектах автор не учитывает русской научной литературы (очевидно, по той или другой причине ему недоступной) о новогреческих говорах в СССР. Поэтому некоторые его утверждения, взятые лишь из одного источника, оказываются неточными. Так, например, нуждается в уточнении вывод на стр. 133: «Мариупольский греческий язык, кроме того, совершенно утратил родительный падеж и выражает принадлежность посредством конструкции, созданной по татарскому образцу, например: *spiti—t porta* (дверь дома), *tata—t tu spit* (дом его отца) ². Во-первых, наряду с названной конструкцией в румейских говорах сохраняются и собственно синтетические формы родительного падежа, как, например: [нѣхтас — плѣ] «птица ночи, ночная птица» (—сова), где [нѣхтас] — род. от [нѣхта] «ночь» или [алунѣ пѣтра] (каменный валик для молотыбы), где [алунѣ] — род. пад. от [алѣн] «ток, гумно». Таким образом, наречие «совершенно» в приведенном выше утверждении следует вычеркнуть. Если конструкция [спити — т пѣрта] принадлежит сартанскому говору, то ее следует интерпретировать несколько иначе, а именно: [спитѣ т (у) пѣрта], т. е. * [спитѣ (у) то пѣрта], где * [спитѣ (у)] — род. от [ту спѣт]. Во-вторых, можно было бы утверждать, что в известной мере в румейских говорах утрачен «безместоименный» (без притяжательных суффиклируемых местоимений) именительный падеж существительных; так, например, форма [татас] «отец» воспринимается теперь говорящими на этом языке не как просто им. п. ед. ч., а как им. + суффикс второго лица ед. ч., т. е. [тата — с] «твой отец», ср. [тата — м] «мой отец», [тата — т] «его отец» [тата — ц] «ее отец» и д. т., так что прежнее «татас» в результате фонетического совпадения с [тата — с] включается в иную парадигму. Само собой разумеется, что подобные мелочи ни в коей мере не портят общего благоприятного впечатления от аннотированной нами книги.

А. А. Белецкий

BYZANTINISTISCHE BEITRÄGE HERAUSGEGEBEN VON
J. IRMSCHER, REDAKTION G. HANSEN.
Gründungstagung der Arbeitsgemeinschaft Byzantinistik
in der Sektion Mittelalter der Deutschen Historiker-Gesellschaft
vom 18. bis 21.IV.1961. in Weimar. Berlin, 1964 ¹.

С 18 по 21 апреля 1961 г. в Веймаре проходила конференция немецких византистов, в которой принимали участие также болгарские, румынские, чехословацкие и некоторые другие византиноведы, конференция, положившая начало рабочей группе по византистике при секции медиевистики Немецкого исторического общества. Труды этой конференции были опубликованы в Берлине в 1964 г. Входящие в «Византинистические очерки» доклады охватывают широкую тематику, ставят новые вопросы или трактуют сложные проблемы византиноведения, давно возбуждающие интерес историков.

Выступавшие на конференции византилисты освещали в своих докладах в первую очередь вопросы византийской историографии ², некоторые вопросы источниковедения ³, византийской филологии ⁴, проблемы византийского искусства ⁵, религиозной

² Ссылка на М. В. Сергиевского («Мариупольские греческие говоры». — «Известия АН СССР», ООИ, 1934, стр. 533—587).

¹ Издатель этого труда И. Ирмшер следующим образом разъясняет свое понимание терминов *византийский* и *византинистический*, противопоставляя его представлениям некоторых других историков: «Dagenen meine ich, sollte man zwischen byzantinisch und byzantinistisch unterscheiden. . . » «bezeichnet byzantinisch das, was zu Byzanz, byzantinistisch dagegen das, was zur Byzantinistik gehört» (S. 10).

² R. Dostálová-Jeníšková. Jacob Paleologus, S. 153—173; E. Stănescu. Die Anfänge der Byzantinistik und die Probleme Südosteuropas im 16. Jahrhundert, S. 373—397; H. Herz. Schiller und die Byzantinistik, S. 33—40. Выступления общего характера и историографические обзоры: E. Werner. Worte der Einführung, S. 1—7; J. Irmsher. Was heißt und zu welchem Ende studiert man Byzantinistik? S. 9—31; Schlußwort, S. 459—462; D. Angelov. Die Entwicklung der Byzantinistik in Bulgarien in den letzten fünfzehn Jahren, S. 429—441; A. Dostál. Zur Organisation der byzantinistischen Arbeit in der Tschechoslowakei, S. 443—448; J. Werner. Byzantinistik in Leipzig, S. 449—453.

³ F. Winkelmann. Die Beurteilung des Eusebius von Cäsarea und seiner Vita Constantini im griechischen Osten. Ein Beitrag zur Untersuchung der griechischen Hagiographischen Vitae Constantini, S. 91—119; B. Zástěrová. Zu den Quellen zur Geschichte Wollhyniens und der Duleben im 6. Jahrhundert, S. 231—238.

⁴ G. Ch. Hansen. Prosarhythmus bei den Kirchenhistorikern Sozomenos und Sokrates (Resümee), S. 139; V. Beševliev. Die Volkssprachlichen Elemente in den Redepartien bei Theophanes und in den Akklamationen bei Konstantin Porphyrogenetes, S. 141—151; D. Hadzis. Was bedeutet «Monodie» in der byzantinischen Literatur? S. 177—185.

⁵ L. Richter. Fragen der spätgriechisch-byzantinischen Musiktheorie, S. 187—230; P. H. Feist. Byzanz und die figurale Kunst der Merowingerzeit, S. 399—411; K. Onasch. Zum Problem der Ästhetik in der altrussischen Ikonenmalerei, S. 413—427.

жизни в Византии⁶, Болгарии⁷ и на Руси⁸, эпоху Юстиниана⁹ и взаимоотношения Византии с различными странами — с Испанией¹⁰, Добруджей¹¹ и Русью¹².

В докладе Е. Стенеску «Начала византистики и проблемы Юго-Восточной Европы в XVI в.» рассматривается деятельность представителей наиболее раннего периода историографии византийской истории, устанавливается ее связь с политическими отношениями в Европе, в первую очередь с положением на Балканском полуострове. Автор характеризует различные направления византистики XVI—XVII вв. Он обращает внимание на то, что среди греческих историков XVI в. имелись как противники, так и сторонники сотрудничества с завоевателями-турками. И те и другие видели в Османской империи продолжение Византийской, однако для одних эта наследница византийского прошлого была ужасной и враждебной, для других — представляющей высшую власть и вполне приемлемой. Автор устанавливает связь этих направлений с политическим положением в Юго-Восточной Европе и соответствующими политическими представлениями. Он указывает на то, что если у писателей, оставшихся в пределах Османской империи, преобладает православие, то в среде греческих эмигрантов наряду с ортодоксией получает распространение и католицизм. История Византии привлекала исключительное внимание немецких гуманистов. Иероним Вольф, Якоб Понтан и другие придавали громадное значение империи Габсбургов в борьбе против турецкой опасности, они ставили перед германскими императорами задачу осуществить единство христианского мира; при этом изучение греческой истории должно было содействовать борьбе против Османской империи¹³. Цели и задачи византистики XVI в. диктовались условиями политического положения, сложившегося в этот период на Балканском полуострове, в Восточной Европе и в Средиземноморском бассейне.

Выступление Е. Стенеску значительно расширяет представления византистов о раннем этапе научного изучения истории Византии. Вместе с тем многие аспекты этого вопроса требуют дальнейшего исследования.

Кроме немецких гуманистов об истории Восточного Средиземноморья и Балканского полуострова много писали итальянские историки: эти области были постоянной сферой торговой активности итальянских республик, в первую очередь Венеции и Генуи. Из поля зрения автора совсем выпали Страмбальди, Флорио Бустрои, Стефан Лузиньян, Фольетта и некоторые другие, в произведениях которых византийская проблематика занимает очень важное место.

Одному из греческих эмигрантов XVI в. посвящен доклад Р. Досталовой-Еништовой «Яков Палеолог», в котором рассматриваются различные вопросы его биографии и мировоззрения. Другие выступления по историографии носят по преимуществу обзорный характер.

* * *

Из докладов на филологические темы может быть отмечено выступление Д. Хадзиса «Что означает «Монодия» в византийской литературе?» Термин *monodia* автор находит у Аристофана и Платона. Он употреблялся в значении «пение одного (лица)» и «пение-жалоба». Если автор не доказывает своего мнения о том, что первое из этих значений является древнейшим, то его утверждение об изменении значения этого термина до XII в. вполне обоснованно. В XII в. монодия представляла собой один из жанров византийской литературы. Монодии писались по случаю смерти отдельных лиц, обычно — важных особ, и составлялись по определенному плану. Византийцы сочиняли монодии как в связи с отдельными происшествиями, так и по случаю важных исторических событий. Монодии, отмечает автор, погибли вместе с Византийской империей, после 1453 г. они уже не встречаются. Д. Хадзис не ставит вопрос о связи монодии с соответствующим литературным жанром за пределами Византийской империи. Армянская историческая элегия как литературный жанр очень близка византий-

⁶ M. Rienischneider. Heidnische Götter in christlichem Gewande: die Löwen-heiligen, S. 81—90; F. Lilienfeld. Das Typikon des Neilos Damilas — ein Zeugnis des gemäßigten «sinaitischen» Hesychasmus, S. 359—372.

⁷ M. Loos. Zur Frage des Paulikianismus und Bogomilismus, S. 323—332.

⁸ K. Rose. Byzanz und die Autonomie-Bestrebungen der russischen Kirche in der Zeit vom 10. bis 15. Jahrhundert, S. 191—232.

⁹ H. Evert-Kappesowa. Antonine et Bélisaire, p. 55—72; R.-M. Seyberlich. Die Judenpolitik Kaiser Justinians I, S. 73—80.

¹⁰ H. Ditten. Beziehungen zwischen Spanien und dem byzantinischen Bereich im Mittelalter (6—15. Jahrhunderte), S. 257—290.

¹¹ St. Stefănescu. Byzanz und die Dobrudscha in der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts, S. 239—255.

¹² O. Jurewicz. Aus der Geschichte der Beziehungen zwischen Byzanz und Rußland in der zweiten Hälfte des 12. Jahrhunderts, S. 333—357.

¹³ Вне внимания румынского историка остался наиболее знаменитый из немецких гуманистов — Ульрих фон Гуттен, неоднократно обращавшийся к византийской истории и истории стран Юго-Восточной Европы.

ской монодии и, по-видимому, развивалась во взаимодействии с ней. Историческая элегия в Армении продолжала существовать в XVI и XVII вв.¹⁴ Поэтому если монодия как специфическая разновидность византийской литературы исчезает вместе с падением империи, то соответствующий литературный жанр в более широком смысле продолжал жить и в последующие столетия.

Проблеме славянской письменности посвящено выступление чехословацкого историка И. Курца «Византийско-славянская основа в «Житиях» Константина и Мефодия (Характеристика кирилло-мефодиевской эпохи)»¹⁵. Докладчик в первую очередь выясняет факторы, обусловившие широкое распространение церковнославянского языка и церковнославянской культуры. «У славян, принявших ортодоксальную веру, — говорит автор, — это была прежде всего принадлежность к византийскому христианству и к византийской церковной организации» (S. 121). «В качестве следующего фактора действовала при этом государственная организация» (там же). Этому содействовали общие жизненные условия славянских народов, географические и экономические отношения, «одним словом, все условия национальной и международной жизни» (S. 122). Большое значение придает автор церковнославянскому языку, широко распространившемуся среди славянских народов и понятному славянам. Включение в орбиту культурного влияния Византии давало значительные возможности для развития национальной культуры славян, чего они были бы лишены в системе «римского централизма» (S. 122—123).

Говоря о церковнославянском языке, докладчик не отмечает исторических особенностей его формирования, расцвета и упадка. «Он был действительно своим, повсеместно понятным и всеми признанным инструментом, — пишет он об этом языке времени Константина и Мефодия, — он имел общеславянский характер и остался единым также в более поздние эпохи» (S. 122). Этот язык оказывается как бы внеисторическим явлением как раз для эпохи своего формирования. «В основу переводов Константина и Мефодия лег, конечно, хорошо знакомый им солунский славянский диалект»¹⁶, — писал Л. Якубинский. В IX в. диалектные местные новообразования ограничивались отдельными территориями и не распространялись на обширные пространства¹⁷. Только в дальнейшем, в особенности в произведениях учеников Кирилла и Мефодия, церковнославянский или старославянский язык, обогащаясь словами других славянских языков, отрывается от своей солунско-македонской основы и получает общеславянский характер.

Поставив вопрос о византийско-славянской основе в «Житиях» Константина и Мефодия, И. Курц выдвинул ту важную проблему, которая уже изучается историками разных стран, в том числе македонскими.

Затем докладчик обращается к вопросу об отношениях восточной и западной культуры, точнее зрения на Запад, выраженной в «Житиях». Он считает заблуждением видеть глубокую противоположность византийской и западной культуры IX—X вв. «В действительности, — говорит И. Курц, — мы еще не можем представить себе византийскую культуру той эпохи без связи с культурой Запада». В заключение своего доклада чехословацкий ученый делает следующий вывод: «Это было время, когда связь и взаимная деятельность Запада и Востока еще не были прерваны, когда противоречия еще могли быть преодолены и сглажены, время, которое в определенной степени представляет синтез обоих направлений». Выступление И. Курца отличается разносторонним подходом к рассматриваемой теме¹⁸.

* * *

Одной из сложнейших проблем византийского искусства посвящено выступление Л. Рихтера «Вопросы позднереческо-византийской музыкальной теории. Исследование византийской музыки». Докладчик характеризует историографию проблемы и указывает при этом на несостоятельность точки зрения (А. В. Амброс), оценивающей византийскую музыку как явление упадка (S. 18). Он указывает на то, что если к настоящему времени изданы многие произведения византийской музыки, раскрыты и разработана система нотных знаков, то совсем мало исследованы произведения византийских музыкальных теоретиков (S. 190). Историк-музыковед и обращается к этой малоизученной теме.

¹⁴ П. М. Хачатрян. Средневековые армянские исторические элегии (XIV—XVII вв.). Автореф. канд. дисс. Ереван, 1966.

¹⁵ J. Kurz. Der Byzantinisch-slawische Hintergrund in der Vita Constantini und der Vita Methodii (Charakteristik der Kyriellomethodischen Epoche), S. 121—137.

¹⁶ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 83. См. также: М. Malecki. Najstarszy literacki język słowian. Kraków, 1947, стр. 22 in.

¹⁷ Ф. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 226.

¹⁸ Хорошо зная богатую научную литературу о Кирилле и Мефодии, публиковавшуюся в Чехословакии, автор использует далеко не всю болгарскую литературу; см.: А. Паунова, А. Кирмагова. Кирилл и Методий. Библиография на българската литература. София, 1963.

Доклад П. Х. Файста «Византия и фигурное искусство меровингской эпохи» посвящен истории искусства у германцев и влиянию Византии на его развитие. Автор дает объяснение переходу от нефигурного орнаментального декоративного искусства германцев времени великого переселения народов к фигурному, этому своеобразному повороту, начинающемуся в меровингский период и завершающемуся в эпоху «Каролингского Возрождения». Он указывает, что специфические особенности искусства народа объясняются не мистическими понятиями его национального характера, а общественными отношениями и их историческим развитием (S. 390—400). Он отмечает также, что в меровингский период постепенно накапливались те количественные изменения форм изобразительного искусства германцев, которые в последующую эпоху привели к существенному сдвигу или взрыву, создавшему новые художественные формы выражения. В количественном накоплении новых явлений византийскому искусству принадлежала значительная роль (S. 401 ff.).

Известный знаток русской иконописи К. Онаш выступил с работой «К проблеме эстетики в древнерусской иконописи». Автор трудов по истории религии и русской иконописи, издатель репродукций русских икон, многие из которых им опубликованы впервые, К. Онаш в своем выступлении ставит вопрос об эстетике древнерусской живописи. Автор говорит о красках и их эффекте, о пропорциях, перспективе, ритме и пространстве в иконах. К. Онаш ограничивается характеристикой технической стороны древнерусской иконописи.

* * *

Доклад М. Лооса «К вопросу о павликианстве и богомилстве» посвящен важнейшей проблеме, возбуждающей постоянный интерес. Автор оперирует известными византистам источниками и историческими фактами, но при этом он выделяет некоторые специфические аспекты проблемы и дает ряд общих формулировок и выводов. Он по-иному освещает генезис взглядов павликиан, по-видимому не соглашаясь с распространенной среди византийцев точкой зрения¹⁹. «Проповедуемое ими «истинное» христианское учение — вопреки неоднократным утверждениям церковной полемики — не имеет ничего общего с манихейством, но связано в своем существенном содержании с маркионизмом» (S. 326). Следует, однако, заметить, что в учении Маркиона и в манихействе много близких составных элементов, и на основании определенной общности маркионизма и павликианства нельзя сделать обоснованный вывод об отсутствии всяких связей последнего с манихейством. Автор говорит о большей последовательности богомилства в его социальном протесте в сравнении с павликианством (S. 328); интересен вопрос о том, каким образом эта социально-политическая последовательность богомилов выражалась в их дуалистическом учении: «У богомилов дуализм стал выражением действительного отрицания мира и господствующего в мире порядка» (S. 328). У павликиан он был только средством установления различия и противоположности между ними и ортодоксальной церковью.

Ф. Лилисфельд, исследователь истории церкви в России, является автором работы «Типик Нила Дамилы — свидетельство об умеренном «синайском» исихазме», в которой доказывается существование в Византии наряду с известным и распространенным «паламитским» исихазмом умеренного исихазма.

* * *

В некоторых докладах рассматривается история юстиниановской эпохи. Работа польской византистки Г. Эверт-Каппесовой «Антонина и Велизарий», написанная автором совместно с В. Цераном и С. Висьневским, посвящена частному вопросу. В исследовании брак Велизария и Антонины отнесен к 527, а не к 534 г., как считали раньше (S. 56—58), отмечается содействие Антонины Велизарию в его руководстве византийской армией (S. 58 f), выражаются сомнения в правильности некоторых соображений Прокопия Кесарийского об интригах Антонины против Велизария и его генералов (S. 67 f). Точка зрения Прокопия находит объяснение в его недовольстве действиями Велизария, который, имея большую популярность, отказывался выступать против Юстиниана (S. 70).

Следует отметить выступление Р.-М. Зейберлих «Еврейская политика императора Юстиниана I». Особенное внимание автор обращает на 146-ю новеллу Юстиниана. «Известно, — говорит Р.-М. Зейберлих, — что антиеврейское законодательство императоров Феодосия II и Юстиниана возникает на основе теологических мотивов. . .» (S. 73). Можно, однако, полагать, что религиозные мотивы не являлись при этом единственными.

¹⁹ В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, т. 1, ч. 2. София, 1927, стр. 555; И. Пастухов. Българска история, т. I. София, 1945, стр. 302; S. Runciman. The Medieval Manichee. A Study of the Christian Dualist Heresy. Cambridge, 1947; С. Мелик-Бахиян. Павликианское движение в Армении. Ереван, 1955, стр. 31 и сл.

Важное место на конференции заняли вопросы внешней политики Византии. Румынский историк И. Штефанеску поставил малоизученный вопрос о взаимоотношениях Византии и Добруджи, сложившейся как независимое княжество во второй половине XIV в. Г. Диттен в своем выступлении «Отношения между Испанией и византийским миром в средневековье (VI—XV вв.)» дает общий обзор истории политических отношений иберийских княжеств с Византией. Польский византист О. Юревич сделал доклад по IV главе своей книги об Андронике I, опубликованной в 1962 г.²⁰

Конференция в Веймаре и ее труды представляют собой продолжение замечательных традиций немецкой византистики. Труды конференции отличаются разносторонностью тематики, широкий круг используемых источников и постановка целого ряда сложных теоретических вопросов.

Г. Дмитриев

²⁰ О. Jurewicz. Andronik I Komnenos. Warszawa, 1962.

ХРОНИКА

ЧЕТВЕРТАЯ СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ

12—17 ноября 1969 г. в Ереване в Институте рукописей имени Месропа Маштоца (Матенадаран) состоялась Четвертая советско-французская конференция историков.

Тематика докладов, представленных на конференции, группировалась вокруг трех широких проблем: 1) Византия и Армения; 2) современный этап изучения истории французской революции; 3) восстановление советско-французских дипломатических отношений в 1924 г.

На первом заседании, посвященном проблеме «Византия и Армения», вниманию участников конференции было предложено два доклада: общий доклад армянских ученых (Р. Бартикян, С. Борназян, К. Юзбашян) и доклад иностранного члена Академии наук Арм. ССР проф. С. Дер-Нерсисян.

В первом докладе авторы подчеркнули, что ни одно из государств, соседствовавших со средневековой Арменией, не играло такой роли во всех областях ее жизни, как Византийская империя. С другой стороны, в Византии не было ни одного народа после греков, который имел бы такой большой вес в жизни этого государства, как армяне. Авторы доклада последовательно рассмотрели основные этапы армяно-византийских отношений. Они отметили, что в период раннего средневековья Армения находилась между Римской империей и Сассанидским Ираном. В 387 г. этим двум противникам удалось поделить Армению между собой. Это событие положило конец единству Армении и явилось началом ее деления на две части. В своей части Армении империя проводила политический курс, который был выражен Юстинианом I следующими словами: «Армяне должны во всем следовать римским законам». В стране был установлен новый порядок, введено тяжелое налоговое обложение. Пошатнулось вековое наследственное право армян — нахарарский строй.

Но если Византия в этот период в политическом отношении воздействовала на армян отрицательно, то на армянскую культуру империя имела благотворное влияние. Византийская культура сыграла значительную роль в изобретении армянской письменности, в развитии собственно армянской и переводной литературы.

В VII в. политическое положение на Ближнем Востоке коренным образом изменилось. На сцену является новый могучий противник Византийской империи — арабский халифат, который захватывает большую часть Армении. Армения в течение более чем двух столетий находилась под арабским владычеством, и, разумеется, об армяно-византийских политических связях в это время не могло быть и речи. Армяно-византийские отношения продолжались в другом направлении. Тяжелые условия жизни, создававшиеся в Армении, были причиной усиления эмиграции армян в Византию. Бросается в глаза наличие армянского элемента во всех областях жизни империи, особенно в военной. В VIII—IX вв. армяне даже завладевают византийским тронном. В 867 г. Василий, армянин по происхождению, основывает так называемую Македонскую династию, двухсотлетнее правление которой по праву считается апогеем византийской истории. Армяне также играют важную роль в духовной и культурной жизни Византии. Кесарь Варда, армянин по происхождению, возобновляет деятельность Магнавского университета, глава которого и большая часть преподавателей были армянами.

В IX—X вв. Армения переживает политический и экономический расцвет. В 862 г., воспользовавшись арабско-византийской войной, Ашот Багратуни объявил себя «князем князей» (ишханац ишхан), а в 885 г. — царем. Василий I был весьма заинтересован в укреплении дружеских связей с Арменией, так как стремился иметь союзника в борьбе с арабами. Но в то же время империя всеми способами стремилась к подчинению Армении, и к 1065 г. ей удалось постепенно захватить почти всю страну. Захватив Армению, Византия прежде всего постаралась удалить из страны местную аристократию и поселить там византийских феодалов. Армения была разделена на отдельные военно-политические округа, которые назывались катепанатами. Византия распустила

армянское войско и ввела в стране военную подать. Начались религиозные преследования. Эта политика стала роковой для самой империи. Обескровив Армению, она уничтожила силу, которая преграждала путь вражеским ордам, стремившимся к границам Византии. Когда в первом десятилетии XI в. появились турки-сельджуки, Византия не смогла дать им отпор, а Армения утратила боеспособность. В 1071 г. произошло сражение при Манцикерте, которое явилось началом конца Византийской империи.

Авторы доклада подчеркивают, что в этот второй период армяно-византийские отношения были неодинаковыми в разных областях. В политике и религии шла острая борьба, но экономические и культурные связи между Арменией и Византией развивались весьма успешно. Военно-политическая деятельность армян в Византии достигает апогея. Роман Лакапин, Никифор Фока, Иоанн Цимисхий, Василий II, Мелиас (Млех), Иоанн Куркуас — вот несколько имен армянских императоров и полководцев, которые блистали в этот период в империи. Господство турок-сельджуков на Малоазиатском полуострове положило конец отношениям Византии с самой Арменией, однако эти отношения продолжались с Киликией, где значительное количество армянского населения образовало независимое княжество, а позже — царство. Связи Киликии и Византии были настолько тесными, что во второй половине XII в. начались переговоры о единстве двух церквей. В конце XIV в. Киликийское Армянское государство прекратило свое существование, вместе с ним завершились и армяно-византийские государственные отношения, хотя и после этого, вплоть до падения Византийской империи, армянский элемент продолжал играть определенную роль в жизни Византии.

В конце доклада авторы остановились на проделанной армянскими и французскими византиноведцами работе в области изучения армянской истории, отметили значение византийских источников для изучения армянской истории, а также значение армянских источников для истории Византии. Были намечены также те проблемы, которые должны стать предметом глубокого исследования.

Член французской делегации проф. Сирарпи Дер-Нерсисян прочитала доклад на тему «Византия и Армения. Проблемы и современный этап исследования», вызвавший большой интерес участников конференции. Она не только остановилась на различных сторонах армяно-византийских отношений, но и подробнейшим образом рассмотрела современные исследования, посвященные этим вопросам. Докладчица прежде всего обратила внимание на огромные заслуги Н. Адонца в изучении армяно-византийских отношений, и особенно на большую ценность его работы «Армения в эпоху Юстиниана». Она отметила, что в Париже и Брюсселе Н. Адонц занимался изучением той роли, которую играли в различных областях византийской жизни императоры армянского происхождения и представители именитых армянских семей. Затем докладчица остановилась на работе Ж. Лорана «Армения между Византией и исламом», а также на ряде работ того же автора, посвященных истории Киликии и соседних с ней армянских княжеств; результаты этих работ в сопоставлении с новыми данными византийских и восточных источников позволили П. Харанису издать очень интересную и важную работу «Армяне в Византийской империи». Докладчица между прочим приводит слова Хараниса о том, что в Византии IX—X вв. была столь велика роль армянских императоров, полководцев, администраторов, что этот период истории империи можно даже назвать греко-армянским: греческим — поскольку греческой была цивилизация, армянским — учитывая армянское происхождение большей части государственных деятелей.

С. Дер-Нерсисян далее отметила, что на происходившем в 1966 г. в Оксфорде Международном конгрессе византинистов К. Туманов, остановившись на армяно-византийских отношениях в период, предшествовавший Манцикертской битве, указал три аспекта византийской цивилизации, где выступают армянские или кавказские элементы или традиции, а именно: система организации фем, развитие крупного землевладения в восточных областях и наследственное право на императорский престол. Докладчица затем показала, что наряду с другими византийскими семьями армянского происхождения предметом изучения стало происхождение автора «Стратегикона» Кекавмена (Р. Бартикян, П. Лемерль, К. Юзбашян), а также другого деятеля (чье имя пока остается неизвестным), который в IX в. был сначала стратигем в Элладе, а потом в феме Армениак (статья Спекя).

История Тайка стала предметом исследования на основе изучения завещания Евстафия Воилы, написанного в 1059 г. (С. Врионис, Р. Бартикян). О Григории Пакуриане, армянине из Тайка, и других армянах тайкского происхождения писали в своих работах П. Мурадян и В. Арутюнова.

Докладчица остановилась на работе Г. Абгаряна, посвященной «Истории Себеоса». Этот источник византиноведы считают главным для изучения истории VII в. Были отмечены статьи В. Исканяна, касающиеся малоизученных вопросов о восстании Смбата Багратуни против императора Маврикия и об армяно-византийском союзе против Ирана, а также работы о первом нашествии сельджуков на Армению (С. Агаджанов, К. Юзбашян и М. Канар), о причинах гибели Карского царства (Х. Берберян). С. Дер-Нерсисян указала на значение изданных А. Анасяном армянских источников, касающихся падения Константинополя.

Далее докладчица коснулась вопросов изучения истории павликианского движения на современном этапе (Е. Э. Лишниц, Р. Бартикян, К. Юзбашян, Е. Тер-Минасян,

Н. Гарсоян) и связанного с этими вопросами византийского эпоса о Дигенисе Акрите (Н. Адонц, А. Грегуар, Р. Бартикян), а также проблемы армяно-византийских церковных отношений (Ж. Гаритт, Ж. Даррузес, Гехт, Р. Бартикян).

В докладе показана роль, которую играли в культурной жизни Византии деятели армянского происхождения, упоминается о переводах на греческий язык армянских книг, и в первую очередь «Истории Агафангела». С. Дер-Нерсисян совершенно правильно отмечает, что количество переводов с греческих оригиналов на армянский язык весьма велико. Только в книге Г. Зарбанальяна, изданной в 1889 г., были указаны 70 греческих авторов, чьи труды в разных областях знания были переведены на армянский язык. Изучением этих переводов занимались Л. Хачикян (трактат Зенона Схоластика «О природе»), А. Манандян (Гермес Трисмегист), С. Аревшатян (два анонимных философских трактата неоплатоновского направления). С изучением армянских переводов трактатов Ипполита Римского и Иринея Лионского выступили Мерсье и Фруадево. Большая часть оригиналов вышеупомянутых трактатов утрачена, они сохранились только в армянских переводах. Из исторических трактатов армяне в средние века перевели «Церковную историю» и «Хронику» Евсевия (первая часть которой сохранилась только в армянском переводе), а также трактат Сократа Схоластика. Хроника Сфрандзи была переведена в XVII в. Меликсетом. Рукопись этого труда выявлена А. Анасяном.

С. Дер-Нерсисян остановилась на весьма важной проблеме эллинизации армян в Византийской империи. Императоры армянского происхождения и высокопоставленные деятели из армян, разумеется, были халкидонитами, но одно то, говорит автор доклада, что они давали своим сыновьям армянские имена, доказывает, что они продолжали сохранять национальный облик. Что же касается общей массы армянских переселенцев, которые основали свои колонии в пределах Византийской империи, то они продолжали говорить по-армянски и сохраняли национальные обычаи и культуру. Даже в XI в. в Константинополе находилось большое количество армян, которые сохраняли армянское вероисповедание. Докладчица подробно остановилась на армянской колонии в Филиппополе, особенно в XII в. Заканчивая свое выступление, С. Дер-Нерсисян указала, что невозможно в рамках одного доклада остановиться на всех вопросах армяно-византийских отношений.

В прениях по докладам выступили ряд участников конференции. З. В. Удадьцова коснулась вопроса о возникновении и развитии феодализма в Византии и Армении, а также отметила большое значение работ по переводам византийских источников на русский, грузинский и армянский языки и большую ценность переводов средневековых армянских авторов на русский язык (в частности, издание и перевод на русский язык К. Н. Юзбашьяном «Повествования вардапета Аристакаса Ластивертци»).

На втором заседании, посвященном проблеме армяно-византийских отношений, состоялись выступления, посвященные разным сторонам этих отношений. К. Юзбашьян (Ленинград, Институт народов Азии) в своем выступлении остановился на комментировании некоторых византийских терминов, встречающихся в армянских текстах (демесликос—доместик и т. п.). Особенное внимание он уделит термину «азатутюн» (свобода), которое встречается в Кекарисской надписи Григория Магистра. Докладчик показал, что это слово в надписи является переводом византийского термина *ἐλευθερία* и имеет значение «иммунитет».

Р. Бартикян коснулся вопроса о связи византийского эпоса о Дигенисе Акрите с павликианским движением. Он рассмотрел вопрос о встречающихся в эпосе «апелатах» и сделал попытку определить их исторические прототипы. Для выяснения этого вопроса Р. Бартикян проанализировал данные Константина Порфирородного, согласно которым в конце IX—начале X в. в Четвертой Армении действовали армяне по происхождению — Мануил и его сыновья, в то же время в Южной Армении действовали еще ряд армян — Мелмас (Млех), Васак и другие. Эти армяне, бежавшие при Василии из Византии, были, как предполагает докладчик, павликианами, оставившими империю из-за преследований. Р. Бартикян вслед за Н. Адонцем и А. Грегуаром идентифицирует Мелиаса (Млеха) с эпическим Мелемендзисом, главой апелатов, и считает, что историческими прототипами апелатов были павликиане. Борьбу апелатов против Дигениса Акрита докладчик считает откликом общей борьбы павликиан против происков Византии в Южной Армении.

А. Тер-Гевондян (Ереван, Институт истории АН Арм. ССР) в своем выступлении говорил о значении греческого перевода «Истории Агафангела», который способствовал широкому распространению этой книги. Докладчик показал, что сирийский, арабский, грузинский, коптский, эфиопский и другие редакции Агафангела были переведены (иногда в сокращенном варианте) с греческого языка. С этой точки зрения, утверждает А. Тер-Гевондян, армяно-византийские культурные связи составляют часть общих культурных отношений Византии с христианским Востоком.

Б. Аракелян (Ереван, Институт археологии и этнографии АН Арм. ССР) остановился на вопросах развития городов и ремесел в средневековой Армении, торговых путей и транзитной торговли, экономических взаимоотношений Армении с Византийской империей. На основе анализа обнаруженных во время археологических раскопок в Ани и Двине византийских монет докладчик выявляет тесные торговые связи между двумя странами. В конце своего выступления Б. Аракелян коротко коснулся средневекового армянского мозаичного искусства.

Большой интерес участников конференции вызвало выступление С. С. Аревшатяна (Ереван, Матенадаран): «Армяно-греческие литературные и научные связи в эпоху раннего средневековья (V—VIII вв.)». Докладчик показал, что, хотя история культурных связей Армении с греческим миром восходит к глубокой древности, наиболее интенсивный и плодотворный период в истории армяно-греческих культурных и литературных связей начинается с V в., когда в Армении благодаря усилиям Месропа Маштоца была создана национальная письменность. Процесс формирования армянской письменной культуры вызвал к жизни множество трудов армянских авторов. Армянские рукописи донесли до наших дней и целый ряд переводных памятников античной и средневековой письменности, оказавших значительное влияние на формирование средневековой армянской культуры. Были переведены сочинения Аристиды, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Евсевия Кесарийского и многих других выдающихся представителей греческой богословской мысли. Докладчик отметил, что армянскими эллинофилами во второй половине V в. была выполнена сложнейшая задача создания соответствующей научной терминологии, необходимой для переводов. На протяжении VI и VII вв. были переведены сочинения Платона, Зенона, Гермеса Трисмегиста и других, а в VIII в. — труды Немесия Эмесского, Григория Нисского, Псевдо-Дионисия Ареопагита и многих других.

Докладчик остановился на некоторых переводных памятниках, которые представляют особый интерес для науки, так как оригиналы их утрачены: это «Хроника» Евсевия Кесарийского, «Доказательства (или Истолкования) апостольской проповеди» Ириния Лионского, «Апология» Аристиды Афинского, ряд речей и трактатов Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского, Григория Назианзина, Василия Кесарийского и др. С. С. Аревшатян сообщил, что сейчас в Матенадаране готовится к изданию одна из недавних находок — трактат византийского мыслителя и богослова VI в. патриарха Евтихия Константинопольского «О различии природы и ипостаси» (древнеармянский текст), греческий оригинал которого также утрачен.

Л. Азарян (Ереван, Институт искусств АН Арм. ССР) предложил вниманию участников конференции исследование вопроса о связях армянской и византийской миниатюры. Докладчик, отмечая влияние византийского искусства на армянское, подчеркнул, что догматические различия препятствовали проникновению в искусство армянского народа характерного для византийской среды мышления. Самостоятельная позиция армянской церкви имела определенное воздействие на развитие искусства иконописи. Докладчик отметил, что влияние византийской миниатюры на армянскую становится ощутимым в XI в., особенно в ближайших к Византийской империи районах. Автор показал, что в Киликию византийское влияние вначале проникает через посредство тех рукописей, которые были созданы в коренной Армении под влиянием византийского искусства. Л. Азарян считает, что для усиления византийского влияния именно на киликийских армянских миниатюристов были причины, заключавшиеся в общих идеях иконописи. Развившееся в течение XI—XII вв. византийское искусство было одной из форм идейного обоснования сильной централизованной власти, которая находила свою параллель в такого же типа государственной структуре Киликийской Армении. Докладчик подчеркнул, однако, что, несмотря на тесные связи двух искусств, киликийская армянская миниатюра не потеряла своей самобытности.

Итоги Четвертой советско-французской конференции историков были подведены в заключительных выступлениях акад. А. А. Губера и акад. Шнейдера. Они подчеркнули высокий научный уровень докладов и выступлений, прочитанных на конференции, отметили значение конференции для дальнейшего развития и укрепления дружбы между советским и французским народами и поблагодарили Академию наук Арм. ССР за хорошую организацию работы конференции.

Р. Бартиян, В. Арутюнова.

ПУБЛИКАЦИИ

В. В. КУЧМА

ΝΟΜΟΣ ΣΤΡΑΤΙΩΤΙΚΟΣ

(К вопросу о связи трех памятников византийского военного права)

Под наименованием *Nómos stratōtikós* (*Leges militares*, Воинский закон) известно одно из приложений к Эклоге, которое содержит в себе нормы права, регулирующие наказания военнотружущих, совершивших уголовные преступления или дисциплинарные проступки.

Воинский закон был издан впервые еще в XVI в. (S. Schardius, 1561 г.); в конце того же столетия последовало второе издание (Leunclavius, 1596 г.). Полный текст источника по афинской рукописи Эклоги был издан А. Монферратом в 1889 г.¹ К его изданию не раз обращался К. Э. Цахариэ фон Лингенталь.

Источник известен в многочисленных и сильно отличающихся друг от друга рукописях, что объясняется, по мнению К. Э. Цахариэ фон Лингенталья², неофициальным характером этого сочинения.

Вопрос об авторстве и времени создания Воинского закона чрезвычайно труден. К. Э. Цахариэ фон Лингенталь полагал, что источник может быть датирован временем царствования императора Маврикия (582—602)³, а автором трактата называл Руфа, который мог быть либо секретарем, либо полководцем этого императора⁴. Руф именуется автором Воинского закона в обобщающем сочинении К. Крумбаха⁵. Известное внимание рассматриваемому вопросу уделял и Р. Вари⁶; впрочем, его выводы на этот счет не отличаются определенностью, хотя в общем следуют концепции К. Э. Цахариэ фон Лингенталья.

В последующей историографии указанная точка зрения не получила распространения. Большинство исследователей склонялись к мысли о том, что удовлетворительное решение вопроса об авторстве и точной датировке трактата невозможно⁷, поэтому стало считаться достаточным ограничиваться приблизительной датировкой памятника, в целом более поздней.

В советской литературе единственная попытка датировки трактата была предпринята Е. Э. Липшиц. Она полагает, что Воинский закон «вероятно, был издан вслед за Эклогой в том же VIII столетии»⁸.

Основанный на статьях Дигест и Кодекса Юстиниана, посвященных военному делу⁹, и испытавший на себе влияние последующего законодательства в данной области, Воинский закон представляет собой компиляцию¹⁰, в которой нетрудно выделить по крайней мере три главные составные части.

Первая часть Воинского закона состоит из статей, аналогичных нормам VI—VIII глав первой книги так называемого Стратегикона Маврикия¹¹, которые в свою очередь воспроизводятся в VIII главе Тактики Льва¹².

¹ *Ecloga Leonis et Constantini*. Ed. A. G. Monferratus. Athenis, 1889.

² *K. E. Zachariae von Lingenthal*. Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts. — BZ, 3, 1894, S. 449.

³ *Ibid.*, S. 441.

⁴ *Ibid.*, S. 456.

⁵ *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Litteratur. 2. Aufl. München, 1897, S. 635.

⁶ *R. Vári*. Zur Überlieferung mittelgriechischer Tactiker. — BZ, 15, 1906, S. 83 f.

⁷ См., например: *W. Achburner*. The Byzantine Mutiny Act. — JHS, 46, 1926.

⁸ *Е. Э. Липшиц*. Очерки истории византийского общества и культуры. — М.—Л., 1961, стр. 247; «Эклога. Византийский законодательный свод VIII века». Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965, стр. 21.

⁹ Dig., 49, 16; Cod., 12, 35 (36).

¹⁰ Компилятивный характер Воинского закона был отмечен еще К. Э. Цахариэ фон Лингенталем, но с особой силой это было подчеркнуто Р. Вари (op. cit., S. 87).

¹¹ *Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim*. Ed. I. Schefferus. Upsaliae, 1664, p. 34—40.

¹² *Leonis Imperatoris Tactica*. Ed. J. P. Migne. — PG, t. 107, 1863, col. 764—768.

Вторая и третья части содержат переработанные нормы Дигест и Кодекса, а также статьи из Эклоги, Прохирона и Василик.

Следует отметить, что лишь в первой части Воинский закон довольно близко следует нормам указанных военных сочинений. Статьи же второй и третьей частей иногда очень далеко отходят от норм Дигест и Кодекса, послуживших им источниками, и, как правило, содержат в себе лишь основную их мысль, смягченную или, наоборот, усиленную новыми обстоятельствами, существенно влияющими на общий смысл нормы, да к тому же закамуфлированную новой терминологией.

Перевод Воинского закона осуществлен нами по изданию его текста в указанной выше статье К. Э. Цахариз фон Лингентала¹³. Как указывал сам издатель, текст трактата опубликован им по «превосходной» рукописи Marcianus 579, содержащей его в качестве приложения к извлечениям из Прохирона¹⁴.

Текст источника имеет заглавие *Περὶ στρατιωτικῶν ἐπιτηδίων ἐκ τοῦ ῥόφου καὶ τῶν τακτικῶν* и разбит на 41 параграф различного объема. В данном издании первая часть, имеющая аналогии со статьями Стратегикона и Тактики Льва, составляет 15 первых параграфов. Анализом первой части мы и ограничиваемся в настоящей работе, хотя перевод трактата приводим полностью. Таблица параллельных мест источников, составленная К. Э. Цахариз фон Лингенталем¹⁵, проверена нами по изданиям, указанным в примечаниях 11 и 12.

Анализ параллельных текстов рассматриваемых трактатов свидетельствует о несомненной связи между ними; иногда даже имеет место полное текстуальное совпадение.

Поскольку в настоящее время общепринятой датировкой Стратегикона является рубеж VI и VII столетий, а Тактики Льва — конец IX и начало X в., оказывается, что эти трактаты представляют два хронологических полюса, между которыми размещается Воинский закон. Такая очередность во времени создания рассматриваемых трактатов не вызывает сомнений. Сложнее обстоит дело с выяснением зависимости между ними, с решением вопроса о том, был ли каждый из предыдущих трактатов непосредственным источником каждого из последующих.

Текстологический анализ источников отчетливо свидетельствует о том, что Воинский закон не является промежуточным звеном между Стратегиконем и Тактикой и автор последней черпает непосредственно из Стратегикона. Текст Тактики может буквально совпадать с текстом Воинского закона лишь в том случае, если последний полностью копирует Стратегикон. Но если Воинский закон имеет какие-либо отклонения от текста Стратегикона, то эти отклонения ни разу не воспроизводятся в Тактике. В таких случаях всегда оказывается, что текст Воинского закона отличается от обоих других трактатов. Разумеется, имеют место случаи, когда текст Тактики отличается от двух других трактатов одновременно, но ни в одном из этих случаев отклонение не опосредовано влиянием Воинского закона, а вызывается какими-либо другими причинами.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы.

1. Автор Воинского закона зависел от текста Стратегикона, но нельзя определить с точностью, располагал ли он самим текстом этого трактата или же черпал из источника, общего для Стратегикона и Воинского закона.

2. Автор Тактики Льва не опирался на текст Воинского закона при составлении соответствующего раздела своего труда, его источником в этой работе служили аналогичные главы Стратегикона.

Конкретные случаи соотношения текстов трех указанных трактатов мы рассматриваем в комментарии, приложенном к переводу Воинского закона; в этом комментарии преобладает главным образом филологический аспект, а общие выводы имеют лишь предварительный характер. В данном случае мы следуем мысли, высказанной в свое время А. П. Рудаковым: «Более интенсивное использование всякого источника, перекрестные вопросы его, чтение между строк, вообще говоря, возможны лишь тогда, когда уже произведено экстенсивное изучение предмета, когда сущность явления известна достаточно определенно, чтобы мы могли ставить свои перекрестные вопросы и вести исследование окольным путем, не боясь увлечься погоней за созданием собственного воображения»¹⁶.

Ограничившись на первых порах лишь «экстенсивным» изучением части Воинского закона, мы считаем более углубленный анализ делом дальнейшего исследования.

¹³ К. Е. Zachariae von Lingenthal. Op. cit., S. 450—453.

¹⁴ Ibid., S. 449.

¹⁵ Ibid., S. 454.

¹⁶ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 43.

ВОИНСКИЙ ЗАКОН (ПЕРЕВОД)

1. Тот, кто осмелится организовать заговор, или (тайное) сообщество, или бунт против своего архонта под каким-либо предлогом, будет подвергнут отсечению головы, в особенности предводители заговора или бунта.

2. Если стратиот, не послушавшись своего пентарха, воспротивится ему, пусть он будет наказан. Также и пентарх, если не послушается своего декарха, равным образом и декарх—своего гекатонтарха. Если же кто-либо из тагмы осмелится воспротивиться старшему архонту — или комиту, или трибуну, или другому кому-либо подобному, — пусть он будет присужден к высшей мере наказания.

3. Если какой-нибудь стратиот, услышав распоряжение своего декарха, не исполнит его, пусть он будет наказан. Если же он, не зная распоряжения, совершит ошибку, пусть будет наказан декарх, так как он не научил его заранее.

4. Если по отношению к стратиоту было со стороны кого-либо совершено беззаконие, пусть он обратится к архонту тагмы. Если же беззаконие совершено со стороны архонта его тагмы, пусть он обратится к вышестоящему архонту.

5. Если стратиот осмелится бродяжничать сверх времени коммеата, он изгоняется с военной службы и как сельский житель передается (гражданской) администрации.

6. Если кто-либо во время войны осмелится освободить стратиота посредством коммеата, пусть (стратиот) уплатит пеню 30 номисм; если же во время зимовки — пусть стратиот получит коммеат за 2 или 3 мины; в мирное время стратиоту пусть предоставляется коммеат в пределах епархии.

7. Если кого-либо уличат в желании передаться врагам, того следует наказывать высшей мерой наказания, (причем) не только его самого, но и единомышленников, и умолчавших.

8. Если кто-либо нанесет ущерб стратиоту или соплательщику, пусть в двойном размере возместит пострадавшему его имущество; если же архонт или стратиот нанесет ущерб стратиоту или соплательщику во время зимовки, или похода, или в лагере и надлежащим образом его не компенсирует, пусть возместит пострадавшему его имущество в двойном размере.

9. Если кто-либо, кому была поручена охрана города или кастроны или же не поручена (специально), сдаст его или, не желая защищать, даже если есть (для этого) возможность, уйдет оттуда вопреки воле своего архонта, в особенности (если он стремится к этому) вопреки необходимости, — пусть он будет присужден к смерти через отсечение головы.

10. Если какой-нибудь стратиот, нашедший животное или что-либо другое, малое или большое, не сообщит своему архонту и не передаст (ему найденное), пусть он будет наказан как вор — и сам, и его сообщники, и умолчавшие.

11. Если стратиот во время битвы или сражения покинет свой строй или банду и выбежит раньше с (того) места, в котором он был размещен, и будет снимать доспехи с мертвого врага, убитого другим, или опрометчиво устремится в преследование других врагов, — такого мы повелеваем наказывать смертной казнью как ослабляющего строй и тем самым причиняющего ущерб своим товарищам и все, что им взято, как и следует, изъять и передать казне тагмы. Если же учитывать снисхождение, то пусть он будет или побит ропалами, или лишен военной службы.

12. Если во время генерального сражения или битвы произойдет обращение в бегство без какой-либо разумной и видимой причины, мы повелеваем стратиотов той тагмы, которая первой обратилась в бегство и отступила из строя или из своей меры, выстроенной для сражения, рассчитать по десять и как ослабивших строй и явившихся виновниками обращения в бегство всей меры (каждого десятого) предать смерти стратиотам других тагм. Если же окажется, что некоторые из них, как случается, будут ранены в этой стычке, — таковым мы повелеваем быть свободными от этого обвинения.

13. Если знамя будет захвачено врагами без какого-либо разумного и видимого основания, мы повелеваем наказывать тех, кому была поручена его охрана, и оказавшихся поблизости архонтов, командующих ими или схолами, в которых они (знамена) были. Если же случится, что некоторые из них, сражаясь, были ранены, пусть они останутся свободными от такого наказания.

14. Если случится бегство меры или строя, когда имеется фоссат, и бегущие устремились не к дифензорам, и не искали убежища в этом фоссате, но, презревшие, ушли в другое место, мы повелеваем осмелившимся это сделать наказывать как презревших своих товарищей и явившихся виновниками смятения.

15. Если стратиот во время сражения бросит свое оружие, мы повелеваем наказывать его как обнажившего самого себя и вооружившего врагов.

16. Если экзархи или кто-нибудь другой под предлогом военного похода будут облагать контрибуцией земельные участки, пусть они будут наказаны двойной суммой.

17. Экзархи, (организаторы) беспорядков или подбивающие народ против службы родные либо подлежат отсечению головы, либо, будучи подвергнуты телесным наказаниям, изгнанию.

18. Если кто-либо одними только речами внес беспорядок в воинскую службу и многие согласятся с ним, пусть они, сильно высеченные, будут изгнаны с военной

службы. Если же (кто-либо) разжигает и побуждает к грубому нарушению дисциплины стратиотов, пусть он будет наказан отсечением головы.

19. Если стратиот воспротивится воле своего архонта, его следует высечь. Если он лишь задержал жезл (архонта), пусть будет изгнан с военной службы; если же преднамеренно сломал его (жезл) или поднял на него (архонта) руку, наказывается высшей мерой наказания.

20. Если стратиот бросил своего экзарха или позволили врагам захватить его и, будучи способными его охранять, не защитили его и он погибнет, они наказываются смертной казнью через отсечение головы.

21. Выделенный для охраны дворца и утративший по своей вине бдительность и бодрствование подлежит высшей мере наказания или — заслуживающий снисхождения — изгнанию.

22. Ушедший к варварам как перебежчик или прибывший к ним под предлогом посольства и продающий обработанное или необработанное вооружение или какое-либо оружие пусть будет наказан высшей мерой наказания.

23. И тот, кто провоцирует врагов или передается врагам, пусть будет наказан таким же образом.

24. Если лазутчики ромейского войска донесут врагам о секретных замыслах ромеев, они будут наказаны отсечением головы; равным образом (наказываются) и нарушающие мир.

25. Если стратиот, занимавшийся во время сражения делом, запрещенным ему его архонтом, не исполнит данное ему поручение, пусть он получит высшую меру наказания, даже если он прекрасно исполнил бы дело. Или если, сговорившись с врагами, он, блуждая, отойдет от фоссата и первым из строя обратится в бегство на глазах у стратиотов и, пораженный врагом, или потеряет свое вооружение, или пропадет, — пусть он будет присужден к отсечению головы; с учетом же снисхождения — высеченный, пусть он сменит военную службу.

26. Стратиот, преднамеренно ранивший камнем своего товарища по оружию или самого себя, высеченный, подлежит лишению военной службы, если раненный им не избежит страдания, или болезни, или смерти. Если же он ранит мечом или самого себя, или другого, он присуждается к смертной казни как самоубийца или совершивший преступление.

27. Совершивший воровство стратиот пусть будет изгнан с военной службы после того, как он доставит в то же самое место двойное количество (по сравнению с украденным).

28. Стратиот, присужденный к отсечению головы, или изгнанию, или к какому-нибудь другому публичному наказанию и каким-либо образом избежавший его, не может никогда исполнять военную службу. Изгнанные с военной службы с позором по какой-нибудь причине не могут ни служить в войске, ни заниматься (чем-нибудь подобным), ни иметь когда-нибудь почести.

29. Стратиоты пусть не занимаются ни земледелием, ни торговлей, ни государственной деятельностью, если они изгнаны с военной службы и (лишены) преимуществ стратиотов.

30. Если кто-либо покинул вверенный ему укрепленный лагерь (харакому), он наказывается отсечением головы; если он пренебрег фоссатом — изгоняется с военной службы.

31. Провинившийся перед императором умерщвляется, и (его имущество) конфискуется.

32. Стратиот, задумавший бежать к варварам и задержанный, наказывается отсечением головы.

33. Бежавший к варварам и возвратившийся пусть будет подвергнут пыткам.

34. Если подлежащий ссылке и сосланный стратиот, избежавший наказания, продолжает опять исполнять военную службу, пусть он будет предан смертной казни. Тот, кто изгнан на непродолжительное время, если он добровольно несет военную службу с тем, чтобы провести время изгнания, ссылается на остров на постоянное местожительство, если только причина его изгнания не заключается в том, что (изгнание) порождено пренебрежением к воинской службе, например в прелюбодеянии или в другом публичном обвинении.

35. Стратиот, который сослан на постоянное местожительство по публичному обвинению, например, в прелюбодеянии или других (проступках), порожденных пренебрежением к военной службе, и (за это) подлежащий ссылке, если он опять продолжает исполнять военную службу, (присущую) военнообязанным, пусть будет присужден к отсечению головы. Подвергнутый же изгнанию на непродолжительное время из-за незначительного проступка и добровольно исполняющий военную службу, с тем чтобы провести срок изгнания, ссылается на остров. Ибо такие не являются надежными, даже если они желают нести военную службу.

36. Избегающий нести военную службу в качестве стратиота пусть будет наказан сурово, ибо уклонение от военной обязанности есть преступление. Призванные на военную службу и избегающие ее обращаются в рабство как предатели свободы родины.

37. Если кто-либо отвлекает своего сына во время войны от военной службы или сделает его непригодным, так что он окажется неспособным к службе в армии, тот подлежит изгнанию и часть его имущества конфискуется.

38. Стратиот, назначенный караульным тюрьмы и покинувший (свой пост), карается отсечением головы.

39. Стратиотам, оступившимся и провинившимся из-за вина или (другого) крепкого напитка, или другого наслаждения, наказание через отсечение головы смягчается; к ним, подвергнутым телесным наказаниям, применяется перемещение их по военной службе.

40. Если стратиоты, охраняющие заключенных, по нерадивости их упустят, они подвергаются телесным наказаниям или лишаются военной службы — в зависимости от значения заключенного; если они освободят их из сострадания — лишь изгоняются со службы, если же из коварных целей — наказываются отсечением головы или понижаются на последнюю ступень воинской службы.

41. Стратиот, склонный к прелюбодеянию, лишается военной службы, и (его имущество) конфискуется.

* * *

КОММЕНТАРИИ

1. Параграф аналогичен отрывкам VI, 5 Стратегикона (р. 35) и VIII, 5 Тактики Льва (col. 764 B). Совпадение текстов почти полное, за двумя мелкими отклонениями: в Стратегиконе в последней фразе отсутствует *... καὶ αἱ τοῖς*; в Тактике в первой фразе — *... ἡ στάσις*; встречаются и некоторые отклонения в глагольных формах.

Параграф привлёк внимание Е. Э. Липшиц, которая в своей книге «Очерки истории византийского общества и культуры» отмечает, что он является «чрезвычайно интересным», ибо был «вызван к жизни острой классовой борьбой, игравшей столь важную роль в рассматриваемую эпоху» (стр. 247). В переводе Е. Э. Липшиц параграф выглядит следующим образом: «Те, кто осмеливаются устраивать политическое сообщество, объединение (*συνωμοσίαν*), или заговор (*φασγιάν*), или восстание (*στάσις*) против своего архонта под каким бы то ни было предлогом, подлежат отсечению головы, особенно вожаки (*πρῶτοι*) и зачинщики (*αἱ τοῖς*) объединения (*τῆς συνωμοσίας*) или восстания».

Нам представляется спорным толкование Е. Э. Липшиц отдельных терминов этого параграфа, влияющее на общую его оценку. Стремясь привлечь данный параграф для иллюстрации положения о размахе классовой борьбы в VIII—IX вв., исследовательница особенно подчеркивает классовую направленность рассматриваемой нормы, причем толкует ее явно расширительно, выводя регулируемые в ней отношения за рамки армейской действительности.

По нашему мнению, параграф не занимает особого места среди других статей Воинского закона и лежит целиком в русле последующих норм, регулирующих внутреннюю жизнь армии. Кроме того, нам представляется спорной попытка Е. Э. Липшиц рассматривать его как документ определенного исторического периода, который явился «временем исключительно высокого подъема народных движений» (указ. соч., стр. 212). Уже один тот факт, что данная норма почти без изменения отражена в трех памятниках военного права, первый из которых (Стратегикон) датируется рубежом VI и VII столетий, а последний (Тактика Льва) создан на три столетия позже, свидетельствует, что мы имеем дело с ординарной нормой военного права, характерной для любого военно-дисциплинарного кодекса. Она регулирует отношения, возникающие в случае коллективного организованного неповиновения военнослужащих своему начальству. И выдвигание этого параграфа в Воинском законе на передний план объясняется не столько особым вниманием его автора к ситуациям подобного рода, сколько задачами структурными и композиционными: сформулировав норму, регулирующую отношения между организованными заговорщиками и армейскими властями, автор переходит далее к случаям индивидуальных правонарушений.

В связи с вышеизложенным мы считаем необходимым придать терминологии параграфа более обобщающий, даже несколько неопределенный характер, типичный для нормативных актов, оставляющих широкие возможности для свободного усмотрения в каждом конкретном случае.

2. Параграф аналогичен отрывкам VI, 2 Стратегикона (р. 34) и VIII, 2 Тактики Льва (col. 764 A). Кроме различий в глагольных формах и порядке слов статьи Воинского закона имеют следующие отличия от статей Стратегикона и Тактики:

а) в тех двух местах, где Воинский закон упоминает пентарха, Стратегикон и Тактика кроме него называют еще тетрарха;

б) заключительная фраза Воинского закона *... τῇ ἐσχάτῃ ὑποκρίσθω τιμωρίᾳ* в двух других трактатах звучит следующим образом: *... κεφαλῇ τῇ τιμωρίᾳ ὑποκρίσθω*;

в) в Тактике Льва отсутствует указание Стратегикона и Воинского закона об ответственности декарха перед гекатонтархом;

г) среди вышестоящих командиров Воинский закон и Стратегикон называют трибуна и комита; Тактика Льва говорит только об одном комите. Видимо, это связано с исчезновением латинизма «трибу» в армейской практике на рубеже IX—X вв.

Термин «тагма», впервые встречающийся в данном параграфе, не имеет значения специального военного термина и обозначает подразделение вообще (см. комментарий к § 12).

3. Параграф аналогичен отрывкам VI, 8 Стратегикона (р. 35—36) и VIII, 8 Тактики Льва (col. 764 C); совпадение текстов буквальное.

Интересно употребление в параграфе латинизма τὸ μανδάτον (в Стратегиконе и Тактике — τὰ μανδάτα) в смысле «распоряжение», «приказание», «поручение» и т. д. Несмотря на то что византийская армия уже перешла на использование греческого языка (о времени перехода и различных аспектах проблемы см.: G. Reichenkron. Zur römischen Kommandosprache bei byzantinischen Schriftstellern. — BZ, 54, 1961 с указанием литературы), отдельные латинизмы укоренились в армейской практике. С одним из них мы и встречаемся в данном отрывке.

4. Параграф аналогичен отрывкам VI, 3 Стратегикона (р. 34—35) и VIII, 3 Тактики Льва (col. 764 A—B). Совпадение текстов почти буквальное, за единственным исключением. В Воинском законе в качестве пострадавшего назван непосредственно стратег; в Стратегиконе для обозначения пострадавшего использовано местоимение «τι». В Тактике начало параграфа изложено так: Εἰ μέντοι ἀδικήσῃ παρά τινος. Вероятно, вместо εἰ μέντοι следует читать εἰ μὲν τι, тем более что вторая фраза параграфа начинается с εἰ δὲ. Если остановиться на этом варианте, тогда тексты Стратегикона и Тактики совпадают буквально.

5. Параграф аналогичен отрывкам VI, 4 Стратегикона (р. 35) и VIII, 4 Тактики (col. 764 B). Между текстами Стратегикона и Воинского закона совпадение буквальное, за исключением знаков препинания, что, впрочем, существенно влияет на понимание смысла нормы. Приведем текст параграфа 5 целиком: Ἐὰν στρατιώτης πολέμῳ βαγεῖται ὑπὲρ τὸν χρόνον τοῦ κομμεάτου τῆς στρατείας ἐκβλήθῃσεται καὶ ὡς παγὰνὸς τοῖς πολιτικοῖς ἐκδοθήσεται ἀργουρίν. По смыслу статьи более логично передвинуть знак препинания вперед, поставив его после слова τοῦ κομμεάτου. Тогда существенное τῆς στρατείας оказывается связанным с глаголом ἐκβλήθῃσεται, так же как это имеет место в тексте Стратегикона.

Следует обратить внимание на два термина, встречающиеся в параграфе.

Первый из них — глагол «βαγεῖσαι». В примечании 25 к изданию Тактики в «Патрологии» Миня читаем: βαγεῖσαι. In codice videtur fuisse μαγεῖσαι ... Apud Graecos posteriores βαγεῖσαι est vagari, errare. Suidas: βαγεῖν, πλανητεῖν». В латинском изложении отрывок VIII, 4 Тактики начинается следующим образом: Si quis audeat magicam exerce. ..., что приводит к извращенному пониманию смысла данного параграфа. Издатель Стратегикона передает глагол βαγεῖσαι латинским gisumvagari, что представляется более правильным.

Для полноты картины укажем, что глагол βαγεῖν встречается в Воинском законе еще один раз, а именно в параграфе 25, причем именно в смысле «блуждать», «бродить вокруг» и т. д.

Второй термин, привлекающий внимание, — τοῦ κομμεάτου — латинизм, отсутствующий в классическом древнегреческом языке. Мы оставляем этот термин без перевода, понимая под ним отпуск воинов по домам. Следует отметить, что в Воинском законе и Стратегиконе встречается двойное написание этого термина — с одним и с двумя м; в Тактике Льва написание термина унифицировано — всегда через одно м (в латинском оригинале слово пишется с двумя м). Интересно отметить, что авторы Воинского закона и Стратегикона оперируют этим термином совершенно свободно, не сопровождая его дополнительными пояснениями, тогда как автор Тактики счел необходимым сделать пояснение: ὑπὲρ τὸν χρόνον τοῦ κομμεάτου, ἧσιν τῆς ἀπολύσεως τῶν στρατιωτῶν εἰς τοὺς ἰδίους οἶκους. Очевидно, термин «коммеат», являвшийся обычным во времена действия двух первых трактатов, уже превратился в анахронизм к моменту создания Тактики и потому потребовал от ее автора специального разъяснения.

6. Параграф аналогичен отрывкам VII, 4 Стратегикона (р. 37) и VIII, 15 Тактики (col. 765 A). Совпадение текстов Воинского закона и Стратегикона почти буквальное, за исключением того, что в первом из них употребляется буквенное обозначение числительных, а во втором числительное передается словом. Текст Тактики имеет несколько отличий: снова, как и в отрывке VIII, 4, дается пояснение термина «коммеат», который трактуется как ἀπολύσεως τοῦ στρατοῦ; в конце фразы автор Тактики окончательно заменяет слово τὰ κομμεάτα, встречающееся в двух первых трактатах, словом τῆς ἀπολύσεως. Все это подтверждает наш вывод об анахронизме термина «коммеат» в период создания Тактики.

По смыслу параграф 6 примыкает к предшествующему параграфу, и в Воинском законе они следуют один за другим, тогда как авторы Стратегикона и Тактики отделяют эти отрывки, перемежая их с другими параграфами.

Как видно из отрывка, предоставление стратегиотам отпусков (в данных отрывках идет речь вовсе не о полном освобождении от военной службы, а лишь о предоставлении стратегиотам краткосрочных отпусков во время их нахождения в армии) зависело от архонтов и было связано с денежной компенсацией. Естественно, что это создавало дополнительные возможности для обогащения архонтов и усиления материальной зависимости стратегиотов от их военачальников.

7. Параграф аналогичен отрывкам VI, 7 Стратегикона (р. 35) и VIII, 7 Тактики Льва (col. 764 C). Смысловое совпадение всех трех отрывков полное, но статьи Стра-

тегикона и Тактики, совпадающие между собой буквально, имеют незначительные текстуальные отличия от Воинского закона в последней фразе.

Норма, содержащаяся в рассматриваемом параграфе, является обычной для военно-дисциплинарных кодексов всех времен и народов.

8. Параграф аналогичен отрывкам VII, 2 Стратегикона (р. 36—37) и VIII, 13—14 Тактики Льва (col. 765 A). Содержание отрывков совпадает между собой, но имеют место текстуальные различия, не влияющие на общий смысл нормы.

Привлекает внимание термин *συντελεστήν* (вин. пад.), встречающийся дважды, от толкования которого зависит правильное понимание всего параграфа.

Из отрывка следует, что под указанным термином понимается лицо, статус которого либо не отличается от статуса стратиота, либо приближается к нему. Поэтому мы переводим его словом «соплательщик», понимая под ним человека, единоличного имущества которого недостаточно для отправления воинской службы. В этом случае несколько соплательщиков, объединившись, экипировали за общий счет одного воина. Следовательно, каждого соплательщика законодательство могло рассматривать как потенциального стратиота. Отсюда вполне понятно то внимание, которое военное законодательство уделяет данной категории населения. С этой точки зрения нам кажется неправильным латинский перевод рассматриваемого слова термином «*municers*», приводимый в изданиях Шеффера и Миня. По нашему мнению, в параграфе речь идет не о взаимоотношениях между армией и гражданским населением империи, но о взаимоотношениях армии и той части населения, которая также подлежит военной службе, но в данное время не призвана.

Автор Воинского закона употребляет термины «стратиот» и «соплательщик» рядом, отнюдь не смешивая их, но и не разграничивая санкции за ущемление интересов той и другой категории.

Особым положением лиц, о которых идет речь в данном параграфе, объясняется и серьезность санкции. К сожалению, Воинский закон не содержит статей, в которых шла бы речь о взаимоотношениях между армией и гражданским населением империи, так как тематика данного памятника ограничена вопросами внутренней жизни армии. Иное дело — Тактика Льва, документ более широкий по тематике. В IX главе Тактики в целом ряде статей (1, 2, 15, 23-й и др.) автор дает рекомендации по вопросу о способе поведения войска в период его расквартирования в пределах империи. Весьма характерно, что автор трактата не формулирует никаких конкретных санкций за причинение ущерба «налогоплательщикам и земледельцам» (*τοὺς ὑποτελεῖς... καὶ γεωργοὺς*), уповая на благоразумие военачальников и филантропию подчиненных (Тактика Льва, IX, 13, col. 772 B).

Разница в подходе к этим категориям, с одной стороны, и к категориям, отраженным в статьях VIII, 13—14 (=Воинский закон, § 8) — с другой, отчетливо свидетельствует об особом статусе стратиотов и соплательщиков, связанном с их ролью «защитников отечества».

Лица со статусом соплательщиков составляли особую категорию военнообязанного населения, близкую к стратиотам и в принципе однородную с последними, но полностью с ними не совпадающую. Вопрос об этом, еще далеко не решенный, привлекал внимание многих исследователей, среди которых можно назвать П. Лемерля, И. Караяннопулоса, А. П. Каждана, Э. Гликаци-Арвейлер и др.

9. Параграф аналогичен отрывкам VI, 6 Стратегикона (р. 35) и VIII, 6 Тактики Льва (col. 764 B—C) (которые совпадают между собой буквально), но несколько расширен по сравнению с ними:

а) Воинский закон распространяет эту норму на *всех* защитников города или кастрона, независимо от их места и роли в обороне, тогда как два других источника говорят лишь об ответственности только тех лиц, которым *непосредственно* поручена оборона;

б) Воинский закон конкретизирует виновность по данной норме, рассматривая как отягчающее обстоятельство субъективное нежелание защищать город или кастрон при наличии условий для защиты и при отсутствии настоятельной необходимости отказа от защиты.

Изменена текстуально и концовка параграфа: Воинский закон называет в качестве санкции казнь через отсечение головы, тогда как два других трактата просто говорят о высшей мере наказания.

Мы оставляем без перевода термин «кастрон» (=лат. *castellum*), понимая под ним укрепленное место, крепость (см. об этом: *E. Kirsten. Die byzantinischen Stadt. — Berichte zum XI. Internationalen Byzantinistischen Kongress. München, 1958, t. III*).

10. Параграф аналогичен отрывкам VI, 9 Стратегикона (р. 36) и VIII, 9 Тактики Льва (col. 764 C). Смысловое сходство между всеми тремя текстами почти полное, хотя имеются некоторые текстуальные отклонения. Наиболее значительное добавление содержится именно в Воинском законе: если Стратегикон и Тактика называют две категории лиц, подлежащих наказанию (сам виновный и его сообщник — *συντελεῖς*), то Воинский закон добавляет и третью — «умолчавшие» (*σιωπῆσαντες*).

Статья направлена на борьбу с мародерством и характерна для многих других военно-дисциплинарных кодексов.

11. Параграф аналогичен отрывкам VIII, 2 Стратегикона (р. 38) и VIII, 20 Тактики Льва (col. 765 B—C). Тексты двух последних источников, совпадающие между собой, имеют значительные отличия от текста Воинского закона:

а) Воинский закон содержит добавление, отсутствующее в двух других источниках: в первой фразе он запрещает «снимать доспехи с мертвого врага, *убитого другим*». Стратегикон и Тактика не делают такого уточнения, отчего их запрет приобретает более категорический характер: воину вообще запрещено заниматься сбором трофейного вооружения до конца битвы. В ряде других мест автор Тактики Льва неоднократно возвращается к вопросу о порядке сбора и распределения военной добычи (XII, 52, 124; XIII, 14; XVII, 33, 48—50, 67 и др.). Анализ юридических и военных источников, где ведется речь о сборе и разделе военной добычи, произведен А. Дэном в его работе «Le partage de butin de guerre d'après les traités juridiques et militaires». — «Actes du VI-ème Congrès International d'études byzantines», I. Paris, 1950, p. 347—352;

б) Воинский закон опускает часть текста, имеющегося в двух других трактатах: в них после фразы «опреметливо устремится в преследование других врагов» стоит: «или ворвется в обоз или лагерь врагов» (ἢ τοῦλδφ ἢ φοσσάτω ἐχθρῶν ἐπέλθῃ...). В данном случае Воинский закон существенно сужает состав преступления, предусмотренного в соответствующих разделах Стратегикона и Тактики;

в) последняя фраза параграфа отсутствует в Стратегиконе и Тактике — в них предусмотрена только смертная казнь. Допустимость замены смертной казни телесными наказаниями («ропаль» — деревянные палки, утолщающиеся на одном конце) или изгнанием с военной службы объясняется не только декларируемой в параграфе филантропией, но и значительным сужением и смягчением состава преступления, сформулированного в Воинском законе, по сравнению с соответствующими нормами Стратегикона и Тактики Льва.

12. Параграф аналогичен отрывкам VIII, 3—4 Стратегикона (p. 38—39) и VIII, 21—22 Тактики Льва (col. 765 C—D). Текстуальные отличия отрывков незначительны (так, вместо термина *πόλεμος*, употребляемого в Воинском законе, Стратегикон и Тактика пользуются словом *συρβολή*); смысловое совпадение текстов полное.

Мы оставляем без перевода термины «тагма» и «мера», обозначающие воинские подразделения различной величины. Численность этих подразделений можно установить на основе данных Тактики Льва (заметим, кстати, что они не отличаются от данных Стратегикона). Так, максимальную численность пехотной тагмы Лев устанавливает в 256 человек (IV, 62), а промежуточных звеньев между тагмой и мерой не называет. Конная тагма («банда») состоит в среднем из 300 кавалеристов, а крайние пределы — 200—400 человек (IV, 41, 48). Тагмы объединяются в «миры» (друнги, хилиархии), а последние — в меры (турмы). Максимальная численность миры определяется в 3 тыс. чел., а меры — в 6 тыс. (IV, 45).

Создается, однако, впечатление, что наименование подразделений в Воинском законе не имеет характер специфически военных. Так, термин «тагма» чаще всего употребляется в смысле подразделения вообще (§ 2, 4, 11). В параграфе 12 термины «тагма» и «мера» употребляются как соотносительные понятия, обозначая более мелкое (тагма) или более крупное (мера) подразделение.

13. Параграф аналогичен отрывкам VIII, 5 Стратегикона (p. 39) и VIII, 23 Тактики Льва (col. 765 D). Несмотря на некоторые текстуальные отличия, смысловое совпадение текстов полное.

Термин «банда», встречающийся в отрывке, имел два смысла. В одном из них слово употреблено в § 11 (см. об этом комментарий к § 12), где оно совпадает по значению с термином «тагма». Другое значение слова «банда» — знамя, о котором в Тактике говорится неоднократно (IV, 65, 67; VI, 18—19; XII, 62, 83, 105, 109—112, 122; XIV, 74 и др.). Интересен отрывок XII, 63, рассказывающий об охране знамени в бою. Когда все знамена будут расположены в строю, из числа воинов, оказавшихся рядом, рекомендуется выделить по 15—20 человек для охраны знамени. Видимо, именно о таких воинах идет речь в рассматриваемом параграфе Воинского закона.

Вопросам византийской военной атрибутики посвящена специальная статья Р. Гроссе — «Die Fahnen in römisch-byzantinischen Armee». — BZ, 24, 1923.

14. Параграф аналогичен отрывкам VIII, 6 Стратегикона (p. 39—40) и VIII, 24 Тактики Льва (col. 768 A); текстуальные различия незначительны.

Термином «фоссат», который употребляется в Воинском законе неоднократно, обозначается разновидность военного лагеря. Кроме этого, в Воинском законе упоминаются еще две разновидности лагеря: *τά σέβητα* (§ 8) и *τὸ χάρακμα* (§ 30). В Тактике Льва лагерь чаще всего именуется аппликом, причем в отрывке XI, 1 автор Тактики говорит о следующем соотношении между фоссатом и аппликом: *κατὰ τὸν φασάτον τὸ ἀπλικόν τοῦ ὅλου στρατοῦ κελεῖται*. Способам устройства лагерей автор Тактики посвящает специальную (11-ю) главу и неоднократно возвращается к этим вопросам в других местах сочинения.

О различных типах лагерей см. специальные статьи: R. Grosse. Das römisch-byzantinische Marschlager vom 4.—10. Jahrhunderts. — BZ, 22, 1913; Ю. Кулаковский. Византийский лагерь конца X века. — ВВ, 10, вып. 1—2, 1903; Γ. Κολία. Περὶ ἀπλῆκτου. — ΕΕΒΣ, ἐτος ιζ', 1941.

«Дифензоры» — основная масса пехотных подразделений, стратиоты, которые в процессе сражения должны строго соблюдать строй и продвигаться вперед только в своих подразделениях (см. о них: Тактика Льва, IV, 24; XII, 27 и др.). Являясь

костяком боевого построения, подразделения дифензоров были своего рода подвижными опорными пунктами на поле боя и могли служить местом сосредоточения стра-тиотов из других подразделений, оказавшихся разбитыми в ходе сражения.

15. Параграф аналогичен отрывкам VIII, 7 Стратегикона (р. 40) и VIII, 25 Тактики Льва (col. 768 A). Совпадение текстов полное, за исключением незначительной инверсии.

16—41. Начиная с параграфа 16 текст Воинского закона не имеет прямых аналогий с текстами Стратегикона и Тактики Льва. Источниками этих параграфов служат тексты Кодекса, Дигест и Новелл (см. таблицу на стр. 454 указанной статьи Р. Э. Цахариэ фон Лингенталля). Тексты проверены нами по изданиям: *Corpus Juris Civilis, editio stereotypa tertia*, vol. I—II. Berolini, 1882—1884; *Corpus Juris Civilis, ed. fratres Kriegerii*, 16. Aufl., Bd. III. Leipzig, s. a.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	Акты Археографической экспедиции
АЕ	Археографический ежегодник
АИ	Акты исторические
АН	Академия наук
АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
АФЗХ	Акты феодального землевладения и хозяйства
АЮ	Акты юридические
БАН	Библиотека Академии наук
ВВ	Византийский временник
ВДИ	Вестник древней истории
ВИ	Вопросы истории
ВОИДР	Временник ОИДР
ГАИМК	Гос. Академия истории материальной культуры
ГБЛ	Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ	Гос. Исторический музей
ГКЭ	Грамоты Коллегии Экономии
ГНБУССР	Гос. научная библиотека УССР
ГПБ	Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГРМ	Гос. Русский музей
ГТГ	Гос. Третьяковская галерея
ГХМ	Гос. Херсонесский музей
ГЭ	Гос. Эрмитаж
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗРВИ	Зборник Радова Византолошког института
ИАК	Известия Археографической комиссии
ИЗ	Исторические записки
ИРАИК	Известия Русского археологического института в Константинополе
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
ОИДР	Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОЛДП	Общество любителей древней письменности
ООИД	Одесское Общество истории и древностей
ОР	Отдел рукописей
ОРЯС	Отделение русского языка и словесности
ПДП	Памятники древней письменности
ПС	Палестинский сборник
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РИБ	Русская историческая библиотека

СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
Сб. РИО	Сборник Русского исторического общества
СГГД	Собрание государственных грамот и договоров
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы
УЗ	Ученые записки
ЦГАДА	Центральный гос. архив древних актов
ЦГИАЛ	Центральный гос. исторический архив в Ленинграде
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
BNJb	— Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher
BS	— Byzantinoslavica
Byz.	— Byzantion
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
DOP	— Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ	— Ἐπετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
EHR	— English Historical Review
JHS	— Journal of Hellenic Studies
MGH, AA	— Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi.
MGH, SS	— Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.
PG	— <i>J. P. Migne</i> . Patrologiae cursus completus. Series graeca.
PL	— <i>J. P. Migne</i> . Patrologiae cursus completus. Series latina.
REB	— Revue des Études byzantines.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

- К статье В. Г. Брюсовой, Я. Н. Шапова, рис. 1
К статье А. В. Банк, рис. 1—14.
К статье К. Вейцмана, рис. 1—7.
К статье Г. И. Вздорнова, рис. 1—25.
К статье Г. В. Попова, рис. 1—8.
К статье Т. А. Измайловой, рис. 1—14.
К статье В. В. Кропоткина, рис. 1.
К статье Э. В. Ртвеладзе, А. П. Рунич, рис. 1.

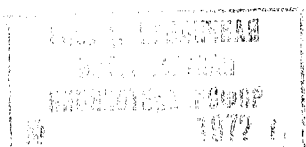

Рис. 1. Новгородская икона «Спас на престоле» из икопостаса Московского Успенского собора. XIV в.

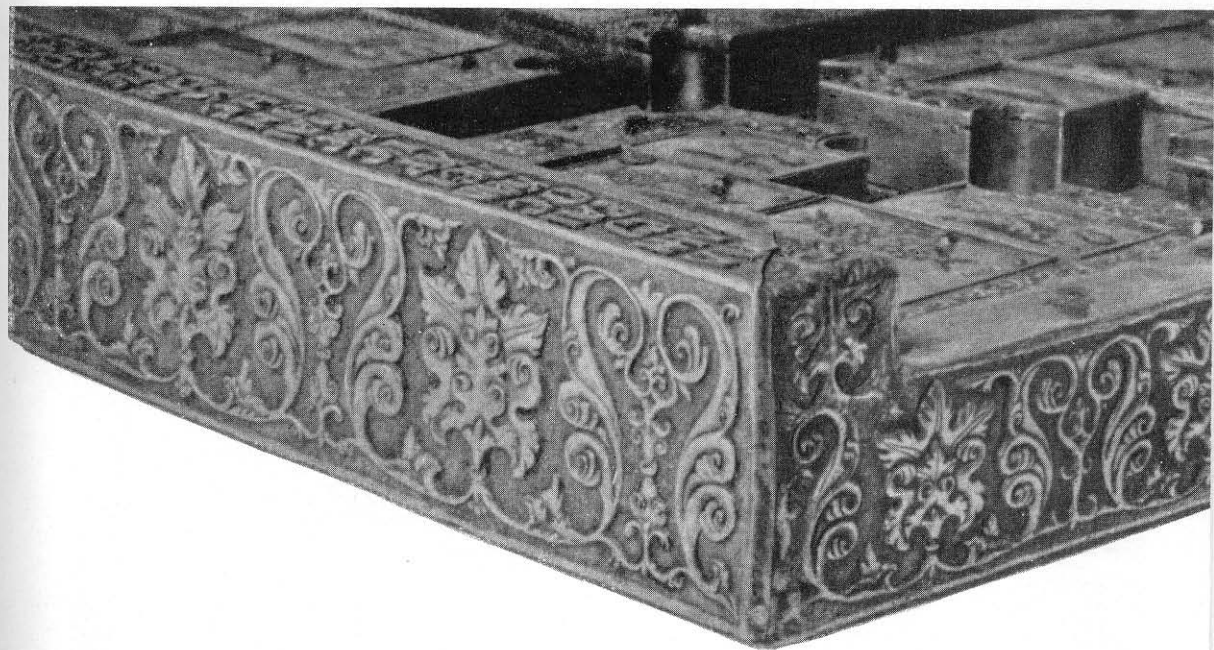

Рис. 2. Лимбургская ставроотека (боковые стенки).

Рис. 3. Лимбургская ставроотека (задняя крышка).

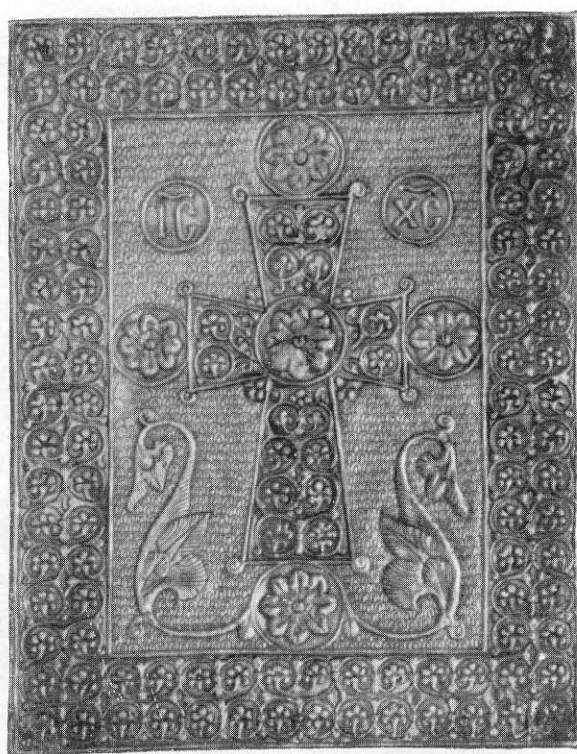
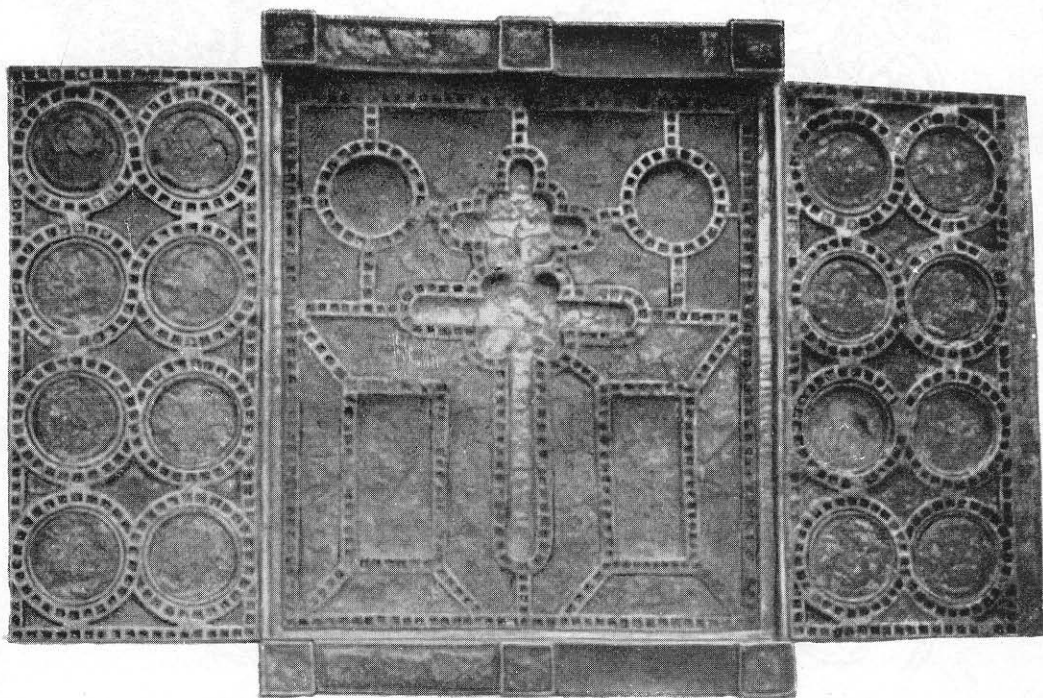

Рис. 4. Ставроотека из монастыря Мариенштерн.

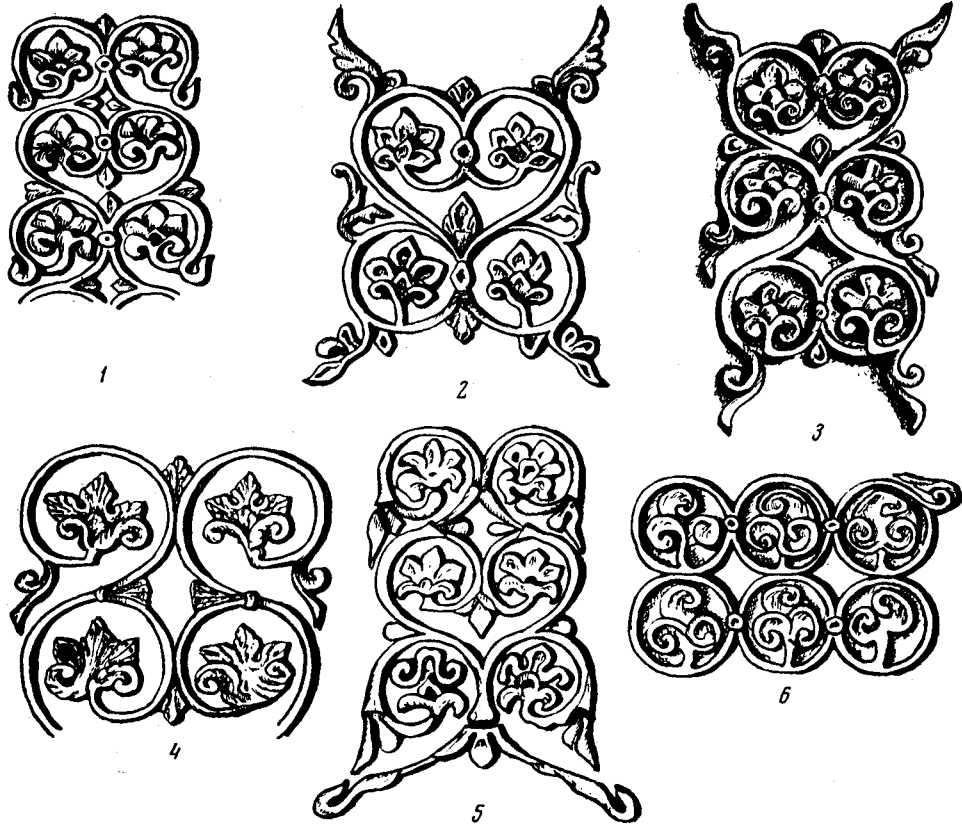

Рис. 5. Цветочный орнамент.

1. Реликварий из Мариенштерн. 2. Оклад иконы св. Николая. 3. Бронзовая икона из собрания Д. Тальбот—Райс. 4. Реликварий из Сан-Джованни ин Латерано. 5. Золотой крест из церкви Мацхвариши (Сванетия). 6. Фрагмент серебряного креста из Думбартон-Окса.

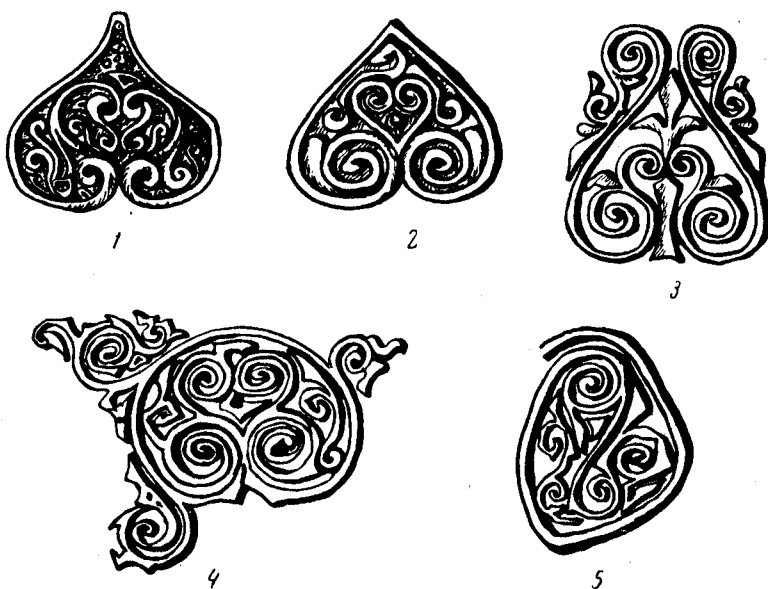

Рис. 6. Схема заполнения фона.

1. Реликварий Эрмитажа. 2. Крест из Мастрихта. 3. Реликварий из Aix-la-Chapelle. 4. Латеранский реликварий. 5. Филофеевская ставрогика. 6. Фрагмент серебряного креста из Думбартон-Окса.

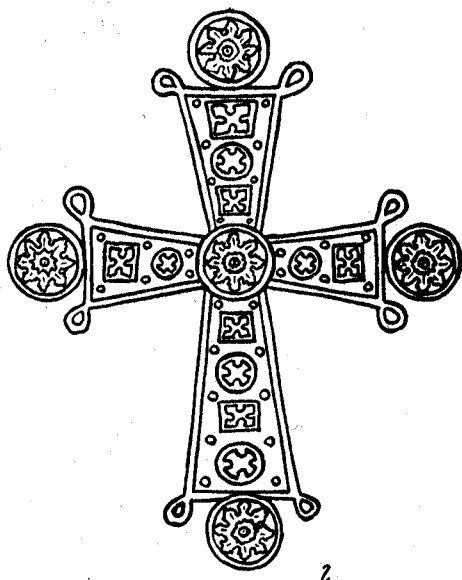
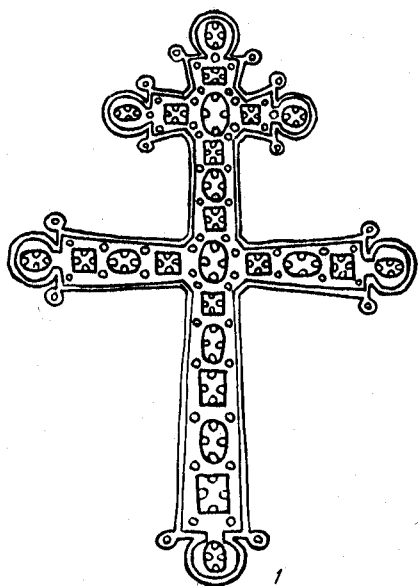
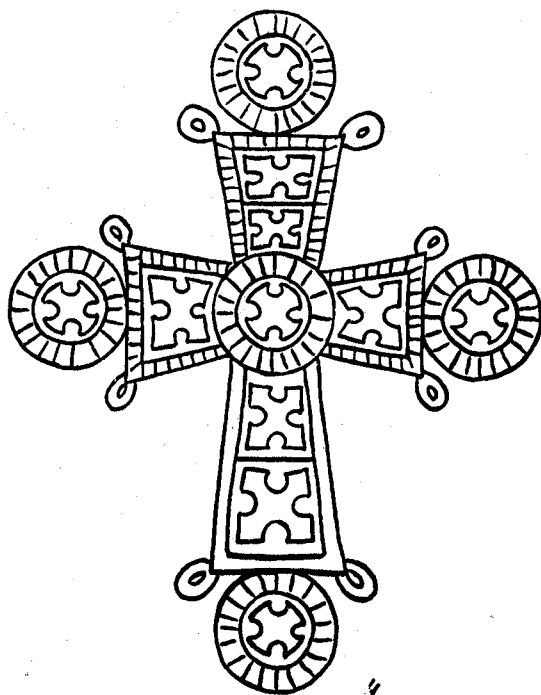
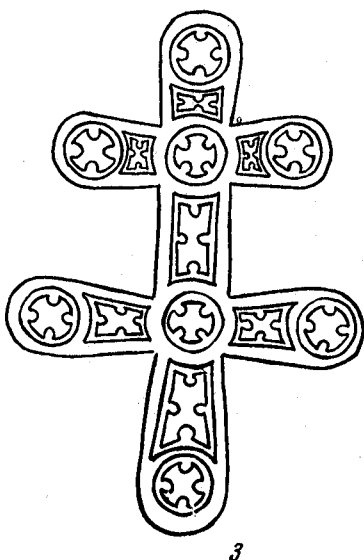

Рис. 7. Схема заполнения поверхности крестов.

1. Лимбургская ставрогтека. 2. Складень из Шемокмеди. 3. Ставрогтека Эрмитажа. 4. Реликварий из Монополи.

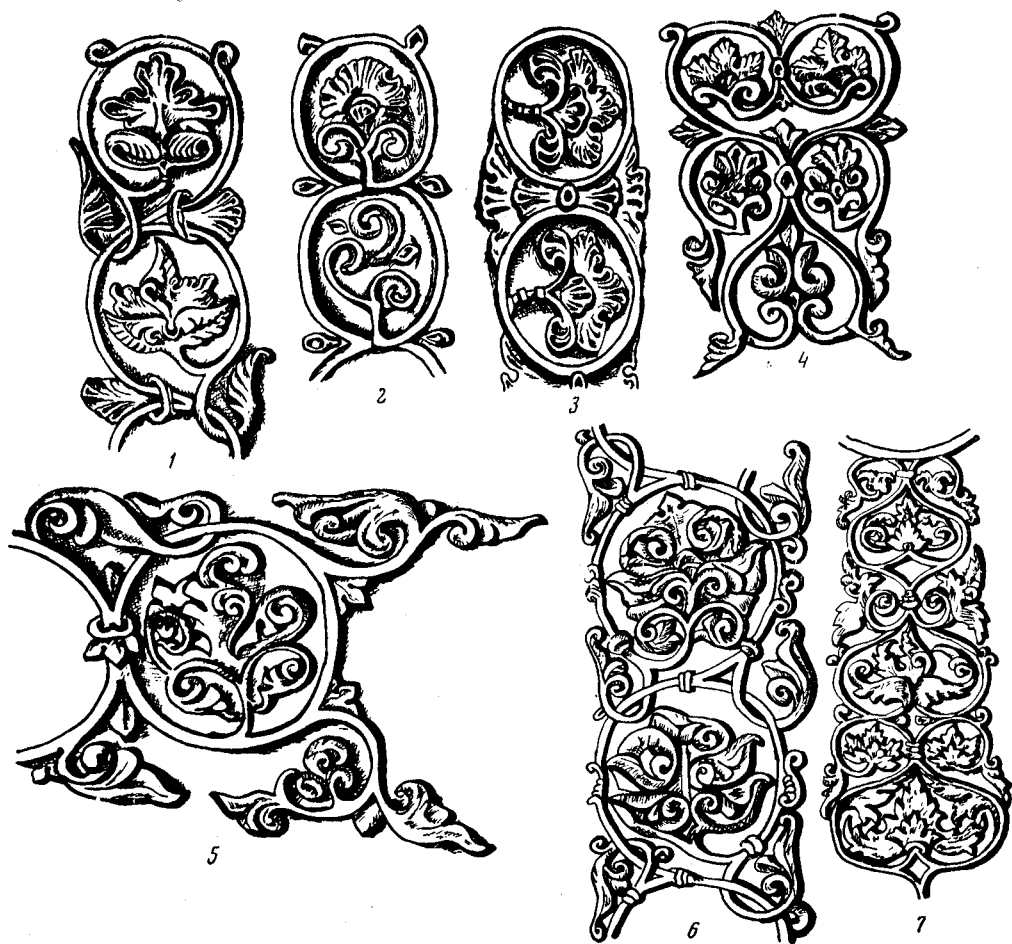

Рис. 8. Цветочный орнамент

1. Ковчег из Оружейной палаты. 2. Ставротeka из собрания Жокур. 3. Филофеевская ставротeka.
4. Реликварий Эрмитажа. 5. Гальберштадтская патена. 6. Ставротeka Эрмитажа. 7. Оклад из Сан-Марко.

Рис. 9. Патепа из сокровищницы Сан-Марко.

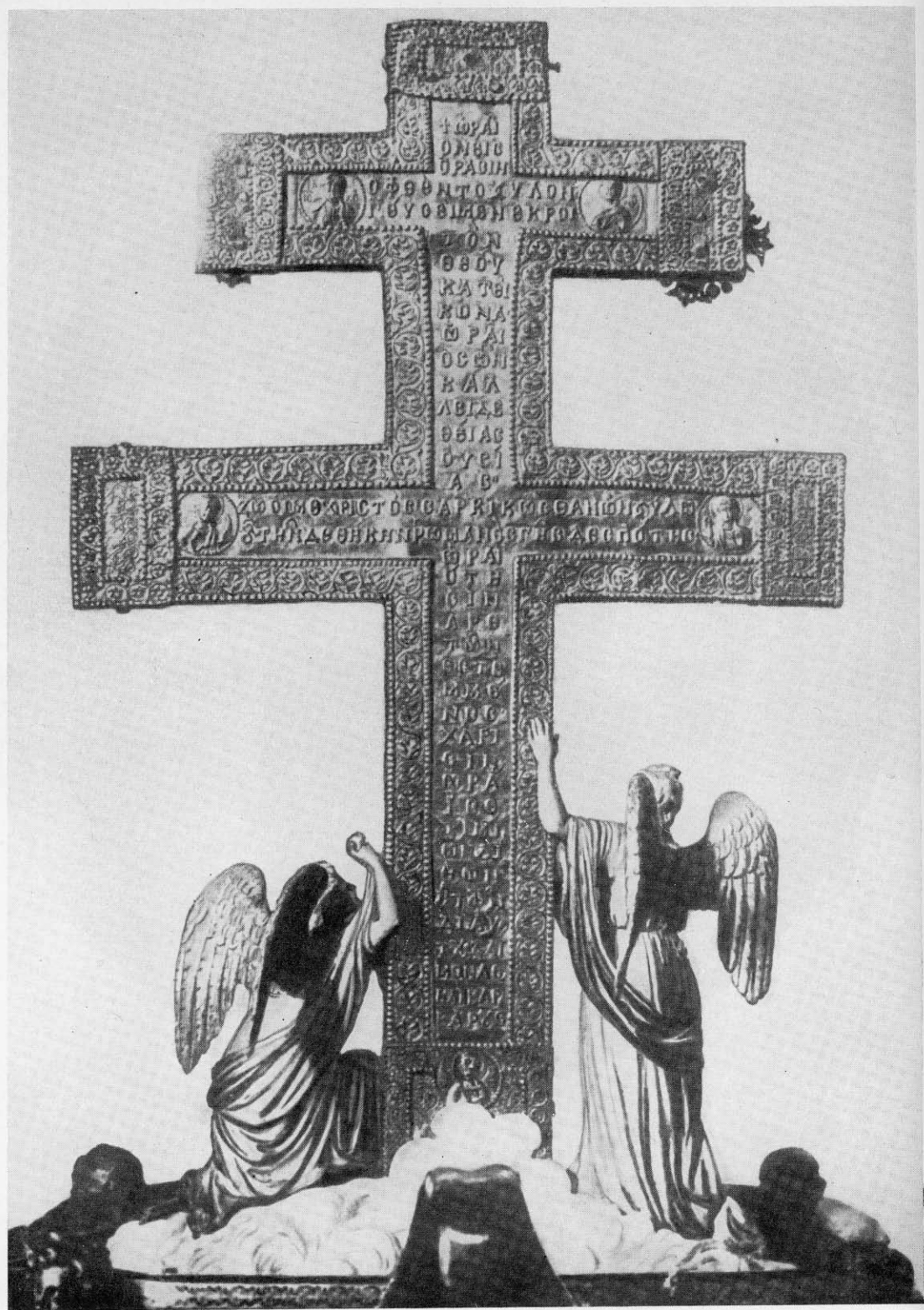

Рис. 10. Крест из Мاستрихта.

Рис. 11. Ковчег из Оружейной палаты.

Рис. 12. Схема эволюции пальметок.

1. Ковчег из Оружейной палаты. 2—3. Ставротка Эрмитажа. 4. Ставротка из церкви Квирика и Ивлиты.

Рис. 13. Гальберштадтская патена. Деталь: св. Афанасий.

Рис. 14. Оклад евангелия из сокровищницы Сан-Марко в Венеции.

Рис. 1. Диптих. Сретенье. Эрмитаж, Ленинград.

Рис. 2. Диптих, деталь:
Сретенье. Кафедральная
сокровищница, Милан.

а

б

Рис. 3, а—г. Два диптиха: Богородица, Христос; Павел и Петр.
Государственная библиотека, Бамберг.

в

г

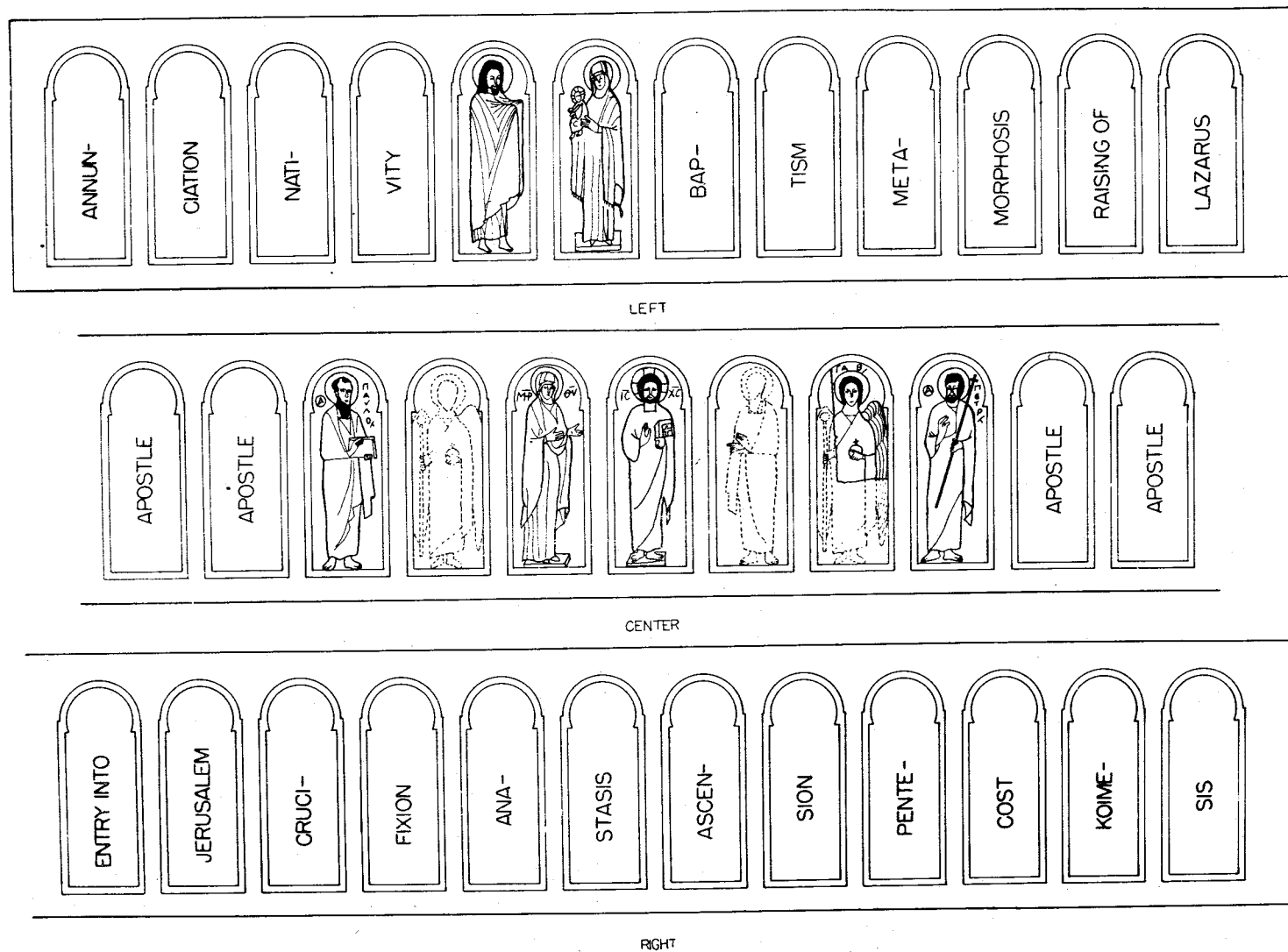

Рис. 4. Реконструкция эпистилия из пластинок слоновой кости.

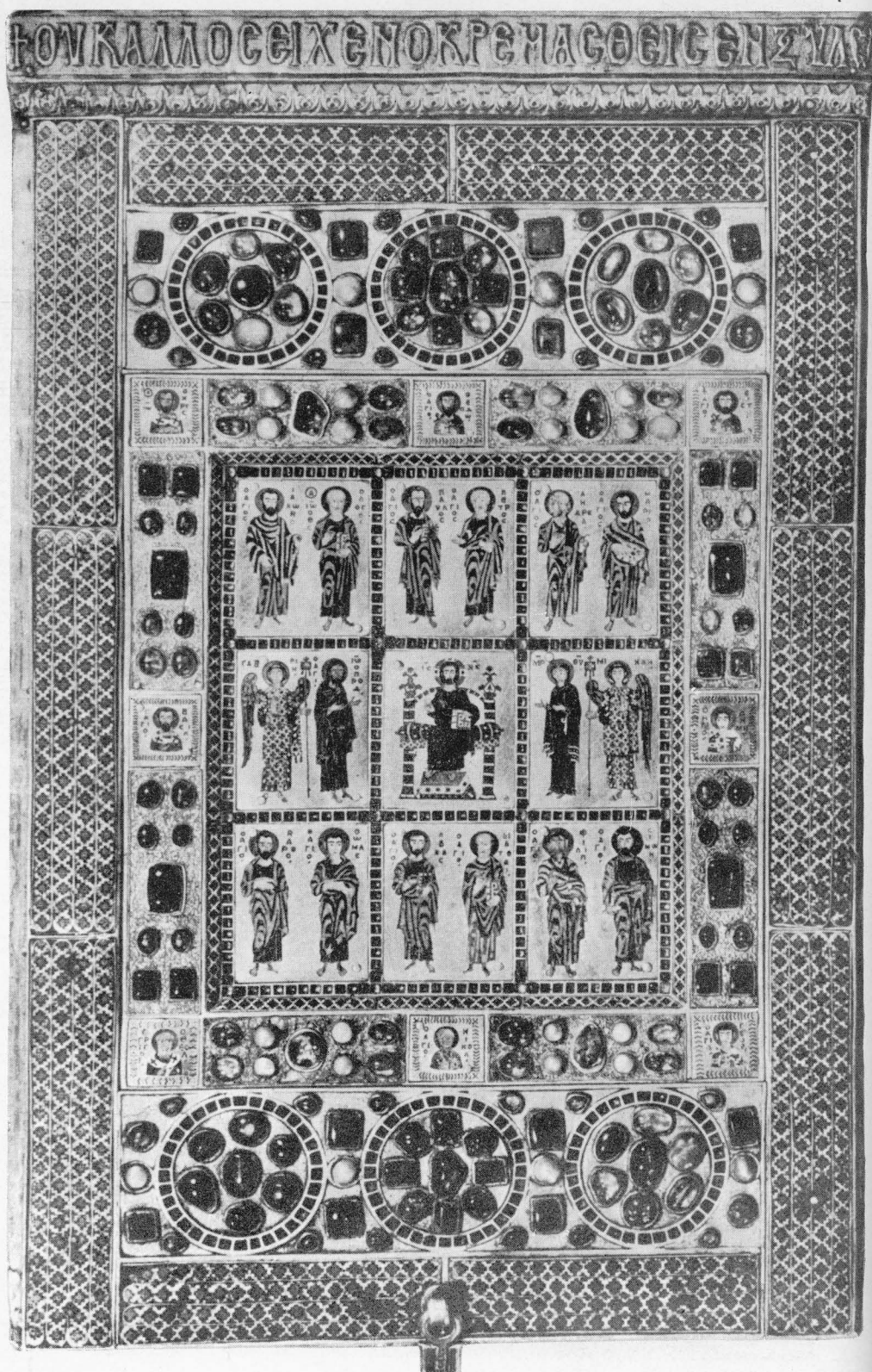

Рис. 1. Лимбургская ставроотека (лицевая сторона).

Рис. 6. Икона. Омовение ног. Синай.

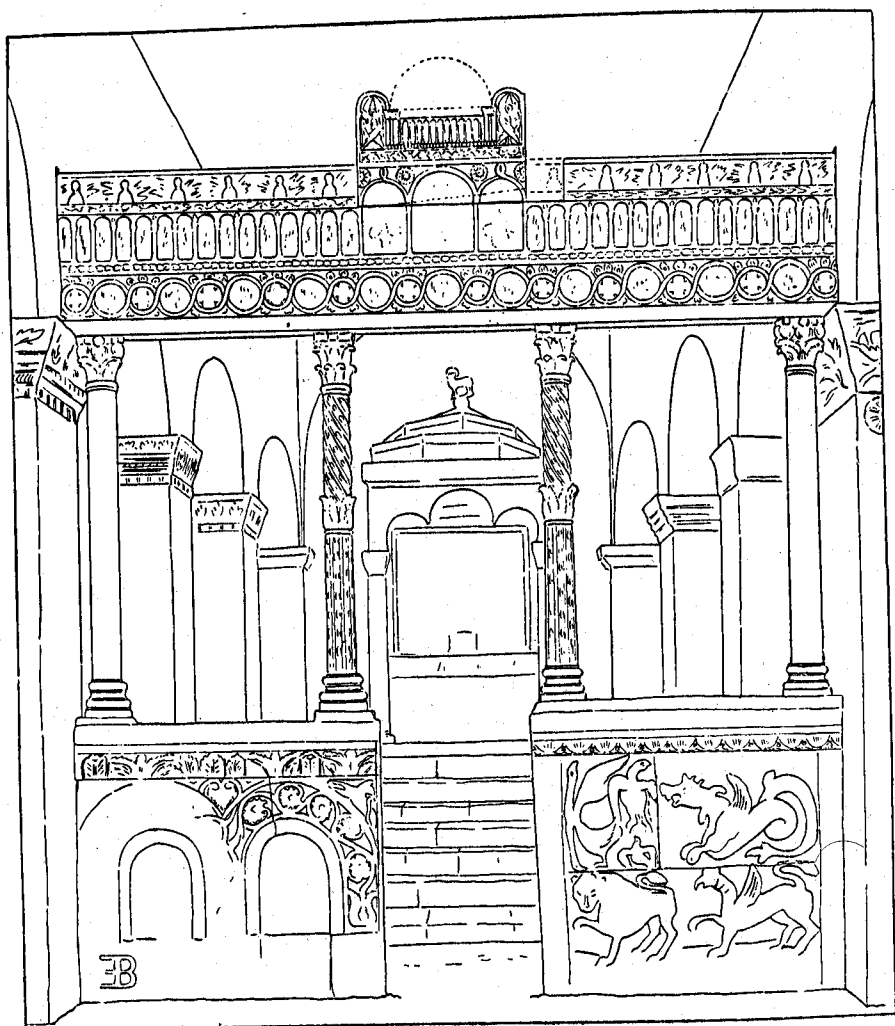

Рис. 7. Иконостас (по Берто). Санта-Мария ин Валле Поркланета.

Рис. 1. Собор архангелов Михаила и Гавриила. Икона из Великого Устюга. Вторая половина XIII в.—начало XIV в. Ленинград, Русский музей.

Рис. 2. Собор архангелов Михаила и Гавриила. Икона из Великого Устюга. Деталь.
Спас Эммануил. Вторая половина XIII — начало XIV в.

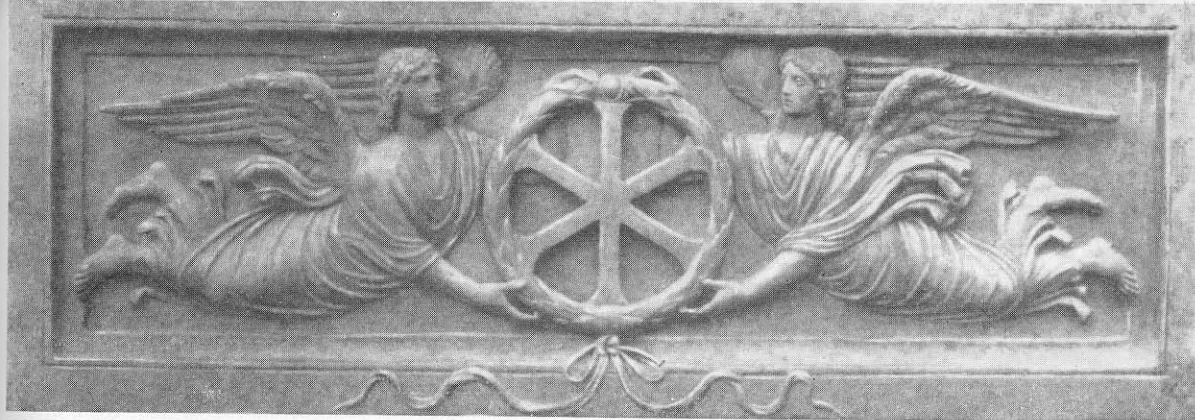

Рис. 3. Прославление креста. Барельеф на стенке саркофага. Вторая половина IV в.
Стамбул, Археологический музей.

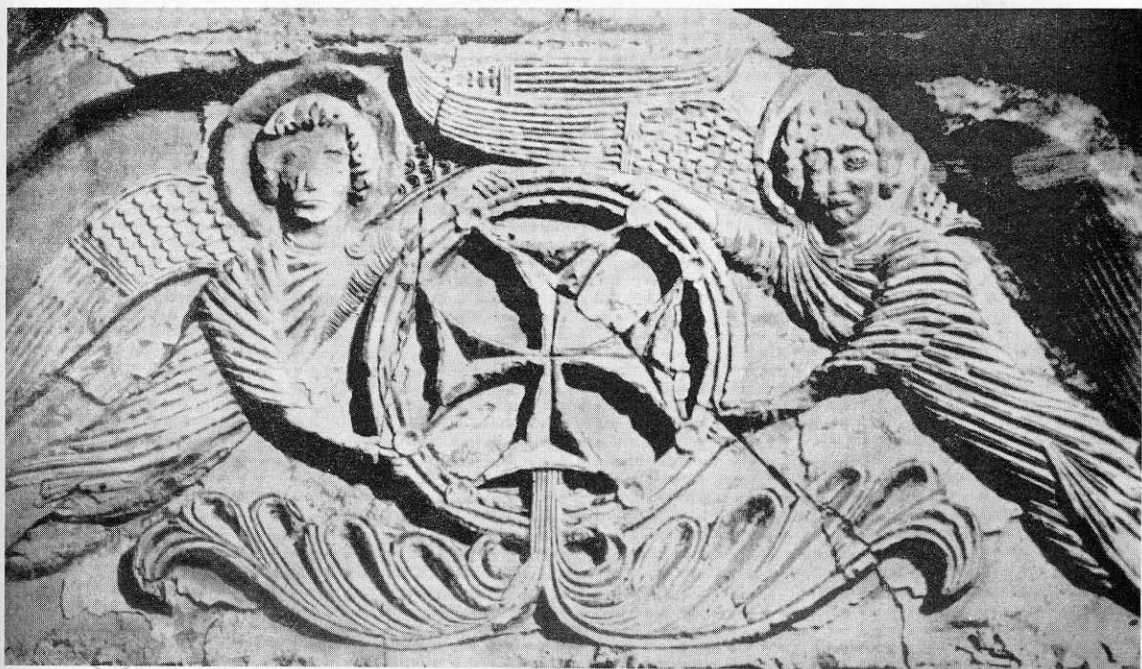

Рис. 4. Прославление креста. Рельеф в тимпане южного входа храма Джвари в Мцхета,
Грузия. Начало VII в.

Рис. 5. Прославление Христа. Малый рельеф храма Джвари в Мцхета, Грузия.
Начало VII в.

Рис. 6. Архангелы Михаил и Гавриил. Каролингская миниатюра в Евангелии, хранящемся в ризнице собора в Трире. Около 730 г.

Рис. 7. Силы небесные (ΑΡΧΗ, ΔΥΝΑΜΙς). Мозаика вимы Успенской церкви в Никее.
После 842 г. (разрушена в 1922 г.).

Рис. 8 (вверху). Никифор, патриарх константинопольский, торжествует победу над иконоборческим патриархом Иоанном Грамматиком и апостол Петр, попирающий Симонамага. Миниатюра из Хлудовской Псалтири. Вторая половина IX в. Москва, ГИМ, гр. 129, л. 51 об.

Рис. 9 (внизу). Никифор, патриарх константинопольский, и Феодор Студит. Миниатюра из Псалтири 1066 г. Лондон, Брит. музей, Add. 19352, л. 27 об.

Рис. 10. Богоматерь Никопея. Алтарная фреска церкви св. Софии в Охриде. XI в.

Рис. 11. Богоматерь Знамение (Оранта). Алтарная фреска в церкви Спаса на Нередице близ Новгорода. 1199 г. Не существует (разрушена во время второй мировой войны).

Рис. 12. Архангел Михаил. Фреска в церкви Спаса на Нередице близ Новгорода. 1199 г. Не существует (разрушена во время второй мировой войны).

Рис. 13. Архангел Гавриил. Стеатит. XII в. Фьезоле, Музей Бандини.

Рис. 14. Собор архангелов Михаила и Гавриила. Икона в грузинском чеканном окладе XII в. Сванетия, церковь Архангела в Пхотрере.

Рис. 15. Фреска в церкви Богоматери Елеусы в Велюсе, Македония.
После 1180.

Рис. 16. Собор архангелов. Грузинская фреска в церкви св. Григория в Ани.
Около 1215 г.

Рис. 17. Собор архангелов Михаила и Гавриила. Мозаика в Capella del Sacramento в соборе св. Марка в Венеции. Конец XIII в. (?).

Рис. 18. Собор архангелов Михаила и Гавриила. Фреска в церкви св. Георгия в Старо-Нагоричино. 1318 г.

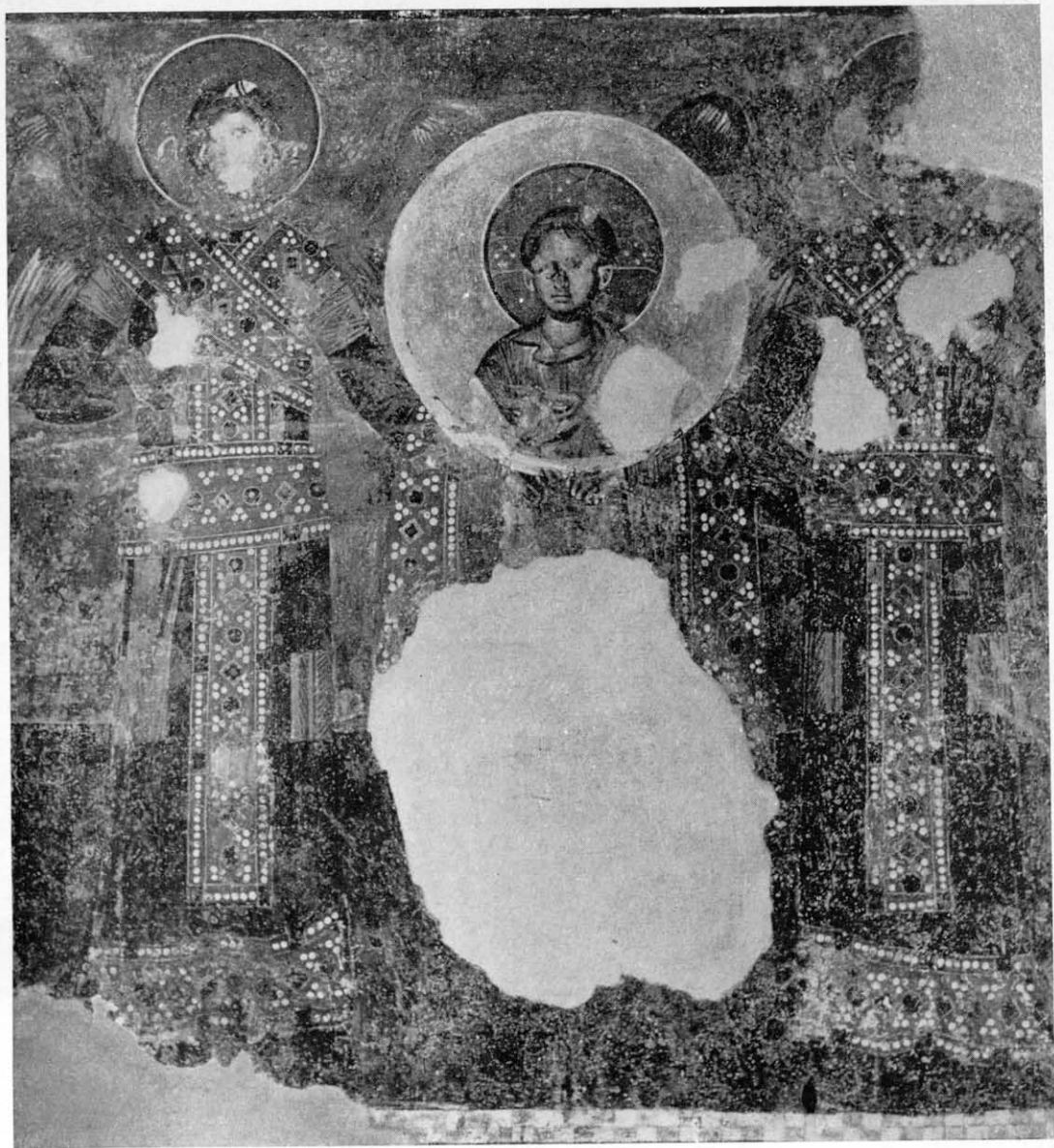

Рис. 19. Собор архангелов Михаила и Гавриила. Фреска в церкви Спасав Жиче. XIV в.

Рис. 20 (сверху). Роспись северного склона свода церкви св. Петра в Беренде, Болгария. XIV в. Деталь.

Рис. 21 (снизу). Роспись южного склона свода церкви св. Петра в Беренде, Болгария. XIV в. Деталь.

Рис. 22. Собор архангелов Михаила и Гавриила. Икона начала XV в. Москва, Третьяковская галерея.

Рис. 23. Собор архангелов. Икона XVI в. Москва, Третьяковская галерея.

Рис. 24. Собор архангелов и прочих бесплотных сил. Таблетка конца XV в. Музей в Новгороде.

Рис. 25. Собор архангела Гавриила. Икона из иконостаса придела архангела Гавриила Благовещенского собора Московского Кремля. XVII в. (нынешнее местонахождение неизвестно).

Рис. 1. Эммануильский чип. Икона XII в. ГТГ.

Рис. 2. Оклад из слоновой кости. IX в. Христианский музей, Ватикан.

Рис. 3. Архангел Михаил. Икона конца XIII—начала XIV в. ГТГ.

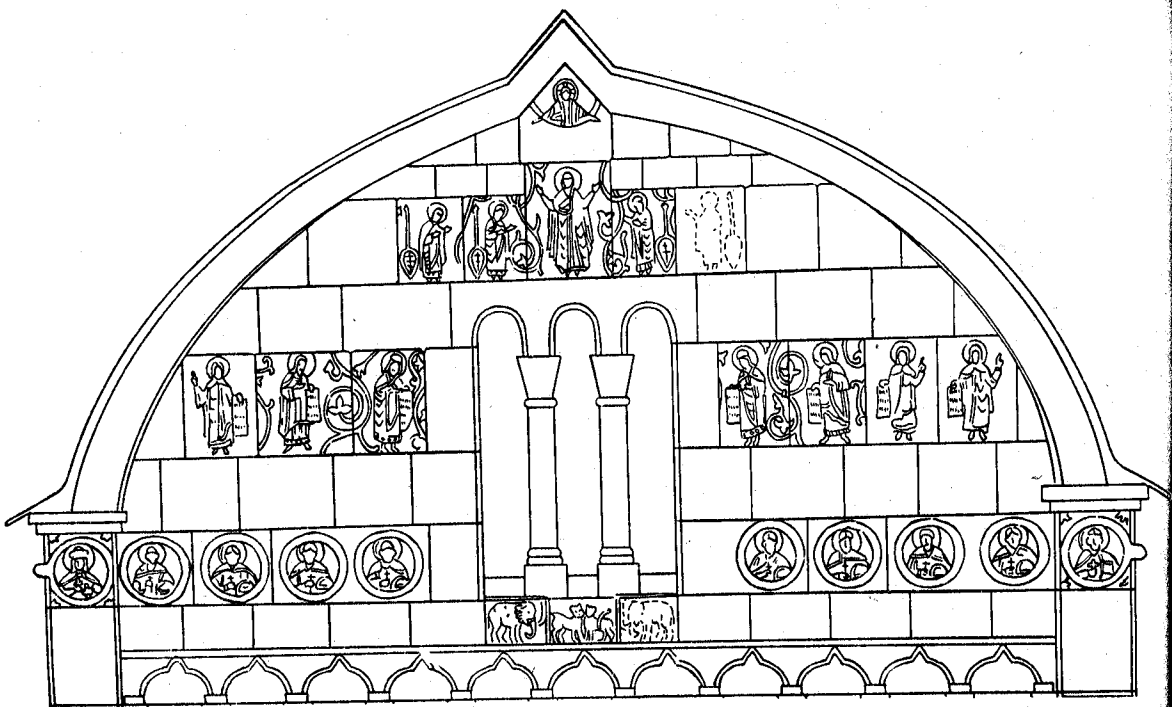

Рис. 4. Георгиевский собор. Второй ярус западного притвора. 1230—1234 гг.
Реконструкция Г. К. Вагнера.

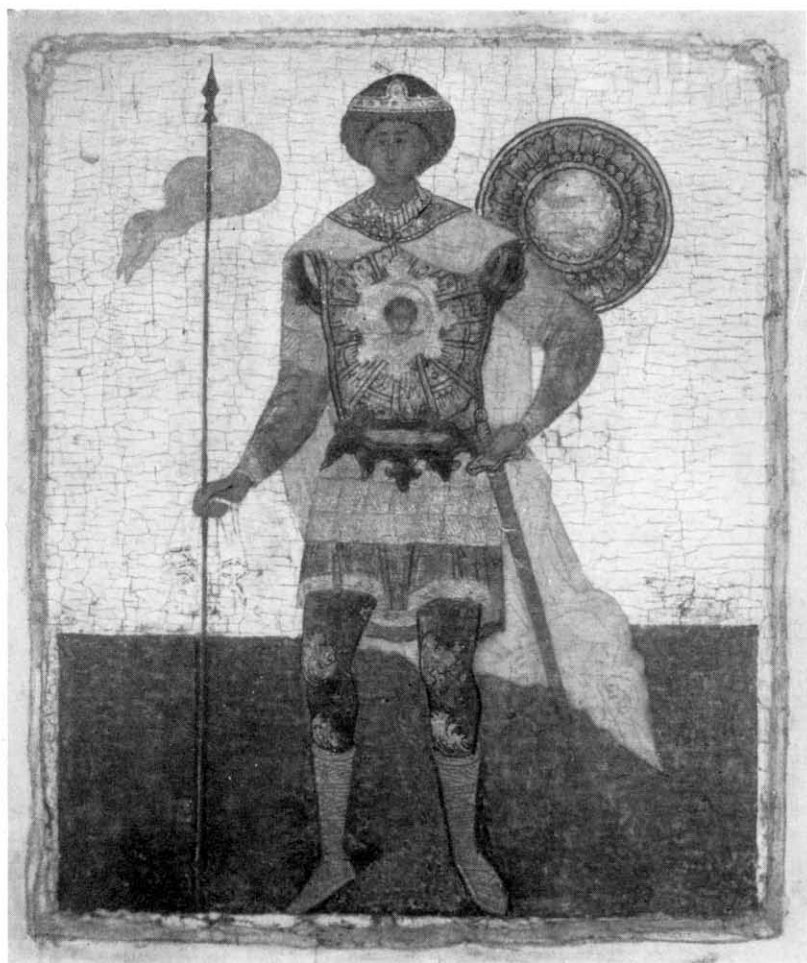

Рис. 5. Георгий. Икона середины XVI в. ГТГ.

Рис. 6. Владимир, Борис и Глеб. Деталь. Моление Бориса перед шатром.
Икона первой трети XVI в. ГТГ.

Рис. 7. Битва суздальцев с новгородцами. Икона XVI в. Частное собрание. Пропись

Рис. 8. Донце стеклянного сосуда. IV—V вв. (по Garrucci).

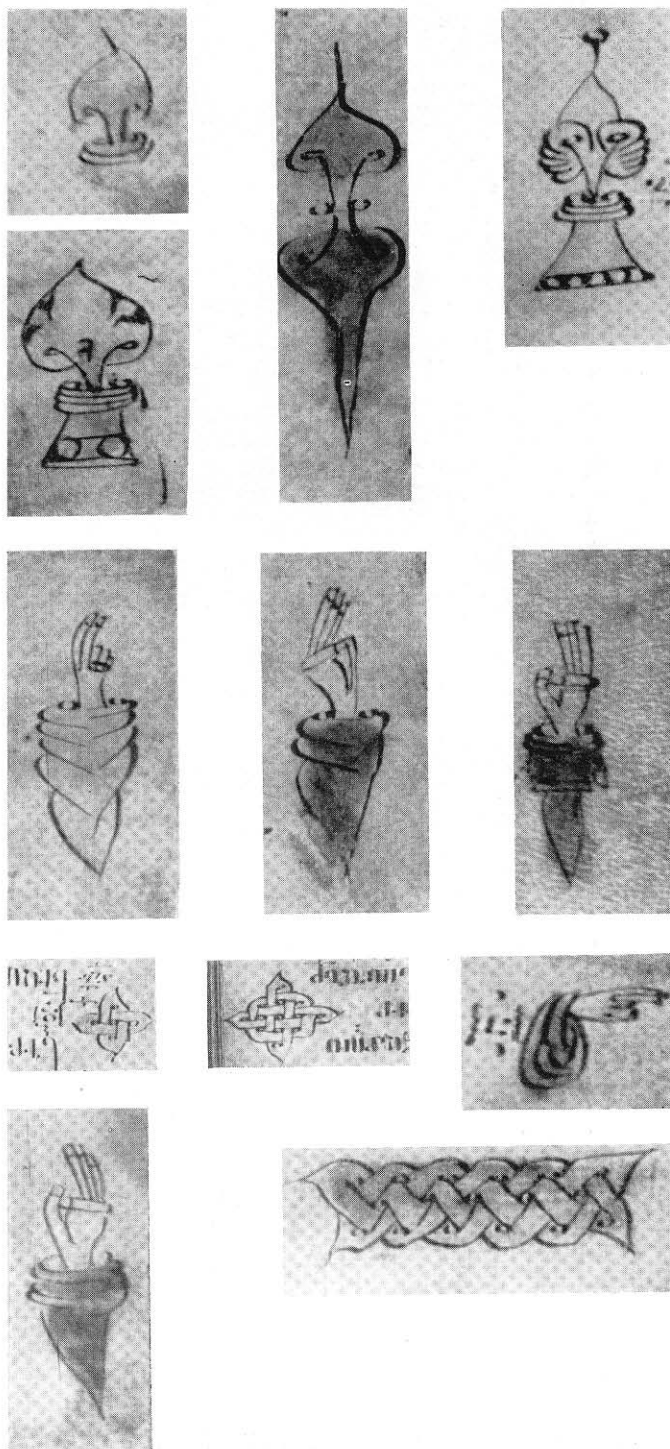
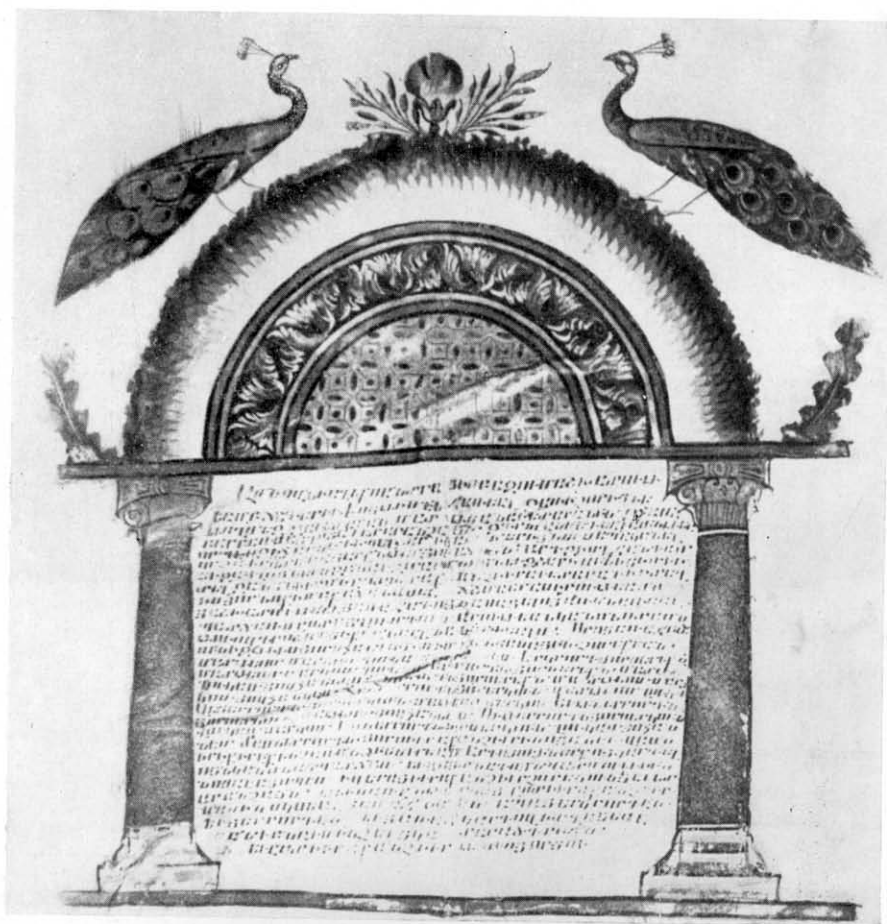

Рис. 1. Образцы маргиналов Евангелия 1033 г. (Матенадаран, № 283).

Рис. 2. Плетеный крест (желтые и
белые ленты).
Хишатакараны II и III, л. 180 об.
Евангелие 1033 г. (Матенадаран,
№ 283).

Рис. 3. Первая страница пролога,
л. 1. Евангелие Э (Матенадаран,
№ 2374).

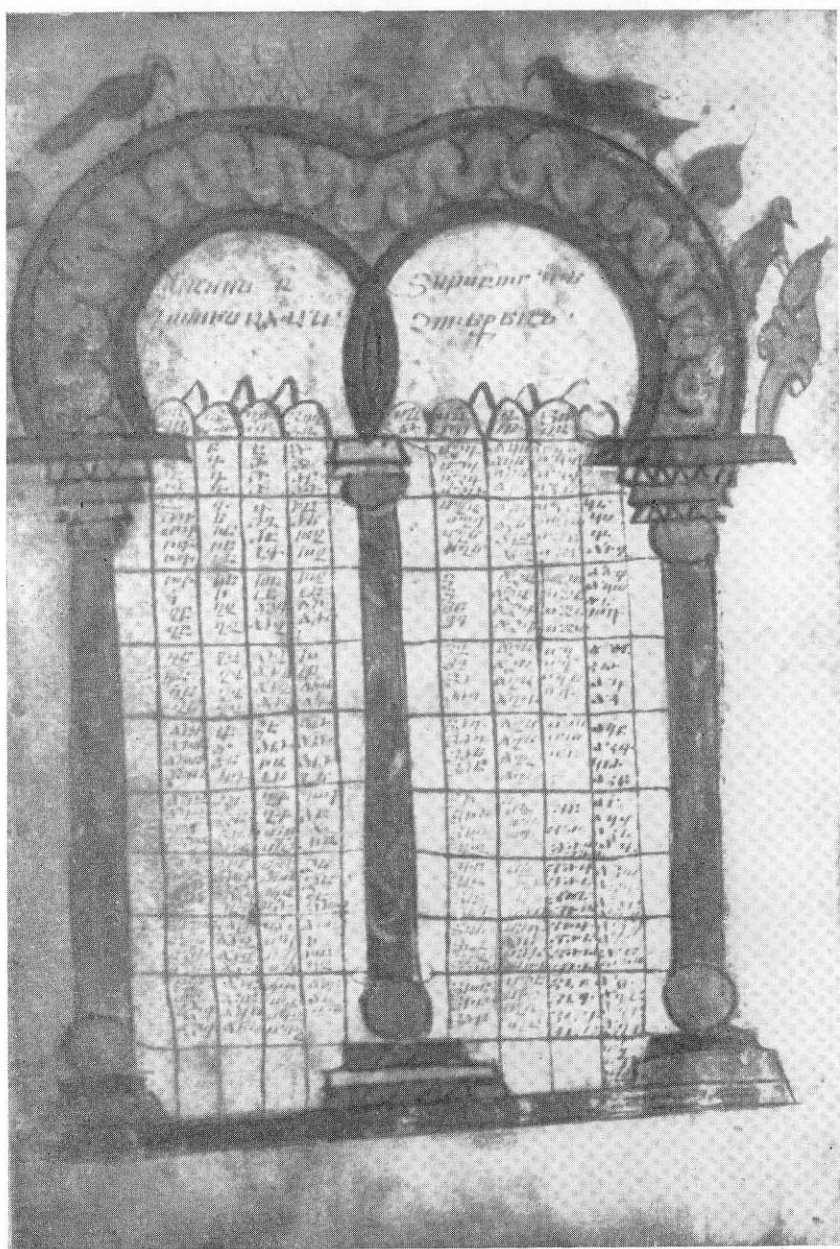

Рис. 4. I канон, л. 2 об. Евангелие 1033 г. (Матенадаран, № 283).

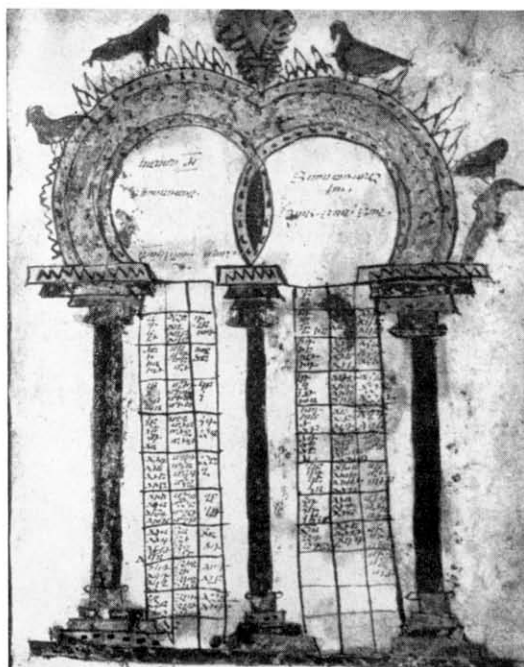
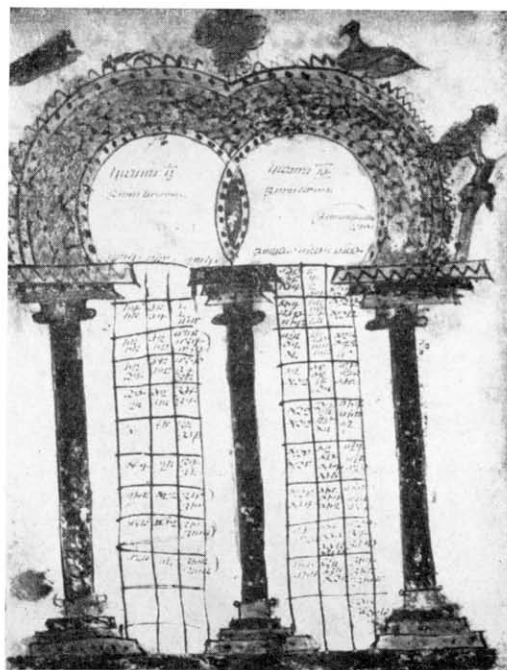

Рис. 6. Канон VIII, IX, X (Мт. 2), л. 5 об. Евангелие 1033 г. (Матенадаран, № 283); Канон X. Лк. (2); Мк. (1); И. (3), л. 6. Евангелие 1033 г. (Матенадаран, № 283).

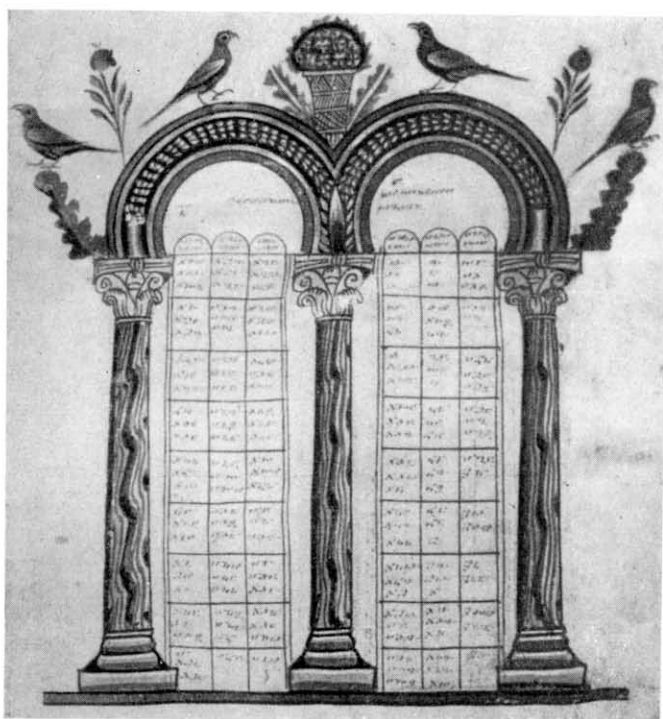

Рис. 7а. Канон IV и V. Евангелие Э, л. 3 об. (Матенадаран, № 2374).

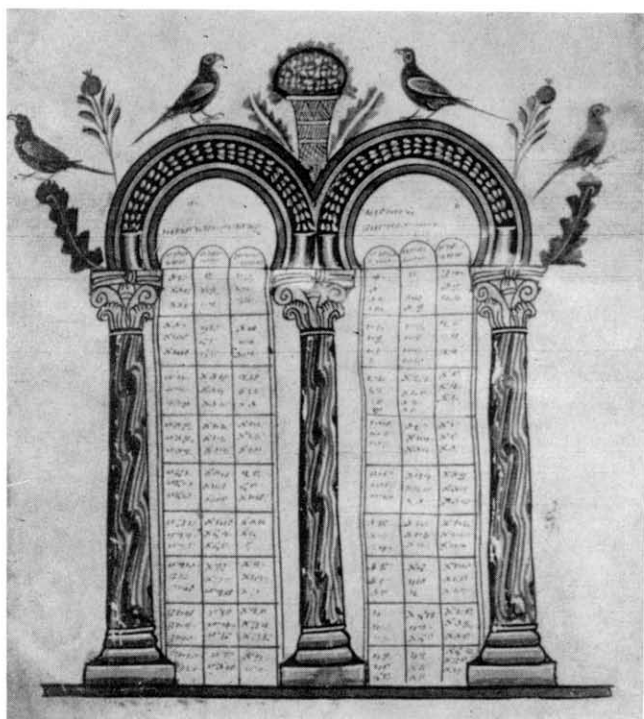

Рис. 7б. Канон V и VI. Евангелие Э, л. 4. (Матенадаран, № 2374).

Рис. 8. Евангелисты, л. 7 об. Евангелие 1033 г. (Матенадаран, № 283).

Рис. 9. Донаторы, л. 8. Евангелие 1033 г. (Матенадаран, № 283).

Рис. 10. Поклонение волхвов и пастухов, л. 6 об. Евангелие 1033 г.
(Матенадаран, № 283).

Рис. 11. Крещение, л. 7. Евангелие 1033 г. (Матенадаран, № 283).

Рис. 12. Надгробная стела из Талина VI—VII вв.
(Армения).

Рис. 13. Надгробная стела из Талина VI—VII вв.
(Армения).

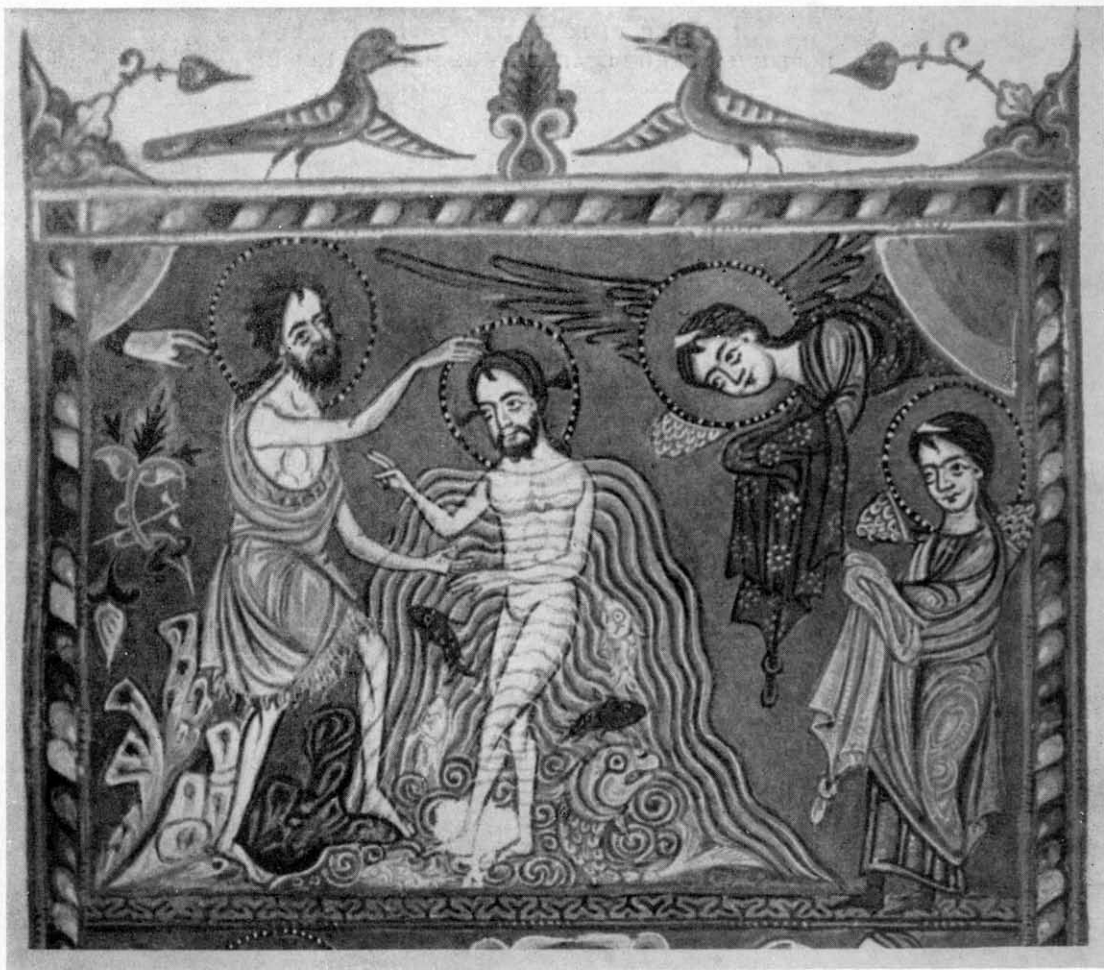

Рис. 14. Крещение. Евангелие 1336 г., л. 106 об. (Матенадаран, № 123).

К СТАТЬЕ В. В. КРОПОТКИНА.
НОВЫЕ НАХОДКИ ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ В КЕРЧИ

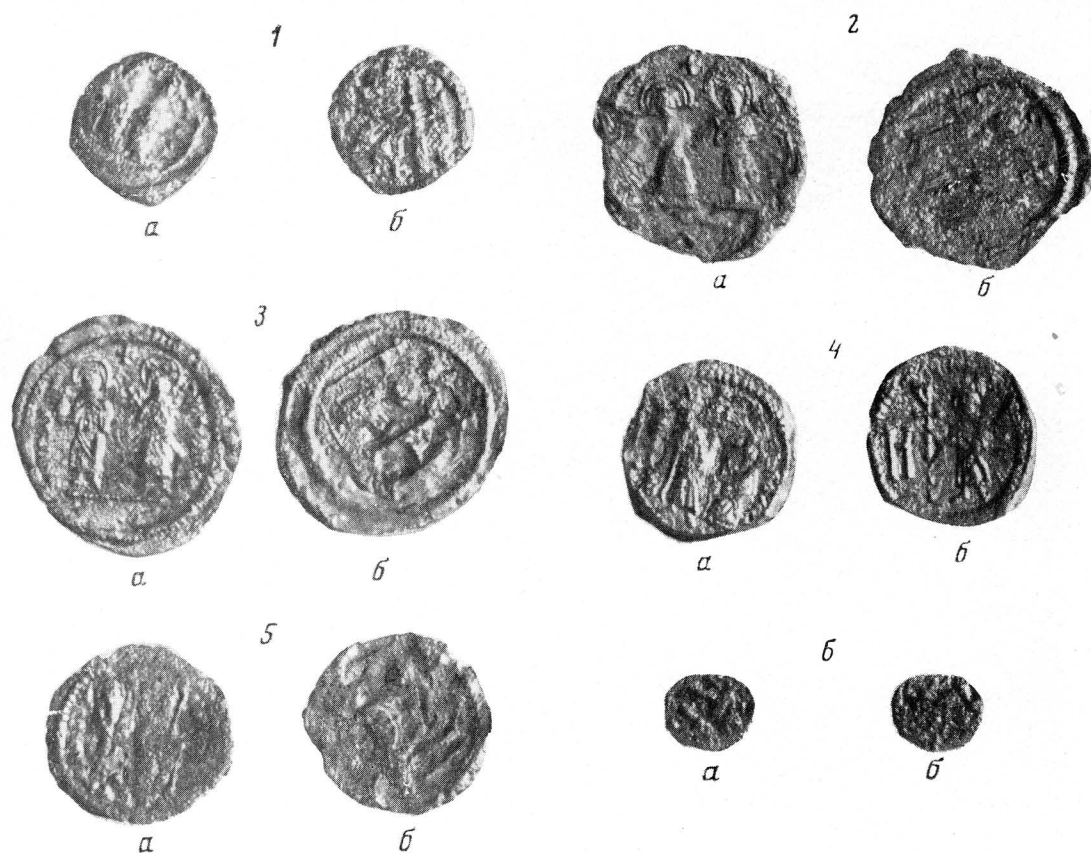

Рис. 1. Византийские монеты из раскопок в Керчи (1963—1964 гг.)

Рис. 1. Индикации с византийских монет.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Статьи

З. В. Удальцова (Москва). Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы	3
А. А. Чекалова (Москва). Народ и сенаторская оппозиция в восстании Ника	24
А. И. Романчук (Свердловск). Античные традиции в гончарном ремесле средневекового Причерноморья	40
А. П. Каждац, М. А. Заборов (Москва). Гийом Тирский о составе господствующего класса в Византии (конец XI—XII в.)	48
В. А. Сметанин (Свердловск). Наемные работники поздневизантийской деревни	55
А. А. Зимин (Москва). Максим Грек и Василий III в 1525 г.	61
В. Г. Брюсова, Я. Н. Щапов (Москва). Новгородская легенда о Мануиле, царе греческом	85
С. В. Полякова (Ленинград). О хронологической последовательности романов Евматия Макремволита и Феодора Продрома	104
Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Каталог греческих рукописей ленинградских храпилиц. Выпуск 8. Добавления, поправки и указатели	109
А. В. Банк (Ленинград). Опыт классификации византийских серебряных изделий X—XII вв.	131
К. Вейцман (Принстон, США). Диптих слоновой кости из Эрмитажа, относящийся к кругу императора Романа	142
Г. И. Вздорнов (Москва). ΣΥΝΑΞΙΣ ΤΩΝ ΑΡΧΑΓΓΕΛΩΝ	157
Г. В. Попов (Москва). Некоторые вопросы изучения воинской тематики в русском средневековом искусстве	184
Т. А. Измайлова (Ленинград). Традиции Эчмиадзинского Евангелия в миниатюрах рукописи 1033 г. (Матенадаран, № 283)	204
В. В. Кропоткин (Москва). Новые находки византийских монет в Керчи	216
Э. В. Ртвеладзе, А. П. Рунич (Ташкент, Кисловодск). Находки индикаций византийских монет вблизи Кисловодска	219
И. П. Медведев (Ленинград). Поздние копии византийских документов в собрании Библиотеки Академии наук СССР	223

Критика и библиография

Р е ц е н з и и

П. В. Тивчев (София). З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969	232
В. Д. Королюк (Москва). В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968	240
Й. Николов (София). Димитър Ангелов. Богомилството в България. София, 1969.	243
С. С. Аверинцев (Москва). I. Rochow. Studien zu der Person, den Werken und dem Nachleben der Dichterin Kassia («Berliner Byzantische Arbeiten», Band 38). Berlin, 1967	249
А. П. Каздан (Москва). Немецкий перевод Никиты Хониата.	251

А н н о т а ц и и

Э. Хинтибидзе. Византийско-грузинские литературные взаимоотношения. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.)	256
A. Guillou. Saint-Nicolas de Donnoso (1031—1060/61). Città del Vaticano, 1967	257

J. Longnon, P. Topping. Documents sur le régime des terres dans la principauté de Moreé au XI ^e siècle. Paris, 1969	258
Eud. Th. Tsolakis. 'Η Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη (Ioannes Skylitzes Continuatus). — «Ἑταιρεία Μακεδονικῶν σπουδῶν», 105. Θεσσαλονίκη, 1968	259
F. Dölger, J. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt: Die Kaiserurkunden. München, 1968	261
P. Knoch. Studien zu Albert von Aachen. Der erste Kreuzzug in der deutschen Chronistik. Stuttgart, 1966	263
R. Browning. Medieval and Modern Greek. Hutchinson University Library. London, 1969	266
Byzantinistische Beiträge, herausgegeben von J. Irmscher. Gründungstagung der Arbeitsgemeinschaft Byzantinistik in der Sektion Mittelalter der Deutschen Historiker-Gesellschaft vom 18. bis 21. IV 1961. in Weimar. Berlin, 1964.	267

Хроника

Четвертая советско-французская конференция историков	272
--	-----

Публикации

В. В. Кучма (Волгоград). Νόμος στρατιωτικός (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права)	276
Список сокращений	285
Иллюстрации	287

Византийский временник, том 32

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории АН СССР

Редактор Б. Л. Фонкич. Редактор издательства Ф. Н. Арский
Технический редактор И. А. Макогонова

Сдано в набор 16/VII 1971 г. Подписано к печати 30/XI 1971 г. Бумага № 2. Усл. печ. л. 25,2 +
+ 6,15 вкл. Уч. изд. л. 32,8. Тираж 1500 экз. Тип. зак. № 456. Цена 2 р. 26 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12